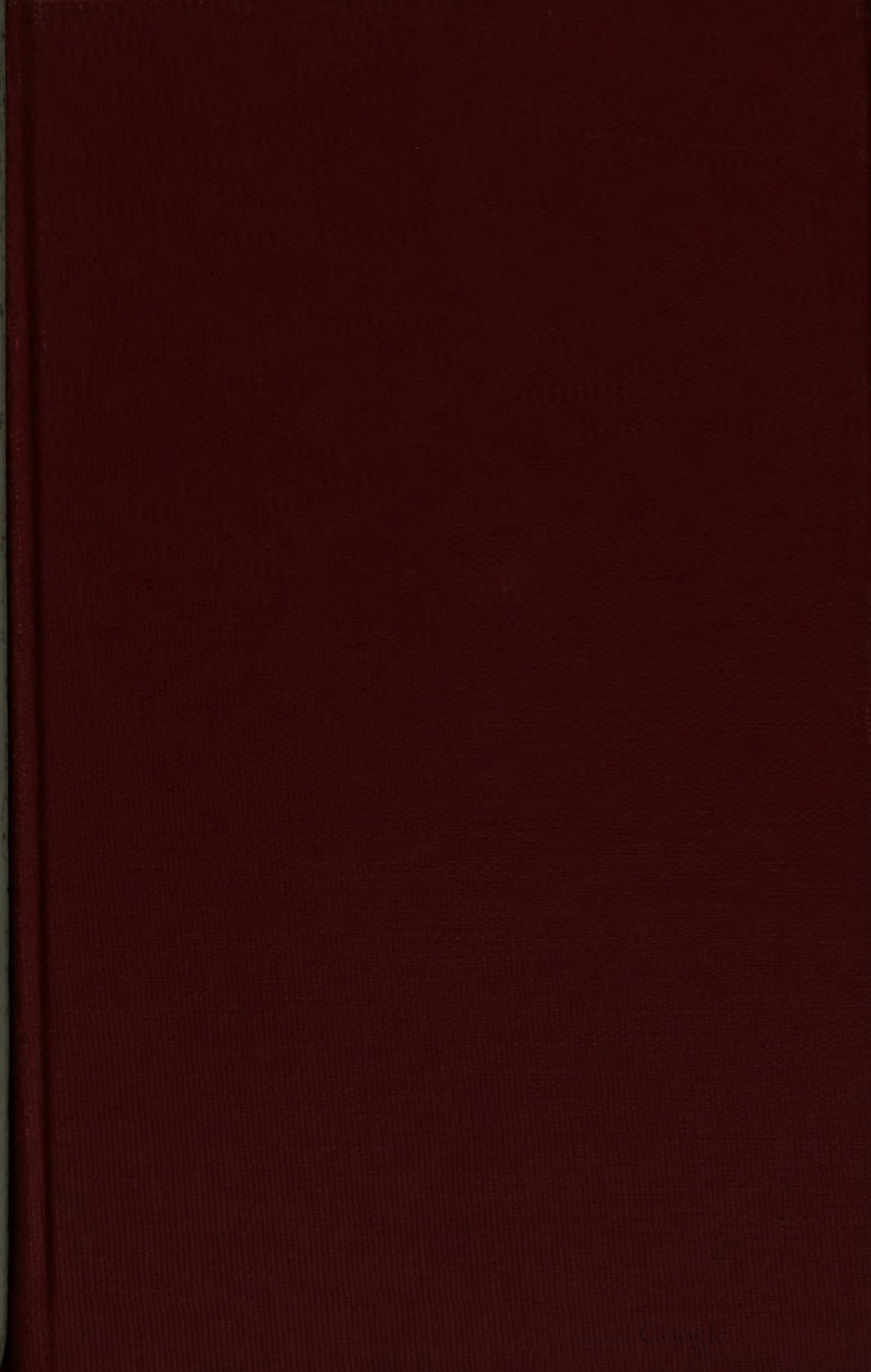
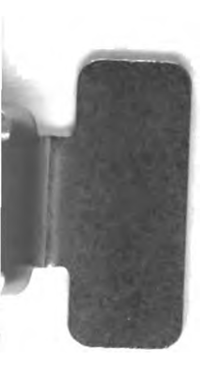

VE RI
TAS

Открыта подписка на 1902 г.

(третій годъ изданія) на

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

новой литературы и исторической науки.

Направленіе нашего изданія и его задачи въ достаточной степени выяснились за первые два года.

Пополнивъ составъ нашей редакціи новыми выдающимися представителями современной мысли, мы расширяемъ нашу программу, вслѣдствіе чего нами будетъ отведено значительное мѣсто, наряду съ исторіей, и вопросамъ современности.

Стремясь отвѣчать на запросы жизни, дорожа ближайшей духовной связью съ нашими читателями, мы поставили себѣ цѣлью сдѣлать журналъ доступнымъ по цѣнѣ возможно большему кругу лицъ.

Въ приложеніи (съ особой нумераціей страницъ) мы дадимъ на будущій годъ **„Исторію новой русской литературы“**, совершенно новое изслѣдованіе въ этой области ***М. Н. Мазаева***, и кромѣ того будетъ продолжена изданіемъ: **„Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ“ — „Исторія Китая“** проф. Роберта Дугласа и **„Исторія Финляндіи“** за новѣйшій періодъ этой страны въ изложеніи Н. К. Ядрышева, а также **„Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ“ — „Анджело Борджіа“**, истор. ром. извѣстнаго нѣмецкаго писателя Мейера.

Въ журналѣ будутъ печататься беллетристическія произведенія **Жеромскаго, Ожешко, К. Тетмайера, Якобовскаго, Стриндберга, Іоганни Ахо, Габріеля д'Аннунціо** и мн. др.

Въ области искусства наше изданіе дастъ **цѣлый рядъ статей** по вопросамъ искусства ***П. Ге*** и **цѣлый рядъ снимковъ** съ художественныхъ произведеній.

Съ декабря и января начнутся печатаньемъ романы изъ современной жизни: *Станислава Пшибышевскаго* — **„Сыны земли“** и **„По новому“** *М. В. Головинскаго.*

Первая книга за 1902 г. выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года.

Подписная цѣна на годъ (съ декабря по декабрь) съ доставкой и пересылкой ***6*** р., на полгода ***3*** р. и за границу ***9*** р.

Для ознакомленія подписка на мѣсяцъ съ платой 50 коп.

Подписку принимаютъ всѣ книгопродавцы.

Контора и редакція на Милліонной ул., д. 34, С.-Петербургъ, **отдѣленіе конторы при типографіи Исидора Гольдберга, Спб. Екатерининскій каналъ, 94.**

Въ Москвѣ подписку принимаютъ, кромѣ другихъ книгопродавцевъ, **контора Н. Печковской** — Петровскія линіи и магазинъ **„Книжное Дѣло“** — Моховая, д. Бенкендорфа.

Редакторъ-издатель ***С. Сухонинъ.***

B

Вѣстникъ Всемірной Исторіи

Ежемѣсячный журналъ

№ 12.
1901 г.

С

Для ближайшихъ нумеровъ 1902 г. намѣчены статьи

„Рабочій вопросъ въ средніе вѣка“ — проф. *Макси[м.] Ковалевскаго.*

„Наполеонъ-Императоръ“ — проф. *А. С. Трачевска[го].*

„Очерки по исторіи культуры“ — рядъ статей *К. Кау[т]скаго* — въ пер. *Г. Ѳ. Львовича.*

„Борьба партіи во Франціи за президенство Греви“ — *Х. Инсарова.*

„Индія. Китай, Англія“ — *Д. Сатурина.*

„Историко-этическое направленіе въ политической эк[о]номіи“ *П. А. Берлина.*

„Письма изъ Парижа“ — проф. *Ю. Гамбарова.*

„Письма изъ Америки“ — *И. Гурвича.*

„Воспоминанія петербургскаго старожила“ (о 14 де[к.] 1825 г.) Сообщ. *В. Б.*

„Почему Вильгельмъ II не любитъ Берлинъ“ — *А. Коврова.*

„Изъ заграничныхъ скитаній“ — *С. Сухонина.*

Беллетристическія произведенія:

„Злая роса“ — повѣсть *А. А. Вербицкой.*

„Сыны земли“ — *Станислава Пшибышевскаго.*

„Порывы“ — разс. изъ быта рудокоповъ *А. Гущина.*

„По новому“ — ром. *М. В. Головинскаго.*

„Чиновничьи дебри“ — очеркъ *С. Сухонина.*

„Ванюша“ — разск. *Е. Н. Лебедевой.*

„Вѣчный городъ“ — ром. *Холль Кэна.*

„Грѣхъ“ — *Дагны Пшибышевской.*

Статьи по художеств. вопросамъ *П. Н. Ге,* ст. *Кржи[ж]вицкаго, А. Суркова* и др.

Переводныя произведенія *Л. Якововскаго, А. Стрин[д]берга, Якобсена, К. Тетмайера, Жеромскаго, Э. Оржешко[й], Артура Шницлера* и др.

Въ приложеніи:

1) „Исторія новой руской литературы“ *М. Н. Мазаева.*
2) „Исторія Китая“ — проф. *Роберта Дугласа.*
3) „Исторія Финляндіи за новѣйшій періодъ“ по Шюбергсон[у] и др. *Н. К. Ядрышева.*
4) „Анджело Борджіа“ — истор.-ром. *Мейера.*

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

НОЯБРЬ

№ 12

Второй годъ изданія

С.-Петербургъ
1901

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I

СОДЕРЖАНІЕ „ВѢСТНИКА ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ“

ЗА 2-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

(*Декабрь 1900—Ноябрь 1901 г.*).

I. Статьи общаго характера.—Философія исторіи.

II. Исторія Россіи и входящихъ въ нее областей.

III. Исторія иностранныхъ государствъ.

IV. Исторія литературы, просвѣщенія и искусства.—Біографіи.—Мемуары.

V. Исторія быта.

VI. Беллетристика.

VII. Странички прошлаго.

а) Изъ русской жизни.

б) Изъ иностранной жизни.

Пятидесятые годы.

(Изъ воспоминаній о войнѣ 1853—55 г.).

(*Окончаніе*).

ГЛАВА VI.

Кончина императора Николая I.—Воспоминанія моего отца о Николаѣ I.—Случай съ Бервадскимъ. — Смотръ послѣ шторма. — Удачная тактика Шпеера.—Пикировка паролями. — Защита побережья. — Бездѣйствіе непріятеля.—Балъ на плавучей батареѣ.

Зимой 55 года умеръ императоръ Николай I въ началѣ поста. О безнадежномъ состояніи его я узнала въ Петербургѣ въ домѣ тетки, сестры отца моего, Н. Р. Алимпьевой. Утромъ газеты принесли вѣсть о легкомъ гриппѣ. Вернувшійся къ обѣду мужъ тетки, А. П. Алимпьевъ, сказалъ, что газеты врутъ и государь безнадеженъ. Алимпьевъ былъ учителемъ русскаго языка, пользовавшимся въ мое время извѣстностью. Онъ давалъ, между прочимъ, уроки дѣтямъ одного министра, или товарища министра, и въ нѣкоторыхъ домахъ аристократіи, слѣдовательно, могъ получить вѣрныя свѣдѣнія. Дядя былъ товарищемъ по университету Никитенки, котораго я нерѣдко у него встрѣчала. Изрѣдка видясь съ дядей, я еще ребенкомъ слышала вырывавшіяся у него восклицанія, непонятныя, конечно, тогда, но запавшія въ память по тону злобнаго горя: „Всѣмъ скоро надѣнутъ намордники“, или: „Куда мы идемъ, куда мы идемъ!“ Съ моимъ отцомъ Алимпьевъ велъ горячіе споры, о чемъ, не знаю, потому что споры шли послѣ обѣда въ кабинетѣ, куда дамы не входили; помню, что, уважая отца, какъ человѣка, онъ иронически отзывался о его взгля-

дахъ и говорилъ, что у брата Константина есть на все лекарство изъ аптеки на Аѳонѣ.

На другое утро мы отправились домой въ Кронштадтъ еще до полученія газеты. На другой день курьеръ привезъ вѣсть о смерти Николая I. Отецъ, какъ и другіе служаки, былъ глубоко опечаленъ смертью государя. Онъ помнилъ одно, что умеръ царь, которому, какъ вѣрноподданный, былъ преданъ безъ лести и котораго считалъ образцомъ великодушія и справедливости за слѣдующіе два случая, о которыхъ разсказывалъ съ дрожью умиленія въ голосѣ и подъ старость со слезами на глазахъ. Отецъ, бывшій адъютантомъ дивизіоннаго штаба, плавалъ съ адмираломъ, не помню, на какомъ кораблѣ, ни того, какой дивизіи. Послѣ трехсуточнаго шторма въ шхерахъ въ концѣ августа, когда свирѣпствовалъ нордвестъ, корабль добрался до кронштадтскаго рейда. Только что успѣли бросить якорь и начальство и команда съ наслажденіемъ думали о горячихъ щахъ и снѣ, какъ телеграфъ далъ знать, что изъ Петергофа идетъ пароходъ подъ императорскимъ флагомъ. Императоръ экспромптомъ захотѣлъ встрѣтить возвращавшуюся дивизію. Измученная команда принялась мыть, чистить, скрести, но сгладить въ какой-нибудь часъ сдѣлки отъ 72-часовой трепки не было никакой возможности. Обычный церемоніалъ встрѣчи—матросы рядами на реяхъ—былъ немыслимъ; и снасти были мѣстами порваны и иныя реи поломаны. Разставили людей, гдѣ было возможно, но отъ этого безпорядокъ на суднѣ еще издали кинулся въ глаза. Императоръ вошелъ на корабль недовольный и увидѣлъ еще невиданный нигдѣ безпорядокъ—порванныя снасти, поломанныя реи, станки пушекъ; мѣстами грязь, соръ, щепки, которыхъ не успѣли прибрать. Команда на половину въ мундирахъ, добрая половина которыхъ смокла отъ течи ли или отъ воды, проникавшей сверху черезъ люки, и не налѣзала, потому что мундиры шились въ обтяжку; впопыхахъ мундиры хватали, какой попало, лишь бы налѣзъ. Остальная команда оборванная, и общій видъ и одѣтыхъ въ мундиры и оборванныхъ не бравый, но унылый отъ предчувствія бѣды, изнуренный отъ трехсуточной трепки и аврала.

Императоръ вышелъ изъ себя и грозно распекъ всѣхъ, начиная отъ дивизіоннаго до команды. Всѣ слушали молча,

трепещущіе и нѣмые отъ страха. Одинъ отецъ, когда гроза коснулась команды, геройски работавшей во время шторма, выступилъ и твердо сказалъ: „Ваше величество, трое сутокъ штормъ терпѣли, команда не ѣла горячаго. Если бы не команда, мы бы не были здѣсь". Императоръ зорко и проницательно посмотрѣлъ въ устремленные на него глаза отца и прочелъ готовность кинуться въ огонь и воду за царя, и правду честнаго слуги, сказавшаго смѣлое слово изъ чувства справедливости. Смягчившійся императоръ разспросилъ о штормѣ и скоро уѣхалъ, приказавъ дать командѣ отдыхъ и по лишней чаркѣ водки. Передъ отъѣздомъ онъ спросилъ фамилію отца, которая была ему хорошо знакома, такъ какъ старшій братъ отца, Николай Романовичъ Цебриковъ, былъ декабристомъ. Гроза прошла счастливо, благодаря отцу, но не всегда она такъ проходила. Надъ нами въ офицерскомъ флигелѣ жилъ капитанъ ластовой или рабочей команды Бернадскій съ дочерью, высокій, худой, вѣчно нервно-запуганный старикъ. Онъ состарился преждевременно, пришибленный грозой, вызванной сходнымъ случаемъ. Императоръ также захотѣлъ встрѣтить пришедшую на рейдъ дивизію, также сильно потрепанную штормомъ. Онъ грозно спросилъ дивизіоннаго вице-адмирала Игнатьева, отчего такой безпорядокъ на кораблѣ; тотъ, трепещущій, пробормоталъ: капитанъ... Бернадскій, командовавшій кораблемъ, стоялъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха, бормоча что-то нечленораздѣльное. Николай I закричалъ, что адмирала въ отставку, капитана на салингъ (позорное наказаніе для офицера, такъ какъ на салингъ—верхнюю площадку на мачтѣ—посылали нижнихъ чиновъ). Потомъ наказаніе было смягчено—адмиралу выговоръ, капитану отставка, офицерамъ и командѣ выговоръ въ приказахъ. Бернадскаго перевели въ ластовые. Я помню его хорошо—добрый и жалкій старичекъ всегда имѣлъ такой несчастный видъ. Дочь Бернадскаго часто бывала у насъ и, когда у отца ея дѣлались припадки мучительной головной боли—слѣдствія вынесеннаго потрясенія, она съ горькими слезами и словами вспоминала эту грозу, убившую ея отца.

Другой случай, о которомъ разсказывалъ отецъ мой, былъ варіаціей перваго. Тоже вынесенный штормъ не менѣе сильный и послѣ котораго успѣли прибраться и почиститься. Ни-

колай I прiѣхалъ дѣлать смотръ съ Меншиковымъ. Онъ остался доволенъ видомъ судна и людей и захотѣлъ самъ командовать. Взявъ рупоръ, онъ скомандовалъ какой-то маневръ съ парусами, не помню какой, да если бы и помнила, то объяснить его дѣло спеціалистовъ. Помню хорошо только общій отзывъ моряковъ о томъ, что и въ тихую погоду, а не только—на еще неулегшемся послѣ бури волненіи, такой маневръ крайне рискованъ и очень легко положить на бокъ судно, даже вполнѣ исправное, а на этомъ—такелажъ, хотя красиво убранный на видъ, былъ ослабленъ и даже кое-чего не хватало,—потому что иные порванные концы были обрѣзаны, а попорченную снасть замѣнить было некогда. Команда царя прошла паникой по всему кораблю. Поблѣднѣвшій адмиралъ посмотрѣлъ на растерявшагося капитана, тотъ инстинктивно на отца, уже разъ выручившаго въ бѣдѣ. Отецъ, выступивъ, сказалъ: „Это невозможно, ваше величество". „Почему?" „Потому что пришлось бы рисковать жизнью нѣсколькихъ сотъ вашихъ подданныхъ." „Почему?" „Терпѣли штормъ и такелажъ расшатанъ". Этими двумя случаями императоръ заполонилъ душу отца.

Другіе моряки поступали въ подобныхъ случаяхъ съ своеобразною дипломатіею. Отставной контръ-адмиралъ Василій Абрамовичъ Шпееръ, нашъ родственникъ, командовалъ кораблемъ „Россія", прозваннымъ „коровой" за неуклюжіе, громадные и тяжелые размѣры. Николай I особенно интересовался этимъ кораблемъ, который, и былъ построенъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ планѣ по высочайшей волѣ. Для императорскихъ смотровъ у Шпеера была особая „*смотровая*" команда, т. е. выбраны самые лихіе матросы и унтера изъ всѣхъ ротъ, равно какъ и самые видные и ловкіе офицеры экипажа. Разъ тоже императоръ приказалъ сдѣлать какой-то поворотъ, трудный и для не такого неуклюжаго и тяжелаго на ходу судна, какъ „Россія". Неисправность—и карьера капитана испорчена. Притомъ императоръ самъ командовалъ изъ рупора и, какъ неспеціалистъ, дѣлалъ кое-какіе промахи въ частностяхъ, которыя смутили бы команду. Шпееръ ловко выпутался изъ затрудненія: поставивъ позади себя толковаго унтера и экипажнаго адъютанта, онъ шопотомъ передавалъ имъ свою команду, которую они передавали, куда слѣдовало. Поставленная было

втупикъ команда знала, что дѣлать и маневръ шелъ и кончился безъ заминки, благополучно. Обращаясь къ Меншикову, императоръ сказалъ: „Морского дѣла не изучалъ, а Россію повернуть могу". Сопровождавшіе царя штабные и дивизіонный благодарили Шпеера за то, что нашелся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Шпееръ получилъ высочайшую благодарность въ приказахъ, команда—по рублю. Въ отставкѣ Шпееръ часто разсказывалъ объ этомъ смотрѣ, вспоминая порядки флота.

Смерть императора огорчила старыхъ служакъ. На панихидѣ слышались всхлипыванія, виднѣлись слезы наваринскихъ героевъ. Возвратясь домой съ панихиды, говорили: „теперь у насъ будетъ миръ." Старые служаки съ тревогой спрашивали себя, что принесетъ новое царствованіе. Ходили слухи о доступности новаго императора, о перемѣнахъ въ дисциплинѣ, и старики говорили, что это до добра не доведетъ. Всѣ искренно жалѣли новаго императора, которому приходилось, при вступленіи на престолъ, выносить на плечахъ несчастную войну и кончать ее невыгоднымъ миромъ, уступками, „позоромъ", какого Россія не знала почти цѣлое столѣтіе. О другихъ великихъ задачахъ—снять съ Россіи позорное пятно рабства, о великихъ реформахъ никто въ Кронштадтѣ не говорилъ ни слова. Одно всѣ угадывали вѣрно, что война будетъ окончена, финансы истощены, страна истощена наборами.

Лѣтомъ 55 года серьезно ждали десанта и готовились не попрошлогоднему. О пушкахъ съ раковинами не кричали болѣе, хвалились бомбическими орудіями, новыми ружьями и штуцерами. На косѣ шло постоянное обученіе стрѣльбѣ въ цѣль. Такихъ „скандаловъ", какъ при Альмѣ, не предвидѣлось болѣе. Кронштадтская молодежь иначе не звала, какъ скандаломъ, хорошо извѣстный фактъ, что рота матросъ, побросавъ гнувшіеся штыки, пробилась ножами сквозь непріятельскій полкъ. Однако, слухи о расползавшемся на плечахъ сукнѣ и картонныхъ подошвахъ, а также и о гнилой пищѣ и смертности отъ болѣзней держались все по-прежнему упорно.

Въ управленіи защитой Кронштадта явилось болѣе порядка, не было прошлогодняго „хаоса", на который ворчалъ отецъ мой. Тогда наѣхавшее въ весну 54 г. военное началь-

ство пикировалось съ морскимъ. Шла бумажная война, проволочки; у хлопцевъ нерѣдко летѣли чубы, когда дрались паны. Кое-что въ этомъ отношеніи мнѣ пришлось видѣть, когда я гостила на брандвахтѣ у отца. Въ гавани у входа на стѣнку, въ средней и военной гавани были разставлены караулы. Стояли и на караулѣ матросы и пѣхотинцы; или пѣхотинцы приходили въ гавань только для пальбы въ цѣль, укрѣпленную на буяхъ; саперы приходили для работъ по укрѣпленію и въ гаваняхъ и въ фортахъ, куда ихъ отвозили на ботахъ. Послѣ вечерней зари пропускали только по паролю. Военное начальство давало свой по своему вѣдомству, морское свой— по своему. Пикируясь старшинствомъ, каждое ждало, чтобы другое сообщило ему свой пароль. Отецъ получалъ пароль только отъ своего начальства изъ морского штаба. Когда въ караулѣ стояли матросы, они не пропускали знавшихъ только свой пароль пѣхотинцевъ и саперовъ. Случалось, что, промаршировавъ взадъ и впередъ по стѣнкамъ гаваней отъ караула до караула, съ усталой отъ работы подъ лѣтнимъ солнцемъ, или промокшей отъ дождя голодной командой, офицеръ приходилъ на брандвахту просить отца сказать пароль, и отецъ шелъ самъ или посылалъ проводить команду унтера, который говорилъ караулу пароль. Отецъ послалъ бумагу въ морской штабъ и ему стали сообщать оба пароля. „Безтолочь“ эта прекратилась. Не знаю, кто изъ пикировавшихся начальниковъ первымъ уступилъ; но эта пикировка сильно напоминала пикировку дамъ пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ въ гостинной изъ-за того, кому первой сдѣлать визитъ. Этотъ лишній часъ, который усталая и голодная команда маршировала по гавани отъ караула до караула, былъ очень ничтожною мелочью въ сравненіи съ другими крупными неудобствами безтолочи отъ пикировки.

Войска нагнали массу въ Кронштадтъ и по берегамъ Финскаго залива. Роптали, что на защиту Петербурга собраны слишкомъ большія силы, которыя были бы нужнѣе на югѣ. Полагали, что, убѣдясь въ неприступности нашего сѣвернаго Гибралтара, непріятель, высадясь за Красной Горкой, пойдетъ берегомъ на столицу. Оба берега, и сѣверный и южный, были усѣяны батареями и окопами. Котлинская коса покрыта шанцами. Пріѣхавшій послѣ сдачи Севастополя Тотлебенъ нашелъ,

что укрѣпленія поставлены такъ остроумно, что будутъ обстрѣливать другъ друга, не вредя непріятелю. О возобновленномъ Петровскомъ шанцѣ на берегу моря за слободами и о находящемся нѣсколько далѣе Михайловскомъ Тотлебенъ сказалъ, что шанцы эти поставлены геніально. Ихъ поставилъ Петръ I.

Кронштадтъ былъ поставленъ на военную ногу; приказали выѣхать женщинамъ и дѣтямъ. Мы наняли дачу на Ораніенбаумскомъ берегу, въ Кронштадтской колоніи, которая стала доступна для небогатыхъ людей. Въ послѣдніе годы до войны богатые фабриканты, нѣмцы и англичане, сильно подняли цѣны. Теперь же мы платили сто рублей за домъ, ходившій 500. И то мы дороже заплатили, опоздавъ нанять, т. е. нанявъ, когда хозяева уже узнали о высылкѣ изъ города женщинъ и дѣтей. На дачу мы перевезли недачную мебель, т. е. старый хламъ, но все лучшее и наиболѣе цѣнное, ненужное лѣтомъ. Отецъ купилъ дешевую лошадь, потомъ другую; прошлое лѣто онъ о томъ не хотѣлъ слышать, несмотря на наши просьбы, и отвѣчая на совѣты товарищей, что не мѣшало бы на всякій случай, лаконическимъ словомъ: „вздоръ". Это доказывало, что и онъ, наконецъ, повѣрилъ возможности десанта. Сверхъ того ходившіе слухи о томъ, что дни Севастополя сочтены, заставляли опасаться, что, покончивъ на югѣ, непріятель двинетъ всѣ силы на сѣверъ.

Скучно тянулись весенніе мѣсяцы; отца мы первое время совсѣмъ не видѣли, онъ не пріѣзжалъ по воскресеньямъ и намъ нельзя было съѣздить къ нему. Потомъ онъ, какъ и другіе служащіе, пріѣзжалъ по праздникамъ. Наступила половина лѣта и не было десанта. Англійскій флотъ держался вдалекѣ. Съ чердака нашихъ дачъ мы видѣли только его канонерскія лодки. Десанта такъ и не было. Потому ли, что увѣренный въ побѣдѣ на югѣ непріятель не хотѣлъ рискованнымъ дѣломъ на сѣверѣ подорвать политическія выгоды взятія Севастополя? Всѣ говорили, что результатомъ десанта было бы одно разгромленіе прибрежныхъ чухонскихъ деревень. Въ Петербургѣ, сколько мнѣ доводилось слышать, не принимали никакихъ мѣръ на случай появленія непріятеля. Царская фамилія чаще прежняго наѣзжала въ Петергофъ; великокняжескія дачи, дача герцога Лейхтенбергскаго между Ораніен-

баумомъ и Петергофомъ и ораніенбаумскій дворецъ не стояли пустыми. Великая княгиня Елена Павловна, не любившая ораніенбаумскій дворецъ, пріѣзжала чаще прежняго и подолгу жила въ немъ это лѣто. Императрица Александра Ѳеодоровна тоже долго жила въ Александріи, хотя не любила Петергофа за сырость и вѣтры. Говорили, что это дѣлалось для успокоенія умовъ. Но войска по дорогамъ двигались все болѣе и болѣе, и то и дѣло носились клубы пыли, поднятой казачьими разъѣздами.

Были, впрочемъ, фальшивыя тревоги. Въ половинѣ лѣта мать уѣхала къ заболѣвшему отцу; военная дисциплина поотлегла и давно уже сосѣдки ѣздили въ городъ закупать провизію. Мы съ сестрой остались подъ охраной вѣрнаго деньщика. Въ одно утро онъ объявилъ намъ, что всю ночь съ другой прислугой просидѣлъ на крышѣ дома и что вся колонія была на крышахъ до утра. У Красной Горки показалась эскадра его канонерскихъ лодокъ. Внизу по дорогѣ съ ораніенбаумской стороны шли полки, артиллерія, кавалерія, казаки. Въ колоніи былъ переполохъ, суета, бабы и дѣти кричали, ревѣли, мужчины запрягали телѣги. Наши сосѣди сказали, что всѣ жители колоніи не спали всю ночь. Деньщикъ, апатичный латышъ, не дѣлалъ ничего безъ приказа и, не получивъ никакихъ приказаній отъ матери насчетъ тревоги, не счелъ за нужное ни будить насъ, ни запрягать лошадей.

Въ это лѣто мы видѣли на морѣ и свои винтовыя канонерскія лодки, которыми командовали мичмана и даже старшіе гардемарины. Мы часто ходили на небольшую возвышенность Дерябинской дачи, откуда открывался обширный видъ на море, и видѣли обѣ эскадры лодокъ, нашу и непріятельскую, послѣднюю черными точками на горизонтѣ. Раза два пришлось видѣть обмѣнъ выстрѣловъ. Чуть одна сторона разводила пары, и на другой дымились трубы; одна лодка отдѣлялась отъ непріятельской эскадры и подходила къ рейду, наша шла навстрѣчу, гремѣли выстрѣлы, бороздя воду и поднимая всплески воды, какъ намъ казалось, у самаго носа вражьей лодки. Вѣтеръ разносилъ дымъ, застилавшій лодки отъ глазъ зрителей, которые съ дерябинскаго пригорка слѣдили въ подзорныя трубы, бинокли, и они, кто съ чувствомъ разочарованія, кто облег-

ченія, видѣли, какъ каждая лодка поворачивала и уходила за свою черту.

Вскорѣ мнѣ пришлось еще ближе увидѣть непріятельскій флотъ и при очень веселыхъ обстоятельствахъ. На сѣверный фарватеръ поставили плавучія батареи изъ блокшифовъ, т. е. старыхъ кораблей безъ оснастки, требуемой плаваніемъ. Капитанъ одного изъ кораблей, Дувановъ, задумалъ задать балъ для дочки, отпущенной на каникулы изъ института. Такъ какъ еще полгода не прошло со смерти Николая I, то Дувановъ просилъ позволенія у генералъ-адмирала, чего тоже требовало и военное положеніе. Позволеніе было дано очень охотно и великій князь Константинъ Николаевичъ замѣтилъ, что кстати покажутъ непріятелю, какъ его боятся. Стоянка сложа руки дѣйствовала угнетающимъ образомъ. Пароходъ, ходившій между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ, забравъ публику, забралъ и гостей Дуванова, и, доставивъ на кронштадтскую пристань, забралъ ожидавшихъ тамъ гостей, въ числѣ которыхъ было нѣсколько дамъ. Дисциплина къ этому времени ослабѣла; многія высланныя семьи возвращались въ Кронштадтъ; иныя, медлившія выѣздомъ на основаніи такого разсчета, что погнали сгоряча, а потомъ обойдется—и вовсе не выѣзжали. Высокими громадами стояли корабли; мачты безъ верхнихъ надставокъ, которыя ставятъ для плаванія, казались подрубленными, смотрѣли обнаженными, безъ обычныхъ снастей; чернѣли только клѣтки вантовъ (веревочныхъ лѣстницъ). Справа и слѣва фарватера тянулись плоскіе берега: финскій съ грядою отдаленныхъ дюнъ, поросшихъ соснами, и плоская узкая коса Котлина, съ ея мелководьемъ, частыми песчаными отмелями, бѣлѣвшими ярко при солнцѣ, и грядами высокаго, густого камыша, въ которомъ искони находили пріютъ бѣглые, по суткамъ прятавшіеся тамъ въ ожиданіи лодки съ финскаго берега, которая бы увезла ихъ, несмотря на таможенныя лодки, объѣзжавшія берега по вечерамъ.

Балъ вышелъ очень эффектнымъ; близость непріятеля, котораго видѣли въ подзорныя трубы, придавала своеобразный букетъ оживленію. Въ антрактахъ между танцами гости ходили на носъ смотрѣть на его суда. Тревога прервала танцы. Непріятель разводилъ пары. Вмигъ выдвинуты были пушки, команда разставлена по мѣстамъ, капитанъ и офицеры заняли

свои посты, а гостямъ было приказано не выходить изъ палатки. Мы увидѣли быстро приближавшійся непріятельскій пароходъ, который остановился за чертой выстрѣловъ. Тогда капитанъ приказалъ продолжать танцы. Очевидно, что непріятель, увидѣвъ нашъ пароходъ, подошедшій къ блокшифу, катера и шлюпки, подвозившія гостей изъ города и съ другихъ блокшифовъ, подумалъ, что готовится какая-нибудь экспедиція, и послалъ пароходъ наблюдать. Грянула бальная музыка, разряженныя дамы вышли на носъ и въ трубу отчетливо видѣли палубу его парохода, офицеровъ съ подзорными трубами, матросовъ на мачтѣ. Постоявъ съ полчаса, англійскій пароходъ повернулъ къ своей эскадрѣ, разглядѣвъ, что на нашей плавучей батареѣ балъ. Но все-таки часа два-три все было на-чеку и на носу смѣнялись офицеры блокшифа, передавая одинъ другому трубу. Но вернувшійся къ своей эскадрѣ пароходъ пересталъ дымиться, другіе паровъ не разводили и тревога оказалась напрасной.

ГЛАВА VII.

Выпускъ арестантовъ.—Сдача Севастополя.—Возвращеніе декабриста Н. Р. Цебрикова.—Воспоминанія о немъ.—Пропажа его записокъ.—Легенда о декабристахъ.—Фонъ-Бриггенъ.—Случай въ морскомъ корпусѣ.

Къ концу лѣта изъ Севастополя приходили все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти, одни бастіоны за другими были взяты. Ждали послѣдняго приступа. Выпустили арестантовъ для работъ по окопамъ. Помню, что объ этой мѣрѣ было много толковъ, осуждали, какъ униженіе, какъ нелѣпость, ожидая, что арестанты пойдутъ грабить и убивать. Арестанты работали, и сражались такъ-же усердно и честно, какъ всѣ солдаты, и оказались такими же выносливыми героями. Отецъ иронически улыбался на эти толки. Онъ близко зналъ арестантовъ, которые работали въ адмиралтействѣ. Раза два въ день мимо нашихъ оконъ, направляясь къ адмиралтейскому мосту, изъ своихъ казармъ и обратно въ казармы ходили несчастные, гремя цѣпями, волоча тачки, къ которымъ были прикованы. Двое-трое грамотныхъ изъ арестантовъ, въ свободное время, подъ конвоемъ, приходили

къ отцу, который давалъ имъ читать Евангеліе и „Христіанское чтеніе“. Помню, какъ всѣ знакомые удивлялись, какъ это отецъ на пожарѣ далъ вычистить себѣ засоренный глазъ арестанту, мастеру дѣлать такія операціи перочиннымъ ножикомъ. Честная служба севастопольскихъ арестантовъ заставила признать, что вѣдь и арестанты тоже люди; но все-таки трудно переваривался служаками фактъ, что дѣло дошло и до того, что понадобились арестанты. Дамы, питавшія легкомысленныя надежды на то, что какъ-нибудь спасутъ Севастополь, говорили: „on voit que c'est fini, арестантовъ выпустили“.

Не питавшіе легкомысленныхъ надеждъ молились. У однихъ сосѣдей нашихъ была старуха-нянька, которая по ночамъ вставала молиться о томъ, чтобы Господь не далъ своихъ православныхъ въ обиду. И не одна простая душа безграмотной старушки вѣрила, что русскіе *свои* для Бога и онъ не дастъ ихъ въ обиду не православнымъ. Севастополь сдали. Это было горе. Я видѣла заплаканныя женскія лица, слезы на глазахъ старыхъ моряковъ, обкуренныхъ порохомъ. Но въ кружкѣ нашихъ знакомыхъ впечатлѣніе недолго держалось. 30-го августа въ колоніи узнали, что Севастополь сданъ, а вечеромъ вся колонія пировала на именинахъ инженера Шаумбургъ. Наше общество не доросло даже и до соблюденія нѣкотораго декорума при общественномъ бѣдствіи.

Утѣшеніе, хотя плохо понятое тогда въ горѣ о Севастополѣ, привезъ дядя Николай Романовичъ Цебриковъ, получившій ранѣе другихъ декабристовъ позволеніе вернуться въ столицу. О немъ энергически хлопотала его сестра Н. Р. Алимпьева, черезъ Дуббельта подававшая прошеніе новому императору. Отъ дяди я слышала изумительныя, невѣроятныя слова: „Я радъ, что насъ побили, радъ“, говорилъ дядя, а у самого слезы горохомъ падали на сѣдые усы. „Мы проснемся теперь. Этотъ громъ разбудитъ Россію. Мы пойдемъ впередъ. Ты увидишь великіе шаги“. На мое возраженіе, что онъ самъ плачетъ, дядя отвѣчалъ: „Ну, что-жъ такое? Умъ съ сердцемъ не въ ладу. *Это* вошло въ плоть и въ кровь. Жаль Севастополя, жаль крови. А это къ лучшему, глаза откроются“.

Дядя не принадлежалъ къ главарямъ движенія и отецъ за

его пропаганду говорилъ, куда ему лѣзть съ ученіемъ завиральныхъ идей, когда онъ былъ у Бестужева на посылкахъ. Верховная комиссія присудила дядю къ одной изъ низшихъ степеней наказанія — въ солдаты на Кавказъ съ выслугой. Николай I двухъ или трехъ декабристовъ перевелъ изъ низшихъ категорій въ высшія и въ томъ числѣ дядю, который и былъ присужденъ къ разжалованію въ солдаты въ сибирскіе гарнизоны безъ выслуги и лишенію дворянства. Послѣ онъ былъ переведенъ на Кавказъ, за отличіе произведенъ въ унтеръ-офицеры. Тетка Алимпьева постоянно хлопотала за него и добилась его производства въ офицеры послѣ одиннадцатилѣтней съ нѣсколькими мѣсяцами службы его въ унтеръ-офицерахъ, т. е. когда ему черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по военному уставу, слѣдовалъ офицерскій чинъ. Дуббельтъ, черезъ котораго хлопотала тетка, говорилъ, что о Цебряковѣ трудно докладывать императору. Николай I хорошо помнилъ дядю, онъ зналъ всѣхъ офицеровъ финляндскаго полка и особенно отличалъ дядю, какъ молодцоватаго фронтовика. Узнавъ, что и Цебриковъ былъ на площади съ полкомъ, онъ не хотѣлъ вѣрить, замѣтивъ: „Такой хорошій фронтовикъ".

Дядя усугубилъ вину свою тѣмъ, что, бывъ наканунѣ 14 декабря на вечерѣ у Бестужева-Марлинскаго, гдѣ собралось много молодыхъ офицеровъ и распредѣляли на-завтра посты, дядя не выдалъ никого. Въ 61 году сестра моя, на балѣ у Гродненскаго губернатора Шпеера, встрѣтила дивизіоннаго генерала Гольдгофа, который, узнавъ, что она племянница Н. Р. Цебрикова, сказалъ, что онъ обязанъ своей карьерой дядѣ, вынесшему его на плечахъ. То-же самое говорилъ и генералъ Базинъ, родственникъ нашихъ знакомыхъ Розенмейеровъ. Въ 60-хъ гг. бывшіе тайные декабристы перестали скрывать свою принадлежность къ этому обществу. Въ верховной комиссіи Чернышевъ, требовавшій, чтобы дядя выдалъ имена товарищей, на упорный отказъ его закричалъ: „Изъ засъ надо жилы тянуть". Дядя отвѣчалъ: „Это будетъ тиранство".

Повредилъ онъ себѣ еще выходками молодой кипучести. Когда его въ первый разъ привели въ верховную комиссію,— водили ихъ изъ казематовъ съ завязанными глазами, — дядя

сказалъ неосторожно громко: „Господа, въ какой звѣринецъ насъ привели“. У него вышла непріятная исторія съ офицеромъ Вяткинымъ, бывшимъ впослѣдствіи виленскимъ комендантомъ и оставившимъ по себѣ недобрую память въ виленскомъ обществѣ какъ русскихъ, такъ и поляковъ. Вяткинъ арестовалъ дядю и отвезъ его на гауптвахту. Когда принесли обѣдъ, Вяткинъ съ грубыми словами принялся руками рвать бифштексъ, ища тамъ скрытой записки. Дядя препроводилъ бифштексъ въ его физіономію. За это дядѣ надѣли наручники, которые не снимали цѣлый мѣсяцъ, когда онъ былъ переведенъ въ Алексѣевскій равеллинъ Петропавловской крѣпости въ нижніе казематы

Въ ряды декабристовъ дядю привело сердце, не умъ, умъ гораздо позже выяснилъ основы порывовъ сердца, — говорю его словами. До двадцати трехъ лѣтъ онъ только „волочился за дамами, танцовалъ мазурку и читалъ французскіе романы“, былъ блестящимъ гвардейцемъ, ни о чемъ никогда не думавшимъ, кромѣ успѣховъ въ свѣтѣ. Хотя въ салонѣ тетки его по матери, Варвары Александровны Княжниной, собирались писатели, поэты, но идеальной закваски онъ тамъ не могъ получить никакой. Послѣ Семеновской исторіи, т. е. бунта Семеновскаго полка, гвардію послали „прогуляться“, т. е. разослали полки по провинціямъ на лагерную стоянку. Дядѣ съ ротой пришлось стоять въ Бѣлоруссіи, не помню въ какомъ уѣздѣ, въ имѣніи богатаго помѣщика, приходившагося далекимъ родственникомъ Линденбаума.

Это былъ крѣпостникъ, не выдававшійся произволомъ и жестокосердіемъ надъ сосѣдями, но въ Бѣлоруссіи крѣпостное иго было еще возмутительнѣе и безчеловѣчнѣе, чѣмъ въ Великороссіи; тамъ было въ ходу слово „быдло“. Когда лѣтомъ 61 года я въ первый разъ пріѣхала къ сестрѣ своей Н. К. Шнееръ въ Вильно, я была поражена приниженнымъ видомъ, подобострастными поклонами крестьянъ, попадавшихся на улицахъ или загородныхъ дорогахъ. Такой степени раболѣпства я не видала и до освобожденія, когда жила въ Покровскомъ у тетки Л. И. Ивановой. Въ Бѣлоруссіи ярмо въѣлось крѣпче, чѣмъ въ Руси. Дядя Н. Р., послѣ отставки бывшій управляющимъ у многихъ помѣщиковъ и вынесшій очень безотрадныя воспоминанія, говорилъ, что все это цвѣточки въ

сравненіи съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ имѣніи. Люди жили какъ скоты, умирали отъ истощенія, полуголодные, на непосильной работѣ. Былъ необычайно крупный процентъ внутреннихъ болѣзней отъ надорванности.

Все видѣнное двадцатилѣтнимъ юношей, все, о чемъ онъ и шестидесятилѣтнимъ старикомъ разсказывалъ, кипя гнѣвомъ, — было откровеніемъ жизни. „Меня всего освѣтило тогда“, говорилъ дядя: „и я понялъ, что порядокъ, который это терпитъ, долженъ полетѣть къ чорту“. Первое слово Александра Бестужева завербовало дядю въ декабристы. Бестужевъ усердно вербовалъ и отца моего, но не могъ поколебать его прочно сложившихся убѣжденій. Только въ Сибири дядя чтеніемъ „подвелъ итоги тому, что ему подсказало сердце“. Тамъ онъ образовалъ себя, благодаря товарищамъ. Досуга было много, командиръ и офицеры полка избавили декабристовъ отъ нестроевой службы и работъ. Только одинъ разъ ротный далъ ему почувствовать всю тягость солдатской зависимости. Жена ротнаго влюбилась въ дядю, который не отвѣчалъ ей, и изъ мести потребовала отъ бывшаго у ней подъ башмакомъ мужа взять дядю въ вѣстовые, будто въ наказаніе за какую-то сказанную ей дерзость въ одномъ семейномъ домѣ, гдѣ принимали декабристовъ, какъ дорогихъ гостей. Явясь на квартиру ротнаго, по его требованію, дядя былъ изумленъ приказаніемъ остаться жить въ качествѣ вѣстового и исполнять грязныя домашнія работы. Въ то время вообще офицеры дѣлали экономію на деньщикахъ, держа одного вмѣсто полнаго числа по чину и получая отъ казны пайки на остальныхъ. На помощь деньщику брали вѣстового, который продовольствовался въ казарменной артели. Хотя по закону и смыслу слова, вѣстовой назначался собственно для посылокъ по службѣ, но такой порядокъ существовалъ искони и вѣстовые были слугами вполнѣ даровыми, потому что ѣли свое. Дядя такъ поговорилъ съ ротнымъ, что тотъ, перепуганный, немедленно отпустилъ его въ роту. На Кавказѣ дядя участвовалъ въ персидской войнѣ и получилъ солдатскій крестъ, которымъ гордился — „заслужено рядомъ съ солдатиками, съ народомъ“. Выйдя въ отставку, онъ недолго служилъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ чиновникомъ при казначеѣ; точно не помню его должность, но помню фактъ, заставившій его

оставить службу. Казначей сначала потребовалъ, а потомъ умолялъ дядю дать какое-то свидѣтельство, необходимое для ревизіи. Дядя отказался и отказъ его обнаружилъ одно дѣло, которое повело къ раскрытію многихъ. Нагрянула ревизія, казначей отравился. Онъ былъ человѣкъ семейный. И это отравленіе, вмѣстѣ съ сознаніемъ, что онъ не годится для кляузъ службы и его какъ разъ запутаютъ, заставило дядю отказаться отъ лучшаго мѣста въ томъ-же вѣдомствѣ и поступить на частную службу. Въ чемъ именно заключалось это дѣло, равно и то, въ какомъ городѣ служилъ дядя, я не помню. Запомнила только общій характеръ дѣла. На частной службѣ дядя велъ жизнь „вѣчнаго жида", управляя имѣніями помѣщиковъ въ разныхъ губерніяхъ; какъ-то завѣдывалъ заводомъ одного купца. Всюду онъ оказывался „не ко двору". Помѣщикъ замѣтилъ ему, что онъ скоро будетъ кормить дворню бифштексами, и это за то, что онъ на Пасху отпустилъ по ½ фун. мяса на человѣка. Купецъ нашелъ, что сдѣлалъ плохую аферу, польстившись на честность: другой приказчикъ украдетъ, да вчетверо больше выгоды соблюдетъ. При дядѣ доходная статья штрафовъ не приносила почти ничего, тратилось много дровъ на отопленіе, много денегъ на ремонтъ — на „всякое баловство"; топка—роскошь, потому что работа грѣетъ, а ремонтъ, пока есть возможность производить товаръ—безумная трата. Увѣчье рабочихъ не шло въ счетъ. Рабочіе всегда найдутся.

Возвратясь въ Петербургъ, дядя нашелъ мѣсто бухгалтера въ одномъ изъ многихъ возникавшихъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ акціонерныхъ обществъ, въ которомъ принималъ большое участіе Новосильцевъ. Какое это было общество, не помню. Уже въ 61 году онъ оставилъ службу, посчитавшись съ кѣмъ-то изъ директоровъ. Помню одно, что отъ него требовали „ни болѣе ни менѣе, какъ подлога", онъ возразилъ этими словами на приказаніе; ему сказали, что держатъ его для исполненія, а не для разсужденія. „Вотъ тебѣ и либералы наши", говорилъ дядя: „Все та-же гниль". Теперь жалѣю, что не запомнила подробностей; но тогда было не до запоминанія „личныхъ дѣлишекъ" и дядя какъ-то мимоходомъ упомянулъ о своей ссорѣ съ директоромъ. Свершилось освобожденіе крестьянъ, бродила возбужденная мысль, звала потребность великаго общаго дѣла. Вотъ о чемъ думали,

говорили. Шестидесятилѣтній старикъ остался безъ куска хлѣба весело, беззаботно, какъ юноша. Въ 62 г. дядя черезъ Тургенева получилъ мѣсто управляющаго имѣніемъ графини Ламбертъ за Сквирой. Вскорѣ онъ умеръ тамъ отъ несчастнаго случая, тогда какъ крѣпкое сложеніе и силы сулили ему долговѣчность. Помогая крестьянину поднять завалившійся возъ, онъ поцарапалъ колѣно и не обратилъ вниманія. Приключилась гангрена, за докторомъ послали слишкомъ поздно. Полагали, что въ рану попало что-нибудь, отравившее кровь.

Дядя съ персидской кампаніи велъ записки и на словахъ завѣщалъ ихъ мнѣ. Послѣ его смерти полиція доставила только тощую папку писемъ отъ родныхъ и знакомыхъ; въ ней не нашлось ни одного письма интереснаго въ общественномъ смыслѣ. Записокъ никакихъ не нашли. Дядя говорилъ мнѣ, что тамъ есть факты интересные для историка. Меня заинтересовало письмо бывшей невѣсты дяди, К. (кажется Кашкадамовой). Дядя всегда боялся жениться; „нажить лживую и вздорную бабу командиршу, которая будетъ гвоздить: наживай деньги“—это всегда пугало его. О женщинахъ, т. е. о дамахъ дядя былъ очень невысокаго мнѣнія, и съ благоговѣніемъ вспоминая „святыхъ“ женъ декабристовъ, говорилъ, что такая жена крупный выигрышъ въ лотерею; была и всячинка; были такія, что радовались гражданской смерти мужа, чтобы сдѣлать партію повыгоднѣе. Кашкадамова была доброй, глубокоправдивой и чистой женской душой типа Лизы изъ „Дворянскаго гнѣзда“. Въ уцѣлѣвшемъ письмѣ она отказывала дядѣ въ рукѣ потому, что они модно смотрятъ на все святое и счастья бы не было. Она прибавляла, что ее не остановили бы ни лишенія, ни скитальческая жизнь, къ труду она привыкла, какъ гувернантка. Вп концѣ письма было сказано, что она ни за кого не выйдетъ замужъ. Дядя слышалъ, что она пошла въ монастырь.

То, что дядя разсказывалъ мнѣ о декабристахъ, ярче сохранилось въ памяти. Онъ горячо опровергалъ ходившіе слухи объ ихъ покаяніи, какъ въ религіозномъ, такъ и политическомъ смыслѣ. Религіозны многіе были искренно, если не въ догматическомъ, то въ мистическомъ смыслѣ. Мысловскій, извѣстный протоіерей той поры, посѣщалъ многихъ, не какъ оффиціальный проповѣдникъ, но какъ христіанинъ, исполняв-

ній долгъ навѣщать заключенныхъ. Посѣтителю всѣ были рады, послѣ мѣсяцевъ одиночнаго заключенія, когда не слышишь другого голоса, кромѣ голосовъ тюремщиковъ. Мыславскій приносилъ вѣсти изъ міра, иногда о близкихъ людяхъ. Этимъ посѣщеніямъ, какъ и философскимъ и инымъ бесѣдамъ, оффиціозные люди придали характеръ обращенія и покаянія. Политическое покаяніе было покаяніемъ общимъ всѣмъ побѣжденнымъ партіямъ, т. е. сознаніемъ преждевременности надеждъ, ошибочнаго разсчета на сочувствіе общества. Иные сожалѣли глубоко, съ мучительной тоской о пролитой крови, о напрасно падшихъ жертвахъ.

Въ подтвержденіе легендарности „покаянія" приведу фактъ, разсказанный мнѣ дядей. Послѣ чьего-то покушенія отравиться осколками разбитой и измельченной фаянсовой тарелки, стали приносить оловянныя. Декабристы нашли очень удобный способъ переписываться, царапая вилкою на оборотной сторонѣ. Переписка шла благополучно нѣсколько времени и дядя разъ прочиталъ слѣдующее четверостишіе, которое приписалъ кому-то изъ заключенныхъ поэтовъ:

„Тюрьма мнѣ въ честь, не въ укоризну,
За дѣло правое я въ ней,
И мнѣ ль стыдиться сихъ цѣпей,
Когда ношу ихъ за отчизну".

Объ отношеніи общества двадцатыхъ годовъ къ декабристамъ дядя разсказывалъ противорѣчащіе факты. Иначе и быть не могло. Въ иныхъ мѣстахъ встрѣчали съ распростертыми объятіями, въ другихъ—съ оскорбленіями. Народъ жалѣлъ, какъ вообще жалѣетъ несчастныхъ; но гдѣ-то при проѣздѣ кричали: „бунтовщика, такъ и надо, въ Сибирь везутъ". Нравственное вліяніе ихъ было сильное и, ушедшее внутрь, все-таки дѣлало свое дѣло. Можно было не соглашаться съ ихъ политическими теоріями, но нельзя было не признать факта, что они были цвѣтомъ интеллигенціи своего времени, что послѣ нихъ сильно понизился въ обществѣ уровень ума и порядочности. Ростопчинъ острилъ, что у русскихъ все навыворотъ. Въ Европѣ дворяне дѣлали революціи, чтобы сохранить свои права, а въ Россіи—декабристы, чтобы лишиться единственнаго права своего владѣть крѣпостными. И это не можетъ быть забыто. Вліяніе немногихъ возвратившихся было

сильно въ обществѣ. Около дяди собирался всегда кружокъ молодежи, жадно ловившей его слова. Еще болѣе впечатлѣнія вызывалъ фонъ-Бриггенъ, котораго я раза два видѣла у дяди. Съ перваго взгляда поражало душевное изящество и недюжинный умъ этого старца, который уже зрѣлымъ человѣкомъ, слишкомъ сорока лѣтъ, ушелъ въ Сибирь и, какъ онъ шутливо говорилъ: „хорошо сохранился во льду". Многое изъ ихъ рѣчей было мнѣ тогда недоступно, иное пугало; но этого не могла не понять молодежь той поры, даже та, которая была взрощена въ понятіяхъ, что люди эти преступники и несчастные, или была взрощена только въ понятіяхъ о томъ, что единственное дѣло жизни доползать до степеней извѣстныхъ и хлѣбныхъ мѣстечекъ—молодежь не могла не понять того, что слышитъ другія рѣчи, что рѣчи эти скрѣплены жизнью. Молодежь не могла не понять и того, что декабристы видѣли въ ней человѣческія существа, имѣющія право мыслить и излагать свои мысли, а не молчаливыхъ обязанныхъ, держа по швамъ руки, говорить одно: какъ прикажете? слушаю-съ. Отцы и начальники стараго берега объясняли это какъ „лебезенье передъ молокососами, ради популярности и пропаганды": Но я слышала отъ фонъ-Бриггена: „Дастъ новый царь свободу народу, гласный судъ, и я скажу: нынѣ отпущаеши, а далѣе будетъ дѣломъ другихъ поколѣній". Дядя хотѣлъ большаго.

Я забѣжала впередъ, но эти бѣглыя воспоминанія о декабристахъ, думаю, не неумѣстны, потому что въ нашей средѣ декабристы разъясняли значеніе „позора" сдачи Севастополя и указали на весь смыслъ горькаго пережитаго урока. Грянулъ громъ, мужикъ перекрестился и оглядѣлся. Оглядѣвшись, онъ увидѣлъ, что такъ жить, какъ жилъ до сихъ поръ—нельзя. Мысль заработала, заговорила совѣсть, жажда человѣческой жизни нашла свое слово. Всѣ чувствовали, что пошатнулся прежній показной и желѣзный порядокъ жизни, прикрывавшій произволъ однихъ, безправіе другихъ. Пошли другія рѣчи и не однѣ рѣчи.

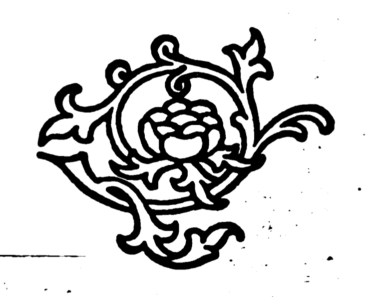
Одна исторія въ офицерскомъ классѣ морского вѣдомства, вскорѣ послѣ смерти Николая I, явилась фактомъ, свидѣтельствовавшимъ о новомъ вѣяніи. Она такъ ярко выдавалась на старомъ фонѣ прежнихъ исторій „бунтовъ" того характера,

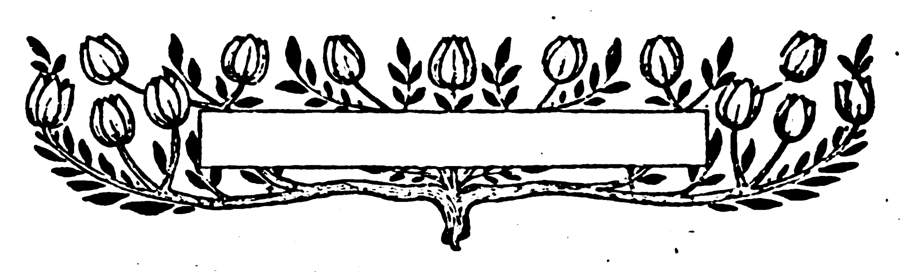
который свойственъ и азіатскимъ деспотіямъ, когда озлобленное чувство рветъ и мечетъ, готовое все разнести. Исторія была поднята во имя просвѣщенія и ведена съ замѣчательнымъ единодушіемъ и тактомъ. О ней разсказывалъ мнѣ тогда-же мой родственникъ и сотоварищъ дѣтства Владиміръ Алексѣевичъ Давыдовъ. Я вспомнила о ней, пиша эти воспоминанія, и, когда захотѣла обратиться къ нему за подробностями, узнала изъ газетныхъ публикацій, что онъ недавно умеръ. Придется разсказать только въ общихъ чертахъ. Въ офицерскихъ классахъ морского корпуса русскую литературу читалъ какой-то допотопный старичекъ. Предметъ считался не изъ важныхъ, старичекъ былъ заслуженный. Читалъ онъ въ духѣ Шишкова, новую литературу не признавалъ, держалъ на Державинѣ и, кажется, не одобрялъ и Карамзина. Конечно, молодежь не ждала его разрѣшенія и сама слѣдила за русской литературой, но ей были нужны общіе взгляды, идейное освѣщеніе, нужна была нить, чтобы выбраться изъ хаоса безсистемнаго чтенія. Оскорбляли молодежь заставы, произвольно поставленныя на мысль; съ взрослыми людьми, еще недавно сознавшими свое значеніе какъ защитники отечества, обращались какъ съ мальчиками; возмущала и глупая комедія преподаванія, напрасная трата времени. Владиміръ Алексѣевичъ Давыдовъ былъ въ числѣ зачинщиковъ, порѣшившихъ уговорить всѣ классы неготовиться къ экзамену по русской литературѣ. Первый вызванный не беретъ билета и заявляетъ, что не готовился по русской литературѣ, за нимъ второй, третій. Давыдовъ и еще кто-то изъ товарищей объясняютъ, что весь классъ не готовился, что всѣ они самостоятельно занимаются русской литературой, но не хотятъ тратить напрасно время на отжившее. Директоръ, помнится, тогда былъ контръ-адмиралъ Глазенапъ, растерялся и поѣхалъ съ докладомъ къ министру. Краббе, пользовавшійся большимъ вліяніемъ и гонявшійся за популярностью, отнесся сочувственно къ молодежи. Дѣло кончилось тѣмъ, что допотопный старичекъ былъ уволенъ и вмѣсто него приглашенъ читать кто-то изъ извѣстныхъ педагоговъ, или университетскій профессоръ.

Дѣйствительно, повѣяло новымъ духомъ, если такъ кончилась исторія въ военномъ заведеніи, гдѣ каждое нарушеніе дисциплины взыскивается съ сугубою строгостью. Севасто-

поль былъ скоро забытъ, за вопросами внутренняго роста Россіи стушевалась обида національнаго самолюбія; вниманіе было устремлено на то, что было позоромъ человѣчества. Севастополь всего дольше помнили „послѣдніе могикане“, какъ мой отецъ и такіе-же служаки. Дядя декабристъ прозвалъ ихъ послѣдними могиканами... вотчиннаго чувства. Выяснялись иныя надежды, иные радужные горизонты. Дядя говорилъ: „Россія, какъ Илья Муромецъ, тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣла, теперь мы пойдемъ впередъ“...

М. Цебрикова.

Педагогъ-новаторъ XVIII столѣтія.

I.

Человѣчество за время своего историческаго существованія произвело многихъ людей въ „великіе“. Но если бы къ этимъ людямъ приложить критическую мѣрку, то между ними оказалось бы не мало шелухи; и, наоборотъ, многіе дѣйствительно замѣчательные дѣятели совсѣмъ не были отмѣчены исторіей, и объ нихъ ни въ какихъ „курсахъ“ ни крупнымъ, ни мелкимъ шрифтомъ свѣдѣній не сообщается. Такого дѣятеля мы видимъ въ Песталоцци, швейцарскомъ филантропѣ-педагогѣ, котораго слѣдуетъ считать „отцомъ народнаго образованія“. Мысль о необходимости образованія народа впервые была высказана этимъ человѣкомъ и имъ-же примѣнена на опытѣ въ обширныхъ размѣрахъ. Десять лѣтъ назадъ славянскій образованный міръ вспоминалъ одного изъ предшественниковъ Песталоцци, педагога Амоса Коменскаго, оказавшагося также до такой степени исторически малоизвѣстнымъ, что его „Великая Дидактика“, появившаяся въ переводѣ на русскій языкъ, многихъ у насъ удивила, какъ какое-нибудь открытіе, смѣлостью мыслей о воспитаніи. Но Коменскій и Песталоцци все-таки для насъ отдаленные люди. Недавно у насъ торжественно помянули извѣстнаго Ушинскаго по поводу его тридцатилѣтней кончины. Мы говоримъ *извѣстнаго*, но извѣстнаго по „Родному Слову“ и „Дѣтскому Міру“, а многимъ ли извѣстно, что Ушинскій былъ у насъ первымъ реформаторомъ во всей обширной сферѣ

учебно-воспитательнаго дѣла, что ему-же мы обязаны пробужденіемъ въ русскомъ обществѣ сознательнаго отношенія къ этому дѣлу, что онъ разъяснилъ тѣ научныя основанія, съ которыми необходимо сообразоваться, чтобы не насиловать, не извращать, не калѣчить природы ребенка, а напротивъ— способствовать нормальному ея развитію и росту! О томъ, что проведеніе этихъ идей въ общество принадлежитъ Ушинскому, многіе у насъ узнали только со *вчерашнюю* дня.

О необходимости разумнаго и гуманнаго отношенія къ дѣтямъ въ дѣлѣ воспитанія раньше нашего сознали въ Германіи, если мы только вспомнимъ нѣмецкаго реформатора-педагога Базедова. Еще раньше додумались до этого во Франціи, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда чуть ли не въ первый разъ стали различать въ массѣ человѣческихъ существъ отдѣльныя единицы, живущія собственной индивидуальной жизнью, и признавать за ними *права*. Но начало индивидуальному воспитанію положено Швейцаріей.

Песталоцци родился въ 1746 г. Съ именемъ Песталоцци въ первый разъ знакомятся въ 1782 г., когда онъ напечаталъ свой первый педагогическій трудъ: „Лингардъ и Гертруда— книга для народа" (переводъ на русскій языкъ: „Песталоцци. Избранныя педагогическія сочиненія, т. I, II и III. М. 1893—1896 гг. Изд. Тихомірова). Эта книга представляетъ результатъ наблюденій Песталоцци надъ жизнью простого народа: что этотъ народъ чувствуетъ, думаетъ, о чемъ говоритъ. Песталоцци рисуетъ семейную жизнь народа, его нужды, притѣсненія, невѣжество, бѣдность; онъ обращается къ чувству всѣхъ, кто можетъ улучшить положеніе народа, и въ особенности къ матерямъ, идеаломъ которыхъ выставлена Гертруда; отъ вліянія матерей онъ ждалъ прежде всего подъема нравственныхъ силъ народа: „перевоспитайте матерей, и вы перевоспитаете цѣлыя поколѣнія! „Книга эта, написанная съ большой силой убѣжденія, много способствовала проведенію въ жизнь оригинальныхъ идей Песталоцци.

Русскимъ людямъ, учебный возрастъ которыхъ протекалъ въ шестидесятыхъ годахъ, Песталоцци долженъ быть памятенъ по тѣмъ весьма симпатичнымъ пріемамъ обученія, которые тогда примѣнялись въ школѣ и были извѣстны подъ именемъ „предметныхъ уроковъ", совершенно преобразившихъ обученіе въ начальной школѣ. Да и вся современная школа первоначальнаго обученія ведетъ свое существованіе отъ Песталоцци. До него повсюду первоначальное обу-

ченіе сводилось къ усвоенію, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, механизма чтенія, писанія и счисленія и заканчивалось выучкой наизусть катехизиса, иногда-же—верхомъ премудрости—зазубриваніемъ нѣсколькихъ латинскихъ и греческихъ словъ и формъ, а у насъ, взамѣнъ того, какъ извѣстно, задалбливали часословъ и псалтырь.

Наша школьная наука, значительно подвинувшаяся впередъ во вторую половину прошлаго столѣтія, какъ въ объемѣ и качествѣ знанія, такъ и методахъ преподаванія, все-таки недостаточно насъ удовлетворяетъ и далека до совершенства; но что представляла изъ себя прежняя схоластическая школа, съ которою въ концѣ XVIII столѣтія вступилъ въ борьбу Песталоцци, того мы теперь безъ удивленія и представить не можемъ. Англійскій философъ конца XVII и начала XVIII ст., Локкъ, такъ отзывается о современной ему системѣ обученія, пользовавшейся въ то время въ Европѣ неоспоримымъ авторитетомъ. „Когда я вижу, говоритъ онъ, какъ стараются вложить въ ребенка немного латыни и греческаго, сколько лѣтъ тратится на это и какой шумъ поднимается изъ-за этого то я не могу отдѣлаться отъ мысли, что сами родители еще не вышли изъ-подъ страха розги учителя, которая пріучила ихъ держаться за эти языки, какъ за единственный воспитательный инструментъ, точно въ самомъ дѣлѣ эти языки могутъ быть единственными предметами образованія. Не сущая ли безсмыслица: 8—10 лучшихъ лѣтъ жизни человѣка тратить на грамматику этихъ языковъ. Если нельзя ихъ оставить совсѣмъ, то необходимо соединить ихъ съ *предметными* уроками“. Послѣ этого замѣчанія прошло еще сто лѣтъ, а въ Англіи дѣло обученія ни на шагъ не подвинулось. Извѣстный Чарльзъ Дарвинъ, обучавшійся въ школѣ въ началѣ XIX столѣтія, вспоминаетъ: „Школа, въ которой я пробылъ 7 лѣтъ, ничего не дала мнѣ въ смыслѣ воспитанія, не говоря уже о какихъ-нибудь дѣльныхъ знаніяхъ; для развитія ума ничего не могло быть хуже этой школы“. Но въ это время критика школы стала уже проникать во всеобщее обращеніе, и главнымъ образомъ—благодаря Песталоцци, его опыту съ новой постановкой школы, ставшему извѣстнымъ повсюду.

II.

Песталоцци обучался въ цюрихской школѣ, гдѣ пріобрѣлъ ненависть къ грамматикѣ и прослылъ за ограниченнаго и тупого. Физически слабый, онъ былъ въ то-же время не-

обыкновенно добръ, любящъ, самоотверженъ, но также и необыкновенно упоренъ въ своихъ стремленіяхъ. Съ такими качествами Песталоцци остался на всю жизнь, и тѣ-же качества какъ нельзя лучше отвѣчали тогдашней эпохѣ умственнаго возбужденія. Поэтому, когда Песталоцци перешелъ въ мѣстный университетъ, то, подъ вліяніемъ политическихъ волненій, онъ тотчасъ-же организовалъ кружокъ, цѣлью котораго было намѣчено ни много, ни мало, какъ пересозданіе всего общества, въ которомъ молодые люди этого кружка видѣли одни злоупотребленія, попираніе человѣческаго достоинства и отсутствіе гражданскихъ правъ. Во второй половинѣ XVIII ст. такого рода критическое отношеніе къ общественнымъ условіямъ жизни проявлялось не въ единичныхъ примѣрахъ, а потому неудивительно, что оно проникало и внутрь школьныхъ стѣнъ, тѣмъ болѣе, что гнетъ отживавшихъ общественныхъ и государственныхъ формъ чувствовался всѣми. Въ затѣѣ молодыхъ людей цюрихскія власти усмотрѣли колебанія основъ, и молодые реформаторы подверглись суровому наказанію: сначала тюрьма, а затѣмъ строжайшій надзоръ; а это значило испортить навсегда всю карьеру.

Дѣйствительно, послѣ того Песталоцци не удалось ни твердо прикрѣпиться къ какому-либо „мѣсту", ни занять прочное положеніе, ни стать духовнымъ или юристомъ (единственныя въ то время для интеллигентнаго человѣка, признаваемыя обществомъ солидными, свободныя профессіи), всюду на него смотрѣли какъ на вреднаго агитатора, тѣмъ болѣе, что онъ нигдѣ не хотѣлъ быть бездѣятельнымъ, всюду вносилъ свое *растлѣвающее* вліяніе—училъ, увѣщевалъ, исправлялъ и помогалъ людямъ словомъ и дѣломъ. Бросаясь отъ занятія къ занятію, преслѣдуемый, не находящій точки опоры, Песталоцци, наконецъ, становится земледѣльцемъ, пріобрѣтаетъ въ этомъ дѣлѣ практическія знанія и проектируетъ обширный планъ пересозданія, на новыхъ началахъ, земледѣлія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъема, умственнаго и нравственнаго, всего земледѣльческаго класса. Для этой цѣли онъ пріобрѣтаетъ ферму и немедленно приступаетъ къ осуществленію своего плана... весьма оригинальнымъ образомъ. Онъ собираетъ къ себѣ всѣхъ попадающихся ему маленькихъ нищихъ и бродягъ, одѣваетъ ихъ, кормитъ, работаетъ съ ними въ полѣ, обучаетъ разнымъ ремесламъ, знакомитъ ихъ съ основными элементами природы... И вотъ изъ этихъ ребятишекъ, не имѣющихъ понятія о нравственности, изолгавшихся и излѣнившихся, Пе-

сталоцци приготовляетъ честныхъ, понятливыхъ и терпѣливыхъ тружениковъ, въ которыхъ прежнихъ бродяжекъ и узнать нельзя. Къ сожалѣнію, люди такого темперамента, какъ Песталоцци, часто не видятъ предѣловъ увлеченія своей идеей, не умѣютъ считаться съ обстоятельствами и окружающей средой. Стремленіе достичь въ самый короткій срокъ конечныхъ результатовъ задуманнаго дѣла привело Песталоцци къ разоренію. Отсутствіе средствъ и несочувствіе среды къ школьному новатору лишило Песталоцци всякой возможности продолжать дѣло. Ферму продали за долги, и существовавшій при ней дѣтскій пріютъ пришлось закрыть. Со всѣхъ сторонъ посыпались на Песталоцци насмѣшки и оскорбленія, какъ на мнимаго мудреца, берущагося учить тому, чего самъ не понимаетъ. Даже друзья Песталоцци стали относиться къ нему, какъ погибшему человѣку, который, навѣрное, кончитъ жизнь или въ богадѣльнѣ, или въ сумасшедшемъ домѣ. Словомъ, повторилась alte Geschichte. Но тутъ-же случилась и иная исторія, которая тоже иногда повторяется, хотя далеко не такъ часто, какъ первая, если вспомнимъ о судьбѣ нѣкоторыхъ немногихъ идей, которымъ случайно посчастливилось не заглохнуть, а пройти въ жизнь. Не взирая на печально закончившійся опытъ съ земледѣльческой колоніей, Песталоцци не упалъ духомъ. Вскорѣ ему представился случай вновь осуществить свою постоянную мечту: сдѣлать нищихъ честными тружениками, а невѣждъ—грамотными людьми. Послѣ войны кантона Унтервальдена съ союзомъ осталось много сиротъ, брошенныхъ на произволъ судьбы, воспитаніе которыхъ и было предложено союзомъ Песталоцци. При небольшой денежной поддержкѣ отъ союза, но безъ всякихъ помощниковъ (кромѣ своей жены, проникнутой идеями мужа и ревностно всегда ему помогавшей), Песталоцци съ обычной энергіей принялся вновь за дѣло воспитанія, повелъ его чрезвычайно успѣшно и въ короткое время пріобрѣлъ довѣріе не только питомцевъ, но и окрестнаго населенія. Теперь онъ окончательно убѣдился, что поднять народныя силы возможно только путемъ воспитанія и обученія, сообразно съ природой каждаго въ отдѣльности человѣка, но притомъ такъ, чтобы общественное воспитаніе шло объ руку съ домашнимъ, помня, что только при такихъ условіяхъ воспитаніе и будетъ плодотворнымъ. Основныя начала воспитанія по проекту Песталоцци имѣли цѣлію естественное развитіе способностей дѣтей, сохраненіе ихъ здоровья, пріученіе ихъ къ простотѣ, труду и до-

вольству своимъ положеніемъ. Песталоцци повелъ дѣло при самыхъ невозможныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Такъ, напр., во время войны союзниковъ съ Французской республикой школьное зданіе Песталоцци было обращено въ казарму. Онъ перенесъ свою дѣятельность изъ Унтервальдена въ Бернъ, но и здѣсь война заставила прервать начатое дѣло. И при такой-то внѣшней обстановкѣ приходилось вести занятія съ дѣтьми своеобразнаго міра, вводить въ этотъ міръ порядокъ. При отсутствіи всякой домашней подготовки, дѣти поступали въ школу разнузданными дикарями, часто больныя, истощенныя, грязныя, недовѣрчивыя, грубыя. Эти отрицательныя свойства необходимо было побѣждать, и Песталоцци побѣждалъ.

III.

Въ чемъ-же заключались педагогическія идеи и пріемы обученія Песталоцци? „Издавна, говоритъ онъ, еще съ первыхъ лѣтъ моей юности, появилось во мнѣ желаніе изучить самый источникъ народныхъ бѣдствій“. Въ повѣсти „Лингардъ и Гертруда“ онъ изобразилъ картину деревенской общины, разлагающейся экономически и нравственно вслѣдствіе полной утери понятій о своихъ правахъ и пониженія уровня своихъ жизненныхъ требованій. Чтобы удержать общину отъ окончательнаго распаденія, по мнѣнію Песталоцци, слѣдовало провести въ народъ необходимыя для жизни познанія посредствомъ прочнаго начальнаго обученія. Съ укорененіемъ этихъ познаній образуется новое поколѣніе, полное силъ и способностей для жизни самостоятельной, поколѣніе, которое найдетъ въ самомъ себѣ средство противъ невзгодъ и всякаго рода житейскихъ бѣдствій. Идеалъ такой школы онъ полагалъ въ домашней семьѣ, а руководство школою—въ матеряхъ. Обученіе должно вести не по книгамъ: окрестная природа и законы человѣческаго мышленія, проявляющіеся въ словѣ, числѣ и формѣ—вотъ что должно быть открытою книгою для учениковъ и преподавателей. Надлежитъ начинать съ простыхъ воззрѣній, воспріятій; выводить изъ воспринятыхъ однородныхъ предметовъ общія понятія, однородныя понятія въ свою очередь обобщать; развивать истину изъ другой истины, ниже ея лежащей; въ ходѣ ученія должна быть самая строгая логическая постепенность. Человѣческій умъ обогощается не тѣмъ, что принимаетъ чужія мнѣнія, а тѣмъ, что образуетъ самъ свои понятія, свои заключенія;

конечная-же цѣль заключается въ томъ, чтобы доводить образовавшіяся въ насъ представленія до ясныхъ понятій. Такимъ образомъ, основной принципъ образованія по Песталоцци заключается въ томъ, чтобы идти отъ ближайшаго къ отдаленному, отъ простого къ сложному, отъ домашней обстановки и семейнаго быта къ міровому строю и сложнымъ общественнымъ отношеніямъ. Въ основу всякаго обученія полагалось: явленіе, движеніе, предметъ (отсюда названіе „предметные уроки"), вообще—наглядность. Песталоцци часто самъ, въ своихъ сочиненіяхъ, объясняетъ, что именно надо разумѣть, въ широкомъ смыслѣ слова, подъ *наглядностью.* Его наглядность есть утилизація полезныхъ для всего организма впечатлѣній, получаемыхъ отъ природы, семейной обстановки, довѣрія, труда и вообще всего того, что обозначается общимъ именемъ чувствующаго и опытнаго, эмпирическаго и чистаго, внѣшняго и внутренняго воспріятія. Онъ выставляетъ два важныхъ ряда понятій: способность къ воспріятію, мышленію и рѣчи—съ одной стороны, съ другой—опытъ, возбужденіе чувствъ, воздѣйствіе на волю и, какъ слѣдствіе, поступокъ. Такимъ образомъ, по ученію Песталоцци, наглядность составляетъ начало, а ясное понятіе—цѣль всякаго преподаванія; ходъ развитія человѣка опредѣляется природою, но направляется и освѣщается самимъ человѣкомъ.

Совокупность всего механизма обученія Песталоцци была совершеннѣйшимъ образомъ выражена, вылита, извѣстнымъ педагогомъ Фребелемъ („дѣтскіе сады"). Къ сожалѣнію, впослѣдствіи система эта была извращена нѣмецкимъ педантизмомъ [1]). Базедову изъ идей Песталоцци, путемъ долголѣтней борьбы и съ большими усиліями, удалось провести въ школьную жизнь нѣмцевъ и непоколебимо утвердить три неизвращенныхъ пункта: необходимость обученія родному языку, необходимость преподаванія въ школѣ природовѣдѣнія и необходимость обращать вниманіе школы на физическое развитіе учащихся.

Послѣ неимовѣрныхъ усилій и продолжительныхъ мытарствъ Песталоцци удалось, наконецъ, значительно расширить тотъ районъ, гдѣ охотно устраивались школы по предлагаемому имъ типу. Такія школы стали появляться въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, Испаніи и даже Россіи, куда

[1]) Вмѣсто „дѣтскихъ садовъ" появились *дѣтскіе парники.*

требовали отъ него присылки учителей руководить преподаваніемъ. Послѣднее обстоятельство побудило Песталоцци открыть одно изъ самыхъ оригинальныхъ педагогическихъ учрежденій: учительскій институтъ въ Ивердонѣ. Ни раньше, ни позже ничего подобнаго нигдѣ не существовало. Въ Ивердонѣ не было ученья. Дѣло было поставлено такъ, чтобы выработать въ питомцахъ заведенія разумность и самостоятельность въ движеніяхъ и поступкахъ. Для достиженія этой цѣли была изгнана изъ школы всякая праздность, не вызываемая потребнымъ отдыхомъ; не полагалось никакой прислуги, никакихъ постороннихъ людей, ни мастеровъ, ни спеціалистовъ, ни чернорабочихъ: питомцы заведенія сами должны были дѣлать все безъ изъятія и въ томъ числѣ учиться и учить другихъ; даже сами учителя были не учителями, а руководителями, точнѣе—регуляторами. Жизнь заведенія била ключемъ, поражала своей осмысленной пунктуальностью, и душою этой жизни былъ самъ Песталоцци. Но Песталоцци принадлежалъ къ тѣмъ ярымъ фанатикамъ, которые свою идею считаютъ совершенствомъ, не подлежащимъ измѣненію, и тѣмъ соприкасаются съ людьми застоя. По духу того времени это учрежденіе было идеальное, но, будучи продуктомъ идеи, доктрины, институтъ могъ существовать только при условіи своего развитія сообразно съ многими другими внѣшними требованіями. Институтъ просуществовалъ двадцать лѣтъ. Въ 1825 году онъ закрылся, а въ 1827 году умеръ самъ Песталоцци, до послѣдняго дня оставаясь мученикомъ идеи.

Ивердонскій институтъ въ исторіи педагогіи, въ такомъ, по мнѣнію всѣхъ въ то время, незначущемъ дѣлѣ, былъ явленіемъ неожиданнымъ и теперь даже мало объяснимымъ. Былъ періодъ и притомъ совсѣмъ неудобный для развитія свободной школы, когда, однако, взоры всего просвѣщеннаго міра были одновременно обращены и на ожесточенную борьбу двухъ половинъ Европы, восточную и западную, и на Ивердонъ. Это было въ 1810—1815 гг. Въ это время 200 человѣкъ ивердонскихъ школьниковъ возбуждали особый интересъ. Учениками института являлись люди изъ всѣхъ странъ Европы и даже Америки. Институтъ былъ всегда переполненъ массою любопытныхъ и лицъ, посланныхъ для изученія „методы Песталоцци“. Институтъ посѣщали знаменитости на всѣхъ поприщахъ, до королей включительно. Въ институтъ отовсюду стекались значительныя денежныя суммы. Онъ сдѣлался какъ

бы космополитическимъ учрежденіемъ. Исторія ивердонскаго института тѣмъ замѣчательна, что служитъ краснорѣчивымъ примѣромъ, до какой высоты можетъ поднять каждое дѣло одинъ энтузіастъ. Но если онъ *одинъ*, а остальные являются любопытными зрителями, то нельзя надѣяться ни на прочность, ни на долговѣчность дѣла.

Дальнѣйшее развитіе идеи Песталоцци получили въ Германіи, а оттуда распространились повсюду. Школы его не имѣли въ виду никакихъ расовыхъ и классовыхъ особенностей и одинаково предназначались какъ для сына нищаго, такъ и для сына вельможи. Одинъ изъ воспитанниковъ ивердонскаго института, Ромзауеръ, былъ сынъ бѣднаго крестьянина, а потомъ изъ института былъ приглашенъ Александромъ I учителемъ къ принцамъ Александру и Петру Ольденбургскимъ.

Въ 1890 г. Песталоцци поставили въ Ивердонѣ памятникъ съ нѣсколькими надписями, изъ коихъ одна гласитъ: „Я жилъ какъ нищій, чтобы научить нищихъ жить по-человѣчески". Этою надписью швейцарцы, очевидно, хотѣли превознести заслуги Песталоцци, который, дескать, для блага человѣчества не побоялся лишеній. Такъ-то оно такъ, но зато ъ хорошо-же это человѣчество, которое своего благодѣтеля заставляетъ жить какъ нищаго...

Какъ бы, однако, ни было, но благодаря Песталоцци образованіе въ Швейцаріи утвердилось вполнѣ прочно. Тамъ нѣтъ безграмотныхъ, нѣтъ и нищихъ. На одномъ дѣтскомъ праздникѣ въ Цюрихѣ въ память Песталоцци процессія дѣтей несла щитъ съ надписью: „Въ ученьи сила", „безъ народнаго образованія нѣтъ счастья, нѣтъ совершенствованія". Такъ швейцарскій народъ смотритъ на образованіе. Тамъ со временъ Песталоцци невозможенъ вопросъ: учиться или не учиться? и—зачѣмъ учиться?

Предполагаемая у насъ коренная реформа среднеучебной школы должна, намъ кажется, неизбѣжно повлечь за собою коренное-же преобразованіе и нашей начальной школы, особенно народной, сельской. Реформа этой школы даже важнѣе, чѣмъ среднеучебной. Вспомнивъ о Песталоцци, мы полагаемъ, что нѣкоторыя его идеи и теперь остаются для насъ идеями, осуществленія которыхъ должно желать. Школьная система Песталоцци обладала многими недостатками, но на эти недостатки мы не указываемъ, потому что они были присущи только тому времени и въ послѣдующемъ примѣненіи

системы сами собою и давно отпали. Назидательны также и тѣ первые педагогическіе опыты, съ которыхъ начиналъ Песталоцци.

У насъ въ провинціи, всюду, при голодовкахъ, обратившихся въ хроническія, бродитъ обыкновенно множество дѣтей и собираетъ „кусочки". Какъ ни покажется наивной наша мысль, но если бы такія дѣти находили себѣ мѣсто въ пріютѣ, устроенномъ по системѣ Песталоцци, то во многихъ отношеніяхъ это было бы дѣломъ благотворнымъ.

И. Морозовъ.

Германскіе университеты.

Проф. философіи Берл. унив. *Ф. Паульсена.*

Пер. А. Я. Чемберса подъ редакціей проф. А. Х. Гольмстена.

(*Окончаніе*).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Учащіеся и ученіе.

Годы ученія являются расцвѣтомъ жизни. И что въ нихъ придаетъ воспоминаніямъ уже зрѣлаго человѣка и чаяніямъ ученика солнечный блескъ, такъ это прежде всего золотая свобода. И дѣйствительно, это пора наибольшей и самой полной свободы, какая вообще бываетъ въ жизни. Выйдя изъ отческаго дома и школы, окружающихъ юношество своими строгими порядками, въ университетѣ молодой человѣкъ вполнѣ предоставляется самому себѣ, онъ распредѣляетъ свою внѣшнюю жизнь по собственному усмотрѣнію, онъ избираетъ себѣ знакомыхъ и друзей. Не въ меньшей-же мѣрѣ опредѣляетъ онъ и свою внутреннюю жизнь: онъ избираетъ свою науку и своихъ преподавателей, онъ самъ ежедневно намѣчаетъ себѣ заданія, какія желаетъ выполнить; онъ можетъ не ставить себѣ вообще никакихъ задачъ; вся его жизнь всецѣло опредѣляется свободой и собственной отвѣтственностью.

Позднѣйшая жизнь во многихъ отношеніяхъ суживаетъ свободу. Семья приноситъ съ собой тысячи запросовъ и заботъ, студенту-же не о комъ заботиться кромѣ какъ о самомъ себѣ. Спеціальная дѣятельность и служба приходятъ съ неустранимыми требованіями, онѣ ставятъ границы и рѣчи и мысли: мысли пріучаются приспособляться къ требованіямъ практическаго характера и разучаются бродить въ безграничномъ царствѣ возможнаго, дѣйствительно сущее становится мѣриломъ для мысли. Это—реализмъ зрѣлаго возраста, кто желаетъ имѣть въ жизни значеніе, тотъ долженъ крѣпко за него хвататься и не смѣетъ странствовать въ царствѣ возможнаго. Этому противополагается идеализмъ поры студенчества; юность обходится безъ дѣйствительности, въ идеяхъ бредитъ вѣрою въ возможность путемъ

мысли построить міръ. Идеализмъ является и преимуществомъ и въ то-же время опасностью этой поры, подобно тому какъ реализмъ—преимущество и опасность зрѣлаго возраста.

Подготовительное образованіе. Законнымъ условіемъ полноправнаго допущенія къ университетскимъ занятіямъ является во всѣхъ германскихъ государствахъ аттестатъ зрѣлости гимназіи, который пріобрѣтается путемъ выдержанія испытанія зрѣлости, коимъ заканчивается курсъ гимназическаго ученія. Однако, образованные молодые люди имматрикулируются также и безъ такого свидѣтельства, но исключительно на философскій факультетъ и безъ права допущенія впослѣдствіи къ государственнымъ испытаніямъ и къ занятіямъ интеллигентныхъ профессій. Курсъ ученія въ гимназіи девятилѣтній, приступить къ нему можно лишь девяти лѣтъ отъ роду. На-ряду съ классическими гимназіями и реальныя учебныя заведенія съ 9 лѣтнимъ курсомъ имѣютъ теперь право опредѣлять своихъ абитуріентовъ въ университеты, однако исключительно для занятій нѣкоторыми науками философскаго факультета, именно математическими и естествознаніемъ, а также изученіемъ новыхъ языковъ, тогда какъ «высшіе» факультеты пока открыты исключительно для абитуріентовъ классическихъ гимназій. Будетъ ли это исключеніе имѣть продолжительный характеръ, для многихъ представляется спорнымъ, въ томъ именно смыслѣ. что не можетъ ли изученіе медицины быть открыто и лицамъ, окончившимъ реальныя школы. Быть можетъ, въ этомъ отношеніи мы вообще возвращаемся къ тому, чтобы снова предоставить каждому болѣе широкій просторъ въ выборѣ подготовительнаго для себя курса. Сто лѣтъ тому назадъ университеты были открыты для всякаго, обладавшаго нѣкоторымъ школьнымъ образованіемъ. Требованіе окончанія вообще заведенія съ девятилѣтнимъ курсомъ могло бы быть вполнѣ достаточнымъ для устраненія совершенно непригодныхъ элементовъ.

Возрастъ и продолжительность ученія. Пора университетскаго ученія совпадаетъ со временемъ перехода отъ юношескаго возраста къ возмужалому, въ среднемъ. время между 20 и 25 годами посвящается университетскому ученію. Еще 100 лѣтъ тому назадъ средній возрастъ учащихся былъ значительно ниже, переходъ въ университетъ часто происходилъ въ еще совсѣмъ юношескомъ возрастѣ, но наряду съ этимъ и болѣе высокій возрастъ учащихся не являлся рѣдкостью, различіе въ возрастахъ вообще было болѣе значительнымъ. Причина этого запозданія и уравненія лежитъ въ закрѣпленіи и расширеніи подготовительнаго курса. Студенты нынѣ поступаютъ. за очень малымъ исключеніемъ. изъ гимназій, имѣющихъ точно опредѣленный курсъ. Внѣшнее удлиненіе гимназическаго курса въ свою очередь стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ его внутреннимъ расширеніемъ: къ изученію древнихъ языковъ, заполнявшему въ предыдущія столѣтія почти весь курсъ преподаванія, теперь приходятъ курсы по новымъ языкамъ и другимъ наукамъ: нѣмецкій языкъ и французскій, математика и естествознаніе, исторія и географія также являются теперь существенными отраслями преподаванія. Теперь господствуетъ то мнѣніе, что абитуріентъ, завершившій свое подготовительное образованіе, вполнѣ въ состояніи посвятить себя

спеціальнымъ научнымъ занятіямъ, тогда какъ въ 18-мъ столѣтіи почиталось по меньшей мѣрѣ благопристойнымъ дополнить общее образованіе отдѣльными курсами философскаго факультета.

Законная продолжительность университетскаго ученія колеблется между 3 и 4½ годами. Въ Пруссіи обычный срокъ 3 года, для прохожденія же медицинскаго факультета—4½ года. Въ другихъ государствахъ, напр. въ Баваріи, продолжительность курса и на остальныхъ факультетахъ опредѣлена въ 4 года. Фактически продолжительность ученія, въ среднемъ, значительно превышаетъ установленный закономъ срокъ, въ особенности triennium философскаго факультета почти никогда не оказывается достаточнымъ, средняя продолжительность ученія здѣсь превышаетъ и четыре года. Сверхъ того приходитъ еще годъ экзаменовъ. Конечно, годъ военной службы засчитанъ.

Нерѣдко, въ особенности у юристовъ, встрѣчается требованіе продленія срока ученія. Прежде всего, слѣдуетъ положить конецъ тому заблужденію, будто годъ службы является годомъ ученія. Какъ ни желательно дальнѣйшее расширеніе научнаго образованія, однако и удлиненію установленнаго закономъ срока ученія противопоставляются обоснованныя соображенія. Всякое удлиненіе подобнаго рода сопряжено съ большими денежными издержками, а слѣдовательно, и съ сокращеніемъ того общественнаго круга, который поставляетъ учащихся. Вмѣстѣ съ тѣмъ это не предполагаетъ необходимость расширенія или углубленія самаго ученія.

Съ другой стороны, предлагается удлинить время занятій посредствомъ сокращенія срока вакацій. Продолжительность послѣднихъ, съ точки зрѣнія практиковъ, внѣ университета стоящихъ, влечетъ за собой одно лишь огорченіе. Дѣйствительно, каникулы занимаютъ значительную часть учебнаго года, на ихъ долю приходится не менѣе двухъ пятыхъ года, около 20 недѣль. Насколько слѣдуетъ оправдать естественную склонность учебной администраціи противиться часто повторяющимся частичнымъ перерывамъ и безъ того короткаго семестра, настолько-же мало, надо думать, могло бы послужить на пользу учебнымъ занятіямъ значительное сокращеніе каникулярнаго времени. Конечно, если смотрѣть на каникулы исключительно, какъ на время отдыха, то они представятся несоизмѣримо длинными. Однако, значеніе ихъ не таково, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія университетскихъ преподавателей. Германскихъ профессоровъ во многомъ можно упрекнуть, но имъ, въ большинствѣ, нельзя приписать лѣни. Масса научной работы, творимой въ Германіи, безспорно въ значительной долѣ своей падаетъ на каникулы.

Но и для студентовъ каникулярное время, собственно, не представляется временемъ безпрерывнаго покоя. Возможно, что нѣкоторые такъ именно на него и смотрятъ, но такъ не станутъ смотрѣть на дѣло тѣ, которые съ особымъ усердіемъ занимаются втеченіе семестра, такія лица и каникулярному времени найдутъ надлежащее назначеніе. Но и для другихъ отсюда большого вреда не произойдетъ, быть можетъ, даже и болѣе продолжительный перерывъ «ученія», втеченіе котораго они, при извѣстномъ

воздержанія и будучи вновь водворены въ общій кругооборотъ человѣческой мысли и рѣчи, ощутили бы благотворное отрезвленіе, могъ бы быть для нѣкоторыхъ особенно цѣлительнымъ. Для тѣхъ-же, которые втеченіе семестра отличались особеннымъ прилежаніемъ, продолжительные каникулы приносятъ кромѣ вожделѣннаго отдыха и возможности предпринимать длинныя путешествія также и желанный досугъ для спокойной, послѣдовательной, систематической работы. Конечно, не всѣмъ это одинаково удобно, лучше всего поставлены тѣ, которымъ приходится главнымъ образомъ работать съ книгами, какъ напр., богословамъ, юристамъ и филологамъ, менѣе благопріятно положеніе медиковъ или естествоиспытателей, имъ не достаетъ вспомогательныхъ учрежденій, но и имъ не принесутъ вреда нѣсколько недѣль совмѣстнаго чтенія. Въ каникулярныхъ-же курсахъ открывается благопріятный случай для старыхъ медиковъ; быть можетъ, такой-же порядокъ возможно было бы установить и для другихъ отраслей научнаго знанія, такъ, напр., химическія лабораторіи, втеченіе семестра обыкновенно переполненныя, могли бы быть открываемы для каникулярныхъ работъ подъ руководствомъ ассистентовъ. Навѣрно, многіе старые студенты и многіе практики, которымъ недостаетъ вспомогательныхъ учрежденій и пособій для серьезныхъ изслѣдованій, очень охотно воспользовались бы этимъ разрѣшеніемъ.

Внѣшній порядокъ жизни. Уже выше указывалось, что въ 19-мъ столѣтіи отброшены были послѣдніе слѣды стараго школьнаго строя. Въ Германіи не существуетъ ничего подобнаго средневѣковымъ бурсамъ или англійскимъ и американскимъ коллэджамъ. Студентъ нанимаетъ себѣ квартиру тамъ, гдѣ ему удается ее найти. Въ большихъ университетскихъ городахъ ему приходится довольствоваться маленькой коморкой, въ небольшихъ-же университетскихъ городахъ располагаютъ обыкновенно сверхъ того еще и комнатой. Въ послѣднемъ случаѣ наемъ заключается на весь семестръ, въ первомъ случаѣ—на мѣсяцъ. Столоваться приходится ему то тамъ, то здѣсь въ ресторанахъ. Кругъ семейныхъ знакомыхъ студента очень незначителенъ, многіе, не имѣющіе близкихъ на мѣстѣ или не привезшіе съ собой рекомендацій, могутъ прожить цѣлые годы въ университетѣ, не сблизившись ни съ однимъ семейнымъ домомъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что приэтомъ многимъ приходится претерпѣвать большія лишенія въ отношеніи удобствъ жизни, другимъ-же отказываться отъ привычекъ болѣе утонченнаго образа жизни. Прежде всего, квартирныя условія нерѣдко бываютъ въ высшей степени неудовлетворительны, грязь и непріятности, шумъ всякаго рода дѣлаютъ невозможными спокойныя занятія Оксфордскій коллэджъ, конечно, несравненно болѣе подходящее мѣсто для занятій, чѣмъ убогая коморка въ концѣ пригороднаго квартала, занимаемаго меблированными комнатами. Конечно, мы не можемъ имѣть англійскихъ коллэджей, но въ то-же время мы могли бы имѣть скромно обставленные дома для студентовъ, которые давали бы послѣднимъ, при общежитіи или безъ него, удобный, надежный и покойный пріютъ безъ лишнихъ издержекъ. Кромѣ того, такія дома имѣютъ то преимущество, что они открываютъ возможность

духовному общенію и совмѣстной работѣ, тогда какъ при существующей разбросанности многіе особенно ощущають отрицательныя стороны одиночества.

Однако, не слѣдуетъ обманывать себя, будто у германскихъ студентовъ существовала особая склонность къ подобнаго рода учрежденіямъ. Гдѣ послѣднія и встрѣчаются, какъ, напр., домъ Мелавхтона въ Берлинѣ, тамъ спросъ на мѣста не такъ великъ. Причина ясная: абсолютная свобода передвиженія цѣнится выше, чѣмъ всѣ тѣ преимущества, какія можетъ доставить такой домъ.

Я еще присоединю нѣсколько словъ объ *издержкахъ*. Годовой, не считая четырехъ или пяти мѣсяцевъ каникулярнаго времени, расходъ большинства германскихъ студентовъ колеблется между тысячью и двумя тысячами марокъ, средняя сумма лежитъ между 1200 и 1500 марокъ. Незначительное меньшинство расходуетъ больше этой суммы, громадное-же большинство издерживаетъ менѣе низшей предѣльной суммы; въ этомъ отношеніи помощь доставляется посредствомъ стипендій, отсрочекъ уплаты гонорарной суммы или освобожденія отъ уплаты послѣдней, путемъ заработка отъ уроковъ, корректурныхъ, стенографическихъ работъ и проч. Стипендіи выдаются обыкновенно изъ общественныхъ средствъ и пожертвованій частныхъ лицъ, по большей части отдаленнаго по времени срока, ими преимущественно снабжены болѣе древніе университеты. Конечно, доходы отъ безсрочныхъ, въ видѣ денежныхъ цѣнностей, вкладовъ часто очень незначительны. Общественныя стипендіи являются пережиткомъ того времени, когда благодаря ограниченности предложенія содержаніе учащихся въ высшихъ школахъ для образованія изъ нихъ слугъ для нуждъ отдѣльныхъ государствъ почиталось соціально политическою необходимостью. Съ этою цѣлью въ 16-мъ вѣкѣ были учреждены общежитія. Съ тѣхъ поръ благодаря возросшему благосостоянію и благодаря усиленію того уваженія, какимъ пользуются интеллигентныя профессіи, число соискателей, видимо, превысило потребность, а потому и учрежденія эти въ значительной долѣ утратили свое первоначальное значеніе.

Что-же, наконецъ, касается постоянно затрагиваемой *перемѣны университета*, то это является въ Германіи старымъ, связаннымъ съ присущей германцамъ страстью къ странствованіямъ обычаемъ. Число лицъ, проходящихъ весь курсъ въ университетѣ своей родины, не велико, большинство посѣщаютъ сверхъ своего еще одинъ университетъ, а многіе еще и третій и четвертый. Но это можетъ быть доведено и до преувеличенія, что бываетъ въ томъ именно случаѣ, когда человѣкъ нигдѣ не чувствуетъ себя дома, и все его время разбивается между странствованіями и пріобрѣтеніемъ привычки къ данному мѣсту, но въ общемъ и тогда польза не должна быть умаляема. Прежде всего переселеніе съ сѣвера на югъ полно величайшаго значенія: около 2000 сѣверныхъ германцевъ учатся, какъ указываетъ Конрадъ, въ южныхъ германскихъ университетахъ, тогда какъ югъ въ отношеніи сѣвера оказывается болѣе равнодушнымъ. Если даже въ научномъ отношеніи польза не для всѣхъ одинаково высока, то все-таки польза въ смыслѣ общаго образованія должна

быть поставлена очень высоко. Нѣтъ другой поры въ жизни, когда бы человѣкъ съ большимъ расположеніемъ допускалъ воздѣйствіе на себя посторонняго міра; и у кого на чужбинѣ взоръ внимательно устремленъ на окружающую его жизнь, тотъ съ болѣе просвѣтленнымъ сознаніемъ созерцаетъ и свою родную.

Впрочемъ, и для цѣлей научнаго образованія смѣна университетовъ въ высокой степени плодотворна, и въ этомъ отношеніи странствованія изощряютъ взоръ и дѣлаютъ его внутренне независимымъ.

Союзы и собранія. Для германскихъ университетовъ студенческія соединенія также характерны, какъ колледжи для англійскихъ и американскихъ. Они и въ жизни отдѣльнаго лица играютъ подобную же роль, они приводятъ къ сближенію на всю жизнь, опредѣляютъ его духовное общеніе и далеко не въ ничтожной долѣ участвуютъ въ выработкѣ его взглядовъ и привычекъ.

Здѣсь нельзя задаваться цѣлью представить полную картину всей вѣтвистой союзной организаціи,—я намѣчу лишь основныя ея черты. Изъ обширной массы студенческихъ соединеній выдѣляются въ качествѣ особыхъ и замкнутыхъ группъ *союзы, отличаемые по цвѣтамъ.* Эти въ свою очередь подраздѣляются на три главные вида: Corps, Burschenschaften и christliche Verbindungen, наряду съ которыми и между которыми снова существуютъ всевозможныя подраздѣленія. Corps исторически связаны съ старыми областными корпораціями, они и наименованія свои берутъ отъ старыхъ германскихъ областей и племенъ. Въ каждомъ германскомъ университетѣ встрѣчается большее или меньшее число Corps. Взятые всѣ вмѣстѣ они составляютъ большой, обнимающій всѣ германскіе университеты союзъ.. Эта группа, составляемая исключительно изъ зажиточныхъ и знатныхъ слоевъ общества, характеризуется большими издержками на внѣшнюю обстановку и роскошь и сообразно съ этимъ сильною склонностью къ аристократическому выдѣленію изъ общей массы студенчества, вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ студенческой знати. Corps считаютъ своимъ правомъ притязать на представительство студенчества. Burschenschaft обязана своимъ существованіемъ освободительнымъ войнамъ. Возникнувъ какъ организація всего студенчества противъ Corps, первоначально она не задавалась желаніемъ быть изолированнымъ соединеніемъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, но скорѣе стремилась исторгнуть малодушіе союзной жизни съ ея многообразной развращенностью и проникнуть германское студенчество новыми идеями о его положеніи и задачахъ въ отношеніи германской народной жизни, любовью къ народу и отечеству и воодушевленіемъ къ его единству, силѣ и свободѣ. Благодаря запретительнымъ законамъ стараго полицейскаго государства она была ввергнута на иные пути, преслѣдуемая и притѣсняемая, она принимала по временамъ то тамъ, то здѣсь форму тайнаго общества. Однако, она не мало способствовала тому, чтобы сдѣлать мысль о германскомъ единствѣ живущей въ народѣ силой. Въ настоящее время Burschenschaften, являются замкнутыми подобно Corps союзами, нѣкоторыя-же и внѣшними своими отличіями немногимъ отличаются отъ послѣднихъ, другимъ-же, именно болѣе старымъ и значительнымъ, имѣющимъ глубокіе корни въ прошломъ, удалось

нѣсколько болѣе сохранить отъ духа и стремленій старыхъ Burschenschaften.

Начиная съ тридцатыхъ годовъ этого столѣтія, выступаютъ на ряду съ Corps и Burschenschaften, въ качествѣ третьей группы христіанскіе союзы (christlichen Verbindungen), часто также подъ названіемъ Wingolf. Схожіе по строю и внѣшнимъ отличительнымъ чертамъ съ остальными носящими цвѣта союзами, они существенно отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что отвергаютъ дуэль. Немаловажной также чертой ихъ отличія служитъ тотъ фактъ, что они почти исключительно имѣютъ своими членами богослововъ, тогда какъ другіе союзы стоятъ выше факультетскихъ различій, но въ томъ, однако, смыслѣ, что Corps по преимуществу состоятъ изъ юристовъ и наряду съ послѣдними пополняются также медиками. Burschenschaften болѣе другихъ могутъ совмѣщать представителей всѣхъ факультетовъ, ибо они, быть можетъ, въ наибольшей степени преступаютъ всякія различія соціальнаго характера. Въ прежнія времена встрѣчались во многихъ университетахъ также и католическія студенческія организаціи, съ такою-же замкнутостью и подобными-же тенденціями, какія являютъ Вингольфъ.

Наряду со старыми соединеніями въ новѣйшія времена, въ особенности въ большихъ университетахъ, возникаютъ Verein'ы, независимые союзы, для служенія ли какому-либо искусству, пѣнію или гимнастикѣ, для взаимнаго ли споспѣшествованія научному образованію или-же, наконецъ, для преслѣдованія какого-либо опредѣленнаго идейнаго направленія или практической цѣли. Они отличаются отъ старыхъ союзовъ въ общемъ тѣмъ, что цѣль ихъ скорѣе практическая, соединеніе менѣе тѣсное и замкнутое. Студенческіе союзы создаютъ соединеніе на всю жизнь, не только на годы ученія, и старики часто остаются въ тѣснѣйшей связи съ союзами и всѣми, къ нему принадлежащими.

Въ качествѣ дѣйствительнаго представителя германскаго студенчества всюду, за границей еще больше, чѣмъ въ Германіи самой, почитается носящій цвѣта и дерущійся на дуэляхъ студентъ, принадлежащій къ корпораціи; хотя въ численномъ отношеніи такіе студенты составляютъ лишь ничтожную долю, едва ли и двадцатую часть всего студенчества, въ большихъ-же университетахъ они исчезаютъ въ общей массѣ и только въ нѣкоторыхъ изъ меньшихъ и среднихъ, по размѣрамъ своимъ, университетахъ они составляютъ болѣе значительную часть всей остальной массы.

Сужденія о значеніи и достоинствахъ этого рода союзовъ различны. Нерѣдко и публично имъ высказываются строгія порицанія; имъ, въ особенности Corps, ставится въ укоръ полное забрасываніе занятій, грубая переоцѣнка внѣшнихъ сторонъ жизни, надменное неуваженіе къ посторонним. И дѣйствительно проистекающія отсюда опасности не должны быть чрезмѣрно умаляемы: расточеніе силъ и времени на всякіе пустяки, забрасываніе занятій и даже презрѣніе къ нимъ, суженіе кругозора на всѣ человѣческія нужды, все это послѣдствія, которыя вызываются отчасти этими организаціями. Но тѣмъ не менѣе поголовное осужденіе опрометчиво. Не слѣдуетъ забывать, что блужданію и бездѣлію открытъ про-

сторъ и внѣ союзовъ, и если бы существовала по этому поводу статистика, то, быть можетъ, обнаружилось бы, что эти группы въ этомъ участвуютъ не болѣе, а даже менѣе, чѣмъ можно было бы, судя по численнымъ соотношеніямъ, ожидать. Съ другой стороны, отъ союза многими почерпается неоцѣненная польза на всю жизнь. Прежде всего, союзъ—свободная, сама для себя установляющая правила корпорація, ея сочлены ежедневно, въ маленькихъ кружкахъ обучаются великому искусству руководить собою и другими. Быть можетъ, нѣтъ на свѣтѣ законовъ, которымъ точнѣе слѣдовали бы и которые строже соблюдали бы, чѣмъ законы, которые издаетъ для себя студенческая корпорація. Студенты научаются уживаться и съ другомъ и съ недругомъ; всякое нарушеніе встрѣчаетъ зоркаго наблюдателя и строгаго судью. Такимъ образомъ, усваивается извѣстная манера и извѣстная стойкость въ поведеніи, по которымъ иногда и въ послѣдующей жизни узнается старый студентъ корпораціи.

Для многихъ камнемъ преткновенія служитъ дуэль или мензура. Я отнюдь не желаю ее оправдывать или защищать тотъ развратъ, къ которому она такъ легко ведетъ. Легкомысленная игра собственною и чужою жизнью постыдна. Однако, этотъ-же вопросъ можно разсматривать и съ другой стороны. Безъ мензуры фехтовальныя упражненія утратили бы свой интересъ, а союзы значительную долю осуществляемой ими дисциплины; кромѣ того, мензура служитъ въ извѣстномъ смыслѣ также испытаніемъ отваги или. если угодно, крѣпости нервовъ. Сверхъ того. она обезпечиваетъ каждому въ предѣлахъ даннаго круга уваженіе, не зависящее отъ значительности, перемѣнчивости состава даннаго круга. «Драться—грѣхъ», сказалъ американецъ I. М. Гартъ въ своей книгѣ о германскихъ университетахъ, полной здравыхъ мыслей и тонкихъ наблюденій, «но встрѣчаются и другіе грѣхи, столь-же великіе и несравненно болѣе распространенные». Онъ указываетъ затѣмъ на всевозможные случаи изъ жизни американскихъ коллэджей. Германская система имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что она исполнена мужественности и «привлекаетъ студента къ самой строгой отвѣтственности за то, что онъ сдѣлалъ или сказалъ».

Ученіе. Цѣль ученія—пріобрѣсти способность *научно мыслить*, т. е. способность оцѣнивать и самостоятельно производить научныя изслѣдованія, а на второмъ мѣстѣ также способность разрѣшать на основаніи научнаго знанія вопросы практическаго характера.

Такъ опредѣляетъ свою задачу германскій университетъ. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы научиться, т. е. принимать знанія на вѣру, но дѣло идетъ о томъ, чтобы наставлять къ самостоятельному мышленію и изысканію. Конечно, необходимо также и ученіе и воспріятіе матеріала. Но тотъ, кто пожелалъ бы удовлетвориться этимъ, не соотвѣтствовалъ бы германской идеѣ студента, и если бы онъ, начиная съ перваго семестра, внимательно посѣщалъ и повторялъ лекціи, изучалъ учебники и, наконецъ, съ пріобрѣтеннымъ такимъ путемъ аттестатомъ гладко выдержалъ экзаменъ, мы все-таки сказали бы, что ему чего-то недостаетъ, недостаетъ именно самаго существеннаго, провѣрки своихъ силъ къ самостоятельному

изысканію. Превосходно выразилъ эту точку зрѣнія Г. ф. Зибель: не въ томъ заключается требованіе, чтобы впитать въ себя всю полноту знанія изъ послѣдняго источника,—это невозможно. «Но существенно, чтобы учащійся усвоилъ себѣ ясное представленіе о задачахъ науки и о тѣхъ процессахъ, при помощи которыхъ эти задачи разрѣшаются; необходимо, чтобы онъ въ извѣстныхъ чертахъ, по крайней мѣрѣ, въ одной, этотъ процессъ продѣлалъ самъ, чтобы онъ отдѣльныя проблемы прослѣдилъ до ихъ конечныхъ результатовъ, до той точки, когда онъ могъ бы себѣ сказать, что нѣтъ никого на свѣтѣ, кто могъ бы по этому или по поводу этого чему-либо его научить, здѣсь онъ стоитъ твердо и прочно на своихъ собственныхъ ногахъ и рѣшаетъ по собственному своему сужденію. Это сознаніе собственными силами пріобрѣтенной самостоятельности, —неоцѣненное благо. Почти безразлично, какого вопроса первоначально касалось изысканіе, приведшее къ такому результату; достаточно, что оно расторгло хоть въ еще очень маленькой точкѣ зависимость отъ школы, оно испытало силы и средства, при содѣйствіи которыхъ отнынѣ легко можно схватить каждую новую проблему и привести ее къ подобному-же рѣшенію, оно кромѣ того въ радостную пору юности привело къ созрѣванію юноши до состоянія мужа».

Это—идеалъ. Не всѣ достигаютъ его, и его не всегда одинаково легко достигнуть. Издавна, быть можетъ, было присуще по преимуществу филологическимъ дисциплинамъ наставлять ихъ учениковъ къ подобной самостоятельности; нынѣ-же отъ нихъ въ этомъ отношеніи не отстаютъ и экспериментальныя науки, быть можетъ, даже нѣсколько и обогнали ихъ. Труднѣе всего достигнуть этой цѣли, быть можетъ, юриспруденціи; съ этимъ связано и то обстоятельство, что отъ юридическаго факультета чаще всего раздаются жалобы на недостатокъ вдохновленности и самостоятельности въ ученіи; бремя собственно заучиванія нигдѣ не бываетъ такъ велико, какъ здѣсь.

Свобода ученія. Она является коррелативомъ свободѣ преподаванія. Подобно тому, какъ послѣдняя покоится на предположеніи, что академическій преподаватель самостоятельный, научный изслѣдователь, такъ и первая таитъ въ себѣ требованіе, что студентъ долженъ быть наставляемъ къ самостоятельному научному мышленію. И подобно тому, какъ свобода преподаванія, также точно и свобода ученія въ настоящее время, можно сказать, неограниченная. Студентъ избираетъ себѣ какъ университетъ и науку, такъ и преподавателей и опредѣляетъ самый порядокъ прохожденія курса; отъ него-же зависитъ, какія лекціи онъ желаетъ слушать, какія работы желаетъ исполнять; не существуетъ никакого воздѣйствія со стороны начальства, ни даже никакихъ совѣтовъ; онъ можетъ даже предпочесть ничего не слушать и ни надъ чѣмъ не работать.

То обстоятельство, что не совсѣмъ незначительная часть студенчества, по крайней мѣрѣ временно, высказываются въ пользу второго рѣшенія, все снова выдвигало передъ заботливымъ правительствомъ и боязливыми отцами вопросъ о томъ, не благоразумнѣе-ли было бы поставить болѣе тѣсныя ограниченія свободѣ о ученія? И постоянно при этомъ всплываютъ старыя средства для поощре-

нія прилежанія къ занятіямъ: обязательные планы преподаванія съ семестровыми экзаменами или даже посредствующими испытаніями, или-же списки о посѣщеніяхъ съ контрольными отмѣтками и свидѣтельствами о прилежаніи.

Всякій, знающій германскіе университеты и юношество, не усомнится въ томъ, что всѣ попытки воспособлять прилежанію къ занятіямъ при помощи мѣръ принужденія. окажутся тщетными и пагубными. тщетными, ибо принужденію доступна лишь внѣшняя сторона, но не сущность даннаго явленія, пагубными, поскольку они ослабляютъ духъ самостоятельности и собственной отвѣтственности.

Ученіе по принужденію предполагаетъ школьный строй и школьный характеръ отношеній преподавателя къ ученикамъ, какъ было въ средневѣковыхъ коллегіяхъ. Нѣчто подобное уже въ силу исторически сложившагося обыкновенія немыслимо, немыслимо оно также и въ силу возраста учащихся: напрасно искали бы учителя, который могъ бы людей 20—25 лѣтъ руководить какъ учениковъ при помощи формъ и средствъ школьной дисциплины. А безъ такого порядка всѣ остальныя средства являются безполезными; о вѣдомостяхъ посѣщеній и говорить нечего. но и промежуточныя испытанія ни въ коемъ случаѣ не служили бы дѣйствительнымъ средствомъ для привлеченія къ ученію, тѣмъ менѣе къ научной работѣ.

Этому ничтожному положительному результату противостоятъ наиболѣе серьезныя отрицательныя послѣдствія. Во-первыхъ —отношеніе къ академическимъ преподавателямъ было бы нарушено. Нынѣ, покоясь всецѣло на свободѣ и довѣріи, оно вполнѣ чисто дружелюбное; всякая попытка усилить посѣщеніе лекцій всѣми иными средствоми, кромѣ ихъ собственной притягивающей силы, съ необходимостью возмутили бы эти отношенія. Равнымъ образомъ, нарушеннымъ оказалось бы и отношеніе къ наукѣ, она, свободная, жаждетъ любви и тяготѣнія къ себѣ со стороны свободныхъ-же. будучи навязанной, она стала бы всѣмъ ненавистной, приэтомъ не только тѣмъ, которые по природѣ своей не чувствуетъ къ ней никакой привязанности, но также и тѣмъ, которые нынѣ преданы ей по свободному побужденію.

Поучительны въ этомъ отношеніи русскіе порядки (Reform der russischen Universitäten durch Gesetz vom Jahre 1884; Leipzig 1886). Здѣсь издаются оффиціальные учебные планы годичныхъ курсовъ, посѣщеніе Лекцій обязательно, по окончаніи держатся испытанія и ставятся отмѣтки. А результатъ? «Повсюду слышатся жалобы, что уже въ серединѣ ноября аудиторіи пустуютъ. Хорошо, если послѣ новаго года и до конца февраля замѣчается нѣкоторое увеличеніе числа слушателей, но затѣмъ съ началомъ занятій къ экзаменамъ совсѣмъ уже не хватаетъ времени для посѣщенія лекцій». Громадную роль играютъ «литографированныя лекціи»; онѣ покупаются по дорогой цѣнѣ и пользуются оффиціальнымъ признаніемъ. Профессоръ самъ предварительно просматриваетъ записки или стенограммы своихъ лекцій, дабы затѣмъ переспрашивать ихъ на экзаменахъ (стр. 99 и слѣд.). Наблюденія, сдѣланныя Фр. Николаи сто лѣтъ тому назадъ въ вѣнскомъ университетѣ, гдѣ въ то время господствовали тѣ-же порядки, можно прочесть въ описаніяхъ его путешествія

(IV, 57 и слѣд.): онъ засталъ въ философской аудиторіи около 200 слушателей: лекція была интересна и содержательна, но слушатели вели себя, какъ дѣти: «одни лежали на скамьяхъ, другіе болтали, третьи глазѣли по сторонамъ, четвертые — дремали». Это все разрѣшалось; но чтобы эти начинающіе искатели мудрости не мѣшали профессору, на отдѣльномъ мѣстѣ, подлѣ каѳедры сидѣлъ степенный студентъ, именовавшійся fiscus philosophiae, который въ тѣхъ случаяхъ, когда они уже слишкомъ шумѣли, вставалъ и напоминалъ имъ о ихъ обязанностяхъ предъ преподавателемъ. Интересна параллель, которую проводитъ I. М. Гартъ въ своей книгѣ о германскихъ университетахъ (стр. 264 и слѣд.) между отношеніемъ германскаго профессора къ своимъ слушателямъ и отношеніемъ американскаго профессора къ своимъ ученикамъ: «оборотной стороны доли профессора въ Америкѣ, полицейской обязанности и дисциплины, совершенно нѣтъ въ Германіи. Германскій профессоръ читаетъ лишь для тѣхъ, которые желаютъ и способны его слушать. Его отношеніе къ слушателямъ—отношеніе джентльмена, говорящаго съ другимъ джентльменомъ. Онъ не исполненъ постоянной боязни услышать себѣ прозвище или увидѣть каррикатуру на свое лицо, его ночной покой не нарушается серенадами». Навѣрно, всѣ эти факты встрѣтятся и у насъ, когда мы введемъ въ университеты школьную дисциплину и полицейскій надзоръ.

Но если бы даже эти послѣдствія отсутствовали, когда достигнуто было бы превращеніе студентовъ въ только добросовѣстно и прилежно учащихъ свои уроки учениковъ, то и этотъ результатъ настолько оказался бы далекимъ отъ идеала, что онъ вообще знаменовалъ бы собою разрушеніе идеи германскаго университета. Образовывать юношей самостоятельныхъ мыслью и волею и сознающихъ собственную отвѣтственность мужей,—вотъ идея германскаго университета, въ томъ видѣ, какъ она уже почти втеченіе двухъ столѣтій развилась. Пользоваться свободой, служить самому себѣ совѣтчикомъ и руководителемъ, этому научиться можно лишь на свободѣ. Конечно, это школа опасная, но другой нѣтъ; можно заблуждаться, многіе и заблуждаются. Но, кто на собственный страхъ не заблуждался и собственными силами не выводилъ себя на вѣрный путь, тотъ не обладаетъ серьезнымъ опытомъ. Кто при своихъ странствованіяхъ на землѣ держался прямыхъ улицъ, тотъ приэтомъ многаго не видѣлъ; окружными и ложными путями научаются познавать страну, они заставляютъ тонко замѣчать, посматривать на всѣ стороны и обращать вниманіе на всѣ признаки, дабы снова оказаться на вѣрномъ пути. Также и въ наукѣ. Кто всегда оставался на прямой улицѣ приказанныхъ школьныхъ занятій и признанныхъ истинъ и не имѣлъ смѣлости отклоняться или заблуждаться, тотъ въ странѣ истины не особенно много видѣлъ. И долго заблуждаться, значитъ долго оставаться молодымъ; лишь тотъ, кто законченъ, болѣе не заблуждается. Причемъ тотъ, кто самъ по собственному опыту умѣетъ ошибаться, искать и находить, будетъ лучшимъ помощникомъ и руководителемъ и для другихъ заблуждающихся. И даже ошибки, лежащія на сторонѣ воли, не лишены

плодовъ для тѣхъ, кто собственными силами снова выходитъ на вѣрный путь.

Къ этому-же пріуроченъ и германскій университетъ. Онъ не водилъ юношу, какъ школьника, за руку и не ограждалъ его отъ всевозможныхъ ошибокъ, онъ предоставилъ ему самому отыскивать свой путь; но онъ пробудилъ въ этомъ человѣкѣ силы, сдѣлавшія для него возможнымъ найти вѣрный путь и чувствовать себя самимъ собой.

Шлейермахеръ говоритъ въ «Случайныхъ мысляхъ» («Gelegentlichen Gedanken» S. 110): не ученіе составляетъ дѣйствительную цѣль университета, но то, что совершенно новая жизнь, болѣе высокій, истинно-научный духъ должны, если это только возможно, быть возбуждены въ юношахъ. Это достигается, однако, лишь внѣ принужденія и попытка эта можетъ быть предпринята при условіи полной свободы духа. Подобно тому, какъ закону любви и вѣры человѣкъ можетъ быть подчиненъ лишь посредствомъ любви же и вѣры но отнюдь не посредствомъ какой-либо власти или принужденія внѣшнихъ факторовъ, такими-же лишь путями можетъ онъ подойти и къ наукѣ и знанію, освобождающихъ его отъ служенія какому-либо авторитету, ибо на него воздѣйствуютъ лишь путемъ знанія, безъ помощи какихъ-либо иныхъ средствъ.

Учебныя пособія и пользованіе ими. О формѣ и значеніи предлагаемаго университетомъ преподаванія говорилось выше. Задача-же учащихся сводится къ разумному пользованію имъ. Втеченіе первыхъ семестровъ занятія преимущественно сводятся къ тому, чтобы при посредствѣ надлежаще избранныхъ лекцій ввести себя въ ту сферу, въ которой студенту придется работать. Старый обычай убѣждаетъ его записывать лекціи и, если это дѣлается разумно, занятіе это отнюдь не заслуживаетъ порицанія. Оно заставляетъ сознательно слѣдить за лекціей и существенныя части ея содержанія самостоятельно формулировать. Гнейстъ въ своихъ афоризмахъ къ реформѣ юридическаго образованія (1887) обращаетъ вниманіе на то, что это могло бы служить для юристовъ хорошимъ подготовительнымъ упражнѣніемъ къ ихъ позднѣйшимъ задачамъ: слѣдить за устными изложеніями и путемъ записи отдѣльныхъ основныхъ положеній быть въ состояніи снова представить себѣ весь ходъ рѣчи. Подобныя-же задачи предъявляются не однимъ только юристамъ; рѣчь и устное изложеніе начинаютъ повсюду все болѣе выдвигаться наряду съ чтеніемъ и писаніемъ.

Въ слѣдующіе семестры къ лекціямъ присоединяются упражненія. Въ нихъ дѣло сводится къ тому, чтобы научиться методамъ изслѣдованія или разрѣшенію намѣченныхъ проблемъ. Можно сказать, что въ настоящее время, по крайней мѣрѣ на философскомъ факультетѣ, всѣ болѣе прилежные и старательные студенты такъ или иначе участвуютъ въ нынѣ предлагаемыхъ упражненіяхъ. На самомъ дѣлѣ, требуемая здѣсь активная дѣятельность служитъ необходимымъ дополненіемъ болѣе воспринимающей, по характеру своему, духовной дѣятельности на лекціяхъ. Дальнѣйшее насажденіе методовъ научной работы происходитъ въ настоящее время преиму-

щественно посредствомъ этихъ учрежденій. Важны они также и тѣмъ, что способствуютъ личному знакомству учителя съ учениками. Вездѣ, гдѣ существуетъ дѣйствительно интимная связь между учителемъ и учениками, тамъ по общему правилу всегда она имѣетъ свои корни еще въ семинарскихъ упражненіяхъ; здѣсь встрѣчаетъ ученикъ индивидуально-личное поощреніе, здѣсь видитъ учитель созрѣваніе силъ, которыя продолжатъ его работу.

Въ качествѣ второго серьезнаго учебнаго средства приходятъ къ университетскому преподаванію чтенія. Ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы ознакомить втеченіе студенческихъ лѣтъ при помощи самостоятельной разработки, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ наиболѣе значительныхъ авторовъ по избранной наукѣ. Болѣе значительными справочными трудами можно при случаѣ также пользоваться для всевозможныхъ указаній, одно внѣшнее знакомство съ ними уже является пріобрѣтеніемъ; въ позднѣйшей жизни для большинства, живущаго въ удаленныхъ мѣстностяхъ, они съ трудомъ доступны. Существенно также познакомиться съ исторіей своей науки, хотя-бы въ очеркахъ. Лекціи, пріуроченныя къ систематикѣ, должны указывать на литературное въ этомъ отношеніи дополненіе, это относится также и къ естественно-историческимъ наукамъ. Знакомство съ исторіей науки тогда лишь окажется дѣйствительно плодотворнымъ, когда оно приведетъ къ изученію путемъ самостоятельныхъ занятій, не изъ чужого прочтенія только двухъ-трехъ наиболѣе значительныхъ историческихъ трудовъ. Гдѣ литературные памятники являются наиболѣе существеннымъ матеріаломъ для изслѣдованій, тамъ становится неизбѣжной дальнѣйшая работа: ознакомиться и съ ними въ извѣстномъ объемѣ путемъ самостоятельнаго чтенія и работы. Такъ, напр., для богослова или филолога чтеніе произведеній, являющихся главнымъ объектомъ ихъ наукъ, составляетъ существенный моментъ его дѣятельности, онъ становится тѣмъ болѣе свободнымъ и твердымъ, чѣмъ болѣе онъ усвоиваетъ это дѣйствительное содержаніе науки. Кто знаетъ элементы, тотъ легко окрѣпнетъ и въ наукѣ объ этихъ элементахъ, въ codices и editiones, quaestiones и комментаріяхъ, насколько это желательно и необходимо. Къ занятіямъ въ области избранной науки могутъ также при случаѣ и желаніи присоединяться чтенія по сопредѣльнымъ областямъ и изъ сферы общаго знанія. Въ этомъ именно отношеніи философія имѣетъ также право на вниманіе. Какъ по старой поговоркѣ всѣ дороги въ Римъ ведутъ, такъ и въ наукѣ всѣ дороги ведутъ къ философіи. Всякое изслѣдованіе выливается въ тѣ болѣе общія проблемы, разрѣшеніе которыхъ издавна приписывалось философіи.

Что касается способа чтенія, то старый совѣтъ читать съ перомъ въ рукахъ сохраняетъ свою силу. Путемъ отмѣтокъ хода мысли и извлеченія наиболѣе существеннаго поддерживается вниманіе и усиливается степень запечатлѣнія, и для напоминанія впослѣдствіи пара исписанныхъ при первомъ чтеніи листковъ имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ обстоятельное и точное изложеніе, вышедшее изъ чужихъ рукъ. Наиболѣе плодотворнымъ является чтеніе, когда оно

ведется съ опредѣленныхъ точекъ зрѣнія, знакомства съ существомъ вопроса или исторической стороной его.

Для большей доступности литературныхъ пособій въ германскихъ университетахъ въ самыя отдаленныя еще времена сдѣлано необыкновенно много и публичныя библіотеки съ устройствомъ богатыхъ ручныхъ библіотекъ предоставлены свободному пользованію въ читальной залѣ для надобностей учащихся; такъ что въ настоящее время каждый безъ всякихъ хлопотъ имѣетъ во всякое время подъ рукой самые существенные учебники и справочные труды. Сюда же относятся и очень богато обставленныя семинарскія библіотеки, которыя открыты какъ для пользованія въ стѣнахъ университета, такъ и для выдачи книгъ сочленамъ на домъ. Должно надѣяться, что широкое снабженіе книжными богатствами на общественныя средства не повлечетъ того послѣдствія, что студенты свою обычную бережливость въ издержкахъ на собственныя собранія книгъ еще въ большей степени усилятъ. Собственная маленькая ручная библіотека все-же остается неизбѣжной принадлежностью каждаго, работающаго въ наукѣ.

Я коснусь еще пользы *совмѣстной* работы. Такая работа встрѣчается въ двухъ формахъ: въ качествѣ чисто частной совмѣстной работы нѣсколькихъ лицъ и въ качествѣ организованной совмѣстной работы въ научныхъ союзахъ. Обѣ могутъ быть въ высшей степени плодотворными. Тамъ, гдѣ двое или трое, согласные между собой во взглядахъ или-же счастливо другъ друга дополняющіе собираются для совмѣстнаго чтенія или для совмѣстныхъ репетицій, тамъ работа съ мѣста-же идетъ веселѣй: разсмотрѣніе вопроса съ двухъ сторонъ, возможность тотчасъ-же высказать свой взглядъ, свое сужденіе усиливаютъ интересъ, облегчаютъ и углубляютъ воспріятіе. И научные союзы, въ большомъ числѣ возникшіе за послѣднее время, также имѣютъ большое значеніе, уже въ силу того, что они связываютъ между собой сходныхъ по преслѣдуемымъ цѣлямъ людей и даютъ возможность научиться познавать другъ друга. Въ старшихъ и постоянныхъ союзахъ вырабатывается нѣчто вродѣ историческихъ традицій, обнимающихъ вступающаго въ нихъ благотворнымъ духомъ, наставляющимъ къ правдѣ и побуждающимъ къ высокому. Возможность представлять или обсуждать въ кругу равныхъ между собой лицъ небольшіе изслѣдованія, сочиненія, рефераты, сообщенія служитъ сверхъ того дополненіемъ семинарскихъ упражненій.

Испытанія. Въ настоящее время въ Германіи существуютъ рядомъ другъ съ другомъ два рода испытаній: академическія и государственныя. Первыя производятся факультетами, при помощи ихъ пріобрѣтаются старыя академическія степени. Государственныя испытанія производятся испытательными органами, которыхъ правительство назначаетъ, по большей части, на одинъ годъ и снабжаетъ руководствомъ о порядкѣ производства испытаній. Эти испытанія являются повсюду условіемъ для вступленія въ практическую дѣятельность. Академическія-же испытанія и степени имѣютъ практическое значеніе лишь для университетской карьеры, ибо факуль-

тетомъ требуется для допущенія въ качествѣ приватъ-доцента обладаніе степенью. Въ остальномъ-же они имѣютъ значеніе лишь рекомендаціи или украшенія.

Общее проведеніе системы государственныхъ испытаній первоначально принадлежитъ 19 му вѣку. Въ XVIII вѣкѣ едва попадаются зачатки въ этомъ направленіи. Для врачебной дѣятельности имѣютъ силу академическія испытанія и степени. На государственной службѣ принятіе въ сферу практической дѣятельности происходило по общему правилу такъ: соискатель на основаніи академической testemonia, оффиціальнаго ли удостовѣренія университета о пріобрѣтеніи степени или по крайней мѣрѣ о посѣщеніи университета, или-же частнаго свидѣтельства, выданнаго именитымъ учителемъ, допускался въ качествѣ Auskultator для предварительныхъ занятій въ правительственной коллегіи или судѣ. Если обнаруживалась его пригодность и сверхъ того были выполнены удовлетворительно, по мнѣнію коллегіи, нѣкоторыя пробныя порученія, онъ опредѣлялся на государственную должность. Болѣе стараго происхожденія особыя испытанія для полученія церковной должности,—они опредѣлялись и производились церковными органами. Особыя, освободившіяся отъ богословскихъ испытаній, испытанія для полученія должности учителя проведены только въ 19-мъ вѣкѣ, въ Пруссіи въ 1810 году.

Развитіе системы государственныхъ испытаній стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ общей исторической эволюціей. Новый строй германской государственной жизни, возникшій въ началѣ 19-го столѣтія со времени столкновенія съ революціонной Франціей, повлекъ за собой и новый порядокъ должностнаго строя. Старая система наслѣдственнаго права преемства въ лучшихъ должностяхъ военной и гражданской службы была отринута. Вмѣсто раздачи должностей по усмотрѣнію, желанію и благоволенію высшихъ должностныхъ лицъ или частныхъ покровителей выступило въ качествѣ принципа избраніе соискателей на основаніи испытаній и повышеніе по старшинству.

Съ проведеніемъ этой системы достигнутъ двоякій результатъ: 1) государству представлена извѣстная гарантія, что должности не попадутъ въ руки недостаточно подготовленныхъ соискателей; 2) тому, который готовитъ себя къ жизненной дѣятельности и вступаетъ въ нее съ доказательствомъ своей пригодности, дается извѣстная гарантія того, что ему не будетъ предпочтенъ всякій безъ заслугъ, лишь въ силу личнаго благоволенія.

Въ этомъ существенное значеніе испытаній; кто эту систему предпочитаетъ системѣ патроната и привиллегій, долженъ также желать и испытаній, какъ бы мало они не служили безошибочнымъ средствомъ распознать пригодность и заслуженность, и какъ бы много непривлекательнаго и помѣхъ не влекли они за собой какъ для экзаменующихъ, такъ и для экзаменующихся. Прежде всего страдаетъ отъ этого свобода научныхъ занятій; всякое испытаніе, происходящее не какъ чисто педагогическій актъ между учителемъ и ученикомъ, всякое государственное испытаніе, направленное на опредѣленіе уровня познаній при помощи экзаменаторовъ, которымъ экзаменующійся незнакомъ, ведетъ къ повторенію конспектовъ и натаскиванію съ посторонней помощью или безъ нея. Дѣйствительная ду-

ховная польза научныхъ занятій можетъ при такихъ испытаніяхъ не обнаружиться, какъ все это и указалъ одинъ англичанинъ Latham въ тонкой и остроумной книгѣ «On the action of examination, considered as a means of selection (1877)». Съ особенною рѣзкостью все это выдвигается тамъ, гдѣ испытанія находятся вполнѣ или отчасти въ рукахъ людей, вообще не причастныхъ къ преподаванію. До недавняго времени таково было положеніе въ Пруссіи относительно юристовъ, однако, въ позднѣйшее время въ этомъ отношеніи университетскимъ преподавателямъ снова дали болѣе значительное участіе въ испытательныхъ комиссіяхъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Единство университета.

Что сохраненіе единаго университета есть счастливое предопредѣленіе германской исторіи, является теперь общимъ убѣжденіемъ.

Очевидно, что объединенный университетъ значительно превосходитъ разъединенные факультеты въ значеніи и внѣшнемъ своемъ видѣ. Это ощущаютъ французскіе факультеты. Объ отдѣльныхъ факультетахъ права и медицины никто, кромѣ ближайшимъ образомъ къ нимъ причастныхъ, не знаетъ, напротивъ и маленькіе университеты, какъ Іенна, Киль, Эрлангенъ имѣютъ имя, не безызвѣстное и за границей. Здѣсь богословскій факультетъ, тамъ медицинскій или философскій факультеты придаютъ всей корпораціи имя и блескъ. Это не остается безъ значенія и для самочувствія отдѣльныхъ сочленовъ; какъ профессоръ Іенискаго или Эрлангенскаго университета, ученый вездѣ извѣстенъ и всюду введенъ: тогда какъ въ качествѣ сочлена темнаго факультета онъ стушевывается. И для студентовъ слово университетъ звучитъ иначе. Что Парижъ достигъ такого значительнаго преобладанія, что онъ одинъ насчитываетъ у себя половину всѣхъ учащихся Франціи, это объясняется тѣмъ, что нѣтъ или, вѣрнѣе, не было университетовъ въ провинціи, равнымъ образомъ благодаря этой-же причинѣ въ настоящее время приступили къ возсоединенію спеціальныхъ школъ въ единыя высшія школы.

Во внутренней сторонѣ явленія выступаетъ и нѣчто другое: единый университетъ неизмѣнно ставитъ передъ глазами путемъ самой организаціи всѣхъ своихъ сочленовъ единство науки. Постоянно открывая доступъ каждому искать помощи и восполненія у другихъ, университетъ приводитъ представителей отдѣльныхъ наукъ къ наиболѣе тѣсному взаимодѣйствію. Учителя ежедневно встрѣчаются въ университетѣ и внѣ его. Богословъ сталкивается съ философомъ, филологомъ и естествоиспытателемъ: и благодаря тому, что эти науки предстаютъ передъ нимъ въ видѣ отдѣльныхъ личностей, ему невозможно ихъ обойти, и онъ чувствуетъ себя вынужденнымъ войти съ ними во внутреннее взаимное соглашеніе. Безъ сомнѣнія, въ тѣснѣйшей связи съ этимъ обстоятельствомъ стоитъ характеръ проте-

стантскаго богословія, его основная тенденція—привести религію и науку къ внутреннему уравниванію, что въ особенности составляетъ задачу догматики—постоянно перебрасывать мостъ между научнымъ сознаніемъ и религіозной потребностью. Католическое богословіе течетъ изъ семинаріи, и въ университетѣ оно живетъ для себя, поэтому въ немъ больше единства системы ученія, но, конечно, въ то-же время меньше силъ воздѣйствовать на науку Протестантское богословіе, воспринимая воздѣйствіе со стороны всѣхъ наукъ, проявляетъ также и обратное воздѣйствіе; стоитъ вспомнить такихъ людей, какъ Шлейермахеръ, Бауэръ, Гассе. Не маловажнымъ для германскихъ университетовъ моментомъ является то, что большинство изъ нихъ въ своей средѣ имѣютъ протестантскій богословскій факультетъ. Враждебное отношеніе научной мысли къ религіи, часто встрѣчаемое въ католическихъ странахъ, университеты которыхъ не имѣютъ богословскихъ факультетовъ, не легко возможно въ протестантскомъ мірѣ.

Тоже самое обнаруживается и въ отношеніи остальныхъ факультетовъ. Философъ ежедневно сталкивается съ естествоиспытателемъ и историкомъ; воздѣйствіе происходитъ какъ со стороны ихъ, такъ и со стороны его; онъ чувствуетъ благодаря имъ постоянное побужденіе приводить свои мысли въ соприкосновеніе съ конкретною истиною; все позднѣйшее развитіе философіи въ Германіи покоится на этомъ. Съ другой стороны, и онъ пробуждаетъ въ изслѣдователѣ тяготѣніе къ общимъ и конечнымъ истинамъ; склонность германской науки къ философіи въ значительной мѣрѣ связана съ фактомъ личнаго общенія съ философами и богословами. Равнымъ образомъ и юристъ ежедневно сходится съ историкомъ и политикоэкономомъ, медикъ съ физикомъ, химикомъ и біологомъ; фактъ существованія другихъ служитъ стимуломъ выходить за предѣлы собственной сферы и искать связей вовнѣ. Дружба, связывавшая Ф. Савиньи и І. Гримма, основателя исторической школы въ правовѣдѣніи и основателя германистской науки, можетъ быть разсматриваема какъ символъ единства юридической и исторической науки въ Германіи. Такое-же единство существуетъ и между медициной и естествознаніемъ.

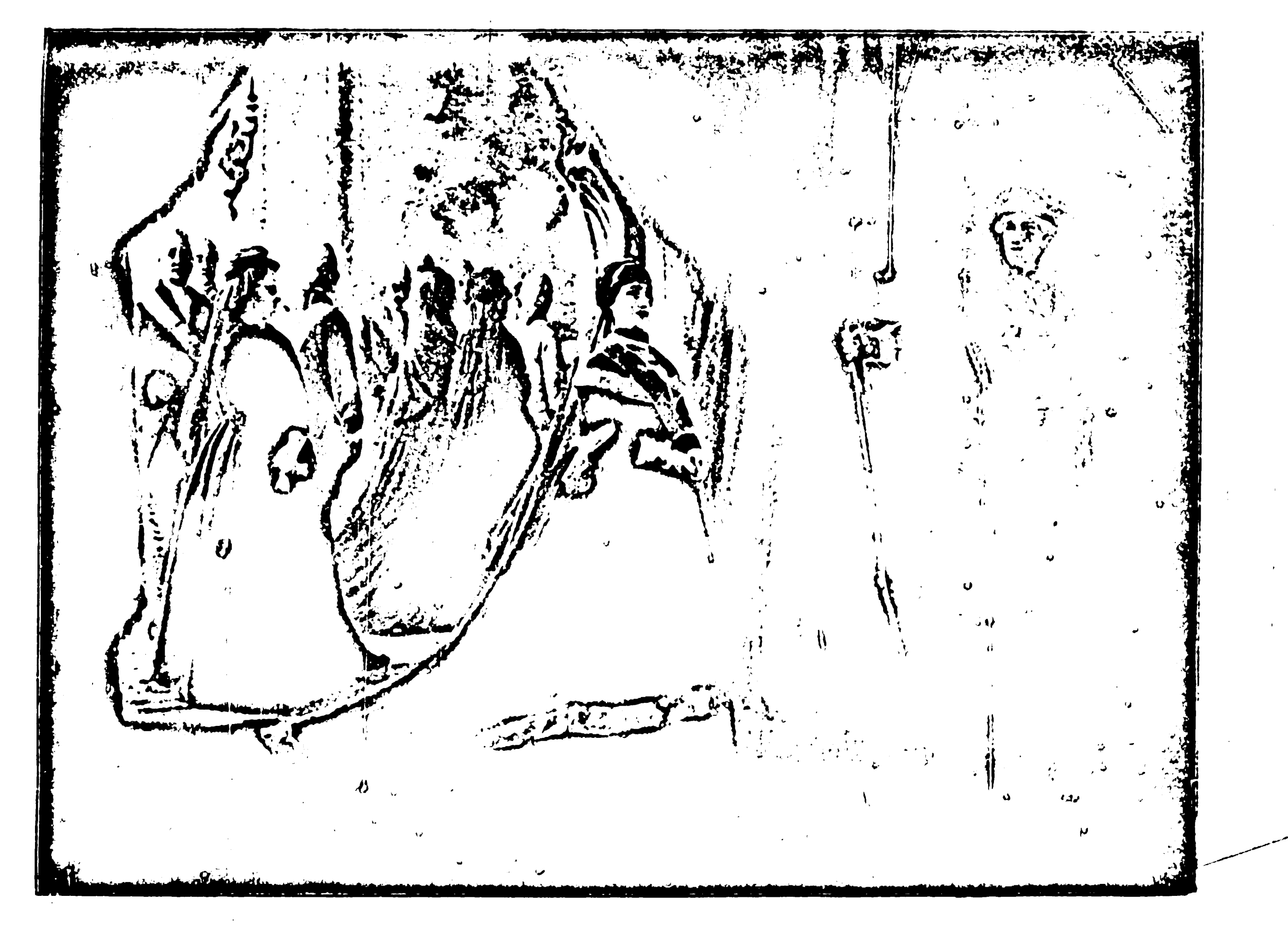
Здѣсь слѣдуетъ также вспомнить, какъ часто происходитъ переходъ отъ одной науки къ другой, причемъ нерѣдко преступаются и границы отдѣльныхъ факультетовъ: Лотце, философъ, былъ медикомъ и доцентомъ медицины въ Лейпцигѣ до его приглашенія въ качествѣ профессора философіи въ Геттингенъ, Вундтъ также началъ съ медицинской науки и Фехнеръ былъ всю свою жизнь профессоромъ физики; Гельмгольцъ, физикъ и физіологъ, окончилъ курсъ медицины и былъ военнымъ врачемъ, прежде чѣмъ онъ сталъ профессоромъ физіологіи и затѣмъ физики; Момзенъ, историкъ, былъ съ самаго начала юристомъ, прежде чѣмъ стать профессоромъ исторіи; Целлеръ, писатель по исторіи филологіи, сначала былъ богословомъ и профессоромъ богословія до того, какъ перешелъ на философскій факультетъ. Всѣ эти люди, впрочемъ, уже во время своихъ университетскихъ занятій положили основу этой двойственности.

Этимъ-же затронуто и дальнѣйшее: какъ для учителей, такъ

не менѣе того и для студентовъ соединеніе факультетовъ имѣетъ большое значеніе. Однако, университетъ не обладаетъ единствомъ школы, онъ является союзомъ самостоятельныхъ высшихъ школъ, курсы которыхъ въ существенныхъ своихъ чертахъ проходятся другъ подлѣ друга. Тѣмъ не менѣе встрѣчаются многообразные выходы и за предѣлы отдѣльныхъ факультетовъ. Едва-ли легко было бы германскому студенту покинуть университетъ. не прослушавъ хоть одинъ разъ лекцію чужого факультета, а иногда и чаще не посѣтивъ такія лекціи. Болѣе всего оказывается посѣщаемымъ—философскій факультетъ. На лекціи философовъ. историковъ, естествоиспытателей и политико-экономистовъ сходятся всѣ факультеты, особенно часто бываютъ тамъ богословы, въ которыхъ, быть можетъ, всегда живетъ тяготѣніе къ универсальному образованію, рѣже юристы и медики. Но бываетъ и обратное, слушатели философскаго факультета слушаютъ, смотря по своимъ склонностямъ, своему направленію, лекціи на другихъ факультетахъ, историкъ посѣщаетъ юридическія или церковноисторическія, естественникъ—медицинскія лекціи и т. д. Благодаря этому обстоятельству существеннымъ образомъ облегчается столь часто въ Германіи происходящій переходъ съ одного факультета на другой. Единство университета дѣлаетъ возможнымъ во-время познать и исправить ошибку въ выборѣ занятій, ибо оно приглашаетъ присматриваться и къ другимъ отраслямъ знанія.

Къ этому взаимному посѣщенію лекцій присоединяется въ качествѣ не менѣе существеннаго явленія духовное и научное общеніе студентовъ между собой. Едва-ли найдется хоть одинъ студентъ, который не состоялъ бы въ болѣе или менѣе живомъ общеніи съ слушателями другихъ факультетовъ. Въ этомъ отношеніи имѣютъ значеніе также союзы, здѣсь юристы и филологи, богословы и медики научаются познавать другъ друга. Дружба, сохраняемая на всю жизнь, возникаетъ здѣсь. Это не маловажное обстоятельство. Кто въ университетѣ прожилъ въ личной дружбѣ съ отдѣльнымъ членомъ другой профессіи, тотъ уже иначе относится ко всему сословію, этимъ кладется основа пониманію и довѣрію ко всей профессіи. Ars non habet osorem, nisi ignorantem. Единство университетскаго образованія въ значительной степени способствуетъ тому, чтобы придать академически образованнымъ сословіямъ чувство единства и солидарности, чувство аристократіи духа, призванное создать противовѣсъ аристократіи происхожденія и денегъ. Не ставя никому, обладающему силами, препятствій возвыситься въ академическомъ мірѣ, оно представляетъ, какъ нѣкогда духовенство, единство и дѣятельность, духовное руководительство народа.

Не слѣдуетъ однако, упускать изъ виду тотъ фактъ, что старой universitas въ послѣднее время грозитъ опасность гибели, притомъ, быть можетъ, не въ смыслѣ внѣшняго распаденія союза, обнимающаго факультеты, но скорѣе въ смыслѣ внутренняго нарушенія связи. Это все болѣе разливающееся раздѣленіе труда и выростающая отсюда спеціализація, которыя ей угрожаютъ. Болѣе всего отъ университета отдѣлились медики, это связано съ внѣшнимъ положеніемъ,

Екатерина у гроба Елизаветы — Н. Ге.

самостоятельностью и удаленностью ихъ отъ институтовъ; занятія захватываютъ вновь вступившаго болѣе рѣшительно и безраздѣльно, чѣмъ на другомъ факультетѣ. Богословъ и юристъ какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны остаются болѣе близкими университету. Съ другой стороны, эта-же тенденція проявляется и на философскомъ факультетѣ. Собственно говоря, и послѣдній призванъ представлять единство науки: можно было бы вмѣстить на философскомъ факультетѣ, въ видѣ чисто-теоретическихъ конструкцій, все дѣйствительно научное «высшихъ» факультетовъ, оно относилось бы или какъ право и религія къ области исторіи, или-же какъ внѣшнія явленія жизни къ области естествознанія. На этомъ и зиждилась старая связь высшихъ факультетовъ съ философскимъ: они являлись обособившимися техническими учебными заведеніями, философскій-же факультетъ—общимъ для всѣхъ основаніемъ. Но по мѣрѣ того, какъ отдѣльныя науки въ предѣлахъ самого философскаго факультета развивались и спеціализировались, по мѣрѣ того, какъ и здѣсь создавались спеціальныя школы, и философскій факультетъ утратилъ способность служить всякой общей цѣли. Съ тѣхъ поръ какъ филологическія или математическія чтенія усвоили характеръ спеціально-научнаго преподаванія для спеціалистовъ, ихъ перестали болѣе посѣщать богословы или медики; и въ естественноисторическихъ и историческихъ чтеніяхъ происходитъ подобная-же перемѣна. Въ большей степени философскія лекціи продолжаютъ еще быть общедоступными. Конечно, раздѣленіе труда не должно быть пресѣкаемо, на немъ зиждется властный прогрессъ научнаго изысканія. Задача-же должна состоять въ томъ, чтобы духу спеціализаціи, духу узкаго самоограниченія и малодушнаго самоудовлетворенія оказывать противодѣйствіе, и содѣйствовать въ этомъ направленіи призванъ каждый въ силу своей принадлежности къ университету. Въ особенности же стремленіе къ общему знанію, философскій духъ, готовый поставить разобщенное къ служенію конечному и высшему знанію, должны во всѣ времена имѣть свой очагъ на философскомъ факультетѣ. Въ этомъ могла бы быть прекрасная задача публичныхъ лекцій: представлять болѣе обширному кругу слушателей, представителямъ всѣхъ сопредѣльныхъ дисциплинъ то, что отдѣльная спеціальность объемлетъ въ смыслѣ имѣющихъ общій интересъ выводовъ и проблемъ. Въ извѣстной мѣрѣ и правительство могло бы противодѣйствовать чрезмѣрной спеціализаціи какъ учителей, такъ и слушателей. Избытокъ каѳедръ для отдѣльной отрасли можетъ, насколько этимъ вызывается постоянно далѣе совершаемое дѣленіе учебнаго матеріала, оказаться опаснымъ для цѣлей преподаванія. Съ другой стороны, на характеръ занятій можетъ быть оказано вліяніе порядкомъ испытаній и составомъ комиссій.

Въ заключеніе слѣдуетъ коснуться еще одного вопроса: связи между собой всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ. Совокупность всѣхъ германскихъ университетовъ составляетъ замкнутый міръ. Обмѣнъ студентовъ, а равнымъ образомъ и доцентовъ проникаетъ его, какъ живительныя струи крови пронизываютъ тѣло. Иностраннымъ университетамъ, именно университетамъ англійскаго типа, это явленіе чуждо. Въ Германіи каждый университетъ стремится привлечь къ

къ себѣ отовсюду лучшія силы, какія онъ только можетъ получить, дабы этимъ усилить силу собственнаго притяженія. Къ этому причастно и территоріальное раздѣленіе Германіи. Между германскими правительствами существовало да существуетъ и теперь благородное соревнованіе обставить силами мѣстные университеты и держать ихъ на высотѣ, не взирая на мѣсто происхожденія соискателя. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта система превосходитъ систему внутренняго размноженія. И если тамъ и сямъ обмѣнъ и бываетъ какъ бы чрезмѣрно поспѣшнымъ, то въ общемъ онъ оказываетъ въ то-же время то благотворное вліяніе, что каждый университетъ принимаетъ участіе въ жизни цѣлаго и постоянно питается новой кровью и новыми мыслями.

Словами Савиньи можно еще разъ въ заключеніе выразить то, что германскій народъ имѣетъ въ своихъ университетахъ. „Университетами дается форма, благодаря которой каждый научный талантъ находитъ себѣ развитіе, а всякая живая воспріимчивость ученика—удовлетвореніе; форма, при которой легко распознать высшее призваніе выдающихся людей и при которой даже убогой жизни ограниченныхъ натуръ сообщается возвышенное чувство своего существованія. Обладаніемъ такой формы мы можемъ гордиться, и кто знаетъ наши университеты, тотъ согласится со мной, что въ этой похвалѣ лишь азбучная истина, а не преувеличеніе“.

Маленькіе разсказы.

I

ДѢВЧОНКА.

Въ избѣ у Ивана Петрова неблагополучно: пала единственная корова.

Вечерѣетъ. Сквозь мутныя, словно заплаканныя оконца въ избу, грязную и смрадную, едва брежжутъ сумерки.

Въ переднемъ углу, на лавкѣ, широкой и кривой, осѣвшей въ подгнившій полъ, сидитъ Иванъ. Онъ сосредоточенно разсматриваетъ вынутыя изъ-за пазухи и пропотѣлой тряпки записки, счета и три серебряныхъ рубля, бережно положенные имъ въ сторону.

Очевидно, онъ занятъ счетомъ и другими денежными соображеніями. Это дѣло ему дается туго. Чтобы не сбиться въ счетѣ, онъ на каждый, сложенный въ умѣ десятокъ зажимаетъ палецъ лѣвой руки; когда на одной рукѣ уже не хватило пальцевъ, онъ поставилъ зажатый кулакъ на столъ и продолжаетъ, поглядывая въ счета, откладывать пальцы на другой рукѣ, изрѣдка почесывая зажатымъ кулакомъ въ своей взъерошенной, сѣдѣющей, русой бороденкѣ, причемъ его лицо принимаетъ плаксивое выраженіе, а сѣрые небольшие глаза некрасиво щурятся.

Его жена Дарья, поджарая, забитая невзгодами и истощенная ребятами женщина, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за мужемъ; меньшой, но едва ли послѣдній отпрыскъ ихъ рода, полуторагодовалый мальчишка, прильнувъ къ ней, лѣниво, словно отъ скуки, сосетъ ея длинную, дряблую, съ большимъ коричневымъ соскомъ грудь. Все ея костлявое тѣло, изогнувшись, ритмично покачивается изъ стороны въ сторону, и прядь безцвѣтныхъ волосъ, выбившись изъ-подъ полинялаго платка, треплется по морщинистому большому лбу съ коричневыми пятнами надъ бѣлыми бровями.

Три дѣвчонки, почти погодки, какъ испуганныя овцы, сбились въ кучу и серьезнымъ дѣловымъ тономъ говорятъ о послѣднихъ минутахъ ихъ коровы Машки.

Старый дѣдъ, Кузьма Петровъ, глухой на оба уха и почти уже превратившійся въ ребенка, въ лаптяхъ и старомъ армякѣ, накинутомъ поверхъ пестрядинной рубахи, не слыша и не понимая, въ чемъ дѣло, кротко и пытливо смотритъ своими ясными, какъ у дѣтей, глазами на сына.

Въ избѣ нудно, изрѣдка раздается громкое чмоканье мальчишки у мамкиной груди, да едва слышный шопотъ дѣвчонокъ.

— Съ чего жъ она померла-то?

— Съ глазу.

— Съ гла-а-зу! удивляется одна изъ нихъ.

— Ну, да, съ глазу, убѣжденно поясняетъ старшая,—лихой человѣкъ посмотрѣлъ и сглазилъ.

— Языкъ-то, языкъ высу-у-нула, длинный, предлинный, да бѣ-ѣлый такой, повѣствовательно шепчетъ слабый голосокъ.

— А мычала-то какъ жа-а-алостливо! уныло тянетъ меньшая.

— Прежде, бывало, какъ подойдешь, рогамъ норовитъ боднуть, а тутъ тольки глядитъ глазами-то своими, прямо, значитъ, тебѣ въ глаза, тихо и уныло сообщаетъ средняя, стараясь своими глазами смотрѣть такъ-же уныло, какъ смотрѣла околѣвшая Машка.

— Таково-то жалостливо! слезливо тянетъ младшая.

Она крѣпко зажимаетъ въ свой кулачекъ край заплатанной юбчонки и всѣми силами старается сдержать готовыя брызнуть изъ ея глазъ слезы.

— Сестрицы, слышьте, хвостомъ-то, бывало, прежде Машка мухъ-то во какъ ловко гоняла, ни въ жизть не дастъ себя укусить. А однова разу я сзаду-то къ ей подошла, а она какъ хвостомъ-то по рылу меня хвать, замѣсто мухи-то, а я какъ заверещу, што смѣху-то было, страхъ! заявляетъ старшая, но на этотъ разъ ни смѣха, ни улыбки не вызываетъ ея разсказъ.

— А теперь-то хвостъ у ей такъ и лежитъ, словно плеть, кто хошь укуси, не смахнетъ ни въ жизть, потому померла и не дышетъ, только глядитъ...

— Таково-то жалостливо, опять тоненькимъ голоскомъ тянетъ меньшая и неожиданно для всѣхъ и для нея самой горькій плачъ вырывается изъ ея дѣтской груди и оглашаетъ всю избу.

— Нишкни! Цыцъ! грозно кричитъ тятька,—о, окаянныя, прости Господи, ворчитъ онъ, загибая послѣдній заскорузлый палецъ на лѣвой рукѣ и, строго глядя на Дарью, говоритъ:

— Нѣтути, не хватаетъ, двухъ пятишницъ не хватаетъ, прости ты, Господи, жизть окаянная; слышь, теленка завтра въ городъ надоть везти продавать, да дѣвчонку старшую сбери, нечего зря проѣдаться, въ городъ свезу къ дьяку, въ няньки, слышь, въ няньки, къ дьяку, за евойными ребятами смотрѣть, слышь аль нѣтъ!—надтреснуто выкрикиваетъ Иванъ, укладывая счета и серебряные рубли въ грязныя тряпки.

— Въ няньки, слышь, нечего зря проѣдаться, слышь, я тѣ говорю, кричитъ онъ, полуобернувшись къ дочкѣ

— Слышу, отвѣчаетъ дѣвчонка, не вникая въ смыслъ страшныхъ для нея словъ.

— То-то, у дьяка житье ровное, сытое, убоину будешь кажинный день жрать, окромя постныхъ дней, опять тоже жалованье, подарки, такъ-то! не то сурово, не то успокоительно, больше самому себѣ и не глядя ни на кого, говоритъ Иванъ, вылѣзая изъ-за стола.

Старый дѣдъ, ничего не слыша, всматривается въ лицо сына, и тѣнь грусти ложится на его морщинистое лицо.

— Сосуна-то скинь съ колѣнъ, будетъ, вздуй огонь, да къ ужину пора, приказываетъ Иванъ, позѣвывая въ руку и крестя свой ротъ.

Черезъ часъ въ избѣ было тихо, только изъ передняго угла доносилось ровное дыханье Ивана, да въ другомъ углу копошилась поджарая Дарья, безмолвно глотая слезы и своей тощей, потрескавшейся отъ стужи и работы рукой крѣпко прижимая къ себѣ безмятежно спавшую старшую дочь.

* * *

— Ну, ты, вшивая команда, вставай, говорила шипучимъ тономъ Ульянушка, генеральская кухарка и домоправительница, подъ начало которой судьба-благодѣтельница устроила деревенскую дѣвчонку.

У дьяка ей пожилось недолго. Своими косолапыми, деревенскими руками она разбила какую-то вазу съ аллегорическими изображеніями льва и змѣи по бокамъ, и хотя левъ походилъ болѣе на собаку, а змѣя на смокшую отъ дождя веревку, но тѣмъ не менѣе дьякъ и дьячиха необычайно дорого цѣнили это рѣдкое произведеніе искусства, и за такую ничѣмъ непоправимую провинность дѣвчонка была признана негодной и изгнана, какъ изгоняется забѣжавшій на дворъ паршивый щенокъ; послѣ дьяка дѣвчонка перемѣнила нѣсколько мѣстъ и, наконецъ, попала подъ начало высохшей отъ жадности и подхалимства Ульянушки, потратившей на эти два достойныя занятія всю свою молодость.

Подъ лѣстницу, гдѣ спитъ дѣвчонка, дерзко врывается яркій солнечный лучъ, прорѣзывая тьму; милліарды пылинокъ движутся и копошатся въ яркомъ свѣтѣ.

Солнечный лучъ ударяетъ въ досчатую стѣнку, освѣщаетъ изнанку пыльныхъ, затянутыхъ паутиной, съ высохшими мухами и тараканами, ступеней и исчезаетъ куда-то подъ грязное тряпье, на которомъ сладко спитъ дѣвчонка.

— Вставай, иродово племя, окаянница, прости Господи, расталкивая и тряся за плечи дѣвчонку, шипитъ Ульянушка, наклоняя надъ ней свою тщательно приглаженную и припомаженную репейнымъ масломъ голову.

— Встаю, тетенька, вста-аю, соннымъ голосомъ, жалобно тянетъ дѣвчонка, переворачиваясь на другой бокъ и опять заводя глаза.

— У, ты, подлая, я вотъ тебя сейчасъ разбужу! глядя на нее, взвизгиваетъ Ульянушка и стремительно, даже слиш-

комъ стремительно для ея лѣтъ и ея достоинства выскакиваетъ въ кухню изъ темной дыры подъ лѣстницей.

Ея визгъ дѣлаетъ свое дѣло, угроза дѣйствуетъ на дѣвчонку и, когда черезъ минуту Ульянушка съ ковшомъ холодной воды просовывается въ дверь, дѣвчонка уже сидитъ на тряпьѣ и безсмысленно тычетъ свою грязную ногу въ сѣрый, разорванный чулокъ.

— Убери постель, примирительно командуетъ Ульянушка, опять скрываясь въ кухню.

Дѣвчонка сухоушлая, въ засиженной блохами и другими насѣкомыми рубашонкѣ, покорно начинаетъ скатывать свое тряпье. Закатавъ всю свою постель въ самый дальній и темный уголъ подъ лѣстницей, она, еще словно не совсѣмъ проснувшаяся, всовывается въ свое платьишко, валявшееся тутъ-же возлѣ нея на полу, и тоже выходитъ въ кухню.

Она жмурится отъ свѣта, отъ солнца и худыми, цѣпкими руками усиленно скребетъ въ своей лохматой головѣ.

— Смотри, не растряси свое добро! остритъ вертлявая. какъ комнатная собачонка, горничная.

— На, бѣги-ка въ булочную, купи пять плюшекъ по пятачку, два кренделя, да три бѣлыхъ трехкопѣечныхъ булки, приказываетъ Ульяна, выковыривая двумя пальцами изъ своего портмоне, зашитаго суровыми нитками, мелочь.

Дѣвчонка утвердительно мотаетъ головой и подставляетъ свое блѣдное и еще заспанное лицо подъ висячій рукомойникъ.

— Ладно, нечего тутъ плескаться, красоту наводить, хороша и такъ, бѣги, барыня проснувшись, булки къ чаю нужны.

—Сичасъ! раздается изъ-подъ умывальника и еще съ плохо вымытымъ и едва вытертымъ лицомъ дѣвчонка накидываетъ на плечи пестрый платокъ и уходитъ за дверь.

Мететъ низовая метелица, блестящія снѣжинки вьются и играютъ у ея лица.

Дѣвчонка улыбается имъ, ловитъ ихъ ручкою и ей почему-то, вдругъ, разомъ вспоминается кривая улица ихъ деревни, ихъ избенка, почернѣвшая и вросшая въ землю, словно грибъ, съ соломенной крышей и низкой закоптѣлой трубой.

Дѣвчонка замедляетъ шаги. Сестренки, братишка, старый дѣдъ, съ неизмѣннымъ лаптемъ въ рукахъ, мамка, какъ живые, передъ нею, она не можетъ сообразить, сонъ ли это или явь, и, жадно отдаваясь миражу, почти безсознательно все идетъ и идетъ.

А вотъ и тятька, какъ грозный призракъ, всталъ передъ нею. Она инстинктивно прибавляетъ шагу, ей слышится звонъ разбитой вазы со львомъ и змѣею, крики дьячихи, пинки дьяка, вспоминается письмо въ деревню, отецъ, ея ревъ и тятькинъ кнутъ, исполосовавшій ей спину.

Она невольно какъ-то вся подбирается, ежитъ спину и бѣжитъ, бѣжитъ все дальше и дальше. Мысли гонятъ ее. Ей

слышится жалобное стенанье рыжаго теленка, котораго вмѣстѣ съ нею везли въ городъ для продажи; ей слышится истерическій плачъ матери, вцѣпившейся въ нее, когда она сидѣла уже на телѣгѣ; сестренка суетъ ей въ руку вязку баранокъ, дѣдка креститъ ее большими и малыми крестами и бормочетъ что-то про себя, отецъ, суровый, съ надвинутой теплой шапкой на самые глаза, стегаетъ кнутомъ Ваську, и телѣга, подпрыгнувъ у воротъ, заворачиваетъ на улицу... И тогда кружились, будто въ пляскѣ, по землѣ снѣжинки и осенній вѣтеръ крутилъ и рвалъ оголенныя деревья и, словно жалуясь на кого иль негодуя, то стоналъ, то грозно вылъ въ полѣ.

Не ошибся отецъ: ѣла его дочка каждый день убоину, даже и по постнымъ днямъ, получала жалованье и подарки, а съ ними вмѣстѣ и пинки. Раньше она огрызалась на нихъ, потомъ не то привыкла, не то умаялась и замолкла; дѣло валилось изъ рукъ, и вся ея маленькая душа куда-то рвалась, о чемъ-то томилась.

Писалъ ей за пятачокъ лавочный мальчишка письмо тятькѣ и мамкѣ, что, молъ, жить ей въ городѣ по мѣстамъ не вмоготу и что, молъ, проситъ она слезно, чтобы взяли ее въ деревню, для всякой черной работы. И получила она отвѣтъ, почитай, черезъ полгода, что тятька самъ ужо пріѣдетъ и весь-то кнутъ за нерадѣніе обломаетъ объ ея спину, а мамка прислала ей съ землячкой свое благословеніе, навѣки нерушимое, да ржаную лепешку, которую дѣвчонка вмѣсто того, чтобы съѣсть у себя подъ лѣстницей, обливала всю слезами.

Наконецъ, она очнулась отъ своихъ мечтаній—ни булочной, ни денегъ.

Вся помертвѣлая, повернула она домой. Она даже не представляла себѣ, что ждетъ ее дома, и, глядя тупо впередъ, шла не спѣша съ развальцемъ, машинально останавливаясь у оконъ магазиновъ, не спѣша поднялась по лѣстницѣ и не спѣша открыла дверь.

Чѣмъ-то зловѣщимъ пахнуло на нее. Чувствуя, какъ у нея подкашиваются ноги, она прислонилась къ той-же двери.

— Булки, тихо, впиваясь въ нее глазами, безъ звука прошипѣла Ульянушка, приподнимаясь при ея входѣ съ табурета.

— Потеряла, еще тише, однѣми губами, отвѣтила дѣвчонка.

— Потеряла! взвизгнула фальцетомъ у ея уха Ульянушка, и звучная пощечина раздалась въ кухнѣ.

— Ловко! невольно вырвалось у горничной, снимавшей въ это время со лба послѣднюю папильотку, и, продолжая разглядывать себя въ осколокъ зеркальца, криво висѣвшаго на выкрашенной желтой охрой стѣнѣ, горничная однимъ глазомъ продолжала наблюдать происходившее въ кухнѣ.

— Иди, ищи, иродово племя! визжала Ульянушка надъ растерянной, поблѣднѣвшей дѣвчонкой.—Ищи часъ, два, весь день, до ночи, всю ночь, пока не сыщешь денегъ! заливалась Ульяна, выталкивая дѣвчонку за дверь.

* * *

Сумерки. На стѣнѣ надъ кухоннымъ столомъ коптитъ плохо заправленная лампа; горничная раскладываетъ по столу жирныя, не отдирающіяся другъ отъ друга карты и что-то шепчетъ себѣ подъ носъ.

Ульянушка, свернувшись калачикомъ, какъ сторожевой песъ, чутко дремлетъ на сундукѣ; дѣвчонка, тупо глядя на полъ, на ползущаго у ея не достающихъ еще до полу ногъ таракана, закутавшись въ платокъ, сидитъ на табуретѣ; глаза опухли отъ слезъ, ее трясетъ и непріятный холодокъ пробѣгаетъ по спинѣ. Возлѣ стоитъ миска съ остывшимъ супомъ, что ей сунула Ульянушка, когда она, голодная и иззябшая, вернулась, послѣ безполезныхъ поисковъ утерянныхъ денегъ, уже подъ вечеръ домой. Голова у ней налита какъ свинцомъ, и глаза слипаются.

Вдругъ входная дверь несмѣло скрипнула, пріоткрылась, и на порогѣ, вся занесенная снѣгомъ, предстала Дарья.

— Дочку спровѣдать, робко сказала она, улыбаясь своими поблеклыми губами и крестясь на образъ Казанской Божьей Матери, висѣвшій у окна и украшенный двумя огромными розанами отъ кулича.—Дочку спровѣдать, еще боязливѣе заявила она, топчась на порогѣ.

Дѣвчонка съ минуту сидѣла не двигаясь и вдругъ, вся подавшись впередъ, закричала дико и глухо:

— Мамонька, спровѣдать, мамонька! И все ея тѣльце, жалкое и трепетное, повисло на груди матери.

— Мамонька, родненькая, возьми, возьми! захлебываясь слезами, твердила она.

— Возьметъ, возьметъ, зашипѣла Ульянушка, садясь на сундукъ,—безпремѣнно возьметъ, потому генеральша послѣ ея художествъ больше того не желаютъ, чтобы ее держать, пояснила она Дарьѣ.

— Ой! только вырвалось у той.

На утро Дарья, съ дѣвчонкой, нагруженная всякимъ скарбомъ, ѣхала домой; дѣвчонка тряслась отъ холода, что змѣйкой пробѣгалъ по ея спинѣ, и отъ ужаса встрѣчи съ тятькой.

Поджарая Дарья, уныло поглядывая по сторонамъ и набожно крестясь на каждую церковь, соображала, на что потратятъ они заработанныя дочкой деньги и можно ли коечто изъ скарба дѣвчонки позаимствовать для двухъ другихъ полуголыхъ, оставленныхъ дома дѣвчонокъ.

* * *

Въ избѣ у Ивана Петрова неблагополучно: только что отошла старшая дочка, привезенная маткой изъ города.

Въ избѣ нудно; трупъ дѣвчонки, вытянутый и уже холодный, съ заостреннымъ носомъ и съ плохо закрытыми глазами, прямо, какъ вытянувшійся на смотру солдатъ, лежитъ на лавкѣ. Три свѣчи, зажженныя прибѣжавшей на этотъ случай со-

свѣдкой, мерцаютъ и потрескиваютъ; Иванъ, шибко стуча топоромъ, вмѣстѣ съ старымъ дѣдомъ, за стѣною сколачиваютъ гробъ; двѣ дѣвчонки, сбившись, какъ спугнутыя овцы, прижавшись другъ къ дружкѣ. боязливо смотрятъ на трупъ; мальчишка, забившись въ уголъ, изъ щепокъ, что остались отъ гроба, строитъ домъ.

Поджарая Дарья трепетными руками роется въ сундучишкѣ старшей дочери, ищетъ, во что бы получше обрядить ее въ послѣдній нарядъ, и думаетъ свою думу. Мысли, тяжелыя, какъ осенняя ночь, охватываютъ ее всю; дрожитъ и бьется ея сердце, и глаза кроткіе и полные слезъ смотрятъ на заострившееся, восковое лицо дочери. Она подымаетъ глаза на божницу и вмѣсто молитвы на уста ея просится вопросъ: „за что?“ Но это лишь одно мгновенье.

— Господи милостивый, прости мя, грѣшную, испуганно шепчетъ она, усиленно крестясь своей дрожащею рукой, — Матерь Божія, сохрани и помилуй насъ! Матерь Божія, сохрани и помилуй насъ! твердитъ она и, вдругъ быстро подойдя къ трупу дочери и словно въ какомъ-то экстазѣ, опускается передъ нимъ на колѣна.

— Господи, прости и помилуй насъ, грѣшныхъ, сохрани и помилуй насъ! уже громко, словно наперекоръ чему-то говоритъ она, вглядывается въ лицо дочери и все ея тѣло, худое и жалкое, подается впередъ и, вся потрясенная рыданіями, поджарая Дарья обнимаетъ остывшій трупъ, трясетъ его, срываетъ съ него простыню, покрываетъ поцѣлуями мертвыя губы и, какъ раненая птица, бьется на груди дочери.

— Доченька, родненькая, за что, за что сгубили тебя, пересиливъ ея пришибленность, вырывается хриплый, надтреснутый, какъ надтреснута ея забитая душа, громкій крикъ Дарьи.

— За что! стонетъ она.

— За что! стонетъ за стѣною вѣтеръ и, не получая отвѣта. злобно гонитъ по полю метелицу.

— За что! стонетъ онъ, заметая дороги и наваливая сугробы.

— За что! рыдаетъ онъ и несется дальше. какъ будто можно куда-нибудь убѣжать или скрыться отъ людскихъ слезъ, отъ людского горя.

В. Языкова.

II.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Л. Якобовскаго.

(Пер. съ нѣмецкаго).

— Итакъ вниманіе, Робертъ! Повтори-ка еще разъ!

Худенькая фигурка мальчика съежилась при звукѣ грубаго голоса. Руки его дрожали, когда онъ доставалъ съ прилавка маленькіе пакеты и клалъ ихъ въ черный, покрытый кожей сундукъ.

— Дюжина опойковыхъ головокъ! звенѣлъ его тонкій голосокъ.

— Цѣна?

— Штука двѣ марки, дюжина двадцать двѣ!

— Можешь уступить за двадцать марокъ! Сапожники любятъ торговаться. Но меньше ни гроша! Вотъ тебѣ списокъ! Къ этимъ канальямъ, что записаны тутъ, не ходи. Они не охотники платить!

Одинъ за другимъ исчезали пакетики въ сундукѣ. Все громче кричалъ на мальчика грубый голосъ и все тише звучали его робкіе отвѣты: „слушаю, дяденька, понимаю, дяденька“.

— Ну, иди, не заставляй тетку даромъ кормить тебя. Иди же. До восьми вечера десять часовъ, ты можешь за это время заработать десять талеровъ. Да ворочай языкомъ-то, чтобы заслужить кусокъ хлѣба. Даромъ, братъ, ничего не дадутъ.

Мальчикъ поднялъ сундукъ, приэтомъ лицо его искривилось.

— Тебѣ и это тяжело! закричалъ на него кожевникъ,—я мальчикомъ не такіе ящики таскалъ,—цѣлый центнеръ!

Робертъ закусилъ губы и поднялъ сундукъ съ такою легкостью, какъ будто онъ былъ пустой. Только плечи его высоко поднялись, какъ бываетъ у носильщиковъ, когда они вскидываютъ на шею тяжелую ношу.

И долго еще слышались ему слова дяди Іемке: „десять талеровъ!“ И еще не выходила у него изъ головы одна фраза, которая неизмѣнно слѣдовала за каждымъ его глоткомъ, за каждымъ взглядомъ, каждымъ движеніемъ: „если хочешь ѣсть—работай!“

Когда онъ повернулъ за уголъ и пересталъ чувствовать на себѣ взглядъ дяди, онъ остановился, спустилъ къ ногамъ сундукъ и глубоко вздохнулъ полною грудью.

Воздухъ переливался на солнцѣ. Стоялъ іюньскій день. Лѣто давало себя чувствовать; отъ домовъ падали короткія, прямыя тѣни, а накаленные камни стѣнъ и тротуара переда-

лодой дѣвушки, отворявшей ему дверь въ „Базарѣ обуви баварца Хизеля“. Говорила она хрипло, вполголоса, какъ будто ей не хватало воздуха.

Такъ тихо говорила его мать. Но ея голосъ былъ совсѣмъ иной. Въ немъ звучали такія ноты, при одномъ воспоминаніи о которыхъ сердце его сжималось. И ему представился маленькій домикъ за школой, въ Мродцинѣ, гдѣ была ея комнатка и гдѣ въ кухнѣ онъ спалъ. Отца онъ не помнитъ, знаетъ только, что онъ былъ учителемъ и рано умеръ: не успѣлъ онъ пріѣхать въ Мродцинъ, какъ закрылъ глаза и легъ подъ липами. Крестьяне не взлюбили жену учителя. Она была чрезчуръ нѣжна и не могла отдѣлаться отъ городскихъ привычекъ. Онъ помнитъ, какъ они его толкали, и какъ ему приходилось сидѣть дома по праздникамъ, тогда какъ другіе мальчишки стрѣляли воробьевъ или гоняли на болотѣ утокъ, такъ что брызги долетали до пороговъ ближайшихъ домовъ.

Приэтомъ вспомнилось ему, какъ мать его всегда утѣшала: „Подожди, дѣточка, когда выростешь, тебя возьметъ дядя въ Берлинъ. У него хорошее дѣло!“ И въ его двѣнадцатилѣтнемъ воображеніи рисовалась великолѣпная дядина лавка. Совсѣмъ такъ, какъ напротивъ на углу у купца Грютцмахера, только несравненно больше; не шесть ободковъ на дверяхъ, а двадцать, и не полбоченка кислой капусты, а десять исполинскихъ боченковъ. И когда мать говорила о кожѣ, о сапожномъ товарѣ, о подошвахъ и ремняхъ... Гм... да, думалъ онъ, конечно, дядя Іемке не такой сапожникъ, какъ старый Румпфъ. У того, навѣрно, двадцать подмастерьевъ и, конечно, ежедневно выходитъ четыре пуда ваксы“.

Но когда онъ просилъ мать разсказать о Берлинѣ, то ея тихій голосъ прерывался кашлемъ. Какъ будто ей не хотѣлось говорить. И когда онъ съ любопытствомъ спрашивалъ о дядѣ, съ совершенно дѣтскимъ любопытствомъ, хорошій ли онъ человѣкъ, она долго смотрѣла на него и ея худое, болѣзненное лицо странно подергивалось, и она ничего не отвѣчала, а только тихо качала головой. А сердце ея сильно билось: она знала жесткій, мрачный характеръ своего своднаго брата и дрожала день и ночь при мысли, что она должна отдать ему своего мальчика. Но что же ей было дѣлать? Какъ только минетъ Роберту 13 лѣтъ, деревня закроетъ для него общественную кассу, и онъ не получитъ больше ни одного пфеннига. Когда онъ влеталъ сіяющій, гордый своими успѣхами въ школѣ, онъ заставалъ ее часто въ слезахъ, въ горькихъ слезахъ. И она улыбалась ему и говорила, что это кашель ее мучаетъ... И не успѣло еще ея мальчику минуть 13 лѣтъ, какъ и она легла подъ липами.

Мальчикъ машинально съѣлъ свои два бутерброда. Каждый кусокъ вызывалъ воспоминанія о далекой деревнѣ, гдѣ ему было знакомо всякое деревцо, каждый домъ, каждая собака. Ему вспомнился умный, черный пудель пастора, учи-

тель всегда говорилъ, что согласится охотнѣе учить пуделя, чѣмъ эту шайку болвановъ.

Улыбка скользнула по губамъ мальчика. Онъ глубоко вздохнулъ, положилъ въ ротъ послѣдній кусокъ и взялся за сундукъ.

Жара усилилась. Юноша тихо пробирался вдоль домовъ, заглядывалъ въ сосѣднія улицы, нѣтъ ли гдѣ лавокъ съ желтозолотистымъ жокейскимъ сапогомъ. Но лавокъ не было. Онъ спѣшилъ дальше, черезъ тѣнистыя площади, тяжелыя каштановыя деревья которыхъ склоняли отъ жары внизъ свои цвѣты, мимо каналовъ, по которымъ тяжело и грузно ворочались длинныя, сѣрыя барки, мимо садовъ, зелень которыхъ скрывала отъ взоровъ маленькія виллы.

Было уже 4 часа. Болѣе двухъ часовъ онъ ходилъ безцѣльно. Сердце у него замерло. Онъ пустился бѣжать, онъ подвялъ сундукъ легко какъ мячъ, перегналъ карету, пробѣжалъ черезъ мостъ и остановился передъ подваломъ. Наконецъ-то сапожникъ.

Онъ собирался съ духомъ. Ему стоило громадныхъ усилій начать рѣчь. Длинный человѣкъ, съ рѣдкою козлиною бородкой, пристально смотрѣлъ на него:

— Отъ кого вы?

— Отъ Іемке.

— Это тотъ, что живетъ на Принценштрассе, 70?

Въ вопросѣ звучала угроза. Робко посмотрѣлъ на него Робертъ и кивнулъ.

— Бездѣльникъ! Нѣтъ, карапузъ, лети обратно, у дяди я не покупаю. Я не хочу оскорблять его, нѣтъ. Онъ крѣпко держалъ правую руку Роберта, который хотѣлъ снова поднять сундукъ.—Я просто шучу.

Онъ такъ ударилъ Роберта по плечу, что тотъ зашатался. Сапожникъ продолжалъ, лукаво щуря глаза.

— Вѣдь мы съ Іемке старые друзья. Старые товарищи по полку съ 1870 года. Покажи-ка сюда свой хламъ!

И онъ вдругъ сорвалъ ремни, щелкнулъ замкомъ сундука и началъ рыться въ голенищахъ и головкахъ. У Роберта забилось сердце отъ радости. Блестящими глазами слѣдилъ онъ за пальцами сапожника, едва вслушиваясь въ одобрительныя замѣчанія. Сапожникъ то смотрѣлъ кожу на свѣтъ, то разгибалъ подошвы, то нюхалъ опойку, то гладилъ кожу. Все хитрѣе становились его глазки. Теперь онъ отомститъ негодяю Іемке, онъ покажетъ, какъ не давать ему больше товару ни на одинъ пфеннигъ, припомнитъ онъ ему „ненадежнаго плательщика" и „банкрота".

— Итакъ шесть паръ опойковыхъ и шесть паръ лайковыхъ... Эти беру я! По рукамъ? Что? 33 марки! Что? Нельзя ли дешевле? Ну, скажемъ, 31 марка. Итакъ 31! Хорошо! Итакъ дѣло слажено!

И онъ выхватилъ 12 паръ головокъ, снесъ ихъ въ пустой шкафъ и тщательно ихъ заперъ. И спокойнымъ голосомъ онъ продолжалъ:

— Деньги я занесу самъ завтра Іемке. Сегодня у меня нѣтъ. Кланяйся ему. Я самъ занесу ему деньги.

Мертвенно-блѣдный смотрѣлъ на него Робертъ.

— Я не могу, не могу безъ денегъ! дядя не велѣлъ!— Ему вдругъ вспомнился списокъ ненадежныхъ покупателей.— Отдайте мнѣ товаръ.

Дыханье его прерывалось. Красныя пятна выступили на худыхъ щекахъ.

— Цыцъ, ты! закричалъ на него верзила, я покупаю уже семь лѣтъ у Іемке и плачу такъ-же скоро, какъ Ротшильдъ. Ну, ступай и поклонись доброму Іемке!

И онъ захлопнулъ сундукъ и вытолкнулъ мальчика на улицу. Тотъ слышалъ, какъ зазвенѣла за нимъ дверь, и остановился, словно прикованный къ мѣсту. Потомъ онъ поплелся впередъ невѣрной походкой. Цѣлый часъ блуждалъ онъ. Апатично толкался онъ въ нѣкоторыя двери, но никто не пригласилъ его открыть сундукъ. Стало темнѣть. Тогда онъ повернулъ и пошелъ обратно къ подвалу... да... чего-же ему собственно надо? Онъ стоялъ какъ помѣшанный и не зналъ, что ему предпринять. Спотыкаясь, спустился онъ внизъ. „Мужа дома нѣтъ", крикнулъ ему здоровенный женскій голосъ и опять заскрипѣла за нимъ дверь. Ноги его подкосились. Онъ всталъ противъ подвала и рѣшилъ дождаться возвращенія сапожника.

Медленно стихалъ уличный шумъ. Въ густомъ туманѣ весенняго вечера мерцали матовые фонари; въ углахъ домовъ ложились сумерки. Наконецъ, изъ кабака показался сапожникъ.

Робертъ предсталъ предъ нимъ, словно изъ земли выросъ.

— Отдайте мнѣ товаръ... дядя убьетъ меня!

— Ну, нѣтъ, мальчуганъ, бормочетъ подвыпившій сапожникъ,—ты можешь заявить въ полицію.

И онъ толкнулся въ подвалъ, за нимъ скатились внизъ деревянныя жалюзи.

Еще съ часъ проходилъ Робертъ по улицамъ. Когда-же башенные церковные часы пробили девять, онъ вдругъ почувствовалъ нестерпимый голодъ. Надо возвращаться домой. И вотъ онъ идетъ съ опущенной головой по освѣщеннымъ улицамъ; съ каждымъ шагомъ тяжелѣетъ сундукъ, тянетъ его внизъ, и онъ еле-еле несетъ его.

Теперь остается только завернуть за уголъ. А тамъ на площади уже свѣтится прозрачная вывѣска „Фридрихъ Іемке". Въ освѣщенныхъ дверяхъ стоитъ Іемке, широко расставивъ ноги, и рядомъ съ нимъ сосѣдъ парикмахеръ Нюрнбергъ. Оба они смотрятъ, какъ онъ переходитъ улицу.

— Ну, Робертъ, какъ дѣла? со смѣхомъ спросилъ парикмахеръ.

— Ну-съ, сколько? Принесъ десять талеровъ? спросилъ грубый голосъ.

— Да, дрожа отвѣчаетъ мальчикъ.

— Это хорошій почипъ, смѣется довольный грубый голосъ.

И дверь лавки захлопывается передъ носомъ парикмахера.

Посвящается В. А. П.

Надъ равниной безпредѣльной
Буря воетъ и гудитъ,
Плачетъ пѣсней колыбельной,
Волнъ раскатами шумитъ.

По пустынѣ этой дикой,
Подъ полуночною мглой,
Бродятъ въ горести великой
Люди пестрою толпой.

Бѣднымъ рубищемъ одѣты,
Дрогнутъ, мерзнутъ, чуть не мрутъ,
Ждутъ съ отчаяньемъ разсвѣта
И свой жеребій клянутъ.

Не поймутъ во тьмѣ глубокой,
Какъ сюда они зашли...
И вдругъ видятъ—одинокій
Огонекъ мелькнулъ вдали.

Этотъ свѣтъ, для всѣхъ нежданный,
Блещетъ пламенемъ своимъ,
И пришлецъ какой-то странный
Спѣшно трудится надъ нимъ.

Но въ равнинѣ безпредѣльной
Буря воетъ и гудитъ,
Плачетъ пѣсней колыбельной,
Волнъ раскатами шумитъ.

Вихри вѣтра задуваютъ
Пламя слабое костра;
Кто же скажетъ, кто же знаетъ,
Прогоритъ ли до утра?

И толпа въ недоумѣньи
На огонь костра глядитъ,
И въ безумномъ изступленьи
Пришлецу она грозитъ:

«Кто ты? Мы совсѣмъ донынѣ
Не видали свѣта дня,
И не нужно намъ въ пустынѣ
Безпокойнаго огня..

Это странное явленье
Чужестранца-пришлеца—
Силы вражьей навожденье,
Знакъ недобраго конца...»

И, страшась, въ порывѣ дикомъ,
Отъ огня бѣгутъ одни,
А другіе съ плачемъ, крикомъ
Воду льютъ на головни.

* * *

Странникъ чудный, благородный,
Не бросай свой славный трудъ!
Пусть кричатъ во тьмѣ холодной,
Пусть тебя они клянутъ.

Можетъ быть, подъ бури свистомъ,
Злобной тьмѣ наперекоръ,
Яркимъ пламенемъ, златистымъ
Вспыхнетъ тлѣющій костеръ.

И пахнетъ, хоть на мгновенье,
Чудодѣйственнымъ тепломъ,
И исчезнетъ озлобленье
И боязнь передъ огнемъ.

Сергѣй Соколовъ.

66

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ КУЛЬТУРЫ.

Платоновскій и древне-христіанскій коммунизмъ.

К. Каутскаго.

(Пер. Львовича).

II.

ДРЕВНЕ-ХРИСТІАНСКІЙ КОММУНИЗМЪ.

1. Корни древне-христіанскаго коммунизма.

Мы говорили уже, что развитіе, изображенное нами въ началѣ предыдущей главы[1]) и освѣщенное примѣромъ Аѳинъ, было удѣломъ всѣхъ націй и государствъ древности.

И Римъ, властвовавшій надъ міромъ, также не избѣжалъ этой судьбы. Его внутреннее паденіе уже далеко подвинулось, когда онъ достигъ зенита своего внѣшняго могущества. Царство его, обнимавшее всѣ страны вокругъ Средиземнаго моря, представляло собою смѣсь государствъ, которыя всѣ были на томъ-же пути; одни изъ нихъ, расположенныя на востокѣ и югѣ Средиземнаго моря, ушли дальше Рима, другія, находившіяся на западѣ и сѣверѣ, отстали отъ него, но они ревностно стремились достигнуть того-же, чего достигла столица, и вмѣстѣ съ нею придти къ тому, къ чему пришли уже Греція и страны востока: къ полному соціальному разложенію.

Мы видѣли, какъ пала аѳинская народная свобода и какъ республика созрѣла для единодержавія. Также шло дѣло и въ другихъ демократіяхъ, также шло оно и въ Римѣ. То самое время, къ которому относится Рожденіе Христа, было

[1]) См. № 11 Вѣст. Всем. Исторіи за 1901 г.

временемъ послѣдней агоніи римской республики и первыхъ шаговъ цезаризма.

Аристократія и демократія оказались тогда банкротами въ равной степени. Ядро народа, свободное крестьянство, падало въ римскомъ государствѣ и во многихъ мѣстностяхъ совершенно исчезло; величіе и слава государства росли на развалинахъ крестьянства. Вѣчныя войны, которыя отбывались крестьянскимъ ополченіемъ, привели къ паденію крестьянскаго хозяйства, тогда какъ хозяйство крупныхъ землевладѣльцевъ, державшееся рабами, нисколько не страдало отъ нихъ. Напротивъ,—именно войны доставляли ему чрезвычайно дешевыхъ рабовъ. Не удивительно, что рабовладѣльческое хозяйство быстро усиливалось и вытѣсняло хозяйство свободныхъ крестьянъ. Какъ снѣгъ подъ лучами солнца, таяло свободное крѣпкое крестьянство; оно частью бѣднѣло, а большею частью превращалось въ пролетаріатъ, т. е. въ пролетаріатъ лохмотниковъ, такъ какъ наемнаго труда, которымъ оно могло бы воспользоваться, тогда не было въ значительномъ количествѣ. Въ промышленности, какъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, царилъ трудъ рабовъ. Обнищавшіе крестьяне стекались въ большіе города, гдѣ они вмѣстѣ съ вольноотпущенниками составляли самый низшій слой населенія.

Но пока существовала демократическая республика, обѣднѣніе массъ еще не было крайней степенью бѣдствія. У массъ, если ужъ не оставалось ничего иного, все-таки была еще политическая власть и онѣ умѣли жить этой властью; въ самыхъ разнообразныхъ формахъ умѣли они извлекать выгоду изъ богачей и эксплоатировать оброчныя, подчиненныя области.

Политическая власть не только доставляла имъ хлѣбъ и зрѣлища, но иногда также и средства производства, земельную собственность. Черезъ послѣдніе вѣка римской республики безпрерывной цѣпью идутъ попытки создать новое крестьянство посредствомъ раздачи земли пролетаріямъ. Но всѣ эти попытки повернуть назадъ колесо экономическаго развитія были тщетными. Онѣ разбивались о политическое и экономическое преобладаніе крупныхъ землевладѣльцевъ, которые по мѣрѣ возможности, мѣшали іхъ осуществленію, а гдѣ все таки удавалось создать свободныхъ крестьянъ, быстро снова подавляли и этихъ послѣднихъ и скупали ихъ земли. Но онѣ

разбивались также и объ испорченность пролетаріата лохмотниковъ, который часто уже не хотѣлъ работать и предпочиталъ болтаться въ городѣ вмѣсто того, чтобы вести бѣдную и трудовую жизнь мелкаго крестьянина въ деревнѣ. Пролетаріи часто препятствовали соціальнымъ реформамъ тѣмъ, что они, не задумываясь, расточали данныя имъ имущества; но часто они препятствовали имъ также и такимъ образомъ, что продавали свою политическую власть крупнымъ землевладѣльцамъ, а тѣ пускали ее въ ходъ противъ соціальныхъ реформаторовъ.

Самыя грандіозныя изъ этихъ попытокъ соціальной реформы были задуманы и велись Гракхами: Тиверіемъ Семпроніемъ Гракхомъ (род. въ 163г., убитъ своими аристократическими противниками въ 133 г. до нашей эры) и болѣе рѣшительнымъ Каемъ Семпроніемъ Гракхомъ (род. въ 153г.), который продолжалъ дѣло своего брата и такъ-же; какъ и онъ, палъ жертвой ярости обладателей латифундій. Обоихъ братьевъ называли коммунистами, но это вовсе невѣрно. Они стремились не къ уничтоженію частной собственности, а къ созданію новыхъ собственниковъ, къ возстановленію крѣпкаго крестьянства, самой прочной основы въ частной собственности.

Они дѣйствовали совершенно въ смыслѣ экономическихъ отношеній своего времени. Правда, тогда не только крупное землевладѣніе вытѣсняло мелкое, но и производство крупное часто вытѣсняло мелкое производство. Но это было слѣдствіемъ не техническаго и экономическаго превосходства крупнаго хозяйства и производства, а крайней дешевизны его рабочихъ силъ, *рабовъ*.

Вѣчныя войны доставляли на рынокъ много военноплѣнныхъ, рабовъ. Не одна война римлянъ была вызвана лишь потребностью крупныхъ землевладѣльцевъ добыть дешевыхъ рабовъ, была простой охотой на рабовъ.

Собирались огромныя массы рабовъ; неудивительно, что цѣны на нихъ чрезвычайно падали. Еще въ Аѳинахъ рабство вслѣдствіе подобныхъ-же обстоятельствъ сильно развилось. Въ 300 г. до нашей эры тамъ насчитывалось 21.000 гражданъ и 400.000 рабовъ. Объ Эсхинѣ говорятъ въ доказательство его особенной бѣдности, что у него было только *семь* рабовъ. Въ римской имперіи рабство приняло еще болѣе широкіе раз-

мѣры. Римскій полководецъ Лентулъ (во второй половинѣ перваго вѣка до нашей эры) продавалъ военноплѣнныхъ въ рабство по *рублю золотомъ* (на нынѣшнія деньги) за штуку!

Теперь стало выгоднымъ скупать рабовъ большими массами—у богатыхъ римлянъ были ихъ тысячи—и употреблять на работы. Вмѣсто мелкихъ производствъ устраивали крупныя *плантаціи* и—употребляя обычное выраженіе—*фабрики*. Это названіе, однако, не подходитъ къ крупнымъ промышленнымъ предпріятіямъ грековъ и римлянъ. Они имѣли совершенно не такой характеръ, какъ современныя мануфактуры и фабрики; они не были выше мелкихъ производствъ, какъ эти послѣднія. Промышленное крупное производство, основанное на рабскомъ трудѣ, нельзя приравнивать къ фабрикамъ: если ужъ брать современныя явленія, то его можно, самое большее, приравнять къ арестантскому труду въ тюрьмахъ. Никто не станетъ утверждать, будто арестантскій трудъ, сравнительно съ трудомъ свободныхъ ремесленниковъ, представляетъ высшую форму производства. Трудъ рабовъ—именно, въ сельскомъ хозяйствѣ—былъ грубъ и не экономенъ, какъ только можно себѣ представить[1]);

---

[1]) Въ одномъ примѣчаніи къ своему „Капиталу" Марксъ говоритъ о рабскомъ трудѣ: „По удачному выраженію древнихъ, рабы здѣсь (въ рабскомъ трудѣ) отличаются только, какъ instrumentum vocale (орудія, одаренныя голосомъ или рѣчью), отъ животнаго, какъ instrumentum semivocale (орудія, наполовину одареннаго рѣчью), и отъ неодушевленнаго орудія труда, какъ instrumentum mutum (нѣмого орудія). Но самъ рабъ даетъ почувствовать животному и орудіямъ труда, что онъ не чета имъ, что онъ человѣкъ. Онъ утверждаетъ въ себѣ сознаніе своего отличія отъ нихъ тѣмъ, что возможно хуже обращается съ ними и con amore портитъ ихъ. Отсюда экономическимъ принципомъ при этомъ способѣ производства служитъ употребленіе лишь самыхъ грубыхъ, неуклюжихъ орудій труда, которыя трудно испортить именно вслѣдствіе ихъ топорности". (K. Marx. „Das Kapital", I. 2 Aufl., стр. 185).

Интересно сравнить съ этими словами слѣдующую характеристику, найденную нами въ „Etude sur l'économie politique" Сисмонди (Paris 1837). Онъ приводитъ длинную выдержку изъ сочиненія Ш. Конта (Ch. Comte) о рабствѣ и, между прочимъ, говоритъ: „Рабы нашего времени неспособны ни къ какой работѣ, требующей ума, вкуса и старательности. Вѣроятно, прекрасныя издѣлія римской древности приготовлялись людьми, которые пріобрѣли свою промышленную сноровку свободными и попали въ рабство лишь вслѣдствіе войны. Дѣйствительно, когда римляне поработили всѣ промышленныя націи, такъ что рабовъ они могли захватывать не только среди варваровъ, искусство и всѣ роды промышленности у нихъ чрезвычайно быстро пали и сами они впали въ варварство.

рабъ производилъ въ крупномъ хозяйствѣ гораздо меньше, чѣмъ свободный работникъ въ мелкомъ. Если-же рабъ въ крупномъ производствѣ все-таки производилъ дешевле, то это лишь оттого, что самъ онъ почти ничего не стоилъ и, вслѣдствіе дешевизны и обилія рабовъ, его не было надобности щадить, кормить и одѣвать надлежащимъ образомъ. Если рабы и гибли, — на мѣсто ихъ находили достаточно другихъ рабовъ.

Такимъ образомъ, вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ вызвалось въ римской имперіи совершенно не тѣми причинами, которыя вызываютъ нынѣшнее однородное явленіе. Предварительныхъ условій, болѣе высокаго способа производства, чѣмъ мелкое (въ земледѣліи и ремеслахъ), производства, основаннаго на началахъ товарищества (genossenschaftliche Production), тогда не было. Если Гракхи, какъ представители пролетаріата, меньше всего были коммунистами, то это вполнѣ соотвѣтствовало тѣмъ экономическимъ условіямъ, которыя они застали.

Что мы говорили о Гракхахъ, то можно сказать и относительно *Катилины* (род. 108 до н. э.), главы заговора противъ правленія крупныхъ землевладѣльцевъ; онъ, когда всѣ другія попытки его партіи захватить власть потерпѣли крушеніе, вынужденъ былъ вмѣстѣ со своими товарищами прибѣгнуть къ открытому возстанію и палъ въ геройской борьбѣ съ преобладающей силой своихъ противниковъ (62 г. до н. э.). Его тоже произвели въ коммунисты — Моммзенъ и въ „анархисты“ — однако, безъ всякаго основанія. У Катилины столь же мало, какъ и у Гракховъ, дѣло шло объ уничтоженіи частной собственности, о введеніи коммунистическаго общественнаго строя. Онъ стремился къ захвату власти неимущими, — чтобы превратить ихъ въ имущихъ.

Другое направленіе получило мышленіе пролетаріевъ и

Однако, рабство портитъ не только рабовъ, но и свободныхъ, потому что оно порождаетъ то презрѣніе къ промышленному труду, которое все болѣе и болѣе удаляетъ свободныхъ отъ занятія промышленностью. Состояніе пролетаріевъ въ римской республикѣ, которыхъ удерживали отъ всякаго труда — частью презрѣніе къ труду, а частью конкурренція рабовъ, является замѣчательнымъ и ужасающимъ примѣромъ принижения и бѣдствій, въ которыя ввергаетъ рабство часть народа, не принадлежащую ни къ господамъ, ни къ слугамъ“ (I, стр. 382—398).

ихъ друзей, когда замерла политическая жизнь, когда неимущіе въ нравственномъ и политическомъ отношеніи такъ-же пали, какъ и имущіе, демократія стала столь-же безпочвенной, какъ и аристократія, и былъ уготованъ путь для самодержца, императора, повелителя полчищъ наемниковъ и зарождавшейся бюрократіи.

Съ политической властью исчезъ важнѣйшій, даже единственный источникъ пріобрѣтенія древняго пролетарія. Бѣдность означала теперь нищету. Утрата имущества массами вызвала въ римскомъ обществѣ самыя страшныя, неизвѣстныя раньше явленія. Пауперизмъ, массовая нищета и массовыя бѣдствія стали теперь важнѣйшимъ соціальнымъ вопросомъ,— вопросомъ, который все настойчивѣе и настойчивѣе требовалъ разрѣшенія, потому что общественное развитіе шло своимъ путемъ, средніе слои падали все ниже, богачи все больше богатѣли, число неимущихъ возрастало.

Но это былъ не единственный соціальный вопросъ, волновавшій общество римской имперіи. Паденіе свободнаго крестьянства, приведшее къ цезарскому абсолютизму, было предшественникомъ экономическаго паденія всего общества.

Еще раньше своего политическаго паденія римское общество пало въ военномъ отношеніи. Съ крестьянами исчезли войны милиціоннаго войска. Мѣсто его заняло войско наемниковъ, самая крѣпкая опора деспотизма. Но это войско, непреоборимое внутри страны, вскорѣ съ трудомъ могло отражать внѣшняго врага, именно, германцевъ, которые наступали все энергичнѣе, между тѣмъ какъ римская военная сила замѣтно падала.

Это имѣло важныя экономическія послѣдствія. Завоевательныя войны становились все рѣже; вѣчная война, ведшаяся на границахъ, все болѣе и болѣе принимала характеръ войны чисто защитительной, которая больше губила воиновъ, чѣмъ доставляла рабовъ. Приливъ рабовъ постепенно сокращался. Но съ прекращеніемъ обильнаго прилива рабовъ падала основа тогдашняго крупнаго производства, — именно въ сельскомъ хозяйствѣ. Само рабство не прекращалось вполнѣ, но оно все больше и больше становилось предметомъ роскоши.

Однако, это не означало возвращенія къ свободному крестьянству

янству и свободнымъ ремесламъ. Промышленность оставалась большею частью въ рукахъ рабовъ. Сокращеніе подвоза рабовъ лишь рѣдко приводило къ возникновенію свободнаго, крѣпкаго слоя ремесленниковъ, чаще-же всего вело къ паденію промышленности. Немногимъ лучше обстояло дѣло и съ сельскимъ хозяйствомъ. Свободныхъ крестьянъ погубило рабское хозяйство, а гдѣ они исчезли въ римской имперіи, тамъ уже никогда не могло пустить корней крестьянское хозяйство. Потому что—хотя крупное *производство* становилось все менѣе доходнымъ, крупное *землевладѣніе* оставалось; мало того, оно теперь еще больше расширялось, потому что крупные землевладѣльцы все-таки лучше, чѣмъ мелкіе, могли выносить вымогательства чиновниковъ и опустошенія, которымъ подвергались многія территоріи особенно вслѣдствіе несчастныхъ войнъ.

Но крупнаго *производства* оно уже не могло поддерживать. Производство все сокращалось и рядомъ съ нимъ развивалась система раздробленія крупныхъ имѣній цѣликомъ или отчасти на мелкіе участки: участки сдавались въ аренду за извѣстныя повинности такъ называемымъ *колонамъ*, которыхъ, въ особенности въ позднѣйшіе вѣка имперіи, старались возможно больше прикрѣпить къ землѣ; это были предшественники средневѣковыхъ крѣпостныхъ.

Причиной этого прикрѣпленія было быстрое *уменьшеніе рабочихъ силъ въ имперіи*. Рядомъ съ немногими богачами и сравнительно небольшимъ числомъ свободныхъ работниковъ въ жалкихъ остаткахъ крестьянскаго земледѣлія и ремеслъ, масса населенія состояла изъ пролетаріевъ-лохмотниковъ и рабовъ. Эти слои, живя большею частью безъ упорядоченныхъ семейныхъ отношеній, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, не могли давать хоть сколько-нибудь значительнаго прироста населенія. Многочисленныя несчастныя войны еще больше увеличивали убыль людей. Населеніе замѣтно уменьшалось. Чтобы добыть колоновъ и солдатъ, господствующіе классы Рима должны были привлекать въ имперію все больше и больше чужеземцевъ, варваровъ; защита и содержаніе имперіи перешли, наконецъ, главнымъ образомъ на этихъ чужеземныхъ поселенцевъ и ихъ потомковъ.

Но этого было мало для возмѣщенія убыли населенія и

приходилось привлекать все болѣе грубые и низшіе элементы.

Римская культура могла достигнуть своей высоты лишь благодаря избытку рабочихъ силъ, которыя были въ ея распоряженіи и которыя она могла расточать безъ стѣсненія. Вмѣстѣ съ избыткомъ рабочихъ силъ исчезалъ и избытокъ продуктовъ; земледѣліе и промышленность падали, становились все болѣе грубыми и варварскими. И вмѣстѣ съ ними падали искусство и науки.

Этотъ общественный упадокъ занялъ продолжительный періодъ времени. Прошло нѣсколько вѣковъ, раньше чѣмъ римская имперія съ той гордой высоты, на которой она была въ царствованіе Августа и его первыхъ преемниковъ, опустилась до того низкаго уровня, котораго она достигла къ началу переселенія народовъ. Но направленіе этого упадка опредѣлилось уже въ первомъ столѣтіи нашей эры и въ нѣкоторыхъ пунктахъ тогда уже ясно можно различить его. Вмѣстѣ съ нимъ и благодаря ему возникла новая общественная сила, которая среди всеобщаго паденія спасла то, что можно было еще спасти, и остатки римской культуры передала, наконецъ, германцамъ, гдѣ она проложила путь новой, высшей культурѣ. Этой силой было *христіанство*.

II. Сущность древне-христіанскаго коммунизма.

Какъ во время паденія Греціи, такъ и теперь, во времена римскихъ императоровъ, всѣ люди, мыслящіе и сочувствующіе страждущимъ ближнимъ, чувствовали потребность искать выхода изъ этого страшнаго положенія.

На вопросъ, какимъ долженъ быть этотъ выходъ, давались самые разнообразные отвѣты. И платоновское идеальное государство тоже было снова подогрѣто, но теперь оно еще меньше могло имѣть вліяніе, чѣмъ во время своего появленія. Правда, нео-платоникъ Плотинъ (въ 3 столѣт. наш. эры) до такой степени пріобрѣлъ расположеніе высшихъ сословій, даже императора Галліена и императрицы Салонины, что могъ мечтать объ основаніи съ ихъ помощью города по образцу платоновскаго государства. Однако, этотъ салонный

коммунизмъ моднаго философа былъ лишь одной изъ многочисленныхъ игрушекъ, которыми высокопоставленные досужіе люди убивали время. Не было сдѣлано даже попытки осуществленія этого плана, если не считать такой попыткой изобрѣтенія имени для колоніи: Platonopolis—Платоно-градъ.

Государство повсюду встрѣчало всеобщее недовѣріе и равнодушіе; разложеніе общества достигло столь высокой степени, что ни отъ одного смертнаго—будь онъ хоть самый могущественный изъ цезарей—невозможно было ожидать, чтобы ему удалось вдохнуть въ него новую жизнь. Это могла сдѣлать лишь сверхъ-человѣческая сила, лишь чудо.

Кто не считалъ возможнымъ, чтобы еще совершались чудеса, тотъ погружался въ мрачный пессимизмъ или одурманивалъ себя безсмысленными наслажденіями. Но среди сангвиническихъ энтузіастовъ, для которыхъ невозможно было ни то, ни другое, иные начали вѣрить въ чудо. Такъ было именно съ энтузіастами низшихъ слоевъ народа, которые больнѣе всего чувствовали общественный упадокъ и у которыхъ не было ни средствъ для того, чтобы забыться среди наслажденій, ни того похмѣлья, которое слѣдуетъ послѣ подобныхъ излишествъ и такъ легко вызываетъ пессимизмъ. Изъ ихъ-то рядовъ, главнымъ образомъ, вышла идея, что въ ближайшее время явится съ неба избавитель и оснуетъ на землѣ благодатное царство, въ которомъ не будетъ ни войны, ни бѣдности, въ которомъ будетъ царить радость, миръ, довольство и безграничное блаженство. Этотъ избавитель былъ помазанникъ Божій—Христосъ [1]).

Разъ дѣло дошло до того, что чудо считали возможнымъ, исчезли всѣ границы фантазіи и каждый могъ представлять себѣ грядущее царство въ самыхъ заманчивыхъ формахъ. Измѣнится не только общество,—измѣнится вся природа, все вредное исчезнетъ изъ нея, всѣ наслажденія, какія она предлагаетъ, увеличатся сверхъ всякой мѣры на радость людямъ [2]).

Первой христіанской книгой, въ которой высказываются

---

[1]) Christos по-гречески значитъ помазанникъ.

[2]) Корроди въ своей „Критической исторіи хиліазма“ (Франкфуртъ 1781 г.) описалъ—и даже критически разбиралъ!—странные продукты этой фантазіи.

такія ожиданія, является „Откровеніе Іоанна“, апокалипсисъ, написанный, вѣроятно, вскорѣ послѣ смерти Нерона; здѣсь возвѣщается, что скоро возгорится борьба между вновь пришедшимъ Нерономъ, антихристомъ, и вновь пришедшимъ Христомъ,—борьба, въ которой приметъ участіе вся природа. Христосъ выйдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы и оснуетъ тысячелѣтнее царство, въ которомъ праведные будутъ царствовать съ нимъ и смерть не будетъ имѣть власти надъ ними. Мало того, по прекращеніи этого царства, возникнетъ новое небо и новая земля и на этой землѣ новый Іерусалимъ, мѣсто блаженства.

Тысячелѣтнее царство—„будущее государство“ („Zukunsftstaat“) древняго христіанства; отъ его названія всѣ фантастическія ожиданія наступленія новаго общества, возникавшія въ христіанскихъ сектахъ, называются хиліастическими [1]).

Въ связи съ апокалипсисомъ многіе изъ христіанскихъ учителей первыхъ вѣковъ христіанства высказывали хиліастическія ожиданія и иногда—какъ Ириней (во второмъ вѣкѣ) и еще Лактанцій (въ 320 г.)—подробно изображали предстоящій рай на землѣ въ самыхъ заманчивыхъ, чувственныхъ формахъ [2]). Лишь послѣ того, какъ условія, въ которыхъ находилось христіанство, совершенно измѣнились, когда оно перестало быть вѣрой только несчастныхъ и угнетенныхъ, пролетаріевъ, рабовъ и ихъ друзей, и стало также вѣрой сильныхъ міра и богачей, лишь тогда хиліазмъ впалъ въ немилость у оффиціальной церкви, потому что онъ все-таки имѣлъ революціонный оттѣнокъ, былъ предсказаніемъ грядущаго переворота существующаго общества.

[1]) Отъ греческаго слова chilias—тысяча.

[2]) Большую роль въ грядущемъ христіанскомъ царствѣ играли *вино и любовь*. Ириней училъ: „Настанетъ время, когда будутъ расти такія виноградныя лозы, что у каждой изъ нихъ будетъ десять тысячъ побѣговъ, на каждомъ побѣгѣ—десять тысячъ вѣтвей, на каждой вѣтви—десять тысячъ вѣточекъ, на каждой вѣточкѣ—десять тысячъ гроздей, въ каждой грозди—десять тысячъ ягодъ и въ каждой ягодѣ—десять мѣръ вина“.— Надо думать, что и жажда въ тысячелѣтнемъ царствѣ возрастетъ въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ. Но Ириней обѣщаетъ еще болѣе соблазнительныя радости: „Юныя дѣвы будутъ тамъ наслаждаться въ обществѣ юношей; старцы будутъ пользоваться тѣми-же преимуществами и горе ихъ превратится въ удовольствіе“. Въ особенности послѣдняя надежда должна была казаться соблазнительной для старыхъ и молодыхъ старцевъ римскаго общества fin de siècle.

Блаженный Августинъ, жившій во второй половинѣ четвертаго и въ первой половинѣ пятаго вѣка (умеръ въ 430 г.), рѣшительно боролся съ этимъ неудобнымъ ученіемъ посредствомъ цѣлаго ряда софистическихъ толкованій апокалипсиса. Съ тѣхъ поръ хиліазмъ сталъ „еретическимъ". Оффиціальная церковь перенесла грядущее царство блаженства—за облака.

Хиліастическія ожиданія представляютъ собой одно изъ самыхъ выдающихся явленій древне-христіанской духовной жизни. Но какъ ошибается тотъ, кто думаетъ, будто нынѣшняя соціалъ-демократія черпаетъ свою силу изъ обѣщаній какого-то „будущаго государства", такъ ошибся бы и тотъ, кто думалъ бы, будто древнее христіанство самую существенную часть своей силы черпало изъ хиліазма.

Подобно соціалъ-демократіи и древнее христіанство тѣмъ стало непреоборимымъ для власть имущихъ, что оно было *необходимымъ* для массы населенія. Не его *благія мечтанія* доставили ему побѣду, а его *практическая дѣятельность*.

Пауперизмъ, какъ мы видѣли, былъ крупнымъ соціальнымъ вопросомъ времени императоровъ. Всѣ попытки со стороны государства бороться съ нимъ оказались тщетными. Иные императоры, также какъ и частныя лица, пытались противодѣйствовать ему посредствомъ благотворительныхъ учрежденій. Но это дѣлалось въ крайне недостаточныхъ размѣрахъ: это были капли, падавшія на раскаленный камень, а алчная римская бюрократія не была образцовымъ управителемъ этихъ учрежденій.

Пессимисты и эпикурейцы дѣлали противъ пауперизма то-же, что и противъ другихъ недостатковъ государства и общества,—т. е. ровно ничего. Они разсуждали такъ: очень, молъ, печально, что существуютъ подобные порядки, но это неустранимо, и философамъ не слѣдуетъ бороться съ неизбѣжностью.

Иначе разсуждали сангвиническіе энтузіасты и пролетаріи, на которыхъ тяготѣло все бремя неурядицы. Они не могли спокойно относиться къ ней; они должны были стремиться къ тому, чтобы положить ей конецъ. Изъ тѣхъ-же слоевъ, въ которыхъ возникъ хиліазмъ, вышли и дѣятельныя попытки борьбы съ существующими бѣдствіями.

Эти попытки должны были имѣть иной характеръ, чѣмъ

попытки Гракховъ. Гракхи обращались къ государству; они хотѣли, чтобы пролетаріатъ завоевалъ политическую власть и воспользовался ею для своей выгоды. Теперь исчезло всякое политическое движеніе, и къ государственной власти всѣ относились съ недовѣріемъ. Не посредствомъ государства, а за спиной его, посредствомъ иныхъ, совершенно независимыхъ отъ него организацій хотѣли преобразовать общество новые спеціальные реформаторы.

Еще важнѣе было другое различіе. Гракховское движеніе было полу-деревенскимъ, оно опиралось не только на городскихъ пролетаріевъ, но и на обнищавшихъ крестьянъ. И городскихъ пролетаріевъ оно хотѣло превратить въ крестьянъ. Дѣло въ томъ, что городской пролетаріатъ стоялъ еще одной ногой въ крестьянствѣ.

Во времена императоровъ городъ и деревня были уже совершенно разобщены. Городское и сельское населеніе составляли двѣ націи, которыя уже не понимали другъ друга. Христіанское движеніе было вначалѣ движеніемъ большихъ городовъ и это въ такой степени, что понятія: поселянинъ и нехристіанинъ были однозначущими [1]).

Съ этимъ тѣснѣйшимъ образомъ связано различіе между гракховской и христіанской соціальной реформой. Первое движеніе хотѣло, что крестьянское хозяйство вытѣснило латифундіи; если оно посягало на современное распредѣленіе собственности, то лишь затѣмъ, чтобы проложить путь реформѣ *способа производства*. Но именно вслѣдствіе этого оно, какъ мы видѣли, должно было признать частную собственность (на средства производства).

Въ христіанствѣ перваго времени рѣшающую роль игралъ городской пролетаріатъ лохмотниковъ, отвыкшій отъ труда. Производство было для этихъ элементовъ вещью, довольно безразличной; образцомъ для нихъ служили лиліи полевыя, которыхъ не сѣютъ, не прядутъ и все-таки расцвѣтаютъ. Если они стремились къ иному распредѣленію собственности, то имѣли въ виду не средства *производства*, а средства *потребленія*. Но коммунизмъ потребленія не былъ для лохмотниковъ того времени чѣмъ-то неслыханнымъ. Періодическія

[1]) Слово paganus (по-латыни—поселянинъ) позднѣйшіе христіане употребляли для обозначенія „язычниковъ".

кормленія значительныхъ массъ нуждающихся или раздачи имъ жизненныхъ продуктовъ были обычными въ послѣднее время республики и существовали также въ первое время императорскаго періода. Что-же было естественнѣе, какъ не стремиться къ возведенію этихъ раздачъ и кормленій въ систему, къ правильному коммунизму существующихъ средствъ потребленія — частью посредствомъ равномѣрнаго раздѣла, а частью посредствомъ совмѣстнаго пользованія?

Возникли коммунистическія идеи этого рода, а вскорѣ и коммунистическія общины для ихъ осуществленія. Первыя такія общины возникли на востокѣ, который въ экономическомъ отношеніи подвинулся дальше всего, среди евреевъ, гдѣ еще до Христа появились апокалиптическія ожиданія, гдѣ мы еще за 100 лѣтъ до нашей эры находимъ тайное коммунистическое общество, организацію *ессеевъ*.

„Богатство они ни во что вмѣняютъ", разсказываетъ о нихъ Іосифъ: „а очень высоко ставятъ общность имуществъ и между ними нѣтъ ни одного, который былъ бы бѣднѣе другого. У нихъ есть законъ, что всѣ, желающіе вступить въ ихъ общество, должны отдавать свои имущества для общаго пользованія, поэтому у нихъ незамѣтно ни недостатка, ни избытка, все-же у нихъ общее, какъ у братьевъ... Они не живутъ вмѣстѣ, въ одномъ городѣ, а имѣютъ во всѣхъ городахъ свои особые дома и если изъ иныхъ мѣстъ приходятъ люди, принадлежащіе къ ихъ обществу, они дѣлятъ съ ними свое достояніе и эти люди могутъ имъ пользоваться, какъ своимъ собственнымъ. Они безъ всякихъ околичностей являются къ своимъ товарищамъ, хотя бы раньше никогда не видали другъ друга, и ведутъ себя такъ, какъ будто всю жизнь были близко знакомы. Отправляясь въ путешествіе, они ничего не берутъ съ собою, кромѣ оружія для защиты отъ разбойниковъ. Въ каждомъ городѣ у нихъ есть особый человѣкъ, который выдаетъ одежду и жизненные продукты пришельцамъ изъ чужихъ мѣстъ... Они не ведутъ торговли другъ съ другомъ и если кто-нибудь даетъ что-либо нуждающемуся, то въ свою очередь беретъ у него, что ему надо. И если нуждающійся ничего не можетъ дать, онъ все-таки можетъ брать, у кого угодно, все, что ему нужно" [1]).

[1]) Josephus, Geschichte des jüdischen Krieges, II Buch, 8, 3, 4.

Совершенно такимъ-же образомъ были организованы и первыя христіанскія общины. Было ли здѣсь сознательное подражаніе и если было, то насколько,—не выяснено. Сходство между этими общинами могло произойти отъ сходства тѣхъ условій, изъ которыхъ онѣ возникли. Во всякомъ случаѣ, христіанскія общины скоро превзошли ессейскія въ одномъ существенномъ пунктѣ: въ международности, соотвѣтствовавшей международности римской имперіи. Ессеи крѣпко держались іудейства. Они остались мелкой сектой, которая врядъ ли когда либо имѣла болѣе 4.000 членовъ. Христіанство же завоевало римскую имперію.

Вначалѣ христіане неоднократно стремились къ введенію полнаго коммунизма. Христосъ говоритъ (въ Ев. отъ Матѳ. 19, 21) богатому юношѣ: „если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ" [1]). Въ Дѣяніяхъ Апостоловъ первая іерусалимская община описывается слѣдующимъ образомъ: „...и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому давалось все, въ чемъ кто имѣлъ нужду". Ананію и Сапфиру, утаившихъ часть стоимости ихъ имущества, которое должно было перейти къ общинѣ, Богъ, какъ извѣстно, покаралъ смертью [2]).

Однако, практически этотъ родъ коммунизма сводился къ тому, что всѣ средства производства превращались въ средства потребленія, которыя должны были раздаваться бѣднымъ: послѣдовательное проведеніе этой системы означало бы конецъ всякаго производства. Сколько бы ни игнорировали производство первые христіане, какъ истинные нищенствующіе философы,—на этой основѣ невозможно было создать прочнаго и значительнаго общества.

Тогдашнее состояніе производства требовало частной собственности на средства производства и христіане ничего не могли бы подѣлать противъ этого [3]). Такимъ образомъ, они

[1]) Дѣян. Ап. гл. 4, ст. 32—35. (Всѣ выдержки изъ Нов. Зав. приведены здѣсь по изданію С. Синода. *Перев.*)

[2]) Важно также другое мѣсто въ Дѣян. Апост.: гл. 2, ст. 44—45.

[3]) Монастыри составляли исключительное явленіе и монастырская

должны были стремиться къ тому, чтобы соединить частную собственность съ коммунизмомъ.

Соединеніе частной собственности съ коммунизмомъ совершилось такъ, что каждому оставлялась его собственность — именно, на *средства производства*, а требовался только коммунизмъ *потребленія*—именно жизненныхъ средствъ.

Понятно, это различіе не сказывалось въ теоріи: въ экономическихъ вопросахъ такихъ тонкостей тогда не разбирали. Но къ этому сводилась практика и лишь съ помощью этого различія можно понять кажущееся противорѣчіе въ ученіи церкви, которая въ первые вѣка одновременно и прославляла общность имуществъ, и осуждала всякое посягательство на частную собственность.

Имущіе должны были удержать свои средства производства и извлекать пользу, прежде всего, изъ своей земли; но сѣ средства потребленія, какія они имѣли или пріобрѣтали— пищевыя средства, одежду, жилища и деньги для ихъ покупки.—слѣдовало передавать въ распоряженіе христіанской общины. „Такимъ образомъ, общность имуществъ была лишь общностью потребленія. Каждый христіанинъ по братскому согласію имѣлъ право на имущества всѣхъ членовъ всей общины и могъ, въ случаѣ нужды, требовать, чтобы имущіе члены давали ему изъ своего состоянія столько, сколько ему нужно для удовлетворенія потребностей. Каждый христіанинъ могъ пользоваться имуществомъ своихъ братьевъ, и всѣ христіане, имѣвшіе что-либо, не могли отказать своимъ нуждающимся братьямъ въ пользованіи этимъ достояніемъ. Христіанинъ, не имѣвшій, напр., дома, могъ требовать у другого христіанина, имѣвшаго два или три дома, чтобы тотъ далъ ему жилище, но этотъ послѣдній все-таки оставался владѣльцемъ домовъ. Вслѣдствіе общности потребленія нужно было давать другому жилище для пользованія“ [1]).

Движимыя средства потребленія и деньги сносились въ

организація никогда не могла стать всеобщей организаціей. Но и въ монастыряхъ главное составляла общность потребленія, а производство было побочной вещью. Мы вернемся къ этому въ связи съ иными обстоятельствами.

[1]) J. L. Vogel. Alterthümer den ersten und ältesten Christen. Hamburg. 1780. стр. 47.

одно мѣсто и избиралось особое лицо, которое руководило распредѣленіемъ этихъ средствъ.

Полный коммунизмъ первыхъ христіанъ выступалъ на сцену съ признаніемъ, хотя и ограниченнымъ, частной собственности. Онъ долженъ былъ потерпѣть еще дальнѣйшее ослабленіе.

Коммунизмъ потребленія, какъ мы уже видѣли при разсмотрѣніи платоновскаго государства, самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ уничтоженіемъ *семьи* и *единичнаго брака*. Этого можно достигнуть двумя путями: посредствомъ общности женъ и дѣтей или посредствомъ отреченія отъ половыхъ сношеній, посредствомъ целибата. Платонъ избралъ первый путь, ессеи—второй. Въ самомъ началѣ христіанство тоже пыталось выступить противъ семьи и брака,—главнымъ образомъ въ аскетической формѣ, которая больше всего соотвѣтствовала разочарованному настроенію того времени; но были также христіанскія секты,—напр., адамисты, гностическая секта второго вѣка,—которыя проповѣдывали и практиковали болѣе веселый способъ уничтоженія семьи и брака.

Въ Еванг. отъ Матѳ. Христосъ говоритъ (19, 29): „...всякій, кто оставитъ домы, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени моего, получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную“. Въ Евангеліи отъ Луки Христосъ говоритъ (14, 26): „если кто приходитъ ко мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть моимъ ученикомъ“ [1]).

Всѣмъ древне-христіанскимъ общинамъ было свойственно стремленіе, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени ослабить семейную жизнь. Поэтому мы находимъ у нихъ ежедневныя общія трапезы. (Ср. Дѣян. Апост. 2, 46). Эти вечери любви, *агапы*, соотвѣтствуютъ общимъ трапезамъ, сисситіямъ спартанцевъ и платоновскаго государства. Онѣ были естественнымъ послѣдствіемъ коммунизма потребленія.

Однако, какъ мы уже говорили, христіанство не могло устранить мелкаго производства и частной собственности на орудія производства. Но съ ними неразрывно связана единич-

---

[1]) Ср. также Матѳ. 10, 37; 12, 46—50; Марк. 3, 31—35; 10, 29—30 Лук. 8, 20—21; 18, 29—30.

ная семья не только какъ форма сожительства мужа и жены, родителей и дѣтей, но и какъ экономическая единица. Такъ какъ христіанство не могло создать новаго способа производства, то оно должно было упрочить и традиціонную форму семьи,—какъ ни противорѣчила эта форма коммунизму потребленія. Не способъ пользованія, а способъ производства опредѣляетъ въ послѣдней инстанціи характеръ общества. Уничтоженіе семьи и брака, къ которому стремились,—также какъ и полный коммунизмъ, — было непримиримо съ распространеніемъ христіанства въ обществѣ. Оно постоянно ограничивалось отдѣльными сектами и корпораціями. Ему не удалось получить всеобщее распространеніе.

III. Паденіе древне-христіанскаго коммунизма.

Перешагнуть черезъ противорѣчіе между единичной семьей и коммунизмомъ потребленія и наслажденія могъ лишь совершенно исключительный энтузіазмъ. Такой энтузіазмъ и существовалъ въ первыхъ христіанскихъ общинахъ. Но чѣмъ многочисленнѣе становились христіане, тѣмъ, понятно, меньше по отношенію къ ихъ общей численности должно было быть въ ихъ средѣ число исключительно-одаренныхъ натуръ. А у среднихъ людей соціальныя отношенія падающаго Рима воспитывали какія угодно качества, только не дѣятельное самоотверженіе. Ни одинъ классъ не представлялъ исключенія въ этомъ отношеніи.

Поэтому и въ христіанскихъ общинахъ единичная семья одержала верхъ надъ коммунизмомъ потребленія. Домашнія трапезы становились общимъ правиломъ, вечери-же любви все больше и больше ограничивались торжественными случаями. При такомъ ограниченіи онѣ сохранялись втеченіе первыхъ вѣковъ христіанства; затѣмъ онѣ совершенно пали. превратились въ простыя кормленія бѣдныхъ, время отъ времени устраивавшіяся богатыми, которые сами не принимали участія въ этихъ торжествахъ.

Заботы о семьѣ снова выступили на первый планъ; общинѣ, церкви принадлежало лишь то, въ чемъ не нуждалась семья. Общее пользованіе достояніемъ всѣхъ членовъ общины свелось къ передачѣ въ общинную кассу избытковъ, оказав-

шихся у отдѣльныхъ лицъ. Излишекъ дохода, остававшійся у человѣка за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ, нужно было отдавать церкви. Вотъ какую форму принялъ вскорѣ на практикѣ христіанскій коммунизмъ.

Но такъ какъ соціальныя отношенія временъ имперіи, дѣлавшія невозможнымъ практическое осуществленіе коммунизма, благопріятствовали развитію коммунистическихъ идей, то коммунистическія традиціи первобытнаго христіанства жили долго; постоянно возникали новыя коммунистическія секты, да и та изъ церковныхъ организацій, которая одержала побѣду надъ остальными, католическая, еще долго оставалась въ теоріи коммунистической.

Отцы церкви попрежнему громили богатство и неравенство. „Несчастные", восклицаетъ въ IV столѣтіи Василій Великій, обращаясь къ богатымъ: „что скажете вы Вѣчному Судіи въ свое оправданіе?.. Вы возразите мнѣ: развѣ я не правъ, если я оставляю у себя то, что мнѣ принадлежитъ? Но я спрошу васъ: что называете вы вашей собственностью? Отъ кого получили вы ее? Вы поступаете, какъ тотъ человѣкъ въ театрѣ, который спѣшитъ занять всѣ мѣста и хочетъ воспрепятствовать другимъ войти въ театръ, захватывая для себя то, что устроено для всѣхъ. Чѣмъ богатѣютъ богатые, какъ не захватомъ вещей, принадлежащихъ всѣмъ? Если бы каждый бралъ для себя не болѣе, чѣмъ ему необходимо для жизни, а остальное предоставлялъ другимъ, тогда не было бы ни богатыхъ, ни бѣдныхъ".

Еще въ VI столѣтіи Григорій Великій писалъ: „Недостаточно не отнимать у другихъ ихъ собственности, — человѣкъ не свободенъ отъ грѣха, пока онъ удерживаетъ для себя имущество, созданное Богомъ для всѣхъ. Кто не даетъ другимъ того, что имѣетъ, тотъ убійца и разбойникъ, такъ какъ онъ удерживаетъ у себя то, что могло бы служить для содержанія бѣдныхъ,—можно сказать, что онъ изо дня въ день убиваетъ столько людей, сколько могло бы жить отъ его избытковъ. Если мы дѣлимся съ тѣми, которые нуждаются, то мы даемъ имъ то, что принадлежитъ не намъ, а имъ же самимъ. Это— не дѣло милосердія, а уплата долга" [1]).

---

[1]) Цитировано у Fr. Villegardelle, Histoire des idées socialistes avant la révolution française. Paris, 1846, стр. 71 и сл. Авторъ приводитъ много

Но одно изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ коммунистическаго характера первобытнаго христіанства находится въ сочиненіяхъ св. Іоанна, прозваннаго за свое краснорѣчіе Златоустомъ. Родившись въ 317 г. въ Антіохіи, онъ достигъ сана патріарха цареградскаго. Но неустрашимость, съ которой онъ бичевалъ безнравственность столицы и въ особенности двора, привела къ тому, что императоръ Аркадій сослалъ его. Онъ умеръ въ изгнаніи (въ Арменіи) въ 407 г.

Въ одиннадцатой изъ своихъ бесѣдъ (гомиліи) о Дѣяніяхъ апостоловъ этотъ смѣлый человѣкъ остановился на коммунизмѣ первыхъ христіанъ. Онъ цитируетъ слѣдующее мѣсто изъ Дѣяній апостоловъ: „великая благодать была на всѣхъ ихъ,—не было между ними никого нуждающагося“ [1]). Это было, продолжаетъ онъ, оттого, что „никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее“ [2]).

„Благодать была на всѣхъ ихъ, потому что не было между ними никого нуждающагося, т. е. потому, что они щедро давали, чтобы никто не оставался бѣднымъ. И это было не такъ, чтобы они отдавали одну часть, а другую оставляли для себя, или чтобы они отдавали все, такъ сказать, какъ свою собственность. Они уничтожили всякое неравенство и жили въ большомъ избыткѣ. И они дѣлали это самымъ достойнымъ образомъ. Они не дерзали давать подаянія въ руки нуждающихся, не подавали съ высокомѣрной снисходительностью, а полагали у ногъ апостоловъ и дѣлали ихъ господами и распредѣлителями приношеній. Въ чемъ кто нуждался, то бралось изъ запаса общины, а не изъ чьей-либо частной собственности. Этимъ достигалось то, что дававшіе не проникались тщеславіемъ.

„Если бы мы теперь стали поступать такимъ-же образомъ, мы жили бы гораздо счастливѣе какъ богатые, такъ и бѣдные; и бѣдные пріобрѣли бы отъ этого не больше, чѣмъ сами богатые... потому что дающіе не только не становятся бѣдными,—они и бѣдныхъ дѣлаютъ богатыми.

цитатъ подобнаго-же содержанія изъ сочиненій другихъ учителей церкви первыхъ вѣковъ. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ, изъ какихъ именно сочиненій онъ взялъ эти цитаты. Это лишаетъ насъ возможности провѣрить ихъ.

[1]) Дѣянія апостоловъ, гл. 4, ст. 33—34.

[2]) Ibid., ст. 32.

„Представимъ себѣ это дѣло: всѣ передаютъ свое имущество въ общую собственность. Пусть никто не смущается этимъ,—ни богатый, ни бѣдный. Сколько, полагаете вы, соберется денегъ? Я думаю,—потому что съ увѣренностью этого сказать нельзя,—что если бы каждый отдалъ всѣ свои деньги, поля, владѣнія, дома (о рабахъ я не говорю, такъ какъ у первыхъ христіанъ не было рабовъ,—они, вѣроятно, отпускали ихъ на свободу), то набралось бы милліонъ фунтовъ золота,—а, по всей вѣроятности, даже вдвое или втрое больше. Затѣмъ, скажите мнѣ, сколько людей живетъ въ нашемъ городѣ (Цареградѣ)? Сколько христіанъ? Не сто ли тысячъ? А сколько язычниковъ и евреевъ! Сколько-же тысячъ фунтовъ золота собралось здѣсь! А сколько у насъ бѣдныхъ? Я думаю, что не болѣе пятидесяти тысячъ. Сколько денегъ понадобилось бы, чтобы кормить ихъ каждый день? Если бы они были за общимъ столомъ, то расходы были бы не особенно велики. Что-же мы предприняли бы съ нашимъ чрезмѣрнымъ богатствомъ? Думаешь ли ты, что оно могло бы когда-нибудь истощиться? Не излилось ли бы на насъ благословеніе Божье въ тысячу разъ обильнѣе? Не превратили ли бы мы земли въ небо? Если такой порядокъ далъ столь блестящіе результаты у трехъ или четырехъ тысячъ (первыхъ христіанъ), и не было между ними никого нуждающагося, то насколько лучше долженъ оказаться онъ у столь большого числа людей? Развѣ каждый изъ новопоступающихъ не прибавитъ чего-нибудь?

„Раздробленіе имуществъ причиняетъ огромные расходы, а вслѣдствіе этого и бѣдность. Возьмемъ домъ съ семьей, состоящей изъ мужа, жены и десяти дѣтей. Жена ткетъ, мужъ ищетъ заработка на базарѣ; когда расходы ихъ будутъ больше: при совмѣстной ли жизни въ одномъ домѣ, или при раздѣльной? Очевидно, что при раздѣльной. Если десять сыновей раздѣлятся, имъ нужно десять домовъ, десять столовъ, десять слугъ и все остальное должно у нихъ увеличиться въ такихъ же размѣрахъ. А какъ поступаютъ съ рабами? Развѣ ихъ не кормятъ вмѣстѣ, за однимъ столомъ, чтобы уменьшить расходы. Раздробленіе постоянно приводитъ къ расточительности, а совмѣстное пользованіе къ сбереженію того, что имѣется. Такъ живутъ теперь въ монастыряхъ—и такъ нѣкогда жили вѣрующіе. Кто-же умеръ у нихъ отъ голода? Кто не доста-

точно насыщался. И все-таки люди боятся этого порядка больше, чѣмъ прыжка въ безбрежное море. Сдѣлаемъ-же попытку и смѣло приступимъ къ дѣлу. Какъ велики были бы благія послѣдствія! Ибо—если тогда, когда число вѣрующихъ было такъ мало, равнялось лишь тремъ-пяти тысячамъ, когда весь свѣтъ относился враждебно къ намъ, когда ни откуда не было утѣшенія, наши предшественники дѣйствовали столь рѣшительно, насколько-же больше увѣренности должны имѣть мы теперь, когда Божьею благодатью вѣрующіе есть вездѣ! Кто захотѣлъ бы оставаться въ такомъ случаѣ язычникомъ? Думаю,—никто. Мы всѣхъ бы привлекли и расположили къ себѣ" [1]).

Іоаннъ Златоустъ закончилъ свои разсужденія призывомъ приступить къ осуществленію его предложенія.

Эта проповѣдь, столь трезвая, чисто экономическая, чуждая всякой религіозной мечтательности, въ высшей степени замѣчательна во всѣхъ отношеніяхъ. Она ясно изображаетъ намъ коммунизмъ первобытнаго христіанства, традиціи котораго тогда еще были живы; но столь-же ясно она показываетъ, что это былъ коммунизмъ не производства, а только потребленія. Іоаннъ Златоустъ старается склонить своихъ слушателей къ коммунизму, выясняя имъ, насколько общее домашнее хозяйство экономнѣе раздробленія на многія хозяйства. Но кто долженъ производить все, въ чемъ нуждается это коммунистическое домашнее хозяйство, объ этомъ не говорится ни слова. Дѣло въ томъ, что въ этой области все должно остаться попрежнему.

Предложеніе Іоанна Златоуста не было осуществлено. Онъ самъ говоритъ, какъ далеко церковь уже отклонилась отъ коммунистической жизни первобытныхъ христіанъ: „люди боятся такого порядка больше, чѣмъ прыжка въ безбрежное море". Столь-же ясно, какъ Іоаннъ Златоустъ, говорили и другіе учители церкви. Именно ихъ страстныя обличенія богатыхъ, *христіанскихъ* богачей, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ церкви, начиная съ II вѣка, исчезли не только *практика*, но уже и *духъ* коммунизма, чувство равенства и братства.

Здѣсь снова обнаружилось, что матеріальныя отношенія

---

[1]) S. P. N. Ioanni Chrysostomi opera omnia quae extant. Paris 1859. (Изданіе Минье Patrologiae cursus completus). IX, стр. 96—98.

сильнѣе идей и господствуютъ надъ ними. Непреоборимая сила вещей заставила церковь приспособить свое ученіе къ измѣнившимся вслѣдствіе ея распространенія отношеніямъ. Такъ какъ коммунистическую традицію уничтожить было невозможно, то старались дать ей подходящее толкованіе и рядомъ хитросплетеній, которыя такъ свойственны были тогдашней, больше мудрствовавшей, чѣмъ изслѣдовавшей философіи, примирить эту традицію съ дѣйствительностью.

Затѣмъ христіанство совершенно отказывается отъ рѣшенія проблемы бѣдности, отъ уничтоженія различія между богатымъ и бѣднымъ. Если первые христіане еще говорили, что богатый не можетъ войти въ царствіе Божіе, т. е. въ ихъ общество, пока онъ не отдастъ своего имущества бѣднымъ и самъ не станетъ бѣднымъ, что только бѣдные могутъ быть спасены, то теперь эти чисто матеріальныя понятія толковались въ переносномъ, духовномъ смыслѣ.

„Церковь", говоритъ Ратцингеръ, характеризуя взгляды первыхъ учителей церкви на собственность: „предназначалась только для бѣдныхъ, богатые были отстранены отъ нея... Это отреченіе отъ имущества не обязательно должно быть полнымъ отказомъ отъ него: достаточно, если онъ (богатый) воздерживается отъ чрезмѣрнаго наслажденія имуществомъ, отъ привязанности къ нему, словомъ, отъ жадности... И богатый долженъ былъ отвлечь свое сердце отъ всякаго земного достоянія; онъ, видя въ себѣ лишь управителя, поставленнаго Богомъ, долженъ былъ лишь такъ владѣть имуществомъ, какъ будто оно не принадлежитъ ему; онъ долженъ былъ брать лишь необходимое для своего существованія, все-же остальное, какъ вѣрный управитель Божій, употреблять на бѣдныхъ". Но и бѣдный столь-же мало, какъ и богатый, можетъ стремиться къ обладанію земнымъ имуществомъ; онъ долженъ быть доволенъ своей участью и съ благодарностью принимать крохи, которыя броситъ ему богатый [1]).

Какое тонкое хитросплетеніе! Уже не самого себя, а лишь свое сердце богатый долженъ отдѣлить отъ земного имущества; онъ долженъ владѣть имуществомъ такъ, какъ будто оно не принадлежитъ ему!

[1]) Ratzinger, „Geschichte der Kirchlichen Armenpflege", Freiburg i. B. 1860 г., стр. 9, 10.

Но и въ этой ослабленной формѣ христіанство еще втеченіе вѣковъ много дѣлало для борьбы съ пауперизмомъ. Если оно не уничтожило его, то все-же оно было той организаціей, которая оказалась наиболѣе способной ослаблять въ своей сферѣ бѣдствія, возникавшія изъ массоваго обнищанія. Въ этомъ, можетъ быть, и заключается важнѣйшая причина ея успѣха.

Но чѣмъ больше возрастала сила церкви, тѣмъ безпомощнѣе становилась она передъ соціальной проблемой своего времени, которая именно и придавала ей силу. Она не только оказалась неспособной положить конецъ классовымъ разграниченіямъ, существовавшимъ до нея, но и сама, по мѣрѣ возрастанія ея силы и богатства, создавала новыя классовыя различія: въ церкви образовался господствующій классъ, *клиръ*, которому была подчинена масса, *міряне*.

Первоначально въ христіанскихъ общинахъ господствовало полное самоуправленіе. Ихъ довѣренные люди, епископы и пресвитеры, избирались членами общинъ изъ своей среды и обязаны были давать имъ отчетъ. Они не извлекали никакой корысти изъ своихъ должностей.

Но по мѣрѣ того, какъ нѣкоторыя общины возрастали и богатѣли, обязанности предстоятелей ихъ увеличились до такихъ размѣровъ, что ихъ уже невозможно было выполнять при какомъ либо профессіональномъ занятіи. Произошло раздѣленіе труда, должности въ христіанскихъ общинахъ стали особыми профессіями, совершенно поглощавшими людей, занимавшихся ими. Стало уже невозможнымъ употреблять церковное имущество исключительно на поддержаніе бѣдныхъ: нужно было покрывать изъ него и расходы по управленію, расходы на содержаніе зданій, въ которыхъ происходили собранія, и должностныхъ лицъ.

Изъ кого-же состояла главная масса членовъ общины? Изъ лохмотниковъ, которые никогда не были въ состояніи сохранить за собою силу, какую давалъ имъ демократическій строй. Это было для нихъ невозможно въ церкви, какъ и въ республикѣ. Въ церкви они продавали и уступали ее епископу, какъ въ республикѣ—цезарю.

Къ епископу перешло управленіе и распоряженіе имуществами его церкви, т. е. общины, — отъ него зависѣло,

какъ и на что употребляются доходы церкви. Это дало ему огромную власть надъ пролетаріатомъ лохмотниковъ,—власть, которая все болѣе и болѣе возрастала, по мѣрѣ накопленія богатствъ церкви. Епископы становились все независимѣе и независимѣе отъ своихъ избирателей, которые сами попадали во все большую и большую зависимость отъ нихъ.

Одновременно съ этимъ развитіемъ совершалось все болѣе и болѣе тѣсное сближеніе отдѣльныхъ, вначалѣ совершенно самостоятельныхъ церквей въ большую организацію, общую церковь. Одинаковыя воззрѣнія, одинаковыя цѣли, одинаковыя гоненія рано уже побуждали отдѣльныя церкви сноситься между собой посредствомъ посланій и уполномоченныхъ; къ концу второго вѣка сближеніе многихъ церквей въ Греціи и Азіи было уже настолько тѣснымъ, что церкви отдѣльныхъ провинцій составляли уже прочныя организаціи, высшими инстанціями которыхъ были соборы довѣренныхъ людей, синоды епископовъ. Это приводило къ сокращенію самоуправленія отдѣльныхъ общинъ и способствовало возвышенію епископовъ надъ общинами.

Наконецъ, совершилось объединеніе всѣхъ христіанскихъ общинъ имперіи въ одинъ союзъ, и въ четвертомъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія мы уже видимъ имперскіе соборы (первый въ 325 г.—въ Никеѣ).

Но на самихъ соборахъ преобладающимъ вліяніемъ пользовались тѣ епископы, которые являлись представителями наиболѣе богатыхъ и сильныхъ общинъ. Такимъ образомъ, епископъ римскій въ концѣ концовъ и сталъ во главѣ западнаго христіанскаго міра.

Все это развитіе совершалось не безъ сильной борьбы,—борьбы противъ государственной власти, которая не хотѣла допустить образованія новаго государства въ государствѣ, борьбы между отдѣльными организаціями и внутри самихъ организацій, борьбы между народомъ и клиромъ, первый изъ которыхъ обыкновенно терпѣлъ пораженія. Уже въ третьемъ столѣтіи за народомъ почти вездѣ осталось только право утвержденія должностныхъ лицъ церкви; эти послѣднія организовались въ замкнутую корпорацію, которая сама себя пополняла и распоряжалась церковными имуществами по собственному усмотрѣнію.

Съ этихъ поръ церковь стала въ римской имперіи той организаціей, которая открывала самую лучшую карьеру передъ способными людьми. Политическая карьера стала невозможной съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась политическая жизнь; военная служба была почти всецѣло предоставлена наемнымъ варварамъ, искусство и науки влачили уже лишь жалкое существованіе, а самоуправленіе окостенѣло и все болѣе и болѣе падало. Въ одной лишь церкви господствовала жизнь и движеніе; тамъ еще скорѣе всего можно было достигнуть общественной власти. Почти все, что было энергично и интеллигентно въ языческомъ мірѣ, обратилось къ христіанству, а въ немъ къ церковной карьерѣ; церковь, оказавшаяся непобѣдимой въ борьбѣ съ государственной властью, сама начала подчинять себѣ эту власть.

Въ началѣ четвертаго столѣтія хитрый претендентъ на престолъ, Константинъ, нашелъ уже, что побѣда останется за тѣмъ, кто пріобрѣтетъ милость христіанскаго Бога, т. е. привлечетъ къ себѣ христіанское духовенство. При его содѣйствіи христіанство стало господствующей, а вскорѣ и единственной религіей въ римской имперіи.

Съ этихъ поръ увеличеніе имущества церкви идетъ съ особенной быстротой. Императоры и частные люди соперничаютъ другъ съ другомъ въ пріобрѣтеніи расположенія новой силы посредствомъ задариваній. Съ другой стороны, императоры все больше и больше находили нужнымъ передавать въ вѣдѣніе церковной бюрократіи рядъ государственныхъ и муниципальныхъ функцій, къ выполненію которыхъ становилась неспособной падавшая государственная бюрократія.

Раньше приношенія членовъ общины въ пользу церкви были совершенно добровольны. Съ тѣхъ-же поръ, какъ церковь стала пользоваться покровительствомъ государственной власти, она начала думать о правильныхъ налогахъ. Была введена *десятина*, которая взималась первоначально путемъ нравственнаго воздѣйствія, а затѣмъ уже путемъ принужденія [1]).

Церковь стала теперь чрезвычайно богатой, и въ то же время клиръ ея сталъ совершенно независимымъ отъ мірянъ.

---

[1]) Второй Турскій соборъ (567 г.) требуетъ, чтобы вѣрующіе давали между прочимъ, и десятину съ крѣпостныхъ.

Неудивительно, что, по мѣрѣ того, какъ возрастало ея богатство, она все больше и больше переставала употреблять свое имущество въ пользу бѣдныхъ. Клиръ расходовалъ его на себя, алчность и расточительность водворились въ церкви,— особенно въ богатыхъ общинахъ: Римѣ, Константинополѣ, Александріи и т. д. Изъ коммунистическаго учрежденія она превратилась въ самый грандіозный механизмъ обирательства, какой только когда-либо видѣлъ міръ. Уже въ пятомъ столѣтіи мы находимъ раздѣленіе церковныхъ доходовъ на четыре части, какъ прочное установленіе римской церкви. Одна часть принадлежала епископу, другая его клиру, третья служила для удовлетворенія потребностей культа (сооруженіе и содержаніе церкви и т. п.) и лишь четвертая часть принадлежала бѣднымъ. Бѣдные всѣ вмѣстѣ получали уже лишь столько, сколько одинъ епископъ.

Да и это раздѣленіе доходовъ на четыре части, вѣроятнѣе всего, было введено не затѣмъ, чтобы причинить ущербъ бѣднымъ, а для ихъ защиты, затѣмъ, чтобы пастыри душъ не расточали на самихъ себя всего имущества.

Однако коммунистическія идеи христіанства невозможно было совершенно затушить, пока существовали соціальныя отношенія, породившія ихъ. Пока существовала римская имперія, до эпохи переселенія народовъ и въ началѣ ея церковное имущество считалось достояніемъ бѣдныхъ (patrimonium pauperum), и ни одному изъ учителей церкви, ни одному изъ соборовъ не пришло бы въ голову отрицать это. Конечно, расходы по управленію этимъ имуществомъ стали очень велики, они поглощали иногда всѣ доходы,— но такова уже особенность большинства благотворительныхъ учрежденій. Поэтому никто бы не рѣшился утверждать, что управители являются собственниками имущества.

Этотъ послѣдній шагъ, который долженъ былъ совершенно загладить коммунистическое происхожденіе церкви, могъ быть сдѣланъ лишь послѣ того, какъ вторгшіеся германцы поставили римскую имперію, а вмѣстѣ съ нею и церковь, на совершенно новыя основы.

IV. Церковныя имущества въ средніе вѣка.

Христіанство не въ состояніи было да и не могло быть въ состояніи основать новый способъ производства, произвести соціальную революцію. Поэтому оно не въ состояніи было также спасти римскую имперію отъ гибели. И если римская имперія, несмотря на все свое соціальное паденіе, могла влачить существованіе еще нѣсколько вѣковъ, то этимъ она обязана была не христіанству, а варварамъ-язычникамъ, германцамъ. Германцы, какъ мы уже говорили, стали въ качествѣ наемниковъ и колоновъ опорами падающаго общества.

Но служба въ наемныхъ войскахъ и колонизація не могли удовлетворить надвигающихся германцевъ. Онѣ лишь показали германцамъ слабость имперіи и познакомили ихъ съ потребностями, которыя можно было удовлетворить только въ римской имперіи; онѣ усилили стремленіе германцевъ на югъ. Въ концѣ концовъ германскія полчища наводнили имперію и завладѣли ею, оттѣсняя и подгоняя впередъ другъ друга, пока постепенно хаосъ улегся, отдѣльныя племена осѣли на занятыхъ ими мѣстахъ и образовались новыя государства, развился новый общественный строй.

Германцы въ эпоху переселенія народовъ находились еще на ступени первобытнаго земельнаго коммунизма. Отдѣльные племена и роды составляли общины, марки, съ общинной собственностью на землю. Правда, дома и дворы у нихъ уже перешли въ частную собственность отдѣльныхъ семей; пахотная земля дѣлилась между ними для отдѣльнаго пользованія, но право собственности на нее принадлежало еще общинѣ, луга-же, лѣса и воды оставались въ общемъ пользованіи. Бѣдность, безпомощность, какъ массовое явленіе, исчезла со временъ переселенія народовъ. Конечно, и въ средніе вѣка нерѣдко случались массовыя бѣдствія, но они вызывались неурожаями, войнами или эпидеміями, а не безземельемъ. И это постоянно были преходящія бѣдствія, не пожизненныя. Но если были нуждающіеся, они не были совершенно безпомощны; община, къ которой они принадлежали, покровительствовала и помогала имъ.

Благотворительность церкви перестала быть факторомъ,

необходимымъ для существованія общества. Сама церковь удержалась среди бурь того времени, но лишь благодаря тому, что она приспособилась къ обстоятельствамъ того времени, что она совершенно измѣнила свой характеръ. Изъ благотворительнаго учрежденія она превратилась въ *учрежденіе политическое*. Ея политическія функціи вмѣстѣ съ ея богатствомъ стали главными источниками ея политическаго вліянія. Свои богатства церковь среди смутъ переселенія народовъ сохранила и перенесла изъ стараго общества въ новое. Сколько она теряла отъ этихъ смутъ, столько-же или даже еще больше она умѣла вновь пріобрѣтать. Церковь во всѣхъ христіанско-германскихъ государствахъ стала самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ, ей принадлежала обыкновенно треть земли, а во многихъ мѣстностяхъ даже больше.

Эти обширныя имущества церкви совершенно уже перестали быть достояніемъ бѣдныхъ. Карлъ Великій еще хотѣлъ перенести въ царство франковъ раздѣленіе церковнаго имущества на четыре части, какъ и многія другія установленія римской имперіи. Но эта попытка, какъ и большая часть его другихъ „реформъ", осталась на бумагѣ—или, точнѣе, на пергаментѣ. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Карла появились псидоровскія декреталіи,—сборникъ нагло измышленныхъ и подделанныхъ документовъ, которые должны были оправдать притязанія папства и служить юридической основой его политики. Относительно церковныхъ имуществъ эти декреталіи утверждаютъ, что подъ бѣдными, достояніемъ которыхъ оно является, нужно понимать лишь духовныхъ, давшихъ обѣтъ бѣдности. Эта теорія получила общее примѣненіе, и съ тѣхъ поръ церковныя имущества разсматривались, какъ достояніе клира. Въ XII столѣтіи эта теорія вполнѣ послѣдовательно завершена ученіемъ, что всѣ церковныя имущества принадлежатъ папѣ, который можетъ распоряжаться ими по собственному усмотрѣнію [1]).

[1]) Это измѣненіе въ характерѣ церковныхъ имуществъ имѣло важное послѣдствіе. Оно навязало введеніе целибата, безбрачія священниковъ. По идеологическимъ соображеніямъ различныя фракціи издавна желали безбрачія духовенства, иногда предписывали его, но имъ не удалось его осуществить. Эти стремленія стали успѣшными лишь тогда, когда къ нимъ присоединился матеріальный интересъ, забота о церковныхъ имуществахъ.

Эти воззрѣнія вполнѣ соотвѣтствовали фактическимъ отношеніямъ, власти, которой церковь пользовалась въ государствѣ, а папство въ церкви.

Но если церковныя имущества и перестали быть достояніемъ бѣдныхъ, то это еще не значитъ, что въ средніе вѣка ровно ничего не дѣлалось со стороны церковныхъ организацій въ пользу бѣдныхъ,—насколько вообще тогда были бѣдные. Но хотя въ первыя столѣтія средневѣковья пролетаріата въ нашемъ смыслѣ слова не существовало,—за исключеніемъ, можетъ быть, нѣсколькихъ городовъ,—но все же, какъ мы говорили, бывало не мало нуждающихся, голодающихъ во время неурожаевъ, больныхъ, вдовъ и сиротъ во время эпидемій,—у нихъ не было семей, которыя бы пріютили ихъ,—а во времена войнъ не было недостатка и въ безземельныхъ

Пока эти имущества считались принадлежащими церквамъ, общинамъ, до тѣхъ поръ семейства духовныхъ лицъ не особенно угрожали ихъ неприкосновенности. Но дѣло измѣнилось, лишь только они стали достояніемъ клира. Теперь каждый клирикъ, у котораго были дѣти, старался выдѣлить для нихъ возможно больше изъ этихъ имуществъ. „Ежедневно приходилось наблюдать, что сыновья священниковъ не только получали наслѣдственное имущество своихъ отцовъ, но и посягали также на церковное имущество, которымъ отцы ихъ пользовались". (Giesebrecht, Gesch. d. deutsch. Kaiserzeit, II, стр. 406). Очень трогательны жалобы по этому предмету, къ которымъ прибѣгъ папа Бонифацій VIII на тессинскомъ соборѣ (между 1014 и 1024 гг.): „Большіе земельные участки, большія помѣстья, все, что только могутъ, пріобрѣтаютъ непотребные отцы (женатые священники) изъ церковныхъ имуществъ для своихъ непотребныхъ сыновей,—такъ какъ ничего другого у нихъ нѣтъ" и т. д. (У Гизелера, Lehrbuch der Kirchengeschichte. Bonn, 1831, I, стр. 282. Гизелеръ обратилъ наше вниманіе на связь между церковнымъ имуществомъ и целибатомъ). Но дѣйствительно пріостановить расхищеніе церковныхъ имуществъ для дѣтей клириковъ оказалось возможнымъ лишь тогда, когда въ церкви прочно утвердилось единодержавіе папства. Одной изъ первыхъ задачъ папской власти было уничтоженіе брака священниковъ. Левъ IX (1048—1054) началъ это дѣло, а энергичный Григорій VII (1073—1085) ввелъ запрещеніе брака священниковъ самыми рѣшительными мѣрами. Тѣмъ не менѣе, къ сѣверу отъ Альповъ прошло еще много времени, пока это запрещеніе стало общепризнаннымъ. Въ Люттихѣ еще въ 1220 г., а въ Цюрихѣ еще въ 1230 г. мы видимъ женатыхъ священниковъ, состоящихъ на должностяхъ (Гизелеръ, l. c., стр. 290).

Когда въ эпоху реформаціи церковныя имущества были секуляризованы и духовенство превратилось въ чиновниковъ государства, жившихъ на его содержаніи, исчезъ, понятно, всякій интересъ къ сохраненію безбрачія священниковъ. Протестантское духовенство можетъ имѣть дѣтей, сколько угодно,—въ его распоряженіи нѣтъ церковныхъ имуществъ, которыя оно могло бы присвоить имъ.

изъ сосѣднихъ или отдаленныхъ мѣстностей, изгнанныхъ нашествіемъ непріятеля.

Поддерживать такихъ нуждающихся считалось въ средніе вѣка обязанностью всякаго имущаго,—слѣдовательно, и самаго крупнаго землевладѣльца, церкви. Эту обязанность она исполняла не потому, чтобы она была какимъ-либо особеннымъ благотворительнымъ учрежденіемъ, а потому, что она принадлежала къ имущимъ; обязанность эта вытекала не изъ какого-либо спеціально-христіанскаго, а изъ обще-человѣческаго, если угодно, языческаго принципа, свойственнаго всѣмъ народамъ, находящимся на низшей ступени развитія, — изъ принципа *гостепріимства.*

Стремленіе дѣлиться съ другими свойственно всѣмъ народамъ, у которыхъ господствуетъ первобытный коммунизмъ или, по крайней мѣрѣ, хоть его традиціи. Да и иноземецъ у такихъ народовъ настолько рѣдкое, поражающее явленіе, что люди не могутъ относиться къ нему равнодушно: смотря по его происхожденію и поведенію, въ немъ видятъ или врага, или гостя, дорогого члена семьи; ему или проламываютъ черепъ, или предоставляютъ домъ и дворъ, столъ и запасы, иногда-же и брачное ложе.

Влеченіе снабжать другихъ своими избытками, какіе производитъ хозяйство сверхъ удовлетворенія потребностей семьи, сохраняется до тѣхъ поръ, пока существуетъ такъ называемое натуральное хозяйство, пока предметы производятся не на рынокъ или заказчиковъ, не для продажи, а для собственнаго потребленія. Этотъ способъ производства господствовалъ втеченіе всего средневѣковья,по крайней мѣрѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ, которое имѣло тогда рѣшающее значеніе для всей общественной жизни.

По мѣрѣ развитія производства увеличивался излишекъ, получавшійся отъ всякаго земельнаго владѣнія. Особенно рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, королей, высшей знати, епископовъ, монастырей накоплялись огромные излишки сельскохозяйственныхъ продуктовъ, которыхъ они не могли продавать. Они могли ихъ только—скормить. Они пользовались этими излишками для содержанія многочисленныхъ воиновъ, ремесленниковъ, художниковъ,—а также для широкаго гостепріимства. Въ тѣ времена сочли бы въ высшей степени непри-

личнымъ, если бы состоятельный человѣкъ отказалъ въ пищѣ, напиткахъ и кровѣ мирному постороннему лицу, которое попросило бы его объ этомъ.

Если епископы и монастыри кормили голодныхъ, одѣвали голыхъ, давали пріютъ неимѣющимъ крова, то они дѣлали лишь то, что дѣлалъ и всякій имущій въ средніе вѣка. Различіе было, самое большее, въ томъ, что они, какъ самые богатые, шли въ этомъ отношеніи впереди другихъ имущихъ.

Но обычай гостепріимства быстро вымираетъ, лишь только начинается товарное производство, *производство на продажу*, лишь только открывается рынокъ для различныхъ продуктовъ. Теперь отдѣльныя хозяйства получаютъ возможность обмѣнивать свои излишки на деньги, на тотъ источникъ вліянія и власти, котораго никогда нельзя имѣть слишкомъ много, который не портится и который можно накоплять. Вмѣсто влеченія дѣлиться излишками съ другими появляется влеченіе накоплять сокровища,—щедрость убивается жадностью.

Чѣмъ больше такъ называемое денежное хозяйство вытѣсняетъ хозяйство натуральное—процессъ, быстро распространившійся съ XIII столѣтія съ Италіи и южной Франціи на всю Европу,—тѣмъ больше имущіе ограничиваютъ свое гостепріимство и свою щедрость.

Но въ той-же мѣрѣ, въ какой исчезала щедрость, увеличивалось число бѣдныхъ. Развитіе товарнаго производства создавало пролетаріатъ, который быстро возрасталъ и во многихъ мѣстностяхъ достигъ значительнаго распространенія.

Самымъ лучшимъ прибѣжищемъ для него была щедрость *монастырей*.

Большія корпораціи всегда оказываются тяжеловѣснѣе въ своемъ развитіи и приспособляются къ измѣнившимся обстоятельствамъ не такъ легко, какъ отдѣльныя лица [1]). Несомнѣнно въ такомъ положеніи были и монастыри. Они дольше всего сохраняли старинные сборы натурою съ своихъ крестьянъ, тогда какъ вездѣ кругомъ ихъ натуральныя повинности

[1]) Обратите, напр., вниманіе на упорство, съ которымъ большіе англійскіе рабочіе союзы держатся своей старой политики, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ вездѣ рабочій міръ спѣшитъ объединиться подъ новымъ знаменемъ.

были замѣнены денежными сборами; они больше, чѣмъ ихъ сосѣди, воздерживались отъ завладѣнія участками крестьянъ или чрезмѣрнаго увеличенія повинностей; они, наконецъ, въ общемъ дольше, чѣмъ остальные имущіе, сохранили свое старинное гостепріимство и щедрость.

Но и монастыри не могли избѣжать вліянія новаго времени. И ихъ обитателей охватила жажда денегъ; ихъ кормленія нуждающихся все больше и больше сводились къ раздачѣ „супа нищихъ".

Однако, и тамъ, гдѣ они сохранили старинную щедрость, она оказывалась все менѣе и менѣе достаточной для борьбы съ возраставшей массовою бѣдностью.

Снова возникла проблема бѣдности и снова образовались коммунистическія идеи и стремленія.

Эти идеи и стремленія приняли двѣ формы. Въ низшихъ слояхъ народа рано уже возникъ смутный коммунизмъ чувства, въ кругахъ-же ученыхъ и смѣлыхъ филантроповъ впослѣдствіи образовался отчетливо продуманный, философскій коммунизмъ, утопизмъ.

Если разсматривать ихъ съ чисто литературной точки зрѣнія, то первый изъ нихъ представляется продолженіемъ платоновскаго, а второй—древне-христіанскаго коммунизма.

Но оба эти направленія отличаются отъ своихъ предшественниковъ въ существенныхъ пунктахъ. Дѣло въ томъ, что возникаетъ новая общественная сила и овладѣваетъ коммунистической идеей,—сила, о которой ничего не знали Платонъ и древніе христіане: слой *наемныхъ рабочихъ*, *какъ основа новаго способа производства.*

Первые представители реализма въ русскомъ искусствѣ.

II.

Пейзажисты 2-ой половины XIX столѣтія.

ПАРАЛЛЕЛЬНО съ изученіемъ этнографическихъ и душевныхъ особенностей русскаго народа въ картинахъ жанра, шло развитіе и русскаго пейзажа.

Пейзажъ именно та форма искусства, въ которой удобнѣе всего выражается душевное настроеніе автора въ самой простой повседневной формѣ. Пейзажъ кромѣ того является необходимой задачей для всякаго желающаго изучить свою страну, такъ какъ онъ непосредственно изображаетъ эту страну. Пейзажъ не обязываетъ художника подниматься мыслью на большую высоту, въ немъ можетъ быть выражено настроеніе, не выходя изъ рамокъ самой обыденной дѣйствительности.

Въ пейзажѣ нѣтъ сюжета. Изображая поля, деревья, луга, деревни, художникъ властенъ безконечно видоизмѣнять свою цѣль. Онъ можетъ заниматься передачей внѣшняго вида этихъ предметовъ, изучать ихъ детали и спеціальныя особенности, дѣлающія ихъ принадлежностію той или иной страны и жилищемъ того или иного народа. Онъ можетъ также изображать физическія явленія свѣта, тѣни и цвѣтовъ, и формы предметовъ, разработывая приэтомъ самыя основныя представленія человѣка и расширяя его способы познаванія окружающаго міра, т. е. исполняя работу громадной важности, результаты которой не могутъ быть немедленно учтены даже приблизительно.

Наконецъ, художникъ можетъ передавать въ пейзажѣ все безконечное разнообразіе своихъ чувствъ, составляющихъ при извѣстной окраскѣ самый существенный признакъ не только отдѣльнаго человѣка, но и всей группы общественной, къ которой онъ принадлежитъ.

Въ эпоху возникновенія національныхъ стремленій пейзажъ, конечно, долженъ былъ занять видное мѣсто въ живописи. По дорогѣ проложенной жанристами пейзажисты могли идти даже дальше самихъ жанристовъ. Область пейзажа допускаетъ болѣе интимное и тонкое проявленіе симпатій къ родной странѣ. Въ ней можетъ быть ухвачено то вполнѣ опредѣленное, основанное на мелочныхъ ничего, повидимому, не значущихъ впечатлѣніяхъ, чувство, сопровождающее пребываніе человѣка въ привычной и родной ему обстановкѣ. Пейзажъ не изображаетъ жизни людей непосредственно. Онъ передаетъ лишь природу, служащую фономъ этой жизни и благодаря этому его впечатлѣнія вслѣдствіе своей неопредѣленности и недосказанности только тоньше и чувствительнѣе. Зритель невольно переноситъ ихъ на себя лично, ставитъ себя въ центрѣ всей композиціи, такъ какъ мѣсто это не занято никакою опредѣленною личностію и такимъ образомъ принимаетъ самое близкое участіе въ творчествѣ автора.

Въ исторіи русской живописи такъ и случилось, когда въ области жанра началъ проявляться пришедшій къ намъ съ запада, черезъ Германію, духъ изученія мѣстной народной жизни, въ области пейзажа не было еще стремленія изучать непремѣнно родные мотивы. Напротивъ, въ первую половину прошлаго столѣтія считалось, что русская природа не годится для изображенія на полотнѣ, потому что она не даетъ эффектовъ. Самый талантливый русскій пейзажистъ начала прошлаго вѣка Сильвестръ Щедринъ совершенно не интересовался своимъ отечествомъ и писалъ только Италію.

Крупнымъ талантомъ въ пейзажной живописи является И. К. Айвазовскій, но и онъ, занимаясь исключительно моремъ, совершенно оставилъ въ сторонѣ изученіе собственно русскаго характернаго мѣстнаго пейзажа. А. Боголюбовъ принадлежитъ къ той же группѣ русскихъ художниковъ; онъ постоянно писалъ Нѣмецкое море, живописные порты сѣвернаго побережья Франціи или смотры и морскіе маневры.

И. И. Шишкинъ, несмотря на свое пристрастіе къ лѣсамъ, которыхъ много въ Россіи, и на то, что былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ, все-же не могъ дать обра-

зецъ того пейзажа, который соотвѣтствовалъ бы національнымъ и народническимъ вкусамъ современнаго ему общества.

Иванъ Ивановичъ Шишкинъ родился въ 1831 г. въ Елабугѣ, окруженной громадными сосновыми лѣсами. Съ дѣтства онъ привыкъ видѣть лѣсныхъ великановъ, высоко поднимающихъ свои сухія обнаженныя снизу вѣтви, и тѣсно и стройно растущія молодыя рощи. Эти впечатлѣнія остались у него на всю жизнь. Во всю свою длинную артистическую дѣятельность онъ выражалъ только одну свою страсть къ дереву и лѣсу. Въ картинахъ его нѣтъ другихъ чувствъ и намѣреній. Учился Шишкинъ въ Петербургской академіи, а затѣмъ ѣздилъ за границу, въ Мюнхенъ и Дюссельдорфъ и Цюрихъ совершенствоваться въ живописи. Вскорѣ, однако, онъ вернулся въ Россію; за границей ему недоставало знакомыхъ сосновыхъ лѣсовъ.

Въ Россіи Иванъ Ивановичъ продолжалъ учиться и работать неутомимо. Изученіемъ лѣса, строенія дерева онъ занимался всю жизнь съ неослабѣвающей энергіей и достигъ въ этомъ отношеніи совершенно исключительныхъ результатовъ. По знанію характера дерева, изумительному терпѣнію, съ которымъ онъ вырисовывалъ каждую вѣтвь въ лѣсной чащѣ, Шишкинъ не имѣетъ соперниковъ. Его лѣса, дѣйствительно, жизне-настоящіе лѣса, въ нихъ ничего нѣтъ выдуманнаго, ничего нѣтъ присочиненнаго отъ себя.

Шишкинъ отъ 1857 г. до 1898 г. написалъ около 103—104 картинъ и всѣ онѣ превосходны. „Лѣсная глушь", за которую онъ получилъ въ 1873 г. званіе профессора, и болѣе раннія вещи: валаамскіе виды и виды изъ окрестностей Дюссельдорфа такъ-же прекрасны по разработкѣ строенія дерева, какъ и послѣднія его вещи, изъ которыхъ наиболѣе памятны всѣмъ „Корабельная роща" и „Заброшенная мельница"—два великолѣпныхъ пейзажа, бывшіе на послѣдней передвижной выставкѣ, въ которой онъ участвовалъ уже передъ самой смертью. Съ годами у Шишкина еще болѣе усилилась твердость и увѣренность рисунка.

Небо на картинахъ,его всегда занимаетъ второстепенное мѣсто, Воздухъ, состояніе погоды также его мало интересовали, по крайней мѣрѣ эти явленія атмосферы не производили на него угнетающаго впечатлѣнія. Онъ всегда оставался спокойнымъ и внимательнымъ и всю свою силу и энергію направлялъ исключительно на на-

блюденіе за уходящими вдаль стволами и переплетающимися вѣтвями, покрытыми листьями и иглами.

Въ особенности хороши сосны Шишкина. Онѣ стоятъ группами, горя на солнцѣ обнаженными стволами, или рядами уходятъ вдоль просѣки или дороги. Изображая природу, лѣсъ, Шишкинъ является созерцателемъ, изслѣдователемъ, ботаникомъ и ему рѣшительно все равно, кто живетъ въ этихъ лѣсахъ и какими глазами на нихъ смотритъ. Въ этомъ, конечно, большая сила Шишкина, особенно если принять во вниманіе совершенство его рисунка и знаніе своего предмета, но эти-же качества обусловили относительную холодность къ его творчеству публики. Шишкинъ никогда не выражалъ задушевныхъ чувствъ общества, среди котораго жилъ. Онъ былъ человѣкъ особеннаго душевнаго склада и, какъ видно, такихъ людей не много.

Шишкинъ всегда возбуждалъ къ себѣ гораздо больше уваженія и удивленія своими силами и способностями, чѣмъ непосредственнаго сочувствія. Зато трудъ его является постояннымъ чрезвычайно цѣннымъ вкладомъ въ русскую школу живописи и значеніе его не можетъ умалиться съ перемѣной настроеній. Умѣніе рисовать дерево, знаніе его строенія при всѣхъ направленіяхъ искусства всегда останется необходимостью для всякаго пейзажиста, работы Шишкина всегда будутъ служить въ этомъ отношеніи образцомъ, очень трудно достижимымъ.

Кромѣ картинъ масляными красками Шишкинъ сдѣлалъ еще цѣлую громадную коллекцію рисунковъ перомъ и офортовъ. Всѣ эти работы чрезвычайно цѣнны. Въ нихъ такъ-же, какъ и въ картинахъ, присутствуетъ все то-же достоинство: знаніе строенія дерева и большое совершенство рисунка.

Итакъ И. И. Шишкинъ, живя въ эпоху развитія въ русскомъ обществѣ народническихъ идей и стремленій и сочувствуя этимъ стремленіямъ, не могъ, однако, выразить ихъ въ своемъ искусствѣ. Эта задача была разрѣшена другими пейзажистами, работавшими одновременно съ нимъ. И нельзя сказать, чтобы въ данномъ случаѣ игралъ существенную роль возрастъ художника. Такъ, другой пейзажистъ Руфимъ Гавриловичъ Судковскій, гораздо моложе Шишкина, родившійся въ 1850 г., работалъ въ томъ-же направленіи, что и Шишкинъ. Судковскій такъ-же, какъ и Шишкинъ, отличался необыкновенной ясностію пониманія того предмета, который онъ изображалъ. Шишкинъ изображалъ лѣсъ, а Судков-

скій море съ одинаковымъ знаніемъ, съ равной наблюдательностію.

Судковскій, сынъ очаковскаго священника, съ дѣтства имѣлъ случай наблюдать море. Онъ изучилъ всѣ его оттѣнки и умѣлъ передавать эффекты морской воды на полотнѣ съ такой ясностію, что чувствуется присутствіе влаги, глядя на его картины.

Айвазовскій изображалъ фантастическое море. То море, ревъ котораго или лазурную гладь вспоминаешь послѣ морского переѣзда или продолжительнаго наблюденія съ берега. Айвазовскій умѣлъ широкими тонами передать величіе и прелесть водной стихіи. Судковскій писалъ *воду*. Онъ имѣлъ даръ запечатлѣвать на полотнѣ представленіе о морской влагѣ съ отчетливостію, передъ которой блѣднѣло всякое собственное представленіе зрителя о томъ-же предметѣ, и каждому, глядя на его картину, кажется, что онъ видитъ не изображеніе воды, а самую воду.

Особенно хороша картина Судковскаго „Прозрачная вода". Самое названіе этой картины показываетъ, что авторъ имѣлъ намѣреніе именно показать не эффектъ моря, а эффектъ воды. Результатъ получился блестящій. Это одна изъ лучшихъ, а, можетъ быть, и лучшая его картина.

Судковскій неожиданно и преждевременно умеръ, но типъ его какъ художника вполнѣ опредѣлился. Въ цѣломъ рядѣ картинъ: „Ночью будетъ шквалъ", „Девятый валъ", „Бурное море осенью", „Одесскій молъ" и другихъ видовъ Чернаго моря въ разныхъ пунктахъ русскаго побережья, а также и нѣсколькихъ видовъ Кавказа ясно проявляется его способность передавать природу просто, вѣрно и сильно, безъ всякой примѣси спеціальныхъ настроеній, которыя могли бы рѣзко отнести его къ опредѣленной группѣ художниковъ-народниковъ, изобразителей русской природы, чего общество русское ждало тогда отъ родного художества.

Первымъ художникомъ этого новаго спеціальнаго направленія явился Ѳедоръ Александровичъ Васильевъ.

Васильевъ работалъ очень не долго, всего какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ, считая въ этотъ періодъ и годы его ученія, написалъ сравнительно немного вещей и, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, производимое имъ на русскую публику, было громадно и онъ возбудилъ къ себѣ большія симпатіи, чѣмъ кто либо другой изъ русскихъ пейзажистовъ.

Причина этого явленія заключается во внутреннемъ

содержанiи творчества Васильева. Онъ первый, благодаря своей натурѣ, сумѣлъ западно-европейскiя формы искусства примѣнить къ чисто-русскому настроенiю. Въ его картинахъ публика увидѣла изображенiе тѣхъ самыхъ чувствъ и настроенiй, которыя до тѣхъ поръ передавались лишь въ однихъ произведенiяхъ литературы.

Сѣверный русскiй пейзажъ главнымъ образомъ способствовалъ славѣ Васильева, хотя у него въ художественной передачѣ не было ничего вялаго, слабаго и болѣзненнаго. Онъ яркими сильными чертами съ большой ясностiю излагалъ свои чувства. Чувства-же эти были русскiя народническiя того спецiальнаго пошиба, который такъ характеренъ для эпохи шестидесятыхъ годовъ.

Впослѣдствiи, много позже, много было писано и говорено о томъ, что литература угнетала искусство, что перенесенiе такихъ литературныхъ мотивовъ въ область живописи представляетъ одинъ вредъ, и живопись, какъ искусство изобразительное, не имѣетъ права перенимать такiя сложныя, выработанныя другимъ искусствомъ тенденцiи, а должна разрабатывать одни непосредственныя зрительныя впечатлѣнiя: форму предметовъ, отношенiе величинъ предметовъ и свѣтъ или цвѣтъ и его распространенiе въ прозрачной воздушной средѣ.

Все это справедливо въ значительной степени, такъ какъ каждое искусство представляетъ дѣятельность вполнѣ самостоятельную и невозможно, чтобы одно искусство становилось способомъ выраженiя того, что составляетъ сущность другого искусства. т. е. становилось въ служебное отношенiе къ другому искусству, обращалось въ картинки къ повѣсти или разсказу. Но съ другой стороны такiя явленiя, какъ увлеченiе народническими тенденцiями въ искусствѣ совершенно понятны именно у насъ, гдѣ вся внѣшняя форма, весь языкъ искусства заимствованъ.

Правильное и самостоятельное развитiе искусство можетъ имѣть тамъ, гдѣ оно развивается совершенно самостоятельно, гдѣ измѣненiя въ прiемахъ творчества художниковъ происходятъ исключительно вслѣдствiе измѣненiя въ пониманiи самаго предмета. Но въ Россiи, гдѣ искусство постоянно перiодически подвергается прививкамъ западно-европейскихъ образцовъ, всякое проявленiе чего-либо мѣстнаго, своего, хотя бы это свое и было выражено въ видѣ литературныхъ, чуждыхъ живописи тенденцiй, конечно, должно имѣть цѣну и производить впечатлѣнiе.

Быстрое распространенiе славы Васильева среди пу-

блики, конечно, было основано на народническихъ мотивахъ его самыхъ извѣстныхъ картинъ, напримѣръ, можетъ быть, самой извѣстной изъ нихъ „Оттепель". Но притомъ надо сказать, что у Васильева, какъ у настоящаго сильнаго художника, и тенденціозность выражалась въ такой прелестной формѣ, съ такой искренностію и простотой и такъ тонко и не навязчиво, что и этотъ оттѣнокъ его произведеній, никакъ не можетъ быть поставленъ ему въ недостатокъ.

Ѳедоръ Александровичъ Васильевъ прожилъ на свѣтѣ всего 23 года, родился онъ въ 1850 году, а въ 1873 г. его уже не стало.

Васильевъ былъ сынъ очень бѣднаго почтоваго чиновника, съ дѣтства долженъ былъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и еще подросткомъ служилъ почталіономъ. Рисованію онъ началъ учиться въ школѣ общества поощренія художниковъ. Затѣмъ онъ попалъ къ Ивану Ивановичу Шишкину, который далъ ему нѣкоторыя наставленія въ искусствѣ Обученіемъ въ обычномъ смыслѣ слова подобныя указанія не могутъ быть названы, потому что время ученія Васильева было слишкомъ непродолжительно. Да Васильевъ и не нуждался въ постепенныхъ педагогическихъ пріемахъ для усовершенствованія. Талантъ у него былъ столь яркій, явный для каждаго, любовь къ искусству и настойчивость въ работѣ такъ велики, что онъ съ необыкновенной быстротой сталъ первостепеннымъ мастеромъ, лучшимъ пейзажистомъ своего времени.

Какъ крупный художественный талантъ Васильевъ обладалъ разносторонними достоинствами. Достоинствами основными, которыя, и безъ того соотвѣтствія настроенія его произведеній съ современными ему общественными теченіями, обезпечили бы ему почетное мѣсто въ искусствѣ. Народническая нота въ его искренних и задушевныхъ картинахъ, какъ отголосокъ той среды, изъ которой онъ вышелъ, сослужила ему службу лишь въ томъ отношеніи, что обратила на него вниманіе публики, всегда склонной замѣчать все модное, современное. Теперь времена во многомъ перемѣнились, перемѣнилось и воззрѣніе публики на тенденціозность въ искусствѣ. И тѣмъ не менѣе Васильевъ какъ художникъ не потерялъ ничего; его произведенія продолжаютъ быть такъ-же обаятельны, какъ и прежде.

Первое, что бросается въ глаза въ картинахъ, набросках, рисункахъ и малѣйшихъ замѣткахъ карандашомъ Васильева, необыкновенная мягкость и прелесть рисунка.

Онъ положилъ массу труда на пріобрѣтеніе этого удивительнаго совершенства въ обращеніи съ кистью и карандашомъ. Разсказываютъ, что онъ работалъ съ прилежаніемъ, поистинѣ неутомимымъ. Работалъ онъ всегда и вездѣ, но въ поѣздкахъ, которыя онъ совершалъ съ цѣлью изученія природы, трудолюбіе его превосходило всякое вѣроятіе. Во время поѣздки по Волгѣ съ И. Е. Рѣпинымъ, напримѣръ, онъ, какъ говорятъ, принялъ за обыкновеніе каждый день передъ тѣмъ, какъ лечь спать, зарисовывать въ альбомъ всѣ мимолетныя впечатлѣнія, испытанныя во время дня, и ни въ какомъ случаѣ, несмотря на усталость, не отступалъ отъ этого правила.

Результатомъ такой настойчивости явились превосходные альбомы рисунковъ, которые хранятся частью въ академіи художествъ, а частью были уже послѣ его смерти пріобрѣтены императрицею Маріею Александровною.

Рисунки Васильева въ этихъ альбомахъ служатъ прекраснымъ образцомъ для изученія,—такъ въ нихъ много мастерства. Не менѣе хороши были и рисунки его кистью. Разработка отдѣльныхъ плановъ, воздушная перспектива переданы въ нихъ съ неподражаемымъ совершенствомъ. Краски въ живописныхъ произведеніяхъ Васильева чрезвычайно прозрачныя, сильныя и ясныя. Онъ вовсе не былъ склоненъ впадать въ туманный неопредѣленный тонъ для передачи настроенія. Тогда, въ его время, это вовсе не было въ модѣ, да если бы и было въ модѣ, то врядъ ли такой ясный и простой характеръ, какъ Васильевъ, сталъ бы прибѣгать къ такимъ пріемамъ.

Онъ былъ слишкомъ крупнымъ человѣкомъ, чтобы спеціализироваться на какой-нибудь особенности искусства, и безъ всякаго усилія просто и наивно высказывалъ свои мысли и чувства.

Выставлять свои произведенія Васильевъ началъ очень рано. Восемнадцати лѣтъ онъ былъ уже художникомъ. Къ этому юношескому періоду относятся нѣсколько вещей, хранящихся въ галлереѣ Третьякова въ Москвѣ. „Послѣ грозы" написано, неизвѣстно когда, но до 1868 г. Въ 1868 году написаны пейзажи: „Въ окрестностяхъ Петербурга" и „Возвращеніе стада". Это прелестныя работы и едва можно повѣрить, что они исполнены восемнадцатилѣтнимъ художникомъ. Въ 1869 году написаны: „Лѣтній жаркій день", „Иллюминація въ Петербургѣ, по случаю бракосочетанія цесаревича Александра Александровича", „Послѣ дождя". Затѣмъ въ семидесятомъ

году исполнены всѣ волжскіе виды. Часть ихъ находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ, гдѣ вообще хранится наибольшее собраніе произведеній Васильева: двадцать двѣ картины масляными красками и девять рисунковъ карандашомъ, перомъ, сепіею и акварелью. Часть картинъ и рисунковъ Васильева хранится въ частныхъ рукахъ, а иныя изъ нихъ, числомъ двадцать двѣ, были выставлены на посмертной выставкѣ Ивана Ивановича Шишкина, вмѣстѣ съ работами этого послѣдняго и Лагоды Шишкиной.

Къ сожалѣнію, не было указано, къ какимъ годамъ относились выставленныя вещи. Въ музеѣ Александра III есть только одна прекрасная картина Васильева „Видъ на Волгѣ"; написана она въ 1870 году.

Въ 1871 году появилась „Оттепель", картина, наиболѣе способствовавшая распространенію славы Васильева. Ему было тогда 21 годъ и онъ былъ уже вполнѣ законченнымъ художникомъ. Какъ публика, такъ и товарищи художника возлагали на него большія надежды.

Въ это время Васильевъ, какъ принадлежащій по происхожденію къ податному сословію, долженъ былъ отбывать воинскую повинность еще по прежнему старому уставу о воинской повинности. Многолѣтняя солдатская служба грозила окончательно погубить молодой талантъ и потому друзья его, художники Ге и Крамской, рѣшили откупить его и, какъ тогда еще дозволялось, пріобрѣсти для него зачетную рекрутскую квитанцію. Собраны были деньги и съ этой стороны Васильевъ былъ обезпеченъ, но судьба не сулила ему долгой жизни. Онъ простудился, получилъ скоротечную чахотку и умеръ очень скоро, проживя въ Крыму на югѣ около двухъ лѣтъ. Работалъ онъ до самой смерти.

Въ 1873 году написанъ имъ, между прочимъ, прелестный пейзажъ „Мокрый лугъ", полный силы, мощи и увлеченья, тогда какъ авторъ его былъ уже на краю могилы. Пейзажъ этотъ находится у Третьякова въ Москвѣ. Тамъ-же хранится и цѣлый рядъ его крымскихъ видовъ.

Васильевъ умеръ, далеко не совершивъ всего того, на что былъ способенъ. Вся его дѣятельность была еще впереди, но тѣмъ не менѣе въ сравнительно немногихъ своихъ вещахъ онъ ясными и опредѣленными чертами указалъ на современныя ему теченія въ пейзажѣ остальной Европы и притомъ дошелъ совершенно самостоятельно до новаго пейзажа, заключающагося главнымъ об-

разомъ въ изображеніи освѣщенія и воздуха. Васильева слѣдуетъ считать настоящимъ художникомъ европейцемъ. Дальше него русскій пейзажъ не пошелъ. Въ послѣднее время были сдѣланы новыя заимствованія въ пріемахъ искусства, но впечатлѣнія русской природы Васильевымъ были опредѣлены съ окончательнымъ совершенствомъ.

Одновременно съ новыми вещами Васильева, передававшими впервые тѣ чисто-русскія настроенія, которыя были до тѣхъ поръ извѣстны публикѣ лишь по произведеніямъ литературы, разсказамъ и описаніямъ Тургенева и которыя явились новымъ открытіемъ въ области живописи, появилась на выставкѣ картина художника совсѣмъ другого поколѣнія и никогда до того времени не писавшаго подобныхъ вещей.

Алексѣй Кондратьевичъ Саврасовъ выставилъ на первой передвижной выставкѣ 1871 г. свою всѣмъ извѣстную картину „Грачи прилетѣли". Саврасову было тогда уже сорокъ лѣтъ. Никогда онъ ни раньше, ни позже не написалъ столь яркой превосходной вещи. Талый снѣгъ, безлистныя еще березы, покрытыя гнѣздами грачей, около которыхъ вьются возвратившіяся послѣ зимы птицы, и первое дуновеніе весны, именно русской сѣверной весны, изображены на этой картинѣ съ такимъ совершенствомъ, что, разъ увидѣвъ ее, невозможно уже забыть.

Одновременно съ указанными выше пейзажистами работала цѣлая плеяда талантливыхъ художниковъ. Большинство изъ нихъ продолжаютъ работать и до сего времени и, слѣдуя за видоизмѣненіями требованій искусства, не могутъ быть причислены строго къ прошедшей уже эпохѣ. Совокупными усиліями всѣхъ этихъ талантовъ русскій пейзажъ былъ изученъ всесторонне. Однако, новаго въ смыслѣ содержанія ничего не было представлено. Это совершенно понятно. Новаго ничего и нельзя было найти въ русской общественной жизни и въ русскомъ сознаніи. Примѣнивъ къ изученію своей родины чувства, развившіяся на европейскомъ искусствѣ, русскіе художники не властны были идти далѣе по совершенно своей одинокой и самостоятельной дорогѣ.

Находились среди публики и критики теоретики, не желающіе сообразоваться съ дѣйствительностью и потребностями жизни, предлагавшіе именно просто и прямо идти своей національной дорогой. Притомъ забывалось, что подавать подобные совѣты крайне легко, потому что они подаются въ очень неопредѣленныхъ общихъ выраженіяхъ, а исполнять ихъ невозможно. Невозможно

отдѣлить искусство отъ жизни и упрямо изображать въ немъ не то, что интересуетъ и привлекаетъ людей, не то, что имъ полезно и необходимо, а что-то особенное, выдуманное на основаніи теоретическихъ соображеній.

Господа критики-націоналисты повторяли: пишите все русское, не испорченное Европой, а сами все ѣздили за границу, читали въ газетахъ главнымъ образомъ о томъ, что происходитъ въ Парижѣ и Лондонѣ, и жили, однимъ словомъ, жизнью русскаго интеллигентнаго человѣка, который не можетъ отдѣлять себя умственно отъ Западной Европы. Такіе совѣты смысла, конечно, не имѣютъ.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ прошлаго столѣтія русское искусство все болѣе и болѣе сливалось съ западно-европейскимъ и въ настоящее время оно составляетъ съ нимъ одно цѣлое, живущее одною общею жизнью, что, конечно, не можетъ исключать индивидуальности каждаго художника въ отдѣльности и принадлежности его къ той или иной національности. Національность въ видѣ опредѣленныхъ характерныхъ признаковъ не можетъ не выражаться въ произведеніяхъ искусства, но она выражается въ тонкихъ штрихахъ, совмѣщающихся съ какимъ угодно стилемъ и пріемомъ исполненія.

Однимъ изъ первыхъ художниковъ, перенесшихъ въ Россію пріемы западно-европейскаго искусства самаго современнаго, самой послѣдней формаціи, былъ Исаакъ Ильичъ Левитанъ. Это и должно быть признано крупною заслугою съ его стороны.

Наша художественная критика чаще всего столь партійна, что трудно бываетъ на основаніи того, что пишутъ, установить истинное значеніе художника. Однако, объ умершихъ, дѣятельность которыхъ принадлежитъ исторіи, слѣдуетъ составить себѣ ясное представленіе. Это необходимо какъ для уразумѣнія ихъ заслугъ, такъ и для пониманія того движенія, которое происходитъ въ искусствѣ въ настоящее время. Въ смыслѣ пониманія русскаго пейзажа Левитанъ не пошелъ дальше Васильева. Не въ этомъ направленіи были устремлены и его усилія. Онъ перенесъ къ намъ техническіе пріемы французскихъ пейзажистовъ и игралъ главнымъ образомъ на эффектѣ общаго субъективнаго впечатлѣнія, которое онъ подчеркивалъ въ своихъ картинахъ все болѣе и болѣе. Къ этому пріему и къ этому взгляду на вещи, къ этой точкѣ зрѣнія, при которой вся природа какъ бы стушевывается и покрывается туманомъ и ясно, отчетливо

выступаетъ лишь одна нота, выражающая субъективное настроеніе автора, онъ пришелъ не сразу и не случайно.

Техническій пріемъ этотъ онъ видѣлъ у иностранныхъ художниковъ. Это настроеніе онъ заимствовалъ тоже у иностранной литературы, искусства и жизни. Вся привлекательность Левитана заключалась именно въ томъ до-нельзя современномъ тонѣ, которымъ онъ говорилъ въ своихъ произведеніяхъ.

У насъ въ Россіи, среди русскаго общества и русской дѣйствительности, не могло зародиться такое субъективное искусство. У насъ личность слишкомъ въ загонѣ. У насъ нѣтъ тѣхъ условій, при которыхъ могъ бы возникнуть культъ личности, возводящій ея самыя мимолетныя чувства въ нѣчто очень важное и интересное.

Первыя картины Левитана, какъ „У омута“, появившіяся въ самомъ началѣ девяностыхъ годовъ, имѣли совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ его послѣдующія произведенія. Съ каждымъ годомъ его стиль все болѣе и болѣе обобщался и принималъ характерные признаки индивидуализма.

Главная нота, которая слышится въ лучшихъ наиболѣе опредѣленныхъ вещахъ Левитана—грусть, жалость къ самому себѣ, основанная на видимомъ увяданіи и угасаніи. Несомнѣнно, что поводомъ для выбора этой темы послужило личное положеніе автора, человѣка больного, сознававшаго свою болѣзнь и медленно угасавшаго. Но въ то-же время надо замѣтить, что это общая нота многихъ художниковъ конца вѣка. Для выраженія этого чувства они нашли наиболѣе подходящія краски и пріемы. Левитанъ превосходно постигъ эти способы передачи и написалъ много прекрасныхъ вещей въ этомъ родѣ.

Въ послѣдніе годы своей работы онъ былъ очень плодовитъ, какъ это ясно показала его посмертная выставка. Если въ лучшихъ его произведеніяхъ преобладаетъ непосредственное чувство, то во многихъ другихъ написанныхъ параллельно первымъ группамъ много пріема, которому не трудно подражать, что и доказываютъ постоянно всѣ художественныя выставки.

То, что было занесено въ Россію впервые Левитаномъ, теперь не представляетъ уже рѣдкости и широкой волной вмѣстѣ со всевозможными другими западно-европейскими стилями и пріемами захватило все русское искусство.

Насколько все самое новое въ искусствѣ и между прочимъ и японскій стиль отразились на творчествѣ Левитана, видно на многихъ его вещахъ и между прочимъ

на одной изъ самыхъ лучшихъ и болѣе извѣстныхъ: „Надъ вѣчнымъ покоемъ“. Этотъ пейзажъ всегда всѣмъ очень нравился. Онъ запоминается своей необыкновенно оригинальной компановкой.

Клочекъ земли, выступающій на первомъ планѣ среди воднаго пространства, и притомъ чрезвычайно высокая точка зрѣнія, такъ что кажется, что церковь и деревья внизу и между тѣмъ тоже стоятъ надъ водой на обрывѣ. Все это:—и вода, доходящая внизу до рамы картины, и тонкая полоса туманной дали на горизонтѣ совершенно необычно для европейскаго пейзажа. Это японскій стиль. У японцевъ много пейзажей именно такого характера и, между прочимъ, есть видъ горы Фуи Гокусаи, который вполнѣ соотвѣтствуетъ пейзажу Левитана.

Левитанъ, очень можетъ быть, и не думалъ подражать японцамъ, но, вдохновляясь новѣйшими европейскими теченіями въ живописи, онъ не могъ не воспринять и черты японскаго стиля, оказывающаго нынѣ столь сильное вліяніе на европейское искусство.

Будущее русскаго искусства несомнѣнно тѣсно связано съ искусствомъ всей остальной Европы. Русское искусство уже глазами Васильева изучило спеціально народныя черты пейзажа своей родины. Главныя основныя линіи его указаны и едва ли можно найти въ этой области, вовсе не безпредѣльной, что-нибудь новое и характерное. Въ дальнѣйшемъ движеніи русское творчество не можетъ оставаться обособленнымъ, для этого нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ и самъ народъ русскій медленно, но неуклонно движется по одному общему всѣмъ пути европейской цивилизаціи.

П. Ге.

Герценъ и Тургеневъ.

XVII[1])

Въ маѣ 1861 года Тургеневъ побывалъ въ Лондонѣ и повидался съ Герценомъ, Огаревымъ и тѣмъ кружкомъ, который группировался вокругъ и во главѣ котораго стоялъ М. А. Бакунинъ. Рѣзкость и нетерпимость Бакунина, а отчасти Н. П. Огарева, находившагося всецѣло подъ его вліяніемъ, вызвали очень непріятное чувство въ Тургеневѣ, о чемъ можно судить изъ письма его къ Анненкову[2]).

„Хотѣлъ бы я вамъ разсказать,—писалъ Тургеневъ,—кое-что о моей лондонской поѣздкѣ, но лучше отложить все это до близкаго свиданія. Одно скажу, что—охъ, какая безжалостная мельница-жизнь! — Такъ людей и превращаетъ въ муку?—спросите вы?—„Нѣтъ, просто—въ соръ...“

Слова эти, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки Тургенева съ Герценомъ, могутъ относиться лишь къ Огареву и Бакунину, ибо, несмотря на крупныя теоретическія разногласія съ Герценомъ, Тургеневъ продолжалъ относиться къ нему съ большой любовью и уваженіемъ.

Сущности ихъ разногласій Герценъ уже касался въ своей статьѣ „Еще варіація на старую тему“, писанной въ 1857 г. Теперь, послѣ продолжительныхъ споровъ съ Тургеневымъ во время его пребыванія въ Лондонѣ, Герценъ рѣшился еще разъ коснуться этой „старой

[1]) См. № 11 „Вѣст. Всем. Исторіи“, 1801 г.
[2]) См. „Вѣстникъ Европы“, 1887, Январь.

темы“ въ рядѣ статей, озаглавленныхъ „Концы и Начала“, трактовавшей о разложеніи Запада и обновленіи стараго міра новыми началами, которыя долженствовала внести народная Россія. Тургеневъ сначала намѣревался отвѣчать Герцену на страницахъ его изданія, но потомъ почему-то отказался отъ этого плана и ограничился возраженіями въ письмахъ[1]).

„Милый Александръ Ивановичъ, — писалъ Тургеневъ.

„Во-первыхъ, спасибо за скорый отвѣтъ, а, во-вторыхъ,—говоря поэтическимъ языкомъ,—легкія пени на тебя: за то, что ты могъ подумать, что твои двѣ статьи („Концы и Начала“) могли меня разсердить. Я ихъ только теперь прочелъ (— и, принимаясь за чтеніе, даже не подозрѣвалъ, что онѣ ко мнѣ обращены—потомъ скоро догадался) и нашелъ въ нихъ всего тебя, съ твоимъ поэтическимъ умомъ, особеннымъ умѣньемъ глядѣть и быстро и глубоко, затаенной усталостью благородной души и т. д.—но это еще не значитъ, что я съ тобой вполнѣ согласенъ; ты, мнѣ кажется, вопросъ не такъ поставилъ. Я рѣшился тебѣ отвѣчать въ вашемъ-же журналѣ, хотя это не совсѣмъ легко—во всяческомъ смыслѣ этого слова, а ты, пожалуйста, сохрани мое имя въ тайнѣ и даже, если можно, отведи другимъ глаза. Я надѣюсь черезъ недѣлю послать тебѣ отвѣтъ—онъ уже начатъ.

„Объ остальномъ пока говорить я не буду—некогда. Я только что переѣхалъ на квартиру и не усѣлся какъ слѣдуетъ. Спасибо за „Колоколъ“ и за обѣщаніе впредь. Второе твое письмо къ „Молодой Россіи“—лучше перваго: тебѣ болѣе, чѣмъ кому-нибудь, слѣдуетъ вразумить ихъ.

„Но какъ это вы напечатали предложеніе издателямъ „Современника“, „Русскаго Слова“ и „Дня“ издаваться на вашъ счетъ въ Лондонѣ?! Вѣдь это все равно, что кирпичемъ ихъ по головѣ, да и вѣроятно ли, что *Некрасовъ*, гр. Кушелевъ или даже Аксаковъ (или его продолжатель Елагинъ) захотятъ сжечь свои корабли? Это было очень необдуманно съ вашей стороны: Некрасовъ, пожалуй, увидитъ въ этомъ желаніе отомстить ему.

„А каковъ Гарибальди? Съ невольнымъ трепетомъ слѣдишь за каждымъ движеніемъ этого *послѣдняго* изъ

[1]) Подробнѣе о „Концахъ и Началахъ“ см. статью В. Батуринскаго „Матеріалы для біографіи А. Иванова и Н. Щепкина“, Вѣст. Всем. Исторіи, 1900, № 11.

героевъ. Неужели Брутъ, который не только въ исторіи, но даже и у Шекспира гибнетъ,—восторжествуетъ? Не вѣрится,—а душа замираетъ.

„Но ты мнѣ ничего не пишешь о Бакунинѣ? До слѣдующаго письма.

„Жму тебѣ руку и остаюсь преданный тебѣ

И. Тургеневъ".

XVIII.

Начало 60-хъ годовъ чревато было всякими начинаніями. Однимъ изъ проявленій этихъ начинаній были многочисленные „адресы". Нѣкоторые изъ этихъ адресовъ были поданы, нѣкоторые такъ и остались въ проектѣ. Герценъ и Огаревъ также принимали участіе въ этой адресной агитаціи и думали привлечь къ участію въ адресѣ и И. С. Тургенева. Сохранился какъ проектъ самаго адреса, такъ равно и письмо Тургенева къ неизвѣстному лицу, въ которомъ Тургеневъ подвергаетъ безпощадной критикѣ сообщенный ему проектъ[1]).

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ проектировавшемуся Герценомъ и Огаревымъ адресу, необходимо сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ, безъ которыхъ будетъ непонятно, какимъ образомъ Герценъ могъ принять участіе въ такомъ предпріятіи. Какъ читатель увидитъ дальше изъ приводимыхъ нами отрывковъ адреса, Герценъ и Огаревъ разсчитывали главнымъ образомъ на *дворянскую* среду, среди которой много было недовольныхъ освобожденіемъ крестьянъ. Недовольные эти требовали „компенсаціи" въ формѣ „увѣнчанія зданія". Этимъ объясняется и чрезвычайно фальшивый тонъ всего адреса. Конечно, тогдашніе олигархи не успѣли еще вполнѣ обнаружиться, хотя ими была уже основана знаменитая „Вѣсть"[2]), въ которой позже наглядно были высказаны ихъ стремленія. Очевидно, въ данномъ случаѣ Герценъ и Огаревъ руководились принципомъ „цѣль

---

[1]) О тогдашней адресной агитаціи см. „Современникъ" 1862, № 2; книгу А. Я... „Московскія письма", 1863 г.; статью графа Д. Н. Толстого въ „Рус. Архивѣ" 1885, т. 2; „Сочиненія И. С. Аксакова", т. 3; статью Оболенскаго въ „Истор. Вѣстн." 1893, №№ 11—12; „Times" отъ 27 февраля 1862; Любавскій „Русскіе уголов. процессы" СПБ. 1866—67 (дѣло подольскихъ дворянъ).

[2]) „Вѣсть" издавалась съ 1862 по 1869 г. Въ ней принимали участіе главнымъ образомъ представители крупнаго поземельнаго дворянства: Вл. Д. Скарятинъ, Н. Безобразовъ, гр. Орловъ-Давыдовъ, Ал. Пл. Платоновъ и др.

оправдываетъ средства“ и соединялись съ людьми, съ которыми въ сущности у нихъ не было ничего общаго.

Необходимость „компенсаціи“ мотивировалась въ проектѣ адреса слѣдующимъ образомъ:

„Вслѣдствіе запутанности „Положенія“ о крестьянахъ, дворянство остается безъ вознагражденія за утраченное, безъ пособій для работы и, смѣло скажемъ, безъ пособій для пропитанія, исключая дворянъ-чиновниковъ, получающихъ казенное жалованье и награды, которые падаютъ на народъ тяжелымъ налогомъ. Правительство, вмѣсто пособія дворянству, поспѣшило отнять у него помощь обычнаго казеннаго кредита, и черезъ это лишило дворянство послѣдняго довѣрія со стороны народа, потому что никто не идетъ работать по найму къ помѣщикамъ, которые не въ состояніи заплатить за работу. Барщина стала невозможною. Помѣщичьи земли остаются необработанными.

„Между тѣмъ, „Положеніе“ дало возможность урѣзать крестьянскую землю. Крестьянинъ не увѣренъ, что онъ завтра сохранитъ землю, которую обрабатываетъ сегодня. Толки объ уставныхъ грамотахъ, въ которыхъ онъ—не безъ основанія—боится быть обманутымъ и своею подписью отказаться отъ собственныхъ выгодъ и лучшей будущности—отнимаютъ у него время и охоту для обработки собственныхъ полей. Выкупъ обременительный и невозможный по способу, принятому „Положеніемъ“, подвигается относительно цѣлаго населенія въ размѣрахъ булавочныхъ головокъ и не успокаиваетъ народа. Его положеніе становится невыносимо; онъ видитъ попрежнему и даже больше, чѣмъ прежде, въ каждомъ помѣщикѣ своего врага и въ распоряженіяхъ правительства—хитрыя козни чиновниковъ. Мировые посредники не въ состояніи помочь дѣлу подъ вліяніемъ сбивчивыхъ предписаній министерства, они бѣгутъ отъ должностей, оставляютъ мѣста, на которыхъ не могутъ принести пользы, и народъ, и безъ того взволнованный, попадаетъ подъ власть посредниковъ недобросовѣстныхъ и окончательно озлобляется противу всего, что не принадлежитъ къ народу, по платью, по обычаю, по сословнымъ преимуществамъ.

„Такимъ образомъ, земля русская остается невоздѣланной (!!). Покупатели безъ денегъ; купцы не могутъ сбывать своихъ товаровъ и, слѣдовательно, неохотно покупаютъ ихъ у производителей. Фабрики останавливаются, города разоряются (sic!). Всё дорого, денегъ нѣтъ, и, между тѣмъ, кредитные билеты постоянно на-

лаютъ въ цѣнѣ. Довѣріе къ государственной состоятельности колеблется, частнаго кредита не существуетъ. Государственные займы лягутъ новыми налогами на страну, которая перестаетъ производить, и нисколько не помогутъ возстановленію денежнаго курса, потому что звонкой монеты въ непроизводящей странѣ держать нельзя.

„Государственные крестьяне безмолвно ждутъ себѣ новой участи, съ увѣренностью, что правительство, состоящее изъ чиновниковъ, исказитъ благія намѣренія царя; общее экономическое разстройство не только не позволитъ имъ приступить къ выкупу своихъ даровыхъ земель, какъ предполагало министерство,—къ выкупу равно обременительному и несправедливому,—но окончательно вызоветъ ихъ ненависть къ управляющему ими чиновничеству. Всеобщее разореніе подвигается быстрыми шагами. Всеобщая нужда подвергаетъ опасности самый престолъ“.

Тургеневъ, которому былъ доставленъ для разсмотрѣнія и подписанія этотъ адресъ, находился въ это время въ Баденъ-Баденѣ. Сохранилось, какъ я уже сказалъ, его письмо къ неизвѣстному лицу, въ которомъ онъ подвергаетъ проектъ адреса суровой критикѣ.

„Посылаю вамъ, по обѣщанію,—писалъ Тургеневъ,—переданный мнѣ адресъ. Вы увидите, что я не сдѣлалъ никакихъ измѣненій: по зрѣлому соображенію я нашелъ, что мнѣ предстояло почти весь адресъ передѣлать, на что я, разумѣется, не имѣлъ никакого права. Я уже излагалъ вамъ, въ чемъ я не схожусь съ Н(иколаемъ) П(латоновичемъ) [1]) — считаю нужнымъ повторить вамъ мои слова и прошу васъ доставить это письмо въ Лондонъ.

„a) Адресъ, по-моему, наполненъ фактическими невѣрностями во всемъ, что касается введенія уставныхъ грамотъ (см., между прочимъ, нынѣшнюю „Сѣверную Почту“), выкупа, состоянія крестьянъ и помѣщиковъ. Это — родъ обвинительнаго акта противъ Положенія — *а съ Положенія* начинается новая эра Россіи. Правительство это *знаетъ*, а потому вся первая половина адреса покажется ему—и по справедливости—*неосновательною*.

„b) Редакція адреса составлена ясно съ цѣлью пріобрѣсти нѣсколько сотенъ или тысячъ подписей отъ *крѣпостниковъ*, которые, обрадовавшись случаю высказать свою вражду къ эмансипаціи и Положенію,—зажмурятъ

---

[1]) Огаревымъ.

глаза на послѣдствія Земскаго Собора. Но, во-первыхъ, это недобросовѣстно—и не нашей партіи заключать какія бы то ни было коалиціи. Мы держимся только принципами и яснымъ и честнымъ высказываніемъ ихъ, Такая дипломатія никуда не годится.

„с) Если этотъ адресъ дойдетъ до крестьянъ. — а это несомнѣнно,—то они по справедливости увидятъ въ немъ новое нападеніе дворянства на освобожденіе. Въ одной фразѣ даже выражается какъ бы сожалѣніе о *невозможности барщины!* Другія фразы, вродѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: „Русская земля остается невоздѣланной—крестьянинъ не имѣетъ ни времени, ни охоты обрабатывать собственныя поля“, — поразятъ крестьянина своей явной неправдой,—а мысль о Земскомъ Соборѣ не утѣшитъ его ни на волосъ, если даже не испугаетъ его.

„Вообще весь адресъ какъ бы написанъ заднимъ числомъ: онъ отсталъ на цѣлый годъ и едва ли найдетъ гдѣ-нибудь дѣйствительный отголосокъ, кромѣ партіи крѣпостниковъ: а этимъ, я полагаю, сами составители адреса не останутся довольными.

„Я долженъ вамъ признаться, что я самъ ношусь съ мыслью адреса и полагаю составить его въ Парижѣ. Нечего и говорить, что я сообщу мой проектъ въ Лондонъ . . . .

„Оканчивая это письмо, повторяю одно: не должно забывать, что какія бы ни были послѣдствія отъ „Положенія“ для *дворянъ*, *крестьянинъ* разбогатѣлъ и, какъ они выражаются, *раздобрѣлъ* отъ него и знаетъ, что онъ этимъ царю обязанъ... Безумно было бы не принимать этихъ фактовъ въ соображеніе и вслѣдъ за М. Безобразовымъ [1]) и другими лепетать обвиненія, которыя показываютъ или недобросовѣстность, или незнаніе.

„Надѣюсь увидѣть васъ на-дняхъ въ Гейдельбергѣ. Откровенно вамъ скажу, что былъ очень радъ нашему знакомству, и надѣюсь, что оно продолжится.

„Дружески жму вамъ руку.

Ив. Тургеневъ“.

Вопроса объ этомъ неудавшемся адресѣ Тургеневъ касается также въ нѣсколькихъ приводимыхъ ниже письмахъ его къ Герцену, который сильно осерчалъ на Тургенева и даже упрекалъ его въ „гражданской трусости“.

---

[1]) М. Безобразовъ — ярый противникъ освобожденія крестьянъ. Его записку „О желаніяхъ русскаго дворянства“ съ личными отмѣтками императора Александра II см. въ „Рус. Арх.“ 1888, т. IV.

Въ письмѣ изъ Баденъ-Бадена[1]) Тургеневъ писалъ Герцену, извиняясь за промедленіе отвѣтомъ на предложеніе Герцена принять дѣятельное участіе въ проектировавшемся „адресѣ“:

„Милый Александръ Ивановичъ!

„Я оттого долго не отвѣчалъ, что все собирался *большое* письмо написать: но пріѣздъ N[2]) далъ мнѣ толчекъ—и я пишу тебѣ—не знаю, какъ выйдетъ: коротко или длинно.

„Прежде всего скажу тебѣ, что самъ N мнѣ понравился такъ, какъ давно молодой человѣкъ мнѣ не нравился: это благородное и дѣльное существо. Насчетъ адреса я уже подробно отвѣчалъ ему, и ты, вѣроятно, получилъ мой отвѣтъ. Я просилъ его переслать его тебѣ немедля. Что-же касается до моего отвѣта на письма, помѣщенныя въ „Колоколѣ“[3]), то уже нѣсколько страницъ было набросано — я тебѣ покажу ихъ —но такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ты пишешь мнѣ—я пріостановлюсь, тѣмъ болѣе что подъ рукою получилъ *оффиціозное* предостереженіе не печататься въ „Колоколѣ“. Потеря въ сущности небольшая для публики, хотя для меня оно было бы важно. Главное мое возраженіе состояло въ томъ, что ты въ отношеніи собственно ко мнѣ не такъ поставилъ вопросъ: не изъ эпикуреизма, не отъ усталости и лѣни я удалился, какъ говоритъ Гоголь, „подъ сѣнь струй“ европейскихъ принциповъ и учрежденій. Мнѣ было бы 25 лѣтъ, я бы не поступилъ иначе, не столько для собственной пользы, сколько для пользы народа. Роль *образованнаго* класса въ Россіи быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать или принимать. Это въ сущности скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ. Эта роль, по-моему, еще не кончена. Вы-же, господа, напротивъ, нѣмецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы), абстрагируя изъ едва понятой и понятной субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ и, что всего важнѣе, въ сущности, отрекаетесь отъ революціи, потому что народъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніе ко всякой гражданской отвѣтственности и

[1]) Отъ 8 октября 1862 г. (Amalienstrasse, 337).
[2]) Лицо, которому было адресовано предыдущее письмо Тургенева.
[3]) „Концы и Начала“ Герцена.

самодѣятельности, что далеко оставитъ за собою всѣ мѣтко вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить — посмотри на нашихъ купцовъ. Я недаромъ употребилъ слово „абстрагировать". *Земство*, о которомъ вы мнѣ въ Лондонѣ протрубили уши, это пресловутое *земство* оказалось на дѣлѣ такой-же кабинетной высиженной штучкой, какъ „родовой бытъ" Кавелина и т. д. Втеченіе лѣта я потрудился надъ Щаповымъ (истинно потрудился!), и ничто не измѣнитъ теперь моего убѣжденія. *Земство*—либо значитъ то-же самое, что значитъ любое односильное западное слово—либо ничего не значитъ и въ Щаповскомъ смыслѣ непонятно ровно ста мужикамъ изо ста [1]).

„Приходится вамъ пріискивать другую троицу, чѣмъ найденная вами: „земство, артель и община", или сознаться, что тотъ особый строй, который придается государственнымъ и общественнымъ формамъ усиліями русскаго народа, еще не настолько выяснился, чтобы мы, люди рефлексіи, подвели его подъ категоріи. А не то предстоитъ опасность то низвергаться передъ народомъ, то коверкать его, то называть его убѣжденія святыми и высокими, то клеймить ихъ несчастными и безумными, какъ это сдѣлалъ, чуть не на одной страницѣ, Бакунинъ въ своей послѣдней брошюрѣ

„Кстати о немъ: на стр. 21 онъ говоритъ: „Въ 1863 г. быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если не рѣшатъ созвать всенародную земскую думу". Если онъ хочетъ, я ему предлагаю какое угодно пари: я утверждаю, что ничего не созовутъ и 1863 годъ пройдетъ *преувеличенно тихо*. Es gilt? Я увѣренъ, что и тутъ мое предсказаніе сбудется, какъ и сдѣланное мною, помнишь, весною въ Лондонѣ на счетъ уставныхъ грамотъ. Я ошибся только въ томъ, что думалъ, что къ концу года половина ихъ будетъ представлена, а онѣ теперь уже почти всѣ представлены. Эхъ, старый другъ, повѣрь: единственная точка опоры для живой пропаганды — то меньшинство образованнаго класса въ Россіи, которое Бакунинъ называетъ и гнилыми, и оторванными отъ почвы, и измѣнниками. Во всякомъ случаѣ, у *тебя* другой публики нѣтъ. Ну, а теперь довольно. Dixi et animam meam levavi. А я все-таки люблю тебя отъ души и крѣпко жму тебѣ руку. Твой Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Объ увлеченіи Огарева и Герцена теоріями Щапова см. гл. XIII наст. статьи (кн. 5-я „Вѣст. Всем. Ист.", стр. 197—8).

„P.S. На счетъ адреса скажу одно: мнѣ достаточно того факта, что къ нему могутъ приложить руки М. Безобразовъ и Паскевичъ, чтобы не прикладывать моей [1]).

Къ тому-же эпизоду съ адресомъ относится и нижеслѣдующее письмо Тургенева изъ Гейдельберга [2]):

„Любезный другъ Александръ Ивановичъ,

„Такъ какъ N сообщилъ тебѣ подробный перечень всего того, что происходило между нами по поводу извѣстнаго тебѣ адреса, то я не считаю нужнымъ повторять то, что ты уже знаешь. Ограничусь нѣсколькими словами для объясненія, или, лучше сказать, для точнѣйшаго опредѣленія причинъ, лежащихъ въ основаніи моего воззрѣнія.

„Во-первыхъ, я полагаю, что взять „Положеніе“ исходной точкой отрицательнаго или революціоннаго противодѣйствія—и непрактично, и несвоевременно, и несправедливо. Такъ ли, сякъ ли, вслѣдствіе ли усталости, отсутствія ли строгой логики, свойственной всякому народу, желанія ли примириться на маломъ—если это малое все-таки до нѣкоторой степени выгодно,—но *„Земля приняла Положеніе“*; скажу болѣе: она въ весьма скоромъ времени сольетъ свое понятіе о свободѣ съ понятіемъ о „Положеніи“ и будетъ видѣть въ его врагахъ своихъ враговъ, чему, между прочимъ, служитъ доказательствомъ новое явленіе перехода крестьянъ *вмѣсто оброка* на выкупъ. Нападать при *такихъ* обстоятельствахъ на „Положеніе“, какъ на источникъ всей совершающейся неурядицы, и изъ этого выводить необходимость Земскаго Собора, это значитъ... окончательно разорвать связь съ народомъ.

„2) Тебѣ извѣстно новое рѣшеніе правительства на счетъ губернскихъ сеймовъ. Не знаю, какой тутъ проектъ восторжествуетъ: Милютинскій, отличающійся относительной широтой и свободой своихъ началъ, или изуродованный и іезуитскій Валуева [3]). Если, какъ слѣдуетъ предполагать, будетъ принятъ второй,—то вотъ тутъ дѣльная и живая и практическая исходная точка для протестующаго адреса, такого адреса, который предназначенъ поднять и расшевелить общественное мнѣніе. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, теперь необходимо обождать: a) *какъ* именно разрѣшится вопросъ о „Положеніи“—это-же должно разрѣшиться очень скоро, и b) какое значеніе

---

[1]) Кн. Паскевичъ (сынъ фельдмаршала)—противникъ надѣленія крестьянъ землей.

[2]) Отъ 16 октября 1862 г.

[3]) Принятъ былъ, какъ извѣстно, Валуевскій проектъ.

будутъ имѣть постановленія правительства о децентрализаціи и усиленіи провинціальной самостоятельности. Такой адресъ, представленный именно теперь, кромѣ вреда принести ничего не можетъ, особенно адресъ въ родѣ вашего; сверхъ того, я увѣренъ, что и подписей именно теперь вы наберете очень немного — а произведете выстрѣлъ хуже, чѣмъ на воздухъ—себѣ въ лобъ.

„Вотъ, милый Александръ Ивановичъ, мое откровенное—unum wunden—мнѣніе. Ты, я надѣюсь, настолько меня знаешь, что не припишешь этого мнѣнія ничему другому, кромѣ самаго искренняго убѣжденія. Я не трусъ, я не люблю вилять ни передъ собой, ни передъ другими, а тебя я слишкомъ уважаю и люблю, чтобы не сказать тебѣ всей истины. Согласишься ли ты со мной или нѣтъ—я не знаю; но я увѣренъ, что это нисколько не измѣнитъ нашихъ отношеній.

„Дружески жму тебѣ руку и остаюсь

„Преданный тебѣ

Ив. Тургеневъ.“

XIX.

Въ поясненіе предыдущаго письма Тургенева, мы должны коснуться тѣхъ мѣстъ „Концовъ и Началъ“, которыя непосредственно имѣютъ въ виду Тургенева и какъ личность, и какъ типичнаго представителя русскихъ „западняковъ“. Герценъ вполнѣ разочарованъ въ Западѣ и отъ Россіи—„народной, земской Россіи“ ждалъ обновляющей *весенней* бури, Тургенева-же онъ сравниваетъ съ усталымъ путникомъ, который хочетъ отдохнуть среди „остановившейся“ европейской цивилизаціи.

„Итакъ, любезный другъ, писалъ Герценъ,—ты рѣшительно дальше не ѣдешь, тебѣ хочется отдохнуть въ тучной осенней жатвѣ, въ тѣнистыхъ паркахъ, лѣниво колеблющихъ свои листья, послѣ долгаго знойнаго лѣта. Тебя не страшитъ, что дни уменьшаются, вершины горъ бѣлѣютъ и дуетъ иногда струя воздуха зловѣщая и холодная; ты больше боишься нашей *весенней* распутицы, грязи по колѣно, дикаго разлива рѣкъ, голой земли, выступающей изъ-подъ снѣга, да и вообще нашего упованья на будущій урожай, отъ котораго мы отдѣлены бурями и градомъ, ливнями, засухами и всѣмъ тяжелымъ трудомъ, котораго мы еще не сдѣлали... Что же, съ Богомъ, разстанемся, какъ добрые попутчики, въ любви и совѣтѣ.

„...Тебѣ остается небольшая упряжка, ты пріѣхалъ— вотъ свѣтлый домъ, свѣтлая рѣка, и садъ, и досугъ, и книги въ руки. А я, какъ старая почтовая кляча, затянувшаяся въ гоньбѣ, изъ хомута въ хомутъ, пока грохнусь гдѣ-нибудь между двумя станціями.

„Будь увѣренъ, что я вполнѣ понимаю и твой страхъ, смѣшанный съ отвращеніемъ передъ неустройствомъ неназженной жизни, и твою привязанность къ выработавшимся формамъ гражданственности и притомъ къ такимъ, которыя *могутъ быть* лучше, но которыхъ *нѣтъ лучше*.

„...У насъ при непочатой природѣ, люди и учрежденія, образованіе и варварство, прошедшее, умершее вѣка тому назадъ, и будущее, которое черезъ вѣка народится — все въ броженіи и разложеніи, валится и строится, вездѣ пыль столбомъ, стропилы и вѣхи. Дѣйствительно, если къ нашимъ дѣвственнымъ путямъ сообщенія прибавить мужественные пути наживы чиновниковъ, къ нашей глинистой грязи грязь помѣщичьей жизни и „жандармскій авангардъ цивилизаціи" изъ нѣмцевъ, съ стихійной мощью и стихійной неразвитостью,— то, сказать откровенно, надо имѣть сильную *зазнобу* или *сильное помышательство*, чтобы по доброй волѣ ринуться въ этотъ водоворотъ, искупающій все неустройство свое *пророчествующими радугами и великими образами*, постоянно вырѣзывающимися изъ-за тумана.

„...Вопросъ между нами даже не о томъ, имѣетъ ли право человѣкъ удалиться въ спокойную среду, отойти въ сторону, какъ древній философъ передъ безуміемъ назарейскимъ, передъ наплывомъ варваровъ. Объ этомъ не можетъ быть спору. Мнѣ хочется только уяснить себѣ, въ самомъ ли дѣлѣ вѣковыя обители, упроченныя и обросшія западнымъ мохомъ, такъ покойны и удобны, а главное, такъ *прочны*, какъ были, и, съ другой стороны, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ какихъ-нибудь чаръ въ нашихъ сновидѣніяхъ подъ снѣжную вьюгу, подъ троичные бубенчики, и нѣтъ ли основанія этимъ чарамъ?

„Было время, когда ты защищалъ *идеи* западнаго міра, и дѣлалъ хорошо; жаль только, что это было совершенно не нужно. Идеи Запада, т. е. наука, составляли давнымъ-давно всѣми признанный маіоратъ человѣчества. Наука совершенно свободна отъ меридіана, отъ экватора.

„Теперь ты хочешь права маіората перенести и на самыя *формы западной жизни* и находишь, что истори-

чески выработанный бытъ европейскихъ бель-этажей одинъ соотвѣтствуетъ эстетическимъ потребностямъ развитія человѣка, что *онъ только* и даетъ необходимыя условія умственной и художественной жизни, что искусство на Западѣ родилось, выросло, ему принадлежитъ и что, наконецъ, другого искусства нѣтъ совсѣмъ".

Далѣе Герценъ указываетъ на отсутствіе въ современномъ европейскомъ искусствѣ *новыхъ началъ* и объясняетъ это вліяніемъ буржуазіи [1]).

Это разочарованіе въ будущности Запада было результатомъ непосредственнаго наблюденія Герценомъ надъ явленіями европейской жизни. Раньше своей поѣздки въ Европу Герценъ далеко не раздѣлялъ всѣхъ надеждъ славянофиловъ, какъ можно судить по слѣдующей выпискѣ изъ его дневника:

„Главная ошибка славянофиловъ состоитъ въ томъ, что вѣря (*и не безъ основанія*) въ огромное будущее славянъ, какъ того племени, которое имѣетъ призваніе своею непосредственностью соотвѣтствовать высшему логически-историческому вопросу, выработанному Европой, они хотятъ и въ *самомъ младенчествѣ* его видѣть что-то высшее европейскаго развитія, какъ будто возможность будущаго значитъ превосходство и надъ дѣйствительностью, уже развитою и осуществившей свое призваніе".

Очутившись въ 1848—1849 гг. наблюдателемъ, а отчасти и участникомъ европейскаго освободительнаго движенія, Герценъ горько разочаровался въ немъ. Вѣра въ то, что Европа дастъ новое рѣшеніе соціальнымъ вопросамъ, угасла въ немъ. Личная жизнь его сложилась очень несчастливо, и Герценъ, какъ натура въ высшей степени дѣятельная, началъ лихорадочно искать выхода. Выходомъ послужили славянофильскія теоріи въ нѣсколько „дополненномъ и исправленномъ изданіи". Вѣра въ Европу смѣнилась горячей вѣрой въ Россію, т. е. собственно въ то, что Россія явитъ міру новыя соціальныя формы. Но Герценъ, отметая „плевелы" европейской цивилизаціи, тщательно собиралъ чистыя зерна европейской науки, стоялъ за свободу личности, остался горячимъ противникомъ всякаго насилія и *этимъ* отличался отъ славянофиловъ, которые сражались съ европейской наукой и вскорѣ перешли ту черту, которая въ 40-хъ годахъ отдѣляла ихъ отъ реакціонеровъ.

Стараясь уяснить Тургеневу свою мысль, Герценъ

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. нашу статью „Матеріалы для біографіи Щепкина и Иванова", Вѣстн. Всем. Ист. № 11, 1900 г.

(въ V письмѣ „Концовъ и Началъ") указываетъ ему на *нравственный самумъ*, дующій надъ Европой и изсушающій ее, и дѣлаетъ слѣдующую антитезу Россіи и Европы.

„Въ нашемъ отношеніи къ европейцамъ, при всемъ несходствѣ, которое я очень хорошо знаю, есть сходныя черты съ отношеніемъ германцевъ къ римлянамъ. Несмотря на нашу наружность, мы все-же *варвары*. Наша цивилизація — накожна, развратъ грубъ, изъ-подъ пудры колетъ щетина, изъ-подъ бѣлилъ пробивается загаръ. У насъ бездна лукавства дикихъ и уклончивости рабовъ. Мы готовы дать плюху безъ разбора и повалиться въ ноги безъ вины, но—*но я упорно повторяю*—мы отстали въ разъѣдающей, наслѣдственно зараженной тонкости западнаго растлѣнія.

„У насъ умственное развитіе служитъ (по крайней мѣрѣ служило до сихъ поръ) чистилищемъ и порукой. Исключенія чрезвычайно рѣдки. Образованіе у насъ кладетъ предѣлъ, за который много гнуснаго не ходитъ. На этомъ основаніи во все время не могло составиться ни тайной полиціи, ни полицейской литературы, вродѣ французскихъ.

„На Западѣ это не такъ. И вотъ почему русскіе мечтатели, вырвавшись на волю, отдаются въ руки всякому человѣку, касающемуся съ сочувствіемъ святынь ихъ, понимающему ихъ заповѣдныя мысли — забывая, что для него эти святыни давно перешли въ обычную фразу, въ форму, что большей частью онъ ихъ повторяетъ, пожалуй, и добросовѣстно, но въ томъ родѣ, въ которомъ патеръ, думая вовсе о другомъ, благословляетъ встрѣчнаго. Мы забываемъ, сколько другихъ стихій напутано въ сложной, усталой, болѣзненно пробившейся душѣ западнаго человѣка; сколько онъ уже источенъ, изношенъ завистью, нуждой, тщеславіемъ, самолюбіемъ и въ какой страшный эпикуреизмъ высшаго, болѣзненно-нервнаго порядка перегнулись перенесенныя имъ униженія, нищета и горячечный бой соревнованія.

„...Кабацкая оргія нашего разврата имѣетъ характеръ какого-то неустоявшагося, неуравновѣсившагося броженія и бѣснованій. Это—горячка опьяненія, захватившая цѣлое сословіе, сорвавшееся съ пути, безъ серьезнаго плана и цѣли,—но она не имѣетъ еще той въ глубь уходящей, той изъ глуби подымающейся, тонкой, нервной, *умной*, роковой безнравственности, которыми разлагаются, страдаютъ, умираютъ образованные слои западной жизни".

Тургеневу, какъ читатели увидятъ изъ нижеприво-

димаго письма, антитеза эта показалась вовсе не убѣдительной. Онъ писалъ ему (отъ 4 ноября 1862 г. Rue de Rivoli 246) слѣдующее:

„Милый Александръ Ивановичъ,

„Твое краткое письмецо меня пространно порадовало — сказалъ бы авторъ „Мизераблей“ — и я желаю тебѣ сообщить, что я прибылъ сюда на-дняхъ и поселился на своей старой квартирѣ. Я не думалъ, что ты сердишься на меня не за мое несогласіе на адресъ, но за то, что я, хотя на нѣкоторое время, помѣшалъ другимъ подписаться подъ нимъ. Не могу также согласиться съ тѣмъ, что ты говоришь о моихъ колебаніяхъ, смятеніяхъ и объясненіяхъ: мнѣ помнится, я весьма рѣшительно и безъ всякихъ „консидерановъ“ изъявилъ мое неодобреніе сообщеннаго мнѣ продукта. Я могъ ошибиться, но я очень ясно зналъ, какого я былъ мнѣнія. Я вполнѣ согласенъ съ тобой, что я — не политическая натура; но, коли ужъ на то пошло, признаюсь, лучше быть неполитикомъ въ моемъ родѣ, чѣмъ политикомъ въ родѣ Огарева или Бакунина.

„Что касается до твоего письма въ „Колоколѣ“, оно, какъ всѣ прежнія, умно, тонко, красиво—но безъ вывода и примѣненія. Мнѣ начинаетъ сдаваться, что въ столь часто повторяемой антитезѣ Запада, прекраснаго снаружи и безобразнаго внутри, и Востока, безобразнаго снаружи и прекраснаго внутри—лежитъ фальшь; которая потому еще держится даже въ замѣчательныхъ умахъ, что она, во-первыхъ, несложна и удобопонятна, а во-вторыхъ, a l'aire d'être très ingenieuse et neuve. Но уже на ней мнѣ видѣлись бѣлыя нитки и истертые локти и все твое краснорѣчіе не спасетъ ея отъ зіяющей могилы, гдѣ она будетъ лежать en très bonne compagnie вмѣстѣ съ философіей Гегеля и Шеллинга, французской республикой, родовымъ бытомъ славянъ и—дерзну прибавить — статьями великаго соціалиста Николая Платоновича [1]).

„Тотъ *Самумъ*, о которомъ ты говоришь, дуетъ не на одинъ западъ; онъ разливается и у насъ, но ты втеченіе почти четверти столѣтія (16 лѣтъ) отсутствуя изъ Россіи, пересоздалъ ее въ своей головѣ. Горе, которое ты чувствуешь при мысли о ней, горько; — но, повѣрь, оно въ сущности еще горше, чѣмъ ты предполагаешь, и я на этотъ счетъ больше мизантропъ, чѣмъ ты. Шопенгауэра, братъ, надо читать поприлежнѣе, Шопенгауэра.

[1]) Огарева.

„Однако, довольно. Все-таки жду твоего будущаго письма съ нетерпѣніемъ и дружески жму тебѣ руку.

Твой Ив. Тургеневъ.

„P.S. Ханыкова[1]) еще нѣтъ въ Парижѣ—я ему сообщу, что ты мнѣ написалъ. Боткинъ здѣсь и благоговѣйно служитъ слабому желудку, глазамъ, носу, ляжкамъ и т. д.“

Несмотря на имѣющійся въ вышеприведенномъ письмѣ рѣзкій отзывъ о политической дѣятельности Бакунина, Тургеневъ къ нему лично продолжалъ относиться съ большой добротой и всячески хлопоталъ объ устройствѣ его матеріальнаго положенія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее письмо его къ Бакунину (изъ Парижа, отъ 28 октября 1862 г. Rue de Rivoli, 210), случайно сохранившееся въ бумагахъ А. И. Герцена:

„Любезный другъ,

„Я вчера сюда пріѣхалъ, вчера получилъ твое письмо и сегодня пишу тебѣ два слова, для того, чтобы увѣрить тебя, что я *немедленно приступлю* къ исполненію того, что ты желаешь на счетъ твоей жены и N., и, по мѣрѣ возможности, буду стараться тебя успокоить наконецъ. Въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, ты можешь твердо надѣяться на мою старинную пріязнь, не зависящую, слава Богу, ни отъ какихъ политическихъ воззрѣній.

„Скажи Герцену, что я жду отъ него отвѣта и присылки послѣдняго № „Колокола“. Если онъ сердится на меня за мои письма къ нему объ адресѣ, то все-же не до такой степени, чтобы не писать. Я вчера въ постели прочелъ его разсказъ въ „Полярной Звѣздѣ“ о процесѣ Бартелеми и Бернара[2]) и раза два такъ принимался хохотать, что разбудилъ дочь, спавшую въ сосѣдней комнатѣ. Это прелесть и отличная вещь.

„Прощай, жму тебѣ руку. Может быть, скоро увидимся.

Твой Ив. Тургеневъ“.

XX.

Мнѣнія Герцена имѣютъ большой историческій интересъ и будущіе историки нашей литературы должны помнить, что Герценъ является въ сущности *родоначальникомъ* нашего народничества.

---

[1]) Ханыковъ, другъ Тургенева, извѣстный ученый путешественникъ.

[2]) Процессъ, поднятомъ Наполеоновскимъ правительствомъ въ Англіи противъ тогдашнихъ французскихъ эмигрантовъ.

Тургеневъ, близко наблюдавшій русскую дѣйствительность, не могъ такъ идеализировать русскаго мужика, какъ Герценъ. Въ то время, какъ Герценъ виталъ въ области голыхъ логическихъ построеній, подкрѣпляемыхъ наблюденіями нѣмецкаго барона Гакстгаузена и англійскаго помѣщика Каррея, предъ глазами Тургенева носилась неприглядная русская дѣйствительность. Контрастъ былъ черезчуръ великъ и поэтому немудрено, что въ его отвѣтѣ Герцену слышится раздраженіе человѣка, видящаго, что его ближній другъ увлекается несбыточными фантазіями.

„Экая пошла у меня съ тобой корреспонденція, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! писалъ Тургеневъ Герцену [1]).

„Можетъ быть, она тебѣ не по вкусу, да такой на меня стихъ нашелъ. Нынѣшнее письмо вызвано твоимъ послѣднимъ письмомъ ко мнѣ въ „Колоколѣ". — Оно замѣчательно, хотя написано нѣсколько не то что вычурно, а мудрено для многихъ читателей, которые не поймутъ ни зарожденія отъ „Пана", ни „допуническое",— но это мелочи.

„Ты съ необыкновенной тонкостью и чуткостью произносишь діагнозу современнаго человѣчества, но почему же это непремѣнно *западное* человѣчество, а не „bipedes" вообще? Ты точно медикъ, который, разобравъ всѣ признаки хронической болѣзни, объявляетъ, что вся бѣда происходитъ оттого, что паціентъ—французъ. Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ ты видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ—das Absolute, однимъ словомъ, то самое Absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ философіи. Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя—такъ давай воздвигать алтарь этому невѣдомому богу, благо о немъ почти ничего неизвѣстно — и опять можно молиться и вѣрить, и ждать. Богъ этотъ дѣлаетъ совсѣмъ не то, что вы отъ него ждете,—это, по-вашему, временно, случайно, насильно привито ему внѣшнею властью; богъ вашъ любитъ до обожанія то, что вы ненавидите, и ненавидитъ то, что вы любите,—богъ принимаетъ именно то, что вы за него отвергаете, вы отворачиваете глаза, затыкаете уши и съ экстазомъ, свойственнымъ всѣмъ скептикамъ, которымъ скептицизмъ надоѣлъ, съ этимъ специфическимъ, ультра-фанатиче-

---

[1]) Отъ 8 ноября 1862 (Rue de Rivoli, 210).

скимъ экстазомъ твердите о „весенней свѣжести“, о „благодатныхъ буряхъ“ и т. д. — Исторія, филологія, статистика—вамъ все ниночемъ; ниночемъ вамъ факты, хотя бы, напримѣръ, тотъ несомнѣнный фактъ, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку, и по породѣ къ европейской семьѣ, „genus Europaeum“ и, слѣдовательно, по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той-же дорогѣ. Я не слыхалъ еще объ *уткѣ*, которая, принадлежа къ породѣ *утокъ*, дышала бы жабрами, какъ рыба. А, между тѣмъ, въ силу вашей душевной боли, вашей усталости, вашей жажды положить свѣжую крупинку снѣга на изсохшій языкъ, вы бьете по всему, что каждому европейцу, а потому и намъ, должно быть дорого: и, наливъ молодыя головы вашей еще не перебродившей соціально-славянофильской брагой, пускаете ихъ хмѣльными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ предстоитъ споткнуться на первомъ шагу. Что вы все это дѣлаете добросовѣстно, честно, горестно, съ горячимъ искреннимъ самоотверженіемъ—въ этомъ я не сомнѣваюсь—и ты увѣренъ, что я не сомнѣваюсь... Но отъ этого не легче. Одно изъ двухъ: либо служи европейскимъ идеаламъ попрежнему, — либо, если ужъ дошелъ до убѣжденія въ ихъ несостоятельности, имѣй духъ и смѣлость посмотрѣть чорту *въ оба* глаза, скажи: „guilty“ (виновенъ)—въ лицо *всему европейскому человѣчеству*,— и не дѣлай явныхъ или подразумѣваемыхъ исключеній въ пользу ново-долженствующаго придти Рассейскаго Мессіи, въ котораго, въ сущности, ты лично такъ-же мало вѣришь, какъ и въ европейскаго. Ты скажешь: это страшно—и популярность можно потерять и возможность продолжать дѣйствовать, какъ ты теперь дѣйствуешь. Согласенъ, но съ одной стороны и такъ дѣйствовать, какъ ты теперь дѣйствуешь—безплодно, а съ другой стороны я въ тебѣ, на зло тебѣ, предполагаю достаточно силы духа, чтобы не убояться никакихъ послѣдствій отъ высказыванія того, что ты считаешь истиной. Мы еще подождемъ, а теперь довольно.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

„P S. А твой другъ и фаворитъ Панинъ? [1])
Кто ада и небесъ (своимъ ростомъ) досягалъ—упалъ!
И Чевкинъ [2]) туда-же“.

---

[1]) Панинъ В. Н. (1801—1874)—предсѣдатель редакціонной комиссіи, противникъ освобожденія крестьянъ.

[2]) Чевкинъ К. В. (1802—75)—министръ путей сообщенія.

XXI.

Личное раздраженіе Герцена на Тургенева, сквозящее въ „Концахъ и Началахъ", вылилось также въ цѣломъ рядѣ писемъ. Герценъ, между прочимъ, горячо защищалъ Огарева и проповѣдуемыя имъ соціальныя теоріи, причемъ находилъ, что ироническое отношеніе Тургенева къ этимъ теоріямъ ни на чемъ не основано и является чистымъ капризомъ, чѣмъ-то вродѣ безотчетной антипатіи „брюхатой женщины". Герценъ называлъ Тургенева истиннымъ нигилистомъ, такъ какъ у него не было якобы руководящей, центральной теоріи, дающей объясненіе историческимъ явленіямъ.

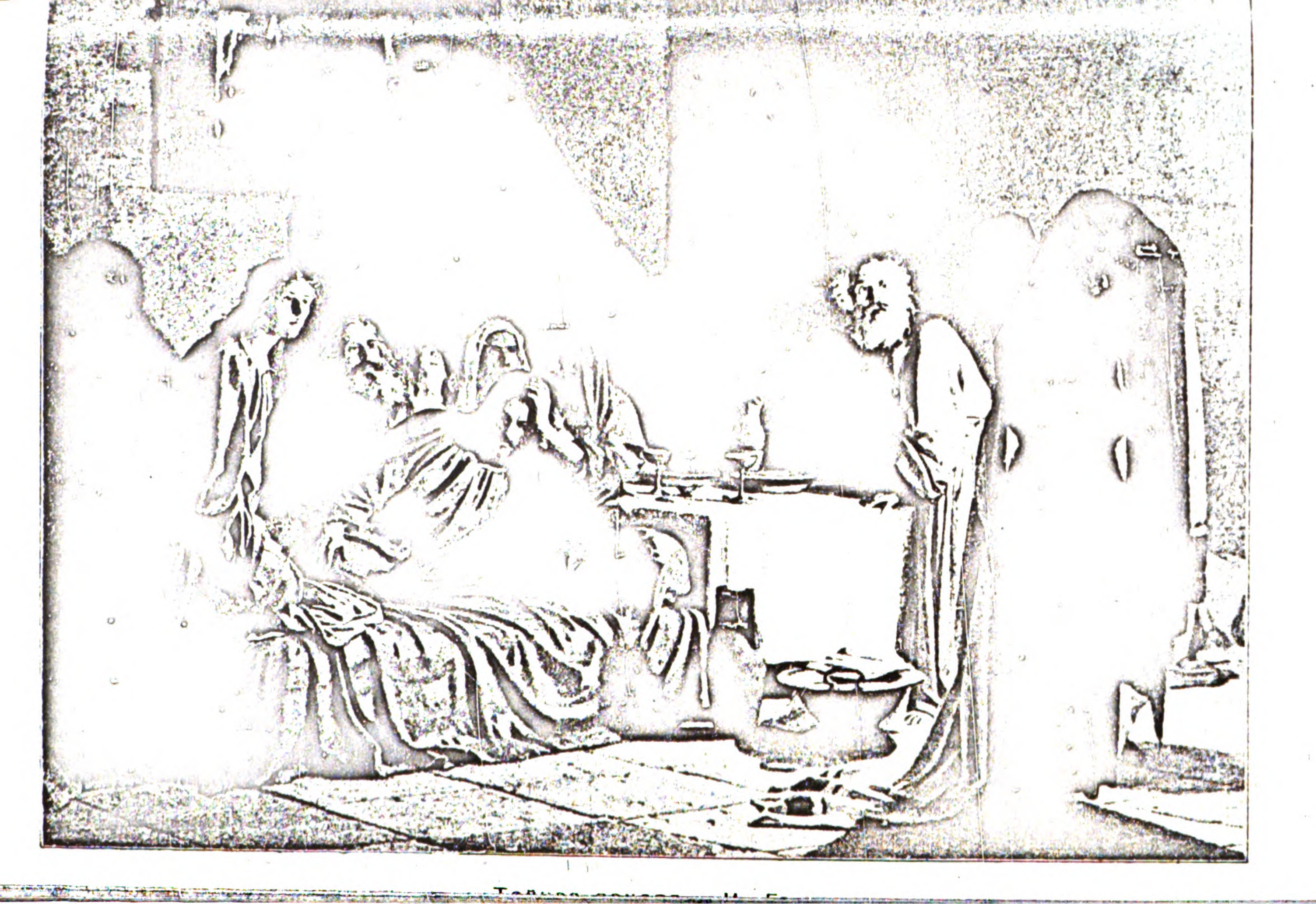
Тургеневъ отвѣтилъ на эти рекриминаціи своего раздраженнаго друга слѣдующимъ, довольно добродушнымъ письмомъ [1]):

„Любезный Александръ Ивановичъ!

„Мнѣ очень жаль, что ты перемѣнилъ свое намѣреніе и не послалъ мнѣ своего *злаго* письма: злое письмо все-таки лучше раздраженнаго. Но я не могу вдаваться ни въ какія рекриминаціи и все-таки радъ, что ты хоть какъ-нибудь отвѣчалъ. Признаюсь, я ожидалъ возраженій на мои возраженія, но я вижу, что ты огорчился и и оскорбился моими, сколько я помню, далеко не рѣзкими и не непочтительными намеками на Огарева—или лучше сказать на его теорію.—Виноватъ, соглашаюсь, что лучше было не говорить объ этомъ и обѣщаюсь не задѣвать тебя ни единымъ словомъ съ этой, для тебя столь чувствительной стороны. Только могу тебя увѣрить, что въ моемъ нерасположеніи къ вышеупомянутой теоріи существуетъ нѣчто не столь неразумное, какъ антипатіи „брюхатой женщины". Я бы могъ изложить тебѣ подробно причины, почему я такъ думаю—но убѣдить тебя не надѣюсь, а огорчить тебя опять—боюсь. Итакъ,—пусть весь этотъ вопросъ останется между нами вродѣ истукана въ Саисѣ подъ непроницаемымъ покровомъ.

„Не могу также принять твое обвиненіе въ нигилизмѣ. (Кстати вотъ судьба: я же швырнулъ этотъ камень—и меня-же онъ бьетъ въ голову).—Я не нигилистъ, потому только, что я, насколько хватаетъ моего пониманія, вижу трагическую сторону въ судьбахъ всей европейской семьи (включая, разумѣется, и Россію). Я все-таки *европеусъ*, и люблю знамя, вѣрую въ знамя,

[1]) Отъ 25 ноября 1862 г. (Парижъ, Rue de Rivoli 210).

подъ которое я сталъ въ молодости. Ты одной рукой рубишь его древко, а другою ловишь какое-то для насъ еще невидимое древко,—это твое дѣло и, можетъ быть, ты правъ. Но ты менѣе правъ, когда приписываешь мнѣ какія-то побочныя цѣли (вродѣ удовольствія кормить паразитовъ!) или небывалыя чувства, вродѣ раздраженія противъ молодого поколѣнія... Къ чему это? Не похоже ли это на упреки, которые дѣлаютъ тебѣ въ томъ, что ты, молъ, говоришь и пишешь не изъ убѣжденія, а изъ тщеславія и т. д. Этого рода догадки и сплетни—скажу прямо—недостойны насъ съ тобою.

„Засимъ жму крѣпко тебѣ руку и желаю тебѣ здоровья и бодрости. Я очень радъ, что ты меня любишь, и увѣренъ, что, поразмысливъ хорошенько, ты увидишь, что негодовать на меня не за что.

Преданный тебѣ

Ив. Тургеневъ".

Несмотря на все добродушіе вышеприведеннаго нами письма, Герценъ былъ, очевидно, настроенъ далеко не миролюбиво и слѣдующее письмо Тургенева опять посвящено выясненію недоразумѣній[1]).

„Любезный другъ,—писалъ Тургеневъ Герцену,—не помню какой-то мудрецъ сказалъ, что нѣтъ такихъ людей, которые умѣли бы освободиться отъ самыхъ очевидныхъ недоразумѣній. Неужели это изрѣченіе должно оправдаться надъ нами? Посуди самъ: я, напримѣръ, пишу тебѣ, что обвинять меня въ любви къ паразитамъ также *нелѣпо*, какъ искать въ тщеславіи причину твоей дѣятельности; а ты съ негодованіемъ доказываешь, что ты работаешь не изъ тщеславія; я *называю* Шопенгауэра— ты упрекаешь меня въ поклоненіи авторитету; я прошу тебя не сердиться на меня за одно слово объ Огаревѣ и отвѣчать мнѣ на мои вопросы,—ты иронически подозрѣваешь меня въ сожалѣніи о томъ, что я опровергъ тебя „до безмолвія" и т. д. Пожалуйста, бросимъ этотъ тонъ: будемъ лучше спорить горячо, но по пріятельски, безо всякихъ ricanements и недомолвокъ: если я этимъ былъ грѣшенъ (sans le savoir), то прошу у тебя извиненій и basta cosi.

„Ты требуешь, чтобъ я изложилъ причины моего нерасположенія къ Огареву, какъ писателю. Я готовъ тебѣ повиноваться, но не могу не замѣтить, что на письмѣ это непремѣнно выйдетъ голословно. Ты самъ хорошо поймешь, что приводить и пересчитывать въ

[1]) Отъ 3 декабря 1862 г. (Парижъ, Rue de Rivoli 210).

письмѣ доказательства—невозможно; прошу только тебя вѣрить, что онѣ существуютъ для меня и что я не подверженъ никакой беременности ни физіологической, ни психологической. Итакъ, Огареву я не сочувствую, во 1-хъ, потому, что въ своихъ статьяхъ, письмахъ и разговорахъ онъ проповѣдуетъ старинныя соціалистическія теоріи общей собственности и т. д., съ которыми я не согласенъ. (Бакстъ въ Гейдельбергѣ, напримѣръ, объявилъ мнѣ, что „Николай Платоновичъ (Огаревъ) не потому опровергаетъ „Положеніе“, что оно несправедливо для крестьянъ, а потому, что оно освящаетъ принципъ *частной* собственности въ Россіи)“; во 2 хъ, потому, что онъ въ вопросѣ освобожденія крестьянъ и тому подобныхъ—показалъ значительное непониманіе народной жизни и современныхъ ея потребностей, а также и настоящаго положенія дѣлъ; въ 3-хъ, наконецъ, потому, что даже тамъ, гдѣ онъ почти правъ (какъ, напр., въ статьѣ о судебныхъ реформахъ [1]), онъ излагаетъ свои вопросы языкомъ тяжелымъ, вялымъ и сбивчивымъ, обличающимъ отсутствіе таланта, что, впрочемъ, ты, вѣроятно, самъ, если не чувствуешь, то подозрѣваешь изъ несомнѣннаго факта постепеннаго паденія „Колокола“ и охлажденія къ нему публики. Правда до политическихъ изгнанниковъ трудно доходитъ, обязанность друзей—доводить ее до нихъ. *„Колоколъ“ гораздо менѣе читается съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ сталъ царствовать Огаревъ“*.—Эта фраза стала въ Россіи тѣмъ, что въ Англіи называется a truism. „Колоколъ“, напечатавшій безъ протеста половину манифеста Бакунина [2]) и соціалистическія статьи Огарева,—уже не Герценовскій, не прежній „Колоколъ“. Вотъ пока все, что я могу тебѣ сказать.

„Съ большимъ удовольствіемъ увижу здѣсь твоихъ милыхъ дочекъ и сдѣлаю для нихъ все возможное.

„Жму тебѣ руку и остаюсь любящій тебя

Ив. Тургеневъ“.

Сдержанный и полный достоинства тонъ письма Тургенева не остановилъ Герцена и онъ снова обрушился на Тургенева, обвиняя его въ дружбѣ съ богатымъ помѣщикомъ и реакціонеромъ Фетомъ, ставя ему въ вину, что другой его близкій пріятель Анненковъ печатается въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, несмотря на то, что въ немъ появляются такія статьи, какъ „Новые подвиги нашихъ лондонскихъ агитаторовъ“ и т. п. Обвиненія были не-

[1]) Статья Огарева: „Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи“ (Kolok. № 150—2).

[2]) Статья Бакунина: „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ“ (Kolok. № 122—3).

справедливы и на этотъ разъ даже мягкій и добродушный Тургеневъ не выдержалъ и отвѣтилъ Герцену слѣдующимъ ироническимъ письмомъ [1]):

„Гнѣвенъ же ты, любезный Александръ Ивановичъ, ужъ такъ гнѣвенъ, что и сказать нельзя! И въ концѣ письма поставилъ такое неразборчивое слово. Я рѣшилъ прочесть: за симъ *кланяюсь*, хотя по настоящему выходитъ: за симъ *плюю*.

„Едва осмѣливаюсь почтительнѣйше доложить, что статьи Огарева я дѣйствительно прочелъ самъ (этотъ фактъ нельзя забыть, какъ вообще всякую преодолѣнную трудность), что П. В. Анненковъ, конечно, великій преступникъ, но что онъ, отдавая свою невинную статью [2]) „Русскому Вѣстнику" въ *началѣ* года, не могъ съ достовѣрностью предвидѣть, что ее помѣстятъ въ *концѣ* года рядомъ съ виновной; что протестъ К (авелина) съ моею подписью ты можешь напечатать когда и гдѣ угодно и что, наконецъ, ты, вѣроятно, смѣшалъ А. А. Фета, у котораго вовсе *нѣтъ* деревни, съ извѣстнымъ англійскимъ богачемъ, Sir Feth'омъ, котораго, впрочемъ, никогда не существовало.

„А дочки твои прелестныя: особенно Тата [3]) такое славное, умное, здоровое и здравое существо! Моя дочь просто въ нее влюбилась втеченіе получасового ея посѣщенія. Всѣ наши просьбы не могли убѣдить M-lle М(ейзенбугъ) остаться въ Парижѣ день лишній и намъ пришлось только пожелать имъ счастливаго пути.

„А за симъ препоручаю себя тебѣ не въ часы гнѣва, а въ часы кротости и подписуюсь Ив. Тург...

„Что я! Совсѣмъ забылъ! По твоему опредѣленію я долженъ впредь подписываться слѣдующимъ манеромъ:

„Частица навоза золотушнаго гиппопотама, страдающаго холерой".

„Длинно немножко, но я не министръ и резолюцій не подмахиваю".

Несмотря на рѣзкій тонъ, который приняла переписка, старинная дружба все-таки на этотъ разъ преодолѣла и друзья еще полтора года продолжали переписываться, пока не произошелъ эпизодъ, положившій на три года перерывъ ихъ письменнымъ и даже личнымъ сношеніямъ. Объ этомъ разрывѣ и послѣдовавшемъ за нимъ примиреніи мы разскажемъ въ нашей заключительной статьѣ.

В. П. Батуринскій.

---

[1]) Отъ 16 декабря 1862 (Парижъ, Rue de Rivoli, 210).

[2]) Статья П. В. Анненкова: „О Мининѣ г-на Островскаго и его критикахъ" („Рус. Вѣстн." 1862 г. № 9).

[3]) Наталья Алекс. Герценъ.

HOMO SAPIENS.

На распутьи.

повѣсть

Станислава Пшибышевскаго.

Перев. съ польск. Эрве.

(*Окончаніе*).

IX.

Они остановились передъ входной дверью.

Фалькъ открывалъ дверь. Ему трудно было вставить ключъ.

Наконецъ, онъ справился.

Она вошла въ переднюю. Онъ шелъ за нею. Они снова остановились.

Что ему еще надо?

— Спокойной ночи, Фалькъ.

Онъ сжималъ ея руку, голосъ его дрожалъ.

— Мнѣ кажется, что намъ слѣдовало бы проститься болѣе сердечно.

Двери были полуоткрыты. Свѣтъ отъ фонаря падалъ широкой полосой на ея лицо.

Она посмотрѣла на него какъ-то странно, съ какимъ-то удивленіемъ.

Ему стало стыдно.

— Спокойной ночи...

Онъ слышалъ, какъ щелкнулъ замокъ. Онъ насторожился. Легко и быстро поднималась она по лѣстницѣ.

Онъ теперь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

Вдругъ, не сознавая, что онъ дѣлаетъ, онъ крикнулъ во всю мочь.

Что это значитъ?

Хотѣлъ ли онъ безцѣльнымъ рычаніемъ разрѣдить свое напряженіе?

Прекрасно! Онъ просто разыгралъ дурака. Какъ это было глупо и слюняво — эта фраза о сердечности. О, какимъ смѣшнымъ, какимъ безконечно смѣшнымъ онъ долженъ былъ ей казаться.

Онъ—все презирающій, надъ всѣмъ издѣвающійся— вдругъ влюбленъ какъ мальчишка.

Боже, какъ это непріятно — къ тому-же еще воспоминаніе, которое вдругъ стало его мучить.

Въ то время ему было 13 лѣтъ, когда онъ впервые пытался влюбиться. Онъ чувствовалъ себя очень большимъ человѣкомъ. Эти глубокія, геніальныя бесѣды, которыя онъ велъ съ дамой своего сердца... поэзія Шиллера и Ленау... А желтыя перчатки, которыя онъ себѣ купилъ...

Однажды классный наставникъ поймалъ его на свиданіи.

На слѣдующій день... великолѣпно!

Раздался звонокъ. Перемѣна десять минутъ.

Всѣ бросились на дворъ.

— Фалькъ, ты останешься здѣсь.

Онъ зналъ уже, что его ожидаетъ.

— Поди сюда!

Онъ шелъ къ каѳедрѣ, какъ на смертную казнь.

— Возьми стулъ!

Онъ поставилъ стулъ.

— Ложись!

Онъ легъ.

Толстый прутъ свистнулъ въ воздухѣ, задрожалъ, опустился и потомъ засвисталъ все быстрѣе и больнѣе...

Господи, Боже, какъ было больно! Чего вы смѣетесь, любезнѣйшій? Это великая трагедія... Я рѣдко въ моей жизни страдалъ такъ сильно, какъ тогда... Вашъ смѣхъ признакъ вашей глупости. Развѣ вы не понимаете, что это сама жизнь? Смѣшное наряду съ трагедіей, золото въ грязи, великая святыня среди пошлости—да, видите ли, этого вы не понимаете.

Гегель — этотъ старый прусскій философъ — былъ благоразумнѣйшимъ человѣкомъ. Знаете ли вы вообще-то Гегеля? Итакъ, видите ли, вся его философія заключается въ одномъ вопросѣ, почему природа для своихъ

самыхъ возвышенныхъ цѣлей пользуется такими неэстетическими средствами, какъ напримѣръ, половымъ органомъ, служащимъ для оплодотворенія и для выдѣленія отбросовъ организма. Очевидно, все это чрезвычайно курьезно, смѣшно, отвратительно смѣшно, но такъ представляются намъ всегда всѣ самые священные для насъ предметы...

Фалькъ остервенился.

Итакъ, необходимо, наконецъ, все это продумать до самаго конца. Любовь, да любовь! Сначала какое-то странное смущеніе, стыдливые взгляды, потомъ блескъ въ глазахъ фавна, далѣе дрожаніе рукъ, какъ если бы кто-нибудь на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ пересылалъ депешу... Затѣмъ: пониженіе и повышеніе голоса, какъ при скандированіи Горація, голоса, то хриплаго, то боязливаго... А потомъ еще цѣлый рядъ безсознательныхъ движеній; безсмысленное хватаніе предметовъ и круженіе, неувѣренная походка, кашель, откашливаніе... развѣ это не смѣшно? Развѣ все это не смѣшно въ высокой степени?

А напротивъ меня сидитъ Иза и обнадеживаетъ меня своей милой улыбкой, въ которой сквозитъ сознаніе добра и зла, своимъ загадочнымъ взглядомъ...

Ну, намъ тоже знакомы актерскіе фокусы. Развѣ я сегодня плохо жестикулировалъ?

Вотъ именно, потому что я такъ называемый „дифференцированный“ человѣкъ, во мнѣ все сливается: предположенія, желанія, страсть, искренность, сознательное и безсознательное, ложь и правда; тысячи небесъ, тысячи міровъ вмѣщаются во мнѣ, но тѣмъ не менѣе я все-таки смѣшонъ.

Ничего не подѣлаешь, положительно нѣтъ никакого средства. Въ этомъ и состоитъ желѣзный законъ, самый незыблемый изъ всѣхъ, а именно, что человѣкъ, прежде чѣмъ онъ достигнетъ своей цѣли, долженъ тысячу разъ быть смѣшнымъ въ глазахъ возлюбленной.

Вдругъ онъ прервалъ теченіе мыслей.

Итакъ онъ испытывалъ чувство стыда... Да, да, все это какъ у мальчишки. Онъ точно такъ-же чувствуетъ себя смѣшнымъ, если упадетъ съ лошади на глазахъ своей возлюбленной.

Но вѣдь Иза для него чужая, совершенно чужая. Онъ ничего о ней не зналъ. Онъ даже не перешелъ черезъ одну линію въ тайну этой затуманенной улыбки, этого милаго и снисходительнаго существа!

И въ эту чуждую ему женщину, о которой онъ ничего не зналъ, онъ влюбился.

Вдругъ. Сразу. Втеченіе одной секунды.

Ну-ка! Что скажете вы, ученые психологи! Пожалуйте сюда, вы, всезнающіе анатомы души, аналитики „purs et secs", пожалуйте сюда и объясните мнѣ...

Это фактъ: втеченіе одной секунды я влюбился въ женщину, влюбился впервые въ своей жизни.

— Потому ли, что пробудилось во мнѣ инстинктивное влеченіе? Ошибаетесь, оно никогда не спало.

Потому ли, что я внушилъ себѣ? Я ничего не внушалъ себѣ. Мой мозгъ не принималъ никакого участія. Я не имѣлъ времени обдумать. Впрочемъ, да будетъ вамъ стыдно. Вы, авторы физіологіи любви, такой чудной физіологіи. вы должны знать, что похоть не обдумываетъ. Похоть глупое, глухое животное, простоватое и смѣшное.

Впрочемъ, это совершенно для меня безразлично Если кому въ іюнѣ исполняется 25 лѣтъ, онъ не ищетъ больше причинъ; вопросъ „почему" не существуетъ уже для него. Все принимается, какъ совершившійся фактъ. Такъ всегда бываетъ.

Онъ оглядѣлся. Онъ очутился на незнакомой площади. Красивая площадь.

Онъ сѣлъ на скамейку, голова отяжелѣла, вѣроятно, онъ черезчуръ много выпилъ, но онъ не могъ успокоиться.

Что-то волновало его весь вечеръ. Необыкновенно тяжелая мысль, которую онъ постоянно заглушалъ въ себѣ и которая все сильнѣе и сильнѣе вырывалась и теперь со всею силою проявилась.

Никита!

Фалькъ безпокойно всталъ, походилъ минуту взадъ и впередъ и снова сѣлъ.

Видишь, Никита, ты не злись на меня. Я въ этомъ положительно не виноватъ.

Почему ты потащилъ меня къ ней? Мнѣ хотѣлось выпить вина и поговорить съ тобою. Я не хотѣлъ идти къ ней. Нельзя тащить друзей къ своимъ невѣстамъ.

Это основная статья уложенія о любви.

Безусловно нельзя, хотя бы эти невѣсты были такъ прекрасны, какъ твоя Иза.

Нѣтъ, Никита, не печалься такъ сильно. Это причиняетъ мнѣ животную б ль. Потому что я тебя очень люблю.

Фалькъ раскисъ.

Я дѣйствительно въ этомъ не виноватъ. Но подумай

только. Я вхожу въ комнату. Чудная красная волна свѣта. И этотъ красный свѣтъ озаряетъ жаркими лучами женщину, женщину, которую я зналъ лучше, чѣмъ даже ты, хотя никогда до этого я ее не видѣлъ.

Виноватъ ли былъ красный свѣтъ? Ты вѣдь живописецъ. Ты долженъ знать, какъ такой красный свѣтъ вліяетъ на твою душу.

Въ этотъ моментъ является точно такой-же психологъ г. Дюбуа-Раймондъ и говоритъ: красный свѣтъ состоитъ изъ волнъ, которыя происходятъ вслѣдствіе 500 билліоновъ колебаній въ секунду. Эти колебанія вызываютъ колебанія въ нервахъ, ну вотъ и я испытываю колебанія. Это значитъ: я испытываю колебанія.

Теперь понимаешь, почему я влюбился — потому что я испытываю колебанія!

Итакъ! Ясно, какъ солнце: я испытываю колебанія, ergo, я влюбленъ.

Фалькъ всталъ и шелъ, куда глаза глядятъ. На улицахъ было пусто.

Только тамъ и здѣсь онъ слышалъ навязчивый охрипшій голосъ женщины:

— Ну, что же, котикъ, пойдемъ.

Нѣтъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія.

Что ему дѣлать у проститутки? Онъ не былъ берлинскимъ беллетристомъ, онъ не нуждался въ интимныхъ юбочныхъ настроеніяхъ, чтобы написать романъ. Нѣтъ! нѣть! онъ ненавидѣлъ всѣхъ женщинъ, всѣхъ, а болѣе всего ту, которая лукаво вкралась ему въ душу и возбудила это проклятое безпокойство.

Нѣтъ, Никита, ты не долженъ на меня сердиться. Нѣтъ... Ты и представить себѣ не можешь, какъ я страдаю. Что-то давитъ у меня въ горлѣ, втеченіе всего дня... я ничего не ѣлъ, а только пилъ и пилъ...

Ты знаешь, что мнѣ снилось? Что я упалъ съ высокой горы.

Я сидѣлъ на ледникѣ, который летѣлъ съ неимовѣрной быстротой; развѣ я могъ противостоять? Развѣ я могъ защищаться? Ледникъ несъ меня, ледникъ былъ широкій и бѣшено стремился внизъ.

Развѣ я могу атомы моихъ нервовъ расположить въ другомъ порядкѣ и въ другія соединенія? Развѣ я могу задержать теченіе въ моемъ мозгѣ? Хе? Развѣ я могу это сдѣлать? А ты можешь?

Ледникъ несетъ меня, бросаетъ, низпровергаетъ — я лечу, я падаю и, наконецъ, онъ выбрасываетъ меня въ море.

Это желѣзный законъ!

Талькъ почти кричалъ.

Ну, да; я немного пьянъ, а тогда владѣть собою довольно трудно.

Нѣтъ, Никита, нѣтъ, ты мнѣ очень дорогъ. Я ни ни въ чемъ, ни въ чемъ не виноватъ передъ тобою.

Вдругъ имъ овладѣло бѣшенство.

Развѣ ты не раздражалъ ее, милый Фалькъ, развѣ ты всячески не возбуждалъ ея любопытства?

Великолѣпно — это сознаніе своей вины! Да, я беру свою совѣсть, отягченную грѣхами, и выкладываю ея содержимое передъ всемогущимъ, который создалъ, меня не безсознательнымъ четвероногимъ, а двуногимъ индивидуумомъ, надѣленнымъ душой и разсудкомъ, чтобы различать зло и добро и съ помощью этой „quinta essentia", именно свободной воли, управлять своими поступками.

Да, любезный Никита, mea maxima culpa! Я согрѣшилъ предъ тобою!

По дорогѣ онъ увидѣлъ открытое ночное кафе.

Охъ, какъ-же онъ былъ утомленъ.

Онъ вошелъ и сѣлъ въ углу на диванѣ.

Онъ слышалъ около себя крикъ и шумъ, клятвы и торгъ. Онъ осмотрѣлся, не собираетъ ли замѣтокъ какой-нибудь берлинскій беллетристъ. Какой-то коллега одного съ нимъ факультета... хе, хе...

Гадко! Сколько стоитъ фунтъ мяса на пять минутъ?

Онъ прислонился къ стѣнѣ и смотрѣлъ на большой бѣлый свѣтъ электрической лампы.

У него въ глазахъ зарябило. Онъ видѣлъ, какъ вокругъ бѣлыхъ круглыхъ лампъ струился горячій воздухъ.

И онъ видѣлъ освѣщенный туманъ, волнующійся все быстрѣе и быстрѣе, все стремительнѣе и удушливѣе.

И онъ чувствовалъ ее въ своихъ объятіяхъ, ея разгоряченное лицо около своего, чувствовалъ ея движенія, какъ они проходятъ по его нервамъ, доставляя ему невыразимое наслажденіе, и весь міръ казался ему вращающимся краснымъ солнечнымъ кольцомъ.

Это была великая проблема.

Онъ выпрямился.

Проблема его любви! Иза зародилась въ немъ или онъ въ ней. Она была самымъ совершеннымъ дополненіемъ его. Ея движенія были до такой степени движеніями его души, что приводили его въ состояніе самаго высокаго экстаза, звукъ ея голоса освобождалъ что-то въ

его душѣ, что-то, въ чемъ скрывалась тайна его существованія.

Глупый мозгъ, откуда ты знаешь все это такъ хорошо?

Онъ иронически улыбнулся.

Но вдругъ онъ остановился. Онъ увидѣлъ себя и ее на странной картинѣ.

Они равнодушно сидѣли другъ противъ друга. Они холодно смотрѣли другъ другу въ глаза, вѣдь они были совершенно равнодушны и чужды другъ другу.

Да, въ его глаза попали параллельные лучи свѣта, нѣчто въ родѣ лучей Рентгена; онъ разглядывалъ насквозь ее и себя и видѣлъ, какъ что-то исходило изъ нѣдръ ихъ душъ, какъ оба подземные „Я" приближались и смотрѣли другъ на друга вопросительно и страстно.

Но нѣтъ! Они вѣдь сидѣли у стола, были другъ къ другу равнодушны и говорили о глупыхъ, пустыхъ вещахъ. Но эти другіе „Я"—они были безконечно близки другъ къ другу, они обнимались и сливались.

Это другое „Я", любезный Никита, его я не знаю, оно внезапно проявляется безъ всякой причины и повода, оно знало ее тысячу лѣтъ, прежде чѣмъ я съ ней познакомился.

Видишь, Никита,—мой глупый мозгъ можетъ самое большее сознавать, что что-то происходитъ, самое большее констатировать совершившійся фактъ.

Да, дорогой Никита, это совершившійся фактъ. Я ее люблю.

А что старался быть занимательнымъ? Что я ее манилъ къ себѣ, обращалъ ея вниманіе на мою глубину?— Но, ей-Богу, Никита, будь разсудительнымъ! Великій „agens" такъ завелъ пружину, что колесики и стрѣлки непремѣнно должны двигаться въ ту, а не въ другую сторону.

Какъ ты этого не понимаешь?

— Почему Никита не пришелъ?

Охъ, вы плохо знаете Никиту, у Никиты инстинкты, надѣленные руками, простирающимися на тысячу верстъ, руками, которыя ловятъ то, что неуловимо: Никита видитъ, какъ звукъ преображается въ свѣтъ, но грубый глазъ, очевидно, все переноситъ. Никита видитъ, какъ трава растетъ, какъ небеса кричатъ. Все это видитъ Никита.

— Никита геній!

Я что такое? Что я сдѣлалъ?

Пустое, Фалькъ. Ты въ самомъ дѣлѣ пьянъ?

Но нѣтъ: я психологъ и теперь я прилежно занимаюсь препарированіемъ души Никиты на-чистоту.

Никита дѣлаетъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, онъ позволяетъ яду въѣсться въ его глубочайшіе тайники, пока все не будетъ у него вытравлено и разложено, пока онъ совершенно не погибнетъ.

Ну и что-же изъ этого? Лишній балластъ выбросятъ въ море.

Корабль свободно пойдетъ дальше. Никита не первый и не послѣдній!

Шумъ и смѣхъ вокругъ Фалька усиливались.

Онъ поднялся взбѣшенный и зарычалъ: Тише!

Потомъ сѣлъ. Эти проклятыя мухи остановили его мысли.

Онъ разволновался.

Онъ долженъ увидѣть Никиту, онъ долженъ непремѣнно видѣть, что теперь Никита дѣлаетъ. Да, онъ пойдетъ къ нему.

— Кто тамъ? Я работаю.—Это я, Эрикъ Фалькъ.— Открываетъ. Онъ смотритъ на меня искоса, а у него, конечно, страшные дикіе глаза.

— Что тебѣ нужно?

— Чего мнѣ нужно? Вотъ я хочу тебѣ объяснить, что не я ее люблю, но мое другое „я", котораго я не знаю и которое мною исподтишка завладѣло. Я хочу тебѣ объяснить, какъ все это произошло. Я сидѣлъ съ ней у стола—равнодушный, холодный, но въ то время, когда я говорилъ о глупыхъ неинтересныхъ вещахъ, вотъ именно это другое „я" работало на свой страхъ и рискъ. манило и увлекало, пока она не поддалась. Нѣтъ, не она, она издѣвается и смѣется надо мной, потому что мое глупое сознательное „я" требовало сердечности при разставаньѣ. Видишь, она мнѣ чужда, она мнѣ совершенно чужда. Но эти другія „я" въ обоихъ насъ—они знаютъ другъ друга хорошо, они страшно любятъ другъ друга, сильно, вѣчно.

Я благодарю тебя, всемогущій Создатель, что ты создалъ меня двуногимъ существомъ, которое надѣлилъ разумомъ и душой, чтобы оно различало добро и зло, чтобы оно не желало Изы, коль скоро Никита имѣлъ счастье первый ее узнать.

А тамъ—тамъ сидитъ это молодое животное рядомъ съ двумя стами фунтами живого мяса, хе, хе, глупый купчикъ—у него нѣтъ разума, онъ не отличаетъ зла отъ добра.

Видишь, глупый молокососъ, что ты передо мною? Нѣчто безъ разума и воли.

Фалькъ разсмѣялся во все горло.

Но онъ долженъ былъ вслѣдствіе неприличнаго поведенія—это выраженіе ему очень понравилось—оставить этотъ вертепъ.

Совсѣмъ кстати.

Въ этой ядовитой, насыщенной потомъ и мясомъ трущобѣ не можетъ дольше оставаться человѣкъ изъ породы homo sapiens.

На дворѣ свѣтало.

Надъ черными крышами онъ видѣлъ глубокую синеву неба въ неописуемомъ тихомъ святомъ величіи.

Величіе неба надъ Берлиномъ — онъ ехидно улыбнулся — но такова эта глупая природа, она расточаетъ свое могущество надъ океаномъ и надъ кучей грязи.

X.

— Почему ты не былъ вчера у Илтиса? — спросила Иза нетвердымъ голосомъ.

— Къ чему мнѣ было идти? Я былъ увѣренъ, что и безъ меня тебѣ будетъ хорошо.

— Это очень некрасиво; ты вѣдь знаешь, что я чувствую себя счастливой, когда бываю вмѣстѣ съ тобой.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Никита посмотрѣлъ на нее съ недовѣріемъ.

— Какъ ты это понимаешь?

Она была возмущена. Но вдругъ она увидѣла дрожаніе на его блѣдномъ, утомленномъ лицѣ. Она знала это.

— Стыдись! Какой ты недобрый. Она взяла его руку и стала гладить ее. Никита медленно отстранилъ руку. Онъ сталъ ходить по мастерской.

— Что съ тобой?

— Со мной? Ничего, ничего, ничего...

Она взглянула на него. Нервное безпокойство все сильнѣе проявлялось на его лицѣ. Что-то бушевало въ немъ и каждую минуту могло вырваться наружу.

— Подойди-же ко мнѣ...

Онъ остановился передъ нею.

— Чего ты хочешь?

— Сядь здѣсь, возлѣ меня, здѣсь рядомъ...

Онъ сѣлъ. Она взяла его руку.

— Что съ тобой, Никита, что?

— Ничего!

— Развѣ я виновата въ чемъ-нибудь передъ тобой?

— Нѣтъ.

— Знаешь, Никита, ты неискренній. Ты не хочешь мнѣ сказать, но я знаю тебя прекрасно:—ты ревнуешь меня къ Фальку...

Никита хотѣлъ остановить ее.

— Нѣтъ, нѣтъ; я знаю тебя очень хорошо: ты ревнуешь, а это очень глупо. Фалькъ очень интересный человѣкъ; быть можетъ, послѣ тебя онъ самый интересный человѣкъ, какого я только знаю, но я не могла бы полюбить его—никогда. Ты вчера нѐ былъ—и я знала хорошо, что ты сидишь дома и бѣсишься отъ ревности. Втеченіе всего вечера я постоянно спрашивала, что за причина? Развѣ я дала тебѣ поводъ ревновать меня?

Никита чувствовалъ себя неловко.

— Ты не долженъ быть ревнивымъ. Это меня мучаетъ. Это меня такъ утомляетъ. Въ концѣ концовъ мнѣ нельзя будетъ слова сказать съ посторонними изъ опасенія разсердить тебя. Я не могу просто перенести этого. У тебя нѣтъ никакого основанія. Ты губишь всю нашу любовь.

Никита былъ подавленъ и цѣловалъ ея руку.

— Ты унижаешь меня этимъ вѣчнымъ недовѣріемъ. Ты долженъ понять, что и я человѣкъ. Нельзя меня терзать постоянно. Ты гордился моей самостоятельностью, а теперь ты хочешь ее уничтожить, сдѣлать изъ меня рабыню. Въ концѣ концовъ, ты захочешь меня совсѣмъ отрѣзать отъ міра.

Никита былъ въ отчаяніи.

— Иза, нѣтъ, нѣтъ! Я не ревнивъ. Но ты не знаешь, какое значеніе имѣетъ для меня твоя любовь. Я не могу жить безъ тебя. Корни моего существованія въ тебѣ... Ты...

Онъ сдѣлалъ широкое комичное движеніе рукой.

— Ты не понимаешь этого, у тебя нѣтъ этого бѣшенаго темперамента, этого...: ну, ты не можешь чувствовать, какъ это жжетъ и мучитъ, точно молнія засверкаетъ въ глазахъ и ослѣпитъ...

Она все время гладила его руки.

— Нѣтъ, ты не знаешь, что такое ты для меня. Я не ревнивъ. Я чувствую только страшную тревогу, что я могу тебя потерять. Я не умѣю объяснить себѣ, почему ты меня любишь—я...

— Послушай—онъ выпрямился.—Присмотрись только къ этому маленькому смѣшному Никитѣ, ты вѣдь выше меня...

— Оставь; я люблю тебя; ты великій художникъ, самый великій изъ всѣхъ...

— Вотъ видишь, ты любишь меня только, только какъ художника, а какъ человѣка совершенно не знаешь. Какъ человѣкъ, я для тебя ничто...

— Но человѣкъ и художникъ въ тебѣ одно! Чѣмъ ты былъ бы безъ твоего искусства?

— Да, да, ты права. Нѣтъ, Иза, я безумецъ. Ты не сердись на меня за это, ради всего святого. Я теперь буду разсудителенъ. Но чѣмъ-же я виноватъ. Ты должна это понять.—Я живу въ тебѣ.. Если я потеряю тебя, тогда... тогда—ничего у меня не останется—ничего...

Слезы катились горохомъ по его щекамъ.

Она прижала его къ себѣ.

— Дорогой мой, глупый Никита... Вѣдь я люблю тебя.

— Не правда ли? Ты меня любишь? Не правда ли? ты... ты...

Дрожащими руками гладилъ онъ ее по лицу, ласкалъ, страстно прижималъ къ своей груди.

— Ты меня никогда не бросишь?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Ты любишь меня?

— Да.

— Повтори, повтори еще разъ, тысячу разъ. Ты моя единственная... Ты—ты не понимаешь, какъ я страдалъ вчера; я думалъ, что схожу съ ума. Я хотѣлъ бѣжать къ тебѣ и не могъ... Я не могъ ни сидѣть, ни стоять. Ты, Иза, никогда не бросишь меня? Нѣтъ, нѣтъ! Иначе я погибну... Тогда—тогда...

Слабое, изнуренное тѣло художника дрожало все сильнѣе и сильнѣе.

— Знаешь, я буду работать.—Ты не знаешь, что я могу... Ты увидишь, что я могу. Я буду тебя рисовать, только тебя одну, всегда тебя... Я заставлю весь міръ преклониться предъ тобой... Я все, все сумѣю изобразить—мысли, аккорды, слова... и тебя, да тебя. Ты будешь гордиться мною, гордиться...

Онъ сталъ на колѣни предъ нею, слова его неслись въ безпорядкѣ, языкъ заплетался, онъ обнималъ ея колѣни.

— Ты моя—ты...

Она стала безпокоиться. Она испытывала непріятное чувство. Если-бъ только она могла его успокоить.

— Да, да.. ты мой, великій Никита. И я твоя... Но ты не долженъ быть такимъ недобрымъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, что ты меня любишь. Я знаю, что ты моя. Прости меня... это уже никогда болѣе не повторится... Ты прощаешь меня?

— Да, да.

Онъ сильно прижалъ ее къ себѣ, такъ что она едва могла дышать.

Неясная тревога росла въ ней Она чувствовала, что надвигается. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Она охотно сбѣжала бы теперь...

Она вырвалась...

Онъ, казалось, не обращалъ на нее вниманіе. Дикая, долго сдерживаемая страсть рвалась и бушевала въ немъ.

— Я такъ счастливъ, такъ безумно счастливъ. Ты дала мнѣ все, все... онъ лепеталъ. Животная, слѣпая, бѣшеная похоть охватила его.

— Безъ тебя я ничто, ничто. Вчера это я чувствовалъ; я гибну безъ тебя...

Онъ все сильнѣе и сильнѣе сжималъ ее.

— Ты... ты... онъ дышалъ жаромъ.

Она чувствовала его горячее дыханіе, которое жгло ея шею. Вся ея душа сжималась, какъ сухая губка. Тревога въ ней росла, обезсиливала ее, мутила мозгъ... О, Боже, что ей дѣлать? Она видѣла Фалька предъ собою. Что-то протестовало въ ней, боролось дикимъ, отчаяннымъ возмущеніемъ.

— Будь моей! клянчилъ онъ... Докажи, что ты меня любишь... Она видѣла глаза Никиты, глаза безумца, которые ничего не видятъ.

О Боже, Боже... Еще разъ она рванулась. Она хотѣла его оттолкнуть и убѣжать, не видѣть его никогда... не поддаваться уже никогда этой грязи, но въ ту-же самую минуту она потеряла силы. Ее охватила болѣзненная тоска. Она не могла бороться... Она должна была...

— Я люблю тебя... умираю отъ тоски по тебѣ... лепеталъ онъ, какъ ребенокъ.

Чувство омерзенія усиливалось въ ней, стояло въ горлѣ, душило ее, обезсиливало. Холодная дрожь отвращенія пробѣгала по ея тѣлу—но она не могла защищаться, у нея уже не было силъ. Она слышала голосъ Фалька, она видѣла его глаза... нѣтъ, у нея не было уже больше силъ... Она закрыла глаза . . . . .

. . . .

. . . .

Счастье искривило нервное, худое лицо Никиты въ смѣшную гримасу.

Но она чувствовала отвращеніе, бѣшеное омерзеніе, которое проникало въ каждый ея нервъ съ возрастающимъ возмущеніемъ, съ ненавистью, какой до сихъ поръ она не знала. На ея устахъ помимо ея воли играла довольная улыбка—сознаніе добра и зла. И снова она стала гладить его руку.

Она боролась съ собой. Въ глазахъ у нея темнѣло отъ стыда и возмущенія. Съ трудомъ сдерживала она слово, которое хотѣлось бы ей кинуть въ лицо ему за то, что онъ ее такъ грубо изнасиловалъ. А мысль о Фалькѣ въѣдалась все глубже въ ея душу. Безумная боль сжимала ея голову...

— О, Иза, я счастливъ, безмѣрно счастливъ сегодня...

Она овладѣла собой и улыбнулась. Но все время чувствовала она отвращеніе и омерзеніе... Все было ей противно: его слова, его руки, его горячее дыханіе...

Но Никита думалъ только о своемъ счастьи. Эта женщина принадлежала ему. Голова его горѣла отъ радости и сознанія силы.

Она не хотѣла ни о чемъ думать, но мысль о Фалькѣ не давала ей покоя. Мысль эта причиняла ей боль, щемила ее, оскверняла ея сердце стыдомъ и ненавистью. Она тяжело вздохнула. Только бы онъ не пришелъ. О, Боже, только бы онъ не пришелъ...

— Фалькъ не придетъ къ тебѣ сегодня?

Никита посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Кто? Фалькъ?

Она опомнилась.

— Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы онъ посмотрѣлъ твои картины. Онъ не видалъ ихъ, а на самомъ дѣлѣ онъ одинъ можетъ ихъ понять.

Никита облегченно вздохнулъ.

— Послушай, Иза, я напишу, чтобы онъ сейчасъ пришелъ.

Она вскочила.

— Нѣтъ, нѣтъ, не сегодня.

— Почему-же нѣтъ?

— Я хочу быть сегодня только съ тобой однимъ.

Онъ сердечно поцѣловалъ ея руку и съ благодарностью взглянулъ на нее.

Какая-то собачья покорность сквозила во всемъ этомъ. Ей вспомнился большой песъ въ домѣ ея отца, который именно такъ ее любилъ и отъ котораго она нигдѣ не могла найти покоя.

Между тѣмъ, наступили уже сумерки.

Какое онъ имѣлъ право насиловать ее такъ грубо... такъ... нѣтъ... не думать, не думать!.. Тѣмъ не менѣе она чувствовала себя оскверненной, онъ ее осквернилъ.

Она почувствовала вдругъ на своемъ плечѣ его руку.

Она испугалась. Его прикосновеніе было ей противно.

— Зажги лампу!

Никита всталъ и зажегъ лампу.

Потомъ онъ уставился на нее тревожнымъ взглядомъ.

Она уже не могла владѣть собой. Все опрокинулось: Фалькъ, Никита, омерзеніе... это страшное омерзеніе... отвращеніе...

Вдругъ проснулся въ немъ сильный страхъ, испугъ, который на минуту помутилъ его мозгъ.

Она видѣла, какъ лицо его подергивалось, какъ широко раскрывались его глаза.

— Что съ тобой? спросилъ онъ хриплымъ голосомъ,

— Ничего, ничего! попробовала она улыбнуться, но не смогла.

— Что... что... съ тобой?—Онъ начиналъ понимать.

Въ это время кто-то громко позвонилъ.

Онъ вздрогнулъ, но не могъ понять, гдѣ раздался звонокъ.

— Слышишь, кто-то звонитъ. Не открывай, не открывай, умоляла она испуганно.

Но онъ уже выбѣжалъ. Она лишилась силъ. Это онъ, это онъ, Фалькъ,—она вѣдь знала объ этомъ. Онъ! Боже...

— Ну вотъ, это просто великолѣпно, это чудесно, а мы только что хотѣли писать тебѣ...—Никита едва могъ владѣть собой.—Ну, Иза, Фалькъ пришелъ, наконецъ. Онъ старался всѣми силами скрыть свое волненіе.

— Я очень радъ, повѣрь мнѣ. Знаешь, Эрикъ... съ твоей стороны это очень хорошо... Мы отлично проведемъ вечеръ... Чего ты хочешь? Вина, водки, пива... Э? Все будетъ для тебя.

Хочешь посмотрѣть мои картины? Боже—глупыя картины. — Что въ нихъ интереснаго? Наблюдай жизнь—да—ступай на улицу, тамъ вотъ картины! Къ чему это глупое мараніе, эта жалкая пачкотня... О, Боже, къ чему это все!.. Не говорилъ ли ты мнѣ вчера, что этимъ не приманишь даже глупой самки?.. Да, да, иди на улицу, нѣтъ! иди ночью въ кондитерскую, тамъ картины! великолѣпно! знаешь... такой картины, которую я вчера видѣлъ, не нарисовать ни одному человѣку...

Знаешь, что я видѣлъ?.. Я былъ въ ресторанѣ, да, въ ресторанѣ, не въ кондитерской... и сидѣлъ тамъ очень долго. Напротивъ меня сидѣлъ какой-то господинъ съ двумя дамами. Одна была его любовницей, а съ другой онъ переговаривался, какъ по телеграфу, ногами подъ столомъ. Онъ ѣлъ сосиски, понимаешь... Вдругъ: это былъ моментъ! Ха, ха! Минута, чудесная минута! Никита смѣялся хрипло, такъ что едва можно было понять, что онъ говоритъ.

Минута единственная въ своемъ родѣ.

Такъ вотъ, послушай: эта законная любовница...—Никита прерывалъ свой разсказъ нервнымъ непріятнымъ смѣхомъ...—хватаетъ тарелку съ сосисками и бросаетъ ловеласу въ лицо... Вотъ было зрѣлище, достойное сотни моихъ картинъ... Соусъ стекалъ съ него... знаешь, такая темная шоколадная масса, какой обыкновенно обливаютъ всѣ блюда въ Берлинѣ... Сосиски разлетѣлись во всѣ стороны..,—Этотъ оселъ выглядѣлъ... Никита трясся отъ смѣха...—Это была картина! Ахъ, какъ онъ выглядѣлъ!

Фалькъ не могъ понять, что сдѣлалось съ Никитой. Онъ взглянулъ на Изу, но она лежала на софѣ, неподвижно уставившись въ потолокъ.

По всей вѣроятности, здѣсь произошла ужасная сцена ревности.

— И знаешь, что этотъ оселъ сдѣлалъ?— Никита нервно теребилъ пуговицы на костюмѣ Фалька.—Ничего! Ничего! Преспокойно вытеръ соусъ съ лица... Вотъ, что онъ сдѣлалъ... А дама, съ которой онъ только что переговаривался посредствомъ телеграфныхъ знаковъ, надрывалась отъ смѣха... Ея эротическое настроеніе пропало, какъ вѣтромъ сдунуло... И знаешь почему?—Знаешь? кричалъ Никита.

— Потому что онъ сталъ смѣшнымъ, смѣшнымъ! А когда мужчина становится смѣшнымъ въ глазахъ женщины, тогда все пропало.....

Фальку все это не нравилось. Онъ думалъо вчерашнемъ разставаніи.

— Понимаешь ли ты, что значитъ быть смѣшнымъ въ глазахъ женщины?.... Но... но.... Никита запнулся.... не всегда... не всегда.... Есть еще женщины, въ глазахъ которыхъ мужчина не можетъ быть смѣшнымъ, женщины, которыя любятъ! любятъ!..... Онъ успокоился... Видишь, эти женщины забываютъ о себѣ и обо всемъ; не видятъ, что человѣкъ смѣшонъ—не думаютъ, не обращаютъ вниманія.... Онъ снова увлекся.....

— Иза? Развѣ я не правъ? Ты вѣдь женщина!

Иза старалась перемѣнить разговоръ; ей было тяжело. Какой онъ надоѣдливый и противный... Она разсмѣялась.

— Да ты, по всей вѣроятности, правъ.. эта исторія съ сосисками очень забавная. Но что-же было дальше?

Никита смѣрилъ ее пытливымъ взглядомъ.

— Да, дальше,—правда. Такъ этотъ осмѣянный господинъ былъ совершенно спокоенъ, несмотря на то, что вся публика надрывалась отъ смѣха.... Его красивый, высокій воротничокъ превратился въ тряпку, а твердую манишку можно было бы въ комокъ свернуть.....

— Преступница, та—женщина, въ глазахъ которой нельзя быть смѣшнымъ, поблѣднѣла и я видѣлъ, какъ она дрожала. Она была похожа на собаку. Да, Гойя понималъ людей — великолѣпный Гойя, единственный психологъ на свѣтѣ. Онъ видѣлъ только звѣря въ человѣкѣ, а всѣхъ животныхъ дѣлилъ на собакъ и ословъ.

— Но у дѣвицы былъ темпераментъ, была любовь, безграничная любовь въ сердцѣ, она любила его, да, любила его....

— Какъ? Это тебѣ не интересно? Нѣтъ? Тебя не интересуетъ чувство ревности, которое доводитъ до преступленія? Одна бросаетъ въ лицо сосиски, другая обливаетъ сѣрной кислотой. А въ сущности это одно и то-же чувство! Сильное, могучее—въ этомъ жизнь и любовь! У одной это проявляется такъ, у другой нѣсколько иначе. У моей матери была служанка, которая и днемъ и ночью читала романы... Не кажется ли тебѣ, что въ этой женщинѣ человѣчество потеряло новую талантливую Родзевичъ? Правда? Правда?

Фалькъ волновался. Что такое съ Никитой?

— Видишь, голубчикъ, не нужно смотрѣть на картины.

— Да, вотъ и окончаніе... Франтъ вышелъ съ дамами спокойно и торжественно изъ ресторана. Но вдругъ на улицѣ... это надо было видѣть... въ этомъ вся соль... вдругъ дѣвица падаетъ въ водосточную канаву, получивъ здоровенную пощечину... Но она сейчасъ-же поднялась, подползла къ нему на колѣняхъ и стала молить о прощеніи. Онъ ее оттолкнулъ, но она не переставала бѣжать за нимъ съ мольбой и стонами.

Никита все больше и больше раздражался.

— И знаешь, что я тогда сдѣлалъ?

— Я подошелъ къ нему, поклонился ему до земли и сказалъ: позвольте мнѣ выразить вамъ свое восхищеніе.

— Да, видишь — Возбужденіе, овладѣтее Никитой принимало тревожный характеръ...

— Бога ради, что съ тобой, ты боленъ... что съ тобой?

Никита грубо прервалъ его.

— Я? боленъ?.. ты съ ума сошелъ? Но видишь, этотъ человѣкъ хорошо поступилъ. Не правда ли? женщину надо порабощать, кулакомъ, хлыстомъ... любовь необходимо брать съ бою.

Онъ запнулся и вдругъ замолчалъ.

Наступила неловкая пауза.

Фалькъ насторожился. Глаза его безпокойно бѣгали отъ Никиты къ Изѣ. Но въ сущности онъ былъ доволенъ этой сценой.

Иза привстала и медленно произнесла:

— Ты могъ бы очень кстати процитировать Ницше: „не забудь взять съ собой хлыстъ, когда идешь къ женщинѣ". Иначе твои слова не что иное, какъ плагіатъ.

Что-то необыкновенно безсердечное звучало въ ея голосѣ.

Фалькъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ. Неужели это разрывъ?—съ Никитой?... Эта ненависть.... Никита быстро вскочилъ со стула и расхохотался.

— Чортъ возьми, Ницше великолѣпно выразился, превосходно... Но что съ вами? Вы такъ торжественно выглядите... Я положительно оглупѣлъ.

Онъ вдругъ сталъ извинятся.

— Не сердитесь на меня, я раздраженъ, въ самомъ дѣлѣ я начинаю предполагать, что у меня горячка—всю ночь я пилъ съ тѣмъ болваномъ... Это мнѣ не въ пользу... Мой дядя умеръ отъ делиріума, самаго красиваго состоянія, какое вообще можетъ расцвѣсть въ человѣческомъ мозгѣ. У него была бѣлая горячка, буйная, какъ пальма, какъ большая пальма, подъ которой нельзя ходить безнаказанно, по выраженію нашихъ богатырей духа.

Онъ ходилъ по комнатѣ и поправлялъ картины.

— Боже, что это за картины? Человѣкъ, который черпаетъ все изъ самого себя, долженъ бы этимъ удовольствоваться и не мазать, не пачкать полотна.

— Такъ ты хочешь посмотрѣть картины?... ну, такъ приходи утромъ, когда будетъ свѣтло... Да, для нихъ нуженъ свѣтъ, въ каждомъ глазѣ по милліону квадратныхъ миль свѣта, чтобы увидѣть то, чего еще ни одинъ человѣкъ не видѣлъ. Да, ни одинъ человѣкъ... чего я не видѣлъ... но долженъ еще увидѣть, долженъ!

Фалькъ никогда не видѣлъ Никиту въ такомъ состояніи. Это уже ненормально....

— Но что съ тобой? Зачѣмъ ты играешь со мной эту комедію?

— Что со мной? Что со мной? Я счастливъ. Счастливъ, какъ никогда еще.

— Но зачѣмъ-же объ этомъ кричать на всѣхъ перекресткахъ.

— Надо кричать, потому что у тебя иногда такія подергиванія около губъ, такой ироническій тонъ, какъ будто ты не вѣришь въ мое счастье. Что-же, Иза? Развѣ мы съ тобой не счастливы?!

Но Иза уже не могла больше сдержать себя. Теперь онъ станетъ копаться въ грязи, разоблачать ихъ связь... Нѣтъ, это ужъ слишкомъ...

Она поднялась, одѣлась и, не говоря ни слова, вышла изъ мастерской.

Никита смотрѣлъ на нее безсмысленно.

Онъ былъ раздавленъ. Потомъ онъ обратился къ Фальку.

— Иди и ты! Иди, иди! Я такъ взволнованъ, что долженъ остаться одинъ... Иди, иди! кричалъ онъ на Фалька.

Фалькъ презрительно пожалъ плечами и вышелъ. На дворѣ онъ встрѣтилъ Изу. Она ждала его.

Когда Никита остался одинъ, онъ заперъ дверь, сталъ посреди мастерской и вдругъ со всей силой ударился головой объ стѣну.

Боль его отрезвила.

Онъ положительно обезумѣлъ.

Онъ добрался до софы. У него страшно болѣла голова.

Вдругъ у него потемнѣло въ глазахъ, онъ почувствовалъ головокруженіе.

Это было мерзко. Онъ изнасиловалъ беззащитную женщину, овладѣлъ ею противъ ея воли. Она отдалась ему, потому что должна была отдаться, по обязанности, потому что... потому что...

Онъ крикнулъ, что было мочи:

Гадость!

Онъ чувствовалъ біеніе каждой жилки; возрастающее бѣшенство клокотало въ его душѣ; ему казалось, что онъ распадается на части, что всѣ его суставы ломаются; его охватилъ ужасъ.

Онъ схватился за грудь обѣими руками.

Онъ изнасиловалъ беззащитную женщину, женщину, которая брезгала имъ! Зачѣмъ она отдалась? Потому что я ее объ этомъ просилъ?... отдалась ему, Богъ знаетъ почему...

Вдругъ молніей блеснула въ его головѣ дикая мысль. Теперь она отдастся Фальку, потому что онъ захочетъ этого, отдастся....

Онъ разразился бѣшеннымъ смѣхомъ, бросился на диванъ и судорожно заплакалъ.

Онъ слышалъ свой плачъ.

И снова пробудился въ его мозгу безумный страхъ; онъ вскочилъ; онъ долженъ ее отыскать, чтобы Фалькъ не успѣлъ отнять ее у него.

Машинально надѣлъ онъ шапку, открылъ дверь, выскочилъ на лѣстницу, добѣжалъ до ея дома, а потомъ по лѣстницѣ наверхъ: дрожащій, блѣдный, съ пѣной на губахъ.

— Иза дома?

— Нѣтъ.

Онъ остановился передъ домомъ. Все въ немъ рвалось.

Онъ хотѣлъ идти, а ноги его не слушались.

Навѣрное, онъ не сможетъ сдѣлать ни одного шагу.

Онъ остановился, но не могъ собраться съ мыслями. Вдругъ онъ прочиталъ на другой сторонѣ улицы: „Restaurant-Café".

Ага! Кафэ.... Да, онъ пойдетъ въ кафэ — усядется тамъ, тамъ — тихо, спокойно. Онъ усядется на диванѣ, выпьетъ кофе.... прочитаетъ газеты....

XI.

Иза и Фалькъ сидѣли въ томъ-же ресторанѣ, гдѣ и вчера вечеромъ, но теперь они были одни, въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Никогда еще Иза не чувствовала такого наслажденія быть съ глазу на глазъ съ мужчиною.

Она вытянулась на софѣ, курила папиросы, лѣниво безъ всякой мысли пускала дымъ.

Она совершенно забыла о Никитѣ. Если-же онъ и стоялъ передъ ея глазами, то лишь, какъ злобный мечущійся карликъ, вродѣ чудовища-пигмея.

Какъ онъ умѣлъ быть злобнымъ. Эти скрытые намеки въ этомъ глупомъ анекдотѣ о сосискахъ.

Фалькъ внимательно наблюдалъ за ней.

Минутами онъ удивлялся, что лицо ея горѣло пурпуровымъ румянцемъ и нервно вздрагивало.

И онъ видѣлъ, какъ она вдругъ подносила и опоражнивала бокалъ.

Какъ онъ ее любилъ! Какъ жаждалъ онъ прижать къ себѣ это стройное тѣло, гладить ея мягкіе свѣтлые волосы и спрятать, приголубить ея головку на своей груди. Почему у него не было смѣлости сдѣлать это?

Почему?

Онъ чувствовалъ, онъ зналъ, что она его любитъ; такъ почему-же нѣтъ?

Жалость къ Никитѣ? Развѣ онъ не страдалъ такъ-же, а быть можетъ и больше....

Онъ вспомнилъ непріятную сцену у Никиты, которой былъ свидѣтелемъ. Удивительно, что ему доставляло все это почти удовольствіе. Какой чортъ сидитъ въ немъ и радуется этому? Онъ вспомнилъ, какъ однажды онъ напоилъ жениха одной дѣвушки, и ему доставляло удовольствіе, когда дѣвушка была въ отчаяніи, что ея возлюбленный такъ неприлично напился. Онъ былъ увѣренъ, что съ этого времени она стала своего жениха ненавидѣть. Что за чортъ сидѣлъ въ немъ?

На губахъ его блуждала нервная страдальческая улыбка.

Она взглянула на него. Какой онъ красивый. Цѣлыми часами она могла смотрѣть на него, на его большіе блестящіе глаза, устремленные на нее съ необыкновеннымъ жаромъ.... А когда онъ нервно прохаживался по комнатѣ: эти гибкія опасныя движенія пантеры.

И снова она почувствовала, что румянецъ стыда покрылъ ея лицо, что глухая ненависть пробуждается въ ней...

Никита—простъ, грубъ!

Она жадно пила.

Они ничего не говорили.

Онъ уже такъ много говорилъ, онъ хотѣлъ теперь углубиться въ свою душу и наслаждаться тѣмъ, что окружало его, вдыхать, всасывать все это всѣми порами своего тѣла.

Она слушала, упиваясь тихимъ монотоннымъ звукомъ его голоса.—Въ его голосѣ было что-то разслабляющее ея волю, какой-то гипнозъ.

Она вспомнила, какъ однажды слышала оперу „Тристанъ и Изольда“. Она испытывала подобное-же чувство. Сидя въ ложѣ, она забыла, гдѣ она находится.... О, это божественное состояніе усыпленнаго слуха, какъ будто сонной и сладострастной музыки... Она слышала, какъ эта музыка насыщаетъ ее звуками небесной тоски.... о....

Она упала на софу и закрыла глаза.

Ей было такъ безумно хорошо... съ нимъ—съ нимъ вмѣстѣ.... Фалькъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ рядомъ съ ней.

Онъ взялъ ея руку, смотрѣлъ ей въ глаза. Казалось, какъ будто кругомъ разлился фантастическій блескъ фосфора. Онъ видѣлъ уже этотъ блескъ, мерцающій, сверкающій, манящій къ себѣ, зовущій... Онъ видѣлъ его еще тогда, въ первый вечеръ.

Тихая улыбка осѣнила ихъ опечаленныя души.

— Теперь я буду продолжать.

— Но не забудьте....

— Что?

— Объ условіи....

— Я забылъ о немъ.

— Вы не должны забывать.

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ цѣловалъ ея руку.

Какъ она его влекла къ себѣ этими глазами, манила. Сознательно ли она это дѣлала?

— Откуда вы сюда явились?

— Развѣ не важнѣе, куда я пойду?

Она улыбнулась.

— Да, да.... вы меня устыдили, вы совершенно правы.... ваша рука такъ красива; я никогда не видѣлъ такой красивой руки.

Она взглянула на него.

Онъ вдругъ пересталъ владѣть собой. Онъ сталъ передъ нею на колѣни и страстно цѣловалъ ея руку. Онъ впился губами въ ея руку.

Она осторожно отстранила свою мягкую, узкую, продолговатую руку.

— Не надо! больно....

Она говорила тихимъ, прерывистымъ, затуманеннымъ голосомъ.

Фалькъ сѣлъ снова. Онъ теръ себѣ лобъ, пилъ, дрожалъ отъ волненія и молчалъ.

Большая пауза.

Потомъ онъ сталъ говорить; спокойно, тихо, съ печальной улыбкой.

— Два-три дня прошло, какъ я васъ узналъ.... Да, я не понимаю этого, впрочемъ, здѣсь нечего понимать; это желѣзный законъ — свершившійся фактъ... Будьте любезны, разрѣшите мнѣ все вамъ высказать, это меня успокоитъ.... Я долженъ объ этомъ говорить.... Быть можетъ, вы не повѣрите, но я люблю первый разъ въ моей жизни.

Онъ жадно пилъ.

— Да, вы этому не повѣрите, вы этого не поймете, но въ мои годы влюбиться — это ужасно. Это всколыхнуло всю душу, вывело изъ равновѣсія мой мозгъ.... вы стали моимъ предопредѣленіемъ, вы стали моей погибелью....

Онъ забылся.

— Я знаю, да, я знаю, что я вамъ не долженъ этого говорить.... — Онъ подавилъ въ себѣ мысль о Никитѣ. — Я не знаю точно также, почему я объ этомъ вамъ говорю.... Сегодня я совершенно другой человѣкъ, чѣмъ три дня тому назадъ — я не понимаю, что со мной сдѣлалось.... но.... я могу объ этомъ говорить: вѣдь я не требую ничего отъ васъ, я васъ ношу въ себѣ.... вы всю жизнь мою во мнѣ, вы — моя громадная невыразимая тоска и.... Да, я вамъ говорилъ это сотни разъ, но — вдругъ вырвалось у него — я мучаюсь такъ ужасно, гублю себя, охватываетъ меня безумная тревога.... Нѣтъ, нѣтъ — я не безумецъ, я знаю, я знаю хорошо, что дѣлаю и говорю, я знаю также, что у меня хватитъ силъ устоять.... Да я пойду, имѣя васъ въ себѣ, я буду истекать кровью отъ этой вѣчной тоски — пусть моя душа разломится, искрошится....

Онъ снова всталъ на колѣни передъ ней. У него потемнѣло въ глазахъ. Онъ чувствовалъ два сердца, пульсирующихъ однимъ біеніемъ.

— Люби меня, скажи, скажи, что ты меня любишь...

Онъ обнялъ ее и чувствовалъ, какъ ея тѣло льнетъ, прижимается, онъ схватилъ ее въ свои руки и сжималъ съ разнузданной страстностью.

— Моя, моя....

Она силою освободилась изъ его объятій.

Она не знала, почему защищается; она вдругъ почувствовала страшную ненависть къ Никитѣ, который ее осквернилъ, запятналъ....

Фалькъ взглянулъ на нее.

Глаза ея ширились и наполнялись слезами. Она отвернулась, отчаяннымъ нервнымъ движеніемъ сжимала подушку дивана.

Онъ пришелъ въ себя.

— Да, вы правы. Онъ говорилъ усталымъ голосомъ... Да, это было нехорошо съ моей стороны. Простите меня. Вы слишкомъ утомлены...

Она взглянула на него съ печальнымъ упрекомъ.

— Но, безъ того... Онъ говорилъ быстро — какое необъяснимое наслажденіе сидѣть такъ возлѣ васъ, безъ желаній, безъ страстей... Да, будемте друзьями... хотите?

Фалькъ старался быть веселымъ. Онъ чувствовалъ себя усталымъ и больнымъ, онъ не могъ скрыть своего страданія. Да зачѣмъ ему и скрывать? зачѣмъ? Его охватило какое-то рѣшительное, неумолимое упрямство. У него появилось желаніе треснуть кулакомъ объ столъ. А вѣдь никогда съ нимъ этого не было.

Онъ снова всталъ, обошелъ столъ кругомъ и сѣлъ съ другой стороны, возлѣ Изы.

— Нѣтъ, это было бы смѣшно, если бы я вздумалъ съ вами разыгрывать комедію. Я не хочу этого дѣлать. Но я долженъ вамъ сказать. Я долженъ... Вы можете... нѣтъ, ты! позволь мнѣ такъ называть тебя. Вѣдь у меня нѣтъ никого на свѣтѣ. Одно это для меня невыразимое счастье — то, что я чувствую тебя моей, благодаря этому маленькому слову „ты", для меня большое счастье кричать это „ты" во весь голосъ... „ты"... „ты"...

Его внезапно опять охватилъ порывъ страсти. Онъ не видѣлъ уже ничего. Онъ положилъ свою голову на ея колѣни. Она обняла руками его голову и цѣловала... Робко, потомъ порывисто, съ небольшими перерывами, все сильнѣе, все страстнѣе. Онъ дрожалъ, спазмы наслажденія огненнымъ пламенемъ проходили по всему его тѣлу.

И слышалъ онъ слова, сильныя, кроткія, произносимыя сдавленнымъ голосомъ, проникающія въ его душу, откуда-то издали, изъ-за морей и горъ...

— Я пошла за нимъ, я полагала, что сумѣю его полюбить, потому что онъ меня такъ любилъ...

Если бы ты зналъ, какъ меня это мучитъ... Тебя, тебя я любила уже давно... Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ говорить о тебѣ... Я уговорила его сюда вернутся... Когда я тебя увидѣла въ первый разъ—я дрожала, я лишилась чувствъ... Но я не могу, не могу... Не желаю ходить по рукамъ отъ одного къ другому... Пусти меня, пусти.

Но онъ уже ничего не слышалъ, онъ ее прижималъ къ себѣ, впивался въ ея губы, обнялъ ея голову съ безумной страстью. Наконецъ, она вырвалась изъ его рукъ и стала громко всхлипывать.

— Пусти меня Не мучь меня. Я—я не могу!

Онъ всталъ, невыразимая печаль наполнила его душу.

Потомъ онъ схватилъ ее за руки, они смотрѣли молча другъ на друга и держали такъ руки долго, долго.

— Такъ мы должны разстаться?

— Да.
— Навсегда?
Она молчала. Слезы стекали по ея лицу.
— Навсегда? Теперь онъ долженъ былъ услышать свой смертный приговоръ.
— Навсегда...

XII.

励Фалькъ остановился на улицѣ въ глубокомъ раздумьѣ. Стоялъ онъ долго, и только что замѣтилъ это.
Да, первый разъ въ жизни онъ чувствовалъ эту страшную тягостную печаль.
Онъ совершенно обезсилѣлъ.
Навсегда! всплывало въ его сознаніи.
Онъ повторялъ: навсегда. Но онъ не могъ этого понять—что это значитъ. Это непонятное: навсегда!!
На углу онъ остановился.
Такъ идти домой?
Что ему дѣлать дома?
На другой сторонѣ улицы онъ замѣтилъ электрическій свѣтъ въ окнѣ кафэ.
Машинально онъ вошелъ.
Пробираясь къ свободному столику, онъ вдругъ попятился назадъ.
Онъ замѣтилъ Никиту, сидящаго въ углу. Онъ выглядѣлъ страшнымъ.
Неужели это кровь на немъ?—Да, кровь... Фалькъ подошелъ къ нему.
— Что съ тобой?
На вискахъ была засохшая кровь и волосы слиплись отъ крови.
Никита взглянулъ на него стеклянным взоромъ. Передъ нимъ стояла большая бутылка абсента.
— А это ты? Здравствуй, здравствуй, очень радъ.
— Что ты сдѣлалъ?
Это было гадко.
— Ну, милѣйшій Фалькъ, какъ любовныя дѣлишки?... И въ особенности, какъ обстоитъ самый важный вопросъ въ любви?... Ты выглядишь такъ, какъ будто только что вышелъ изъ алькова.... успѣхъ, не правда ли? Иза артистка безбожная артистка... ха, ха...
Никита смѣялся цинично.
Фалькъ чувствовалъ отвращеніе, но овладѣлъ собой.

— Но что ты сдѣлалъ? повторилъ онъ слова Никиты, всматриваясь въ него.

— Что я сдѣлалъ? хе, хе... я разбилъ себѣ голову объ стѣну. Немножко крови... Я очень радъ, что всѣ смотрять на меня и я могу очень удобно дѣлать наброски.

Онъ указалъ на мраморную плиту стола, покрытую рисунками.

— Нѣтъ, нѣтъ, это пустяки... Ну, скажи-же, Фалькъ, какъ далеко ты зашелъ въ любви?

Фалькъ взглянулъ на него съ презрѣніемъ. Но вдругъ онъ замѣтилъ эти стеклянные блуждающіе глаза, какихъ онъ прежде у него никогда не видѣлъ, и его охватила злоба.

— Ты идіотъ! крикнулъ онъ.

У Никиты исчезло искусственное возбужденіе, онъ задумался, лицо у него стало тупымъ, глаза стали неподвижными, онъ машинально кивнулъ головой.

— Я знаю... знаю...

Фалькъ изумился. Онъ сѣлъ возлѣ Никиты.

— Послушай, Никита, ты идіотъ—чего ты хочешь отъ Изы и отъ меня? Скажи, наконецъ, откровенно.

Никита взглянулъ на него съ бѣшенствомъ.

— Ты желаешь меня обморочить? Развѣ ты не былъ съ нею вмѣстѣ цѣлый вечеръ?

Фалькъ возмутился.

— По твоей винѣ я былъ ея спутникомъ... Ты сначала выгоняешь людей за дверь, а потомъ требуешь, чтобы они спокойно шли домой. Ты ее мучилъ весь вечеръ, ты кололъ ее глупыми недостойными замѣчаніями, а послѣ требуешь, чтобы она спокойно вернулась домой и легла спать!

Нравственное возмущеніе было недурно разыграно. Фальку стало стыдно. Это позорная трусость и обманъ!

— Такъ гдѣ-же ты былъ съ нею, гдѣ?

— Гдѣ я былъ?... Я долженъ былъ ее успокоить, потому что ея милый женихъ страдаетъ вспышками помѣшательства и, чтобы объяснить это обиженной женщинѣ, надо было пойдти куда-нибудь... Не собирать-же вокругъ себя толпу на улицѣ.

Никита взглянулъ на него съ недовѣріемъ.

— Ну, сходи, дуракъ, туда, рядомъ, и допроси хозяина, тогда и узнаешь, гдѣ мы были... Впрочемъ, большое тебѣ спасибо, я не хочу больше играть роль посредника въ вашихъ предбрачныхъ недоразумѣніяхъ. Я не стану болѣе расхваливать твоей невѣстѣ прекрасныхъ достоинствъ души и ума ея будущаго жениха и оправдывать его.

— Такъ ты это сдѣлалъ?

— Я не имѣю ни малѣйшаго повода скрывать что-нибудь отъ тебя.

— Это гадко! это гадко!—повторялъ себѣ Фалькъ въ душѣ... Но почему? Потому только, что я его этимъ успокаиваю?... Это можетъ быть гадкимъ?... Хе, хе... Пусть будутъ счастливы, я ее ужъ никогда болѣе не увижу.

У Никиты почернѣло въ глазахъ. Онъ схватилъ за руку Фалька и такъ сильно, что Фалькъ едва нэ крикнулъ отъ боли.

— Ты... Фалькъ... лепеталъ Никита — я... благодарю—голосъ его осѣкся.

Фалькъ еще никогда не испытывалъ такого непріятнаго чувства. Ему хотѣлось самому себѣ дать пощечину, но... вѣдь онъ осчастливилъ его. Одновременно съ этимъ онъ чувствовалъ глухую злобу. Никита казался ему чѣмъ-то второстепеннымъ. Къ чорту! Какъ можно выходить съ такой окровавленной физіономіей! Это безобразіе!

— Сотри-же кровь!

Никита смутился. Ему стало стыдно и онъ безпомощно смотрѣлъ на Фалька. Потомъ онъ пошелъ въ уборную и обмылъ лицо и голову.

Фалька мучила совѣсть. Гадко. Теперь онъ испытывалъ отвратительное чувство; онъ—благодѣтель бѣднаго обманутаго Никиты... Да, вродѣ мецената, который обманутому карлику возвращаетъ счастье — о, какъ это подло!

Но! что за глупости! зачѣмъ ему жертвовать своимъ счастьемъ для Никиты? Потому только, что въ немъ обломокъ похороненнаго прошлаго, обломокъ глупой совѣсти, наслѣдіе атавистическихъ представленій о собственности, о владѣніи, о времени болѣе раннемъ и болѣе позднемъ... Совершенно также онъ могъ бы быть до Никиты, а Никита могъ бы сдѣлать то-же, что онъ хотѣлъ сдѣлать... чего уже не хотѣлъ сдѣлать... ну, да, теперь все это прошло, пропало... теперь—теперь...

Никита вернулся.

— Ну, теперь ты снова похожъ на человѣка. Фалькъ чувствовалъ потребность быть безконечно добрымъ для Никиты—и какъ прежде, какъ братъ...

Онъ испытывалъ.

Но Никитѣ было стыдно, стыдъ заливалъ его мозгъ, онъ едва могъ смотрѣть на Фалька—ему было жарко и холодно попеременно. Онъ казался самому себѣ отвратительнымъ.

— Слушай,励къ, пойдемъ.

Они шли молча, рядомъ другъ съ другомъ.

Никита кипѣлъ, затѣмъ онъ нѣсколько успокоился.

— Ты не понимаешь этого, Эрикъ; ты не можешь этого понять... Что ты знаешь о ней? Говори, говори—что знаешь? Ничего, ничего... три, четыре мѣсяца я жилъ съ нею вмѣстѣ и ничего не знаю. Я бросаюсь въ пропасть—нѣтъ, не я; лавина уноситъ меня, непреодолимо влечетъ меня съ собой, поглощаетъ меня и теперь я падаю, я лечу, я гибну.

— Слушай—слушай, Эрикъ—онъ судорожно схватилъ его за плечо...—Ты не знаешь, какъ это терзаетъ... какъ это болитъ. Эта неизвѣстность, это... Понимаешь... иногда нападетъ на меня на улицѣ, когда я иду и пронзаетъ—судорога... Я лишаюсь чувствъ; я—я...

О, если бы онъ зналъ, какъ я мучаюсь, думалъ Фалькъ... Мнѣ это говорить!... ха, ха, ха...

Вдругъ показалось ему положеніе его слишкомъ уже глупымъ. Какъ это было на самомъ дѣлѣ забавно, что оба они, какъ овцы, кружились вокругъ одной и той же женщины... Онъ подавилъ въ себѣ ненависть, которая все сильнѣе разливалась въ немъ—къ этому человѣку, который раздѣлялъ съ нимъ одну и ту-же страсть, одно и то-же страданіе...

— Ты не знаешь своей невѣсты...

Его невѣста. Какъ это было невыразимо тяжело. Но вѣдь онъ не долженъ былъ уже болѣе никогда ее видѣть. Наконецъ, онъ понялъ. Въ одну тысячную часть секунды онъ понялъ все. Уже никогда... Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу.

— Да, да... я ея не знаю, ничего я о ней не знаю...—Голосъ Никиты дрожалъ... но вотъ именно, вотъ именно...

Фалькъ слышалъ сдавленное рыданіе. Но не чувствовалъ жалости.

Онъ сталъ безучастнымъ.

— Слушай, Никита, я чувствую, что ты ревнуешь ко мнѣ хотя не имѣешь ни малѣйшаго повода. Да, да—я знаю, ты борешься съ разсудкомъ противъ того, но того—того, что исходитъ изъ нѣдръ души, не побороть разсужденіями... Итакъ ты понимаешь, твоя невѣста больше меня не увидитъ... Нѣтъ, нѣтъ, позволь тебѣ сказать, здѣсь нѣтъ никакой жертвы. Я очень люблю твою невѣсту, но ты ошибаешься, предполагая, что это чувство глубокое—то-же самое и она...

Фалькъ истекалъ кровью..

— Нѣтъ, нѣтъ, я тебя не знаю; я знаю твою дружбу,

но будетъ лучше, если мы временно не будемъ видѣться... Будь здоровъ...

Никита не могъ сказать ни одного слова.

— Да, да, будь здоровъ. Никита хотѣлъ что-то сказать, но Фалькъ вскочилъ на извозчика.

— Куда прикажете?

Фалькъ машинально и безсознательно произнесъ названіе улицы, на которой жила Янина.

Вдругъ онъ пришелъ въ себя. Что? Гдѣ? Куда онъ велѣлъ ѣхать? Какъ это вдругъ появилось въ его мысляхъ?

Онъ вѣдь сознательно не думалъ о Янинѣ — нѣтъ, втеченіе всего дня. Нѣтъ, ни разу не подумалъ о ней.

Чего онъ хотѣлъ отъ нея?

Но онъ не останавливался дольше на этомъ. Вѣдь ему все равно куда ѣхать. И равнодушенъ онъ былъ точно также къ тому, отдаетъ ли отчетъ себѣ въ томъ, что онъ дѣлаетъ, или нѣтъ...

То, что наиболѣе сильно задѣвало его, было ему также непонятно и таинственно. Почему онъ влюбился въ эту женщину? Почему? Почему онъ такъ страдалъ? Изъ-за этой женщины?

Ха, ха, ха... По всему лицу земли блуждаютъ гордые, сильные и закаленные мужчины и презираютъ женщину.

Фалькъ задрожалъ отъ смѣха.

Презираютъ женщину, эти мудрые, сильные мужчины! —Они точно также не страдаютъ изъ-за женщины. Есть такіе гордые, такіе непреклонные! Да, даже старый смѣшной Илтисъ презираетъ женщину.

Фалькъ нервно смѣялся, не зная почему...

Я никогда не страдалъ изъ-за женщины!

Фалькъ увидѣлъ предъ собою Илтиса.

Потому что у тебя организмъ слишкомъ грубый—организмъ мужика, любезный Илтисъ; твоя похоть вѣдь совершенно не зависитъ отъ мозга, ты, какъ гидромедуза, которая по временамъ отдѣляютъ отъ себя части организма, снабженныя половыми органами, и онѣ ищутъ самки, и, конечно, гидромедуза болѣе не заботится о нихъ. Боже! ты счастливъ, милый Илтисъ, но я не завидую твоему счастью, я никогда не завидовалъ быку, который жуетъ траву, я не завидую ему даже тогда, когда я страдаю отъ голода.

Я страдаю по своей собственной винѣ, милый Илтисъ, я страдаю, потому что я не могу стать природой, такъ какъ не могу слиться, сплавить въ себѣ то, что состав-

ляетъ мою половину, женщины, потому что... потому что... въ концѣ концовъ—безразлично, что я могу и чего не могу, вѣдь все это одинъ обманъ моего слишкомъ мудраго мозга—одинъ только фактъ, фактъ... страданіе, я никогда еще не страдалъ.

Онъ потянулся въ экипажѣ.

Теперь онъ не долженъ уже никогда ее видѣть... Почему?

Потому что Никита былъ первымъ, а быть можетъ и старшимъ, а старшинству принадлежитъ первенство—потому, что Никита можетъ страдать...

Фалькъ презрительно усмѣхнулся.

Да, онъ долженъ принести жертву, чтобы не страдалъ кто-нибудь другой. И чтобы кто-нибудь другой не страдалъ, онъ долженъ страдать. Развѣ Христосъ не далъ себя распять, чтобы другимъ открылось небо? А онъ, да онъ, Эрикъ Фалькъ, беретъ на свои плечи страданія другого, онъ благодѣтель, великій искупитель.

Теперь Никита сгибается подъ тяжестью моихъ благодѣяній, онъ едва держится на ногахъ, такъ гнететъ его эта тяжесть.

— Гадко. Фалькъ сплюнулъ, чего прежде никогда не дѣлалъ.

Да, онъ уѣдетъ, чтобы не причинять несчастья Никитѣ. Только потому.

Очевидно, я уѣду потому, что она объ этомъ меня проситъ, но почему мнѣ не согласиться, чтобы кто-нибудь другой считалъ меня благодѣтелемъ? Почему нѣтъ.

Я могъ бы сказать Никитѣ, что уѣзжаю, потому что мнѣ грозитъ опасность, но это было бы не такъ красиво—а вѣдь? ну да, это безразлично...

А то я могъ бы сказать: Никита, ты оселъ, а временами ты ничего общаго съ эстетикой не имѣешь. Конечно, эстетика, это нѣчто неимовѣрно глупое, но надо имѣть въ своемъ организмѣ столько культуры, чтобы не разбивать себѣ лба изъ-за страданій...

О, всемогущій, какъ я тебѣ благодаренъ, что ты не создалъ меня, какъ этого нелюдима...

Да, временами человѣкъ думаетъ чрезвычайно грубо.

Но что я хотѣлъ сказать?.. Видишь, Никита, необходимо немного скрывать... Боже, я не имѣю ничего противъ того, что ты страдаешь; почему же нѣтъ? я тоже страдаю, но ты долженъ былъ занять другое положеніе... Итакъ, видишь: ты замѣтилъ, что твоя невѣста измѣняетъ тебѣ съ твоимъ другомъ. Ты сію

минуту становишься необычайно вѣжливымъ, съ нѣкоторой отталкивающей небрежной холодностью. Ты притворяешься совершенно равнодушнымъ. Только на твоемъ лицѣ иногда замѣтна тѣнь страданія. Впрочемъ, это очень рѣдко, только тогда, когда на самомъ дѣлѣ это умѣстно и своевременно, это дѣло инстинкта, чувства такта.

Я формулирую: нужно быть равнодушнымъ, холоднымъ, отталкивающимъ. Ты знаешь, что я тогда бы чувствовалъ? Мнѣ въ глубинѣ моего сердца стало бы стыдно, я считалъ бы себя бѣднымъ грѣшникомъ, я бы казался себѣ самому смѣшнымъ. Вполнѣ вѣроятно, что потомъ всѣ эти отрицательнаго характера чувства охлаждили бы меня, отрезвили.

Ну да?—я твой благодѣтель, передъ которымъ ты стыдишься, стыдишься, что ты такъ смѣшно выставилъ на показъ свою ревность, что лицо твое измазано кровью...

Да, я твой благодѣтель, которому ты лепечешь благодарность.

Да, я твой благодѣтель.

Почему?

Потому что ты стоишь ниже меня, потому что у тебя мозгъ раба, потому что я, я обыкновенный утонченный негодяй.

Она меня любитъ.

Потому что я негодяй!

Хе, хе, Никита, твоя логика вѣдь изумительно глупа, неимовѣрно глупа.

Развѣ онъ не видитъ, что Иза его уже не любитъ? Какого чорта? Развѣ онъ слѣпъ?

Чего онъ требуетъ отъ женщины, которая всей своей душой принадлежитъ другому?

Извозчикъ повернулъ съ улицы, покрытой асфальтомъ, на булыжникъ.

Это было чрезвычайно непріятно.

Но это не могло продолжаться долго.

Но почему, почему она хочетъ выйти замужъ за Никиту? почему?

И тогда скользнула въ головѣ у него мысль, которая его подбросила, какъ резиновый мячъ.

Неужели она—его любовница!!

Что-то въѣдалось въ его грудь, онъ качался отъ боли.

— Скорѣе, извозчикъ, скорѣе, чортъ возьми!

— А какое мнѣ дѣло!?—кричалъ онъ.—А мнѣ что за дѣло, мнѣ—мнѣ!?

Я не увижу ее больше. Это даже лучше, гораздо

лучше. Эти временныя страданія пройдутъ, потомъ забудутся...

Куда эта скотина везетъ?

Ага!

Folkъ вылѣзъ изъ экипажа. Теперь онъ долженъ ждать сторожа.

Зачѣмъ, собственно говоря, онъ шелъ къ Янинѣ?

Онъ понималъ, что его ожидаетъ, когда онъ поднимется наверхъ... Конечно, она будетъ плакать, потому что онъ такой печальный и утомленный... А потомъ— нѣтъ! Не хочу, не хочу...

Онъ увидѣлъ Изу, ея гибкую, стройную фигуру и чувствовалъ ея поцѣлуи и ея узкую руку.

Нѣтъ, онъ не пойдетъ...

Ну, такъ домой! домой...

Онъ зажжетъ онъ лампу...

Онъ нервно ощупывалъ карманы.

Слава Богу, спички въ карманѣ... Потомъ ляжетъ въ кровать... Нѣтъ! нѣтъ, быть можетъ, онъ уснетъ на диванѣ—да, немного морфія — завтра головная боль... не увидитъ ее никогда больше...

Когда онъ пришелъ домой, онъ нашелъ письмо отъ своей матери.

Это было очень длинное письмо. Она подробно излагала ему, что она продала имѣніе, потому что послѣ смерти отца хозяйство шло неважно, что управляющій постоянно обкрадывалъ ее и что она переселилась въ городъ.

Кромѣ того, въ письмѣ былъ длинный разсказъ о нѣкоемъ господинѣ Кауэрѣ, который оказалъ ей большую услугу и къ которому она питаетъ благодарность, потомъ многословныя восхваленія молодой дочери г-на Кауэра, воплощенной доброты и граціи.

Имя Маритъ странно звучало въ ушахъ Фалька, онъ слышалъ это имя только въ Норвегіи...

Наконецъ, самое важное — Фалькъ свободно вздохнулъ. Мать широко и пространно разсказывала, почему это самое важное: онъ долженъ къ ней непремѣнно пріѣхать, чтобы упорядочить денежныя дѣла. Онъ долженъ присутствовать приэтомъ, такъ какъ это было желаніе опеки...

Ну, это весьма кстати. Итакъ ѣду. Онъ отвѣтилъ матери, что намѣренъ сію минуту ѣхать, и самъ отнесъ письмо въ ящикъ.

XIII.

填

Фалькъ долженъ былъ еще ждать полчаса.

Глупые часы всегда спѣшили.

Голова его отяжелѣла, морфій обезсилилъ его члены.

Кромѣ того, у него было лихорадка, сердце сильно билось, минутами онъ долженъ былъ наклоняться, такъ какъ въ груди онъ чувствовалъ сильныя колотья. Онъ оглянулся.

У буфета сидѣли два желѣзнодорожныхъ чина и играли въ карты съ оффиціантомъ.

Онъ хотѣлъ спросить пива, но боялся помѣшать оффиціанту.

Потомъ онъ взглянулъ на большія стеклянныя двери и нѣсколько разъ прочелъ: буфетъ.

Онъ снова посмотрѣлъ на буфетъ.

Удивительно, что онъ прежде не замѣтилъ четвертаго человѣка.

У этого субъекта были черные усы и налитое лицо. Онъ минуту смотрѣлъ на игру, потомъ всталъ передъ зеркаломъ и посмотрѣлъ на себя съ удовольствіемъ.

Да, безъ сомнѣнія; ты очень красивъ — очень красивъ... —

Нѣтъ ли и у тебя возлюбленной? По всей вѣроятности... Вѣдь онъ долженъ нравиться женщинамъ. Если ужъ Никита... ну, да...

Жаль, жаль, что въ концѣ концовъ ему пришлось всетаки побезпокоить оффиціанта... Онъ позвонилъ.

— Простите, но мнѣ пить хочется!

Оффиціантъ счелъ это за выговоръ и много разъ оправдывался.

Ну, да что тамъ, ему очень непріятно, что онъ помѣшалъ, — Фалькъ обращался съ оффиціантомъ изысканно вѣжливо.

Теперь ему надо идти. А ему было такъ хорошо въ буфетѣ.

Когда онъ вошелъ въ купэ, онъ испыталъ необыкновенную радость.

Купэ было пустое...

Какое счастье. Теперь онъ не могъ бы ни съ кѣмъ сидѣть. Всякое сосѣдство могло бы привести его въ отчаяніе, онъ не могъ бы ни одной мысли додумать до конца.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Еще пять минутъ.

Онъ прижалъ голову къ окну.

На вокзалѣ обратилъ его вниманіе свѣтъ фонаря.

Свѣтъ мигалъ отъ весенняго вѣтра, какъ острый треугольникъ съ основаніемъ кверху; фигура была сильно вогнута, такъ что углы вспыхивали кверху, словно, острые язычки. Такъ должны были выглядѣть огненные языки, которые появились на головахъ апостоловъ...

Онъ очнулся отъ раздумья.

Какъ все это онъ видѣлъ.

Жаль, что у него не было съ собой записной книжки!

Жаль, жаль! Онъ долженъ былъ бы дѣлать замѣтки, чтобы открыть душу.

Поѣздъ тронулся.

Что? Какъ?

Ему уѣхать отъ нея? отъ нея?

Нѣтъ, это невозможно.

Холодный потъ выступилъ у него на лбу, ужасное чувство страха подымалось въ немъ и горѣло...

Отъ нея?!

Что-то толкало его выскочить изъ вагона и побѣжать къ ней—пасть предъ нею, обнять ея колѣни и сказать ей, что безъ нея жить онъ не можетъ, что она должна ему принадлежать—что... что... Онъ задыхался. Онъ схватился за голову и громко заплакалъ.

Онъ слышалъ, какъ поѣздъ неудержимо летитъ, безостановочно, ничего, ничего не могло его удержать.

Охъ, навстрѣчу ему долженъ идти поѣздъ, оба они должны столкнуться, паровозами должны разсѣчь другъ друга, а вагоны взлетѣть кверху.

Какой тяжелый воздухъ въ этой скверной клѣткѣ, совершенно такой-же, какъ въ кафэ.

Онъ сильнымъ движеніемъ открылъ окно.

Моментально купэ наполнилось непріятнымъ сырымъ воздухомъ.

Онъ снова успокоился и заперъ окно.

Одно ему теперь казалось яснымъ: онъ не могъ уѣхать, онъ не долженъ былъ, голова у него должна была развалиться — правда, какъ это онъ сказалъ Изѣ? Его душа должна раскрошиться... раскрошиться въ мелкіе куски, совершенно, какъ Богъ, о которомъ пишетъ Граббе:—Я разбитъ на части, а каждая часть моя является Богомъ, искупителемъ, новымъ равви, который жертвуетъ собой для другихъ.

Я не хочу жертвовать собой, я хочу быть счастливымъ! кричалъ онъ.

Онъ пришелъ въ себя.

Что съ нимъ, собственно говоря, происходитъ?

Къ чему все это безсознательное безуміе? Правъ былъ Кантъ? Развѣ любовь только болѣзнь, лихорадка, съ помощью которой выдѣляются микробы болѣзни — процессъ выздоровленія — глупость — и — Боже! этотъ поѣздъ просто шальной.

Онъ вытянулся. Поѣздъ сталъ несносно встряхивать.

Да, что-то подъ нимъ проваливалось, онъ шелъ какъ по ковру. Онъ шелъ отважно. Онъ хотѣлъ показать крестьянамъ своего села, что у него, сына помѣщика, больше храбрости, чѣмъ у нихъ, у всѣхъ вмѣстѣ. Они струсили. Теперь онъ имъ покажетъ. И шелъ онъ по озеру, которое только что ночью замерзло; ледъ трещалъ подъ нимъ, гнулся, онъ шелъ какъ по торфяному болоту, и вдругъ...

Фалькъ вскочилъ и снова легъ.

И снова онъ чувствовалъ паденіе и паденіе, безсознательно протягивалъ руки, чтобы за что-нибудь уцѣпиться.

Нѣтъ! Онъ не могъ уѣхать отъ нея, она должна принадлежать ему. Онъ заставитъ ее... заставитъ... она его любитъ, но, какъ всѣ женщины, боится... Она его желаетъ, онъ зналъ это хорошо, но боится.

О, Боже, Боже, хотя бы этотъ поѣздъ остановился.

И онъ ходилъ по этой отвратительной клѣткѣ, пульсъ у него бился часто, все возрастающее безпокойство волновало его сознаніе. Онъ постоянно замѣчалъ мысли и чувства, которыя Богъ вѣсть откуда выползали и мучили его.

Чего Никита хочетъ отъ нея? Она вѣдь принадлежитъ мнѣ, принадлежитъ... Почему Никита хочетъ насиловать ея душу.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что поѣздъ замедляетъ ходъ; радостное чувство охватило его: наконецъ, наконецъ! Но они пролетѣли мимо станціи, не останавливаясь, а поѣздъ снова начинаетъ летѣть, какъ раньше.

Теперь ему хотѣлось громко зарыдать! Но развѣ это поможетъ? Онъ долженъ ожидать терпѣливо...

Его охватило глухое чувство неизбѣжнаго.

Вѣдь онъ не ребенокъ, онъ долженъ ждать, онъ долженъ научиться владѣть собой.

Онъ сѣлъ у окна и старался что-нибудь разглядѣть. Но ночь была такъ темна — ночь была такъ глубока, о, какъ глубока, глубже, чѣмъ день можетъ представить это.

И бездна его души была такъ глубока... Онъ закрылъ глаза.

Онъ вдругъ увидѣлъ полянку въ лѣсу своего отца.

Онъ видѣлъ двухъ оленей, которые боролись другъ съ другомъ. Онъ видѣлъ, какъ эти животныя налетали другъ на друга огромными вилами своихъ роговъ, какъ они пятились назадъ съ тѣмъ, чтобы броситься другъ на друга съ разбѣга.

Потомъ онъ видѣлъ, какъ они спутались своими рогами, какъ, бѣшено прыгая, хотѣли разорвать ихъ и кружились... Вдругъ показалось ему, что онъ слышитъ трескъ роговъ: одинъ олень высвободился и ударилъ другого рогами въ грудь. Онъ его пронзилъ. Онъ все глубже вонзалъ свои рога, такъ что кровь полилась ручьемъ, раздиралъ мясо и внутренности съ дикой свирѣпостью.

Страшно, страшно! кричалъ Фалькъ.

Рядомъ съ дерущимися паслась самка. Ее не безпокоила дикая расправа охваченныхъ похотью самцовъ.

Фалькъ старался разсѣять свои мысли, но онъ видѣлъ огненныя кольца, которыя вытягивались въ огромные раскаленные круги — все болѣе и болѣе — едва лишь онъ могъ обнять ихъ размѣры, а въ срединѣ стоялъ побѣдитель, трепещущій, окровавленный, но гордый и величественный. На его рогахъ висѣли внутренности соперника. Потомъ, однако, онъ видѣлъ, какъ побѣдитель-олень сталъ кружиться вокругъ себя все быстрѣе... Огненный вихрь подхватилъ его и унесъ. —Фалькъ видѣлъ, какъ онъ упалъ, точно оторванная планета, куда? куда?

Вихрь, вихрь... Боже, гдѣ слышалъ онъ этотъ разсказъ о вихрѣ, который втягиваетъ, который уноситъ съ собой... И снова потемнѣло у него въ глазахъ.

Онъ увидѣлъ предъ собой Никиту. Онъ бросился на него. Онъ схватилъ его и потащилъ по корридору, потомъ они оба съ шумомъ упали внизъ. Перила сломились. А они, сцѣпившись, дыша ненавистью другъ къ другу, упали на камни мрачной пропасти...

Фалькъ безсмысленно оглядывался кругомъ. Онъ слышалъ, что кто-то вошелъ въ купэ.

То былъ кондукторъ. Онъ очень обрадовался.

— Гдѣ мы?

— Далеко ли до станціи?

— Черезъ двѣ минуты.

Онъ совершенно пришелъ въ себя.

Его охватило волненіе. Онъ посмотрѣлъ на часы.

Онъ ѣхалъ всего только три часа, слѣдовательно, че-

резъ три часа онъ можетъ быть обратно, дома—а потомъ къ Изѣ,—къ Изѣ!..

Поѣздъ остановился. Фалькъ вышелъ.

— Когда поѣздъ идетъ обратно?

— Завтра въ десять часовъ.

Колѣни у него подкосились. Онъ потерялъ сознаніе.

Отель Штерна, Hôtel de l'Europe, Hotel du Nord! раздавалось около него.

Кому-то онъ передалъ свой сакъ и позволилъ себя везти.

Когда на другой день онъ поздно въ полдень проснулся, онъ съ удивленіемъ разсматривалъ номеръ.

Гм... какъ номеръ въ отелѣ великолѣпенъ. Всѣ члены его болѣли, но онъ испытывалъ такое чувство, точно перенесъ болѣзнь.

Да, потому что онъ былъ слишкомъ нервенъ, а эта нервность была его здоровьемъ. Почтенные господа врачи когда-нибудь поймутъ это...

Потомъ онъ всталъ съ кровати и позвонилъ.

Когда слуга вошелъ, онъ спросилъ, гдѣ онъ, собственно говоря, находится, и потребовалъ кофе...

Удивительно: такъ онъ дѣйствительно еще не сошелъ съ ума...

Онъ чувствовалъ въ себѣ великій, торжественный покой.

Итакъ, я останусь здѣсь. Мнѣ здѣсь очень хорошо.

Онъ велѣлъ принести себѣ почтовой бумаги и написалъ письмо матери, въ которомъ объяснилъ ей, почему онъ не можетъ пріѣхать, какъ ей управиться съ опекой, и прибавилъ, что, по всей вѣроятности, все лѣто проведетъ за границей...

Онъ еще разъ прочиталъ письмо матери, нѣтъ ли тамъ случайно еще какого-нибудь вопроса. Взглядъ его машинально остановился на имени Маритъ.

Да, такъ онъ еще просилъ передать сердечный привѣтъ ангелу доброты и граціи—Маритъ. Когда онъ окончилъ письмо, онъ выпилъ кофе и снова легъ спать.

Онъ сейчасъ-же заснулъ.

Ему снился ангелъ доброты и граціи—ему снилась—Маритъ.

XIV.

Въ ресторанѣ подъ „Зеленымъ соловьемъ" было весело.

Илтисъ сидѣлъ съ серіознымъ видомъ, какъ это

приличествовало великому человѣку, и поучалъ Никиту, почему женщина стоитъ ниже мужчины. Онъ умышленно повертывался спиной къ молодому литератору, который сидѣлъ около него. Наканунѣ между ними разыгралась некрасивая сцена: молодой человѣкъ осмѣлился замѣтить, что ненависть Илтиса къ женщинамъ, по всей вѣроятности, объясняется какой-нибудь особой причиной, а вовсе не теоретическими разсужденіями. Вѣдь каждый разъ, какъ только въ ихъ обществѣ появлялась дама, Илтисъ сочинялъ про женщинъ Богъ знаетъ что.

— Видишь, сказалъ Илтисъ—ты молодъ и Фалькъ тоже. Вы этого не понимаете; но подождите, когда истреплетесь лѣтъ десять съ женщиной въ бракѣ—послѣднюю фразу онъ произнесъ шопотомъ, чтобы не слышала Иза—тогда увидите. Нашъ милый Фалькъ ссылается на женщинъ съ Юма, на индіанокъ Чикесава и на тому подобныя научныя бредни, но фактъ, что женщина есть низшее существо.

Сакъ хотѣлъ что-то возразить, но Илтисъ остановилъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ... фактъ останется фактомъ. Онъ сталъ напыщеннымъ... Впрочемъ, нельзя придавать большого значенія этимъ доводамъ.

Никита не слушалъ. Боль его терзала, стыдъ, который бѣшенно гналъ кровь въ его мозгъ.

Къ чему еще дальше продолжать?.. Все уже прошло... Онъ думалъ о ея презрительномъ обращеніи—о ея—о ея... Развѣ это не была просто ненависть?

Какъ молилъ онъ ее, какъ онъ унижался предъ ней и просилъ прощенія. А она, гм... гм, эта ледяная, холодная улыбка... Развѣ глаза ея не говорили: зачѣмъ ты унижаешься, зачѣмъ ты ставишь меня въ такое неловкое положеніе? у меня уже нѣтъ ничего общаго съ тобой...

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Мнѣ кажется, что у тебя какая-то тяжесть на сердцѣ... Илтисъ моргнулъ глазами.

— Но позвольте, я безусловно съ вами не согласенъ... Сакъ подбиралъ возраженія.

Илтисъ разсердился.

— Только не будьте мелочнымъ. Только не будьте мелочнымъ, иначе мы дойдемъ до глупѣйшей такъ называемой науки. Не разсказать ли вамъ о моемъ столкновеніи съ учеными?

Почему Фалькъ не приходитъ, размышлялъ Никита,

вѣдь это не измѣнило бы дѣла... Ха, ха, ха, чтобы дать мнѣ возможность снова пріобрѣсти ее? Слава тебѣ, дорогой Эрикъ; ужъ поздно, ужъ поздно.

Но зачѣмъ я ее такъ терзаю? Чего еще я отъ нея хочу?... Любви? развѣ можно любовь вымучить? Смѣшно! Смѣшно! Какъ можно вообще было любить человѣка который былъ такъ смѣшонъ?

Онъ взглянулъ на Изу, которая по обыкновенію сидѣла въ сторонѣ.

Но Иза не смотрѣла на него. Она была сильно возбуждена. На ея лицѣ горѣли красныя пятна, глаза блуждали безпокойно...

Двери открылись, вошелъ бѣлокурый богословъ.

Иза быстро взглянула на двери, она не могла, повидимому, владѣть собой въ этотъ моментъ и вздрогнула.

Она улыбнулась бѣлокурому молодому человѣку, но не могла скрыть своего разочарованія.

Да, разочарованія! Чортъ возьми, онъ вѣдь не слѣпъ... такъ выглядятъ разочарованные люди. А это первое трепетное движеніе ожиданія—ожиданія! Кого она ожидаетъ? Кого? Глупый Никита, не знаешь—кого она ждетъ? Ты не знаешь, почему она даже на полчаса не хочетъ оставаться съ тобой съ глазу на глазъ; ты не знаешь, почему вотъ уже три дня она постоянно таскаетъ тебя сюда съ собой!

Онъ горько разсмѣялся.

Фалька ждетъ, хе, хе — Фалька! Онъ повторялъ его имя, что ему доставляло большое удовольствіе; вѣдь Фалькъ былъ его другомъ, болѣе того! братомъ; навѣрное онъ принесъ ради него большую жертву, да, несомнѣнно... Женихъ, который страдаетъ припадками сумашествія, долженъ снова пріобрѣсти расположеніе своей невѣсты, воспользовавшись временемъ, чтобы помѣстить свой капиталъ въ безопасномъ мѣстѣ.

— Хи! алло! у! рычалъ онъ—твое здоровье, Илтисъ.

Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на него, вѣдь это было странно, что Никита такъ рычалъ.

Никита пришелъ въ себя

— Къ чорту вашу философію... женщина—мужчина... все это глупости; все глупости... Будемъ веселиться! будемъ веселиться!

Утомленная Иза взглянула на Никиту.

Отчего онъ такъ кричалъ? Что съ нимъ? Къ кому онъ теперь ее ревновалъ?

Какъ этотъ человѣкъ ей гадокъ. Какъ могла она когда-нибудь любить его?

Нѣтъ, она не могла дольше переносить этого; она должна теперь-же покончить. Сегодня еще! Когда онъ ее будетъ провожать домой—да, еще сегодня!

Но какъ она скажетъ ему?

Сердце ея билось.

Какъ она ему скажетъ? Спокойно и понятно. Развѣ онъ слѣпъ? Развѣ онъ не могъ облегчить это тяжелое положеніе? Онъ вѣдь теперь знаетъ, что она любитъ Фалька. Развѣ онъ этого еще не понимаетъ? Такъ ясно она дала ему понять, что она къ нему совершенно равнодушна.

Навязчивый человѣкъ. Она боялась думать о томъ, боялась; но теперь вдругъ она поняла, что онъ ей гадокъ... Ей страннымъ казалось, что она не чувствовала никакой жалости...

Навязчивый человѣкъ! Да! она чувствовала наслажденіе, что могла повторять это слово такъ легко.

Снова открылась дверь.

Теперь войдетъ Фалькъ, это внѣ всякаго сомнѣнія: она дрожала.

Но вошелъ какой-то незвѣстный.

Вѣдь это ужасно ждать здѣсь, ждать и сидѣть въ этой безобразной компаніи.

Она чувствовала на себѣ глаза Никиты, но она избѣгала его взгляда.

Боже, какъ онъ далекъ былъ для нея!

Что случилось съ Фалькомъ втеченіе этихъ пяти ужасныхъ дней?

Пойти развѣ къ нему? Но вѣдь она не знала, гдѣ онъ живетъ. Спросить Никиту? нѣтъ, нельзя.

Она задумалась.

Какъ бы ей увидѣть его? Почему она умоляла его больше не приходить къ ней?... но тогда она еще не знала, что любитъ его такъ, что къ Никитѣ она ничего не чувствуетъ, что весь, весь міръ причинялъ ей только боль.

Она была въ отчаяніи. Чего онъ опять такъ заоралъ? Она невольно взглянула на опорожненныя бутылки, стоявшія предъ Никитой.

—Ты знаешь, что такое любовь?—Никита переставъ владѣть собой.—Ты знаешь, что такое жажда обладанія? ты знаешь? Вообще-то ты любилъ когда-нибудь какую-нибудь женщину?

Илтисъ презрительно махнулъ рукой.

— Да... да... Никита запинался. Женщина родила мужчину и этого ей достаточно! Женщина рожаетъ, а

мужчина любитъ. Женщина не любитъ никогда, никогда: ей довольно родить...

— Что? Женщина точно также любитъ? Что?

— Но вѣдь женщина совершаетъ самоубійство изъза любви, вмѣшался Сакъ — почти ежедневно читаешь объ этомъ въ газетахъ

— Что? Самоубійство? спросите его, онъ знаетъ лучше это—Никита указалъ на Илтиса—женщины совершаютъ самоубійство во время беременности и разлуки съ любовникомъ!

Никита со всей силой ударилъ кулакомъ по столу.

Иза взглянула на него съ невыразимымъ презрѣніемъ.

Опять пьянъ. Какъ она могла любить этого человѣка? Нѣтъ, она его никогда не любила, это только одна иллюзія, самообманъ.

Наступила тишина. Присутствіе Изы угнетало всѣхъ. Никита велъ себя слишкомъ безцеремонно въ ея присутствіи.

Никита вдругъ умолкъ.

Онъ увидѣлъ: да: первый въ разъ онъ увидѣлъ— этотъ презрительный взглядъ! Онъ увидѣлъ его ясно.

Онъ опустилъ голову.

Ясно. Взглядъ впивался въ него все глубже и глубже. Онъ видѣлъ теперь глаза ея въ себѣ... Какъ они на него смотрѣли?

А если бы онъ захотѣлъ изобразить?... Онъ бросилъ нѣсколько пятенъ на полотно и отступилъ на три шага назадъ... Нѣтъ! Онъ плохо видѣлъ—такъ изъ угла мастерской—опять не то—изъ другого...а теперь въ зеркало... Такъ нельзя этого иначе объяснить... Это было презрѣніе. Холодное презрѣніе—и отвращеніе.

Иза не могла дольше сдерживать себя. Она чувствовала жгучее безпокойство; она чувствовала, какъ сердце ея все быстрѣе и быстрѣе билось въ груди.

Она должна увидѣть Фалька, чего бы это ни стоило, онъ долженъ, наконецъ, явиться. Вѣдь онъ сюда приходитъ каждый день; почему именно теперь его нѣтъ?

Разговоръ снова оживился.

— Охъ, оставьте меня въ покоѣ съ литературой, это вѣчная болтовня о поэтахъ, издателяхъ, гонорарахъ— это меня удручаетъ зѣвнулъ Илтисъ.—Чего вы хотите отъ Фалька? Это славный малый

Иза слушала.

Она замѣтила, какъ Никита вдругъ выпрямился.

— Что? что? Фалькъ?

— Ну, да, размазывалъ Сакъ — Фалькъ—талантъ, я

согласенъ, но талантъ этотъ только развивается, онъ долженъ созрѣть — перебѣситься; неизвѣстно еще, что дальше будетъ. Фалькъ еще только ищетъ и бродитъ...

— Что? Фалькъ бродитъ?... —Никита разсмѣялся во весь голосъ.—Вы великолѣпны... Знаете, Фалькъ единственный человѣкъ, который можетъ что-нибудь создать... Фалькъ открылъ новое. Да, Фалькъ сумѣетъ создать то, что вы всѣ вмѣстѣ хотите, но не умѣете. — Фалькъ — Фалькъ...

Въ этотъ моментъ г. Бухенцвейгъ приблизился къ Изѣ.

Онъ предполагалъ, что всѣ эти разговоры утомляютъ ее, такъ онъ хотѣлъ занять ее.

Она взглянула на его гладкое, заплывшее лицо, на лицо лакея или „прекраснаго“ парикмахера. Чего ему нужно отъ нея?

Да, г. Бухенцвейгъ имѣлъ честь видѣть ее нѣсколько дней тому назадъ на вечерѣ въ обществѣ Фалька. Фалькъ весьма интересный господинъ, одинъ изъ тѣхъ, которые на него производятъ впечатлѣніе... Онъ пришелъ сюда только потому, чтобы съ нимъ встрѣтиться...

— Слушай, Иза, заоралъ Никита черезъ столъ,—ты знаешь, что Фалькъ уѣхалъ изъ Берлина?

Онъ впился въ нее глазами.

Иза вздрогнула. Она чувствовала сильную боль въ лицѣ, тяжесть въ груди...

Она смотрѣла широко раскрытыми глазами на дикое, ехидное, красное лицо Никиты, потомъ машинально повернулась къ Бухенцвейгу.

Она схватила бокалъ, но онъ оказался пустымъ.

Бухенцвейгъ услужливо побѣжалъ за лакеемъ.

Все затуманилось въ ея глазахъ. Она ничего не видѣла. Вдругъ она услышала чей-то голосъ. А! это Бухенцвейгъ. Но она не могла понять, чего онъ хочетъ. Она смотрѣла на него, безпомощно улыбалась—принесли вино. Она выпила.

— Я очень хорошо знаю Гальбе. Необыкновенно милый человѣкъ, большая сила въ наше время, которое такъ бѣдно большими талантами.

Иза взглянула на него. Вдругъ опротивѣлъ ей этотъ человѣкъ. Она не знала почему.

— Вы извините меня, г. Бухенцвейгъ, ваше общество для меня очень пріятно, но уже пора домой.

Она подошла къ Никитѣ.

— Я пойду домой.

— Да, да?—Правда? Ты скучаешь?

Она не слушала его словъ; она одѣвалась.

Когда она сѣла на извозчика, Никита крикнулъ Илтису, который любезно помогалъ Изѣ сѣсть:

— Подожди, я сейчасъ вернусь! Мы весело проведемъ ночь.

Иза сдвинула брови.

Они не говорили ни слова.

Она была пришиблена и не могла думать, она чувствовала усталость.

Минутами она впадала въ безпросвѣтное отчаяніе, которое опять уступало мѣсто сонливой усталости.

— Слушай, Иза, завтра, въ Мюнхенѣ открывается выставка моихъ картинъ.

— Да?...

Экипажъ остановился.

— Спокойной ночи! Никита дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Спокойной ночи.

— Теперь, назадъ, скорѣе, кричалъ онъ извозчику.

Извозчикъ ударилъ лошадь кнутомъ, экипажъ мчался по асфальту.

Тѣмъ временемъ Никита извивался и корчился, охваченный сильнымъ припадкомъ судорожнаго плача.

Когда онъ вернулся въ „Зеленый соловей", онъ уже успокоился.

Его привѣтствовали громкими криками.

Да, Иза давила всѣхъ своимъ присутствіемъ, подумалъ онъ.

— Слушай—онъ сѣлъ возлѣ Илтиса—если я сегодня напьюсь, то посади меня завтра утромъ въ вагонъ. Половина восьмого. Помни...

— Хорошо, хорошо; я сотни разъ ѣздилъ уже съ этимъ поѣздомъ.

XV.

励 Панкъ

Фалькъ сидѣлъ въ гостиницѣ, погруженный въ свои думы.

Зачѣмъ онъ собственно пріѣхалъ? Съ одинаковымъ успѣхомъ онъ могъ бы мучиться въ Берлинѣ.

Теперь прошло, по всей вѣроятности, уже шесть дней?

Онъ сосчиталъ. Да, сегодня шестой день. Но больше онъ не могъ уже выдержать. Нѣтъ, безусловно нѣтъ. Онъ долженъ принять это, какъ фактъ, что не можетъ дольше переносить эти муки. Онъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ бы погибнуть. Каждый день что-то въ

немъ обрывалось, что вчера было еще здоровымъ, съ каждымъ днемъ росло въ немъ отвращеніе къ жизни—эта боль, эти муки...

Погибнуть изъ-за женщины? Онъ, художникъ, онъ... ха, ха, ха...

Но во всякомъ случаѣ лучше погибнуть изъ-за женщины, чѣмъ отъ идіотскаго апоплексическаго удара, тифа или дифтерита.

О, глупый Илтисъ! какъ ты мелокъ. Въ этомъ случаѣ я гибну по крайней мѣрѣ самъ изъ-за себя, гибну отъ того, что является именно настоящей глубиной моей души. Потому что она, она: это Я, Я, котораго ты никогда еще не видѣлъ, это Я, которое я самъ только что узналъ.

Ты можешь погибнуть отъ запоя или вслѣдствіе маніи преслѣдованія, если ты считаешь это дѣло болѣе достойнымъ—я гибну самъ изъ-за себя.

Но зачѣмъ, чортъ возьми, мнѣ погибать, я хочу быть счастливымъ—я хочу жить.

Вдругъ онъ потерялъ нить мыслей. Онъ былъ слишкомъ разсѣянъ въ послѣднее время.

Онъ сидѣлъ, сидѣлъ и теперь только обратилъ вниманіе на то, что онъ былъ словно оглушенъ.

Онъ принуждалъ себя думать.

Гм... вѣдь никогда онъ ничего не дѣлалъ, чего бы не контролировалъ своимъ мозгомъ. Да, еще первые два дня онъ владѣлъ собой. Вѣдь онъ сознательно дѣйствовалъ на нее заранѣе обдуманными средствами.

Боже! этотъ смѣшной разсказъ о лебедяхъ! Какъ глупо онъ былъ сочиненъ, какъ неинтересно... по-дѣтски...

А потомъ онъ очутился среди теченія, въ водоворотѣ. Мозгъ его сталъ кружиться вокругъ себя и кружился все сильнѣе, падалъ, исчезалъ въ бездонномъ „мальстремѣ" похоти...

Эти танцы—эти танцы...

Онъ вдругъ увидѣлъ въ углу паутину. Онъ смотрѣлъ на нее долго и внимательно, такъ что, наконецъ, глаза его сомкнулись.

Онъ усталъ, страшно усталъ, онъ чувствовалъ ломоту въ костяхъ.

Да, три — нѣтъ! четыре часа онъ бѣжалъ, чтобы усталостью побѣдить страданіе, чтобы имѣть возможность заснуть безъ этого противнаго яда—морфія...

Теперь онъ долженъ былъ еще всматриваться въ какой-нибудь блестящій предметъ.

Онъ долго всматривался въ мѣдную дверную ручку.

Онъ чувствовалъ только, что слезы стекали по лицу— тихія, печальныя слезы.

Былъ великолѣпный осенній день. Свѣтлый солнечный полдень. Онъ любовался на прекрасную башню церкви Спасителя въ Копенгагенѣ.

Никита стоялъ возлѣ и махалъ платкомъ.

Farwell! Farwell! слышалъ онъ голосъ, но не видѣлъ никого. Вдругъ онъ замѣтилъ возлѣ себя заплаканнаго юношу. Бѣдняга! Онъ долженъ былъ, по всей вѣроятности, ѣхать въ Штетинъ на заработокъ.

Сколько морскихъ миль можетъ сдѣлать этотъ пароходъ въ часъ?

— Смотри!—Никита указалъ на англійскій пароходъ.

Два матроса занимались боксомъ, какъ сумасшедшіе. Онъ видѣлъ, какъ они прыгали другъ къ другу, словно два пѣтуха. Въ одинъ мигъ они свернулись въ клубокъ, который катился по землѣ, разматывался, снова свертывался, подскакивалъ вверхъ и падалъ на землю. Потомъ онъ видѣлъ, какъ они вскочили и съ новымъ упорствомъ бросились другъ на друга. Онъ видѣлъ удары кулаковъ, потомъ они скатились по лѣстницѣ, которая вела въ каюту, потомъ снова появились, снова клубокъ подскакивалъ бѣшеными скачками по палубѣ...

Фалькъ проснулся, открылъ глаза и опять сомкнулъ ихъ.

— Слушай, Эрикъ, ты видишь эту чудную ночь въ водѣ и этотъ блескъ, это мерцаніе.—Боже, если бы это можно было изобразить!

— Ты, мой золотой!

И они сидѣли и пили. Ночь была такая черная. Они сидѣли, прижавшись другъ къ другу.

Но вдругъ охватилъ ихъ порывъ. Они схватились другъ съ другомъ. Онъ поднялъ Никиту вверхъ и собирался перебросить его за бортъ. Но Никита былъ увертливъ. Онъ выскользнулъ у него изъ рукъ и схватилъ его за ноги. Фалькъ отчаянно билъ Никиту кулаками по головѣ, но Никита не обращалъ на это вниманіе, онъ несъ его и собирался бросить въ море, вотъ они уже у борта. Теперь... теперь... вдругъ онъ почувствовалъ что-то твердое подъ ногами. Онъ навалился всѣмъ тѣломъ на Никиту и подмялъ его подъ себя, онъ упалъ на спину, однимъ движеніемъ схватилъ его за поясъ... одинъ сильный размахъ: Никита полетѣлъ въ черную пучину моря.

Фалькъ проснулся.

Онъ стоялъ посреди комнаты съ сжатыми кулаками.

Онъ опомнился.

Его охватила дикая злоба, разъяренная страсть борьбы.

За бортъ, за бортъ!

Онъ стиснулъ зубы. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ бѣгалъ быстрыми шагами по комнатѣ. Кто вздумалъ отнимать у него счастье? Изъ-за чего ему гибнуть?

Понемногу онъ успокаивался.

Ему стало ясно: одинъ изъ нихъ долженъ погибнуть, онъ или Никита. Онъ былъ на распутьи: двѣ дороги были передъ нимъ—или онъ будетъ счастливымъ и погубитъ Никиту, или наоборотъ, потому что онъ не могъ жить безъ нея. Она любила больше Никиту. Такъ чего же тотъ хотѣлъ отъ нея? Чѣмъ былъ Никита для него? Они были вмѣстѣ въ гимназіи, вмѣстѣ они голодали—ну и что-же? что-же больше?

Онъ сѣлъ и поникъ головой.

Онъ никогда еще не испытывалъ такой болѣзненной, тягостной тоски по ней...

Да! на распутьи.—Онъ или я.

Теченіе увлекло насъ обоихъ — одного уноситъ къ счастью...

Только одного къ счастью.

Этотъ одинъ я!

Онъ видѣлъ предъ собой трепещущаго оленя, запачканнаго кровью побѣдителя.

Его охватило тяжелое волненіе.

Онъ сорвалъ съ себя платье и надѣлъ опять. Онъ искалъ денегъ, перерылъ всѣ карманы, но не могъ ничего найти, онъ волновался, бѣгалъ по комнатѣ, потъ выступилъ у него на лбу.

Онъ долженъ ѣхать къ ней. Онъ долженъ. Онъ не можетъ уже больше переносить этихъ мученій. Онъ сбросилъ съ кровати одѣяло и матрацъ и нашелъ, наконецъ, портмоне подъ подушкой.

Только бы не опоздать, только бы не опоздать...

Онъ посмотрѣлъ на часы.

Онъ сильно позвонилъ.

Лакей быстро вбѣжалъ въ номеръ.

— Когда идетъ поѣздъ въ Берлинъ?

— Почти черезъ часъ.

— Скорѣе, скорѣе, счетъ! Торопитесь, ради Бога.

Когда Фалькъ вылѣзъ въ Берлинѣ, былъ уже поздній вечеръ.

Онъ понялъ вдругъ: онъ долженъ идти къ Никитѣ.

Да, онъ откровенно скажетъ ему, чтобы Никита не

обманывалъ себя, что Иза его не любитъ, и если она ему этого не сказала, такъ это лишь потому, что она хотѣла по всей вѣроятности смягчить до поры до времени ударъ, она жалѣла его.

Да, онъ долженъ ему это сказать совершенно искренно.

А какъ это непріятно.

Но? Почему? Никита вѣдь для него совершенно чужой человѣкъ.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ дому Никиты, онъ чувствовалъ все возростающую тяжесть.

Нѣтъ! онъ не могъ этого сказать Никитѣ.

Онъ долженъ постоянно думать о томъ, чѣмъ прежде Никита былъ для него, какъ онъ его любилъ...

Онъ едва дышалъ.

Передъ квартирой Никиты онъ остановился въ нерѣшительности.

Да, онъ долженъ, онъ долженъ... но... о, Боже! Да! Если онъ этого не сдѣлаетъ, онъ снова долженъ уѣхать...

И вспомнилъ онъ страшную муку втеченіе шести послѣднихъ дней.

Страшно! страшно!—шепталъ онъ.

Онъ вошелъ наверхъ.

— Никита дома?

— Нѣтъ, уѣхалъ въ Мюнхенъ.

Фалькъ остановился на лѣстницѣ, онъ не могъ понять своего счастья.

Это счастье.

Онъ повторилъ это еще разъ, но чувствовалъ себя угнетеннымъ.

А теперь къ Изѣ—къ Изѣ!

Онъ думалъ только о ней. Онъ старался представить себѣ ,какъ она его приметъ, онъ думалъ о тысячѣ мелочей, какія онъ у нея замѣтилъ, онъ думалъ съ усиліемъ, въ отчаяніи, чтобы забыться, заглушить въ себѣ что-то, что хотѣло говорить, что хотѣло защищаться и противилось этому большому счастью.

Вдругъ онъ понялъ: Онъ не долженъ идти къ Изѣ! Онъ долженъ ждать возвращенія Никиты. Онъ долженъ ему все разсказать, чтобы Никита не упрекнулъ его въ трусости, не сказалъ, что онъ обольстилъ его невѣсту за его спиной.

Да! Онъ долженъ ждать.

Но это невозможно—физически невозможно. Теперь напряженіе достигло послѣднихъ границъ; еще одна тысячная часть миллиметра больше и тетива лопнетъ. Такъ зачѣмъ же онъ вернулся?

До тѣхъ поръ, пока онъ могъ переносить страданія, онъ не возвращался, онъ мужественно боролся, но теперь...

Онъ встряхнулся.

Нѣтъ, теперь довольно борьбы! Онъ дѣлаетъ то, что долженъ дѣлать, хотя бы десятки, тысячи чувствъ противились этому... ради Бога, онъ вовсе не отрицаетъ, что всякое изъ этихъ чувствъ представляетъ извѣстную долю необходимости, но въ концѣ концовъ побѣждаетъ всегда послѣдняя, самая сильная необходимость, неотвратимая!

И онъ останавливался на мельчайшихъ подробностяхъ этой мысли, но опять охватило его страшное угнетеніе.

Въ глубинѣ онъ чувствовалъ глухую тревогу, смущенное, стыдливое мученіе, а потомъ ему казалось, что все сливается въ одно чувство, чувство невыразимо печальное, чувство гибели безъ надежды... Онъ былъ страшно угнетенъ.

Онъ шелъ мимо часовъ. Онъ испугался.

Черезъ полчаса запрутъ ворота, и тогда ему не увидѣть ее. Не увидѣть уже ее сегодня...

Теперь ты долженъ обдумать. Долженъ! Долженъ!

Онъ чувствовалъ тягостное напряженіе въ каждомъ нервѣ, въ каждомъ мускулѣ.

Онъ шелъ все быстрѣе.

Нѣтъ, нѣтъ! Не думать, не думать; теперь я долженъ идти къ ней... Пусть будетъ, что будетъ... А вѣдь онъ думалъ еще, старался еще бороться, но зналъ, что онъ долженъ идти къ ней. А потомъ: вдругъ онъ заглушилъ въ мозгу всѣ мысли и быстро поднялся по лѣстницѣ.

Когда онъ хотѣлъ позвонить, его опять охватило обезсиливающее чувство тревоги. Онъ нѣсколько разъ тронулъ пальцемъ пуговку электрическаго звонка, но не рѣшилъ ее нажать. Потомъ онъ прислонился къ стѣнѣ, потому что почувствовалъ неимовѣрную тяжесть. Теперь онъ сошелъ нѣсколько ступеней внизъ по лѣстницѣ, сосчиталъ ихъ, потомъ услышалъ внизу звонъ ключей и внезапно онъ сознавалъ необходимость, послѣднюю необходимость, которая всегда должна побѣждать.

Онъ опять поднялся наверхъ и позвонилъ.

Горничная открыла ему.

— Барыня дома?

— Барыня не принимаетъ, она не велѣла никого пускать.

— Но я прошу ей сказать, что я *долженъ* съ ней говорить...

Онъ почти кричалъ...

Въ этотъ моментъ открылась дверь: Иза остановилась передъ нимъ.

励励Фалькъ подошелъ къ ней, не говоря ни слова; они вошли въ комнату.

Они взялись за руки и оба дрожали.

Потомъ Иза обняла его голову и громко заплакала.

XVI.

Никита провелъ время въ Мюнхенѣ, какъ во снѣ. Онъ дѣлалъ все, что совѣтовали ему друзья, шелъ всюду, куда его тащили, но чувствовалъ себя плохо, очень плохо.

Теперь онъ долженъ уѣхать. Онъ охотно остался бы въ Мюнхенѣ, но здѣсь ему нечего было дѣлать. А онъ что-нибудь долженъ былъ дѣлать. Все равно что.

Медленно пошелъ онъ на вокзалъ. Да, онъ долженъ вернуться въ Берлинъ.

Собственно говоря, ему слѣдовало бы проститься съ друзьями, но это было бы ему не особенно пріятно. Они пошли бы съ нимъ вмѣстѣ на вокзалъ, потомъ они стали бы шутить, оказывали бы ему дружескія услуги... нѣтъ! онъ долженъ остаться одинъ.

Удивительно, какъ отъ его мыслей не ускользало ничего. Прежде все разсѣивалось, такъ что онъ съ трудомъ понималъ, чего онъ собственно хочетъ, а теперь все такъ ясно, понятно укладывалось у него въ головѣ.

Голосъ его точно также притихъ.

Только это странное дрожаніе, которое продолжалось часами, это внезапное исчезновеніе сознанія,—охъ, это было страшно.

Онъ боялся, что это опять повторится.

Вдругъ онъ остановился передъ оружейнымъ магазиномъ. Онъ вспомнилъ тысячу описаній путешествій, какія онъ читалъ въ газетахъ. Ничего не было неправдоподобнаго въ томъ, что съ нимъ въ пути могло что-нибудь приключиться. Да, на него могли напасть. Боже! почему съ нимъ не могло приключиться то, что случалось съ тысячами другихъ. Онъ тихо разсмѣялся.

Онъ видѣлъ самыя разнообразныя оружія въ окнѣ магазина.

Люди обладаютъ ужасающей способностью къ изобрѣтеніямъ.

To be or not to be... мелькнуло въ его головѣ.

To be or not to be... Ему бы только плащъ и черепъ. Чортъ возьми!

Онъ долженъ принять соотвѣтственную позу передъ зеркаломъ.

Онъ вошелъ въ магазинъ.

Первое, что бросилось ему въ глаза — это большой стѣнной календарь.

1. Апрѣль—прочелъ онъ громадныя буквы. Prima aprilis. Сегодня будетъ много сюрпризовъ.

Онъ попросилъ револьверъ, онъ былъ такъ утомленъ, что долженъ былъ сѣсть.

Развѣ необходимо сегодня-же вернуться въ Берлинъ, развѣ нельзя не подождать, успокоиться.

Но онъ сейчасъ-же встряхнулся.

Разлука въ любви имѣетъ громадное значеніе. Фалькъ тоже уѣхалъ. Она скучала все время. Вѣдь возлѣ нея всегда долженъ быть кто-нибудь. Если бы онъ теперь вернулся... Отчего ему не найти того, что находятъ тысячи людей! Развѣ не читалъ онъ въ сотняхъ романовъ, что разлука распаляетъ вновь гаснущую любовь...

Боже! вѣдь писатели—не дураки-же... какъ хорошо и какъ подробно они это описываютъ.

Онъ заплатилъ за револьверъ и вышелъ.

Одна надежда гнала другую. Онъ ускорилъ шаги. Онъ выпрямился. Ему казалось, что вдругъ начинаютъ въ немъ дѣйствовать новыя силы.

И его охватило волненіе. Какъ могъ онъ предполагать, что онъ не сможетъ провести въ пути такое долгое время?

Мозгъ его горѣлъ.

Онъ вспомнилъ Изу; онъ вспомнилъ, какъ они были счастливы, какъ она его любила и восхищалась имъ. Онъ вѣдь былъ великимъ художникомъ, котораго въ немъ она обожала.

Но не только художника. Нѣтъ, нѣтъ! Она любила приласкаться къ нему и гладить его... Она — она — о, Боже, какъ онъ ее любилъ! Вѣдь онъ не былъ уже самимъ собою, каждая клѣточка его организма слилась съ нею—такъ неразрывно...

Но, очевидно, онъ ей надоѣлъ, онъ постоянно мучилъ ее своею ревностью, своей... своей...

Да, но... она была такъ добра, она ему прощала все.

Тамъ! — да, она тамъ встанетъ, протянетъ къ нему руки, бросится ему на шею: слава Богу, наконецъ-то вернулся! Я невыразимо тосковала по тебѣ...

Да, да, она такъ сдѣлаетъ! — произнесъ онъ. Онъ зналъ это навѣрное.

Но... правда! Отвѣтила ли она хоть разъ на его письма...

Онъ ударилъ себя по головѣ.

О, ты, глупый Никита! Что ты знаешь о женщинѣ, что ты знаешь о ея хитрости... Да, очевидно! какъ можно было себя мучить изъ-за этого? Вѣдь тутъ все ясно... Она имѣла право наказать меня такъ жестоко...

И онъ убѣждалъ себя неопровержимыми доводами, что онъ не понялъ, въ чемъ дѣло, что это только хитрость женщины, мудрость женщины... нѣтъ, нѣтъ, какъ это говорилъ Фалькъ... врожденная мудрость полового подбора.

Да, Фалькъ умѣлъ найти на все соотвѣтственную формулу...

По мѣрѣ того, какъ приближался онъ къ Берлину, его безпокойство росло.

Прежняя боль снова поднималась въ немъ, втеченіе послѣднихъ двухъ часовъ онъ былъ лишь беззащитной жертвой страшнаго мученія.

Онъ испытывалъ животную муку. Это неслыханное дѣло, чтобы человѣкъ долженъ былъ мучиться—неслыханное!

И онъ бѣгалъ по купэ, бросался и прыгалъ, потомъ вдругъ все тѣло его стало дрожать; ему казалось, что онъ сходитъ съ ума отъ горя и тоски.

. . . .

Иза встрѣтила его съ холодной, смущенной улыбкой.

Она укладывала вещи.

И вдругъ Никита понялъ ясно страшную правду.

Онъ долженъ сейчасъ-же уйти, но онъ былъ такъ изнуренъ, что принужденъ былъ сѣсть.

Иза повернулась къ нему спиной.

— Иза — крикнулъ онъ вдругъ хриплымъ голосомъ, не глядя на нее.

И на этомъ оборвалъ. На столѣ лежала пара зеленыхъ шелковыхъ чулокъ. Какая-то скрытая ассоціація представленій проявилась въ немъ, онъ схватилъ чулокъ и разорвалъ его въ куски.

Иза взглянула на него съ презрѣніемъ. Теперь, наконецъ, она нашла въ себѣ достаточно силы.

— Чего ты отъ меня хочешь? Вѣдь я не люблю тебя.

Она только пробовала, сможетъ-ли она ему это сказать.

— Я не люблю тебя, ты совсѣмъ чужой для меня, я равнодушна къ тебѣ.

Она хотѣла ввернуть что-то о Фалькѣ, но не могла.

Она видѣла въ немъ эту собачью, рабскую покорность.

Онъ ей опротивѣлъ.

Она что-то еще сказала, но онъ уже не слушалъ.

Онъ вышелъ на улицу.

Однажды онъ читалъ гдѣ-то, что человѣкъ въ такую минуту ничего не понимаетъ, но онъ понималъ все, вполнѣ ясно, отчетливо. Собственно ей не надо было ему даже говорить объ этомъ.

Почему улица такъ пустынна? Ага! вѣдь сегодня воскресенье, всѣ ушли за городъ... воскресенье prima aprilis — послѣ обѣда — онъ посмотрѣлъ на часы — шесть часовъ пополудни... To be or not to be. — Да, когда я встану предъ зеркаломъ въ плащѣ Гамлета и съ черепомъ въ рукѣ, тогда я долженъ въ заключеніе монолога вспомнить объ этой минутѣ.

Онъ не представлялъ себѣ никогда, что человѣкъ передъ смертью можетъ такъ ясно, такъ спокойно и такъ разсудительно думать...

Да — Гарборгъ правъ. Коль скоро человѣкъ знаетъ, что безусловно онъ долженъ умереть, онъ совершенно спокоенъ.

Да, да... писатели всегда были тѣми, которые...

Онъ шелъ очень медленно, теперь остановился.

Этотъ глупый молокососъ раздражалъ его уже давно. Никита присматривался къ нему нѣкоторое время.

Онъ шелъ, должно быть, къ возлюбленной, онъ хотѣлъ, чтобы у него была маленькая нога и купилъ себѣ узкіе ботинки. А теперь каждую минуту останавливался и дѣлалъ видъ, что смотритъ въ окна магазиновъ.

Тамъ—тамъ... опять остановился.

Вдругъ Никита разозлился на этого глупаго молокососа. Съ суровымъ выраженіемъ лица онъ подошелъ къ нему.

— У васъ должно быть здоровые мозоли, молодой человѣкъ?

Юноша посмотрѣлъ на него удивленно, потомъ разсердился, покраснѣлъ отъ гнѣва.

Никитѣ стало неловко.

— Это наглость! кричалъ юноша.

Никита испуганно попятился. — Извините. Знаете. кольца Васмута въ часахъ...

Онъ быстро отошелъ. Боже, какъ эти люди грубы, непріятны — кричатъ на меня, мучатъ и замучали на смерть.

Онъ чувствовалъ, что слезы стекаютъ по его лицу.

Но Никита! правда, ты испыталъ много дурного, но не стоитъ изъ-за этого визжать. Къ чорту! успокойся, наконецъ!

Онъ метался въ бѣшенствѣ.

Ты глупый человѣкъ, сантиментальный комедіантъ! Чего ты плачешь? Должно быть, ты по близости чувствуешь женщину, которая будетъ жалѣть тебя? Что? женщина... ха, ха!

Онъ вошелъ къ себѣ въ мастерскую и закрылъ двери.

Онъ посмотрѣлъ на картину. Эти отвратительныя ошибки въ рисункѣ. Какъ это онъ раньше не замѣтилъ! Надо сейчасъ-же это исправить!..

Онъ схватилъ кисть, но рука его дрожала.

Онъ сходилъ съ ума, схватилъ картину и въ бреду рвалъ ее въ куски.

Потомъ онъ бросился на диванъ. И снова вскочилъ, словно тысячи діаволовъ его мутили.

— Иза! крикнулъ онъ.—Иза!

Онъ сталъ смѣяться. Онъ задыхался отъ смѣха.

Онъ валялся по полу. Бился головой объ полъ. Схватилъ стулъ и разбилъ его вдребезги; въ немъ бушевалъ бѣсъ разрушенія.

Когда онъ пришелъ въ себя, была уже ночь.

Онъ былъ изнуренъ. Умъ его былъ уже помѣшанъ.

Только одно послѣднее: Боже, что это, что теперь ему дѣлать?

Вдругъ онъ нащупалъ въ карманѣ что-то тяжелое.

Ага! да... онъ ходилъ по комнатѣ, искалъ чего-то и безпрестанно повторялъ: да, да...

Да, это былъ револьверъ! онъ все сильнѣе оттягивалъ карманъ. Сѣсть! не правда ли? Это самое лучшее. Надо сѣсть—надо сѣсть.

Такая страшная тишина! О, какъ это тяжело!

Онъ вынулъ револьверъ, но много прошло времени, пока онъ его зарядилъ. Его руки не повиновались ему.

Онъ разозлился.

Конечно, прежде всего сѣсть. Это самое главное.

Онъ сѣлъ.

Въ сердце? Ясно! Это была славная идея. Обыкновенно стрѣляютъ на одинъ миллиметръ выше, а потомъ отправляютъ въ больницу! хе, хе...

Вдругъ онъ задумался и забылъ обо всемъ.

Въ этотъ моментъ онъ услышалъ пѣніе на дворѣ. Его охватило волненіе. Онъ сильно сжалъ револьверъ.

Скорѣе! скорѣе!

Волненіе росло въ немъ. Черезъ минуту онъ не сдѣлаетъ уже этого.

И вдругъ онъ вложилъ дуло глубоко въ ротъ и потянулъ за курокъ...

XVII.

励лькъ и Иза сидѣли въ этотъ самый вечеръ въ поѣздѣ. Они ѣхали въ Парижъ.

— Ты любишь меня? спросила она и счастливая взглянула на него.

Фалькъ ничего не отвѣтилъ. Онъ пожалъ ей руку и съ невыразимой нѣжностью посмотрѣлъ въ ея глаза.

— Ты мой... ты! Они сидѣли долго, прижавшись другъ къ другу. Она чувствовала себя усталой. Онъ устроилъ ей постель изъ пледовъ, окуталъ ее и все время смотрѣлъ на нее съ сердечной нѣжностью.

— Моя... моя.

— Поцѣлуй меня. Она закрыла глаза.

Онъ осторожно поцѣловалъ ее, словно боялся прикоснуться къ ней.

— Теперь спи, спи.

Такъ.

Онъ сѣлъ напротивъ нея.

Она теперь принадлежала ему, только ему одному, онъ теперь былъ счастливъ.

О Никитѣ онъ почти не думалъ. Удивительно, какъ мало интересовало его это. Но коль скоро... Ничего не подѣлаешь, человѣкъ долженъ погибнуть, если у него не хватитъ силы жить, если онъ не имѣетъ необходимыхъ условій для жизни; вѣдь въ этомъ никто не виноватъ и тутъ ничего не подѣлаешь...

Развѣ и онъ могъ бы погибнуть? Нѣтъ! его страданія совершенно другія. Это не что иное, какъ пароксизмы жара, которые родили могучую волю. Да, ему вдругъ стало это совершенно яснымъ. Только... какъ это назвать. Новая воля — воля, происшедшая отъ инстинктовъ—воля...

Гм... какъ это выразить? воля инстинктовъ, которую не стѣсняютъ никакіе сознательные предѣлы, никакое атавистическое чувство... Воля, въ которой сливаются въ одно цѣлое инстинктъ и мозгъ.

Онъ долженъ еще страдать, потому что онъ еще на

послѣднее звено въ развитіи человѣческаго рода, онъ еще рабъ своего мозга, который долженъ быть побѣжденъ. Но онъ не будетъ страдать, если побѣдитъ въ себѣ все это глупое этическое наслѣдіе, эти атавистическіе пережитки.

Вдругъ онъ разсмѣялся отъ души.

Боже, Боже, какое глупое, идіотское разсужденіе. Эта безсмысленная болтовня о новой волѣ и тому подобныхъ вещахъ. Въ концѣ концовъ, онъ еще готовъ считать себя сверхчеловѣкомъ—потому—но потому, что его похоть не ограничена. Что Иза отдалась ему по любви, что онъ преступникъ.

Въ заключеніе онъ хотѣлъ себя немного обмануть, немного забыться.

Преступленіе! Что-то прокричало въ душѣ его. Онъ посмотрѣлъ на нее. Она принадлежала ему, ему, потому что она должна была принадлежать... И они стремились къ счастью...

Онъ посмотрѣлъ въ окно.

Онъ видѣлъ, какъ мелькали деревья, поля и встрѣчныя станціи.

Все это будетъ твоимъ, если только эта новая воля станетъ господствующей въ тебѣ, воля инстинктовъ, освященныхъ мозгомъ.

Онъ подумалъ о Наполеонѣ.

Нѣтъ! это не то. Это была воля эпилептика-фанатика.

Удивительно, что онъ постоянно искалъ примѣровъ такой-же прямолинейности, эгоизма... и преступленія.

Это, по всей вѣроятности, остатки болѣзни, которую онъ перенесъ. Теперь вѣдь онъ обладатель счастья.

И онъ росъ въ чувствѣ своего большого счастья, которое пріобрѣлъ благодаря своей волѣ.

Все остальное было для него воспоминаніемъ, темою для большой потрясающей драмы.

Онъ долго смотрѣлъ на спящую Изу.

Это была женщина, которую онъ зналъ. Но ему не надо было ее знать. Къ чему? Онъ ею теперь обладалъ, онъ отнялъ ее у другого.

Онъ былъ оленемъ... Нѣтъ, это слишкомъ скотское. Представленіе о внутренностяхъ, висѣвшихъ на рогахъ, было ему непріятно.

Всею своей силою онъ боролся передъ наплывомъ огромной массы непріятныхъ, тяжелыхъ чувствъ... хе, хе... Словно кто-нибудь раскопалъ гнѣздо осъ.

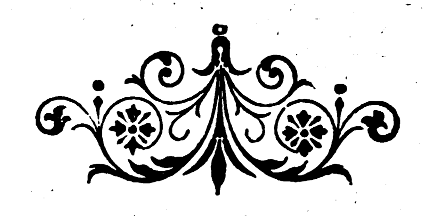
Онъ опять успокоился.

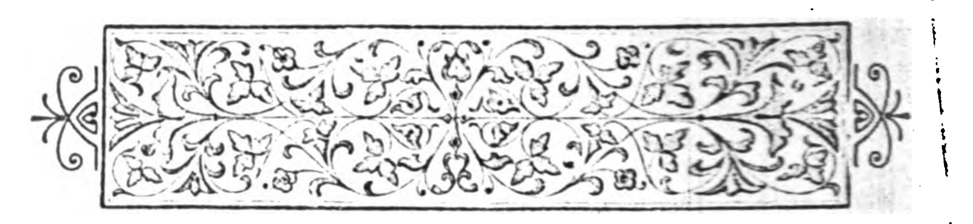
Да, совершенно такъ должно было случиться, какъ случилось. Удивительно, какъ постоянно приходили ему въ голову прежнія мысли о свободной волѣ, о преступленіи, о виновности, а быть можетъ...

Но теперь—теперь... Куда несла его судьба? Къ счастью! къ безграничному счастью, полному новыхъ неизвѣданныхъ наслажденій.

Онъ чувствовалъ себя гордымъ, счастливымъ, сильнымъ—и печальнымъ.

А поѣздъ все летѣлъ и летѣлъ... Въ окнахъ мелькали дома, деревни и города, а высоко на небѣ вспыхивала звѣздочка, затуманенная фіолетовымъ свѣтомъ...

НАПОЛЕОНЪ I.

Историко-біографическій очеркъ.

(*Окончаніе*).

XXV. Психика консульства.

Душевный хаосъ.—Конкордатъ и „прививки религія“.—Католицизмъ и протестантизмъ.—Педагогія конвента и перваго консула. — „Интересная половина общества“.— Военная расправа съ печатью и авторами.

Итакъ, новый Цезарь сразу совершилъ то же самое дѣло, надъ которымъ такъ много потрудился его первообразъ. Первый консулъ, такъ сказать, далъ Франціи возможность жить, дышать. Могучей, смѣлой и талантливой рукой онъ заложилъ „гранитныя глыбы“ (masses de granit) въ основаніе расшатаннаго общества, представлявшаго собой „грубую, безформенную кучу“. Крѣпкая централизація, какъ первая потребность времени, какъ бы создала форму, тѣло Франціи: отсюда, какъ мы видѣли, быстрый подъемъ матеріальной культуры, хозяйственнаго быта страны. *Экономика* пошла вновь налаженнымъ путемъ, загремѣла новыми машинами, закипѣла фабричной торговлей, финансовой жизнью. Оставалось взяться за *психику* страны.

Это—область гораздо болѣе сложная, мудреная даже при обычномъ теченіи жизни. А тогда-то! Припомнимъ, что завѣщала тутъ революція. За исключеніемъ временъ разложенія античнаго міра, не было въ исторіи примѣра болѣе смятенной массовой души. Для психологическаго хаоса довольно было той кучи политическихъ партій и „фракцій“ или ихъ осколковъ, въ которой кишѣли бо-

рящіеся между собой интересы и воззрѣнія. А тутъ настадъ переломъ въ общемъ міровоззрѣніи человѣчества. Довольно сказать, что реализмъ просвѣщенія уже оспаривался новымъ припадкомъ идеализма. Здѣсь ничего нельзя было подѣлать никакими политическими и военными „ударами". Сама централизація имѣла тутъ совсѣмъ иное значеніе: въ идейной культурѣ, въ этомъ щекотливомъ мірѣ души человѣка, вообще наиболѣе обнаруживаются ея отрицательныя стороны. Конечно, великанъ и тутъ останется великаномъ. У Наполеона и здѣсь возникали крупные, даже поучительные замыслы, особенно во времена консульства; но тутъ-же непосредственно вскрывались роковыя для него самого послѣдствія непониманія сферы, столь далекой отъ военнаго и дипломатическаго поприща.

Мудренѣе всего оказался религіозный вопросъ.

Церковь представляла видъ полнаго запустѣнія и анархіи. Тутъ смута въ умахъ выразилась ярко въ основномъ противорѣчіи, которымъ здѣсь, какъ и во всемъ остальномъ, страдала революція. Идеалъ совсѣмъ расходился съ практикой. Въ Объявленіи правъ человѣка 1789 года сказано: „не должно никого тревожить изъ-за всякихъ, даже религіозныхъ, мнѣній, если только ихъ проявленіе не нарушаетъ установленнаго закономъ общественнаго порядка". То-же повторялось торжественно въ 1791 и въ 1793 годахъ.

На дѣлѣ же католическая церковь подвергалась, втеченіе всей революціи, гоненію, которое поддерживалось разлитымъ въ націи вольтерьянствомъ. Уже Учредительница ввела „гражданскую конституцію" духовенства, эту послѣднюю месть гонимаго при старомъ порядкѣ янсенизма. Тутъ папское постановленіе владыкъ замѣнялось народными выборами, и отъ всего духовенства требовалась присяга этой „конституціи, націи и закону". Законодательное собраніе опредѣлило подвергать „неприсяжныхъ" церковниковъ или „ослушниковъ" (refraitaires) изгнанію и ссылкѣ, а конвентъ прибавилъ смертную казнь. Онъ объявилъ также, что „французская республика не выдастъ больше ни на содержаніе, ни на жалованье служителямъ какой бы то ни было религіи". Такъ рѣшительно былъ разрубленъ этотъ Гордіевъ узелъ, надъ которымъ и теперь еще мучатся народы, вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства!

И здѣсь-то воскресало начало вѣротерпимости въ новомъ, замѣчательномъ видѣ. Расправившись съ „государственною" церковью, какъ съ душой стараго по-

рядка, отобравъ ея имущества, подавляя ея служителей, наравнѣ съ эмигрантами, какъ враговъ новизны, революція предоставила всякому спасать свою душу, какъ онъ хочетъ. Отсюда, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, цѣлый хаосъ вѣръ: открыто исповѣдывали свои убѣжденія протестанты, евреи и разныя секты. Среди послѣднихъ выдвигались подконецъ „ѳеофилантропы", или друзья Бога и человѣка, благотворительное общество деистовъ, возникшее въ 1796 году для поддержанія религіи вообще. Католическое духовенство боролось съ сектами, и особенно съ ѳеофилантропами. А въ немъ самомъ кипѣла вражда между „ослушниками" и „конституціонными", хотя всѣ они и безъ того ослабѣли: среди первыхъ оставалось всего 15 епископовъ, да и тѣ прятались въ укромныхъ уголкахъ роялизма; у вторыхъ числилось только 50 владыкъ и 10.000 женатыхъ священниковъ. И весь этотъ, недавно столь могущественный, „клиръ" почти совсѣмъ утратилъ вліяніе на жизнь, которая текла помимо него, свободнымъ русломъ. Церковнаго брака почти не существовало; да почти не было и храмовъ; была уничтожена даже присяга. Въ то-же время, при всеобщей смутѣ, подвергались сомнѣнію множество старыхъ браковъ; съ другой стороны, оспаривались права новыхъ владѣльцевъ церковныхъ имуществъ.

Директорія, которая и здѣсь представляетъ переходъ къ Наполеону, только усиливала смуту, какъ все переходное въ исторіи. Она уже склонялась къ возстановленію католицизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ старалась вырвать у него жало нетерпимости и выказывать вольтерьянское презрѣніе къ обрядности. Были разрѣшены храмы, но для всѣхъ вѣръ, и особенно для ѳеофилантроповъ, которымъ директорія покровительствовала по преимуществу. Была терпима всякая религія, но преслѣдовалась внѣшность: попа за колокольный звонъ бросали на годъ въ тюрьму, а во второй разъ ссылали. Директорія еще ненавидѣла папство, какъ какой-нибудь „цареубійца". И тутъ оно сливалось съ націей: хотя массы уже склонялись къ католицизму, зато онѣ помнили свой вѣковѣчный галликанизмъ и не любили св. отца, все время враждовавшаго съ Франціей. Всѣ радовались, что, наконецъ, развязались съ Римомъ, благодаря революціи, которая порвала всякія преданія и конкордаты. Никто даже не вспоминалъ о томъ, что и папы-то не было за смертью Пія VI, скончавшагося въ августѣ 1799 года.

Казалось, менѣе всего могъ сокрушаться объ этомъ Бонапартъ, который носилъ въ Египтѣ тюрбанъ и хвастался „уничтоженіемъ папы", а въ Европѣ ставилъ престолъ св. Петра, наравнѣ съ королями и феодалами, въ разрядъ „предразсудковъ, которые должны быть подавлены французскимъ народомъ". Какъ вдругъ міръ былъ пораженъ новымъ *конкордатомъ* (1801). То былъ крупный шагъ въ жизни Наполеона, которому пришлось выдержать отчаянную борьбу не только съ упорнымъ Ватиканомъ, но и съ горячею оппозиціей у себя дома, состоявшей изъ интеллигенціи, законодателей и даже изъ его товарищей по арміи.

Первый консулъ началъ съ того, что передъ Маренго объявилъ итальянскому духовенству: „Въ мою первую бытность въ Италіи, перемѣны произошли вопреки моей волѣ, моимъ убѣжденіямъ: я былъ простымъ агентомъ правительства, которому не было никакого дѣла до католицизма. Теперь я ничего не пожалѣю для охраны и утвержденія религіи. Философы новаго времени старались убѣдить Францію, будто католицизмъ—непримиримый врагъ демократіи и республики: опытъ убѣдилъ ее въ противномъ. Я—тоже философъ, но нахожу, что католицизмъ—единственная религія, указующая источникъ и цѣль жизни. Нѣтъ общества безъ нравственности, а нѣтъ добрыхъ нравовъ безъ религіи. Стало быть, только религія дастъ государству твердую и прочную опору. Общество безъ религіи—словно корабль безъ компаса... Наученная бѣдствіями Франція открыла, наконецъ, глаза: она признала, что католическая религія—какъ бы якорь, который одинъ только въ состояніи удержать ее среди ея волненій". Затѣмъ Бонапартъ отмѣнилъ особую присягу духовенства и обратился къ вновь избранному *Пію VII* — доброму, миролюбивому старцу, который тотчасъ прислалъ ему своего кардинала Консальви. Наполеонъ, конечно, и не думалъ, подобно раскаявшемуся грѣшнику, воздать Божіе Богови: онъ хотѣлъ расправиться съ папствомъ по-военному. Но ему пришлось много повозиться съ нимъ. Талейранъ былъ вялъ: неловко было этому ех-епископу, который изъ первыхъ разорвалъ съ Римомъ и съ самимъ священствомъ! А въ кардиналѣ Консальви первый консулъ встрѣтилъ вѣрнаго, упорнаго, рѣшительнаго слугу папства. Онъ сначала изумился, потомъ разгнѣвался, сталъ грозить и пустилъ въ ходъ чудеса макіавелизма, причемъ обнаружилъ и недюжинныя богословскія познанія. Въ четыре мѣсяца была сломлена вѣковѣчная сила римскаго престола.

По конкордату Бонапарта, католицизмъ не государственная религія, какъ добивался Консальви, согласно со сдѣлкой 1516 года, а вѣра „большинства французскаго народа“. Отправленіе ея „свободно“, но „соотвѣтственно полицейскимъ правиламъ“. Всѣ прежніе владыки удаляются, а новые назначаются первымъ консуломъ: папа даетъ имъ лишь „каноническую инвеституру“ или церковное поставленіе. Они ставятъ несмѣняемыхъ священниковъ, но съ „благоволенія“ правительства. И всѣ вмѣстѣ приносятъ присягу „въ повиновеніи и вѣрности правительству“, обязуясь „доносить обо всемъ, что узнаютъ зловреднаго для государства“. Всякая церковная служба кончается молитвой: „Спаси, Господи, республику и консуловъ“. Папа признаетъ церковныя имущества за ихъ новыми владѣльцами, а правительство „пристойно содержитъ“ духовенство. Первый консулъ пользуется у церкви всѣми личными преимуществами прежнихъ королей, а самъ признаетъ свѣтскую власть папы и возстановляетъ право завѣщать имущества въ пользу церкви.

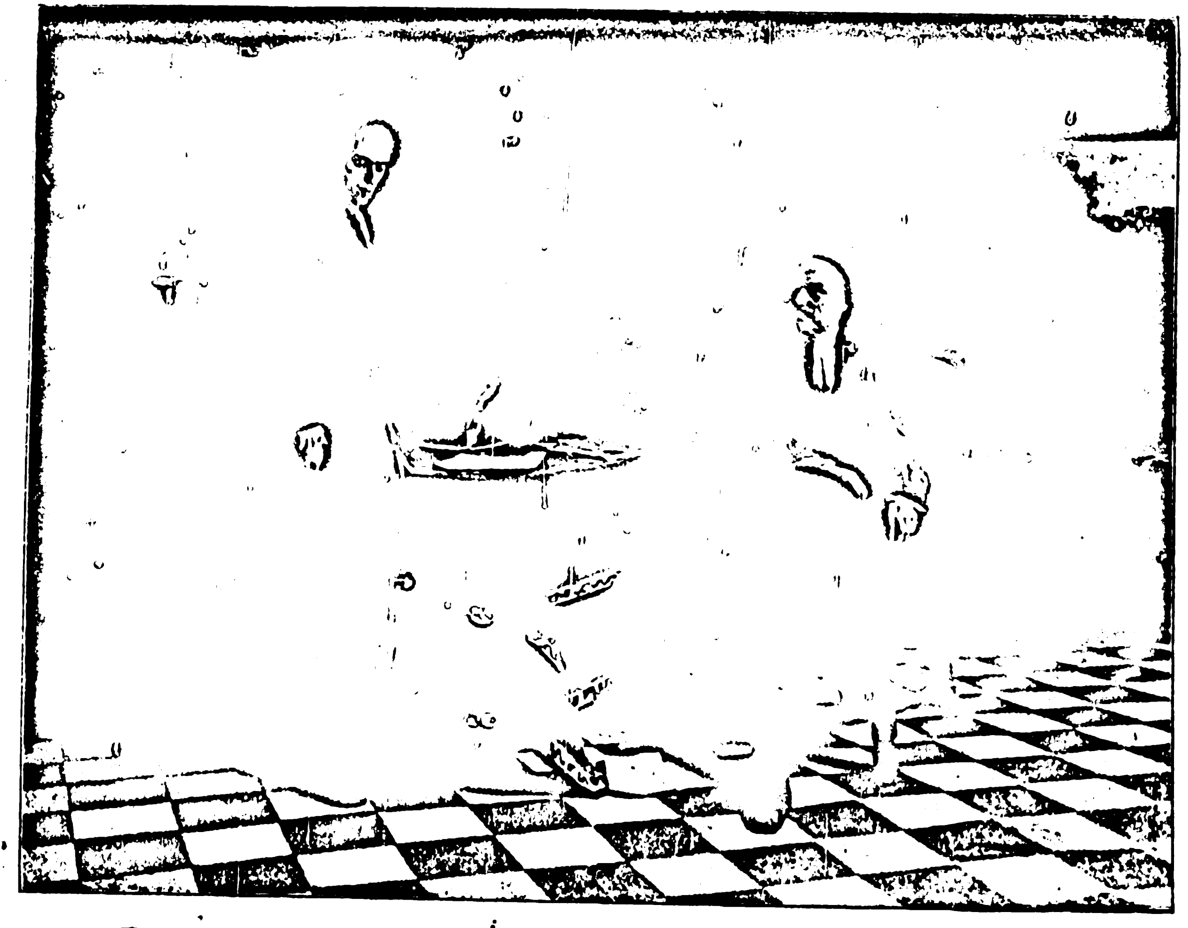
Бонапарту казалось этого мало. Самъ, безъ участія папы, издалъ онъ „*органическія статьи* католическаго культа“, какъ бы въ разъясненіе конкордата. Ихъ основы заимствованы изъ деклараціи 1682 г., этой хартіи галликанской церкви: сюда вошло все, что отвергъ Консальви. Такъ опредѣлялось, что всѣ бумаги папъ и даже соборовъ оглашаются во Франціи лишь съ правительственнаго разрѣшенія, которое требуется также для составленія національныхъ синодовъ и для отлучекъ владыкъ изъ своихъ епархій. Статьи сохраняли гражданскій бракъ и предоставляли правительству веденіе гражданскихъ списковъ, метрическихъ книгъ. Онѣ касались даже догмы, и въ разрѣзъ съ канонами и съ самимъ конкордатомъ: таковы параграфы объ одобреніи катехизиса правительствомъ, о правѣ частныхъ лицъ и префектовъ жаловаться на „злоупотребленія“ духовной власти и т. д. Въ государственномъ совѣтѣ вѣрно поясняли, что церковныя дѣла по преимуществу принадлежатъ вѣдѣнію „высшей полиціи“. Папа не разъ протестовалъ противъ статей, но тщетно. Столь-же безполезенъ былъ живой протестъ въ видѣ существованія „малой церкви“, какъ съ полвѣка назывались во Франціи „анти-конкордатовцы“.

Нація - вольтерьянка поняла своего смѣлаго вождя: она назвала церковниковъ „священною полиціей“. И напрасно, года три спустя, Пій VII, призванный въ

Парижъ короновать новаго императора, выставлялъ нѣкоторыя условія. Наполеонъ ограничился вопросомъ: „Развѣ не заслуживаетъ довѣрія тотъ, кто уже сдѣлалъ такъ много?“ А когда св. отецъ подъѣзжалъ къ Парижу, Наполеонъ встрѣтилъ его, будто случайно, въ лѣсу, въ охотничьемъ платьѣ, и не остановилъ гостя, когда тотъ выскочилъ изъ кареты прямо въ грязь, въ своихъ атласныхъ туфляхъ и въ парадномъ облаченіи.

Захвативъ католическую церковь въ свои цѣпкія руки, обезпечивъ за собой и будущую „поповщину“ посредствомъ казенныхъ семинарій, Наполеонъ началъ холить ее и устраивать образцово: духовенство назвало его „возстановителемъ алтаря“, самъ папскій легатъ провозгласилъ его „новымъ Константиномъ“. Онъ воздалъ погребальныя почести Пію VI, какъ особѣ, занимавшей „одно изъ первыхъ мѣстъ на землѣ“, назначилъ своего посланника въ Римѣ и принялъ папскаго нунція. Затѣмъ назначилъ достойныхъ владыкъ (10 архіепископовъ и 50 епископовъ), частью изъ покорившихся старыхъ прелатовъ, частью изъ наиболѣе покорныхъ „конституціонныхъ“, и содержалъ ихъ на славу: а „ослушниковъ“ выпустилъ изъ тюремъ, заставивъ ихъ предварительно присягнуть въ вѣрности. Онъ сталъ льстить духовенству, доставлялъ ему почести, даже высказывалъ набожность. Заключеніе конкордата дало ему поводъ возстановить церковную пышность: на Пасху въ соборѣ Богоматери была отслужена первая оффиціальная обѣдня, въ присутствіи властей, вельможъ и войскъ. Возвратившись оттуда, первый консулъ воскликнулъ: „теперь—конецъ французской революціи!“ Было разрѣшено звонить въ колокола. Были дозволены пять женскихъ благотворительныхъ монашескихъ орденовъ, хотя каждый разъ съ особаго соизволенія правительства; а у ѳеофилантроповъ были отняты церкви—и эта секта тотчасъ-же исчезла навѣки. Въ то-же время были отмѣнены республиканскіе праздники, кромѣ дней взятія Бастиліи и основанія республики и было возстановлено воскресенье. Въ самомъ началѣ имперіи явилось и „министерство вѣроисповѣданій“.

Въ настоящее время не можетъ быть споровъ ни о значеніи церковнаго дѣла Бонапарта, ни о причинахъ, вызвавшихъ его. Недаромъ Наполеонъ всегда гордился имъ почти такъ-же, какъ своимъ кодексомъ. Онъ справедливо дорожилъ имъ, какъ своимъ личнымъ дѣломъ, которое досталось ему не дешево и выказало всѣ блестящія стороны его правительственнаго таланта. Онъ ве-

Петръ I допрашиваетъ царевича Алексѣя въ Петергофѣ — Н. Ге

лѣлъ подписать конкордатъ своему старшему брату, Жозефу, а защищать его въ трибунатѣ—Люсьену. Онъ горячо сказалъ депутаціи законодательнаго корпуса, явившейся поздравить его съ заключеніемъ амьенскаго мира: „Ваши засѣданія начинаются съ самаго важнаго дѣла, цѣль котораго—подавленіе религіозныхъ распрей. Вся Франція требуетъ прекращенія этихъ печальныхъ распрей и возстановленія алтарей. Надѣюсь, въ вашемъ приговорѣ вы будете столь-же единодушны, какъ она. Съ живой радостью увидитъ Франція, что ея законодатели установили миръ совѣсти, миръ семьи, — миръ стократъ болѣе важный, чѣмъ тотъ, съ которымъ вы пришли поздравить правительство". Въ этомъ смыслѣ конкордатъ былъ дѣйствительно концомъ революціи. И это—тоже гранитная глыба: до сихъ поръ конкордатъ служитъ основой отношеній между церковью и государствомъ во Франціи.

Бонапартъ дѣйствовалъ какъ сознательный политикъ. Онъ предвидѣлъ бурю, которую вызоветъ возстановленіе католичества наверху общества, но не испугался. Онъ понималъ потребность массъ. Да, вѣдь, тутъ нечего было и угадывать. Государственные совѣтники, разосланные послѣ 18-го брюмера для изученія страны, всюду наталкивались на одно и то-же явленіе: въ соборѣ у присяжнаго попа дюжина молящихся, въ часовенкѣ ослушника не протолкнуться. Извѣстный химикъ, бывшій членъ конвента, Фуркруа, доносилъ: „Повсюду празднуютъ воскресенье; въ церквахъ наплывъ: ясно, что французская масса желаетъ возвратиться къ старымъ обычаямъ; уже поздно сопротивляться этой наклонности націи."

Самъ Наполеонъ лучше всѣхъ описалъ потомъ положеніе дѣла въ ту пору. Онъ говорилъ: „Трудно повѣрить, сколько препятствій пришлось мнѣ побѣдить, чтобы возстановить католичество! Скорѣе пошли бы за мною, если бъ я выкинулъ знамя протестантизма... Въ государственномъ совѣтѣ прямо говорили: „ну, такъ станемъ протестантами—и намъ не будетъ дѣла до конкордата". Правда, среди доставшихся мнѣ развалинъ и смуты, я могъ выбирать между католицизмомъ и протестантизмомъ; правда и то, что все толкало къ послѣднему. Но, помимо того, что меня влекло къ моей родной религіи, у меня были самыя возвышенныя побужденія. Объявивъ протестантизмъ, я разбилъ бы Францію на двѣ великія партіи, а я не хотѣлъ ни одной. Я вызвалъ бы ужасы религіозныхъ войнъ, тогда какъ просвѣщеніе вѣка и

моя воля требовали совсѣмъ устранить ихъ. Эти двѣ партіи, истребляя другъ друга, сдѣлали бы Францію рабой Европы, а не ея госпожей, какъ я мечталъ“. Наполеонъ прибавлялъ: „во Франціи вообще слишкомъ мало религіи, чтобы выкроить изъ нея двѣ!“

Цѣль Бонапарта ясна. Она была чисто политическая. Первый консулъ возсоединилъ церковь съ государствомъ, но такъ, что первая стала служанкой второго. На этомъ условіи допускалась свобода совѣсти, то есть терпѣлись всякія исповѣданія. Вскорѣ мы увидимъ, какъ Наполеонъ примѣнилъ это начало и къ еврейскому вопросу.

Мы видѣли, какъ первый консулъ, приравнивая свою „поповщину“ къ своей жандармеріи, прямо называлъ религію „опорой государства“. И она скоро вымуштровалась, памятуя такой случай. Одинъ батюшка высказалъ было свое пониманіе искусства по-старому: онъ лишилъ христіанскаго погребенія балетную танцовщицу. Бонапартъ немедленно отрѣшилъ его отъ должности на три мѣсяца, „чтобы дать ему время поразмыслить о томъ, какъ Христосъ молился за своихъ враговъ“. Въ то-же время первый консулъ утѣшалъ друзей свободы тѣмъ, что его конкордатъ-де—не что иное, какъ окончательная побѣда философіи, подчиненіе церкви государству, „прививка религіи, послѣ которой она черезъ пятьдесятъ лѣтъ исчезнетъ во Франціи“. Лафайету онъ сказалъ: „Я поставилъ поповъ ниже, чѣмъ вы ставили: епископъ будетъ крайне счастливъ пообѣдать у префекта. И развѣ пустяки—заставить папу и духовенство высказаться противъ законности правъ Бурбоновъ“. На о. св. Елены Наполеонъ высказался весь: „Я надѣялся захватить этого папу въ свои руки: и тогда—какое вліяніе, какой рычагъ, чтобы ворочать возрѣніями всего міра! Если бъ я возвратился изъ Москвы побѣдителемъ, я заставилъ бы папу не сожалѣть о своей свѣтской власти: я сдѣлалъ бы изъ него идола; онъ жилъ бы подлѣ меня. Парижъ сталъ бы столицей всего христіанства; и я управлялъ бы религіознымъ міромъ точно такъ-же, какъ политическимъ. Мои соборы были бы представителями христіанства, а папы были бы только ихъ предсѣдателями. Я открывалъ бы и закрывалъ ихъ, одобрялъ бы и обнародовалъ ихъ постановленія, какъ Константинъ и Карлъ Великій!“

На дѣлѣ вышло не то. Хотя Бонапартъ обратилъ католическую церковь въ жандармерію, но то была преторіанская охрана. Конкордатъ былъ возстановленіемъ свѣтской власти папъ, а каноническая инвеститура—тѣмъ

ихъ оружіемъ, которое привело Генриха IV въ Каноссу. Возродилась безконечная борьба императорства съ папствомъ, истомившая даже такого богатыря свѣтской власти, какъ Наполеонъ.

Первый консулъ не забылъ и остальныхъ христіанскихъ церквей. Онъ распорядился съ ними съ такою-же великой развязностью. Къ протестантизму даже прямо примѣнялись статьи: тутъ все—съ „разрѣшенія, одобренія, благоволенія" правительства, которое утверждало пасторовъ, избираемыхъ консисторіями: но зато государство не скупилось на деньги и даже завело академію для подготовки пасторовъ. Протестантскія церкви „не могли сноситься ни съ какой иностранною державой", и признавались только кальвинизмъ да лютеранство. съ исключеніемъ всѣхъ сектъ.

Если Наполеонъ постигалъ государственное значеніе религіи и успѣлъ даже здѣсь провести свою волю, то понятны его заботы о *просвѣщеніи* народа, которое гораздо легче обратить въ орудіе власти. Онъ и тутъ хотѣлъ создать изъ ничего цѣлую величавую систему.

Здѣсь, какъ почти во всемъ, революція успѣла только вымести старый соръ да возвѣстить новыя, просвѣтительныя начала. Учредительница тотчасъ-же возвѣстила: „Будетъ создано и устроено народное просвѣщеніе, общее для всѣхъ гражданъ и даровое въ тѣхъ частяхъ, которыя необходимы всякому человѣку". И она успѣла заслушать обстоятельную записку Талейрана по педагогіи. То-же сдѣлало законодательное собраніе, поручившее это дѣло глубокому мыслителю, Кондорсэ. Конвентъ уже ревностно занялся воспитаніемъ, которому Робеспьеръ придавалъ столь великое значеніе. Онъ гордился этой задачей и потратилъ на нее не мало времени. Народное образованіе было объявлено свободнымъ, всеобщимъ, даровымъ и обязательнымъ. Оно опиралось на энциклопедическія свѣдѣнія, безъ примѣси церковности. Кондорсэ хотѣлъ даже распространить его одинаково и на дѣвочекъ. Было высказано много плановъ, среди которыхъ работа Сенъ-Жюста выдавалась своею обширностью и своеобразностью. Конвентъ уже переходилъ отъ теоріи къ практикѣ. Онъ приступалъ къ цѣлой системѣ воспитанія, подъ именемъ школъ „начальныхъ", центральныхъ (среднія) и спеціальныхъ (высшихъ). Изъ десяти послѣднихъ онъ успѣлъ только исполнить мысль Декарта о наглядномъ обученіи, въ видѣ консерваторіи искусствъ и ремеслъ, да основать политехническую школу, консерваторію музыкальную, нормальную школу, медицин-

скія школы, военную школу, наконецъ, институтъ, совмѣстившій въ себѣ, какъ представитель науки, всѣ старыя „академіи“.

Но, конечно, все это были благія пожеланія да теорія. Даже если бъ былъ полный міръ и куча денегъ, что можно было сдѣлать въ пять лѣтъ съ появленія знаменитаго декрета конвента (октябрь 1795), который даже консерваторы во Франціи называютъ цѣлымъ „кодексомъ народнаго просвѣщенія?“ Вѣдь, не успѣли народиться даже учителя: революція, конечно, упразднила всю „жиденькую учебу стараго порядка“, находившуюся въ рукахъ клира и особенно іезуитовъ. Немудрено, что лишь случайные „профессора“ читали какіе попало „курсы“, не было ни программъ, ни экзаменовъ, ни дипломовъ, въ то время еще неизбѣжныхъ. Начальныхъ школъ, можно сказать, не было вовсе: уже поговаривали о возвращеніи къ содѣйствію приходскихъ батюшекъ и о возстановленіи старыхъ жалкихъ „коллежей“ (гимназій). Люсьенъ Бонапартъ доносилъ брату, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ: „во Франціи почти нѣтъ обученія“.

Бонапартъ рѣшилъ немедленно искоренить такое „невѣжество и варварство“, — и лѣтъ въ пять совершилось педагогическое чудо. Уже въ 1799 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ была учреждена „генеральная дирекція народнаго просвѣщенія“.

Было отчислено 120 милліоновъ изъ національныхъ имуществъ. Въ 1802 г. явилась новая педагогическая система, заимствованная, по формѣ, у конвента, лишь съ переименованіемъ центральныхъ школъ во „второразрядныя“ и „лицеи“. Въ три года возникло 4½ тысячи первоначальныхъ школъ, 750 второразрядныхъ и 45 лицеевъ, гдѣ впервые было установлено реальное образованіе съ новыми языками. Надъ ними возвышались девять спеціальныхъ заведеній, изъ которыхъ пять были посвящены точнымъ и опытнымъ наукамъ, одно — юриспруденціи, одно — географіи, исторіи и политической экономіи и два — искусствамъ. Сверхъ того, были развиты военная школа въ С. Сирѣ, французская коллегія, музей естественной исторіи и школа живыхъ восточныхъ языковъ; были вновь учреждены школа мостовъ и шоссе, школа художествъ и ремеслъ и національный институтъ, который ежегодно давалъ отчеты о ходѣ всѣхъ наукъ.

Но въ систему конвента вложили новую душу. Здѣсь, въ свою очередь, водворились централизація, повелительность и недовѣріе властелина. Педагогія стала монопо-

лiей государства: частнымъ лицамъ разрѣшались только второразрядныя школы, да и то по казеннымъ программамъ и подъ надзоромъ правительства до мелочей. Вездѣ, не исключая высшаго преподаванія, господствовали „освященные государствомъ методы“ и уставы, съ опредѣленіемъ числа и продолжительности лекцій, формы и содержанія экзаменовъ; на каждомъ шагу встрѣчался, надзоръ общихъ властей и особыхъ „инспекцій“. Все было направлено къ созданію „хорошихъ гражданъ“, къ развитію узкой практичности, ремесленности, а про научный духъ не упоминалось ни слова. Цѣль была прямо указана докладчикомъ новаго закона въ трибунатѣ Редерера: „Предлагаемое учрежденіе не чисто нравственное, но также политическое; оно должно соединить съ правительствомъ и начинающееся, и кончающееся поколѣнія, привязать къ нему отцовъ посредствомъ дѣтей и дѣтей посредствомъ отцовъ, установить родъ общественнаго родства“. Наполеонъ прибавилъ: „главная моя цѣль при учрежденіи корпораціи учителей — создать средство руководить политическими и нравственными убѣжденіями“.

Вся казенная учеба касалась только мальчиковъ; о дѣвочкахъ одинъ клевретъ Бонапарта сказалъ въ палатѣ, что, „говоря откровенно, эта интересная половина общества должна быть посвящена исключительно заботамъ о домоводствѣ“. А самъ Наполеонъ выразился просто по-солдатски: „Не думаю, чтобы нужно было заниматься воспитаніемъ дѣвочекъ. Это — дѣло ихъ матерей. Общественное воспитаніе не пристало имъ: вѣдь, онѣ не призваны жить въ обществѣ. Все ихъ назначеніе въ бракѣ“. Меньше всего думали о массахъ: первоначальныя школы предоставлялись попеченію общинъ и родителей, только подъ руководствомъ подпрефектовъ. Мысль революціи о даровомъ обученіи казалась Бонапарту „романомъ“: онъ требовалъ для народа, прежде всего, „религіи“, а затѣмъ самаго „необходимаго“, чтобы только „человѣкъ не былъ слѣпымъ орудіемъ среды“. Впрочемъ, съ тѣмъ-же разсчетомъ отмѣрялась наука и лицеямъ, этимъ любимцамъ перваго консула. Когда Фуркруа явился съ широкимъ планомъ средняго образованія, Бонапартъ вычеркнулъ всю философію и часть исторіи, замѣтивъ: „немножко латыни и математики; больше не требуется“. И гуманитарное образованіе было ограничено здѣсь начатками древнихъ языковъ да номенклатурой по литературѣ и исторіи, прекращавшейся 1789 годомъ: даже въ институтѣ было закрыто отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ, какъ гнѣздо

„идеологіи". Зато въ лицеяхъ было множество „профессоровъ военныхъ упражненій":—каждая минута „питомцевъ отечества" переживалась по правиламъ шагистики и по барабану.

Переполненные офицерами и священниками, эти интернаты походили не то на казармы, не то на монастыри; зато ихъ питомцы были привязаны, вмѣстѣ съ своими отцами, къ правительству болѣе, чѣмъ шестью тысячами крупныхъ стипендій. И, по внѣшности, здѣсь господствовали лоскъ и дисциплина іезуитскихъ школъ, благодаря надзору префектовъ и „конкурсамъ" между всѣми лицеями. Въ высшихъ заведеніяхъ царствовали такіе-же порядки, съ помощью назначаемыхъ правительствомъ профессоровъ, директоровъ, „генералъ-инспекторовъ, административныхъ бюро и дисциплинарныхъ совѣтовъ".

Еще ярче проявился цезаризмъ въ той военной смѣлости, съ которою взялся Бонапартъ за такую щекотливую задачу, какъ руководство главнымъ орудіемъ просвѣщенія — *печатью*. Послѣднюю составляли тѣ самые журналы, которые еще такъ недавно горячо отвѣчали на его просьбу восхвалять его, „его одного".. А теперь они позволяли себѣ изрѣдка лишь самые невинные намеки [1]). И на эту-то печать накинулся первый консулъ, забывая завѣтъ Объявленія Правъ, что свобода печати — „одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка". Впрочемъ, и тутъ Наполеонъ былъ лишь продолжателемъ непосредственнаго прошлаго. Конвентъ объявлялъ: „Кто будетъ уличенъ въ составленіи или напечатаніи сочиненій или рукописей, которыя требуютъ распущенія національнаго представительства, возстановленія королевской или иной власти, вредной державности народа,—тотъ будетъ приведенъ въ чрезвычайное судилище и подвергнется смертной казни". Директорія сначала только поставила журналы „подъ надзоръ полиціи" и ввела гербовый сборъ съ нихъ. Затѣмъ она опредѣлила массовую ссылку „собственниковъ, издателей, редакторовъ, авторовъ" 42-хъ газетъ.

Первый консулъ воспользовался любопытнымъ умолчаніемъ о печати въ конституціи VIII года. Когда Ла-

---

[1]) Напримѣръ, „Gazette de France" разсказала такой „анекдотъ" о конституціи VIII года: „Одинъ думецъ читалъ конституцію. Толпа вокругъ него такъ волновалась, что ничего не было слышно. „Я ничего не поняла", говоритъ одна женщина сосѣдкѣ. — „А я не проронила ни словечка". „Ну, такъ что-же въ этой конституціи?"... — „Тамъ Буонапарте!"

файетъ, со своими друзьями, пообѣщали ему поддержку за свободу печати, онъ воскликнулъ: „Чего ожидать отъ людей, у которыхъ въ головѣ метафизика 1789 года? Свобода печати! Дай я ее — и сейчасъ у меня будетъ 30 газетъ роялистическихъ и 30 якобинскихъ: и мнѣ придется управлять съ меньшинствомъ". И явился указъ о закрытіи газетъ „за статьи, противныя общественному порядку, державности народа, славѣ арміи и дружественныхъ націй, хотя бы онѣ были почерпнуты изъ иностранныхъ газетъ: всегда можно брать извѣстія изъ „Монитера" (Указателя)". Этотъ революціонный „Мониторъ" превратился въ оффиціальный органъ перваго консула. Подлѣ него уцѣлѣло лишь 13 газетъ изъ 73-хъ, съ 18.000 подписчиковъ, на всю Францію. И насчетъ ихъ префектъ полиціи часто получалъ отъ Наполеона такія записочки: „велите перемѣнить редактора; сдѣлайте выговоръ за перепечатку изъ нѣмецкихъ газетъ" и т. д. „Ради обезпеченія свободы печати", велѣно было представлять книги въ полицію, до продажи, „чтобы тотчасъ-же можно было остановить дурныя сочиненія". Такъ-же поступали съ театральными пьесами и съ той поры во Франціи скончался „аристофановскій театръ".

А съ авторами расправлялись совсѣмъ по-военному. Одинъ академикъ былъ выгнанъ, какъ „унижающій корпорацію", за ничтожную книжку о революціи. Публицистъ Констанъ и поэтъ Шенье были исключены изъ трибуната и лишились права писать. Г-жа Сталь была изгнана изъ Франціи на два года за нѣсколько словъ, сказанныхъ въ своей гостиной. Она вела себя скромно, возвратилась до срока и проживала въ деревнѣ у пріятельницы. Бонапартъ написалъ Фушэ: „Объявите ей, что если черезъ пять дней она все еще будетъ тамъ, ее отправятъ за границу съ жандармами. Эта женщина— чисто зловѣщая птица: ея появленіе всегда служитъ признакомъ какого-нибудь волненія". Въ то-же время другая писательница, г-жа Жанлисъ, получила пенсію: она указала Наполеону на возвращеніе соперницы и превозносила его въ своихъ сочиненіяхъ.

Первый консулъ думалъ распоряжаться и чужою печатью. Самъ онъ называлъ англичанъ въ „Мониторѣ" „убійцами, продажными, пьяницами, пиратами", а ихъ парламентскіе выборы — „кровавыми сатурналіями"; но послѣ амьенскаго мира потребовалъ, чтобы они выдали ему „памфлетистовъ" (эмигрантовъ) и не смѣли чернить его въ своихъ газетахъ. Онъ злился на ихъ правительство, когда оно отвѣтило, что въ Англіи „печать сво-

бодна по конституціи“ и что оно само подвергается, съ ея стороны, не меньшимъ оскорбленіямъ.

XXVI. Новое общество.

Могикане свободы.—Партіи и адская машина.—Разрывъ съ 1789 годомъ.—Моро и герцогъ Ангьенскій.—Старый „свѣтъ“.—Новая литература и искусство.—Почетный Легіонъ.—Новый дворъ.—Корсиканскій кланъ въ Тюльери.

Въ четыре съ половиной года, среди неимовѣрныхъ тяжкихъ и блестящихъ великихъ подвиговъ, совершились крупныя и всестороннія реформы; и въ основаніе ихъ былъ заложенъ цезаризмъ, которому могъ позавидовать самъ его отецъ. Ключъ къ пониманію этого чуда, какъ и всей эпохи Наполеона, лежитъ въ состояніи *общества*. Сначала еще замѣчалось, что оно—плодъ просвѣщенія революціи: оно было поистинѣ просвѣщенно, привычно къ критикѣ. Даже масса еще понимала и помнила магическія слова Объявленія Правъ и была проникнута вольтерьянствомъ, а интеллигенція красовалась людьми убѣжденія, таланта и мужества. Среди нихъ была и такая женщина, какъ богатая аристократка, дочь Неккера, г-жа Сталь, которая послѣ 18-го брюмера на вопросъ Бонапарта: „чего она хочетъ?“ отвѣчала: „дѣло не въ томъ, чего я хочу, а въ томъ, что я думаю“.

Эти люди не только вліяли на общество черезъ такіе „салоны“, какъ у Сталь, но и участвовали во власти: среди законодателей, даже въ министерствахъ было немало избранниковъ эпохи борьбы за новыя идеи — членовъ разныхъ революціонныхъ собраній, въ особенности Учредительницы; но больше всего было ихъ въ трибунатѣ, который и называлъ себя „защитникомъ свободы“. Тутъ „похитителю державности націи“ доставалось немало отъ такихъ борцовъ краснорѣчія, какъ Карно, Лафайетъ, Жозефъ Шенье, Жансенэ. Вождемъ ихъ былъ любимецъ г-жи Сталь, душа ея салона, 33-лѣтній Бенжаменъ Констанъ. Страстный, даровитый потомокъ гугенотовъ, блестящій публицистъ и ораторъ, онъ съ примѣрнымъ мужествомъ сразу сцѣпился съ „человѣкомъ 18-го брюмера“, отстаивая „независимость“ трибуната: „безъ нея—воскликнулъ онъ—будетъ только рабство да молчаніе,—молчаніе, которое услышитъ вся Европа!“ Трибунатъ даже отвергъ часть Кодекса большинствомъ 65-ти голосовъ противъ 13-ти.

Подобныя голосовки бывали и въ законодательномъ

корпусѣ; даже государственный совѣтъ назвалъ ордена „погремушками“ (hochets). Лафайетъ подавилъ въ себѣ чувство личной признательности къ человѣку, спасшему его отъ австрійскаго каземата. Онъ подалъ голосъ противъ пожизненнаго консульства и написалъ Бонапарту: „Подожду, пока ваша должность не будетъ покоиться на основаніяхъ, достойныхъ націи и васъ“. А великій Карно воскликнулъ: „Сердце говоритъ мнѣ, что свободное правленіе легче и прочнѣе всякаго произвола!“ И онъ удалился изъ отечества въ скитальчество. Противъ конкордата возстали всѣ высшія учрежденія и сами личные друзья Бонапарта. Послышался ропотъ даже среди военныхъ, особенно въ рейнской арміи, у другого великаго человѣка—у Моро, который держался въ сторонѣ, презирая милости счастливаго соперника. И при коронаціи, по словамъ одного владыки, „засмѣйся кто-нибудь и намъ предстояла опасность залиться хохотомъ гомеровскихъ боговъ“.

Давали знать о себѣ и политическія партіи. Теоретики оппозиціи, конституціоналисты, собирались въ салонахъ такихъ умницъ, какъ г-жа Сталь, или такихъ прелестницъ, какъ Рекамье. Партіями дѣйствія были якобинцы, вѣрнѣе—республиканцы, и роялисты. Бонапартъ больше всего боялся первыхъ, а самыми опасными были вторые. Это оказалось тотчасъ-же. Въ самомъ началѣ 1800 года первый консулъ думалъ покончить съ вандейцами миромъ, объявивъ амнистію тѣмъ изъ нихъ, которые немедленно положатъ оружіе. Ихъ видные главари дѣйствительно подчинились; но масса упорствовала, подстрекаемая юркими подпольными дѣятелями. Тогда Бонапартъ приказалъ Эдувилю, стоявшему съ войсками въ Вандеѣ: „Поспѣши-же внести ужасъ и смерть въ ряды этихъ разбойниковъ! Чтобъ къ 1-му марта не существовало ни одного изъ нихъ!“

И знаменитая Вандея была живо подавлена въ крови. Но роялизмъ спѣшилъ отомстить. Его агенты, съ Сенъ-Режаномъ во главѣ, устроили, въ концѣ года, знаменитую „адскую машину“—боченокъ пороха съ пулями, который чуть не взорвалъ на воздухъ Бонапарта, ѣхавшаго въ Оперу, убилъ и искалѣчилъ 64 человѣка и повредилъ съ полсотни домовъ. Нити этого заговора доходили до Тюльери: Жозефина понимала, что значило желаніе ея супруга ввести въ Кодексъ разводъ „по несходству характеровъ“. Два года спустя эта безплодная жена придумала другое средство—бракъ Луи-Бонапарта съ ея Гортензіей, при полномъ несходствѣ характеровъ:

сына ихъ предполагалось сдѣлать наслѣдникомъ Наполеона. Немудрено, что послѣ адской машины была сдѣлана болѣе серьезная попытка, связанная съ громкимъ именемъ генерала, измѣнившаго революціи, которая прославила его не по заслугамъ. Бѣжавшій изъ ссылки Пишегрю пробрался въ Лондонъ, гдѣ терся подлѣ принцевъ Артуа, Берри и Кондэ. Оттуда онъ проникъ на англійскія деньги въ Парижъ, чтобъ поддержать заговоръ одного изъ послѣднихъ главарей Вандеи, отчаяннаго, но недалекаго, неосторожнаго Жоржа Кадудаля. Фушэ все развѣдалъ во-время и ловко самъ поджигалъ заговорщиковъ, надѣясь вовлечь въ дѣло Моро и изловить бурбонскихъ принцевъ, которые собирались высадиться во Францію при первомъ успѣхѣ своихъ агентовъ. Пытки доставили ему нужныя признанія заподозрѣнныхъ. Кадудаль былъ разстрѣлянъ. Пишегрю „умертвилъ себя" въ тюрьмѣ,—кажется, самолично, но тогда всѣ вѣрили, что это было дѣломъ Бонапарта.

Эта исторія съ Пишегрю, Кадудалемъ и Моро была не только самая громкая въ ту пору, но и поучительная для всѣхъ временъ. Она прекрасно рисуетъ и всю низость человѣческой природы среди нравственнаго разгрома, и всю ловкость новаго цезаризма. Это — чистый романъ, не хуже „Тайнъ Парижа". Въ немъ, конечно, много вымышленнаго, но и того, что доказано и освѣщено теперь документами, достаточно, чтобы видѣть истинное воплощеніе Лекока въ лицѣ такихъ богатырей негодяйства, какъ Мегэ де-ля-Тушъ и шайка д'Антрэга. Эти молодцы такъ ловко вели дѣло, что самъ Наполеонъ не могъ изловить ихъ. Онъ живо чувствовалъ ихъ руку, искалъ ихъ, считая душой всѣхъ заговоровъ самого Талейрана; но они ускользнули изъ рукъ и шпіоновъ Фушэ, и жандармовъ Савари. Зная теперь всѣ сѣти, которыми была опутана жизнь перваго консула, мы поймемъ его ожесточеніе, а также судьбу Моро и герцога Ангьенскаго.

И новому Цезарю лучше стараго удалось справиться даже съ этой новой адской машиной. Нельзя не подивиться и здѣсь его мужеству, ловкости и желѣзной волѣ. Къ концу консульства заговоры прекратились точно такъ-же, какъ и оппозиція: и большому кораблю открылось большое, безпрепятственное плаваніе.

Наполеонъ оказался и отличнымъ сыщикомъ. Новые документы доказываютъ, что онъ самъ принималъ горячее участіе въ подвигахъ Фушэ и ловко велъ дѣло Кадудаля. Онъ самъ говорилъ тогда-же: „Я не подвер-

гался серьезной опасности: полиція внимательно слѣдила за каждымъ шагомъ заговорщиковъ“. Но Бонапартъ былъ головой выше разныхъ Фушэ. Онъ возвелъ ихъ было въ перлъ созданія восхитительнымъ макіавелизмомъ высшаго полета, съ помощью котораго ему удалось провести всѣхъ своихъ враговъ во Франціи.

Первый консулъ сначала казался простодушнымъ добрякомъ, который думалъ только о томъ, чтобы всѣхъ примирить съ 18-мъ брюмера. Была объявлена всеобщая амнистія; и должности раздавались людямъ всѣхъ партій. Но „сыну революціи“ нужно было въ особенности щадить ближайшее преданіе. И Бонапартъ называлъ себя „гражданиномъ-генераломъ“, жилъ по-мѣщански, бесѣдовалъ запросто съ простонародьемъ и сержантами, якшался съ учеными и писателями. Онъ возвратилъ Лафайета, Карно и другихъ славныхъ дѣятелей революціи, а своему сопернику Моро далъ главный постъ въ арміи. „Правительственный дворецъ“, какъ былъ названъ Тюльери, украшали бюсты Демосѳена, Брута, Мирабо и Вашингтона.

Но вскорѣ республиканцевъ начали прижимать, а роялистовъ поощрять. Уже въ 1799 г. „60 идеологовъ“ попали частью въ Гвіану, частью подъ надзоръ полиціи; затѣмъ многіе были гильотинированы безъ шуму, за изобрѣтенные господиномъ Фушэ заговоры. Послѣ рѣзкой рѣчи Констана въ трибунатѣ, Фушэ сказалъ г-жѣ Сталь, какъ его „подстрекательницѣ“: „Совѣтую вамъ проѣхаться въ деревню“. И, вслѣдъ за нею, были высланы ея пріятельницы—г-жи Рекамье, Шеврезъ, Дама и др. Въ то-же время освобождали изъ тюремъ „неприсяжныхъ“ священниковъ, и Бонапартъ собственноручно выпустилъ заложниковъ Вандеи: Эдувиль уже успѣлъ исполнить его приказъ такъ усердно, что Вандея была усмирена навѣки. Помаленьку начали возвращаться и эмигранты — по усмотрѣнію перваго консула; имъ даже давались иногда должности. Оттого большинство „да“ въ вопросѣ о пожизненномъ консульствѣ принадлежало роялистамъ: этотъ плебисцитъ должно считать *разрывомъ Бонапарта съ людьми 1789 года*, которые наивно помогали 18-му брюмера, въ надеждѣ „получить отъ человѣка ту свободу, которой они не могли добиться отъ законовъ“.

Премудрый Людовикъ XVIII даже прозрѣлъ тогда новаго Монка въ лицѣ генерала, который дѣйствительно дѣлалъ какіе-то смутные намеки для успокоенія Европы. Онъ предложилъ Бонапарту мечъ констабля Франціи,

но получилъ такой отвѣтъ: „Не желайте возвратиться: вамъ пришлось бы перешагнуть черезъ 500.000 труповъ!“

Вслѣдъ затѣмъ первый консулъ, зная, въ чемъ дѣло, приписалъ адскую машину „якобинцамъ“, причемъ сказалъ: „если они и не брались за ножъ, то они способны на это“. Притомъ онъ наглядно показалъ, какъ полководцы понимаютъ конституцію. Такъ какъ ни трибуны, ни законодатели не соглашались на опалу невиновныхъ, то первый консулъ прибѣгнулъ къ „правительственному акту“, т. е. къ административной мѣрѣ. Подобно Ивану Грозному, онъ выбралъ въ „своемъ поминаніи“ пятьсотъ „сержантовъ революціи“—и кого казнилъ, кого сослалъ, кого заточилъ въ провинціи. Тогда-же были брошены въ тюрьму разныя „республиканки“, и во главѣ ихъ вдовы Марата и Бабефа; но сестра благодѣтеля Робеспьера получила пенсію. При такихъ мѣропріятіяхъ первый консулъ надѣялся кстати обѣлиться въ глазахъ оффиціальной Европы, которая, въ лицѣ Питта, называла его „сыномъ и бойцомъ якобинцевъ“. Онъ удостоился отъ Павла I дружескаго приглашенія стать королемъ „для искорененія началъ революціи“.

Оставалось вытравить эти начала въ войскахъ. Тутъ дѣйствительно дѣло было неладно. Въ арміи были свои знаменитости. Еще больше было честолюбцевъ, которые приписывали успѣхи своего вчерашняго товарища одному счастью и не были довольны наградами. Отчего было этимъ отважнымъ сынамъ революціи не попытаться устроить собственное 18-е брюмера или не подслужиться Бурбонамъ, которые обѣщали имъ цѣлое Эльдорадо? Судя по бумагамъ Антрэга, такіе тузы арміи, какъ Массена и Сюшэ, передавали въ Лондонъ тайны Бонапарта. Начальникъ западной арміи, завистливый Бернадотъ, не скрывалъ своего негодованія; его помощники, Марбо и Симонъ, были арестованы за участіе въ заговорѣ въ Реннѣ. Было еще нѣсколько заговоровъ между офицерами, нити которыхъ проходили къ главному клубку въ рукахъ бывшаго генерала Пишегрю. Бонапартъ расправлялся съ ними по-военному, но тихонько: ему не хотѣлось, чтобы общество знало о такомъ серьезномъ скандалѣ.

Но главная опасность сосредоточивалась въ рейнской арміи, наиболѣе славной, образованной и преданной великому Моро. Она была отправлена на Санъ-Доминго, гдѣ почти вся погибла. Затѣмъ пришла очередь Моро. Этотъ ученикъ Пишегрю былъ только разъ побитъ Суворовымъ. Ему было всего 43 года, а онъ уже славился

какъ первоклассный полководецъ и только что одержалъ наполеоновскую побѣду надъ австрійцами, подъ Гогенлинденомъ, и уже былъ недалеко отъ Вѣны. Нужды нѣтъ, что Моро помогъ 18-му брюмера: Бонапартъ боялся его больше всѣхъ, какъ славы и совѣсти Франціи, хотя этотъ гордый, благородный человѣкъ никогда не унизился бы до заговора или тайной интриги и поэтому гнушался своего учителя. То былъ такой-же убѣжденный, симпатичный и популярный республиканецъ, какъ его другъ, Лафайетъ. „Я сталъ воиномъ потому, что былъ гражданиномъ“, сказалъ этотъ юристъ по воспитанію. Ради Франціи онъ служилъ своему сопернику. Но его лавры не давали спать Бонапарту: послѣ Гогенлиндена ему пришлось выйти въ отставку.

Моро заживо схоронилъ себя въ тиши уединенія. Но самое молчаніе независимой знаменитости было укоромъ Бонапарту: французы, какъ римляне временъ Өразеи Пета, смотрѣли, „чего *не* дѣлаетъ“ герой убѣжденія. Напрасно Пишегрю, начальникъ Моро въ первую революціонную войну, старался вовлечь его въ заговоръ, чему тайкомъ помогалъ и Фушэ: самъ Кадудаль доказалъ, что это не удалось. А Бонапартъ чернилъ соперника въ газетахъ и даже гравюрахъ, какъ предателя, вождя „звѣрскихъ негодяевъ“, и, наконецъ, отдалъ его подъ судъ. Но имъ-же назначенные судьи смутились отъ гордыхъ и благородныхъ рѣчей доблестнаго генерала: они сначала совсѣмъ оправдали его, потомъ приговорили лишь къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Первый консулъ замѣнилъ эту кару вѣчнымъ изгнаніемъ: Моро уѣхалъ въ Соединенные Штаты Америки.

Самый опасный соперникъ Наполеона оказался плохимъ политикомъ. Онъ примкнулъ къ 18-му брюмера въ надеждѣ, что Бонапартъ, ставши главой государства, сойдетъ съ военнаго поприща. Теперь онъ не участвовалъ въ заговорѣ, но достаточно застрялъ въ ловушкѣ: онъ имѣлъ таинственныя свиданія съ Пишегрю и написалъ первому консулу полупризнаніе, по настоянію своей молодой жены. И популярность его рухнула. А кончилъ онъ тѣмъ, что въ 1813 г. возвратился въ Европу, по приглашенію Александра I, чтобы составить планъ кампаніи противъ Франціи. Подъ Дрезденомъ ему оторвало французскимъ ядромъ обѣ ноги: его схоронили въ Петербургѣ.

Однако, не зазнались бы новые друзья, роялисты! Дѣло Пишегрю дало поводъ Бонапарту показать, что, если онъ благоволитъ къ роялистамъ, то лишь какъ

къ мастерамъ повиноваться. Чтобы выбить у нихъ изъ головы старый кумиръ, онъ расправился съ Бурбонами такъ, что міръ затрепеталъ отъ страха и негодованія. Съ затаенной радостью поджидалъ хищникъ ихъ принцевъ—Артуа и Берри. Но ихъ высадка не состоялась. Тогда Бонапартъ остановилъ свой взоръ на другомъ отпрыскѣ Бурбоновъ — на *герцогѣ Ангьенскомъ*, послѣднемъ представителѣ той фамиліи Кондэ, которая именно не одобряла заговора Кадудаля. Этотъ 32-лѣтній принцъ проживалъ въ Боденсѣ, у границы Франціи, предаваясь охотѣ да любви: его бумаги доказываютъ неопровержимо его невинность относительно заговоровъ. Въ мартѣ 1804 года французскіе драгуны схватили юношу. Въ слѣдующую ночь герцогъ былъ разстрѣлянъ. Несчастный успѣлъ только вырвать у себя нѣсколько волосъ и снять съ пальца перстень для своей милой, да воскликнуть: „Боже мой! За что-же это?“

Когда Наполеонъ лежалъ на смертномъ одрѣ, кто-то прочелъ ему англійскую газету, гдѣ его называли убійцей герцога Ангьенскаго. Онъ приподнялся, схватилъ перо и приписалъ къ своему завѣщанію: „Это было необходимо для безопасности, благоденствія и чести французскаго народа. Тогда графъ Артуа, по собственному его сознанію, держалъ въ Парижѣ 60 убійцъ, чтобы умертвить меня. При такихъ обстоятельствахъ я теперь поступилъ бы точно такъ-же“. Бонапартъ отвѣчалъ Жозефинѣ, молившей о пощадѣ герцога: „Вы—ребенокъ: вы не понимаете общественнаго дѣла. Я—государственный мужъ, я — французская революція: я долженъ соблюдать ее“. Онъ правъ былъ только въ одномъ: герцогъ Ангьенскій становился тогда надеждой роялистовъ, которые начинали покидать для него ничтожныхъ братьевъ Людовика XVI. И Талейранъ съ Фушэ совѣтовали Бонапарту примѣромъ опаснаго принца пресѣчь эту безконечную цѣпь заговоровъ. Впрочемъ, впослѣдствіи Наполеонъ самъ признавался, что смерть герцога „повредила ему въ общественномъ мнѣніи, а въ политическомъ отношеніи не принесла никакой пользы“. Да, безъ этого политическаго убійства, которое возстановило противъ него не только всѣ правительства, но и все общественное мнѣніе, Бонапартъ былъ бы сильнѣе въ ту минуту. Рядъ заговоровъ сослужилъ ему хорошую службу: и во Франціи, и внѣ ея за него становилось большинство, какъ за мученика порядка и устроенія расшатанной страны. Даже Моро, какъ мы видѣли, утратилъ свою великую популярность: тогда, вѣдь, никому не

было вдомекъ, что первый консулъ, самъ принимавшій горячее участіе въ продѣлкахъ тогдашнихъ Лекоковъ, отлично зналъ, какъ далекъ былъ его соперникъ отъ всякихъ заговоровъ.

Расправа съ Ангьенскимъ и съ Моро ясно показываетъ, что такая могучая и беззавѣтная сила, какъ первый консулъ, сломила бы хоть кого. А тогдашнее общество было уже и безъ того надломлено. Герои оппозиціи замолкли оттого, что то были вожди безъ арміи: Люди временъ консульства представляли собой развитіе типа золотой молодежи эпохи директоріи. Общество было Гамлетомъ: питомцы Просвѣщенія понимали, въ чемъ дѣло, но у нихъ не было воли для сопротивленія цезаризму. Растлѣваемые „геніемъ ада“, они заботились только о личномъ интересѣ: для огромнаго большинства политика становилась въ тягость, а дѣльный абсолютизмъ — благодѣяніемъ. Всѣ основы „реакціи“ были на-лицо.

Главной причиной перелома въ обществѣ было переутомленіе отъ напряженной „акціи“, дѣятельности, да и какой!—непосильной. Все влеклось къ тишинѣ уединенія въ собственномъ міркѣ, къ мѣщанскому прозябанію, съ его будничнымъ счастьемъ. А тутъ нужно было вновь сколачивать домишки и зашибать копѣйку. „Каналья“, который въ революцію потомъ и кровью создалъ „новую буржуазію“, воображалъ, что выскочка-богатырь оборонитъ его отъ знатныхъ хищниковъ и алчныхъ богачей и снабдитъ его заработкомъ: ему давались, наряду съ академикомъ, награды за изобрѣтенія, а его дѣти воспитывались на казенный счетъ. Войны позволяли ему сбыть лишніе рты въ своей семьѣ, которые еще умножали работу, распоряжаясь чужими рынками. А эти рты превращались въ солдатъ, проповѣдывавшихъ въ странѣ поклоненіе генію побѣдъ. Новая буржуазія чуяла наступленіе своего царства: она съ восторгомъ слѣдила за изворотами хозяина, который положилъ собственность въ основу жизни и тотчасъ отмѣнилъ прогрессивный налогъ. Войны были манной небесной для „новыхъ богачей“—подрядчиковъ-биржевиковъ: замѣстительствомъ въ арміи они откупали свою кровь, которая въ то-же время проникала въ ряды чиновниковъ и интеллигенціи. На руку была имъ и восточная роскошь Тюльери, которая быстро просачивалась въ общество, служившее мамону.

Поднимались и „привилегированные“, которые, вмѣстѣ съ „поповщиной“, были второй причиною быстраго

паденія нравовъ.—„Только эти люди умѣютъ служить", говаривалъ Наполеонъ.—„Я предлагалъ имъ мѣста въ арміи, но они отказались. Я открылъ имъ переднія моего дворца и они хлынули туда толпами!" Выпущенные изъ тюремъ священники, да 40.000 семействъ самыхъ покорныхъ эмигрантовъ послужили закваской *сервилизма* или раболѣпія. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ общество стало неузнаваемо. Констанъ сказалъ г-жѣ Сталь: „Вотъ, вашъ салонъ полонъ любезниковъ, но скажи я мою рѣчь—и завтра онъ опустѣетъ". „Слѣдуйте голосу вашему!" отвѣчала хозяйка и на другой день получила отъ всѣхъ приглашенныхъ отказъ, подъ разными предлогами. Шенье воскликнулъ тогда: „Наши арміи 10 лѣтъ сражались, чтобы мы стали *гражданами*, а мы вдругъ превратились въ *подданныхъ*!" Когда явилось пожизненное консульство, многіе именитые республиканцы (Бареръ, живописецъ Давидъ) срывали пальму первенства въ раболѣпіи. Законодательный корпусъ украсился бюстомъ властителя. Въ „день Наполеона" (15 августа) Парижъ заблисталъ магическими N. B. (Napoléon Bonaparte), вспыхнулъ волшебными огнями, а залы Тюльери наполнились мундирами, фраками и шлейфами. Послѣдними проблесками старыхъ нравовъ служилъ ропотъ промежъ себя по поводу конкордата, Почетнаго Легіона и дѣла Моро.

Гробовое молчаніе сопровождало и „очищеніе" трибуната, и даже венсенское убійство: послѣднее вызвало отставку одного Шатобріана. При обсужденіи императорства въ трибунатѣ одинъ Карно излилъ свою республиканскую душу: противъ него поднялась цѣлая армія новыхъ ораторовъ, которые, при громкихъ рукоплесканіяхъ, сравнивали избранника судебъ съ Карломъ Великимъ и даже съ Геркулесомъ, задушившимъ змѣй безначалія. Одинъ трибунъ даже назвалъ Бонапарта „ваше консульское величество". Наконецъ, и такіе атлеты революціи, какъ Лафайетъ, Грегуаръ, Кабанисъ, даже самъ Карно сталъ мирно работать со всѣми, отожествляться съ консульствомъ.

На такой нравственной почвѣ быстро созрѣли плоды „свѣта" стараго порядка. Мѣщанско-лагерная мода конца вѣка смѣнилась старымъ нарядомъ: сабля—шпагой, сапоги—башмаками съ пряжкой, фраки—богатыми камзолами; и гражданина снова смѣнилъ „мосье"—сначала въ казенныхъ бумагахъ, потомъ и въ общежитіи. Въ Тюльери возвратилось веселое чувственное легкомысліе временъ Маріи-Антуанетты, въ соединеніи со строгой, на-

ныщенной роскошью Людовика XIV. И въ свѣтѣ грубоватое панибратство революціонеровъ уступило мѣсто „галантности", утонченной вѣжливости старыхъ салоновъ. Чопорная монархическая набожность овладѣвала всѣми. въ особенности дамами; возрождались монастыри, завѣщались имущества духовенству; начинали со вздохами слушать проповѣди и странствовать по святымъ мѣстамъ и кладбищамъ, гдѣ назначались любовныя свиданія. Исюду искоренялись слѣды революціи, начиная съ улицъ по городамъ, которымъ были возвращены старыя наименованія.

Новый обликъ общества тотчасъ отразился въ литературѣ. Она впадала въ пустынную метафизику, за невозможностью заниматься современною реальностью. Образовался кружокъ „нравственниковъ". Ихъ „Меркурій", поощряемый Жозефиной, началъ похваливать католичество подъ предлогомъ „свободы совѣсти", а потомъ наступать на „матеріалистовъ и вольнодумцевъ" „Плеяды"— журнала, который издавался Жозефомъ Шенье и Женсенэ. На Шенье посыпались гоненія властей и ненависть общества. Предтеча романтизма, даровитый Лемерсье, прозябалъ на одинъ франкъ въ день; но на вопросъ Бонапарта, отчего онъ не ставитъ новыхъ драмъ, отвѣчалъ: „я жду!" Нравственники восторжествовали, когда явилось евангеліе реакціи—„Геній христіанства" Шатобріана (1802 г.). Этотъ представитель стариннаго, родовитаго дворянства тоже былъ въ Аркадіи: въ 1797 г. онъ погрѣшилъ, издавъ „Опытъ о революціяхъ", обвѣянный духомъ Руссо. Теперь онъ спѣшилъ очиститься съ трескомъ и блескомъ. „Геній христіанства"—кодексъ сантиментализма, отъ котораго оставался одинъ шагъ до духовидѣнія и инквизиціи; и онъ былъ расхватанъ въ нѣсколько дней къ восторгу клира и Фушэ, который тогда сказалъ одному владыкѣ: „Между вашею и моею должностью, право, много общаго". Бонапартъ обрадовался такой неожиданной поддержкѣ своего конкордата. И вотъ Шатобріанъ сразу становится „кумиромъ общества" и главою литературнаго кружка Элизы Бонапартъ и дипломатическимъ агентомъ перваго консула въ Римѣ. Рядомъ съ такою модною философіей поощрялось свыше риѳмоплетство, затянутое въ правила лжеклассицизма. И между тѣмъ какъ серьезные люди уединялись и чудачествовали, свѣтскій человѣкъ становился Адольфомъ, Рэнэ, Освальдомъ романовъ Констана, Шатобріана и г-жи Сталь—этими скучающими тѣнями безъ воли и жизненной энергіи.

Та-же скука казеннаго лжеклассицизма господствовала въ искусствѣ: то была сухая риторическая школа экс-якобинца Давида, который всюду совалъ капральчика въ героическихъ позахъ. А въ наукѣ царилъ свой Наполеонъ—Кювье, этотъ литераторъ и художникъ съ замашками вельможи. Онъ возстановлялъ Бога въ Музеѣ естественной исторіи и задержалъ полетъ генія Сентъ-Илера, установителя ламаркизма, который промелькнулъ, какъ метеоръ, чтобы лѣтъ на 60 потонуть во меракѣ реакціи. На него сыпались милости Бонапарта такъ же, какъ и на папу Института, астронома Ля-Пляса, второго гонителя Ламарка, да на математика Монжа, который вытравлялъ республиканскій духъ въ политехнической школѣ. А Ламаркъ терпѣлъ нужду и выносилъ вообще презрѣніе. Его участь раздѣлялъ умершій 30-ти лѣтъ геніальный анатомъ Биша, близкій къ нему по смѣлости открытій.

Это перерожденіе французовъ было заклеймлено рядомъ мѣръ, представлявшихъ наглядный разрывъ съ демократіей и республиканствомъ. Постепенно возстановлялся нравственный кодексъ „жантильомовъ". Въ манифестахъ слова „отечество, свобода" замѣнялись „вѣрностью, славой", въ особенности-же дворянскою „честью". Прибавлялись награды за выслугу—„почетное" оружіе и т. п.; имена удостоенныхъ записывались на мраморныхъ доскахъ, какъ въ школахъ, гдѣ также разжигалось тщеславіе наградами и „конкурсами".

Наконецъ, возникъ и *Почетный Легіонъ*. Замыселъ Наполеона былъ и здѣсь величественъ и глубокъ. Недаромъ онъ не только сохранился до сихъ поръ[1]), но и сейчасъ представляетъ одно изъ самыхъ популярныхъ учрежденій во Франціи, да и за ея предѣлами. Прибавимъ, что въ области человѣческаго тщеславія это самое возвышенное явленіе, на которомъ все-таки замѣтенъ отблескъ Просвѣщенія и великой революціи. До тѣхъ поръ подобныя „отличія" имѣли весьма узкій смыселъ, связанный съ развитіемъ абсолютизма повсюду: оттого революція уничтожила ихъ, вмѣстѣ со всякими титулами и другими символами суетности. Наполеону хотѣлось расширить этотъ смыслъ, придать знакамъ отличія общественное, патріотическое значеніе.

---

[1]) Почетный Легіонъ пережилъ пять революцій. Сенатъ 1814 г., проклинавшій Наполеона и сочинившій новую конституцію, схватился прежде всего за него; то-же видимъ въ хартіи Людовика XVIII, гдѣ эта мѣра приписывалась только Генриху IV.

Мысль Бонапарта выразилась уже въ декабрѣ 1799 г., когда онъ ввелъ „почетное оружіе" за военныя отличія. Никто не возражалъ противъ этого; но всѣ предостерегали перваго консула насчетъ разныхъ „побрякушекъ" стараго порядка для гражданской службы. Наполеонъ воскликнулъ: „Если различать военныя почести отъ гражданскихъ, то придется установить два ордена; а, вѣдь, нація одна! А если станемъ давать ордена только военнымъ, выйдетъ еще хуже, тогда нація совсѣмъ будетъ не причемъ".

Этотъ замыселъ Бонапарта, какъ врага феодальной привилегированности, былъ развитъ въ слѣдующихъ его словахъ: „До сихъ поръ на свѣтѣ было только двѣ власти—военная и церковная". Онъ хотѣлъ выдвинуть наряду съ ними, если не поставить выше ихъ, третью власть—гражданскую, такъ сказать, всенародную. Онъ думалъ слить тутъ все общество и тѣмъ подавить вѣчное соперничество тѣхъ двухъ властей, столь вредное для государства. Въ его глазахъ, таланты, подвиги, даже „знанія и добродѣтели", гдѣ бы они ни были, и какъ бы далеко ни стояли они отъ „службы" государственной, составляютъ общественную силу и заслугъ, И Бонапартъ не побоялся проводить эту новую мысль. требовавшую возстановленія старой опошленной формы, среди дѣтей Просвѣщенія и революціи! Онъ предвидѣлъ опасность. Ни одно изъ его учрежденій, за исключеніемъ конкордата, не встрѣчало столько сопротивленія, не вызывало столько негодованія и глумленія. Въ трибунатѣ оно было принято, послѣ страстныхъ преній, большинствомъ всего 56 голосовъ противъ 38, въ законодательномъ корпусѣ—большинствомъ 166-ти противъ 110. И все-таки въ 1802 году явился Почетный Легіонъ,—по обычаю Наполеона наполненный громкими словами древняго Рима.

Предводимый самимъ первымъ консуломъ, „Легіонъ" состоялъ изъ 16-ти „когортъ" (римскія роты). Тутъ были „великіе офицеры, командующіе", простые „офицеры" и „легіонеры". Всѣ назначались Бонапартомъ пожизненно и получали отъ 250 до 5.000 франковъ пенсіи; для немощныхъ легіонеровъ въ каждой когортѣ устраивалась богадѣльня. Легіонъ представлялся Наполеону настоящею арміей, вѣрнѣе, какимъ-то рыцарскимъ орденомъ средневѣковья. Онъ имѣлъ собственное управленіе и свои засѣданія, гдѣ торжественно произносились „похвальныя слова" (élogеs) умершимъ членамъ. Бонапартъ одарилъ его недвижимостью, приносившею болѣе 5 милл.

фр. дохода. И онъ всегда старался держать его на достойной высотѣ: во все его царствованіе число легіонеровъ не превышало 30.000; послѣ него ихъ было вдвое больше.

Въ воображеніи Наполеона его Легіонъ представлялся величавой дружиной паладиновъ вокругъ Карла Великаго, защитниковъ добра, почетной стражей новой Франціи. Это—какой-то генеральный штабъ всей націи, главный нервъ ея жизни: легіонеры были распредѣлены по избирательнымъ коллегіямъ. Въ уставѣ Почетнаго Легіона сказано: „Каждый легіонеръ клянется честью посвятить себя службѣ республики, сохраненію ея владѣній въ цѣлости, защитѣ ея правительства, законовъ и освященной ими собственности. Онъ клянется также сопротивляться всѣми мѣрами, допускаемыми справедливостью, разумомъ и законами, всякому замыслу, клонящемуся къ возстановленію феодальнаго строя и связанныхъ съ нимъ титуловъ и званій. Наконецъ, онъ клянется всѣми силами содѣйствовать сохраненію свободы и равенства“.

Но въ этой присягѣ чуется странное сліяніе двухъ теченій. Свобода, равенство, долой феодализмъ! Это—дань еще сильному тогда республиканству. Оттого во всемъ уставѣ Легіона ни разу не упомянуто слово „орденъ“, а также избѣгнуты старинныя слова „командоръ, рыцарь“[1]). И „великимъ канцлеромъ“ или управляющимъ Легіона былъ назначенъ Ласепедъ — членъ Института, за которымъ были только научныя заслуги: послѣ Наполеона эта должность была исключительнымъ удѣломъ военныхъ сановниковъ. Все это такъ. Но „защита правительства и собственности“—это уже звуки изъ другой оперы. А вотъ и подобные-же факты. Въ уставѣ Легіона прежде всего говорилось о военныхъ, а далѣе прибавлено: „Великія заслуги предъ *государствомъ* въ области законодательства, дипломатіи, администраціи, юстиціи, или наукъ даютъ *также* право на допущеніе (въ Легіонъ), если только оказавшія ихъ лица состоятъ въ *національной гвардіи* своего мѣстожительства“. И во все время при Наполеонѣ было только 1.200 легіонеровъ изъ штатскихъ.

Наполеонъ и самъ сознавалъ, что вторая опера была даже звучнѣе первой. Онъ не скрывалъ, что его цѣль—создать не то мальтійскій, не то іезуитскій орденъ. Онъ сказалъ одному изъ „идеологовъ“, громившихъ Легіонъ:

[1]) Нынѣшніе commandeur, chevalier, а также grand maître de l'ordre (гроссмейстеръ ордена) появились при реставраціи (1816).

„И вы думаете, что анализомъ (наукой) можно создавать людей? Никогда! Анализъ годенъ только для ученаго въ его кабинетѣ. Для солдата нужны слава, отличія, награды. „Французы и послѣ революціи остались галлами“, имъ такъ-же любы эти разноцвѣтныя ленточки, эта пустяковина, какъ и церковныя церемоніи. Съ этими презрѣнными погремушками можно управлять людьми!“ Наполеонъ не ошибся. Тогда уже никто не понималъ такихъ классическихъ наградъ, какъ дубовый вѣнокъ, приговоръ—„заслужилъ предъ отечествомъ“, или вѣчная память въ рядахъ товарищей. Всѣ бросились за красной ленточкой: первый засіялъ „цареубійца“ Камбасересъ.

Возвратъ къ старинѣ завершался наглядно для всего міра бытомъ Тюльери. Уже безконечные заговоры заставили перваго консула перемѣнить свой бытъ. Какъ это ни противно было ему, приходилось разыгрывать роль птички въ золотой клѣткѣ. Фушэ окружилъ его образцовымъ шпіонствомъ. Бонапартъ ѣздилъ подъ конвоемъ гвардейцевъ; въ Мальмезонѣ чуть не за каждымъ кустомъ скрывался часовой или сыщикъ. Первый консулъ началъ замыкаться въ тѣсномъ кружкѣ наперсниковъ, въ цѣпяхъ могучаго этикета. Это стало ясно особенно послѣ Маренго, когда вообще Наполеонъ окончательно почувствовалъ себя какимъ-то божествомъ. Съ тѣхъ-то поръ въ Тюльери исчезъ великій „гражданинъ“. Самъ онъ замѣнилъ мундиръ придворнымъ парадомъ, а вельможъ наряжалъ въ пудренные парики „съ сумочкой“ временъ Людовика XIV. Властитель сталъ недоступенъ и молчаливъ; ему кланялись чуть не до земли; у него и у его супруги испрашивали аудіенцій. Получая уже 6 милліоновъ на свою особу, онъ завелъ настоящій дворъ: адъютанты превратились въ „камергеровъ“ и „префектовъ дворца“.

Зимой властитель „изволилъ пребывать“ въ Тюльери, лѣтомъ—въ С. Клу. Эти святилища наполнились эмигрантами, изъ которыхъ уже девять десятыхъ возвратились домой. Была выписана изъ Италіи пѣвица красавица, а Жозефину перевели въ нижній этажъ. Тогда же Бонапартъ спѣшно выдалъ Гортензію за своего любимца Люи, первенецъ которыхъ, походившій на него лицомъ, предназначался потомъ въ наслѣдники императора.

Какъ встарь, снаружи, въ Тюльери, царствовали чопорный этикетъ да парадный блескъ, хотя элегантность баловъ нарушалась армейщиной съ ея неуклюжими дамами, „не умѣвшими ходить по паркету“. Княжна Долгорукая, знавшая тогдашній Тюльери лично, мѣтко

сказала: „Это—еще не настоящій дворъ, но и не лагерь". Новый дворъ отличался отъ стараго еще тѣмъ, что дамы играли въ немъ роль утѣхъ, но не имѣли никакого политическаго значенія, которое всецѣло принадлежало самому владыкѣ.

Внутри-же дворца кипѣли драмы корсиканскаго клана. Обширная родня перваго консула стала старухой изъ сказки о Золотой Рыбкѣ, но тиранизируемой старикомъ. Летиція, проживавшая въ собственномъ дворцѣ, ворчала, по старой памяти, на недостатокъ, а сама все копила деньгу. Фешъ ныль, пока не добился кардинальской шапки и архіепископства. Самые скромные братцы, добродушный уживчивый Жозефъ и слабенькій Люи, да пасынокъ Евгеній, уже обнаруживали добросовѣстную независимость, которою они прославились потомъ, когда сдѣлались монархами и отстаивали своихъ подданныхъ. Люи, сверхъ того, не могъ простить брату „бѣдствія своей жизни", какъ называлъ онъ бракъ съ Гортензіей, съ которой „не жилъ и 4-хъ мѣсяцевъ". Жеромъ, этотъ второй Веніаминъ Бонапарта, не былъ утѣшенъ даже крупнымъ мѣстомъ въ морскомъ министерствѣ: вѣдь, онъ покинулъ, по его приказу, и свою милую Америку, и любящую жену-красавицу. Настоящая красавица Полина, генеральша-вдовушка, не угомонилась, ставши даже княгинею Боргезэ: ея легкомысліе, ея частыя измѣны мужу путали всѣхъ. Хитрая, честолюбивая Каролина, превосходившая волей своего мужа, Мюрата, служила заводчицей козней, мутившихъ весь домъ. Самая энергичная послѣ Наполеона, но взбалмошная литературная дама, Элиза, мужъ которой, бѣдный корсиканецъ Баччьоки, сталъ комендантомъ Марсели, дружила съ Люсьеномъ, который изъинтриговался дотого, что былъ выгнанъ изъ Франціи. Все это грызлось между собою и интриговало изъ-за денегъ и власти. Въ особенности кипѣла борьба между семьей Богарнэ и корсиканскимъ кланомъ. Весь дворъ распадался на „бонапартистовъ" и „богарнистовъ", напоминавшихъ Монтековъ и Капулетовъ, или арманьяковъ и бургундцевъ. Кланомъ предводила коварная Каролина, которая подстраивала разводъ владыки съ бездѣтной супругой: вѣдь, консульская чета состояла лишь въ гражданскомъ бракѣ, не освященномъ церковнымъ обрядомъ! И Жозефина оглашала дворецъ рыданіями отъ грубости и вѣчныхъ измѣнъ своего Зевса. А въ кабинетѣ господина нерѣдко подымался цѣлый Содомъ: слышались крики, ругань. Наполеонъ разъ чуть не прибилъ Люсьена, а тотъ чуть не закололъ его.

XXVI. Войны и дипломатія консульства.

Зерно великой арміи.—Неизбѣжность войны.—Генуя и Маренго.—Массена и Деза.—Моро и Гогенлинденъ.—Люневильскій миръ.—Протей дипломатіи.—Амьенскій миръ и новый разрывъ съ Англіей.—„Перелицовка Европы".—„Императоръ французовъ и итальянскій король".

Мы старались по возможности описать и объяснить, по современнымъ свѣдѣніямъ, внутреннія дѣла консульства. Мы старались проникнуть въ тайну того несравненнаго, по могуществу и порядку, цезаризма, который удалось утвердить Бонапарту въ какіе-нибудь четыре года. Мы не касались только самаго естественнаго вопроса, когда говоришь о Наполеонѣ,—военнаго дѣла. Оно непосредственно связано съ внѣшнею политикой консульства Мы сейчасъ увидимъ, что эта политика неизбѣжно должна была быть воинственной. Бонапартъ, конечно, понималъ это лучше всѣхъ. Вѣдь, похитители престола, выскочки всегда нуждаются въ войнѣ для упроченія своей власти. Это подтвердилъ впослѣдствіи вовсе не воинственный племянникъ Цезаря XIX-го вѣка. А Наполеонъ, чуявшій въ себѣ непобѣдимый боевой геній, сознавалъ, что все достигнутое имъ было доставлено ему полями битвъ. Да и описанный нами цезаризмъ немыслимъ безъ первоклассной арміи.

Конечно, Бонапартъ не упустилъ изъ виду ничего, что можно было сдѣлать тогда въ этомъ направленіи. Если вообще мало говорятъ о консульской арміи, то только потому, что она стушевывается передъ „великой" арміей имперіи и затмевается громадой крупныхъ внутреннихъ дѣлъ. Но безъ нея немыслима сама великая армія: она была зерномъ послѣдней. Въ ней уже было 1.200 молодцовъ консульской гвардіи, за каждымъ изъ которыхъ числилось по четыре блестящихъ кампаніи: то были какъ бы кадры дивныхъ ветерановъ „императорской гвардіи", которыхъ можно назвать солью войска и гордостью военной исторіи. Конечно, и тутъ Наполеонъ не съ неба свалился. Уже „конскрипція" 1798 года превращала войско изъ символа вооруженной націи, какъ было при революціи, въ особый отдѣлъ государственной службы. Бонапартъ только довершилъ это дѣло: онъ превратилъ войну въ ремесло, солдата въ куклу дисциплины, въ бездушную принадлежность вождя, лагеря и знамени. Онъ достигъ этого введеніемъ замѣстительства и жребія: каждый, вытянувшій жребій, могъ откупиться; остальные становились какъ бы особыми существами. А старые солдаты сами возвращались на службу, какъ на свое земное поприще, съ котораго былъ лишь одинъ

выходъ—могила или госпиталь. Офицерство было скопленіемъ дарованій отовсюду—какъ съ самыхъ низовъ націи, такъ и изъ честолюбивой молодежи знати, уже прильнувшей къ роковому человѣку. Въ мирное время эта армія безпрерывно упражнялась въ трехъ лагеряхъ и содержалась образцово. Съ этою цѣлью было учреждено даже второе военное министерство — „военная администрація". И это новое чудо создалось, можно сказать, на другой день послѣ 18-го брюмера, когда военный министръ доложилъ Бонапарту, что никто не знаетъ числа войскъ, никто не платитъ имъ жалованья, не кормитъ и не одѣваетъ ихъ!

Этотъ министръ былъ достоинъ своего господина. То былъ несравненный хозяинъ арміи, Бертье,—преемникъ славнаго Карно не по одному мѣсту. Онъ напоминалъ его талантомъ, въ особенности-же трудолюбіемъ и исполнительностью. То была правая рука Наполеона, образцовый подготовитель того военнаго строя, безъ котораго немыслима ни одна изъ блестящихъ кампаній новаго Цезаря. Съ его-то помощью первый консулъ успѣлъ живо и тихонько образовать „резервную армію" изъ лучшихъ новобранцевъ, зачисленныхъ въ кадры отборныхъ ветерановъ. А на полѣ брани великому завоевателю помогали также опытные и прославленные соревнователи непобѣдимости, какъ Моро на Рейнѣ и Массена въ Италіи.

Такъ въ рукахъ Бонапарта, можно сказать, дрожали силы войны; а ему нечего было искать противниковъ, изобрѣтать поводы къ дракѣ. Война была неизбѣжна уже въ силу историческихъ требованій. Здѣсь опять Бонапартъ былъ прямымъ продолжателемъ предшествующей эпохи. Будь онъ самымъ мирнымъ существомъ въ мірѣ, ему пришлось бы воевать: сама Европа вызывала его на бой. Его дружелюбныя предложенія встрѣтили самый рѣзкій, обидный отпоръ. Австрія и не думала уступать Ломбардію, отвоеванную второю коаліціей; Англія удерживала Мальту и Египетъ. Обѣ отвѣчали дерзко. Надменный министръ императора Франца II, Тугутъ, мечтавшій о первенствѣ Австріи въ Европѣ, спрашивалъ: „Склонитъ ли генералъ Бонапартъ французовъ къ признанію основъ международнаго права"? Питтъ требовалъ ни больше, ни меньше, какъ возстановленія Бурбоновъ. Эти союзницы сознавали, что, несмотря на измѣну Россіи, вторая коалиція была еще могущественна: у Австріи стояло подъ знаменами, въ Италіи и у Рейна, вдвое больше войскъ, чѣмъ у Франціи;

у Англіи еще не истощилось золото, которымъ она скупала кровь южныхъ нѣмцевъ, сардинцевъ и неаполитанцевъ. Онѣ забывали только, что у врага еще не иссякла богатырская сила революціоннаго порыва, а къ ней присоединялась беззавѣтная преданность такому генію побѣдъ, какъ Бонапартъ. Союзницы не сознавали, что имъ некого выставить противъ такой военной троицы, какъ Наполеонъ, Моро и Массена. У нихъ не было даже эрцгерцога Карла: этотъ крайнѣ впечатлительный, эпилептическій потомокъ Габсбурговъ удалился съ своего блестящаго поприща, оскорбленный надменными педантами Вѣны. Онъ сдалъ начальство честному, но ничтожному Краю; а въ Италіи командовалъ такой же честный, но немощный и тупой старикъ Мелясъ.

Бонапартъ задумалъ блестящій планъ — поддержать рейнскую армію своимъ свѣжимъ резервомъ и, ошеломивъ врага, двинуться прямо на Вѣну. Но этому замыслу суждено было исполниться лишь 5 лѣтъ спустя: доблестный 37-лѣтній Моро не захотѣлъ подчиниться 30-лѣтнему сопернику; а конституція VIII года, считавшая консульство гражданскимъ учрежденіемъ, не говорила, кому быть главнокомандующимъ. Бонапартъ создалъ новый планъ—броситься съ резервомъ въ разрѣзъ между Краемъ и Мелясомъ, заградивъ послѣднему отступленіе изъ Италіи. То была отчаянная кампанія: никогда еще счастье не помогало геніальности Наполеона до такой степени. Онъ началъ съ ошибки, вообразивъ, что австрійцы не дерзнутъ напасть на Массену. А Мелясъ дерзнулъ: у него была цѣлая армія противъ избитаго Суворовымъ отряда французовъ, которые походили на толпу голодныхъ, полунагихъ разбойниковъ. Австрійцы заперли ихъ въ Генуѣ, передъ которой стоялъ англійскій флотъ. Но Массена совершилъ такой-же подвигъ, какъ подъ Цюрихомъ. Онъ ввелъ желѣзную дисциплину и поднялъ духъ солдатъ. Питаясь травами да кожей зайцевъ, они почти ежедневными 60-ю вылазками истребили больше враговъ, чѣмъ сколько было ихъ самихъ. Это дало возможность Бонапарту исполнить свой планъ. Искусно утаивъ свои сборы отъ лазутчиковъ, онъ совершилъ переходъ черезъ Большой С. Бернаръ, достойный Ганнибала и Суворова, и свалился къ непріятелю, какъ снѣгъ на голову. Однако, онъ не спѣшилъ на выручку къ своему противнику 18-го брюмера, и Массена сдался, хотя и на самыхъ почетныхъ условіяхъ.

За это ревнивецъ чуть не поплатился всѣмъ. У Ме-

ляса развязались руки и опять стало вдвое больше войскъ, чѣмъ у французовъ. А Бонапартъ сдѣлалъ новую ошибку въ разсчетѣ: онъ наткнулся на всѣ силы врага, у Маренго (іюнь 1880), близъ Александріи. Французы были разбиты. Меласъ отправилъ курьера съ вѣстью о побѣдѣ и уѣхалъ въ крѣпость отдохнуть, предоставивъ помощнику преслѣдовать непріятеля. Задумчиво сидѣлъ Бонапартъ у дороги и нервно хлесталъ пыль, подымаемую его отступающими солдатами. Вдругъ явился Дезэ съ своею дивизіей. Этого искуснаго и безпорочнаго генерала называли „Баярдомъ арміи". Солдаты любили 32-лѣтняго командира, какъ своего отца. Они видѣли, какъ онъ лечилъ у себя зачумленнаго, отъ котораго отказался госпиталь. Они слышали его слова:—„пока меня любятъ солдаты, буду бить врага!" Дезэ только-что вернулся изъ Египта. Онъ стоялъ неподалеку и, заслышавъ пушечную пальбу, самъ догадался придти на выручку къ товарищамъ. „Первая битва потеряна; но у насъ есть время выиграть вторую!" крикнулъ онъ и ударилъ въ тылъ побѣдителямъ, во главѣ бригады „*несравненныхъ*". Пуля тотчасъ-же сразила героя наповалъ; но Маренго осталось за Бонапартомъ.

Наполеонъ приписалъ себѣ побѣду рядомъ лживыхъ бюллетеней. Зато онъ превосходно воспользовался побѣдой, которая въ одинъ день погубила всѣ успѣхи Суворова. Тутъ-то Наполеонъ выказалъ себя великимъ стратегомъ: его общій планъ кампаніи былъ такъ геніаленъ, что проиграй онъ Маренго—онъ задалъ бы его австрійцамъ въ другомъ мѣстѣ. То была—заранѣе выигранная шахматная партія: Маренго—одно изъ четырехъ генеральныхъ сраженій, данныхъ великимъ государственнымъ мужемъ старому порядку вещей. Оно доставило Бонапарту неоспоримое владычество надъ Франціей. Побѣдитель завелъ казну, взявъ большую контрибуцію съ сѣверной Италіи и взваливъ на нее содержаніе своей арміи. Онъ утвердился, поспѣшивъ въ Парижъ съ новыми лаврами: тамъ, у Талейрана, уже разсуждали, кого, въ случаѣ неудачи, поставить на его мѣсто—Карно или Лафайета?

Расправа съ австрійцами въ Германіи была предоставлена генералу Моро. Этотъ образцовый полководецъ изучилъ мѣстность, какъ свои пять пальцевъ, вымуштровалъ солдатъ безустанными упражненіями, пріучилъ офицеровъ къ математической точности въ исполненіи, а главное—внесъ въ армію духъ благородства. Съ меньшими силами онъ восемь разъ разбилъ австрійцевъ и

прижалъ ихъ къ Ульму. Получи онъ подкрѣпленіе изъ резерва—и слава Бонапарта 1805 года была бы за нимъ; но онъ самъ отдѣлилъ отрядъ въ Италію, еще разъ сработавъ въ руку сопернику. Тѣмъ не менѣе, у Гогенлиндена (декабрь 1800) Моро одержалъ одну изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ вѣка, заманивъ врага въ западню силой своей геніальной проницательности, мужественнаго хладнокровія и изумительнаго изученія мѣстности.

То была лебединая пѣсня республиканскихъ армій: съ тѣхъ поръ въ рядахъ французовъ уже не видать такого идейнаго патріотизма, такой безкорыстной храбрости, такой беззавѣтной преданности солдатъ и офицеровъ другъ къ другу, такой простоты и серьезности вождей. Духъ этихъ армій словно умеръ тогда въ лицѣ поэтическаго вояки, честнаго и скромнаго Ляпитра Овернскаго. Онъ прославился въ Пиренеяхъ какъ геній „адской колонны" гренадеровъ, затѣмъ занимался наукой, въ отставкѣ, а теперь, когда ему было подъ 60, вновь поступилъ къ Моро солдатомъ-добровольцемъ: его назвали оффиціально „первымъ гренадеромъ республики". Когда сразило его копье венгерскаго улана, армія три дня носила трауръ. Сердце послѣдняго могикана революціоннаго воинства хранилось, въ серебряной вазѣ, у старѣйшаго сержанта, а имя осталось въ спискѣ. Когда оно произносилось на перекличкѣ, сержантъ выступалъ и рапортовалъ: „умеръ на полѣ чести".

Моро донесъ о побѣдѣ съ трогательной скромностью, въ двухъ строкахъ. Самъ Бонапартъ воскликнулъ, что соперникъ превзошолъ его, хотя потомъ онъ все приписывалъ тутъ случаю. Передъ Моро лежалъ свободный путь въ Вѣну. Товарищи звали его туда; но онъ сказалъ, что „предпочитаетъ завоевать миръ". И онъ заставилъ Франца II замириться помимо Англіи, чего никакъ не могли добиться Бонапартъ съ Талейраномъ. *Люневильскій миръ* (февраль 1801) былъ подтвержденіемъ кампо-формійскаго, но съ отягченіемъ для Австріи: Тоскана была отнята у австрійскаго эрцгерцога и образовала королевство *Этрурію; весь* Рейнъ сталъ границей Франціи; снова была выдвинута „секуляризація", за которую уже ручался Францъ II, какъ нѣмецкій императоръ, предоставляя Бонапарту право слѣдить за ея исполненіемъ. Наконецъ, по требованію Наполеона, упорный Тугутъ былъ замѣненъ уступчивымъ, трусливымъ Кобенцлемъ.

То было окончательное униженіе маститаго Габсбурга,

которому оставалось перенести свои алчные взоры съ запада на востокъ. Самъ Францъ II писалъ тогда: „Я до того истощилъ мою монархію относительно людей и денегъ, что она уже не въ состояніи занимать подобающее мѣсто въ европейскомъ равновѣсіи. Я утратилъ и всѣ мои политическія связи: въ состояніи такого ослабленія, я не могу разсчитывать ни на какой искренній союзъ“.

Пагубный для Габсбурга миръ означалъ верхъ могущества Франціи. То было вѣнчаніе революціоннаго плана пропаганды и завоеванія. Надзоръ за секуляризаціей давалъ Бонапарту право вмѣшиваться во всѣ дѣла Германіи. Италія вся поступала подъ его вліяніе. Французскіе чиновники попрежнему управляли республиками Цизальпийской и Лигурійской, причемъ къ первой изъ нихъ были прибавлены папскія легаціи и Модена. Если Этрурія была уступлена, то лишь временно и номинально: Бонапартъ отдалъ ее полоумному испанскому Бурбону, герцогу пармскому, и за это получилъ отъ Испаніи Парму, Эльбу и Луизіану. Если были отмѣнены республики Римская и Парѳенопейская, то также къ выгодѣ Франціи. Папа, съ урѣзанными владѣніями, становился ея орудіемъ, какъ государь, и опорой Бонапарта, какъ глава католичества: „а какое тутъ получалось вліяніе, какой рычагъ противъ остальной Европы!“ восклицалъ потомъ Наполеонъ. Сверхъ того, возстановленіемъ папы, также какъ возвращеніемъ Неаполя Бурбонамъ и неприсоединеніемъ Піемонта ко Франціи подкупалась Россія; между тѣмъ Піемонтомъ управляли французы, а Фердинандъ IV допустилъ ихъ корпусъ въ Тарентъ и закрылъ свои гавани для англійскихъ судовъ.

Бонапартъ довершилъ эту жатву побѣдъ успѣхами своей дипломатіи. Павелъ I былъ у него въ рукахъ. Наполеонъ подбилъ его потребовать себѣ Мальту у англичанъ. Тѣ, конечно, отказали—и царь сталъ ихъ заклятымъ врагомъ: онъ даже захватилъ ихъ корабли въ своихъ гаваняхъ и воскресилъ мысль Екатерины II въ видѣ „лиги вооруженнаго нейтралитета“, заодно съ Швеціей, Даніей и Пруссіей. Въ то же время Павелъ призналъ естественныя границы Франціи, выгналъ изъ Россіи эмигрантовъ и самого Людовика XVIII, пилъ за здоровье Бонапарта и поставилъ его бюстъ у себя во дворцѣ. Наполеонъ склонилъ Пруссію къ дружественному нейтралитету, давъ ей къ тому же выгодное обѣщаніе не допускать расширенія Австріи въ Германіи. Въ Испаніи онъ поставилъ покорное ему министерство

Годоя, и она, а за нею и Португалія принуждены были закрыть свои гавани британскимъ судамъ. Весь материкъ былъ въ рукахъ Бонапарта. Вездѣ, отъ Германіи до Португаліи, стояли отряды его войскъ; всѣ берега, отъ Балтики до Атлантики, повиновались ему. Отовсюду текли деньги въ его военную кассу: въ бюджетѣ Франціи возникла новая статья—*внѣшніе доходы*, т. е. сотни милліоновъ, которые взимались, даже въ мирное время, не только съ покоренныхъ или враждебныхъ, но и съ союзныхъ націй.

Съ такими силами можно было, наконецъ, отважиться нанести смертельный ударъ самому могучему, самому гордому и неприступному врагу Франціи, охраняемому океаномъ. И было пора. Англія становилась такимъ-же тираномъ на водахъ, какъ Бонапартъ на сушѣ. Богатая обладательница 800 отличныхъ судовъ и стотысячной арміи отчаянныхъ моряковъ, съ талантливыми вождями, она вѣчно наступала на всѣхъ приморскихъ жителей, блокировала порты Франціи и ея союзниковъ, обогащалась торговыми призами даже насчетъ нейтральныхъ. Она рѣшила погубить колоніальное значеніе Голландіи и Испаніи и истребить флоты Франціи и Даніи и уже была близка къ цѣли.

Англичане захватили навсегда Мальту (сентябрь 1800), выморивъ голодомъ французовъ, которые сдались, однако, на условіи отвезти ихъ домой. Они собирались захватить и ихъ доблестную армію въ Египтѣ. Покинутый Бонапартомъ, отрѣзанный отъ міра среди песчаной пустыни, смутился было самъ безстрашный Клеберъ: онъ предложилъ англичанамъ почетную сдачу, но они потребовали плѣна. Тогда герой напомнилъ Леонида такимъ воззваніемъ: „Солдаты! на такую наглость отвѣчаютъ только побѣдами. Приготовьтесь къ бою“! И 1 противъ 10, онъ началъ бить англичанъ, турокъ, арабовъ и усмирилъ жестокій мятежъ въ Каирѣ. Затѣмъ Клеберъ сталъ устраивать страну, какъ французскую колонію: бралъ туземцевъ въ армію, пекся о бѣдныхъ, доставлялъ всѣмъ работу, ввелъ хорошую систему налоговъ. Онъ навсегда сдѣлалъ имя французовъ обаятельнымъ въ Египтѣ: главный шейхъ мамелюковъ обратился въ его вѣрнаго слугу. Но нашелся фанатикъ, который закололъ благодѣтеля своей страны, въ тотъ самый день, когда у Маренго погибъ Дезэ: оба молодыхъ друга пали столпами лучшихъ преданій республики, очищая путь Бонапарту. Бездарный преемникъ Клебера не могъ справиться съ свѣжими тучами враговъ, насѣдавшихъ ото-

всюду на таявшую горсть французовъ, изнывавшихъ отъ зноя, голода и заразы: онъ сдался, но на условіи, чтобы англичане отвезли ихъ домой со всѣми военными почестями.

Захвативъ все Средиземное море, англичане бросились въ сѣверныя воды. Тутъ выдвинулся страшный Нельсонъ. Онъ не слушался начальника и чуть не погубилъ англійскаго флота подъ ударами грозныхъ датскихъ батарей: только эта дерзость да коварное воззваніе къ датчанамъ доставили успѣхъ англичанамъ: датчане принуждены были отказаться отъ лиги вооруженнаго нейтралитета.

Но и англичанамъ становилось не подъ силу такое долгое и глубокое напряженіе: они начали даже терпѣть пораженія на морѣ—мелкія, но доказывавшія, что обученный ими врагъ ободрялся. Въ Великобританіи подымался ропотъ населенія, истощеннаго налогами до того, что мѣстами наставалъ голодъ. Ея долгъ дошелъ до 12 милліардовъ. Противъ нея выступала вся Европа и даже Соединенные Штаты, приставшіе къ вооруженному нейтралитету. Данія закрыла для ея судовъ устья Эльбы, а Пруссія, захватившая Ганноверъ—устья Везера и Эмса. Павелъ I собирался даже осуществить „великій планъ“ Бонапарта—двинуть казаковъ въ Индію, куда могли проникнуть и французы, если не черезъ Египетъ, то черезъ Персію, которая уже склонялась подъ ихъ вліяніе. И если Наполеонъ вскорѣ былъ сраженъ внезапностью кончины своего сѣвернаго друга и замиреніемъ его преемника съ Англіей, зато Александръ I заключилъ также договоръ съ Франціей о своемъ посредничествѣ въ Германіи, Италіи и Турціи.

Вполнѣ обезпеченный на материкѣ, Бонапартъ уже собирался броситься на непокорный островъ: уже была готова масса перевозочныхъ судовъ для „арміи булонскаго лагеря“, и неистовыя атаки Нельсона на эти „орѣховыя скорлупы“ кончились неудачей. Неукротимаго Питта смѣнилъ вялый, миролюбивый Аддингтонъ—и тотчасъ-же послѣдовалъ *амьенскій миръ* (мартъ 1802 г.) Англіи съ Франціей, Испаніей и Батавской республикой. Франція обязывалась только вывести свои войска изъ Тарента и уступала Россіи съ Портой покровительство надъ Іоническими островами, но превративъ ихъ въ республику Семи Островов. Англичане-же отказывались отъ своихъ вожделѣній насчетъ Средиземнаго моря: Египетъ возвращался султану, Мальта—іоаннитамъ. Мало того. Великобританія возвращала французамъ всѣ свои завое-

ванія на морѣ и обязывалась не вмѣшиваться въ дѣла материка. Георгъ III отказался даже отъ титула „короля Франціи“, который носили его предшественники со времени Столѣтней войны. Оппозиція въ Вестминстерѣ гнѣвно восклицала: „Мы утвердили господство Франціи на материкѣ!“ Аддингтонъ утѣшался только тѣмъ, что „это — не обыкновенный миръ, а истинное замиреніе двухъ первыхъ націй въ мірѣ“.

Вселенная ликовала. Теперь только революція вправду завершилась, и „ангелъ мира“ простеръ свои крылья надъ дымившейся кровью Европой. Безконечною вереницей странствовали иностранцы въ Парижъ посѣтить мѣста, которымъ ужасы 15-ти лѣтъ дали безсмертіе, взглянуть на „рокового человѣка“, заклявшаго фурій усобицы и повергшаго Европу въ трепетъ: они благоговѣйно дивились „генію ада“, сумѣвшему побѣдить даже себя самого. А въ глазахъ французовъ Бонапартъ, „закрывшій храмъ Януса“, по его собственнымъ словамъ, становился Генрихомъ IV, добрымъ пастыремъ счастливаго народа. Имъ не могло и сниться ничего выше такого могущества, такой славы, какъ миры люневильскій и амьенскій. Вотъ когда слѣдовало умереть Наполеону, завѣщавъ Франціи всеобщій почетъ, славу и вліяніе повсюду, естественныя границы и образцовый порядокъ внутри!

Но народамъ пришлось быстро разочароваться. Бонапартъ не вѣрилъ въ миръ, да и считалъ его невыгоднымъ для себя. „Державы, сказалъ онъ, все думаютъ о войнѣ: такъ лучше поспѣшить! Вѣдь, у нихъ съ каждымъ днемъ меркнетъ воспоминаніе о послѣднихъ пораженіяхъ; обаяніе нашихъ побѣдъ слабѣетъ. Мнѣ выгодно, если сосѣди принудятъ меня взяться за оружіе, пока оно не заржавѣло. Между старыми монархіями и новою республикой всегда будетъ господствовать воинственное настроеніе. Въ нашемъ положеніи, всякій миръ — лишь краткое перемиріе: по мнѣ, мое предназначеніе — воевать безпрерывно“.

Онъ не ошибался относительно тайныхъ замысловъ державъ. Напрасно Уитвортъ доносилъ: „Каждый годъ мира ослабляетъ консульское правительство; путемъ мира мы гораздо больше, чѣмъ открытой враждой, держимъ его въ осадномъ положеніи“. Англичане не послушались своего дальновиднаго посланника: они помогли Бонапарту, вызвавъ его на новую ужасную борьбу. Напрасно Фоксъ, съѣздившій въ Парижъ для личнаго знакомства съ Бонапартомъ, распинался за него: парламентъ кри-

чалъ, что амьенскій миръ — утвержденіе владычества Франціи на материкѣ. А Георгъ III прибавилъ: „Этотъ миръ—не болѣе, какъ попытка“. И было созвано огромное ополченіе.

Надменный, алчный Джонъ Буль и не думалъ соблюдать амьенскій миръ. Онъ не выпускалъ Мальты изъ своихъ цѣпкихъ рукъ и не могъ простить „корсиканцу“ своего разочарованія, когда тотъ не только отказался отъ торговаго договора, но закрылъ европейскіе порты для его судовъ и сталъ развивать промышленность Франціи. Англія попрежнему держала у себя эмигрантовъ, графа Артуа и снаряжала заговорщиковъ въ Парижъ, а ея печать выливала потоки грязи на „выскочку“ и „исчадіе революціи“.

Съ другой стороны, Бонапартъ становился грозенъ. Тогда уже слагались тѣ мрачныя, властительныя черты, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность историческаго облика Наполеона точно такъ же, какъ треуголка и скрещенныя руки малорослой фигуры. Первый консулъ дѣлается нестерпимъ въ своемъ высокомѣріи, самомнѣніи и лихорадочной жаждѣ борьбы. Нервная раздражительность, мелочная щекотливость деспота приводятъ его къ рѣзкостямъ и дерзостямъ направо и налѣво, къ оскорбительнымъ, внезапнымъ сценамъ уже не съ опозорившеюся Австріей, но и съ такими силами, какъ Англія и Россія.

Письма къ царю становятся почти армейскими бюллетенями; безъ слова любезности: онъ даже не считаетъ нужнымъ отвѣчать на теплую благодарность Александра I за Коленкура. Изъ его гнѣвныхъ устъ уже проронятся выговоры царю даже за смѣну министровъ въ Петербургѣ, съ напоминаніемъ о тѣхъ выгодахъ, которыя первый консулъ даровалъ его „родственникамъ и союзникамъ“. Бонапартъ высказываетъ нашему послу, Маркову, свое недовольство получаемыми имъ рескриптами и прибавляетъ: „я не могу простирать моей снисходительности до униженія обратиться въ вассала“. А когда Марковъ предложилъ ему перечесть бумаги и указать оскорбительныя мѣста въ нихъ, ему отвѣчали: „Мнѣ не нужно читать во второй разъ... Я не могу сказать точно, но я вообще почувствовалъ, что стали изъясняться совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде“. Лицемѣріе и коварство сквозятъ повсюду.

Уже каждое движеніе было дѣломъ тонкаго искусства, было разсчитано на душевное впечатлѣніе, на слабости противниковъ; и совершается оно публично,

съ шумомъ и блескомъ сценическаго представленія. Уже выработалась знаменитая манера всеобщаго оглушенія внезапностью, неожиданностью: сегодня безпричинныя оскорбленія и запугиванія, рыканье льва; завтра—такія же ласки кошачьей лапки, кротость и даже лесть, особенно когда первый пріемъ встрѣчалъ твердый отпоръ; сегодня поразительная сдержанность и дѣтская незлобивость, завтра—напускная запальчивость, это memento mori, воскресившее въ памяти смущенныхъ современниковъ погибель драгоцѣнной вазы, ускорившую миръ въ Кампо-Форміо. Макіавелизмъ уже объявлялся правиломъ жизни, которымъ могутъ пренебрегать только тупицы и пошляки. Если прежде Ростопчинъ могъ поразить міръ своей аксіомой о пожраніи сосѣдей, то теперь она находила подтвержденіе въ болѣе авторитетныхъ и красивыхъ словахъ Бонапарта: „Справедливость государствъ, это—ихъ выгоды и удобства; вынужденное великодушіе есть страсть или, скорѣе, слабость". Въ душѣ революціоннаго генерала разгоралась алчность міроправителя. Его хищническій взоръ уже выходилъ за предѣлы Европы, падая на широкую полосу народовъ отъ Португаліи до Индіи, отъ Швеціи до варварійцевъ Алжира и феллаховъ Египта.

Къ концу 1802 года политическій небосклонъ омрачился. Побѣдитель у Маренго чувствовалъ приливъ силъ, сознавалъ всеобщее оцѣпенѣніе подъ давленіемъ сходившихся въ его рукахъ нитей дипломатіи и массы отборнаго войска, готоваго ринуться на знакомый путь торжествъ. И его бурная природа, и это побѣдоносное воинство скучали безъ дѣла, которое такъ легко доставляло имъ рай земной. Бонапартомъ овладѣвали жажда внѣшней дѣятельности, самовластіе, ярость. Чуялось ему, что пришла пора раздавить соперницу за каналомъ и залечь Соловьемъ-Разбойникомъ всѣ дороги, отъ угрюмыхъ озеръ Шотландіи до улыбающихся береговъ Босфора, до опьяняющихъ нѣгой водъ Инда. Горе было становившимся ему на пути! Баловня судьбы въ военномъ мундирѣ не остановили бы ни годная для простыхъ смертныхъ мораль, ни склоняющаяся предъ мечомъ дипломатія [1]).

---

[1]) Эта характеристика развивающагося новаго человѣка въ Наполеонѣ сдѣлана на основаніи изданныхъ нами документовъ парижскаго и петербургскаго архивовъ. См. *Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I*, т. I въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", т. 70. Особенно важны депеши Маркова Кочубею (20 марта 1802) и двору (22 іюня и 11 декабря 1802), а также

„Роковой человѣкъ“ рвался, прежде всего, обрушиться на Англію: „онъ живетъ только мыслью объ ея уничтоженіи“, доносилъ русскій посолъ. Тогда-то Бонапартъ впервые прибѣгнулъ къ тому притворному взрыву ярости, которымъ потомъ такъ любилъ озадачивать державы. На торжественной аудіенціи, передъ которой онъ шутилъ со своими сестрами и игралъ съ мальчикомъ брата Люи, онъ крикнулъ Уитворту: „Вы воевали съ нами 10 лѣтъ и хотите воевать еще 15 лѣтъ! Вы принуждаете меня къ этому: французскій народъ можно убить, но не запугать! Англичане первые обнажатъ мечъ: я послѣдній вложу его въ ножны. Они не уважаютъ договоровъ: нужно наложить на нихъ трауръ!“ Бонапартъ думалъ застращать, напугать врага: у него ничего не было приготовлено для войны. Но англичане отвѣчали требованіемъ, чтобы французы, признавъ за ними Мальту, очистили Голландію и Швейцарію и дали вознагражденіе сардинскому королю.

Посланники соперниковъ покинули свои посты (май 1803), чтобы не возвращаться на нихъ до конца поприща Наполеона. Англичане начали войну до ея объявленія: они, какъ пираты, захватили суда Франціи и Голландіи, съ товарами на 200 милліоновъ. Французы тотчасъ-же вступили въ Ганноверъ и возвратились въ Тарентъ. А въ Булонѣ опять закопошилось до 2½ тысячъ плоскодонныхъ судовъ и канонерскихъ шлюпокъ; и 120.000 молодцовъ „англійской арміи“ поспѣшно обучались матросской службѣ. Бонапартъ-же, вспоминавшій прежде Цезаря да Карла Великаго, теперь громко вызывалъ тѣнь Вильгельма Завоевателя [1]). Тогда-же онъ продалъ Луизіану Соединеннымъ Штатамъ, что привело, 8 лѣтъ спустя, къ войнѣ между ними и Англіей. Нація искренно поддерживала своего героя, пылая ненавистью къ безцеремоннымъ британцамъ.

Такъ Франція наслаждалась миромъ всего одинъ годъ. Она не могла даже утѣшаться мыслью, что ей приходится мѣриться силами съ одной только своей вѣчной соперницей. Борьба съ англичанами, которые орудовали обыкновенно чужою кровью и нападали на ко-

записка Ростопчина, представленная императору Павлу I по его собственному повелѣнію и разъясненная нами въ „Revue d'Histoire diplomatique“ (1889, 2). Эти документы помѣщены у насъ подъ №№ 154, 182, 198, 234.

[1]) Недавно англійскій генералиссимусъ Уольсли основывалъ свой протестъ противъ плана тоннеля черезъ каналъ именно на томъ, что „величайшій солдатъ въ мірѣ, Наполеонъ“, считалъ высадку въ Англію возможной.

лонии врага по всему свѣту, всегда была міровымъ потрясеніемъ. Теперь-же она начала европейскую войну еще потому, что на материкѣ и безъ того всюду скоплялся горючій матеріалъ. Виной тому былъ самъ безпокойный „геній ада“. Ослѣпленный мнѣніемъ, что никто не посмѣетъ перечить ему, Бонапартъ всюду мутилъ, всѣхъ задиралъ, все тревожилъ. Онъ уже забывался до того, что подражалъ королю-Солнцу въ такихъ международныхъ разбояхъ, какъ „присоединенія“ въ мирное время.

Судьба сосѣдей Франціи показывала и слѣпому, какая печальная участь грозила Европѣ. Такой многообѣщавшій въ будущемъ плодъ революціонной пропаганды, какъ „поясъ“ республикъ-сестеръ, становился укоромъ Франціи, превращаясь въ веревку висѣлицы для народовъ. Здѣсь совершалось то-же, что было съ самою Франціей послѣ 18-го брюмера: конституціи, начертанныя по подобію великой революціи, принимали монархическій оттѣнокъ. По всей линіи, отъ Сѣвернаго до Средиземнаго моря молчаливо разражались грозные „государственные удары“, стоившіе грохота пушекъ подъ Маренго.

Лучшимъ поясненіемъ этого болѣзненнаго состоянія материка, этого безпрерывнаго нарушенія международнаго права служила Голландія. Генеральные штаты Батавской республики постепенно были отраженіемъ учредительнаго собранія, конвента и директоріи. При этихъ формахъ, голландцы жили спокойно, благословляя великодушную сосѣдку, которая дала имъ болѣе человѣчную жизнь, подавивъ пережитки феодализма. Теперь Бонапартъ наградилъ и ихъ консульствомъ: онъ сократилъ права штатовъ и возстановилъ, въ лицѣ одного изъ своихъ наперсниковъ, штатгальтера, или „регента“ (октябрь 1801). Онъ даже осмѣлился прикрыть это насиліе плебисцитомъ— и срѣзался: получилось всего 50.000 „да“; остальные промолчали. Но Наполеонъ преспокойно принялъ „молчаніе за знакъ согласія“. Голландцы рады были хоть тому, что у нихъ возникъ образцовый порядокъ, какъ въ Парижѣ, и былъ введенъ Наполеоновъ кодексъ.

Итальянцы также благословляли Францію за отмѣну феодализма и за Наполеоновъ кодексъ. Но не дешево достались имъ эти благодѣянія революціи: Бонапартъ все перевернулъ у нихъ вверхъ дномъ, по существу, при соблюденіи приличныхъ внѣшнихъ формъ. Цизальпина превратилась въ Итальянскую республику (въ началѣ 1802)—

ловкій намекъ на національное объединеніе; въ сердцахъ итальянцевъ уже трепеталъ патріотизмъ, подъ вліяніемъ пѣсенъ Альфьери о „свободной и единой Италіи". Но и здѣсь власть была сосредоточена въ рукахъ „президента", для выбора котораго была созвана, въ Ліонѣ, „консульта" изъ именитыхъ итальянцевъ. Эти „представители" націи, хотя и были назначены самимъ первымъ консуломъ, однако выбрали своего; но Талейранъ поправилъ ихъ ошибку—и президентомъ оказался Бонапартъ А одинъ „президентъ" вмѣсто трехъ „консуловъ" могъ служить предостереженіемъ для самихъ французовъ. Въ іюнѣ явились подобныя конституціи въ Лигурійской и Луккской республикахъ: президентами въ нихъ были посажены наперсники перваго консула. Въ сентябрѣ расправились съ Пьемонтомъ, пользуясь смертью его пылкаго защитника, Павла I: онъ превратился въ 6 французскихъ департаментовъ, одинъ—съ громкимъ именемъ „Маренго". Папа былъ уже въ рукахъ Бонапарта. Надъ Неаполемъ снова повисъ Дамокловъ мечъ, въ видѣ французскаго корпуса, который возвратился въ Тарентъ, что нарушало права второго кліента Россіи въ Италіи.

Особенно блистательно проявился политическій геній Бонапарта въ Швейцаріи, среди хаоса, царившаго тамъ послѣ ухода французскихъ войскъ: онъ и облагодѣтельствовалъ горцевъ, и извлекъ изъ нихъ для себя всевозможныя выгоды. Гельветская республика, измученная битвами второй коалиціи, погибала отъ вновь вспыхнувшихъ усобицъ между затхлою аристократіей „патриціевъ" и свѣжими стремленіями демократовъ—„патріотовъ". Патриціи искали помощи у англичанъ и, при ихъ содѣйствіи, били своихъ соперниковъ. Бонапартъ снова выслалъ свои войска на выручку угнетенныхъ, выступилъ самозваннымъ третейскимъ судьей и принялъ титулъ „великаго посредника Гельветской республики".

Его „актъ посредничества" (февраль 1803) дѣйствительно искоренялъ „средневѣковое варварство": всѣ 19 кантоновъ стали равноправны и сохраняли свои мѣстныя особенности; привилегіи патриціевъ были уничтожены и замѣнены потомъ Наполеоновымъ кодексомъ; вездѣ правили „сельскія и городскія общины"; единство-же страны выражалось въ „сеймѣ", который собирался ежегодно на 1 мѣсяцъ, попеременно въ каждомъ кантонѣ. Но, оставивъ патріотамъ вліяніе въ отдѣльныхъ кантонахъ, первый консулъ захватилъ центральную власть, сосредоточивъ ее и здѣсь въ рукахъ „прези-

дента" союза. Лишь изъ страха передъ Россіей и Англіей онъ пока не принялъ на себя этого званія, зато вручилъ его своему наперснику, которому далъ пенсію. Тогда-же онъ обратился къ швейцарцамъ, какъ къ своимъ солдатамъ, съ такою рѣчью: „Обязанная своей независимостью Франціи, ваша страна должна быть ея вѣчнымъ другомъ: иначе тотчасъ присоединю васъ. Никогда не потерплю въ Швейцаріи иного вліянія, кромѣ моего!" До конца его поприща горцы оставались вѣрными Франціи и спокойными, довольными внутри. Ради этого спокойствія они перенесли молчаливо новый разбой сосѣда. Бонапартъ отобралъ у нихъ Валлисъ, важный въ военномъ отношеніи: тамъ перевалъ черезъ Симплонъ. Покуда онъ обратилъ эту землицу въ республику, конечно, съ французскимъ управленіемъ.

Наконецъ, Бонапартъ устроилъ и Германію по своему желанію. Онъ и здѣсь оказалъ благодѣянія народу, подорвавъ такой уродливый пережитокъ феодализма, какъ священная римско-нѣмецкая имперія, и введя впослѣдствіи свой кодексъ. Онъ не подозрѣвалъ, что этимъ подрывалъ и свое будущее, расчищая путь національному объединенію нѣмцевъ: покуда ему нужно было только обезсилить Австрію и перехватить ея вліяніе въ Германіи—и онъ достигъ цѣли. Австрія, ничего даже не подозрѣвавшая, была вдругъ вытѣснена изъ „отечества", уединена и направлена на славяно-венгерскій востокъ: было уничтожено ея главное орудіе въ Германіи—духовные фюрсты и имперскіе города, за что ей выкинули клочекъ земли для герцога тосканскаго. Въ то-же время были усилены наперсники Бонапарта—южные князья, особенно Баварія, да Пруссія, которые получили вдвое больше, чѣмъ теряли на лѣвомъ берегу Рейна. Изъ массы независимыхъ владѣній въ нѣмецкой имперіи уцѣлѣло лишь съ полсотни болѣе крупныхъ государствъ и до 6 вольныхъ городовъ; число курфюрстовъ было увеличено до 10.

Такова была знаменитая „секуляризація", которая служила завершеніемъ реформаціи, бранденбургской политики и вестфальскаго мира. Ея планъ былъ составленъ еще Сіейсомъ (въ 1795 г.) и служилъ основаніемъ для работъ раштадтскаго конгресса, прерваннаго войной; теперь онъ вошелъ почти дословно въ роспись Талейрана, которая была принята и Россіей, какъ сдѣлка, выгодная для родственниковъ Александра I въ южной Германіи. Дѣло было оформлено въ видѣ протокола имперскаго сейма (февраль 1803). И настало самое на-

глядное торжество Бонапарта. Пока Талейранъ составлялъ роспись, фюрсты наводняли его переднія, жаждая подачекъ: они ухаживали за его любимцами и лакеями, носили на рукахъ его собачку, забывали на его столѣ драгоцѣнныя табакерки съ червонцами.

Въ томъ-же году самъ Бонапартъ огласилъ одно таинственное дѣло, которое служило всѣмъ, какъ доказательство его міровыхъ замысловъ. То былъ хвастливый отчетъ Себастіяни, его „торговаго агента“ на Востокѣ. Эта „миссія“, интриговавшая въ Турціи, Персіи и Сиріи, приходила къ заключенію, что „теперь достаточно 6.000 французовъ, чтобы вновь завоевать Египетъ“. А оттуда рукой подать до Остъ-Индіи, гдѣ уже возмущалъ туземцевъ генералъ Декаэнъ, который перенесся потомъ на Иль-де-Франсъ, откуда лѣтъ 8 отважно грабилъ своими крейсерами торговыя суда Англіи.

Вскорѣ убійство герцога Ангьенскаго показало, куда можетъ хватить рука человѣка, который самъ считалъ себя выше всякихъ правилъ и законовъ. „Пусть же знаютъ враги моей политики, на что я способенъ, и оставятъ меня въ покоѣ!“ воскликнулъ онъ тогда. А прусскій посланникъ доносилъ: „Насиліе противъ герцога Ангьенскаго лишило Бонапарта большей части довѣрія, восторга, преданности и сочувствія“. Пала даже рента на биржѣ. Въ Европѣ оставался одинъ страхъ передъ Франціей, какъ передъ новымъ терроромъ. Она уже предчувствовала тѣ ужасныя слова, которыя были включены Талейраномъ въ наказъ французскому посланнику въ Лондонѣ, полгода спустя послѣ амьенскаго мира: „Первому консулу, всего 33 года. Онъ пока разрушилъ лишь второстепенныя государства. Кто знаетъ, сколько времени понадобится ему, чтобы перелицовать Европу и воскресить западную имперію?“ Вскорѣ особая комиссія изготовила проектъ новой государственной печати, съ гербомъ въ видѣ „покоющагося льва“. Бонапартъ перечеркнулъ его и подписалъ нервнымъ почеркомъ: „Парящій Орелъ“.

Эта печать знаменовала новый государственный переворотъ, еще какую-то небывалую „конституцію“. Онъ сталъ неизбѣжнымъ послѣ того, какъ въ 4½ года, среди перерожденнаго общества, былъ возстановленъ *старый порядокъ*, съ прибавкой той могучей *централизаціи*, которой онъ никакъ не могъ добиться. Этотъ порядокъ воскресъ во всѣхъ областяхъ жизни, какъ въ матеріальной, такъ и въ идейной культурѣ: оставалось вѣнчать зданіе, обозначить новое историческое явленіе по-

доблющимъ именемъ. Оно не могло называться попрежнему „королевствомъ“: выскочка, сынъ революціи, выковавшій собственноручно новую корону изъ булата, былъ воплощеннымъ разрывомъ съ этимъ сѣдымъ и опозореннымъ преданіемъ Франціи: въ мартѣ 1804 г. онъ сжегъ за собой корабли, поливъ ихъ кровью юнаго отпрыска старины, вся вина котораго состояла въ томъ, что онъ былъ Бурбонъ. Новый Цезарь перешелъ свой Рубиконъ—и въ маѣ онъ принялъ званіе *императора*, которое было почетнымъ титуломъ въ легіонахъ Юлія Цезаря. Къ тому-же въ Европѣ, трепетавшей передъ побѣдоноснымъ корсиканцемъ, эта кличка считалась выше королевской.

Великое событіе, которымъ начинался вѣкъ, носилось въ воздухѣ: въ обществѣ слышались разговоры о „французской имперіи“, о „галльскомъ императорѣ“. Дѣло замышлялось уже за полтора года передъ тѣмъ. Мѣсяца два оно подготовлялось непосредственно, рядомъ интригъ, въ особенности-же работой полиціи. Во время процессовъ Пишегрю и Моро появились чиновничьи адресы Бонапарту. Затѣмъ сенатъ, вдохновляемый г-мъ Фушэ, просилъ „великаго человѣка“ сохранить „сынамъ содѣянное имъ для отцовъ“, содѣлать свое твореніе столь-же „безсмертнымъ“, какъ его „слова“.— „Вы, заявлялъ онъ, извлекли насъ изъ хаоса прошедшаго; мы благословляемъ благодѣянія настоящаго: обезпечьте-же намъ будущее“. Первый консулъ просилъ дать ему подумать: въ челобитной сенаторовъ не было слова „имперія“, которой не желалъ даже государственный совѣтъ, несмотря на всѣ ухищренія находчиваго Люсьена.

Тѣмъ временемъ префекты стали обдѣлывать свои департаменты, а сенату и трибунату пригрозили „нетерпѣніемъ арміи“, будто бы готовой „совершить революцію, которая должна быть дѣломъ гражданскихъ властей“. Наконецъ, трибунатъ высказался въ пользу наслѣдственной имперіи, хотя прибавилъ: „Франція ожидаетъ отъ фамиліи Бонапарта болѣе, чѣмъ отъ всякой другой, сохраненія выгодъ революціи и правъ и свободы избравшаго ее народа“. Согласился и законодательный корпусъ. Тогда только Наполеонъ отвѣчалъ сенату: „Сообщите мнѣ вашу мысль вполнѣ. Я желаю, чтобы 14-го іюля мы могли сказать французскому народу: 15 лѣтъ тому назадъ, вы, въ добровольномъ порывѣ, взялись за оружіе и завоевали свободу, равенство, славу; сегодня эти первыя блага націй упрочены безповоротно, утверждены за вами и за вашими дѣтьми“.

Въ маѣ 1804 года, явился уродливый сенатусъ-консультъ, представляющій собой *шестую* конституцію или „конституцію XII года“: „правленіе *республики* довѣряется *императору*“ наслѣдственно въ семьѣ Бонапарта. При отсутствіи кровнаго или „усыновленнаго“ наслѣдника, престолъ переходилъ къ самымъ покорнымъ братьямъ Наполеона—къ Жозефу и Люи.

Отрядъ сенаторовъ и офицеровъ, въ сопровожденіи трубачей и барабанщиковъ, обошелъ улицы, возглашая имперію среди населенія столицы, на лицахъ котораго были написаны частью изумленіе, частью равнодушіе. Наполеонъ тотчасъ-же принялъ титулъ „императора французовъ“, хотя имя „республики“ красовалось еще года три. Уже потомъ спросили народъ. По свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, онъ видѣлъ въ оппозиціи сенаторовъ лишь заботу о самихъ себѣ, какъ было съ парламентомъ передъ революціей: въ огромномъ большинствѣ, онъ сознавалъ необходимость крѣпкой власти, страшась, послѣ заговоровъ, возврата какъ террора, такъ и Бурбоновъ. Это доказалъ плебисцитъ: онъ далъ $3^1/_2$ милліона „да“ и $2^1/_2$ тысячи „нѣтъ“. Въ числѣ послѣднихъ оказались всѣ парижскіе адвокаты и юристы.

2-го декабря совершилось пышное коронованіе, напомнившее французамъ дни короля-Солнце, съ тою разницей, что, какъ говорятъ очевидцы, положеніе правительства было очень тяжелымъ: сановники боялись, какъ бы молчаливая, равнодушная толпа, по лицамъ которой змѣились насмѣшливыя улыбки, не разразилась хохотомъ надъ воскрешеніемъ средневѣковаго маскарада. Церемоніалъ былъ роскошный: ему предшествовало нѣсколько репетицій, съ помощью механическихъ куколъ, указывавшихъ движенія каждаго актера. Императоръ не согласился только причаститься наканунѣ: говорили, будто онъ боялся яда итальянскихъ прелатовъ. Зато онъ обвѣнчался тогда, хотя и тайно, съ Жозефиной, которая была до тѣхъ поръ, въ глазахъ церкви, лишь его метрессой.

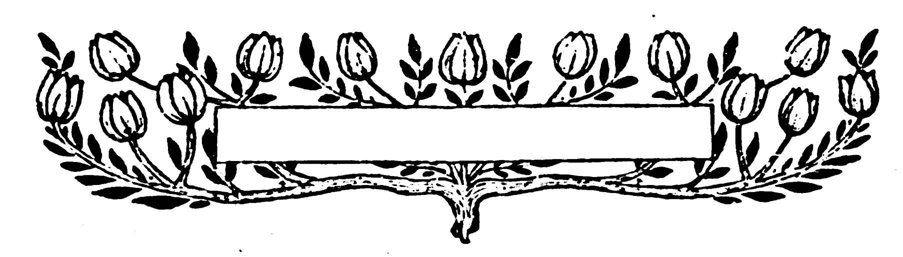
Избранникъ народа притекъ въ соборъ парижской Богоматери въ золотой каретѣ Бурбоновъ; генералы несли корону Карла Великаго и другіе знаки абсолютизма, а братья Наполеона—шлейфъ Жозефины. Обрядъ совершалъ самъ папа Пій VII. Наполеонъ заставилъ его прождать цѣлый часъ. Онъ зѣвалъ во время службы. Онъ самъ крѣпко схватилъ корону и плотно нахлобучилъ ее на голову, затѣмъ надѣлъ ее и на свою супругу, павшую предъ нимъ на колѣна. Положивъ руки на Библію, новоявленный императоръ воскликнулъ: „Кля-

нусь отстаивать основы революціи и цѣлость французской земли! Клянусь управлять на благо, на счастье и славу французскаго народа!" Послѣ коронаціи Наполеонъ сказалъ Жозефинѣ: „Я выигралъ сраженіе!" А папа поникъ главой. Св. отецъ усердствовалъ, надѣясь на новый „Пипиновъ даръ", но получилъ только возстановленіе грегоріанскаго календаря, да и то лишь съ 1-го января 1806 г.; въ то-же время во Франціи былъ уничтоженъ орденъ іезуитовъ. Полгода спустя, императоръ французовъ, подобно Карлу Великому, короновался, въ Миланѣ, какъ *итальянскій король*. То была еще болѣе пышная, какъ бы міровая церемонія: при низкихъ поклонахъ иностранныхъ пословъ, Наполеонъ возложилъ на себя 14-вѣковую древность—желѣзную корону лангобардовъ. Приэтомъ онъ грозно выкрикнулъ старинную клятву: „Богъ далъ ее мнѣ. Горе тому, кто вздумаетъ коснуться ея!" [1]).

А. Трачевскій.

---

[1]) Этимъ мы заканчиваемъ нашъ историческій очеркъ жизни *Набулионе Буонапарте* и *Бонапарта*. Исторію *императора Наполеона* выдѣляемъ въ самостоятельное изслѣдованіе, для котораго нашъ біографическій очеркъ въ изданіи Павленкова можетъ служить развѣ только программой. Изданія новыхъ документовъ и научныхъ обработокъ нашего предмета не перестаютъ заваливать книжный рынокъ. Не успѣваешь слѣдить за ними. Только что мы написали для нынѣшней книжки „Вѣстника Всеміірной Исторіи" о заговорахъ временъ консульства, какъ явилось цѣлое изслѣдованіе извѣстнаго историка, Эрнеста Доде (брата покойнаго романиста) о дѣлѣ Кадудаля, по новымъ документамъ. Въ нашемъ историческомъ очеркѣ первой имперіи мы постараемся, по мѣрѣ силъ, воспользоваться всей этой грудой новаго матеріала.

Психограммы.

Пять шаговъ въ длину—два съ половиной въ ширину...

Пять шаговъ въ длину — два съ половиной въ ширину... пять шаговъ въ длину—и онъ долженъ повернуть обратно—дальше идти некуда.

Да, дальше идти некуда въ каменномъ футлярѣ, въ который его посадили.

И онъ ходитъ, ходитъ, безъ конца ходитъ и поворачиваетъ обратно.

Ходитъ, а мозгъ его давятъ воспоминанія и въ глазахъ мелькаютъ красные, зеленые круги.

Красное пятно—сегодня день его торжества—единственнаго его торжества, яркаго торжества, память о которомъ никогда его не оставитъ.

Залитый солнцемъ зеленый лугъ, а на лугу маленькій мальчикъ, въ красной рубашкѣ. Эту рубашку сшила ему мать, нарядила его и, любуясь, сказала: какой ты у меня хорошенькій, мой мальчикъ.

И онъ на всю жизнь запомнилъ ея чудные любящіе глаза, ея слова „мой мальчикъ“ и этотъ яркій солнечный день, и красную рубашечку, и глядящихъ на него съ завистью другихъ дѣтей. Потомъ онъ уже никогда не возбуждалъ зависти и никто не называлъ его „мой мальчикъ“—глаза его матери перестали на него смотрѣть.

Началась жизнь и все давила его, давила.

Давила—пока не сломила—машина затянула лѣвую руку и онъ уже не могъ заниматься слесарной работой.

Просвѣтомъ была болѣзнь, больница и лѣченіе и горячечный бредъ.

Онъ увидѣлъ тогда многое такое, чего потомъ никогда болѣе не видалъ.

Ему грезился роскошный зеленый лугъ и на немъ мальчики. И въ красной рубашечкѣ не одинъ мальчикъ, а всѣ, рѣшительно всѣ.

И всѣ довольные, и всѣ счастливые и съ ними ихъ мамы ласкають ихъ.

И мамы эти не умираютъ, и мальчики никогда не вырастаютъ большими, и ихъ ручки не затягиваютъ машины, и ихъ не давитъ свинцовая жизнь, а затѣмъ—они не попадаютъ въ каменный футляръ.

Наступило выздоровленіе и кончились грезы и потянулась длинная холодная улица.

Онъ все ходитъ по улицѣ въ рубищѣ, не находя пристанища, ходитъ и предлагаетъ купить то, что никому и даромъ ненужно—картинки.

Онъ проситъ купить картинки—иначе просить онъ не смѣетъ, проситъ и заглядываетъ въ глаза прохожихъ.

Однажды ему мелькнули чудные глаза, такіе-же чудные какъ тѣ глаза, тогда на лугу въ день его торжества.

Мелькнули—и онъ боялся потерять ихъ и постоянно сталъ ходить по улицѣ, гдѣ увидѣлъ ихъ, и, грязный и жалкій, слѣдилъ за ними, какъ за лучемъ свѣта, единственнымъ лучемъ.

Ему часто казалось, что неизвѣстная дѣвушка смотритъ на него почти съ любовью—и онъ былъ безмѣрно счастливъ...

Онъ встрѣтилъ ее однако, вскорѣ, съ человѣкомъ молодымъ, красивымъ и чисто одѣтымъ, а на него—залаяла собаченка.

И, опираясь на руку своего спутника, она взглянула на него и юноша взглянулъ на него. Какъ холоденъ и бездушенъ былъ ея взглядъ,—у мужчины было больше любви и состраданія въ глазахъ. Онъ почувствовалъ, что съ него какъ бы сорвали его послѣднюю жалкую одежду и обнаженнаго выставили на свѣтъ солнца; онъ не помнилъ себя отъ острой боли.

Все слилось въ красное пятно.

И ея глаза потухли, потухли навсегда. Потухли какъ тѣ дорогіе глаза, въ день его торжества.

Пять шаговъ въ длину—да, онъ человѣкъ опасный для общества—два съ половиной въ ширину и дальше идти некуда, дальше идти некуда...

Ау—ау!

Все тихо кругомъ... На балконѣ деревенскаго дома мы сидимъ вчетверомъ: мой старый товарищъ, давно ужъ засѣвшій въ деревнѣ, молодой студентъ, его сынъ, и барышня-сосѣдка, что живетъ со своимъ отцомъ въ хуторѣ за рѣкой. Съ юношеской силой блестя глазами изъ-подъ своихъ сѣдыхъ бровей, споритъ мой старый другъ со своимъ сыномъ.

Вѣчный споръ отцовъ и дѣтей!

Я смотрю въ эту тихую ночь и лишь отрывки бесѣды случайно скользятъ въ моемъ мозгу.

„Въ женщину нужно вѣрить, говоритъ мой товарищъ,— когда у мужчинъ опускаются руки, часто женщина бываетъ сильнѣе ихъ. Вспомни Жанну д'Аркъ да, пожалуй, Шарлотту Корде... У женщины въ такія минуты больше силы потому, что она вся уходитъ въ геройскій порывъ, вся безъ остатка. Какъ-же можно исключать изъ своей жизни женщину? Отказъ отъ женской любви, настоящей, сильной, это не что иное, какъ частичное умерщвленіе себя, а въ природѣ нѣтъ ничего лишняго. Конечно, Руссо мѣтко сказалъ, что все выходитъ чистымъ изъ рукъ Творца и портится въ рукахъ людей, но вѣдь это люди-же виноваты, людскія руки... Нужно, чтобы руки были чистыя".

„Нѣтъ, папа! слышится голосъ студента.—Это все тотъ-же неисправимый идеализмъ и больше ничего, да еще притомъ съ цѣлью самооправданія. Шалитъ плоть, вотъ и прикрываютъ все это красивыми фразами, забывая, что пропала птичка, коль увязъ коготокъ. Если полюбишь для себя, т. е. женщину, то не будешь любить для другихъ. Станешь чуждымъ добру. Нѣтъ! Одинъ выходъ: это исключить изъ жизни, для блага жизни, любовь, какъ слѣдуетъ удалить все, что только приноситъ пользу одному себѣ и удовольствіе. Нужно заставить молчать сердце, да, необходимо заставить, молчать". И голосъ студента оборвался на полусловѣ и онъ какъ-то тревожно посмотрѣлъ на свою сосѣдку. Стоя спиной къ спорящимъ она, такъ-же какъ и я, смотрѣла въ тихую, темную ночь. Когда она повернулась къ свѣту, мнѣ показалось, что въ глазахъ ея блеснули слезы.

„Нужно заставить молчать сердце, думалъ я, но вѣдь если можно заставить молчать, если можно мучить себя, то можно ли мучить другого? Зачѣмъ-же смерть вносить туда, гдѣ жизнь зоветъ, гдѣ жизни просятъ? Нѣтъ,

нельзя заставить молчать сердце. Если оно молчитъ, то потому, что умерло. Неужели оно уже умерло у сына моего друга? Неужели этотъ юноша старше своего отца?"

Бесѣда какъ-то оборвалась и всѣ разошлись.

Я направился въ лучшую комнату дома съ окномъ на рѣку, которую мнѣ отвели какъ гостю. Сидя у открытаго окна, я слышалъ, какъ простилась молодая дѣвушка съ хозяевами и ея тѣнь скоро мелькнула на противоположной сторонѣ рѣки.

А, можетъ быть, правъ студентъ, продолжалъ думать я, вѣдь въ самомъ дѣлѣ сколько людей и не мечтаютъ о любви, и мнѣ припомнились строфы Некрасова:

„Пожелаемъ тому доброй ночи,
„Кто все терпитъ во имя Христа,
„Чьи не плачутъ суровыя очи,
„Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
„Чьи работаютъ грубыя руки,
„Предоставивъ почтительно намъ
„Погружаться въ искусство, въ науки,
„Предаваться мечтамъ и страстямъ".

Но развѣ чувство любви не единая радость тѣхъ, которые тамъ, внизу и по головамъ которыхъ мы ходимъ, тяжко ступая...

Въ хуторкѣ напротивъ блеснулъ огонекъ. Все тихо и темно кругомъ, одинъ этотъ огонекъ мигаетъ за рѣкой. Должно быть, это огонекъ въ комнатѣ дѣвушки-сосѣдки.

Кому-же не бодрствовать въ эту тихую, темную лѣтнюю ночь, какъ не тревожной и любящей женской душѣ.

Она его манитъ къ себѣ, деревенская Геро—неужели не отзовется философствующій Леандръ?

Неужели не отзовется?

„Ау—ау"—послышалось мнѣ—нѣтъ, я не ошибся.

„Ау"—сперва женскій голосъ, голосъ сосѣдки, а потомъ и откликъ студента—„ау".

Успокоенный, я закрылъ окно—жизнь побѣдила.

М. Головинскій.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

Оригинальный русскій историкъ-публицистъ. — Крупный, но забытый писатель.—О Фехнерѣ.—Русская журналистика по слѣдамъ германской метафизики.

Въ концѣ 1869 г. появилась одна замѣчательная книга, подъ нѣсколько сложнымъ и запугивающимъ ординарнаго читателя заглавіемъ: „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа". Заглавіе все-таки не помѣшало книгѣ привлечь на себя сразу-же общее вниманіе. Имя автора было давно уже извѣстно, но въ узкомъ кругѣ читающей публики, преимущественно журнальной. Въ указанный моментъ книга вполнѣ отвѣчала приподнятому настроенію тогдашней молодежи. Призывъ „въ народъ!" еще не прозвучалъ, но онъ уже готовъ былъ сорваться съ языка: нуженъ былъ только сильный толчокъ. Нельзя сказать, чтобы этотъ толчокъ былъ данъ указанной книгою. Но книга помогла сильнѣе почувствовать этотъ толчокъ, данный инымъ путемъ. Подобно знаменитой тріадѣ аббата Сійеса, книгою изъяснялись три тезиса: чѣмъ было все историческое прошлое русскаго народа? чѣмъ долженъ онъ быть? и что для этого нужно сдѣлать?. Авторомъ ея былъ Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ. Со смерти его прошло теперь 25 лѣтъ.

При своемъ появленіи книга Щапова вызвала множество отзывовъ и критическихъ статей во всей тогдашней передовой журналистикѣ; книгѣ оказало должное вниманіе даже „Православное Обозрѣніе".

Въ Катковскомъ журналѣ появилась статья какого-то

Варф. Кочнева подъ заглавіемъ „Событіе въ нигилистическомъ мірѣ“, въ которой авторъ не поскупился на инсинуаціи и намеки на счетъ *невѣрія и пропаганды нѣкоего новаго ученія*. Но нападеніе это было ловко отпарировано. Тогдашній (но не нынѣшній) г. Пятковскій сопоставилъ условія, выгодно занимаемыя Варф. Кочневымъ, съ исключительнымъ положеніемъ Щапова, вслѣдствіе чего издѣвательства Кочнева являлись по меньшей мѣрѣ безтактными. А откровенный и тогда г. Буренинъ, писавшій въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ подъ псевдонимомъ Z, назвалъ статью Кочнева просто „образцовой глупостью“.

Втеченіе всѣхъ семидесятыхъ годовъ интересъ къ книгѣ Щапова не оскудѣвалъ. Но перегорѣли идеи семидесятыхъ годовъ, пропалъ интересъ и къ этой книгѣ. Между тѣмъ книга и въ настоящее время могла бы одною своею стороною сослужить большую службу. Щаповъ былъ завзятый противникъ нашего, такъ называемаго классическаго образованія, и мы не знаемъ еще другой книги, которая бы съ тою-же неотразимой діалектикой и вѣской эрудиціей доказывала всю непригодность у насъ этого образованія. Щаповъ со всею своею страстностью доказывалъ, что „классицизмъ не былъ историческимъ началомъ интеллектуальнаго развитія въ Россіи, какимъ онъ былъ на Западѣ“; что „русскому народу закономъ всемірной исторіи суждено было возбудиться, импульсироваться въ умственной жизни подъ новымъ, западно-европейскимъ завѣтомъ великихъ міровыхъ идей и открытій, а не ветхимъ завѣтомъ зачаточныхъ знаній классическаго міра“; что „для русскаго народа классицизмъ является отжившей историко-археологической силой, которая не можетъ имѣть благотворнаго вліянія на умственное развитіе народа и, будучи механически, искусственно и насильственно прививаемо къ Россіи въ качествѣ педагогическаго средства, лишь тормазитъ истинное просвѣщеніе и составляетъ анти-національное, анти-историческое и праздное археологическое занятіе умовъ“. Такъ писалъ Щаповъ въ самый разгаръ насажденія у насъ *классицизма*.

Поэтому статья о Щаповѣ г. Алексинскаго (въ „Русской Мысли“), написанная съ знаніемъ жизни, литературной дѣятельности, побудительныхъ мотивовъ къ этой дѣятельности и отношенія къ ней Щапова, пріобрѣтаетъ большой интересъ. Біографія Щапова коротка и можетъ быть изложена въ нѣсколькихъ строкахъ.

Онъ родился въ Сибири, отъ отца дьячка и матери бурятки, портретъ которой запечатлѣлся во всей его наружности: узкіе, черные глаза, черные вьющіеся волосы, оливковый цвѣтъ кожи; притомъ кипящая дикая инородческая кровь. До восьми лѣтъ онъ живетъ въ своей семьѣ, жизнь которой ничѣмъ не отличалась отъ простой мужицкой. Съ девяти лѣтъ онъ проходитъ иркутскую бурсу, гдѣ его калѣчатъ вмѣстѣ съ остальными бурсаками. Съ 16 лѣтъ онъ съ полнымъ успѣхомъ проходитъ семинарскія науки и 22-хъ лѣтъ поступаетъ въ казанскую духовную академію. Это было въ 1852 году—время, по оффиціальнымъ отчетамъ, повсемѣстной въ Россіи тишины и спокойствія. Въ наукѣ, а тѣмъ болѣе школьной, ничего, кромѣ благонамѣреннаго направленія, не существовало. Академическіе отцы профессоры утверждали, что „свѣтскія науки и литература—это обширнѣйшая пустота“. Но такъ было по наружности, внутрь-же стѣнъ идеи скользили вмѣстѣ съ воздухомъ. Работа анализирующей мысли шла своимъ чередомъ, даже нѣкоторые профессора открыто ей потворствовали. Истолковывался Штраусъ и Фейербахъ, рекомендовались для чтенія журналы, а профессоръ математики и физики постоянно твердилъ слушателямъ, что „тотъ студентъ—не студентъ, который не въ состояніи отъ доски до доски прочитать съ полнымъ понятіемъ „Современника“ и „Отечественныхъ Записокъ“. Гегель, Бѣлинскій, Герценъ, западные и русскіе классики возбуждали долгіе и горячіе споры. Естественно, что такое горнило произвело на свѣтъ и соотвѣтствующую магистерскую диссертацію („Расколъ старообрядства“), отъ которой начальство съ негодованіемъ отшатнулось. Щаповъ „въ порывѣ увлеченія и съ сознаніемъ собственнаго достоинства“ бросилъ тетрадь своего сочиненія къ ногамъ начальства и сказалъ: „Если не заслуживаетъ степени магистра моя диссертація, сожгите ее, я и такъ проживу, потому что знаю и безъ отзывовъ достоинство своей работы“. Его стали укрощать и склонять къ постриженію въ монахи, но безуспѣшно. Пришлось дать магистра и сверхъ того назначили баккалавромъ по русской исторіи. Вскорѣ же Щаповъ становится адъюнктомъ по русской исторіи въ казанскомъ университетѣ. Приближалась „эпоха великихъ реформъ“, которой предшествовала усиленная пропаганда и распространеніе славянофильскихъ идей. Идеи эти дали толчокъ направленію Щапова, но онъ не сдѣлался славянофиломъ, а выработалъ свою доктрину. Въ програмѣ своихъ

лекцій и въ запискѣ, прочтенной имъ въ кружкѣ студентовъ, совершенно ясно выступаютъ основныя черты историческихъ воззрѣній Щапова.

„Вся первоначальная наша исторія до эпохи Московскаго государства,—говоритъ онъ,—вся естественно-историческая основа, архитектоническая постройка русскаго государства состоитъ въ территоріальномъ самообразованіи областныхъ земскихъ общинъ путемъ колонизаціи, въ натуральномъ, экономическомъ и юридическомъ самоуправленіи и въ земско-общинной организаціи ихъ, въ органически-федеративной связи ихъ, какъ членовъ одного политическаго организма". „Земская самобытность общинъ въ конфедеративномъ союзѣ всей земли составляла естественно-историческій зародышъ нормальнаго и свободнаго развитія и проявленія народной жизни".

„Другое начало—историческое, выработавшееся въ древней Россіи свободной народной жизнью. Это начало земскаго народосовѣтія". „Грубы были всѣ эти земскіе соборы, имѣли временный характеръ, не были постоянными институціями; но въ настоящее время намъ нужны не формы ихъ, а только принципъ... Идея областныхъ земскихъ совѣтовъ и всенародныхъ центральныхъ соборовъ, рано или поздно, во имя историческаго права, во имя уваженія къ духу и потребностямъ нашего народа, выразившимся въ теченіе исторіи, должна быть принята въ соображеніе при новой организаціи мѣстнообластного и всеобщаго конфедеративнаго народосовѣтія".

„Если я ошибаюсь въ пониманіи современнаго историческаго народнаго права, то да прилипнетъ языкъ мой къ гортани моей",—такъ энергически Щаповъ защищаетъ свои мысли. Мысли эти были отвѣтомъ на животрепещущіе запросы того времени, и слышать ихъ съ каѳедры являлось для студентовъ небывалой новизной. Аудиторія, въ которой читалъ Щаповъ, ломилась подъ напоромъ слушателей. Лекторъ сдѣлался идоломъ студенческой массы. Но недолго царилъ Щаповъ: онъ не прочелъ даже годового курса. Случилась извѣстная „бездненская исторія" (въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, гдѣ по поводу обнародованія манифеста 19 февраля вспыхнулъ среди крестьянъ бунтъ и было убито солдатами нѣсколько человѣкъ). Послѣ торжественной панихиды по убитымъ, при огромномъ стеченіи народа, Щаповъ съ обычной смѣлостью и прямотой сказалъ рѣчь, произведшую сильное впечатлѣніе. Его хотѣли арестовать, но огра-

ничились увольненіемъ и предложеніемъ ѣхать въ Петербургъ и самому оправдаться. Здѣсь онъ прожилъ недолго, около трехъ лѣтъ. Въ это короткое время онъ сдѣлался сотрудникомъ вліятельныхъ прогрессивныхъ журналовъ, которые немедленно воспользовались талантливымъ и увлекающимся историкомъ и направили всю громадную эрудицію Щапова по другому направленію.

Въ самое короткое время отъ славянофильства его, которое и безъ того сидѣло въ немъ не прочно, не остается даже слѣдовъ, и онъ переходитъ въ ряды сторонниковъ *европеизма*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увлекается естественными науками, спасительностью естествознанія и съ новой уже точки зрѣнія разрабатываетъ свою прежнюю основную тему „о русской народной исторіи", съ тою лишь разницею, что теперь вмѣсто прежнихъ обычныхъ его словъ „земское строеніе", „народосовѣтіе" у него не сходятъ съ языка ссылки на Дарвина, Вундта, Фохта, Молешотта, Гартвига. Всѣ его капитальныя работы въ этомъ направленіи были начаты и закончены въ Иркутскѣ, куда онъ былъ сосланъ на жительство въ концѣ 1863 года.

Главныя изъ этихъ работъ слѣдующія: „Естествознаніе и народная экономія" („Рус. Сл." 1864 г., № 1), „Этнографическая организація русскаго народонаселенія" („Библ. для Чт." 1864 г., № 1), „Общій взглядъ на исторію интеллектуальнаго развитія въ Россіи" („Дѣло" 1866 г., №№ 2—3), „Историческія условія интеллектуальнаго развитія въ Россіи" („Дѣло" 1868 г., №№ 1, 3, 4, 7, 8 и 9), „Естественно-психологическія условія умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа" („Ог. Зап." 1870 г., №№ 3, 4 и 1 2) и, наконецъ, указанное выше, „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа":

Какъ мы видимъ. всѣ работы Щапова написаны на одну общую тему: объ условіяхъ, способствовавшихъ и задерживавшихъ экономическій ростъ русскаго народа. При нѣкоторомъ внимательномъ чтеніи его сочиненій, мы найдемъ въ нихъ зародыши тѣхъ идей, которыя извѣстны подъ названіемъ *марксизма*. Между тѣмъ Марксъ въ то время почти никому не былъ извѣстенъ въ Россіи, кромѣ Чернышевскаго, который съ Марксомъ былъ знакомъ лично. Фундаментъ всей народной жизни Щаповъ видитъ исключительно въ экономическихъ условіяхъ жизни и въ умѣломъ и разумномъ пользованіи этими усло-

віями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Марксу и Энгельсу, онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы указывать на пути умѣлаго пользованія этими условіями и пропагандировать свои идеи. Кояловичъ въ своей „Исторіи русскаго самосознанія“ отнесъ Щапова къ числу „крайнихъ выразителей реалистической теоріи для объясненія нашего прошлаго“ и назвалъ его книгу „исторіей русскаго мозга и русскихъ нервовъ“.

О Щаповѣ, какъ историкѣ-публицистѣ, можетъ дать нѣкоторое понятіе слѣдующее мѣсто изъ его сочиненія: „Всѣ историческія ошибки и заблужденія русскаго народа въ направленіи его экономіи и міросозерцанія проистекали главнымъ образомъ отъ незнанія природы вообще и, въ частности, природы русской земли... Первое призваніе всѣхъ молодыхъ поколѣній, получающихъ высшее образованіе, или первый, новый естественно-историческій завѣтъ имъ есть тотъ, чтобы со всею умственной энергіей, какъ можно глубже, серьезнѣе и основательнѣе изучить естественныя науки и съ свѣточемъ идти въ обширную область естественной экономіи русской земли и въ области труда и экономіи рабочаго народа... устроять такимъ образомъ счастье или довольство и просвѣщеніе массъ рабочихъ, привлекать, располагать молодыя рабочія поколѣнія и къ свѣту сознательнаго ученія и къ постепенной естественно-научной реформѣ всей системы народной экономіи... Насущно-необходимо, чтобы не только нынѣшнія привилегированныя поколѣнія, но и всѣ простонародныя, рабочія молодыя поколѣнія усиленно, серьезно и основательно изучали естественныя науки и такимъ образомъ съ полной подготовкой выходили на общее многотрудное дѣло экономическаго и культурнаго покоренія суровой сѣверной природы“.

Года три назадъ слышно было, что Н. К. Михайловскій собирается издать сочиненія Г. З. Елисѣева (умершаго въ 1891 году). Въ настоящее время г. Кривенко заявляетъ (въ „Русской Мысли“), что это изданіе постигла неудача.

Елисѣевъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ „Современника“ и „Отечественныхъ Записокъ“. Въ этихъ изданіяхъ (съ 1858 г. по 1884 г.), съ незначительными промежутками, онъ все время велъ „внутреннія обозрѣнія“, которыя талантливостью изложенія, отзывчивостью къ колебаніямъ жизни и строго выдержаннымъ народническимъ направленіемъ привлекали къ себѣ огромную массу читателей и появленія которыхъ

ожидали съ столь же одинаковымъ нетерпѣніемъ, какъ статей другихъ корифеевъ названныхъ журналовъ. Его статьи отличались ровнымъ, спокойнымъ и глубокимъ содержаніемъ. Но такъ какъ это были только „внутреннія обозрѣнія“, то интересъ ихъ былъ скоропреходящій, и въ настоящее время онѣ забыты. *Народническое* направленіе у насъ еще живо, но въ немъ замѣчаются такія теченія, которыя коренным образомъ могутъ измѣнить его русло, и за „обозрѣніями“ Елисѣева останется только интересъ *матеріаловъ*. Поэтому оттягивать изданіе сочиненій Елисѣева вовсе не въ выгодахъ его единомышленниковъ.

Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія, сообщаемыя г. Кривенко объ Елисѣевѣ, заслуживаютъ вниманія. Г. Кривенко былъ лично знакомъ съ Елисѣевымъ и даже въ одно время велъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ вмѣсто него „внутреннія обозрѣнія“.

Въ біографіи Елисѣева прежде всего интересно то обстоятельство, что онъ сдѣлался писателемъ тогда, когда ему было подъ сорокъ лѣтъ. До того времени онъ сначала состоялъ профессоромъ казанской духовной академіи (во время пребыванія тамъ Щапова студентомъ), гдѣ поочередно читалъ русскую гражданскую исторію и еврейскій языкъ, исторію русской церкви и нѣмецкій языкъ. Отъ такихъ разностороннихъ *обязанностей* онъ, однако, бѣжалъ и прямо изъ академіи попалъ на службу въ полицію, омскимъ окружнымъ начальникомъ, а потомъ дослужился до совѣтника губернскаго правленія. Служба въ полиціи оказала ему услугу болѣе цѣнную, чѣмъ профессорство; полицейская служба ставила его въ непосредственное соприкосновеніе съ крестьянствомъ и была очень разнообразной.

О впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ этой службы, онъ потомъ вспоминалъ съ истиннымъ ужасомъ. Разумѣется, и здѣсь пребываніе его не могло быть продолжительнымъ. По выходѣ въ отставку и по пріѣздѣ въ Петербургъ на немъ оставалась одна только обязанность: сообщить другимъ людямъ о вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ, для чего у насъ существовалъ и существуетъ пока одинъ путь — печать а въ то время новыя вѣянія и литературное оживленіе только что начались.

Вотъ тѣ наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія, которыя сообщаетъ г. Кривенко изъ біографіи Елисѣева. Затѣмъ началась для Елисѣева съ внѣшней стороны жизнь совершенно спокойная.

Отнынѣ всѣ его волненія носятъ исключительно литературный характеръ. Окруженному массою печатнаго матеріала, стягивающагося въ редакцію со всѣхъ концовъ Россіи, ему, какъ человѣку съ тонкимъ проницательнымъ умомъ, прекрасно освѣдомленному на практикѣ съ самою жизнью, легко было слѣдить за дальнѣйшимъ теченіемъ жизни, опредѣлять цѣнность притягивающагося къ нему матеріала, комбинировать его и давать точные выводы. Дѣйствительно, внутреннія обозрѣнія въ „Современникѣ" и „Отечественныхъ Запискахъ" представляютъ изъ себя сплошную прагматическую лѣтопись внутренней жизни Россіи за нѣсколько десятковъ лѣтъ, шагъ за шагомъ отмѣчьющую появленіе назрѣвающихъ вопросовъ, истолковывающую ихъ значеніе, указывающую ихъ направленіе и даже направляющую. „Вопросы: что дѣлать для народнаго блага, какъ организовать земскую медицину, народныя школы, юридическую помощь населенію, какъ относиться къ волостному суду, общинному землевладѣнію,—на все это молодое поколѣніе, выступавшее на поприще общественной дѣятельности, получало указанія отъ Елисѣева. Его „внутреннія обозрѣнія" читались положительно всей Россіей, и авторъ ихъ снискалъ уваженіе, какъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и блестящихъ публицистовъ".

По замѣчанію Шелгунова, „*мужикъ*, который занималъ такъ много мѣста въ „Отечественныхъ Запискахъ" и давалъ имъ цвѣтъ, обязанъ во всемъ Елисѣеву. Конечно, не Елисѣевъ его выдумалъ, но онъ его сконцентрировалъ въ журналѣ, котораго былъ душою, и можно сказать, что Елисѣеву *мужикъ* обязанъ болѣе всего, что къ нему повернуло общественное мнѣніе. Эта заслуга останется за Елисѣевымъ".

Въ своей статьѣ г. Кривенко преимущественно вращается около личной стороны жизни Елисѣева, а не общественной или литературной. Поэтому, само собою, дальнѣйшій матеріалъ статьи очень слабъ и сводится, главнымъ образомъ, къ воспоминаніямъ автора о своихъ отношеніяхъ къ Елисѣеву.

Примѣромъ того, какъ иногда совсѣмъ не крупнаго свойства дѣятельность человѣка возводится до міроваго значенія, а истинная заслуга того-же человѣка обходится чуть ли не молчаніемъ, можетъ служить статья въ „Мірѣ Божьемъ", излагающая рѣчь извѣстнаго психолога Вундта о Фехнерѣ, малоизвѣстномъ философѣ и совсѣмъ неизвѣстномъ у насъ

психо-физикѣ. Справедливѣе и полезнѣе было бы эти степени извѣстности Фехнера переместить: побольше психо-физика и поменьше или совсѣмъ не надо философа.

Фехнеръ родился ровно сто лѣтъ назадъ и умеръ въ 1887 году. Наука психо-физика, которая въ послѣднее время пріобрѣла такое огромное развитіе, основаніемъ своимъ обязана ему. Онъ разбилъ тотъ „пузырекъ съ душою", который раньше помѣщали въ какомъ-то уголкѣ человѣческаго тѣла. Какъ силы стали считать только проявленіемъ матеріи, такъ съ Фехнера стали считать душу только свойствомъ организма.

Фехнеръ продолжительное время былъ послѣдователемъ Шеллинга, Окена и другихъ нѣмецкихъ натуръ-философовъ, создававшихъ изъ природы цѣлый романъ. Весь міръ представлялся имъ не въ формѣ безжизненнаго механизма, а какъ проявленіе духа. Природу они считали такъ-же разумной, какъ разуменъ человѣкъ, въ человѣкѣ-же разумность доходитъ до высшей степени совершенства. И такъ какъ, по ихъ мнѣнію, происхожденіе разумности тождественно, то и нѣтъ надобности испытывать природу посредствомъ опыта: она можетъ быть постигнута человѣкомъ само собою, умозрительно. Этому метафизическому направленію Фехнеръ отдалъ лучшіе свои годы. Эту полосу мысли Фехнера Вундтъ, главнымъ образомъ, и восхваляетъ, а вслѣдъ за нимъ и русскій авторъ; только изрѣдка у того и другого проскальзываютъ замѣчанія, что плодотворныя изслѣдованія Фехнера относятся къ позднѣйшему періоду его научныхъ занятій. Фехнеръ, какъ метафизикъ, можетъ быть, прогремѣлъ бы не меньше своихъ учителей, Шеллинга и Окена, если бы онъ не запоздалъ съ своимъ преклоненіемъ передъ натуръ-философіей. Его книга, подъ названіемъ „Зендъ-Авеста", появилась въ 1853 году, т. е. тогда, когда о натуръ-философіи сохранились одни комическія воспоминанія. Еще Грановскій шутливо писалъ Бѣлинскому: „Ой, бойтесь Каткова—онъ изъ Берлина везетъ Шеллинга". Въ это время повсюду звучала горячая проповѣдь матеріализма. Фехнеръ былъ глубоко обиженъ равнодушнымъ пріемомъ его книги. Но въ то-же время, какъ умный, искренній, увлекающійся и всецѣло охваченный горячей любовью къ правдѣ, природѣ и наукѣ, онъ самъ, незамѣтно для себя и даже въ видахъ противодѣйствія, увлекается матеріалистическимъ ученіемъ, переходитъ отъ дедукціи къ индукціи, отъ умозрѣнія къ опыту и удивляетъ міръ неожиданнымъ открытіемъ. Этому открытію предшествовала продолжи-

тельная, мелкая и кропотливая работа со стороны Фехнера. Въ 1860 году онъ ее выразилъ въ слѣдующемъ выводѣ: „Наши ощущенія количественно возрастаютъ не въ равной мѣрѣ съ получаемыми впечатлѣніями; если ростъ впечатлѣній выразить въ геометрической прогрессіи, то ощущенія будутъ расти только въ ариѳметической. Если впечатлѣнія увеличиваются или уменьшаются въ 10, 100, 1000 разъ, то ощущенія будутъ увеличиваться или уменьшаться только въ 2, 3, 4 раза. Если вмѣсто ста рублей вы получите 1000 руб., то вы будете чувствовать себя счастливѣе не въ десять разъ, а только вдвое. Словомъ, ощущеніе пропорціонально логариѳму впечатлѣнія". Матеріалисты быстро подхватили это открытіе, провѣрили его, и отсюда начинается цѣлый рядъ опытовъ, создавшихъ новую науку. Но Фехнеръ продолжалъ настаивать на томъ, что это его открытіе вытекло изъ его натуръ-философіи. Изъ уваженія къ маститому ученому, ему никто не противорѣчилъ, и онъ... былъ забытъ. То же самое повторяется съ его единственнымъ, кажется, ученикомъ, Вундтомъ. Безусловный поклонникъ Фехнера, онъ продолжаетъ его работу по экспериментальной психологіи. Его психологическая лабораторія, какъ пророчествовалъ Фехнеръ, скоро, кажется, „разрѣшитъ всѣ психо-физическіе вопросы" о душѣ, но „въ душѣ" онъ остается метафизикомъ, натуръ-философомъ *чистой воды*, и на почвѣ общихъ философскихъ вопросовъ съ нимъ разговоръ невозможенъ. Онъ полагаетъ, что натуръ-философскія построенія, продукты свободнаго творчества, возможно привести въ связь съ выводами положительной науки, „слить въ могучій и стройный аккордъ". Онъ даже думаетъ, что уже Фехнеръ

„Разрѣшилъ торжественнымъ аккордомъ
Ихъ голосовъ мучительный разладъ".

Журналистика въ настоящее время черезъ мѣру переполняется статьями метафизическаго содержанія. Можно подумать, что читатели тѣмъ только и заняты, что въ одиночку или скопомъ занимаются обсужденіемъ и рѣшеніемъ вопросовъ, связанныхъ съ головокружительными абсолютами, нуменами, субстанціями, объектами-субъектами, тріадами, невещественными монадами...

...Правда ли это, что со стороны читателя предъявляется требованіе на разрѣшеніе волнующихъ его вопросовъ посредствомъ умозрительныхъ предпосылокъ? Или-же необходимо

согласиться съ категорическимъ заявленіемъ одного *новѣйшаго философа*, что господствующая *положительная наука* „завязла въ глухомъ переулкѣ" и „уперлась въ стѣну лбомъ", и потому необходимо вернуться *назадъ* и начать утаптывать старыя дорожки, поросшія было мохомъ: авось, приведутъ въ какія-нибудь дебри?

Мы думаемъ, что читатель попрежнему остается „постыдно равнодушнымъ" къ метафизическимъ вопросамъ. Точно также и наука въ тупикахъ и передъ брандмауерами не застряла, а просто, какъ мы и въ прошломъ нумерѣ „лѣтописи" говорили, вся эта метафизическая толчея составляетъ продуктъ *навязчивыхъ идей* и „плѣнной мысли раздраженья".

Теперь нерѣдко пользуются для выраженія метафизическихъ восторговъ юбилеями *дорогихъ* покойниковъ-метафизиковъ...

Такого рода серіи теперь уже и положено начало статьею подъ заглавіемъ: „Спиноза. Рѣчь, произнесенная въ Цюрихскомъ университетѣ проф. Виндельбандомъ по поводу 200-лѣтней годовщины смерти Спинозы". („Міръ Божій"). Читаешь и глазамъ не вѣришь. Спиноза умеръ въ 1677 году (родился въ 1632 г.). Какой-же можетъ быть юбилей въ 1901 г.?.. Оказывается, что Виндельбандъ произнесъ свою рѣчь 24 года тому назадъ!

Но, можетъ быть, характеристикой Спинозы Виндельбандъ обрисовываетъ философа особенно ярко, излагаетъ выпукло его ученіе, что не особенно трудно даже сдѣлать (не существовало еще метафизика, который бы болѣе рельефно и сжато выражалъ свою доктрину, чѣмъ Спиноза), устанавливаетъ его мѣсто въ исторіи поучительныхъ заблужденій человѣческаго ума и, наконецъ, указываетъ на ту связь, которая не порвана еще нашимъ временемъ съ этимъ оригинальнымъ философомъ, заставляющимъ насъ дорожить его возвышеннымъ обманомъ, прикрытымъ поразительной простотой формы?.. Ничего этого у Виндельбанда ничуть не бывало. Виндельбандъ беретъ только одну сторону философскаго направленія Спинозы и притомъ самую слабую, именно теологическую, и изъясняетъ его „Богословско-политическій трактатъ", причемъ главнѣйшія его сочиненія, „Этику" и „Трактатъ объ усовершенствованіи разсудка", затрагиваетъ постольку, поскольку находится то и другое въ связи съ теологическими воззрѣніями Спинозы.

Несомнѣнно, что попытка Спинозы доказать существованіе Верховнаго Существа посредствомъ математическаго метода, геометрическаго въ частности, весьма оригинальна и прямо

любопытна; но увлечься въ настоящее время Спинозой до восторженнаго поклоненія передъ нимъ, какъ передъ „героемъ научнаго духа", передъ его ученіемъ, какъ передъ „апоѳеозомъ науки", можетъ только такой представитель новѣйшей германской метафизики, какимъ является Виндельбандъ. Посмотрите, какъ свободно и спокойно относятся къ тѣмъ-же метафизикамъ представители истинной науки. Льюисъ въ своей „Исторіи философіи", заканчивая главу о Спинозѣ, говоритъ: „Съ спокойной серьезностью смотримъ мы на его сочиненія и находимъ въ нихъ еще одну любопытную страницу человѣческой исторіи: грандіозная попытка исторгнуть у бытія его тайны не удалась, и ей никогда не суждено имѣть успѣха. Однако, самая попытка заслуживаетъ съ нашей стороны самаго искренняго одобренія, а человѣкъ, предпринявшій ее—самой глубокой симпатіи. Въ туманѣ прошедшаго Спиноза возвышается подобно маяку, свѣтъ котораго предохраняетъ путниковъ отъ мелей и скалъ, погубившихъ не мало ихъ братьевъ". Если бы подобное сравненіе пришло въ голову Виндельбанду, то онъ Спинозу сравнилъ бы, конечно, не съ маякомъ, а съ кораблемъ, на которомъ плаваетъ наука по волнамъ человѣческой мысли. Льюису оставалось бы только добавить: да, корабль, но безъ руля, вѣтрилъ, безъ компаса и даже безъ маяка. **И. М.**

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Джорджъ Эліотъ и Жоржъ Сандъ.—Развитіе китайской поэзіи.—Жизнь Букера Вашингтона.—Японская женщина.

Жоржъ Сандъ и Джорджъ Эліотъ [1]), эти двѣ знаменитѣйшія изъ женщинъ-писательницъ, имѣютъ между собою очень много общаго, но въ то-же время гораздо больше противоположныхъ идей и воззрѣній, чѣмъ это кажется съ перваго раза. Обѣ онѣ пользовались въ свое время большою славою каждая въ своей странѣ и ихъ вліяніе на публику то возрастало, то падало соотвѣтственно съ различными литературными теченіями данной страны.

Джорджъ Элiотъ была несомнѣнно серьезнѣе, чѣмъ Жоржъ Сандъ; даже языкъ ея отличался иногда слишкомъ замысло-

[1]) Nineteenth Century, October 1901.

ватыми научными терминами, не всегда понятными среднеобразованному читателю. Ея первые романы, Scenes of Clerical Life (сцены изъ жизни духовенства) и Adam Bede, сдѣлавшіе ее извѣстностью, были по своему сюжету новы для англійской публики, что, въ связи съ прекраснымъ живымъ слогомъ и смѣлостью языка, обратило на нихъ всеобщее вниманіе. Джорджъ Эліотъ прежде всего ненавидѣла лицемѣріе и при всякомъ удобномъ случаѣ старалась обличать ложь. Ея смѣлость и горячность нравились публикѣ, и потому она пользовалась большою популярностью. Но ея критики не всегда относились къ ней съ большой благосклонностью. Джорджъ Сентсбюри увѣрялъ, что она умѣетъ только воспроизводить на бумагѣ чужія мысли, а Эмиль Фаге говорилъ, излагая ея предполагаемую доктрину о томъ, что эволюція доброй воли впослѣдствіи уничтожитъ развитіе зла: „Она воображала, что ей удалось придумать оригинальный грѣхъ, вотъ и все!“ Но, что бы ни говорили, нужно отдать ей справедливость—для всѣхъ своихъ произведеній, какъ самыхъ первыхъ, такъ и для позднѣйшихъ, Джорджъ Эліотъ всегда выбирала серьезныя темы и подходила къ нимъ осторожно, строго провѣряя свои выводы; разсудочность, а не воображеніе, является отличительною чертою ея таланта.

Въ этомъ главная разница между Джорджъ Эліотъ и Жоржъ Сандъ. „Она никогда не разсуждала“, говоритъ о Жоржъ Сандъ одинъ изъ самыхъ горячихъ ея поклонниковъ; „въ этой поэтичной и артистической натурѣ воображеніе преобладало надъ логикой. Ея непоколебимая вѣра въ идеалъ и славныя, порою нѣсколько безразсудныя мечты часто поднимались на смѣхъ. Но эти же самыя качества много способствовали ея популярности. Ея горячность захватываетъ читателя и онъ невольно увлекается ея идеями; кромѣ того, она мастерски изображаетъ силу страсти и анализируетъ всѣ мельчайшіе оттѣнки человѣческихъ чувствъ“. Въ противоположность Джорджъ Эліотъ, Жоржъ Сандъ чрезвычайно субъективна и во всѣхъ ея произведеніяхъ ярко отражаются ея идеализмъ и жизнерадостность, лежащіе въ основѣ ея натуры. Эту силу, которою она обязана своему оптимизму, Жоржъ Сандъ скромно приписываетъ своей посредственности: „Я думаю, спокойно заявляетъ она, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ я буду совершенно забыта и, можетъ быть, меня будутъ жестоко игнорировать; этотъ законъ неизбѣженъ для всего, что не принадлежитъ къ высшему разряду, а я никогда не причисляла себя къ выс-

шему разряду. Я стремилась скорѣе дѣйствовать на моихъ современниковъ, хотя бы только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, и заставить ихъ раздѣлять мой идеалъ поэзіи и мягкости".

Изо всѣхъ родовъ литературы, въ поэзіи китайцы болѣе всего достигли совершенства [1]). Самые первые опыты этой поэзіи относятся къ глубокой древности; несмотря на безыскусственность формы и простоту содержанія, они довольно ярко отражаютъ характеръ расы, повѣствуя о любви къ миру и объ отвращеніи къ войнѣ, о привязанности къ ручному труду и къ земледѣлію, о стремленіи къ спокойствію и къ гармоніи. Чу-Кингъ сохранилъ потомству текстъ самыхъ первобытныхъ маленькихъ стихотвореній. Императоръ Іа, царствовавшій отъ 2357 г. до 2277 г. до Р. Х., услыхалъ однажды на прогулкѣ, какъ дѣти напѣвали народную пѣсенку, и тотчасъ же велѣлъ записать ея слова:

Какъ только солнце приходитъ съ востока, я принимаюсь за работу.
Какъ только солнце заходитъ, я весело отдыхаю.
Когда я чувствую жажду, я пью изъ колодца, который я вырылъ.
Я обрабатываю свое поле и питаюсь его урожаемъ.
Зачѣмъ императоръ утруждаетъ себя заботами обо мнѣ?

Императоръ Чунъ, царствовавшій отъ 2255 г. до 2206 г. до Р. Х., чрезвычайно высоко цѣнилъ музыку и назначилъ поэта Куэи завѣдующимъ музыкальнымъ образованіемъ. „Я хочу, сказалъ ему императоръ, чтобы ты научилъ музыкѣ дѣтей вельможъ и принцевъ, чтобы они были искренни, ласковы, снисходительны и добры. Объясняй имъ твои мысли въ стихахъ, сочиняй для нихъ пѣсни и перекладывай ихъ на музыку для разныхъ инструментовъ".

Послѣ вышеупомянутыхъ народныхъ пѣсенъ и произведеній Куэи, относящихся къ самому древнему періоду, слѣдуетъ Чи-Кингъ, или *книга стиховъ*, заключающая собраніе поэтическихъ произведеній различныхъ эпохъ до 770 г. до Р. Х. Эти стихотворенія, рисующія простоту нравовъ древнихъ китайцевъ, показываютъ, что женщина пользовалась у нихъ первоначально большимъ значеніемъ, чѣмъ въ позднѣйшее время. Уже въ послѣднихъ частяхъ этого сборника поэты часто изображаютъ жалобы покинутой мужемъ жены. Хвалебные гимны въ честь императоровъ и умершихъ предковъ

---

[1]) La Revue, 1 septembre 1901.

занимаютъ также далеко не послѣднее мѣсто. Къ періоду, слѣдующему за Чи-Кингъ, относится очень интересный образчикъ философской поэзіи, Тао-тзе-Кингъ, т. е. *Книга высшаго пути* или *о разумѣ и о добродѣтели*. Авторъ его Лао-Тзеу, плохо понятый и истолкованный своими послѣдователями, былъ несомнѣнно однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, мысли которыхъ далеко опережаютъ современную имъ эпоху: его книга вполнѣ независима отъ всѣхъ предшествовавшихъ ей китайскихъ традицій.

Матерьяльныя формы великаго творческаго могущества
Ведутъ свое происхожденіе отъ разума.
Разумъ произвелъ всѣ существующія тѣла;
Сначала былъ только неописуемый хаосъ,
Въ который человѣческая мысль не могла бы проникнуть.
Но посреди этого хаоса былъ одинъ образъ,
Былъ незамѣтный зародышъ существъ,
Былъ принципъ жизни.
Этотъ принципъ—всемірный разумъ.

Нѣсколько позднѣе философъ Кунгъ-фу-Тзеу (Конфуцій), управляя въ качествѣ министра королевствомъ Су, сочиняя философскія книги и собирая и редактируя сокровища древнихъ историческихъ и поэтическихъ документовъ Китая, находилъ еще время писать поэмы; въ стихахъ своей книги элегій онъ вылилъ всю тоску мудреца, отчаявшагося въ возможности направить людей на путь истины.

Въ 298 г. до Р. Х. Кью-Юанъ написалъ свою книгу Ли-Сао, что значитъ *изліянія печали*, въ которой онъ оплакиваетъ невзгоды своего отечества; въ искренности этой печали не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ поэтъ утопился тотчасъ-же по написаніи своей поэмы. Съ этимъ произведеніемъ начинается для китайской поэзіи, если можно такъ выразиться, романтическій періодъ. Въ царствованіе династіи Ханъ, продолжавшееся отъ 290 г. до Р. Х. по 274 г. послѣ Р. Х., этотъ романтизмъ обозначается еще ярче. Подъ вліяніемъ только что проникшаго въ страну буддизма у китайскихъ поэтовъ появляется стремленіе къ мечтаніямъ объ идеальномъ мірѣ. Кромѣ того, они начинаютъ изощряться въ описаніяхъ природы, воспѣваютъ лунный свѣтъ, причудливыя формы ночныхъ тѣней. Эта эпоха ознаменовалась также появленіемъ цѣлаго ряда историческихъ сочиненій, написанныхъ въ стихотворной формѣ, служащихъ драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для современной археологіи. Вскорѣ послѣ того, въ періодъ раздѣленія Китайской имперіи на три незави-

симыхъ государства, входитъ въ моду преимущественно вакхическая и эротическая поэзія.

За этимъ періодомъ слѣдуютъ три вѣка династіи Танговъ (отъ 618—905 г. послѣ Р. Х.), которые справедливо можно назвать великою эпохой китайской поэзіи. Начало этой эпохи прошло въ кровавыхъ войнахъ и породило много славныхъ поэтовъ, изъ которыхъ одни въ пламенно-патріотическихъ стихотвореніяхъ воспѣваютъ военные подвиги, другіе-же жалѣютъ объ исчезнувшемъ мірѣ и оплакиваютъ печальное положеніе вещей. Въ серединѣ царствованія династіи Танговъ жилъ Ли-Тан-Пе, котораго китайскіе ученые всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ признаютъ величайшимъ поэтомъ ихъ народа. Благодаря своему необыкновенному уму Ли-Тан-Пе былъ очень любимъ императоромъ, но, къ сожалѣнію, онъ былъ слишкомъ невоздерженъ въ употребленіи вина и погибъ жертвою этой страсти, свалившись въ пьяномъ видѣ въ рѣку. Его талантъ чрезвычайно разнообразенъ; въ его поэзіи, одновременно безпечной и меланхолической, сантиментальная чувствительность соединяется съ остроумной веселостью очень фривольнаго характера; его философскій умъ уживается съ самымъ легкомысленнымъ воображеніемъ, и при всемъ этомъ блестящая форма и безукоризненное совершенство размѣра.

У Ли-Тан-Пе былъ другъ, по имени Ту-фу, прозванный „цвѣткомъ изящества", котораго нѣкоторые ученые ставятъ почти наравнѣ съ нимъ и считаютъ самымъ сильнымъ его соперникомъ. Очарованный его талантомъ, императоръ сдѣлалъ его „*императорскимъ цензоромъ*"; эта своеобразная должность, никогда не существовавшая нигдѣ, исключая Китая, состояла въ томъ, что цензоръ долженъ былъ дѣлать императору замѣчанія относительно его поступковъ. Ту-фу очень добросовѣстно исполнялъ свои обязанности и потому скоро былъ удаленъ отъ двора. Но онъ никогда не раскаивался въ своей смѣлости и съ гордостью говорилъ: „Я исполнилъ свой долгъ настолько хорошо, чтобы получить награду". Въ поэзіи Ту-фу меньше изящества и остроумія, чѣмъ у Ли-Тан-Пе, онъ не умѣетъ съ такимъ искусствомъ сказать многое въ немногихъ словахъ, но у него больше простоты, полноты мысли и, пожалуй, больше силы.

Вслѣдъ за этими двумя величайшими поэтами Китая слѣдуетъ упомянуть ученаго врача Оангъ-Оэя; онъ былъ буддистъ и отличительная черта его произведеній состоитъ въ

томъ, что онъ ввелъ въ китайскую поэзію созерцаніе природы и углубленіе въ самого себя. Его другъ Монгъ-Као-Джанъ, также буддистъ, писалъ сатирическія поэмы противъ управленія императора, который, впрочемъ, прощалъ ему за то, что онъ поэтъ.

Тао-Ханъ, стихи котораго проникнуты смутною печалью, общей почти всѣмъ китайскимъ поэтамъ; Уангъ-Чангъ-Ленгъ, выходящій иногда изъ круга созерцательныхъ идей, чтобы восхвалять грацію дѣвъ и красоту женщинъ, и Тсинъ-Тсонъ, увѣряющій въ своихъ *Весеннихъ снахъ*, что во время сна человѣческая душа можетъ отдѣляться отъ тѣла и улетать за далекія разстоянія, чтобы снова возвратиться по пробужденіи,—достойны уже меньшаго вниманія.

Съ ними кончается блестящая эпоха династіи Танговъ и китайская поэзія начинаетъ приходить понемногу въ упадокъ. Нчеу-Янгъ-Сіеу, Ингъ-Тсунгъ и Су-Че могутъ быть названы недурными поэтами, но вокругъ нихъ собирается уже цѣлая толпа риемоплетовъ, не имѣющихъ ни вкуса, ни воображенія, старающихся только блеснуть своей эрудиціей, что дѣлаетъ ихъ стихи уже вовсе неудобопонятными. На границѣ династій Юановъ и Минговъ появился еще одинъ хорошій поэтъ, Леу-Ки, послѣдній отблескъ былого величія, высоко почитавшійся своими современниками; императоръ Таи-Су далъ ему почетное прозвище: „Искренняя мысль". Много лѣтъ спустя, уже въ XVIII столѣтіи нашей эры, жилъ Юанъ-Тсеу-Тсаи, бывшій не только поэтомъ, но и историкомъ, литературнымъ критикомъ и коментаторомъ классическихъ философскихъ сочиненій. Его современникомъ былъ поэтъ-императоръ Као-Тсунгъ-Чунъ-Гоангъ-Ти, царствованіе котораго было однимъ изъ самыхъ славныхъ въ исторіи Китая. Собраніе его сочиненій содержитъ тридцать тысячъ стихотвореній, достоинство которыхъ далеко не такъ велико, какъ количество.

Китайская поэзія XIX вѣка отличается еще большею бѣдностью и указываетъ на полный упадокъ. Тсенгъ-Куо-фанъ, жившій отъ 1811 г. до 1872 г., очень почитался своими соотечественниками и до сихъ поръ является, въ глазахъ китайцевъ, величайшимъ человѣкомъ ихъ новѣйшей исторіи; онъ изучалъ историковъ, философовъ и также писалъ стихи.

Въ настоящее время прошли блестящіе дни китайской поэзіи и между современными стихотворцами нѣтъ ни одного, хоть сколько нибудь достойнаго вниманія.

Недавно президентъ С.-Американскихъ Штатовъ обѣдалъ вмѣстѣ со знаменитымъ просвѣтителемъ негровъ Букеромъ Вашингтономъ и вызвалъ этимъ сильное волненіе во всей странѣ. Сѣверяне нашли такой поступокъ большою безтактностью со стороны президента, такъ какъ южные штаты непремѣнно сочтутъ это для себя кровнымъ оскорбленіемъ. А между тѣмъ этотъ Букеръ Вашингтонъ пользуется въ Америкѣ огромною популярностью; кромѣ своей просвѣтительной дѣятельности, онъ извѣстенъ также какъ талантливый писатель, написавшій прекрасное сочиненіе: „Up from Slavery" (возстаніе отъ рабства). Его біографія очень интересна и поучительна [1]).

Букеръ Вашингтонъ родился рабомъ богатыхъ плантаторовъ въ Виргиніи. Годъ рожденія въ точности неизвѣстенъ, приблизительно 1858 или 1859 г. Его жизнь началась при самыхъ несчастныхъ условіяхъ. Онъ явился на свѣтъ въ убогой хижинѣ въ 14 футовъ ширины и 16 футовъ длины, въ которой, кромѣ него и матери, жили еще братъ и сестра. Маленькій Букеръ никогда не зналъ своего отца, но слыхалъ отъ другихъ, что онъ былъ бѣлый. Въ этой хижинѣ не было оконъ: воздухъ, свѣтъ, а также и холодъ проходили черезъ боковыя отверстія. Зимой было ужасно холодно, а лѣтомъ страшно жарко, такъ какъ эта хижина превращалась на лѣтнее время въ плантаторскую кухню. Поломъ служила земля, постелей ни у кого, разумѣется, не было: вся семья спала, какъ попало, на кучѣ грязныхъ лохмотьевъ. Заваленная работою мать не имѣла времени заниматься своими дѣтьми; да и самимъ дѣтямъ некогда было даже поиграть. Еще совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ, Букеръ имѣлъ уже свои обязанности: долженъ былъ мести дворъ, раздавать воду полевымъ рабочимъ и разъ въ недѣлю отвозить маисъ на мельницу. Тогда еще не существовало никакихъ школъ для негровъ; но Букеру часто приходилось провожать въ школу одну изъ своихъ молодыхъ хозяекъ и нести за нею ея книги; видъ всѣхъ этихъ маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, погруженныхъ въ ученіе, производилъ на него глубокое впечатлѣніе; ему казалось, что поступить въ школу, все равно, что попасть въ рай. И вотъ, впослѣдствіи, Букеръ Вашингтонъ посвятилъ всю свою жизнь на то, чтобы открыть доступъ въ этотъ рай всѣмъ своимъ соотечественникамъ. Но во времена его дѣтства никто объ этомъ не думалъ; дѣти негровъ даже никогда не

[1]) Revue des deux Mondes, 15 Octobre 1901.

обѣдали за столомъ какъ люди, а какъ животныя получали свое кушанье въ разное время по кускамъ и ѣли почти всегда руками. Несмотря на всю свою неизбалованность, Букеръ, однако, никогда не могъ привыкнуть къ пеньковой рубашкѣ, которую носили всѣ рабы въ Виргиніи. Эта рубашка была настоящимъ орудіемъ пытки, пока частая стирка не дѣлала ее мягче, и старшій братъ Букера Джонъ самоотверженно согласился носить всѣ новыя рубашки, предоставляя старыя своему младшему брату. Такъ проходила жизнь Букера, когда вдругъ до ихъ хижины стали доноситься слухи о войнѣ. Тогда мальчикъ смутно понялъ, что онъ рабъ и что дѣло шло о его свободѣ; онъ понялъ это, когда, однажды, проснувшись очень рано, онъ услышалъ, какъ мать его, стоя на колѣняхъ, громко молилась объ успѣхахъ арміи Линкольна. Послѣ того онъ часто слышалъ разговоры на эту тему. Наконецъ, насталъ день освобожденія и былъ встрѣченъ всѣми съ неописуемой радостью; всѣ съ восторгомъ привѣтствовали свободу. Но, бросая взглядъ на прошлое, Букеръ Вашингтонъ смотритъ на рабство не съ ненавистью, а почти съ благодарностью, такъ какъ, несмотря на всю его жестокость и варварство, рабство сыграло великую и благодѣтельную роль въ судьбѣ негритянскаго народа; оно вывело его изъ пустыни и открыло ему дорогу къ цивилизаціи. „Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ размышлять, говоритъ Вашингтонъ, я всегда утверждалъ, что негръ вынесъ изъ рабства столько-же плодовъ дурныхъ и хорошихъ, сколько и бѣлый“.

Получивъ свободу, Букеръ и Джонъ принуждены были очень много работать въ солончакахъ Канадской долины и въ Мальденскихъ угольныхъ копяхъ, чтобы поддерживать семью, къ которой прибавился еще отчимъ. Въ одной изъ этихъ минъ Букеръ первый разъ услышалъ разговоръ двухъ рабочихъ о томъ, что генералъ Армстронгъ открылъ въ Гамптонѣ большую школу для людей цвѣтныхъ расъ, гдѣ бѣдные ученики могутъ также зарабатывать, по крайней мѣрѣ, часть платы за ученіе и содержаніе. Съ этого момента Букеръ рѣшилъ отправиться въ Гамптонъ во что бы то ни стало. Съ цѣлью заработать побольше денегъ, онъ поступилъ въ услуженіе къ г-жѣ Реффнеръ, женѣ владѣльца минъ, и, несмотря на ея необыкновенную требовательность, сумѣлъ угодить ей. Съ ея позволенія онъ сталъ посѣщать маленькую школу для негровъ; когда тамъ спросили его имя, онъ сразу отвѣтилъ: Букеръ Вашингтонъ. Эту фамилію онъ выбралъ себѣ произвольно, такъ какъ, до освобожденія,

рабы не имѣли никакихъ фамилій. Мало-по-малу, съ помощью брата Джона и нѣсколькихъ друзей, ему удалось собрать немного денегъ и отправиться въ Гамптонъ. Явившись туда, Вашингтонъ жилъ первые дни на случайный заработокъ при разгрузкѣ какого-то судна, стоявшаго въ гавани, а ночевалъ, ради экономіи, просто подъ тротуаромъ. Черезъ нѣсколько дней его приняли въ школу; вмѣсто экзамена его заставили вымести рекреаціонный залъ, что онъ и исполнилъ блестящимъ образомъ. Тогда было рѣшено принять его въ школу въ качествѣ сторожа, такъ что онъ могъ одновременно учиться и зарабатывать себѣ пропитаніе и плату за обученіе. Молодой негръ учился съ необыкновеннымъ жаромъ и усердіемъ и строго исполнялъ всѣ предписанія школы, а къ генералу Армстронгу относился съ настоящимъ благоговѣніемъ.

Какъ ни былъ счастливъ Вашингтонъ исполненіемъ своей мечты и своею жизнью въ Гамптонѣ, онъ постоянно горячо желалъ поѣхать домой повидаться съ матерью и для этой цѣли копилъ деньги. Но это удалось ему только къ концу второго года, благодаря помощи брата Джона. Пріѣхавъ въ Мальденъ, онъ засталъ свою мать умирающей и вскорѣ похоронилъ ее. По окончаніи Гамптонской школы, Вашингтонъ служилъ нѣкоторое время лакеемъ въ какой-то гостинницѣ; затѣмъ ему удалось получить мѣсто школьнаго учителя въ Мальденѣ, что доставило ему великую радость. Теперь-то Джонъ былъ вознагражденъ за свое самоотверженіе и могъ въ свою очередь поступить въ Гамптонъ. Но, обучая своихъ ближнихъ, Вашингтонъ не оставлялъ и собственныхъ занятій и вскорѣ сталъ извѣстенъ, какъ краснорѣчивый ораторъ. Онъ былъ приглашенъ генераломъ Армстронгомъ въ Гамптонъ и произнесъ тамъ, въ день раздачи дипломовъ, свою достопамятную рѣчь *о торжествующей силѣ*. Онъ остался при институтѣ, и генералъ Армстронгъ возложилъ на него очень деликатное порученіе, ввѣривъ его заботамъ цѣлую сотню совершенно дикихъ краснокожихъ учениковъ. И Вашингтонъ въ совершенствѣ справился съ этой трудной задачей.

Однажды гг. Кампбель и Левисъ Адамсъ обратились къ генералу Армстронгу съ просьбою рекомендовать имъ опытнаго воспитателя, способнаго принести какъ можно больше пользы въ устраиваемой ими школѣ. Армстронгъ указалъ на Вашингтона, и тотъ съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе. Школа тотчасъ-же наполнилась учениками, по большей части уже вышедшими изъ дѣтскаго возраста. Число ихъ возрастало

со дня на день, и Вашингтону было бы очень трудно справиться съ этой громадной толпой, если бы не его достойная помощница, сдѣлавшаяся вскорѣ его женою, Оливія Дэвидсонъ; къ сожалѣнію эта прекрасная и энергичная женщина умерла въ очень молодыхъ годахъ.

Черезъ три мѣсяца послѣ открытія школы, имъ удалось придать ей желаемый характеръ, прикупивъ для нея, съ помощью генерала Маршала, землю въ окрестностяхъ города. На этой-то землѣ Букеръ Вашингтонъ основалъ институтъ Тескеги по образцу Гамптонскаго. Получая общее образованіе, ученики также обучаются тамъ всевозможнымъ ремесламъ, что Вашингтонъ считаетъ чрезвычайно важнымъ для своихъ соплеменниковъ и постоянно старается внушить имъ уваженіе къ ручному труду. Какъ уже было сказано выше, Букеръ Вашингтонъ не только замѣчательный педагогъ, но и талантливый ораторъ. Въ своихъ публичныхъ рѣчахъ, имѣющихъ всегда большой успѣхъ и собирающихъ множество слушателей, Вашингтонъ неизмѣнно преслѣдуетъ одну и ту-же цѣль: сблизить и примирить двѣ враждующія расы. Причемъ онъ никогда не выступаетъ съ негодующими обличеніями несправедливостей, претерпѣваемыхъ чернокожими; напротивъ, онъ всегда старается смягчить возмутительные факты, чтобы не разжигать вражду и тѣмъ скорѣе приблизить часъ примиренія. Теперь, когда его извѣстность достигла широкихъ размѣровъ, ему приходится иногда говорить по четыре рѣчи въ день, и между его слушателями всегда много бѣлыхъ. Несмотря на то, что Букеръ Вашингтонъ очень часто ѣздитъ говорить рѣчи въ другіе города, эти отлучки не приносятъ ущерба институту Тескеги, такъ хороша его организація. Ему достаточно отъ времени до времени наблюдать за нимъ, чтобы все шло своимъ порядкомъ. Его жена (онъ женатъ второй разъ) также дѣятельно помогаетъ ему. Вліяніе Букера Вашингтона распространяется далеко за предѣлы института Тескеги; онъ и его безупречная семья служатъ примѣромъ всему негритянскому племени, и книга „Up from Slavery" является настоящимъ Евангеліемъ чернокожихъ. Въ настоящее время Букеръ Вашингтонъ состоитъ президентомъ основаннаго имъ университета Тескеги, а братъ его Джонъ занимаетъ тамъ-же должность завѣдующаго промышленной частью. Къ Букеру Вашингтону можно свободно примѣнить слова, сказанныя имъ самимъ о своемъ почитаемомъ учителѣ генералѣ Армстронгѣ, который, на склонѣ дней, больной и пара-

личный пріѣхалъ къ нему, передъ своей смертью, погостить въ Тескеги: „Никогда еще ни одинъ человѣкъ не терялъ с[illegible] самого изъ виду до такой степени, какъ онъ".

Одинъ изъ сотрудниковъ журнала „La Revue", г. Хит[illegible] японецъ родомъ, очень подробно знакомитъ съ японск[illegible] женщиной [1]).

Всѣ японки чрезвычайно малы ростомъ, гораздо ниже сре[illegible]ней европеянки; но онѣ никогда не стараются и не желаютъ быть выше, напротивъ. Между ними почти не встрѣчается полныхъ, даже въ зрѣломъ возрастѣ. Японки часто бываютъ бѣленькими и нѣкоторыя изъ нихъ могутъ смѣло поспорить въ этомъ отношеніи съ европейскими женщинами. Если при этомъ кожа имѣетъ слегка розоватый оттѣнокъ, то такой цвѣтъ лица считается верхомъ красоты. „Бѣлая кожа скрываетъ семь несчастій", говорятъ японцы, и это показываетъ, до какой степени цѣнятъ они это качество. Въ виду этого женщины страшно злоупотребляютъ бѣлилами и рисовой пудрой, начиная съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Румяное лицо, напротивъ, считается признакомъ низкаго происхожденія. Настоящая красавица должна имѣть очень черные и блестящіе волосы, при этомъ длинные и тонкіе. У всѣхъ японокъ прекрасные зубы; въ прежнее время замужнія женщины красили ихъ въ черный цвѣтъ, теперь-же этотъ обычай совершенно вывелся. Походка у японки очень медленная и лѣнивая; во-первыхъ потому, что женщина должна всегда казаться спокойной и нѣжной; во-вторыхъ, ея слишкомъ длинное платье и пренеудобные деревянные башмаки мѣшаютъ ей ходить быстро и спокойно.

Характеръ японской женщины можно выразить въ трехъ словахъ: въ дѣтствѣ она рѣзва, въ юности—сдержанна, въ замужествѣ—нѣжна и вѣрна.

Женщины средняго класса обязаны оказывать своимъ мужьямъ всевозможныя услуги, чистить имъ платье, прислуживать имъ за обѣдомъ. Если мужъ выходитъ изъ дому, жена провожаетъ его до порога; когда онъ возвращается, она идетъ встрѣчать его у двери. Если супруги выходятъ вмѣстѣ, то мужъ идетъ обыкновенно впереди, а жена сзади. Однако, въ настоящее время многіе уже гуляютъ рядомъ, но чрезвычайно рѣдко подъ руку. Тѣхъ, кто осмѣлится сдѣлать это, всѣ поднимаютъ на смѣхъ.

---

[1]) La Revue, 15 Octobre 1901.

со дня на день, и Вашингтону было бы очень трудно справиться съ этой громадной толпой, если бы не его достойная помощница, сдѣлавшаяся вскорѣ его женою, Оливія Давидсонъ; къ сожалѣнію эта прекрасная и энергичная женщина умерла въ очень молодыхъ годахъ.

Черезъ три мѣсяца послѣ открытія школы, имъ удалось придать ей желаемый характеръ, прикупивъ для нея, съ помощью генерала Маршала, землю въ окрестностяхъ города. На этой-то землѣ Букеръ Вашингтонъ основалъ институтъ Тескеги по образцу Гамптонскаго. Получая общее образованіе, ученики также обучаются тамъ всевозможнымъ ремесламъ, что Вашингтонъ считаетъ чрезвычайно важнымъ для своихъ соплеменниковъ и постоянно старается внушить имъ уваженіе къ ручному труду. Какъ уже было сказано выше, Букеръ Вашингтонъ не только замѣчательный педагогъ, но и талантливый ораторъ. Въ своихъ публичныхъ рѣчахъ, имѣющихъ всегда большой успѣхъ и собирающихъ множество слушателей, Вашгнгтонъ неизмѣнно преслѣдуетъ одну и ту-же цѣль: сблизить и примирить двѣ враждующія расы. Притомъ онъ никогда не выступаетъ съ негодующими обличеніями несправедливостей, претерпѣваемыхъ чернокожими; напротивъ, онъ всегда старается смягчить возмутительные факты, чтобы не разжигать вражду и тѣмъ скорѣе приблизить часъ примиренія. Теперь, когда его извѣстность достигла широкихъ размѣровъ, ему приходится иногда говорить по четыре рѣчи въ день, и между его слушателями всегда много бѣлыхъ. Несмотря на то, что Букеръ Вашингтонъ очень часто ѣздитъ говорить рѣчи въ другіе города, эти отлучки не приносятъ ущерба институту Тескеги, такъ хороша его организація. Ему достаточно отъ времени до времени наблюдать за нимъ, чтобы все шло своимъ порядкомъ. Его жена (онъ женатъ второй разъ) также дѣятельно помогаетъ ему. Вліяніе Букера Вашингтона распространяется далеко за предѣлы института Тескеги; онъ и его безупречная семья служатъ примѣромъ всему негритянскому племени, и книга „Up from Slavery" является настоящимъ Евангеліемъ чернокожихъ. Въ настоящее время Букеръ Вашингтонъ состоитъ президентомъ основаннаго имъ университета Тескеги, а братъ его Джонъ занимаетъ тамъ-же должность завѣдующаго промышленной частью. Къ Букеру Вашингтону можно свободно примѣнить слова, сказанныя имъ самимъ о своемъ почитаемомъ учителѣ генералѣ Армстронгѣ, который, на склонѣ дней, больной и пара-

личный пріѣхалъ къ нему, передъ своей смертью, погостить въ Тескеги: „Никогда еще ни одинъ человѣкъ не терялъ себя самого изъ виду до такой степени, какъ онъ".

Одинъ изъ сотрудниковъ журнала „La Revue", г. Хитами японецъ родомъ, очень подробно знакомитъ съ японской женщиной [1]).

Всѣ японки чрезвычайно малы ростомъ, гораздо ниже средней европеянки; но онѣ никогда не стараются и не желаютъ быть выше, напротивъ. Между ними почти не встрѣчается полныхъ, даже въ зрѣломъ возрастѣ. Японки часто бываютъ бѣленькими и нѣкоторыя изъ нихъ могутъ смѣло поспорить въ этомъ отношеніи съ европейскими женщинами. Если при этомъ кожа имѣетъ слегка розоватый оттѣнокъ, то такой цвѣтъ лица считается верхомъ красоты. „Бѣлая кожа скрываетъ семь несчастій", говорятъ японцы, и это показываетъ, до какой степени цѣнятъ они это качество. Въ виду этого женщины страшно злоупотребляютъ бѣлилами и рисовой пудрой, начиная съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Румяное лицо, напротивъ, считается признакомъ низкаго происхожденія. Настоящая красавица должна имѣть очень черные и блестящіе волосы, при этомъ длинные и тонкіе. У всѣхъ японокъ прекрасные зубы; въ прежнее время замужнія женщины красили ихъ въ черный цвѣтъ, теперь-же этотъ обычай совершенно вывелся. Походка у японки очень медленная и лѣнивая; во-первыхъ потому, что женщина должна всегда казаться спокойной и нѣжной; во-вторыхъ, ея слишкомъ длинное платье и пренеудобные деревянные башмаки мѣшаютъ ей ходить быстро и спокойно.

Характеръ японской женщины можно выразить въ трехъ словахъ: въ дѣтствѣ она рѣзва, въ юности—сдержанна, въ замужествѣ—нѣжна и вѣрна.

Женщины средняго класса обязаны оказывать своимъ мужьямъ всевозможныя услуги, чистить имъ платье, прислуживать имъ за обѣдомъ. Если мужъ выходитъ изъ дому, жена провожаетъ его до порога; когда онъ возвращается, она идетъ встрѣчать его у двери. Если супруги выходятъ вмѣстѣ, то мужъ идетъ обыкновенно впереди, а жена сзади. Однако, въ настоящее время многіе уже гуляютъ рядомъ, но чрезвычайно рѣдко подъ руку. Тѣхъ, кто осмѣлится сдѣлать это, всѣ поднимаютъ на смѣхъ.

---

[1]) La Revue, 15 Octobre 1901.

со дня на день, и Вашингтону было бы очень трудно справиться съ этой громадной толпой, если бы не его достойная помощница, сдѣлавшаяся вскорѣ его женою, Оливія Давидсонъ; къ сожалѣнію эта прекрасная и энергичная женщина умерла въ очень молодыхъ годахъ.

Черезъ три мѣсяца послѣ открытія школы, имъ удалось придать ей желаемый характеръ, прикупивъ для нея, съ помощью генерала Маршала, землю въ окрестностяхъ города. На этой-то землѣ Букеръ Вашингтонъ основалъ институтъ Тескеги по образцу Гамптовскаго. Получая общее образованіе, ученики также обучаются тамъ всевозможнымъ ремесламъ, что Вашингтонъ считаетъ чрезвычайно важнымъ для своихъ соплеменниковъ и постоянно старается внушить имъ уваженіе къ ручному труду. Какъ уже было сказано выше, Букеръ Вашингтонъ не только замѣчательный педагогъ, но и талантливый ораторъ. Въ своихъ публичныхъ рѣчахъ, имѣющихъ всегда большой успѣхъ и собирающихъ множество слушателей, Вашгнгтонъ неизмѣнно преслѣдуетъ одну и ту-же цѣль: сблизить и примирить двѣ враждующія расы. Приэтомъ онъ никогда не выступаетъ съ негодующими обличеніями несправедливостей, претерпѣваемыхъ чернокожими; напротивъ, онъ всегда старается смягчить возмутительные факты, чтобы не разжигать вражду и тѣмъ скорѣе приблизить часъ примиренія. Теперь, когда его извѣстность достигла широкихъ размѣровъ, ему приходится иногда говорить по четыре рѣчи въ день, и между его слушателями всегда много бѣлыхъ. Несмотря на то, что Букеръ Вашингтонъ очень часто ѣздитъ говорить рѣчи въ другіе города, эти отлучки не приносятъ ущерба институту Тескеги, такъ хороша его организація. Ему достаточно отъ времени до времени наблюдать за нимъ, чтобы все шло своимъ порядкомъ. Его жена (онъ женатъ второй разъ) также дѣятельно помогаетъ ему. Вліяніе Букера Вашингтона распространяется далеко за предѣлы института Тескеги; онъ и его безупречная семья служатъ примѣромъ всему негритянскому племени, и книга „Up from Slavery" является настоящимъ Евангеліемъ чернокожихъ. Въ настоящее время Букеръ Вашингтонъ состоитъ президентомъ основаннаго имъ университета Тескеги, а братъ его Джонъ занимаетъ тамъ-же должность завѣдующаго промышленной частью. Къ Букеру Вашингтону можно свободно примѣнить слова, сказанныя имъ самимъ о своемъ почитаемомъ учителѣ генералѣ Армстронгѣ, который, на склонѣ дней, больной и пара-

личный пріѣхалъ къ нему, передъ своей смертью, погостить въ Тескеги: „Никогда еще ни одинъ человѣкъ не терялъ себя самого изъ виду до такой степени, какъ онъ“.

Одинъ изъ сотрудниковъ журнала „La Revue“, г. Хитами японецъ родомъ, очень подробно знакомитъ съ японской женщиной [1]).

Всѣ японки чрезвычайно малы ростомъ, гораздо ниже средней европеянки; но онѣ никогда не стараются и не желаютъ быть выше, напротивъ. Между ними почти не встрѣчается полныхъ, даже въ зрѣломъ возрастѣ. Японки часто бываютъ бѣленькими и нѣкоторыя изъ нихъ могутъ смѣло поспорить въ этомъ отношеніи съ европейскими женщинами. Если при этомъ кожа имѣетъ слегка розоватый оттѣнокъ, то такой цвѣтъ лица считается верхомъ красоты. „Бѣлая кожа скрываетъ семь несчастій“, говорятъ японцы, и это показываетъ, до какой степени цѣнятъ они это качество. Въ виду этого женщины страшно злоупотребляютъ бѣлилами и рисовой пудрой, начиная съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Румяное лицо, напротивъ, считается признакомъ низкаго происхожденія. Настоящая красавица должна имѣть очень черные и блестящіе волосы, при этомъ длинные и тонкіе. У всѣхъ японокъ прекрасные зубы; въ прежнее время замужнія женщины красили ихъ въ черный цвѣтъ, теперь-же этотъ обычай совершенно вывелся. Походка у японки очень медленная и лѣнивая; во-первыхъ потому, что женщина должна всегда казаться спокойной и нѣжной; во-вторыхъ, ея слишкомъ длинное платье и пренеудобные деревянные башмаки мѣшаютъ ей ходить быстро и спокойно.

Характеръ японской женщины можно выразить въ трехъ словахъ: въ дѣтствѣ она рѣзва, въ юности—сдержанна, въ замужествѣ—нѣжна и вѣрна.

Женщины средняго класса обязаны оказывать своимъ мужьямъ всевозможныя услуги, чистить имъ платье, прислуживать имъ за обѣдомъ. Если мужъ выходитъ изъ дому, жена провожаетъ его до порога; когда онъ возвращается, она идетъ встрѣчать его у двери. Если супруги выходятъ вмѣстѣ, то мужъ идетъ обыкновенно впереди, а жена сзади. Однако, въ настоящее время многіе уже гуляютъ рядомъ, но чрезвычайно рѣдко подъ руку. Тѣхъ, кто осмѣлится сдѣлать это, всѣ поднимаютъ на смѣхъ.

---

[1]) La Revue, 15 Octobre 1901.

Японская женщина отличается замѣчательною вѣрностью своему мужу; даже въ томъ случаѣ, если мужъ очень вѣтренъ, она никогда не станетъ платить ему тою-же монетой. Она прекрасная мать и очень заботится о воспитаніи своихъ дѣтей. Японцы полагаютъ, что дѣти, воспитанныя своею матерью, бываютъ всегда самыя лучшія. Изъ этого слѣдуетъ, что японская женщина обладаетъ лучшими педагогическими способностями, чѣмъ мужчина.

Въ отношеніяхъ между мужчиною и женщиною въ Японіи дѣйствуетъ правило: честь мужчинѣ, презрѣніе женщинѣ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что женщина, выходя замужъ, не приноситъ приданаго и потому во всемъ зависитъ отъ мужа. Вѣрность этого объясненія подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рабочихъ классахъ жена во всемъ равна мужу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже, если, напримѣръ, жена занимается парикмахерскимъ искусствомъ, и одна содержитъ семью, то мужъ долженъ уступить ей главенство въ домѣ; она уходитъ изъ дому на работу, а онъ остается смотрѣть за дѣтьми: честь женщинѣ, презрѣніе мужчинѣ.

Японки съ успѣхомъ занимаются всевозможными ремеслами, но лучше всего имъ удается воспитаніе и обученіе.

Есть въ Японіи женщины писательницы, какъ напримѣръ талантливая романистка Ихійо, къ сожалѣнію слишкомъ рано похищенная смертью. Въ настоящее время наибольшею извѣстностью пользуется госпожа Каганеи-Кими.

Женщины-художницы дѣлаются теперь все болѣе и болѣе частымъ явленіемъ. Кромѣ того японки отличаются большими способностями къ конторскимъ работамъ. Всѣ телефонныя и почтовыя конторы Японіи почти сплошь наполнены женщинами. Онѣ могутъ быть также прекрасными счетоводами.

Новыя книги.

Общественныя движенія въ Средніе вѣка и въ эпоху Реформаціи. Составлено подъ ред. *В. Базарова* и *И. Степанова*. С.-Петербургъ, 1901. Изданіе В. А. Нѣмчинова.

Названная книга — огромный томъ, почти въ 600 страницъ, состоящій изъ ряда очерковъ по исторіи теоретическаго и практическаго утопизма за двухтысячный періодъ вре-

мени: отъ Платона и до Томаса Мора. Эти два лица являются главнѣйшими представителями теоретическаго утопизма, а утописты-практики представлены въ разбираемой книгѣ въ лицѣ Мюнцера, таборитовъ, перекрещенцевъ и нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей. Популяризацію дореформаціоннаго утопизма взялъ на себя г. Степановъ. Редактированная имъ часть книги вышла нѣсколько блѣдной, несмотря на то, что въ основу ея были положены многочисленные интересные матеріалы и въ ней видно рѣдкое умѣніе объединять изложеніе вполнѣ опредѣленной точкой зрѣнія на историческій процессъ. Недостатокъ литературности, почти полнѣйшее неумѣніе просто и толково изложить мысли и факты—вотъ главный недостатокъ первой части. Зато отъ второй части (редакція г. Базарова) литературности хоть отбавляй.

Впрочемъ, большинству читателей легкое изложеніе событій реформаціоннаго періода, переполненное публицистическими выпадами и частыми обращеніями къ современности, придется по вкусу. Во второй части особеннаго вниманія заслуживаетъ исторія и характеристика перекрещенцевъ,—этихъ фанатиковъ общности имуществъ, считавшихъ ее самымъ цѣннымъ благомъ на землѣ, о которыхъ большинство нашего интеллигентнаго общества, воспитаннаго на „Иловайскихъ", имѣетъ смутное или, что еще хуже, самое превратное понятіе. Гибель перекрещенцевъ въ Мюнстерѣ напоминаетъ паденіе коммуны въ 1871 году. Мюнстеръ находился въ рукахъ перекрещенцевъ съ 23 февраля 1534 года и до 26 іюня 1535 г. Этотъ промежутокъ времени былъ, есть и будетъ лакомымъ кусочкомъ для буржуазныхъ историковъ. Дѣло въ томъ, что отъ избіенія „не спасся ни одинъ представитель перекрещенства, способный дать литературное описаніе событій, совершившихся въ Мюнстерѣ во время осады. Всѣ дошедшія до насъ описанія исходятъ отъ враговъ". Поэтому небольшого труда стоило набрать коллекцію лжи и клеветы и изъ этихъ „фактовъ" умозаключать приблизительно такъ: общность имуществъ у перекрещенцевъ, людей глубоко вѣрующихъ, привела къ мюнстерской скотской жизни. „Возобновители ихъ ученія въ наши времена къ ихъ ошибкамъ присоединяютъ отрицаніе религіи и погружаютъ людей въ грубый матеріализмъ. Чего-же можно ждать отъ осуществленія новѣйшихъ утопій, если взвѣсить все это? Несомнѣнно, сатурналіи Мюнстера были бы еще превзойдены". Достовѣрность фактовъ о „скотской жизни" въ Мюнстерѣ превосходно

проанализирована въ разбираемой книгѣ и сведена къ нулю. Звѣрства-же побѣдителей перекрещенцевъ еще ждутъ реабилитатора. Съ помощью предателя проникнувъ въ Мюнстеръ, приверженцы порядка нарушили свое обѣщаніе пропустить изъ города положившихъ оружіе и произвели массовое избіеніе безоружныхъ. Еще хуже пришлось главарямъ перекрещенскаго движенія. Іоанна Лейденскаго мучили раскаленными щипцами и, какъ только прикасались къ его тѣлу, „вспыхивало пламя и распространялся такой отвратительный запахъ, что почти всѣ, стоявшіе на рыночной площади, не могли его выносить". У другого лица „широко разодрали ротъ, продернули черезъ зубы канатъ и крѣпко привязали къ столбу", а потомъ раскаленными щипцами вырвали языкъ. Послѣ казней эти щипцы красовались на видномъ мѣстѣ и должны были служить для устрашенія „всѣхъ бунтовщиковъ и противниковъ настоящаго начальства".

Стоитъ отмѣтить, что современный намъ историкъ Келлеръ считаетъ казни перекрещенцевъ „заслуженнымъ наказаніемъ за ихъ злодѣянія".

Статьей о Т. Морѣ заканчивается настоящая книга. Такой конецъ вполнѣ логиченъ, такъ какъ „утопія" Мора стоитъ на границѣ средневѣковаго и новаго міросозерцанія.

Е. М. В.

Эмиль Жебаръ. **Мистическая Италія.** Очеркъ изъ исторіи возрожденія религіи въ среднихъ вѣкахъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1900 г.

„Необходимо", говоритъ Макіавелли въ главѣ I третьей книги своего *Разсужденія о Титѣ Ливіи*, „чтобы религіи обновлялись, возвращаясь къ своимъ основнымъ началамъ: христіанство совсѣмъ угасло бы, если бы св. Францискъ и св. Доминикъ не возобновили его и не вернули къ нему сердца человѣческія путемъ бѣдности и примѣромъ Христовымъ; такимъ образомъ они спасли религію, которую утрачивала церковь". Книга Гебгардта (фамилію офранцуженнаго нѣмца переводчикъ совершенно напрасно читаетъ по-французски, чѣмъ и превращаетъ въ „Жебара") и представляетъ исторію попытокъ религіознаго возрожденія въ средневѣковой Италіи; надо замѣтить, что движенія сектантскаго характера почти не затрагиваются авторомъ, ограничивающимъ свою задачу только тѣми попытками, которыя исходили изъ среды самой католической церкви, или, говоря точнѣе,—монашества.

Въ главѣ I авторъ даетъ „очеркъ религіознаго и нравствен-

ваго состоянія Италіи до Іоакима дель Фіоре" (1132—1202), описываетъ крайнее униженіе и развращеніе папства, упадокъ его вліянія и вообще религіозности, чему не могъ помѣшать знаменитый орденъ бенедиктинцевъ, какъ слишкомъ отдаленный отъ жизни: „монахъ", говорится въ „Зерцалѣ Монаховъ", написанномъ въ 11-мъ вѣкѣ, „не долженъ разсуждать ни о политическихъ событіяхъ, ни о войнахъ, ни о партіяхъ, ни о радостяхъ и суетностяхъ міра сего, ни о чужеземцахъ, ни даже о своихъ собственныхъ родныхъ". Политическія обстоятельства были не менѣе мрачны: междоусобныя войны и нашествія германцевъ, норманновъ (южная Италія), арабовъ и пр. были безпрерывны. Даже въ сильныхъ и богатыхъ городскихъ коммунахъ отдѣльной личности жилось тяжело: коммуна не представляла исключенія изъ общаго характера средневѣковаго строя и давила личность, чему любопытные примѣры приведены на стр. 22—24; средневѣковую городскую коммуну давно уже опредѣлили, какъ „коллективнаго сеньера". Весьма понятно при такихъ условіяхъ развитіе монашества, изъ котораго и стали исходить попытки религіознаго возрожденія.

Уже въ половинѣ XI-го вѣка видимъ на сѣверѣ Италіи соціальное движеніе патаровъ, носившее сильную религіозную окраску; движеніе это очень мало извѣстно, однако, несомнѣнны его демократическій и религіозный характеръ и враждебность къ бѣлому духовенству. Никакой связи между движеніемъ патаровъ въ Миланѣ и сектой катаровъ (иначе альбигойцевъ) Гебгардтъ не находитъ и самое предположеніе о связи между ними считаетъ простой догадкой, вызванной сходствомъ именъ. Патары были истреблены, но причины, вызывавшія религіозную настроенность, остались, и истребленіе ихъ только расчистило мѣсто для большого успѣха ересей катаровъ и вальденсовъ, которыхъ Гебгардтъ совершенно справедливо признаетъ сектой протестантской окраски. Въ этой-же главѣ очерчена дѣятельность Арнольда Брешіанскаго, личности, какъ извѣстно, очень загадочной, находившейся, какъ склоненъ думать Гебгардтъ, подъ сильнымъ вліяніемъ идей своего учителя Абеляра.

Итакъ, на сѣверѣ Италіи религіозное возбужденіе выливалось въ сектантскія формы, съ соціальной окраской. На югѣ Италіи видимъ совершенно иное: тамъ, не безъ вліянія грековъ, составлявшихъ часть населенія, религіозное настроеніе проявилось мистицизмомъ, вообще правовѣрнымъ и лишь

въ видѣ исключенія принимавшимъ еретическій характеръ, и то не въ смыслѣ догматическомъ, а въ видѣ только болѣе или менѣе сильной враждебности къ церкви съ ея испорченностью. Іоакимъ дель Фіоре (1132—1202), аббатъ и основатель Фіорійскаго монастыря въ Калабріи, жизни и дѣятельности котораго посвящена вторая глава, былъ пророкомъ и проповѣдникомъ „Вѣчнаго Евангелія". Взгляды на эту личность даже между католическими средневѣковыми богословами существуютъ самые различные; послѣдователи и современники восхваляли его какъ боговдохновеннаго пророка, прославленнаго чудесами и предсказаніями; католическая церковь не порицаетъ его лично и считаетъ его святымъ, но лишь мѣстночтимымъ (въ Калабріи, гдѣ въ день его праздника поютъ тропарь ему: Beatus Ioachim, spiritu dotatus prophetico, decoratus intelligentia, *errore procul haeretico*, dixit futura ut praesentia); Ѳома Аквинскій не сомнѣвается въ чистотѣ его намѣреній, находитъ въ его сочиненіяхъ много истиннаго, хотя отыскиваетъ и погрѣшности; святой-же Бонавентура и отчасти Бароній видятъ въ немъ лже-пророка (второй) и вѣроятнаго еретика (первый). Излагать теорію Іоакима было бы неумѣстно въ нашей краткой замѣткѣ (въ книгѣ она изложена очень неудовлетворительно); отмѣтимъ, однако, что причиной такого различія во взглядахъ на него было то, что сочиненія его послѣ смерти его пріобрѣли большую популярность у одной части францисканцевъ, правовѣріе которой для оффиціальной церкви было весьма сомнительнымъ, и подверглись тамъ тенденціозной переработкѣ; Іоакиму-же эти францисканскіе кружки приписывали многія исходившія отъ нихъ сочиненія. Все это почти лишаетъ возможности возстановить дѣйствительное ученіе Іоакима.

Основателемъ ордена францисканцевъ былъ св. Францискъ Ассизскій (1182—1226), который объ изобрѣтеніи новаго Евангелія не мечталъ, а избралъ „единое на потребу" и любилъ людей и все живое и, по картинному, но вѣрному выраженію Гебгардта, „умѣлъ снова открыть евангеліе на нагорной проповѣди" и „къ ея заповѣдямъ прибавилъ новую: Beati qui rident": кроткій и свѣтлый, онъ былъ всегда веселъ и то-же совѣтовалъ ученикамъ, говоря, что дѣло Господне слѣдуетъ дѣлать съ лицомъ не мрачнымъ, но свѣтлымъ и радостнымъ, и благодарить Бога за все. Глава о Францискѣ (третья) написана прекрасно и вообще одна изъ лучшихъ въ книгѣ.

Святой Францискъ, какъ и всѣ святые, канонизованные и не канонизованные и даже не подлежащіе канонизаціи, слишкомъ

высоко цѣнилъ людей и вѣрилъ въ возможность ихъ нравственнаго улучшенія съ помощью однихъ святыхъ средствъ. Онъ проповѣдовалъ абсолютную бѣдность, въ подражаніе Спасителю и апостоламъ; и она держалась, пока былъ живъ учитель! Но съ его смертью громко раздались голоса тѣхъ учениковъ, которые лучше учителя знали людей и понимали, что матеріальная обезпеченность—дѣло не лишнее даже и для проповѣдника бѣдности. Первымъ генераломъ ордена былъ непосредственный ученикъ Франциска Илья Кортонскій; въ его время и подъ его вліяніемъ орденъ уже начинаетъ имѣть собственность; напрасны были протесты вѣрныхъ завѣтамъ учителя, изъ которыхъ всего энергичнѣе обличалъ стяжательнаго генерала богословъ и проповѣдникъ Антоній Падуанскій, тоже непосредственный ученикъ Франциска. Правда, направленіе Ильи вызвало противодѣйствіе тогдашняго папы: Илья былъ смѣщенъ, впослѣдствіи даже отлученъ и прощенъ только передъ самой смертью, а Антоній признанъ святымъ (онъ—одинъ изъ популярнѣйшихъ католическихъ святыхъ), но побѣдило, конечно, то направленіе, представителемъ котораго явился Илья! Францисканцы раздвоились на *конвентуаловъ* (допускавшихъ собственность) и *спиритуаловъ*—отрицавшихъ ее. Во власти были первые и гнали вторыхъ, съ той ненавистью, которую многіе практики питаютъ къ людямъ, презирающимъ блага земныя, что для практиковъ кажется заслуживающимъ кары безуміемъ и оскорбленіемъ ихъ особъ. Спиритуалы, отчасти подъ вліяніемъ гоненій, вдались въ еще большій ригоризмъ и мистицизмъ: тогда-то и получили у нихъ популярность писанія Іоакима; явилось отрицательное отношеніе къ представителямъ церковной власти, симпатіи къ греческой церкви и вообще духъ отнюдь не правовѣрно-католическій. Все это только усиливало гоненіе, тѣмъ болѣе, что второй генералъ ордена Кресчентій былъ также конвентуалъ. Третьимъ генераломъ былъ Іоаннъ Пармскій—спиритуалъ, прекратившій гоненіе на вѣрныхъ послѣдователей Франциска. Еще лучшіе дни настали для нихъ, когда на папскомъ престолѣ оказался Целестинъ V, самъ спиритуалъ, выдѣлившій своихъ братій въ особый орденъ целестинцевъ: но, постникъ и отшельникъ, онъ, „избывая мірской суеты и докуки", какъ сказалъ бы русскій монахъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по избраніи отрекся. Новый папа, знаменитый Бонифацій VIII, былъ въ высшей степени враждебенъ спиритуаламъ, и послѣдніе постепенно исчезали или обращались въ еретическую секту.

Послѣдняя глава посвящена „мистицизму, этикѣ и религіи Данте", то есть имѣетъ довольно отдаленное отношеніе къ предмету. Еще менѣе понятна необходимость главы IV: „Императоръ Фридрихъ II и духъ раціонализма въ южной Италіи", прекрасно, впрочемъ, написанной.

Написана книга живо и увлекательно; жаль только, что Гебгардтъ такъ слабъ въ области богословскихъ и церковно-историческихъ знаній, чему можно бы привести массу примѣровъ (смотри, напр., на с. 33 о катарахъ, на с. 54 и 55 объ Іоаннѣ Богословѣ, на с. 281, гдѣ Гебгардтъ, очевидно, признаетъ епископа Якова de Voragine авторомъ одной легенды объ этомъ апостолѣ, тогда какъ эта легенда встрѣчается уже у св. Климента Александрійскаго); точно также, напрасно онъ выдаетъ произвольныя догадки научной критики, хотя бы и отрицательныя, за твердо-установленные факты. **Н. У.**

Р. Майо Смитъ. **Статистика и соціологія.** Переводъ съ англійскаго М. Энгельгардта. Москва, 1901.

Соціологія изучаетъ общественное устройство и отношенія людей въ организованномъ обществѣ. Такъ какъ она имѣетъ дѣло не съ отдѣльными людьми, а съ цѣлымъ обществомъ, то матеріаломъ ея изученія становится населеніе во всемъ его объемѣ. По полу, возрасту, семейному состоянію и физическому здоровью населеніе дѣлится на демографическіе классы. По расѣ, крови и національности населеніе разбивается на этнографическія группы. По религіи, моральному поведенію, общественному и матеріальному положенію, оно составляетъ соціальные классы. Разнообразіе общественныхъ отношеній въ данной странѣ зависитъ отъ естественныхъ условій или физической среды и соціальной организаціи. Всюду наблюдаемая измѣнчивость соціальныхъ отношеній во времени наталкиваетъ на доктрину дѣйствія соціальныхъ силъ и вызываетъ необходимость въ точныхъ методахъ ихъ измѣренія. Для этой цѣли служитъ статистика. Соціальнымъ явленіямъ, которыя могутъ быть сосчитаны, она даетъ количественныя выраженія. Для построенія соціологіи доставляютъ матеріалы не только описанія или качественныя различенія, но и перечисленія, т. е. количественныя измѣренія явленій и условій соціальной жизни.

По части статистики населенія авторъ пользуется средними данными за 1871—90 гг., ограничиваясь результатами переписей 1890 и 1891 гг. въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи, Шот-

ландіи, Ирландіи, Германіи, Франціи, Австріи и Индіи, опубликованными за послѣднее время. „Эти данныя не замѣнятся новыми, по крайней мѣрѣ, втеченіе десяти лѣтъ, и врядъ ли ближайшія переписи будутъ болѣе обширными или представятъ большій соціологическій интересъ". При этомъ берутся цифры только въ общихъ итогахъ, необходимыя для объективнаго освѣщенія каждаго затронутаго вопроса и систематической обработки статистики населенія упомянутыхъ культурныхъ странъ.

Матеріалъ курса распредѣленъ по заголовкамъ: соціологическая цѣль, статистическія данныя, научная провѣрка, теоретическій анализъ. Преслѣдуя соціологическую цѣль, мы должны такъ распредѣлить статистическія данныя, чтобы возможно было открыть прямыя и косвенныя зависимости между движеніемъ населенія, перемѣнами въ соціальной и физической средѣ. Научная провѣрка предназначается, главнымъ образомъ, для лицъ, спеціально занимающихся соціологіей и статистикой. Но теоретическій анализъ, устанавливающій связь между населеніемъ, средой и соціологической цѣлью, представляетъ общій интересъ и вполнѣ доступенъ для обыкновеннаго читателя.

Въ отдѣлѣ „демографія" разсматриваются статистическія данныя касательно пола, возраста и семейнаго состоянія, рожденія, брака и смертныхъ случаевъ, въ связи съ религіознымъ исповѣданіемъ, соціальнымъ положеніемъ и занятіями у различныхъ расъ и національностей. Насколько плодотворнымъ оказывается статистическое изслѣдованіе для соціологическихъ выводовъ, видно хотя бы изъ слѣдующихъ заключительныхъ строкъ первой главы: „Важные соціальные результаты вытекаютъ изъ распредѣленія населенія по полу, возрасту и семейному состоянію. Значительный избытокъ не состоящихъ въ бракѣ мужчинъ и женщинъ можетъ повести къ развитію общественнаго разврата или къ образованію обширнаго класса людей, лишенныхъ средствъ къ существованію. Часто также онъ приводитъ къ измѣненію общественныхъ идеаловъ въ отношеніи положенія и правъ женщины. Повидимому, „естественнаго" закона равенства въ числѣ половъ, на который ссылались раньше, какъ на опору моногаміи, вовсе не существуетъ. Тотъ или другой полъ всегда оказывается въ избыткѣ. Намъ необходимо открыть причины этого избытка, чтобы приноровить соціальныя учрежденія къ существующимъ условіямъ. Измѣненія въ возрастномъ и половомъ

составѣ населенія вліяютъ на экономическую производительную силу государства, какъ было указано выше. Извѣстный возрастный составъ служитъ указателемъ экономической силы націи. Производительнымъ возрастамъ всегда приходится содержать непроизводительные. Правда, вліяніе на возрастный составъ населенія, повидимому, не подлежитъ контролю человѣка. Но тщательное изученіе даетъ намъ возможность судить о вліяніи соціальныхъ силъ, которыя общественное мнѣніе можетъ поощрять или преслѣдовать. Эта основная классификація населенія—результатъ великихъ естественныхъ и соціальныхъ вліяній. Она всегда необходима для пониманія соціальныхъ явленій и часто даетъ намъ объясненіе фактовъ, практически важное для соціальной жизни". Въ теоретическомъ анализѣ каждой изъ главъ даются подобныя-же соціологическія заключенія.

Во второмъ отдѣлѣ разсматриваются главнѣйшіе факторы соціальнаго быта: семья и жилища, образованіе, религіозное исповѣданіе и занятія: профессіональныя и государственная служба, домашняя прислуга, торговля, промышленность, земледѣліе и рыболовство. незанятые; затѣмъ, сообщается статистика немощныхъ и необезпеченныхъ, самоубійствъ и преступленій, и до нѣкоторой степени дается объясненіе перечисленнымъ явленіямъ. Слѣдующій отдѣлъ составляютъ этнографическія данныя: расы, національности и переселенія. Въ послѣднемъ отдѣлѣ разсматриваются вліянія физической среды: распредѣленіе населенія соотвѣтственно топографическимъ особенностямъ, температурѣ, атмосфернымъ осадкамъ, влажности и характеру почвы, и главнѣйшія соціальныя условія: размѣры государствъ, колоніальныя силы, концентрація населенія въ городахъ, соціальное положеніе и т. д.

Относительно закона народонаселенія авторъ приходитъ къ отрицанію попытокъ умозрительнаго опредѣленія размноженія человѣческаго рода. „Совершенно безполезно обсуждать отношеніе двухъ такихъ неизвѣстныхъ и недоступныхъ познанію величинъ, какъ возможное возрастаніе населенія и возможное увеличеніе количества пищевыхъ средствъ. Полезно знать реальные факты, относящіеся къ росту населенія, и связь этого роста съ экономическими рессурсами населенія. Здѣсь статистическая наука намѣчаетъ различныя плодотворныя изслѣдованія". Какъ показываютъ переписи, народонаселеніе въ цивилизованныхъ странахъ, за немногими исключеніями, напр. Ирландіи, продолжаетъ расти непрерывно; средства къ суще-

ствованію тоже возрастають, вслѣдствіе чего не замѣчается пониженіе уровня благосостоянія. Но насколько и при какихъ условіяхъ распредѣленія развивается благосостояніе, равно какъ и многіе другіе общіе и частные вопросы соціальной жизни авторъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія, предоставляя ихъ рѣшеніе болѣе спеціальнымъ статистическимъ изслѣдованіямъ.

Настоящій курсъ ограничивается научной разработкой основныхъ статистическихъ данныхъ о народонаселеніи большинства странъ европейской культуры и можетъ служить, въ качествѣ руководства и справочной книги, весьма полезнымъ пособіемъ для начинающихъ изучать соціологію.

И. М. Новъ.

В. А. Гольцевъ. **Уголовное право и уголовный судъ.** Элементарный очеркъ. Посвящается Дмитрію Ивановичу Тихомирову. Изданіе редакціи журн. „Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ". 1901 г. Ц. 15 к.

Г. Гольцевъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ говоритъ: „Въ 1899 году на страницахъ „Педагогическаго Листка" я напечаталъ нѣсколько замѣтокъ, которыя вышли потомъ отдѣльною книжечкою подъ заглавіемъ „Основныя понятія о правовѣдѣніи". Ко мнѣ обращаются съ запросами продолжать общедоступное изложеніе правовѣдѣнія по отдѣльнымъ отраслямъ права. Вполнѣ сознавая всю трудность этой задачи, я не хочу, однако, уклониться отъ посильнаго ея разрѣшенія, которое въ извѣстной мѣрѣ облегчитъ трудъ другихъ популяризаторовъ. Въ нижеслѣдующихъ страницахъ рѣчь будетъ идти объ уголовномъ правѣ. Основныя понятія о правовѣдѣніи я считаю необходимымъ введеніемъ къ этому очерку". Мы согласны, что для желающаго систематически ознакомиться съ правовѣдѣніемъ по краткому и общедоступному руководству „Основныя понятія о правовѣдѣніи" г. Гольцева могутъ дать много хорошаго по этому предмету; брошюра возбуждаетъ любовь къ изученію правовѣдѣнія и, благодаря указаніямъ автора на компетентные и безусловно заслуживающіе довѣрія источники, облегчаетъ дальнѣйшій самостоятельный путь знакомства съ такъ необходимой теперь областью знанія. „Основныя понятія о правовѣдѣніи" г. Гольцевъ считаетъ введеніемъ къ настоящей брошюрѣ „Уголовное право", именно только введеніемъ безъ особенной обязательности для пониманія второй брошюры непремѣнно прочитать первую. „Уголовное право" популярно-компилятивно написанный трудъ для каждаго гра-

мотея, желающаго знать свои права передъ лицомъ русскаго государственнаго уголовнаго суда. Чтобы разъяснить настоящее положеніе русскаго уголовнаго права, авторъ прибѣгаетъ къ историческимъ справкамъ, являющимся значительнымъ дополненіемъ къ краткой, но осмысленной брошюрѣ г. Гольцева. Настоящее изданіе стоитъ недорого (15 к.) и, вѣроятно, скоро разойдется среди трудящагося люда. **А. А. Ф—въ.**

Д. Д. Солодовниковъ. **Въ Московскомъ царствѣ.** Историческія картинки. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское чтеніе" 1901 г. Мы обращаемъ вниманіе на книжку г. Солодовникова потому, что въ ней авторъ высказался особенно оригинальнымъ популяризаторомъ русской исторіи. Авторъ беретъ темой, преимущественно, бытовые сюжеты, напр., „Жизнь въ сельской древней волости" („Волостное горе") и, благодаря своему недюжинному таланту, создаетъ своеобразныя историческія картинки, нелишенныя горькаго юмора въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „сытый голоднаго не разумѣетъ". Всего въ книжкѣ семь разсказовъ— историческихъ картинокъ древней Руси: „На сторожѣ", „Волостное горе", „Про торговаго человѣка Силу Гусельникова", „Ненаѣда", „За родовую честь", „Про удалого скомороха Василія Тропу", „Царева кручина", Авторъ старается быть объективнымъ художникомъ, но это ему удается съ трудомъ, онъ невольно вкладываетъ свое доброе личное сужденіе въ историческія картинки и, напр., въ разсказѣ „Про удалого скомороха Василія Тропу" онъ замѣчаетъ о людяхъ, принужденныхъ злою судьбой отдать своего ребенка-сына въ скоморохи: „Такъ плохо, такъ плохо они жили, что, кажется, хуже и нельзя, да, видно, крѣпко очень привязалось къ нимъ горе, а оно ужъ, какъ привяжется, такъ и не отвяжется, до сырой земли проводитъ, да и тамъ еще насмѣяться норовитъ". (75 стр.). Картинки написаны простымъ, красивымъ языкомъ, напоминающимъ былинный.

А. Ф-въ.

Письмо въ редакцію.

По поводу воспоминаній о войнѣ 1853—1855 гг. М. К. Цебриковой, редакціей получено слѣдующее письмо:

„Позвольте мнѣ исправить маленькую неточность, вкравшуюся въ дорогія для меня воспоминанія г-жи М. К. Цебриковой. „Дорогими“ называю ихъ потому, что она коснулась въ нихъ памяти моей матери С. В. Чистяковой и обоихъ моихъ братьевъ Николая и Василія Чистяковыхъ.

Братъ Николай, унаслѣдовавъ отъ отца любовь къ морю и слышавъ отъ родного дяди, брата отца, адмирала Петра Егоровича Чистякова, — что служба въ Черномъ морѣ интереснѣе Балтійской, еще будучи въ корпусѣ, мечталъ съ выходомъ въ мичмана поступить во флотъ Черноморскій, въ чемъ не встрѣтилъ препятствій со стороны родителей. Въ офицеры онъ былъ произведенъ въ 1852 году, не по усиленному выпуску, какъ сказала г-жа Цебрикова, но *въ свое время*. Письма его къ матери съ самаго пріѣзда его въ Николаевъ хранятся у меня до сихъ поръ. Тогда еще не было слуховъ о войнѣ. Старшій братъ, Василій, служилъ въ Балтійскомъ флотѣ. Но вотъ заговорили о несогласіяхъ съ Турціей, началась и война. Братъ Николай отличился въ Синопскомъ сраженіи, которое онъ описываетъ въ письмѣ. Меня не разъ уговаривали, чтобы я напечатала его письма, особенно касающіяся военныхъ дѣйствій. Но отдать ихъ такими, какъ они писались матери, полными подробностей его частной жизни, конечно, я не могла, а, принимаясь за выписки, я кончала всегда слезами и письма опять прятались!

Благодаря воспоминаніямъ г-жи Цебриковой, я укрѣпилась въ намѣреніи моемъ кончить начатое. Г-жа Цебрикова справедливо назвала мою мать героиней. Переводъ старшаго сына ея Василія былъ для нея неожиданностію.

Былъ уже отданъ приказъ не переводить больше туда изъ балтійскихъ моряковъ, но пріѣхавшій изъ Севастополя курьеръ, встрѣтивъ брата Василія, на его разспросы о братѣ Николаѣ, сказалъ ему: „Вашъ братъ изведетъ себя, не войной, а лихорадкой, не хочетъ лѣчиться, чтобы не бросать службы“. Тогда братъ Василій немедленно обратился къ великому князю Константину Николаевичу, умоляя перевести его въ Севастополь, чтобы замѣнить брата и дать ему вылечиться. И вотъ— не въ примѣръ прочимъ, его перевели послѣднимъ. Мать,

прочитавъ письмо его, сильно поблѣднѣла, встала, какъ теперь вижу, перекрестилась и сказала: „Его святая воля“, затѣмъ, опустившись въ кресло, сказала какъ-то глухо: „оба“. И это самое слово „оба“, только одно это слово она повторяла какъ бы безсознательно первыя сутки по полученіи извѣстія о смерти обоихъ братьевъ, — оба были убиты на одной недѣлѣ.

Старшій, Василій, былъ раненъ штуцерной пулей въ грудь навылетъ—26 мая 1855 г. и промучился 5 дней. Второй, Николай, былъ убитъ въ високъ осколкомъ бомбы въ то самое время, когда, по словамъ очевидца, наводилъ пушку на непріятеля. Николай былъ убитъ 28, а 30 мая скончался братъ Василій....

Софія Зеландъ, урожденная **Чистякова.**

Мы надѣемся, что г-жа Зеландъ напечатаетъ на страницахъ нашего журнала въ будущемъ году интересныя письма ея брата Николая Чистякова въ той ихъ части, которая имѣетъ историческое значеніе. Пятидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія, защитѣ Севастополя и вообще царствованію императора Николая I, имѣющему глубокій интересъ и для современности, мы съ перваго-же года нашего изданія поставили себѣ задачей дать правильное освѣщеніе. (См. въ 1900 г.) „Дѣти-защитники Севастополя“ В. Даценко, „Декабристъ Е. П. Оболенскій и его неизданное письмо къ отцу“ В. А. Апушкина; въ 1901 г. „Кюхельбекеръ и Пущинъ“ Н. Гастфрейнда, „Бошнякъ, Майборода, Шервудъ“ по запискамъ декабриста кн. С. Г. Волконскаго, „Герценъ и Тургеневъ“ В. П. Батуринскаго и пр.

Редакторъ-издатель **С. Сухонинъ.**

Въ 1616 году финская пѣхота составляла 3500 ч., но потомъ вслѣдствіе постоянныхъ наборовъ увеличилась почти вдвое. Въ 1624 г. она была раздѣлена на три полка, состоявшихъ каждый изъ 24 „компаній“. Но вскорѣ эти большіе полки были преобразованы въ меньшіе, по 8 „компаній“ въ каждомъ. Въ 1625 г. такихъ полковъ было 8, и общая численность ихъ составляла болѣе 9000 ч. Такова была организація финляндской пѣхоты во время польской войны. Позднѣе, во время 30-лѣтней войны, финляндская армія была значительно увеличена. Въ 1631 — 1647 г. Финляндія выставила 12000 — 13000 ч. пѣхоты, т. е. почти $^1/_3$ всей пѣхоты королевства.

Организація конныхъ войскъ была основана на другомъ принципѣ. Еще при Карлѣ IX упоминаются такъ называемые „земскіе рыцари“ (landsryttare), которые въ военное время или сами несли службу, или нанимали за себя охотниковъ, въ мирное же время были земледѣльцами. Они получали ежегодно жалованье, которое имъ платилось или деньгами (въ этомъ случаѣ оно состояло въ опредѣленномъ вычетѣ изъ взимаемыхъ съ ихъ земли налоговъ), или, если земли у нихъ не было, — натурой.

Офицерамъ вмѣсто жалованья отводилось опредѣленное количество дворовъ соотвѣтственно чину каждаго.

Эта система получила дальнѣйшее развитіе при Густавѣ Адольфѣ, который постоянно заботился о снабженіи и офицеровъ и нижнихъ чиновъ кавалеріи достаточнымъ количествомъ земли. Дѣленіе кавалеріи на полки шло медленнѣе, нежели дѣленіе пѣхоты. Не ранѣе, какъ въ 1625 г., упоминаются три финляндскихъ кавалерійскихъ полка: абоскій, нюландскій и выборгскій. Въ каждомъ изъ нихъ въ концѣ 30-лѣтней войны было по 1200 челов., всего слѣдовательно, 3600 ч., тогда какъ вся соединенная кавалерія Швеціи и Финляндіи составляла 11000 ч. Такимъ образомъ и здѣсь доля Финляндіи была относительно больше, нежели доля Швеціи.

Жители нѣкоторыхъ приморскихъ погостовъ были освобождены отъ поставки рекрутъ въ пѣхоту и кавалерію, но зато должны были доставлять матросовъ для флота.

Рядомъ съ новой кавалеріей конница изъ дворянъ, остатокъ прежней рыцарской службы, должна была потерять всякое значеніе. Такъ называемый полкъ дворянскаго знамени (adelsfanan) въ Финляндіи въ описываемое время едва достигалъ 100 ч. и никогда не выводился за предѣлы страны. Къ концу 30-лѣтней войны

вся вооруженная сила Финляндiи состояла изъ 17000—18000 ч., что являлось неслыханнымъ бременемъ для страны, населенiе которой не превышало 300000 человѣкъ.

Правительство во время войны всѣми силами старалось склонять населенiе Финляндiи добровольно подчиниться всѣмъ ея тягостямъ. Посланiя епископа Ротовiуса къ приходскимъ священникамъ нерѣдко содержали въ себѣ прославленiе блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ шведскими и финляндскими войсками, имѣвшее цѣлью призвать народъ къ новымъ жертвамъ для отечества. Насколько ненавистна была для финляндцевъ военная служба, видно изъ того, что число лицъ, бѣжавшихъ отъ военной службы, постоянно возрастало. Въ 1631 г. Густавъ Адольфъ издалъ строгiй указъ о поимкѣ бѣглыхъ финскихъ кнехтовъ, но все было напрасно. Число дезертировъ возросло, наконецъ, до нѣсколькихъ тысячъ, и правительство было безсильно бороться съ этимъ зломъ. Вѣсть о заключенiи мира была поэтому встрѣчена въ Финляндiи съ радостью.

2. Королева Христина.

Густаву Адольфу наслѣдовала его шестилѣтняя дочь Христина. Во время ея малолѣтства государствомъ управляли пять высшихъ сановниковъ, между которыми государственный канцлеръ Аксель Уксеншерна игралъ первенствующую роль.

Новое правительство во внутренней политикѣ продолжало слѣдовать системѣ централизацiи, введенной Густавомъ Адольфомъ. Въ 1634 г. изданъ былъ съ согласiя сейма законъ „о формѣ правленiя" (regeringsform), въ которомъ этотъ принципъ проведенъ съ строгой послѣдовательностью. Во главѣ государства стоитъ временное правительство, обязанное во всѣхъ важныхъ вопросахъ спрашивать мнѣнiе совѣта, членами котораго могутъ быть лишь природные дворяне. Подготовительная работа производится въ пяти коллегiяхъ, предсѣдателями которыхъ являются члены временнаго правительства, а ассесорами — члены государственнаго совѣта и другiя свѣдущiя лица. Во главѣ областного управленiя стоятъ ландсхевдинги, изъ компетенцiи которыхъ въ первый разъ изъята судебная и военная власть. Относительно Финляндiи было постановлено слѣдующее: абоскiй гофгерихтъ состоитъ изъ предсѣдателя—члена государственнаго совѣта, шести членовъ изъ дворянъ и шести членовъ изъ другихъ сословiй; вся Финляндiя дѣлится на

четыре провинціи подъ управленіемъ ландсхевдинговъ: 1) Абоскую, заключавшую въ себѣ собственно Финляндію, Сатакунту и Оландъ; 2) Тавастландію съ Нюландіей; 3) Выборгскій, Нишлотскій и Кюмменегордскій лены и 4) Эстерботнію. Кексхольмскій ленъ поставленъ былъ въ особое положеніе. Въ Финляндіи было учреждено три лагманства: сѣверно-финское (Оландъ и Эстерботнія), южно-финское (Тавастландія) и Карельское (Карелія и Кексгольмъ).

Изъ прочихъ мѣропріятій временнаго правительства особенно важнымъ была отмѣна почтовой повинности, служившей предметомъ постоянныхъ жалобъ населенія; она была замѣнена налогомъ (skjutsfärdspenningar).

Такъ какъ правительство попрежнему нуждалось въ деньгахъ, то всѣ старые налоги были удержаны и кромѣ того еще введенъ новый налогъ,—на зерно. Но такъ какъ и этого было недостаточно, то правительство начало отдавать въ аренду или закладывать казенныя ренты и земли. Съ 1638 г. стали даже продавать казенныя имѣнія и ренты скаттовыхъ крестьянъ въ вѣчное владѣніе дворянамъ.

Такъ какъ покупщиками являлись исключительно дворяне, то эта мѣра съ самаго начала возбудила сильное неудовольствіе въ населеніи. Казенные и скаттовые крестьяне, которые теперь обращались въ дворянскихъ, становились въ полную зависимость отъ дворянъ. Пользуясь своимъ правомъ взимать съ крестьянъ налоги, дворяне сильно притѣсняли ихъ и нерѣдко совсѣмъ отнимали у нихъ землю. Крестьяне на каждомъ сеймѣ жаловались на эти злоупотребленія, но не могли ничего добиться. Положеніе ихъ еще болѣе ухудшилось, когда издано было распоряженіе, по которому дворянамъ предоставлялось право подвергать крестьянъ аресту. Въ началѣ этого періода въ Финляндіи насчитывалось около 3000 такихъ имѣній,—но число ихъ постоянно увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и злоупотребленія. Въ 1636 г. крестьяне погостовъ Пюттисъ и Веккелаксъ жаловались, что полковникъ Хансъ Врангель жестоко обходился съ ними, закрылъ для нихъ ихъ старыя рыбныя ловли, обращалъ въ свою пользу налоги, которые должны были идти священникамъ и на школы, и когда одинъ изъ нихъ пожаловался на него правительству, то онъ заключилъ его въ Выборгскую крѣпость.

Притѣсненія дворянами крестьянъ, быстрое увеличеніе числа запустѣвшихъ усадебъ, а также злоупотребленія въ судебномъ вѣдомствѣ—все это заставило правитель-

ство вновь обратить серьезное вниманіе на Финляндію и принять радикальныя мѣры къ водворенію въ ней строгаго порядка и законности. Рѣшено было послать туда генералъ-губернатора съ самыми широкими полномочіями. Выборъ палъ на графа Пера Абрахамсона Брахе, человѣка неподкупной честности, широко образованнаго и опытнаго администратора. По прибытіи въ Финляндію (1637), новый губернаторъ предпринялъ обширное путешествіе въ южную и восточную часть страны, результатомъ котораго явился представленный имъ правительству подробный докладъ о состояніи края. Этотъ докладъ свидѣтельствуетъ не только объ искреннемъ желаніи Брахе улучшить положеніе страны, но также о правильномъ пониманіи ея потребностей и объ умѣньѣ найти средства для ихъ удовлетворенія. О естественныхъ произведеніяхъ Финляндіи и ихъ возможной разработкѣ Перъ Брахе самаго лучшаго мнѣнія. Такъ, онъ нашелъ, что по обилію рыбы Финляндія занимаетъ первое мѣсто между всѣми извѣстными ему странами. Кромѣ того, она богата лѣсами, въ которыхъ въ изобиліи водится всякая дичь. При разумной эксплоатаціи всѣхъ этихъ природныхъ богатствъ страна могла бы стать наравнѣ со многими второстепенными государствами Европы. Но главнымъ препятствіемъ къ процвѣтанію этой страны являются сами ея жители. Они заботятся только о томъ, чтобы имѣть кусокъ насущнаго хлѣба; праздность и пьянство среди нихъ усиливаются съ каждымъ днемъ. Замѣчательно, что тѣ же самые финны, которые въ Швеціи и за границей работаютъ за троихъ и оказываются способными ко всякому дѣлу, у себя дома просто неузнаваемы: сидятъ по цѣлымъ днямъ въ избѣ, откуда лишь изрѣдка выходятъ на охоту, на поденщину или чтобы отвезти почту да проѣзжаго чиновника. Нисколько не заботятся объ улучшеніи своего хозяйства, неохотно принимаются за какое-либо ремесло. Въ приморскихъ мѣстностяхъ народъ трудолюбивѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ внутри страны. По мнѣнію Пера Брахе, для поднятія экономическаго положенія страны и развитія всѣхъ добрыхъ задатковъ въ ея населеніи необходимо преобразовать церковныя и гражданскія учрежденія и обратить должное вниманіе на распространеніе образованія среди народа. Церковныя дѣла въ Абоскомъ епископствѣ находились въ сравнительно лучшемъ положеніи, но и тамъ встрѣчались священники, которые по своей жизни никоимъ образомъ не могли служить нравственнымъ примѣромъ для прихожанъ. Во главѣ Выборгской епархіи стоялъ Габріель Мелар-

топеусъ; человѣкъ старый, болѣзненный и неспособный, онъ едва былъ въ состояніи смотрѣть за своей паствой и совсѣмъ не годился для борьбы съ „русскими дрожжами“, какъ Брахе называлъ православныхъ жителей Кексгольмской области. Начальники провинцій, особенно тѣ, которые были назначены недавно, хорошо исполняли свои обязанности, но ихъ фохты, также какъ судьи, неспособны, неисполнительны и неблагонамѣренны. Несмотря на всѣ старанія, найти хорошихъ чиновниковъ часто бывало невозможно, вслѣдствіе недостатка въ странѣ годныхъ людей. Лучшее средство помочь этому злу, по мнѣнію Пера Брахе — есть распространеніе народнаго образованія, какъ высшаго, такъ и низшаго. Только основаніе академіи въ Або и открытіе возможно большаго количества низшихъ школъ, городскихъ и сельскихъ, дастъ Финляндіи достаточное число образованныхъ чиновниковъ. Особенно занимала Пера Брахе мысль объ академіи. „Только академія—говорилъ онъ—порождаетъ разумную жизнь, привлекаетъ своихъ лучшихъ членовъ изъ чужбины назадъ на родину и побуждаетъ многихъ къ книжному ученію и прочимъ благороднымъ занятіямъ“. Таковъ былъ краеугольный камень его преобразовательной программы.

Въ послѣдующіе годы Перъ Брахе также усердно продолжалъ знакомиться съ ввѣреннымъ ему краемъ, совершая частыя поѣздки въ различныя его части. Въ 1640 г. Брахе покинулъ постъ губернатора Финляндіи, чтобы опять занять свое мѣсто среди членовъ государственнаго совѣта. Въ слѣдующемъ году онъ вошелъ въ составъ временнаго правительства въ качествѣ верховнаго судьи (riksdrots). На этомъ новомъ посту онъ продолжалъ слѣдить за финляндскими дѣлами и отстаивать интересы этой окраины. Финляндцы постоянно обращались къ нему за совѣтомъ и помощью и всегда встрѣчали съ его стороны полное сочувствіе. „Я былъ доволенъ Финляндіею и финляндцы были довольны мною“, говоритъ Перъ Брахе въ своемъ дневникѣ, указывая на то взаимное довѣріе, которое существовало между нимъ и жителями Финляндіи.

Въ 1648 г., когда королева сама стала во главѣ правительства, Перъ Брахе былъ вторично назначенъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи и занималъ эту должность до 1654 г. Въ данной ему инструкціи обращается особенное вниманіе на необходимость благоустройства существующихъ городовъ, основаніе новыхъ и развитіе такъ наз. „стапельныхъ“ городовъ—Або, Гельсингфорса и Вы-

борга. Согласно этой инструкціи, Перъ Брахе, по прибытіи въ Финляндію, главное вниманіе обратилъ на развитіе торговли и городской жизни, для чего вновь нѣсколько разъ объѣхалъ большую часть края и побывалъ почти во всѣхъ финляндскихъ городахъ. Въ 1651 г. онъ навсегда покинулъ Финляндію.

Одною изъ самыхъ крупныхъ заслугъ Пера Брахе передъ Финляндіей было основаніе абоской академіи. Въ мартѣ 1640 г. былъ изданъ указъ объ учрежденіи академіи, дававшій новому учебному заведенію право возводить въ ученыя степени, а также всѣ права и вольности, которыми пользовался упсальскій университетъ. 15-го іюля 1640 г. состоялось торжественное открытіе университета. Въ этотъ день совершено было богослуженіе во всѣхъ приходахъ Финляндіи, и епископъ Ротовіусъ въ циркулярѣ, разосланномъ по всей епархіи, напоминалъ, что отъ сотворенія міра финскому народу не выпадало на долю такого счастья, какимъ является для него основаніе университета.

Перъ Брахе былъ назначенъ канцлеромъ университета и занималъ эту должность до самой своей смерти, ни на минуту не переставая отечески заботиться о своемъ дѣтищѣ.

Благодаря его ходатайству, правительство въ 1644 г. ассигновало на содержаніе академіи 1114 бочекъ зерна и ренты съ 304 имѣній въ Абоскомъ ленѣ. Для академіи выписанъ былъ изъ Вестероса типографщикъ Петръ Вальдъ, открывшій въ 1642 г. въ Або первую финляндскую типографію. Въ 1640 г. въ академіи было всего 44 студента, но черезъ два года число ихъ достигло 300; почти половина студентовъ была изъ Швеціи. Всѣ студенты дѣлились на девять корпорацій или націй, изъ которыхъ шесть было шведскихъ и три финскихъ. Новый университетъ пользовался полной автономіей въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Университетской консисторіи принадлежало право суда надъ студентами, профессорами и прочими служащими. Профессоровъ вначалѣ было десять: три теолога, одинъ юристъ, остальные занимали различныя каѳедры философскаго факультета. Первый ректоръ университета, профессоръ теологіи Эскиль Петреусъ, по происхожденію шведъ, обладалъ настолько основательнымъ знаніемъ финскаго языка, что ему поручено главное руководство въ комиссіи по переводу на финскій языкъ библіи. Имъ была также написана (полатыни) первая грамматика финскаго языка (Linguae fennicae brevis institutio, 1649). Избранный послѣ смерти

Ротовіуса епископомъ абоскимъ. Петреусъ явился ревностнымъ поборникомъ лютеранскаго ученія и много потрудился на пользу церкви и образованія. Профессоръ юридическихъ наукъ Іоаннъ Дажекарль, возведенный впослѣдствіи въ дворянство съ именемъ Шернхэкъ, пріобрѣлъ себѣ извѣстность составленіемъ исторіи возникновенія и развитія шведскаго права (De jure Sveonum et Gothorum vetusto). Профессоръ политики и исторіи Михаилъ Вексіоніусъ, также возведенный во дворянство съ именемъ Юльденстольпе, былъ авторомъ многихъ трудовъ по различнымъ отраслямъ наукъ: самымъ крупнымъ изъ нихъ было историко-географическое описаніе Швеціи (Epitome descriptionis Sveciae), многія главы котораго посвящены Финляндіи. Профессоръ греческаго и еврейскаго языковъ финляндецъ Мартинъ Стодіусъ, занимаясь восточными языками, увлекся тайными науками востока, былъ за это привлеченъ своими товарищами къ суду, и только вмѣшательство Пера Брахе спасло его отъ наказанія.

Понимая, что существованіе и процвѣтаніе университета зависитъ отъ постановки средняго и низшаго образованія, Перъ Брахе заботился объ увеличеніи числа элементарныхъ школъ и улучшеніи ихъ организаціи. Въ Або, Бьернеборгѣ, Гельсингфорсѣ, Выборгѣ и Нюкарлебю были открыты три четырехклассныхъ училища (т. наз. trivialskolor). Во многихъ меньшихъ городахъ были открыты т. наз. педагогіи—среднія учебныя заведенія болѣе элементарнаго типа. Въ то же время было положено основаніе народному образованію въ тѣсномъ смыслѣ слова: открыты были одноклассныя народныя школы въ погостахъ Салтвикъ на Оландѣ, въ Перно и Кимито.

Съ цѣлью улучшенія методовъ преподаванія и внесенія единства и порядка въ школьную жизнь, изданъ былъ въ 1649 г. школьный уставъ, извѣстный подъ именемъ „школьнаго устава королевы Христины". Прежнее дѣленіе учебныхъ заведеній на педагогіи, тривіальныя школы и гимназіи было сохранено; въ тривіальныхъ школахъ былъ учрежденъ особый классъ, т. н. апологистскій или писарской классъ (apologist-kl., skrifvare-kl.), предназначенный для тѣхъ учениковъ, которые по лѣности или малоспособности не могли продолжать своего образованія; для поступленія въ этотъ классъ требовалось знаніе по крайней мѣрѣ курса перваго класса; по окончаніи его ученики прямо поступали на службу въ торговыя или ремесленныя заведенія.

Тривіальныя школы попрежнему имѣли четыре класса, носившіе каждый свое особое названіе: classis

alphabetica et donatistica, etymologica, syntactica и rhetorica: въ каждомъ классѣ былъ отдѣльный учитель. Главная цѣль обученія состояла въ приготовленіи молодыхъ людей для потребностей церкви и школы, почему латынь была преподавательскимъ языкомъ. Дѣти дворянъ, желавшія избрать административную или военную карьеру, предпочитали домашнее образованіе школьному. Въ гимназіяхъ, гдѣ была принята предметная система преподаванія, проходились между прочимъ древняя исторія и естествовѣдѣніе, но эти курсы не могли имѣть большого значенія, такъ какъ обѣ эти науки еще находились въ младенчествѣ. Всѣ эти реформы не только содѣйствовали развитію и укрѣпленію образованности въ Финляндіи, но и измѣняли въ извѣстной степени самое направленіе образованія. Научно-литературныя связи съ Швеціей, бывшія до сихъ поръ слабыми и случайными, сдѣлались теперь живѣе и многостороннѣе. Правда, какъ въ университетѣ, такъ и въ низшихъ школахъ еще господствовала латынь, но лица, стоявшія во главѣ высшаго образованія, по большей части были шведы, говорившіе внѣ школы на своемъ родномъ языкѣ.

Большой наплывъ шведской молодежи въ университетъ и продолжающаяся централизація управленія приводили къ тому же результату.

Всѣ важныя должности находились въ рукахъ шведовъ. Съ другой стороны, старые дворянскіе роды Финляндіи уходили въ Швецію, привлекаемые выгодами службы въ столицѣ государства.

Ихъ мѣсто заняло сословіе чиновниковъ, среди котораго также не мало было шведовъ. Въ арміи довольно долгое время былъ преобладающимъ нѣмецкій элементъ, такъ какъ офицеры финляндскихъ полковъ обыкновенно были родомъ изъ Лифляндіи, Эстляндіи или Германіи. Этотъ наплывъ чужестранцевъ въ ряды финляндской бюрократіи являлся тѣмъ болѣе опаснымъ зломъ, что чужестранцы обыкновенно не знали финскаго языка и являлись, слѣдовательно, для массы народа совершенно чуждыми людьми. Народъ на сеймахъ постоянно указывалъ на это, но долженъ былъ мириться со зломъ, такъ какъ трудно было принять противъ него какія-либо мѣры, въ виду того, что Финляндія ни въ административномъ, ни въ юридическомъ отношеніи не была самостоятельною. Въ литературѣ, которая замѣтно стала развиваться со времени открытія абоской академіи и типографіи при ней, латынь еще долго играла первен-

ствующую роль, но и шведскій языкъ уже начинаетъ понемногу входить въ употребленіе, особенно въ сочиненіяхъ духовнаго содержанія. Множество проповѣдей и надгробныхъ словъ, составлявшихъ любимое чтеніе того времени, были изданы на шведскомъ языкѣ. Изъ историческихъ трудовъ слѣдуетъ отмѣтить сочиненіе Іоанна Мессеніуса Scondia illustrata на латинскомъ языкѣ (десятая книга этого труда посвящена исторіи Финляндіи) и „Стихотворную хронику Финляндіи и ея жителей" (Rimkrönika om Finland och dess inbyggare)—на шведскомъ языкѣ. Изъ произведеній, написанныхъ на финскомъ языкѣ, крупнѣйшимъ былъ полный переводъ библіи, исполненный особой комиссіей, учрежденной по распоряженію правительства и состоявшей изъ двухъ профессоровъ — Петреуса и Стодіуса, и двухъ приходскихъ священниковъ—Гофмана и Фаворинуса. Переводъ былъ отпечатанъ на казенный счетъ и вышелъ въ свѣтъ въ 1642 г. Священникъ Генрихъ Хеммингіусъ написалъ на финскомъ языкѣ новую книгу псалмовъ, которая вышла во многихъ изданіяхъ. Были также переведены на финскій языкъ многіе отдѣлы законовъ (земское и городовое положеніе, уставъ о судопроизводствѣ и нѣк. другіе).

Изъ другихъ реформъ Пера Брахе заслуживаютъ вниманія его распоряженія, касающіяся воинской повинности въ Финляндіи. Ему удалось получить согласіе правительства на замѣну подушной системы набора въ восточной Финляндіи подворной системой. Въ 1639 г. издано было распоряженіе, чтобы казенные и скаттовые крестьяне Выборгскаго и Нишлотскаго леновъ раздѣлились на „роты" по шести человѣкъ въ каждой и чтобы каждая рота при наборѣ выставляла одного рекрута. Новый порядокъ вначалѣ былъ введенъ только на два года, но когда на сеймѣ 1642 г. подворная система набора была распространена на все королевство, то и въ Финляндіи старая система была почти совсѣмъ оставлена. Въ связи съ этимъ военная служба мало по-малу изъ личной повинности превратилась въ денежный налогъ. „Рота" изъ нѣсколькихъ дворовъ нанимала охотника, на свой счетъ снаряжала его и препровождала къ мѣсту назначенія.

Важнымъ нововведеніемъ было учрежденіе правильнаго почтоваго сообщенія сначала между Стокгольмомъ, Або, Выборгомъ и Кексгольмомъ, а потомъ также между Або и городами западнаго прибрежья Финляндіи.

Въ 1638 г. были учреждены особыя должности для

завѣдыванія казенными лѣсами, горнымъ дѣломъ и фабриками Финляндіи. Нѣсколько ранѣе произведено было генеральное межеваніе и оцѣнка финляндскихъ земель.

Торговля Финляндіи составляла предметъ особыхъ заботъ какъ правительства, такъ и генералъ-губернатора, но, къ сожалѣнію, они не были свободны отъ господствовавшихъ тогда односторонннхъ теорій. Въ 1636 г. былъ изданъ новый уставъ о мореплаваніи, имѣвшій цѣлью расширеніе торговли главныхъ городовъ Або и Стокгольма насчетъ всѣхъ другихъ. Заграничная торговля городовъ, расположенныхъ по Ботническому заливу, была почти совершенно убита. „Ни одинъ чужестранецъ — говорится въ уставѣ — не смѣетъ отнынѣ плыть съ какимъ бы то ни было грузомъ въ какой-либо городъ, портъ или мѣстечко, лежащее къ сѣверу отъ Стокгольма и Або. Въ свою очередь ни одинъ изъ городовъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Стокгольма и Або, не имѣетъ права вывозить какой-либо товаръ за границу". Однако, три города — Раумо, Бьернеборгъ и Нюстадъ — послѣ долгихъ ходатайствъ успѣли выхлопотать себѣ право вывозить за границу деревянную посуду и ввозить оттуда соль. Въ такомъ положеніи оставалась торговля городовъ западнаго прибрежья впродолженіе ста тридцати лѣтъ. На южномъ берегу былъ основанъ новый „етапельный" городъ—Гельсингфорсъ. Правительство, желавшее имѣть на нюландскомъ берегу значительный пунктъ для ввозной и вывозной торговли Тавастландіи, поручило Перу Брахе избрать для него мѣсто и даровало новому городу привилегіи безпошлинной торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней, и свободу отъ налоговъ на двѣнадцать лѣтъ. Въ 1640 г. городъ Гельсингфорсъ былъ перенесенъ на полуостровъ, называвшійся тогда Эстнэсъската, т. е. на то самое мѣсто, гдѣ онъ находится и въ настоящее время, и получилъ названіе Новаго Гельсингфорса.

Изъ трехъ „стапельныхъ" городовъ Финляндіи самымъ важнымъ являлся теперь Або, какъ центръ почти всѣхъ главныхъ правительственныхъ учрежденій и средоточіе умственной жизни страны. Городъ былъ расширенъ и украшенъ заботами Пера Брахе. Торговля его была значительна Въ 1640 г. было ввезено въ Або товаровъ на сумму 96 тыс. далеровъ, вывезено на сумму 70 тыс. д. Предметами вывоза были: лѣсъ, смола, мѣха, масло, сало и кожи, а также и въ значительномъ количествѣ хлѣбъ. Ввозили соль, желѣзо, ткани, колоніальные товары, сахаръ, вино, пиво, водку и табакъ; этотъ

послѣдній продуктъ съ страшной быстротой распространился по Финляндіи, для которой, по мнѣнію Пера Брахе, онъ являлся настоящей пагубой. Населеніе Або достигало въ это время 5000 ч.

Опаснымъ соперникомъ Або былъ Выборгъ, который по количеству вывоза значительно превышалъ столицу страны. Въ 1640 г. было вывезено изъ Выборга смолы, дегтю и сала на сумму 91 тыс. далеровъ, что составляло третью часть всего экспорта Швеціи. Весь вывозъ изъ Выборга за тотъ-же годъ составлялъ 163 тыс. далеровъ, тогда какъ ввозъ достигалъ лишь 69 тыс. д.

Гельсингфорсъ, несмотря на данныя ему привиллегіи, долго оставался незначительнымъ городомъ. Его ввозъ составлялъ въ 1640 г. 15 тыс. д., а вывозъ 18 т. д. Жителей въ немъ было около 1000 чел.

Остальные города Финляндіи, имѣвшіе право вести только внутреннюю торговлю, влачили жалкое существованіе. Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находились Нюстадъ (Ништадъ), Раумо и Бьернеборгъ, которымъ дано было право вывозить деревянную посуду и ввозить соль. Въ Эстерботніи главными городами были Ваза и Улеаборгъ, но съ ними уже успѣшно конкурировали Нюкарлебю и Гамлакарлебю.

Стараніями Пера Брахе въ Финляндіи было основано много новыхъ городовъ. При этомъ онъ выбиралъ мѣста, которыя уже прежде были лучше заселены или представляли значеніе для торговли, какъ ярмарочные пункты. Внутри Финляндіи были основаны города Тавастгусъ, Нюслотъ (Нишлотъ), Вильманстрандъ. У Финскаго залива былъ основанъ городъ Веккелаксъ, получившій впослѣдствіи названіе Фредриксхамна (Фридрихсгамъ); въ восточной части страны и на сѣверо-западѣ—Сердоболь, Каяна, Брахестадъ, Кристинестадъ и Якобстадъ: при основаніи этихъ городовъ имѣлось въ виду затормозить торговлю русскихъ разносчиковъ, которая велась въ обширныхъ размѣрахъ и сильно подрывала торговлю городовъ.

Несмотря на возникновеніе многихъ новыхъ городовъ, разстоянія все еще были такъ громадны, а пути сообщенія такъ несовершенны, что крестьянъ не легко было заставить везти въ городъ свои товары. Въ виду этого правительство поддерживало существующія ярмарки и ввело нѣсколько новыхъ ярмарокъ.

Однако, всѣ эти мѣры не достигали главной намѣченной цѣли — уничтожить незаконную сельскую торговлю. Перъ Брахе постоянно жаловался, что его пред-

писанія не исполняются, что жители городовъ попрежнему разъѣзжаютъ по деревнямъ и, подъ предлогомъ собиранія долговъ съ крестьянъ, покупаютъ у нихъ разный товаръ; что попрежнему продолжается торговля русскихъ и что прибрежные жители Эстерботніи попрежнему ѣздятъ на своихъ шкунахъ въ Або и особенно въ Стокгольмъ.

Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, правительство пошло еще дальше въ дѣлѣ раздачи привилегій: оно стало отдавать извѣстныя отрасли торговли торговымъ компаніямъ, которыя, обладая крупными капиталами, должны были способствовать развитію торговли и тѣмъ доставлять хорошій доходъ казнѣ. Крупнѣйшею изъ такихъ компаній въ Финляндіи была компанія торговцевъ смолой. Смола и деготь уже втеченіе многихъ сотъ лѣтъ были важными статьями торговли, находившими себѣ хорошій сбытъ на родинѣ тогдашняго кораблестроенія—Голландіи. По мѣрѣ того, какъ увеличивалась возможность сбыта, росло производство этого продукта въ Финляндіи, особенно въ Саволаксѣ и Кареліи, откуда его везли отчасти на ярмарку въ Лапстрандъ (впослѣдствіи Вильманстрандъ), гдѣ его скупали выборгскіе купцы, отчасти въ Эстерботнію, откуда онъ шелъ въ Стокгольмъ и Або. Въ 1648 г. правительство предоставило исключительное право торговли смолой норландской компаніи. Дѣла этой компаніи долгое время шли очень хорошо и давали большой доходъ правительству, но публика съ самаго начала была недовольна этой монополіей; жители городовъ жаловались, что черезъ основаніе этой компаніи они лишились возможности торговать съ заграничными государствами; съ другой стороны, крестьяне сѣтовали на то, что компанія ихъ притѣсняетъ и заставляетъ ихъ сбывать за безцѣнокъ свой товаръ. Впослѣдствіи эти жалобы еще болѣе усилились.

Изъ предыдущаго видно, какую важную роль игралъ Перъ Брахе въ Финляндіи. Всѣ мѣры, касающіяся образованія, управленія страною, торговли, принимались по его инціативѣ или по его совѣту и указанію. Сама королева, напротивъ, оставалась совершенно чужда Финляндіи. Въ 1644 г. она была объявлена совершеннолѣтнею и стала во главѣ правительства. Она была богато одарена природой, но ей недоставало той энергіи, которой требовало разрѣшеніе крупныхъ соціальныхъ задачъ того времени. Вмѣсто того, чтобы оказать поддержку низшимъ, угнетеннымъ классамъ общества въ борьбѣ ихъ противъ знати, она расточала милости дворянамъ,

раздавая имъ въ неслыханномъ до того количествѣ графства, баронства и другія владѣнія. Въ Финляндіи такимъ образомъ были отданы обширныя земли въ Або-Бьернеборгскомъ, Нюландско-Тавастгусскомъ и Выборгскомъ ленахъ, почти вся Эстерботнія и весь Кексгольмскій ленъ. Прежде здѣсь было только одно графство (Расеборгъ) и два баронства (Оминне и Кимито); теперь-же (1646 — 1653) число графствъ увеличилось до девяти и число баронствъ—до восемнадцати. Наиболѣе значительными между ними были слѣдующія: баронство Каяна, принадлежавшее Перу Брахе и заключавшее въ себѣ Каянскій ленъ и погостъ Сало въ сѣверной Эстерботніи, сѣверный Саволаксъ и сѣверную Карелію; въ Або-Бьернеборгскомъ ленѣ—графство Вазаборгъ, баронство Кимито, принадлежавшее Акселю Уксеншерна, и графство Бьернеборгъ, принадлежавшее Густаву Карлсону Хорну; въ Нюландіи — графство Расеборгъ, принадлежавшее фамиліи Лейонхувудъ; въ Эстерботніи—графство Корсгольмъ и Ваза.

Привилегіи, которыми пользовались графы и бароны, состояли прежде всего въ правѣ взимать почти всѣ казенные налоги, какъ-то: старую годовую ренту, королевскую долю судебныхъ штрафовъ, казенную десятину и введенныя впослѣдствіи такъ называемыя контрибуціи. Однако, дворяне не могли ни увеличивать существующихъ налоговъ, ни вводить новыхъ. Если въ ленѣ не было городовъ, то графъ или баронъ имѣлъ право выстроить таковой и снабдить его нужными привилегіями. Графскіе или баронскіе крестьяне платили вполовину меньше казенныхъ налоговъ сравнительно съ прочими крестьянами; такая же льгота была предоставлена имъ по отбыванію рекрутской повинности. Графы и бароны съ своей стороны были обязаны оберегать права своихъ подданныхъ, слѣдить за исполненіемъ законовъ, творить судъ и расправу. Въ военное время они должны были выставить одного коннаго солдата съ каждыхъ 500 марокъ ренты и въ мирное время столько же съ каждыхъ 250 марокъ. Графства и баронства переходили въ наслѣдство по праву первородства по мужской линіи и, слѣдовательно, не могли дробиться.

Кромѣ графствъ и баронствъ, финляндское дворянство получало болѣе или менѣе значительныя имѣнія въ вознагражденіе за какія-либо заслуги; имѣнія эти отдавались на различныхъ условіяхъ. Выгоднѣе всего было получить имѣніе, какъ аллодъ, съ правомъ передавать его въ наслѣдство по мужской и женской линіи

и отчуждать, какъ всякое другое владѣніе. Однако, гораздо болѣе распространенъ былъ обычай отдавать имѣнія на условіяхъ такъ называемаго норчепингскаго постановленія, т. е. съ правомъ передавать въ наслѣдство не только по мужской линіи, но и дочерямъ, если ихъ мужья служили казнѣ. Сравнительно рѣже отдавались земли въ пожизненное владѣніе или на извѣстный срокъ, обыкновенно въ качествѣ пенсіи за службу или на содержаніе вдовамъ. Цѣнность большинства означенныхъ имѣній соотвѣтствовала цѣнности графствъ и баронствъ. Вся сумма ординарной ренты съ отданныхъ дворянамъ имѣній, не считая графскихъ и баронскихъ земель, къ концу царствованія Христины достигала 192000 далеровъ серебромъ. Картина этой необузданной расточительности будетъ еще полнѣе, если вспомнить, что множество земель было продано или заложено. Вычислено, что въ 1654 г. три пятыхъ всей казенной земли въ Финляндіи были отданы въ частное владѣніе, причемъ, напр., въ Кексгольмскомъ ленѣ казенной земли совсѣмъ не осталось.

Владѣльцы крупныхъ имѣній обыкновенно не жили въ Финляндіи и лишь изрѣдка наѣзжали въ свои имѣнія. Тотъ блескъ, которымъ окружала себя высшая шведская аристократія, былъ поэтому совершенно неизвѣстенъ здѣсь. Замки строились рѣдко, а въ усадьбы посылались управляющіе, которые собирали налогъ и являлись представителями своихъ господъ. Въ этомъ нужно искать объясненіе того, что дворяне вообще не предпринимали никакихъ крупныхъ экономическихъ или административныхъ реформъ въ своихъ имѣніяхъ. Исключеніе составлялъ только Перъ Брахе, неустанно заботившійся о благосостояніи своихъ финляндскихъ владѣній. Онъ организовалъ для нихъ своеобразное управленіе, по образцу своего графства Висингсборгъ въ Швеціи. Главные чиновники — комендантъ Каянской крѣпости, вице-лагманъ, хэрадсхевдингъ, секретарь и уѣздный фохтъ — въ различныхъ погостахъ составляли коллегію, завѣдывавшую всѣми дѣлами имѣнія подъ взаимнымъ контролемъ и подъ общей отвѣтственностью. Ежегодно въ февралѣ мѣсяцѣ происходили общія собранія или „конвенты" всѣхъ членовъ коллегіи, на которыхъ разсматривались отчеты о состояніи имѣнія за истекшій годъ и обсуждались проекты улучшенія той или другой отрасли хозяйства; здѣсь же читались распоряженія графа, разрѣшались споры между должностными лицами, избирались новые чиновники и т. д. Эти „кон-

венты“ происходили регулярно до 1679 г. и весьма содѣйствовали водворенію строгаго порядка и законности въ дѣлѣ управленія имѣніями Брахе. Обыкновенно конвентъ рѣшалъ дѣла самостоятельно; болѣе важныя дѣла представлялись на усмотрѣніе „его графской милости“. По протоколамъ конвента, которые отсылались къ нему, и путемъ переписки съ чиновниками, Перъ Брахе могъ слѣдить за дѣлами и принимать своевременно нужныя мѣры. Такъ, напр., открыты были школы въ новыхъ городахъ Каянѣ, Брахеѣ и Брахестадѣ, бывшихъ предметомъ особенныхъ заботъ графа; многія имѣнія были разбиты на болѣе мелкіе участки, основано много новыхъ дворовъ, что способствовало развитію земледѣльческой культуры. Дѣло обороны было организовано совершенно своеобразно. Населеніе баронства было освобождено отъ рекрутской повинности подъ условіемъ содержать въ крѣпости Каяны 20 пѣхотныхъ солдатъ и 30 драгунъ; въ военное время народъ долженъ былъ идти въ ополченіе подъ командой особыхъ крестьянскихъ лейтенантовъ и капитановъ, которые въ мирное время учили крестьянъ владѣть оружіемъ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, время Пера Брахе было эпохою быстраго развитія гражданственности въ этомъ отдаленномъ уголкѣ Финляндіи, и современники были вполнѣ правы, когда восхваляли тотъ образцовый порядокъ, который царствовалъ въ его владѣніяхъ.

Но Перъ Брахе, какъ уже сказано, составлялъ счастливое исключеніе; въ общемъ же эта система была страшнымъ зломъ, тормозившимъ развитіе всей общественной жизни Финляндіи. Финляндская казна съ каждымъ годомъ пустѣла все болѣе и болѣе, на что часто жаловался Перъ Брахе, во время своего вторичнаго пребыванія въ Финляндіи. Большая часть рентъ, предназначенныхъ на содержаніе арміи и чиновниковъ, были теперь розданы дворянамъ. Еще важнѣе были соціальныя послѣдствія донаціонной системы. Предоставленное графамъ и баронамъ право судить и арестовать подвластныхъ имъ крестьянъ ставило этихъ послѣднихъ во все болѣе и болѣе тѣсную зависимость отъ „господъ“. Крестьяне Нислотскаго лена просили своихъ представителей на сеймѣ, раньше своего возвращенія въ Финляндію, выхлопотать отъ правительства охранительную грамоту, потому что ихъ хозяева угрожали подвергнуть ихъ такому же наказанію, „какому блаженной памяти господинъ Карлъ Вреде подвергъ своего крестьянина Матса, который, безъ всякой вины, вопреки закону и

справедливости, былъ обезглавленъ, чему весь финляндскій народъ былъ свидѣтелемъ и противъ чего онъ громко протестуетъ". Правда, подобные факты были рѣдки; зато повсемѣстно раздавались жалобы на то, что дворяне изнуряютъ своихъ крестьянъ непосильной работой и разными поборами, что при сборѣ налога отнимаютъ у крестьянъ землю и т. д. Тысячи крестьянъ-землевладѣльцевъ находились въ постоянной опасности потерять свою независимость или быть выгнанными изъ своихъ имѣній хитростью или открытой силой. Уже на сеймѣ 1644 г. крестьяне возбудили вопросъ о возвратѣ донаціонныхъ земель въ казну. Въ 1649 г. жалобы сдѣлались еще настойчивѣе и на сеймѣ 1650 г. вызванная этимъ вражда между сословіями дошла до крайней степени напряженія. Во главѣ недовольныхъ стало духовенство, руководимое Іоанномъ Терсерусомъ, профессоромъ Упсальскаго университета; сообща съ представителями горожанъ и крестьянъ оно подало королевѣ петицію, въ которой самымъ рѣшительнымъ образомъ требовало редукціи жалованныхъ имѣній. Этотъ шагъ вызвалъ сильнѣйшее безпокойство среди дворянства и членовъ государственнаго совѣта. Королева колебалась и не знала, что дѣлать, вслѣдствіе чего вопросъ остался открытымъ, но память объ этомъ событіи сохранилась и раздраженіе охватывало все большія и большія массы населенія. Въ письмѣ изъ Финляндіи къ Акселю Уксенширна отъ 3 мая 1651 г. Перъ Брахе разсказывалъ, что крестьяне, подстрекаемые судьями, фохтами и священниками, выказываютъ открытое неповиновеніе, истолковывая постановленія сейма и все остальное самымъ превратнымъ образомъ.

Пока такимъ образомъ соціальныя осложненія все болѣе и болѣе обострялись, королева продолжала бездѣйствовать, подпадая все болѣе и болѣе вліянію своихъ любимцевъ. Своей необузданной расточительностію она въ конецъ разстроила государственные финансы. Наконецъ, она сама увидѣла свою неспособность управлять государствомъ и въ 1654 г. отказалась отъ престола въ пользу своего двоюроднаго брата, Карла Густава Пфальцъ-Цвейбрюккенскаго. Послѣ этого она покинула Швецію, перешла въ католицизмъ и остатокъ жизни провела въ Римѣ, среди научныхъ занятій.

3. Карлъ X (1654—1660).

Новый король, хотя и былъ нѣмецкаго происхожденія, но воспитывался въ Швеціи и, слѣдовательно, не

былъ совсѣмъ чужимъ человѣкомъ для своихъ подданныхъ. По обычаю того времени онъ очень рано посвятилъ себя военному дѣлу, къ которому чувствовалъ природную склонность. Съ теченіемъ времени эта склонность сдѣлалась господствующей его страстью и опредѣлила характеръ его царствованія. Его очень прельщала мысль утвердить и расширить только что завоеванныя прибалтійскія провинціи, къ чему скоро представился удобный случай. Перемиріе съ Польшей, заключенное въ 1629 г., было возобновлено въ 1635 г., причемъ Швеція отказалась отъ своихъ прусскихъ земель, но удержала за собой Лифляндію. Спустя нѣкоторое время послѣ этого начались переговоры о мирѣ, которые, однако, скоро должны были прерваться въ виду того, что польскій король Янъ Казимиръ (1648—1668), младшій сынъ Сигизмунда, рѣшительно отказался признать Карла королемъ Швеціи. Карлъ Густавъ воспользовался этимъ случаемъ, лѣтомъ 1655 г. двинулъ свои войска въ Польшу и въ короткое время завладѣлъ большей частью ея. Изъ шведскихъ полководцевъ особенно отличился при этомъ финляндецъ Арвидъ Виттенбергъ, герой 30-лѣтней войны. Но въ слѣдующемъ году счастье улыбнулось полякамъ; они осадили Виттенберга, засѣвшаго въ Варшавѣ, и принудили его сдаться на капитуляцію; самъ Виттенбергъ былъ взятъ въ плѣнъ и умеръ въ одной изъ польскихъ крѣпостей. Карлъ Густавъ, потерявшій черезъ это большую часть своихъ пріобрѣтеній, сдѣлалъ еще попытку вернуть ихъ. Онъ заключилъ союзъ съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ и нанесъ полякамъ жестокое пораженіе при Варшавѣ. Однако, несмотря на это, дальнѣйшія его дѣйствія въ Польшѣ были мало успѣшны.

Еще до начала этой войны въ 1655 г. Карлъ созвалъ сеймъ въ Стокгольмѣ, на которомъ земскіе чины дали свое согласіе на войну и вотировали необходимые для этого налоги и повинности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вновь былъ поднятъ вопросъ о редукціи казенныхъ земель. Крестьяне громче, чѣмъ когда-либо, жаловались на то несвободное положеніе, которое имъ угрожало. Къ нимъ примкнули горожане, духовенство и даже многіе изъ представителей мелкаго дворянства, завидовавшаго усиленію высшей аристократіи. Король также былъ на сторонѣ недовольныхъ и внесъ въ сеймъ проектъ редукціи, извѣстный подъ названіемъ „редукціи четвертой доли“ (fjerdepartsräfsten). Срокомъ, съ котораго должна была считаться редукція, былъ назначенъ день 6 ноября

1632 г. Всѣ пожалованныя послѣ этого дня, всѣ имѣнія, назначенныя на содержаніе извѣстныхъ отраслей администраціи, войска, флота, королевскіе замки и склады и т. п., подлежали возврату въ казну. Изъ остальныхъ имѣній и рентъ, доставшихся дворянамъ, четвертая часть должна была перейти обратно въ казну. Имѣнія, отданныя въ вѣчное владѣніе, подлежали обращенію въ такъ называемыя „имѣнія по постановленію норчепингскаго сейма“, черезъ что также дѣлалось возможнымъ возвращеніе ихъ въ казну. Наконецъ, всѣ земли, пріобрѣтенныя незаконно или по подложнымъ документамъ, также отбирались у ихъ владѣльцевъ и обращались въ государственную собственность. Для осуществленія этой реформы назначена была редукціонная коллегія, предсѣдателемъ которой былъ избранъ Германъ Флемингъ, ревностный сторонникъ редукціи. Коллегія очень усердно принялась за свое дѣло и втеченіе одного года (1655—56) успѣла возвратить въ казну весьма значительную сумму ренты. Но потомъ энергія стала ослабѣвать вслѣдствіе разныхъ затрудненій и отсутствія должной поддержки со стороны короля, который въ борьбѣ со своими многочисленными внѣшними врагами не хотѣлъ вооружать противъ себя дворянъ. Вслѣдствіе этого редукція скоро совсѣмъ была пріостановлена и даже сдѣланы были новыя значительныя пожалованія. Финляндіи эта редукція почти не затронула. Когда возбужденъ былъ вопросъ о возвратѣ въ казну графскихъ и баронскихъ земель въ Эстерботніи, то король медлилъ отвѣтомъ. Вообще дворяне въ Финляндіи продолжали попрежнему владѣть своими жалованными имѣніями, за которыя платили только небольшой налогъ.

Пока Карлъ оставался въ Польшѣ, на восточной границѣ государства вспыхнула новая война — съ Россіей, грозившая серьезной опасностью для Финляндіи. Царь Алексѣй Михайловичъ, самъ воевавшій въ это время съ Польшею, вначалѣ радостно привѣтствовалъ успѣхи шведскаго оружія, но потомъ, опасаясь усиленія Швеціи, рѣшилъ объявить ей войну. Въ іюнѣ 1656 г. русскія войска вступили въ Ингрію и Кексгольмскую область. Этотъ шагъ поставилъ въ весьма затруднительное положеніе какъ прибалтійскія провинціи Швеціи, такъ въ особенности Финляндію, такъ какъ почти всѣ войска этой области находились за ея предѣлами. Опасность увеличивалась тѣмъ, что православные жители Кексгольмскаго лена, при приближеніи русскихъ войскъ, массами переходили на ихъ сторону. Однако, несмотря

на это, русскіе встрѣтили мужественное сопротивленіе. Полковникъ Бурмейстеръ поспѣшно укрѣпилъ Выборгъ и призвалъ подъ ружье всѣхъ способныхъ носить оружіе, не исключая гимназистовъ и учениковъ низшихъ школъ. Такъ же мужественно защищался въ Кексхольмѣ комендантъ Олуфъ Бенгтсонъ и въ Нэтеборгѣ (Орѣшекъ) Франсъ Граве; этотъ послѣдній на требованіе сдаться отвѣчалъ: „яблоко и грушу легче раскусить, чѣмъ такой орѣхъ". Въ концѣ лѣта подошла помощь, и русскіе сняли осаду и отступили. Къ нимъ присоединилось множество православныхъ жителей Кексгольмской области, боявшихся наказанія за измѣну. На ихъ мѣсто были переселены лютеране изъ Нюландіи и Саволакса, вслѣдствіе чего преобладающимъ населеніемъ области стало лютеранское, что значительно содѣйствовало слiянію ея съ прочими частями Финляндіи.

Между тѣмъ средства, отпущенныя на войну на сеймѣ 1655 г., были израсходованы, и лѣтомъ 1657 г. король приказалъ созвать областные съѣзды, на которыхъ представители разныхъ частей государства должны были обсудить вопросъ о дальнѣйшихъ наборахъ и объ ассигнованіи денежныхъ суммъ на войну. Чины трехъ южныхъ леновъ Финляндіи были созваны генералъ-губернаторомъ Густавомъ Хорномъ въ городахъ Або, Гельсингфорсѣ и Выборгѣ; представители соединенныхъ провинцій Эстер- и Вестерботніи засѣдали въ Торнео подъ предсѣдательствомъ двухъ правительственныхъ комиссаровъ.

На всѣхъ этихъ съѣздахъ представители сословій старались по мѣрѣ возможности сократить сумму требуемыхъ правительствомъ денегъ и войскъ, но тѣмъ не менѣе, подъ давленіемъ комиссаровъ, вынуждены были въ концѣ концовъ согласиться на уплату введенныхъ въ 1655 г. налоговъ еще втеченіе 5 лѣтъ, т. е. до 1660 г. включительно, и на новый, весьма обременительный, рекрутскій наборъ. Благодаря этому оборонительныя силы страны значительно увеличились. Въ то же время нападенія со стороны непріятеля сдѣлались рѣже и слабѣе. Наконецъ, въ 1658 г. было заключено въ Валлисаари (близъ Нарвы) перемиріе на три года, причемъ Россія удержала за собой Дерптъ и нѣсколько мелкихъ городовъ.

Положеніе Карла въ это время было очень затруднительное, а между тѣмъ у него явился еще новый врагъ въ лицѣ Даніи, которая давно ждала случая отомстить шведамъ за свои прежнія потери и теперь

объявила войну, разсчитывая на помощь со стороны Голландіи. Карлъ послѣ цѣлаго ряда побѣдъ овладѣлъ почти всѣмъ Ютландскимъ полуостровомъ, переправился по льду черезъ Большой и Малый Бельты и заставилъ датскаго короля Фридриха III заключить миръ въ Рускильдѣ (1658), по которому Швеція получала области Сконе, Халландъ, Блекингъ, Бохусленъ, Трондьемъ и Борнхольмъ. Но и эти крупныя пріобрѣтенія казались Карлу недостаточными. Еще въ томъ же году онъ возобновилъ войну, имѣя въ виду совершенно уничтожить самостоятельность Даніи. Онъ подступилъ къ Копенгагену, но былъ отбитъ съ урономъ. Послѣ этого шведы потерпѣли цѣлый рядъ новыхъ неудачъ, вслѣдствіе чего положеніе Карла сдѣлалось почти безвыходнымъ; его спасло вмѣшательство западныхъ державъ, боявшихся нарушенія политическаго равновѣсія. При ихъ содѣйствіи открылись переговоры о мирѣ, во время которыхъ Карлъ умеръ. Онъ много сдѣлалъ для расширенія и упроченія владычества Швеціи на Балтійскомъ морѣ, но созданное имъ пышное зданіе было построено на пескѣ: все увеличивавшіяся финансовыя затрудненія и все сильнѣе разгоравшаяся вражда между сословіями не предвѣщала ничего добраго.

4. Карлъ XI.

Карлъ X оставилъ сына, который вступилъ на престолъ подъ именемъ Карла XI, но новому королю было еще только четыре года, почему опять было назначено временное правительство, состоящее изъ вдовствующей королевы Хедвигъ Элеоноры и пяти высшихъ сановниковъ государства. Правительству удалось въ короткое время заключить миръ со всѣми врагами. Война съ Польшей окончилась миромъ въ Оливѣ (1660), по которому Швеція получила Лифляндію. По Копенгагенскому мирному трактату съ Даніей Швеція отказалась отъ Трондьема и Борнхольма, уступленныхъ ей по Рускильдскому миру, но удержала за собой Сконе, Халландъ, Блекингъ и Бохусленъ, вслѣдствіе чего границы Швеціи раздвинулись до Эресунда. Съ Россіей былъ заключенъ миръ въ Кардисѣ (1661), которымъ подтверждены были постановленія Столбовскаго трактата.

Обезпечивъ себѣ внѣшній миръ, правительство принялось за внутреннія реформы, изъ которыхъ самыми крупными были учрежденіе государственнаго банка и открытіе университета въ Лундѣ.

Что касается редукціи, то она производилась крайне вяло и нерѣшительно. Учрежденная въ 1655 г. редукціонная коллегія продолжала существовать, но ея члены при всякомъ удобномъ случаѣ уклонялись отъ своихъ обязанностей, такъ какъ само правительство довольно слабо слѣдило за ихъ дѣятельностью. До 1663 г. каждый годъ отбиралось въ казну имѣній на нѣсколько тысячъ далеровъ, но затѣмъ редукція почти совсѣмъ прекратилась. Такъ же вяло производилась редукція „четвертой доли", причемъ небольшія имѣнія совсѣмъ были освобождены отъ уплаты налога. Въ Финляндіи результаты этого слѣдствія были еще болѣе ничтожны, чѣмъ въ другихъ частяхъ государства. Изъ Нюландскаго и Тавастгусскаго леновъ доносили въ 1662 г., что „тамошніе дворяне не платятъ „четверти" за свои земли, но продолжаютъ пользоваться доходомъ съ нихъ". Въ такомъ положеніи находилось это дѣло, пока временное правительство оставалось у власти.

Внутренній разладъ между членами правительства и финансовыя затрудненія ставили его въ зависимость отъ сейма, вліяніе котораго все болѣе и болѣе увеличивалось. На сеймѣ 1664 г. земскіе чины обнаружили явное нежеланіе уступать правительству въ вопросѣ о новыхъ налогахъ и наборахъ. Въ то же время усилился антагонизмъ между крупными и мелкими дворянами съ одной стороны и дворянами и непривилегированными сословіями съ другой стороны. На сеймѣ 1672 г. дѣйствія временнаго правительства подверглись рѣзкой критикѣ со стороны представителей непривилегированныхъ сословій, причемъ указывалось на редукцію, какъ на единственное средство къ возстановленію государственныхъ финансовъ. Кромѣ того представители тѣхъ же сословій, по инициативѣ Терсеруса, подали коллективный протестъ противъ изданнаго въ 1671 г. закона, дававшаго дворянамъ право судить крестьянъ и подвергать ихъ различнымъ наказаніямъ, до тюремнаго заключенія на хлѣбѣ и водѣ включительно.

Среди членовъ временнаго правительства было много представителей финляндскихъ интересовъ; наиболѣе выдающимися изъ нихъ были Перъ Брахе, Лоренцъ Крейцъ, Хорнъ, Куркъ и Флемингъ. Наиболѣе свѣдущимъ былъ Крейцъ, къ которому часто обращались за совѣтомъ въ вопросахъ финансовыхъ и военныхъ. Генералъ-губернаторомъ въ Финляндіи съ 1664 г. былъ Германъ Флемингъ, ярый сторонникъ редукціи и потому человѣкъ, опасный для правительства. Назначеніе его на постъ генералъ-

губернатора Финляндіи являлось для него своего рода почетной ссылкой. Согласно данной ему инструкціи, онъ долженъ былъ позаботиться прежде всего объ устраненіи самыхъ причинъ недовольства населенія Финляндіи и стараться о развитіи въ ней культуры, торговли и промышленности. Но дѣятельность Флеминга не оставила по себѣ никакихъ значительныхъ слѣдовъ, такъ что въ 1669 г. въ государственномъ совѣтѣ поднятъ былъ вопросъ объ упраздненіи должности финляндскаго губернатора, который и былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Въ томъ же году Флемингъ былъ отозванъ.

Однако, несмотря на то, что въ составѣ временнаго правительства было много финляндцевъ, для Финляндіи въ это время было сдѣлано очень немного. Причиной этого была та нерѣшительность, которую правительство проявило въ самомъ важномъ тогда для этого края вопросѣ, въ вопросѣ о редукціи. Лучшимъ доказательствомъ могутъ служить тѣ мѣры, которыя были предприняты для упорядоченія военнаго дѣла въ Финляндіи. Финляндская армія, значительно ослабленная во время послѣднихъ войнъ, дѣлилась теперь на три кавалерійскихъ полка, восемь пѣхотныхъ и одинъ драгунскій полкъ. Больше всего хлопотъ причиняло правительству содержаніе кавалеріи. Въ 1652 году были заведены особыя книги, куда вносились всѣ предназначенныя на содержаніе кавалеріи земли; но съ теченіемъ времени большая часть ихъ была роздана дворянамъ, вслѣдствіе чего офицеры и солдаты лишились своихъ доходовъ. Чтобы поправить дѣло, послали въ Финляндію особую комиссію, которая должна была произвести строгое разслѣдованіе о кавалерійскихъ имѣніяхъ. Но комиссія вмѣсто того, чтобы увеличить содержаніе арміи, напротивъ, сократила его: большое количество означенныхъ имѣній были ею исключены изъ списковъ и предназначены къ раздачѣ дворянамъ. Виновные были привлечены къ законной отвѣтственности, но имѣнія все-таки были розданы.

Еще въ большемъ упадкѣ находилась финляндская пѣхота. Жалованье офицерамъ и солдатамъ никогда не выдавалось полностью, а часто и вовсе не выдавалось; численность полковъ съ каждымъ годомъ уменьшалась, такъ какъ втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ, согласно постановленію сейма, наборы не производились. Результаты наборовъ теперь также были уже не тѣ, что прежде. Такъ какъ часть дворянскихъ крестьянъ были освобож-

дены отъ рекрутчины, то при каждомъ наборѣ другіе крестьяне толпами переходили на льготныя дворянскія земли. Въ 1669 г. военная коллегія жаловалась, что финская пѣхота не достигала цифры 4000 чел., между тѣмъ какъ въ ней полагалось болѣе 7000 чел.

Гораздо успѣшнѣе были дѣйствія правительства, направленныя къ поддержанію экономической жизни страны. Были приняты мѣры къ возстановленію хозяйства въ заброшенныхъ имѣніяхъ, которыя считались тысячами и были разбросаны по всей Финляндіи. Лицамъ, которыя бы пожелали заняться разработкой ихъ, были обѣщаны разныя льготы. Бѣглымъ солдатамъ и другимъ преступникамъ объявлялось прощеніе, если они возьмутся хозяйничать въ заброшенныхъ усадьбахъ. Всѣ эти мѣры скоро дали хорошіе результаты.

Обращено было также вниманіе на развитіе путей сообщенія: было проложено много новыхъ дорогъ, особенно въ южной Финляндіи и въ приморскихъ областяхъ.

Въ 1672 г. Карлъ XI былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и вступилъ въ управленіе государствомъ. Вначалѣ онъ не выказывалъ ни особенной охоты, ни способностей къ государственнымъ дѣламъ. Главнымъ совѣтникомъ его былъ Магнусъ Габріель Делагарди, государственный канцлеръ и бывшій членъ временнаго правительства; но немалое вліяніе на дѣла оказывалъ также сеймъ. По его настоянію выдвинутъ былъ опять на очередь вопросъ о редукціи. Уже въ началѣ 1673 г. какъ въ государственномъ совѣтѣ, такъ и въ редукціонной коллегіи было рѣшено безотлагательно произвести редукцію въ Финляндіи, такъ какъ иначе можно было опасаться полнаго упадка ея арміи. Ландсхевдингамъ были разосланы приказы объ этомъ и велѣно немедленно приступить къ дѣлу. Редукція производилась настолько энергично, что уже къ концу перваго года большая часть военныхъ имѣній и „четвертныхъ“ были возвращены въ казну. Въ 1674 г. рѣшилась участь Эстерботніи, гдѣ всѣ графства, баронства и прочія жалованныя имѣнія объявлены были „заповѣдными казенными мѣстами“ и, слѣдовательно, подлежали редукціи. Одновременно съ редукціей шло надѣленіе землей кавалеріи. Въ 1673 и 1674 г.г. правительственный комиссаръ Лоренцъ Крейцъ распредѣлилъ имѣвшіяся въ его распоряженіи имѣнія между кавалерійскими полками, послѣ чего осталось еще нѣкоторое количество имѣній, доходъ съ которыхъ по его предложенію былъ обращенъ на содержаніе пѣхоты.

Въ это время Швеція вмѣшалась въ войну Франціи съ Голландіей, которая по своимъ послѣдствіямъ имѣла весьма важное значеніе для внутренней жизни государства. Въ 1672 г. Швеція заключила союзъ съ Франціей и черезъ это стала во враждебныя отношенія ко всѣмъ тѣмъ государствамъ, которыя были въ союзѣ съ Голландіей и заботились о сохраненіи политическаго равновѣсія, въ томъ числѣ и съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ. Въ битвѣ при Фербеллинѣ (1675) курфюрстъ нанесъ шведамъ жестокое пораженіе. Вскорѣ послѣ этого Данія объявила войну Швеціи. Послѣ морской побѣды при Эландѣ (1676) большое датское войско высадилось въ Сконе. Юный король выручилъ Швецію изъ этого опаснаго положенія: онъ самъ принялъ главное начальство надъ арміей и въ двухъ сраженіяхъ при Хальмстадѣ и Лундѣ разбилъ датчанъ на голову. Въ 1679 г. заключенъ былъ миръ съ Бранденбургомъ въ С. Жерменѣ и съ Даніей въ Лундѣ, по которому Швеція получила обратно почти всѣ потерянныя области. Финляндскія войска принимали дѣятельное участіе во всѣхъ перипетіяхъ этой войны и понесли значительный уронъ. Для пополненія разстроенныхъ полковъ, съ согласія народныхъ представителей, дѣлались новые наборы. Въ 1676 г. земскіе чины всего государства были созваны на областные съѣзды. Въ Финляндіи такой съѣздъ происходилъ въ городѣ Або подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала Акселя Делагарди, главнокомандующаго финляндскихъ войскъ. Дворянство на этотъ разъ привлечено было къ болѣе широкому участію въ расходахъ на войну, нежели прежде. Богатые дворяне обязаны были, помимо своей обычной конной службы, выставить каждый по двѣ лошади менѣе состоятельные должны были поставить такое же количество лошадей въ складчину. Духовенство также изъявило готовность снарядить 165 конныхъ солдатъ отъ Абоскаго епископства и 80—отъ Выборгскаго. Горожане обѣщали пополнить ряды моряковъ, а крестьяне дали свое согласіе на усиленный наборъ на 1676 г., но съ условіемъ, чтобы въ слѣдующемъ году не было набора. Однако, правительство осталось недовольно такимъ постановленіемъ съѣзда и приказало ландсхевдингамъ вновь созвать областные съѣзды. На этихъ съѣздахъ присутствовали только депутаты отъ дворянъ и крестьянъ, какъ сословій, наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ. Абоскій, гельсингфорскій и выборгскій съѣзды почти единогласно высказались въ пользу новаго набора; только

въ Эстерботніи крестьянскіе депутаты оказали упорное сопротивленіе правительственному предложенію, такъ что предсѣдателю пришлось употребить все свое вліяніе, чтобы добиться ихъ согласія.

Эта война, оставивъ непоколебимымъ внѣшнее могущество Швеціи, повела къ важнымъ преобразованіямъ во внутренней жизни государства. Въ неудачахъ ея обвиняли аристократію, руководившую внѣшней и внутренней политикой Швеціи, тогда какъ съ другой стороны благополучный исходъ войны приписывали уму, мужеству и патріотизму молодого короля, на котораго теперь возлагались всѣ надежды. Опираясь на расположеніе къ себѣ народа, Карлъ задумалъ окончательно сломить владычество аристократіи и на ея развалинахъ создать неограниченную королевскую власть. На сеймѣ въ Стокгольмѣ 1680 г. сдѣланъ былъ первый шагъ къ осуществленію этого плана. Король внесъ въ сеймъ предложеніе объ отпускѣ необходимыхъ средствъ для усиленія оборонительныхъ силъ государства и упорядоченія финансовъ. По поводу этого предложенія одинъ изъ депутатовъ предложилъ потребовать отчета у прежняго правительства и для этой цѣли учредить комиссію изъ 36 лицъ. Эта комиссія очень энергично принялась за дѣло и въ короткое время довела многихъ до полнаго разоренія. Непосредственно за этимъ внесено было, по иниціативѣ крестьянъ, предложеніе о назначеніи новой, болѣе строгой, редукціи дворянскихъ имѣній. Назначенная для этого комиссія, подъ предсѣдательствомъ Класа Флеминга, отобрала въ казну всѣ графства, баронства и прочія крупныя имѣнія дворянъ.

Слѣдствіемъ этихъ мѣръ было постепенное усиленіе королевской власти. На томъ же сеймѣ король обратился къ земскимъ чинамъ съ запросомъ, въ какой степени онъ обязанъ, при управленіи дѣлами, руководствоваться мнѣніями государственнаго совѣта, и получилъ отвѣтъ, что это вполнѣ зависитъ отъ его усмотрѣнія. Такимъ образомъ государственный совѣтъ лишенъ былъ функціи, издавна ему присвоенной, — быть постояннымъ ходатаемъ народа передъ престоломъ,—и сталъ въ полную зависимость отъ короля. Самое названіе совѣта измѣнилось: вмѣсто государственнаго онъ сталъ называться просто королевскимъ. Начатый такимъ образомъ переворотъ былъ завершенъ на сеймѣ 1682 г., маршаломъ котораго былъ финляндецъ Фабіанъ Вреде, горячій приверженецъ короля. Несмотря на упорное сопротивленіе дворянъ, сеймъ постановилъ, что право отда-

вать и отбирать имѣнія принадлежитъ исключительно королю; черезъ это право редукціи, прежде принадлежавшее сейму, теперь перешло всецѣло въ руки короля. Въ то же время королю было предоставлено право, независимо отъ земскихъ чиновъ, издавать новые законы и измѣнять старые. На сеймѣ 1693 г. земскіе чины объявили, что король есть самодержецъ, все предлагающій и все обсуждающій, верховный монархъ, который ни передъ кѣмъ во всемъ мірѣ не отвѣтственъ за свои дѣйствія, но имѣетъ полную власть править царствомъ по своему усмотрѣнію и какъ христіанскій король. Однако, право введенія новыхъ налоговъ земскіе чины оставили за собой.

Пріобрѣтенную такимъ образомъ обширную власть Карлъ XI старался употребить на пользу государства. Главнымъ его дѣломъ была редукція, которая съ каждымъ годомъ принимала все большіе размѣры. Мелкія дворянскія имѣнія, уцѣлѣвшія отъ редукціи 1680 г., теперь также были отобраны въ казну. Въ Финляндіи было возвращено въ казну имѣній на сумму 57000 далеровъ. Населеніе Финляндіи горячо привѣтствовало свое освобожденіе отъ дворянскихъ притѣсненій. „Здѣшніе жители,—писалъ одинъ изъ современниковъ,—безконечно рады новому распоряжнію, особенно тѣ изъ нихъ, которые испытали со стороны своихъ господъ суровое обращеніе". Изъ финляндскихъ имѣній пощажено было только одно, именно жалованное имѣніе Элимэ, принадлежавшее баронамъ Вреде. Ландсхевдингъ Фабіанъ Вреде, пользуясь своимъ могущественнымъ вліяніемъ, выхлопоталъ грамоту, въ которой король, напоминая, что первый владѣлецъ этого имѣнія пожертвовалъ своей жизнью за короля Карла IX, утверждалъ за Фабіаномъ Вреде и его потомками право на вѣчное владѣніе „этимъ вполнѣ заслуженнымъ и столь дорогою цѣною пріобрѣтеннымъ даромъ, такъ чтобы никто не могъ ни подъ какимъ предлогомъ причинить ему и его потомству ни малѣйшаго вреда или ущерба". Извѣстіе объ этомъ распоряженіи было жестокимъ ударомъ для крестьянъ, жившихъ въ Элимэ, и особенно для тѣхъ изъ нихъ, которые прежде были землевладѣльцами и уже давно жаловались на притѣсненія со стороны дворянъ. Недовольство скоро перешло въ открытый бунтъ. Крестьяне отказывались отбывать поденщину и другія повинности и не хотѣли слушаться начальства. Для подавленія мятежа, который успѣлъ уже распространиться на сосѣднее имѣніе генерала Ферзена, король отдалъ приказъ вызвать войска,

схватить главныхъ зачинщиковъ и посадить ихъ въ Выборгскую крѣпость. Но, несмотря на эту строгую мѣру, черезъ годъ безпорядки возобновились; нѣсколько крестьянъ даже пробрались въ Стокгольмъ и подали королю жалобу. Король велѣлъ арестовать ихъ и подвергнуть строгому наказанію, а съ прочими также расправиться по закону.

Для редукціи такъ называемыхъ „имѣній по постановленію норчепингскаго сейма“ и другихъ понадобилось назначать продолжительныя слѣдствія, которыя поручались особымъ комиссарамъ сообща съ ландсхевдингами. Послѣ этого редукція въ Финляндіи стала производиться съ такой поспѣшностью, что въ 1687 г. уже была закончена. Всѣхъ имѣній было отобрано въ казну за это время на сумму 198 т. далеровъ серебромъ. Въ пылу редукціонной горячки случалось, что король переступалъ законныя границы и налагалъ руку на земли, давнымъ-давно проданныя или заложенныя казною, причемъ владѣльцы даже не получали полнаго вознагражденія. Въ Финляндіи такихъ имѣній было возвращено на сумму не болѣе 20 т. далеровъ. Такимъ образомъ окончательная сумма возвращенныхъ въ казну имѣній для Финляндіи составляла 218 т. далеровъ серебромъ.

Соціальныя послѣдствія редукціи были не менѣе важны, сравнительно съ экономическими. Дворянству, которое благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ пріобрѣло огромную силу, теперь былъ нанесенъ ударъ, отъ котораго оно уже никогда не могло оправиться. Зато крестьянскоесословіе вновь подняло голову и мало по-малу пріобрѣтало все большее и большее вліяніе на общественныя дѣла. Особенно важное значеніе имѣла редукція для соціальной жизни Финляндіи. Могущественное чужеземное дворянство, владѣвшее огромными землями, теперь было лишено своихъ имѣній. Роды, стоявшіе во главѣ финляндскаго дворянства, Крейцы, Курки, Хорны, Флеминги—заняли теперь сравнительно ничтожное положеніе. Одна только фамилія Вреде играла еще нѣкоторую роль въ послѣдующее время, благодаря обширнымъ земельнымъ владѣніямъ. На мѣсто старой владѣтельной аристократіи теперь выступили новые роды, которые въ большей или меньшей степени зависѣли отъ жалованья, получаемаго ими за разныя гражданскія и военныя должности. Отъ этого-то служилаго дворянства и ведетъ свое начало большая часть существующихъ нынѣ родовъ, засѣдающихъ въ „рыцарскомъ домѣ“.

Всѣ тѣ пріобрѣтенія, которыя казна сдѣлала благодаря редукціи, были употреблены частію на уплату государственныхъ долговъ, частію на улучшеніе экономическаго положенія страны. Одною изъ главныхъ заботъ Карла XI была организація арміи. Для содержанія кавалеріи была введена такъ называемая „система поселеній“ indelning. Владѣльцы извѣстныхъ имѣній обязаны были сообразно своимъ средствамъ снаряжать и содержать каждый одного коннаго солдата и его лошадь. Такія имѣнія назывались rusthåll, а войска, содержимыя такимъ образомъ, назывались indelade po rusthallen, т. е. поселенными.

Преобразованная финская кавалерія состояла изъ трехъ полковъ—абоскаго, нюландскаго и выборгскаго,—по 1000 чел. въ каждомъ.

При реорганизаціи пѣхоты была принята другая система,—„ротная“. Нѣсколько дворовъ, обыкновенно 3 или 4, соединялись въ „роту“, которая должна была выставить одного солдата и давать ему полное содержаніе. Къ концу реформы финская пѣхота состояла изъ 7000 чел., которые были раздѣлены на семь полковъ, носившихъ названія леновъ.

Ландсхевдинги горячо привѣтствовали новую систему, которую они считали для народа гораздо болѣе удобной, чѣмъ прежняя система наборовъ. Однако, изъ ихъ донесеній видно, что народъ вначалѣ былъ недоволенъ новыми порядками и лишь мало-по-малу привыкъ и оцѣнилъ ихъ.

Къ концу царствованія Карла XI въ финляндской арміи было 10000 слишкомъ чел., что составляло нѣсколько болѣе ¹/₄ всей шведской арміи.

Карлъ XI старался внести порядокъ и въ другія отрасли государственной жизни. Онъ установилъ строгій контроль за дѣятельностью чиновниковъ и тѣхъ изъ нихъ, кто не исполнялъ своего долга, онъ безжалостно прогонялъ со службы и даже подвергалъ заключенію въ тюрьмѣ. При немъ былъ изданъ законъ, точно опредѣляющій размѣръ жалованья священниковъ и строго воспрещающій всякаго рода незаконные поборы, которые были тогда въ большомъ ходу.

Продолжительный миръ способствовалъ развитію промышленности. Площадь обработанной земли значительно увеличилась, благодаря основанію новыхъ поселковъ и сокращенію числа заброшенныхъ усадебъ.

Развитіе фабричной промышленности выразилось въ открытіи цѣлаго ряда новыхъ желѣзодѣлательныхъ

заводовъ преимущественно въ южной Финляндіи [1]). Существовавшіе издавна въ Эстерботніи селитряные и судостроительные заводы переданы были казною въ собственность мѣстнаго населенія.

Послѣдніе годы царствованія Карла XI были омрачены неурожаями, отъ которыхъ больше всего пострадала Финляндія. Холодное и дождливое лѣто и ранніе морозы осенью 1695 и 1696 гг. совершенно погубили посѣвы. При наступленіи зимы 1696—97 гг. голодъ распространился по всей странѣ. Народъ умиралъ массами отъ недостатка пищи и отъ тифа, этого неразлучнаго спутника всѣхъ неурожаевъ. Весной правительство стало выдавать пособія, но эта запоздалая помощь уже не могла остановить бѣдствія. Вычислено, что за время 1695—97 г. населеніе Финляндіи съ 450.000 чел. сократилось до 350.000 человѣкъ.

Во главѣ церковнаго управленія при Карлѣ XI стояли поочередно епископы Іоаннъ Терсерусъ, Іоаннъ Гезеліусъ старшій и Іоаннъ Гезеліусъ младшій, которые всѣ дѣйствовали въ духѣ Исаака Ротовіуса и Эскиля Петреуса. Этотъ періодъ получилъ въ исторіи названіе „ортодоксальнаго“, такъ какъ въ это время догматы лютеранской церкви были выставлены, какъ единственно правильные, такъ что малѣйшія уклоненія отъ нихъ считались ересью. Этотъ догматизмъ являлся сильнымъ тормазомъ для развитія научнаго мышленія; однако, несмотря на это, дѣло распространенія народнаго образованія быстро подвигалось впередъ. Въ это именно время было положено начало общей грамотности въ Финляндіи. Характерной чертой эпохи является вѣра въ колдуновъ и вѣдьмъ, находившихся, какъ думали, въ сношеніяхъ съ нечистой силой. Въ Эстерботніи и на Оландѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ этого столѣтія нерѣдко происходили гоненія на вѣдьмъ: ихъ подвергали жестокимъ пыткамъ и нерѣдко предавали смертной казни. Въ 1675 г. въ Вазѣ было сожжено на кострѣ 5 женщинъ, а въ 1676 г. въ Воро шесть женщинъ, обвинявшихся въ колдовствѣ.

Упомянутый выше Іоаннъ Терсерусъ игралъ видную роль въ политическихъ и церковныхъ распряхъ того времени. На сеймахъ онъ былъ однимъ изъ опаснѣйшихъ противниковъ дворянства, а, какъ теологъ, онъ примкнулъ къ такъ называемому „синкретистическому“

[1]) Первые желѣзные заводы въ Финляндіи были открыты при Карлѣ IX (Сварто) и при Христинѣ (Фискарсъ).

направленію, которое старалось примирить разногласія между отдѣльными протестантскими церквами.

Занимая каѳедру Абоскаго епископства, онъ старался какъ можно чаще объѣзжать приходы, издавалъ распоряженія касательно церковной дисциплины и особенно заботился о распространеніи грамотности и религіознаго просвѣщенія среди прихожанъ. Однако, онъ не былъ вполнѣ свободенъ отъ предразсудковъ своего времени. Одинъ студентъ, по фамиліи Эоленіусъ, обвиненный въ вѣрѣ въ волшебство, по его настоянію былъ приговоренъ къ смертной казни и только вмѣшательство Пера Брахе спасло его. Самъ Терсерусъ впослѣдствіи былъ обвиненъ въ ереси и низложенъ.

Преемники его, Іоаннъ Гезеліусъ старшій и младшій были представителями ортодоксальнаго ученія. Первый изъ нихъ больше всего извѣстенъ своими трудами по распространенію религіознаго образованія въ народѣ. Въ своихъ циркулярахъ онъ убѣждалъ священниковъ содѣйствовать общей грамотности и знакомству съ христіанскимъ ученіемъ, часто объѣзжалъ епархію и лично слѣдилъ за исполненіемъ своихъ предписаній. Грамотность и знаніе катехизиса были имъ поставлены условіемъ при вступленіи въ бракъ. Гезеліусъ хлопоталъ также объ открытіи элементарныхъ школъ во всѣхъ приходахъ, но эта мысль еще не могла быть осуществлена такъ скоро. Онъ заботился также о высшемъ образованіи. По его предложенію были открыты новыя „тривіальныя" школы, введены новые учебники и новые методы преподаванія. По его инціативѣ была открыта новая типографія, въ которой печаталось много книгъ, въ томъ числѣ составленные имъ самимъ учебники, книги духовнаго содержанія для народа и ученые труды. Одинъ изъ его краткихъ катехизисовъ на финскомъ языкѣ (Lasten paras tavara) до недавняго времени употреблялся во многихъ финляндскихъ приходахъ. Вообще Гезеліуса старшаго можно считать отцомъ народнаго образованія въ Финляндіи.

Сынъ его, Іоаннъ Гезеліусъ младшій, не меньше отца заботился о благосостояніи церкви и о развитіи религіознаго просвѣщенія. Онъ былъ продолжателемъ издательской и авторской дѣятельности отца и закончилъ начатый ими сообща переводъ библіи съ толкованіями. Какъ ревностный лютеранинъ, онъ былъ противникомъ піэтистскаго движенія, начавшагося въ Германіи и къ концу столѣтія проникнувшаго на сѣверъ. Первымъ представителемъ этого ученія здѣсь былъ священникъ

Ларсъ Ульстадіусъ, проповѣдывавшій въ Або, гдѣ онъ пріобрѣлъ немало приверженцевъ. Гезеліусъ энергично выступилъ на борьбу съ піэтизмомъ и исходатайствовалъ у правительства запрещеніе религіозныхъ собраній піэтистовъ. Но совершенно искоренить піэтизмъ ему все-таки не удалось.

Литература, какъ научная, на латинскомъ языкѣ, такъ и народная, на шведскомъ и финскомъ, все еще носила преимущественно религіозный характеръ. Особенно распространены были сочиненія догматическаго содержанія и проповѣди. Въ 1685 г. вышло новое изданіе финской библіи, подъ редакціей приходскаго священника Флоринуса Мало-по-малу развивалась и научная литература.

Профессоръ медицины Тилландцъ былъ первымъ піонеромъ въ области естествовѣдѣнія. Историкъ Эліасъ Бреннеръ занимался изслѣдованіемъ финляндскихъ древностей. Изъ поэтическихъ произведеній наибольшимъ успѣхомъ пользовалось сочиненіе Матвѣя Саламніуса подъ названіемъ „Радостная пѣснь объ Іисусѣ" (Ilolaulu jesuksesta), на финскомъ языкѣ, въ которомъ онъ просто и трогательно изложилъ евангельскую исторію.

Вообще литература на финскомъ языкѣ была еще очень бѣдна, сравнительно съ латинскою и шведскою.

Общій уровень культурнаго развитія, судя по сохранившимся памятникамъ, былъ еще довольно низкій. Къ темнымъ сторонамъ общественной жизни слѣдуетъ также отнести грубость и безнравственность, которая царила среди студентовъ. Грандіозные уличные безпорядки по ночамъ и столкновеніе съ гражданскими властями были заурядньмъ явленіемъ и причиняли не мало хлопотъ университетскому начальству.

Внѣшній бытъ попрежнему отличался крайней простотой. Рыцарскихъ замковъ было очень немного. Города почти исключительно состояли изъ небольшихъ низенькихъ деревянныхъ домиковъ. Обыкновеннымъ жилищемъ сельскаго жителя была курная изба [1]).

Третій періодъ исторіи финскаго народа, обнимающій царствованіе Густава Адольфа, Христины, Карла X и Карла XI, у финляндскихъ историковъ носитъ названіе Storhetstiden, т. е. эпоха величія. Приэтомъ, очевидно, имѣется въ виду то выдающееся положеніе, которое въ это время заняла Швеція въ ряду европейскихъ

---

[1]) Schybergson, 438—558.

державъ. Но для Финляндіи указанная эпоха является временемъ полнѣйшаго экономическаго упадка. Мы видѣли, какою дорогою цѣною были куплены военные успѣхи Швеціи и чего они въ особенности стоили финскому народу. Непосильные налоги и тяжелая рекрутчина потрясли до основанія крестьянское хозяйство Финляндіи. Послѣдовавшая затѣмъ раздача дворянамъ земель и неурожай 1695—97 гг. усугубили бѣдствія народа. Только съ началомъ редукціи при Карлѣ X и Карлѣ XI и новой организаціи военной службы почувствовалось нѣкоторое облегченіе.

Но, если въ области экономической въ указанный періодъ не было достигнуто никакихъ успѣховъ, то зато сдѣланы были важныя пріобрѣтенія въ другой области — въ области народнаго образованія. Основаніе Абоскаго университета и первыя попытки введенія общей грамотности среди населенія относятся именно къ этому времени, и можно съ увѣренностію сказать, что имена Пера Брахе и обоихъ Гезеліусовъ никогда не изгладятся изъ памяти финскаго народа.

КОНЕЦЪ.

ніе такого отчаянія, гораздо болѣе мрачнаго, чѣмъ все пережитое ею въ самыя несчастныя минуты ея жизни, при сравненіи съ которымъ самая даже смерть вовсе не такъ уже страшна, а, напротивъ того кажется утѣшеніемъ.

Охваченная такими размышленіями. Миро невольно остановилась и еще разъ взглянула на медленно скользившія по водяной глади лодки; въ это время по дорогѣ прямо къ ней приближался человѣкъ, котораго она часто встрѣчала на лоинскихъ улицахъ и о которомъ такъ много слышала, а именно христіанскій священникъ Өеодоръ.

Миро знала, что этотъ человѣкъ обратилъ уже въ христіанство многихъ изъ ея глубоко павшихъ сестеръ и что онъ далъ имъ возможность и внушилъ стремленіе выйти на другую лучшую жизненную дорогу. Его открытое и доброе лицо всегда было особенно пріятно Миро и въ то же время внушало ей тайный страхъ, вслѣдствіе чего она старалась по возможности избѣгать встрѣчаться съ его строгимъ, пронизывающимъ взглядомъ.

Өеодоръ также, повидимому, узналъ эту женщину въ полинялом хитонѣ. Онъ не разъ видѣлъ ее въ былые дни лучезарной, веселой и здоровой, когда бывало ее, разодѣтую въ драгоцѣнныя одежды, проносили рабы въ раззолоченномъ паланкинѣ. Сердце его сжималось тогда отъ боли за нее не менѣе, чѣмъ теперь.

Гетера вскорѣ убѣдилась, что она была имъ узнана, потому что онъ поздоровался съ нею, назвавъ ее по имени — Миро; замѣтивъ ея замѣшательство, онъ остановился и завязалъ съ нею бесѣду.

Өеодоръ впродолженіе этого разговора ставилъ Миро такимъ образомъ вопросы и такъ отвѣчалъ ей, что, какъ бы магическимъ ключемъ, открылъ ея сердце. По пути въ городъ Миро незамѣтно для самой себя не только разсказала ему всю свою печальную жизненную исторію, но и жизнь Рахили.

Они разстались у городскихъ стѣнъ. Өеодоръ направился къ одному больному изъ своего прихода; Миро же поспѣшила домой узнать, не возвратилась ли Рахиль за время ея отсутствія. Но передъ тѣмъ, какъ разстаться, Миро вынуждена была дать Өеодору обѣщаніе прійти вечеромъ къ одной всѣми уважаемой и хорошо извѣстной своими благодѣяніями христіанской матронѣ, имя и мѣстожительство которой были ей извѣстны. Тамъ она должна была опять встрѣтиться съ Өеодоромъ.

Уже начинались сумерки, когда Миро добралась до своей лачужки. Комната была пуста и не было признаковъ того, чтобы Рахиль приходила за время ея отсутствія. Немного спустя въ комнату вошелъ доброжелательный сосѣдъ Миро — столяръ. Лицо его было чрезвычайно блѣдно; онъ спросилъ Миро, знаетъ ли она, гдѣ Рахиль и ея ребенокъ.

Миро отвѣтила, что напрасно проискала весь день свою подругу на усадьбѣ Хризанфа.

— А мнѣ, не искавшему ея, пришлось-таки ея увидѣть, сказалъ столяръ.—О, это было ужасно! Несчастная женщина! Я, вѣдь, говорилъ это еще раньше... по глазамъ ея видѣлъ. Такъ, надо

полагать, и суждено было колыбели остаться не оконченной, потому что она болѣе уже не понадобится.

— О, боги, что ты говоришь! Что случилось съ ними? Что ты видѣлъ?.. Да говори же!

— Я только что проходилъ по гаванской площади и, замѣтивъ случайно у набережной толпу народа, полюбопытствовалъ посмотрѣть, что тамъ такое произошло. Мнѣ пришло въ голову, не вытащили ли изъ воды какого-нибудь утопленника, и тутъ я совершенно невольно вспомнилъ о бѣдной еврейкѣ. Вотъ почему я и послѣдовалъ за толпой, шедшей по направленію къ покойницкой, гдѣ выставляютъ трупы утопленниковъ, чтобы ихъ могли признать родственники или друзья...

— Такъ неужели же утопленница, вытащенная изъ воды, оказалась Рахилью! со стономъ вырвалось у Миро.

— Да, Рахилью съ ея мальчикомъ. Въ покойницкой на черныхъ скамейкахъ лежало уже два раньше вытащенныхъ трупа; они при свѣтѣ факеловъ казались такими страшными, но, повѣришь ли, это было ничто въ сравненіи съ нею. Видъ ея не былъ ужасенъ, но дѣйствовалъ потрясающе-трогательно, именно потому, что она крѣпко привязала къ груди своей ребенка и еще крѣпче обвила его своими руками. Слава богамъ, что море выбросило свою добычу! Это очень утѣшительно, потому что тѣнь ея не будетъ вѣчно бродить у Стикса, а найдетъ себѣ мѣсто успокоенія въ подземномъ царствѣ.

Такое утѣшеніе, въ основѣ котораго лежало общее повѣрье, что души утопленниковъ не находятъ себѣ покоя въ Аидѣ, пока тѣла ихъ не будутъ найдены и преданы землѣ, — врядъ ли могло значительно ослабить горе Миро. Она уткнула лицо въ хитонъ и залилась горючими слезами. Когда прошелъ первый порывъ горя, она опрометью бросилась къ покойницкой, о которой говорилъ столяръ. Тамъ уже собралась толпа любопытныхъ, разсматривавшихъ утонувшую мать и ребенка, какъ бы уснувшаго на ея груди. Недоумѣвали, кто бы они могли быть; никто ее не зналъ. Однако, всѣ стояли вокругъ этой печальной группы глубоко растроганные. Миро протиснулась черезъ толпу и сразу до того была ошеломлена видомъ блѣднаго лица своей подруги, которое даже мертвое сохраняло еще печать глубокой, безутѣшной скорби, что не могла даже опомниться и только черезъ минуту дала волю своимъ слезамъ и воплямъ.

— Ты ее знаешь, Миро? Кто она? Добровольно ли она лишила себя жизни? Или она погибла насильственной смертью?

Подобными вопросами со всѣхъ сторонъ осыпали Миро близстоявшіе.

— Такъ, значитъ, она была гетерой, говорили другіе.—Такія женщины всегда начинаютъ свою жизнь весело, а кончаютъ отчаяніемъ. Это, слѣдовательно, одна изъ обыкновеннѣйшихъ исторій.

— Нѣтъ, воскликнула Миро, — она никогда не была гетерой, слышите! Никогда не была она такой падшей и презрѣнной женщиной, какъ я! Никто не смѣетъ оскорбить несчастную такимъ именемъ. Мало ли она и безъ того вынесла горя въ своей жизни,

чтобы еще позорили даже мертвую! Нѣтъ, она не заслужила поруганія. Это Рахиль, дочь Баруха, того самаго богача маклера, котораго вы всѣ знаете. Если вы хотите быть справедливыми, то не ее судите вы, а Кармида, который ее обольстилъ, жестокаго ея отца, который выгналъ ее безжалостно изъ дома своего за то, что она подъ сердцемъ своимъ носила этого ребенка...

Больше Миро не въ силахъ была уже говорить, такъ какъ голосъ ей заглушили рыданья. Но слова ея произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ и вездѣ наперерывъ стали раздаваться выраженія соболѣзнованія и сочувствія къ покойной и въ то же время негодованіе по отношенію къ тѣмъ, кто былъ причиной ея несчастья. Общее озлобленіе не такъ еще сильно проявлялось противъ вѣроломнаго обольстителя, какъ противъ жестокосердаго отца.

— Такъ пусть же онъ узнаетъ теперь, что сдѣлалъ, сказала Миро. — Я во что бы то ни стало приведу его сюда. Если только у него сердце еще отзывчиво къ чему-нибудь, кромѣ золота, такъ онъ пожалѣетъ теперь о своей жестокости. Эти сожалѣнія оказались бы уже слишкомъ поздними, но зато послужили бы ему вѣчнымъ упрекомъ и наказаніемъ.

Миро быстро вышла. Большая часть свидѣтелей этой сцены послѣдовали за нею, чтобы высказать свое негодованіе богатому маклеру и посмотрѣть, какъ пріиметъ онъ вѣсть о смерти дочери и ея ребенка.

Толпа, съ Миро во главѣ, направилась прежде всего къ его торговой конторѣ. Но занятія были уже окончены на этотъ день и въ ней никого не оказалось. Тогда неутомимая Миро отправилась къ жилищу Баруха на Скамбониды. Дорога туда была не близкая и многіе изъ сопровождавшихъ ее отстали по пути, покамѣстъ она успѣла добраться до вершины холма, на которой расположенъ былъ домъ Баруха.

Миро нашла дверь запертой. Она схватилась за дверную колотушку и принялась ею упорно стучать, пока не отперли дверь. Показался какой-то старый прислужникъ съ еврейскимъ лицомъ и освѣдомился, что ей надо.

— Я желаю говорить съ Барухомъ, сказала Миро, стараясь войти въ домъ.

Однако прислужникъ, узнавшій ее и замѣтившій при свѣтѣ своей лампы ея возбужденный и разстроенный видъ, отказался ее впустить.

— Мой господинъ боленъ, отвѣтилъ онъ,—и не можетъ никого принять. Что случилось? Я доложу ему.

— Нѣтъ, это ужъ я сдѣлаю сама.

— Она, пусть она сама это сдѣлаетъ... Мы сами желаемъ это сдѣлать, раздались многочисленные голоса спутниковъ Миро къ немалому изумленію прислужника, которому сейчасъ же пришло въ голову, что надъ Барухомъ хотятъ учинить какое-нибудь насиліе, вслѣдствіе чего онъ торопливо заперъ и заложилъ засовомъ двери. Вслѣдъ затѣмъ надъ дверью открылось маленькое окошечко и оттуда раздался голосъ прислужника:

— Но что же такое произошло, что случилось? Вы же слышите, что мой господинъ боленъ, такъ не могу же я впустить во дворъ цѣлую толпу посторонняго народа. Какъ вы, право, этого не можете понять! Скажите, зачѣмъ вы пришли, и я ему передамъ.

— Неужели же твой господинъ настолько боленъ, что не можетъ даже подняться, накинуть плащъ и послѣдовать за мной? сказала Миро.

— Передай ему, крикнуло нѣсколько человѣкъ,—что мы принесли ему поклонъ и привѣтъ отъ его...

— Молчать! прервала Миро,—не говорите ему ничего. Онъ не долженъ ничего знать, до тѣхъ поръ пока не увидитъ все самъ воочію. Мы желаемъ съ нимъ говорить, этого вполнѣ достаточно. Попроси-ка его выйти сюда. Дѣло идетъ о золотѣ, о колоссальномъ барышѣ. Скажи ему это.

Оконце захлопнулось, и можно было различить удалявшіеся шаги прислужника.

Прошло довольно много времени, дверь не открывалась. Ожидавшіе передъ нею стали выражать свое нетерпѣніе новымъ сильнымъ стукомъ въ дверную колотушку. Наконецъ, показался маленькій, одѣтый въ длинный кафтанъ, черноволосый человѣкъ мрачнаго вида.

— Что вамъ угодно, друзья мои? спросилъ онъ кротко, выйдя на улицу.

— Ты, вѣдь, не Барухъ, возразила Миро.—Мы хотимъ говорить только съ богачемъ маклеромъ, а не съ тобой.

— Барухъ лежитъ совершенно больной въ постели. Я его другъ и родственникъ, раввинъ Іона, и все, что вы хотите сказать ему, вы можете передать мнѣ.

— Ты, значитъ, также знаешь и его дочь Рахиль? спросили его.

— Да, отвѣтилъ раввинъ.—Что съ ней случилось?

— Ты увидишь, сказала Миро.

— И долженъ будешь разсказать Баруху все то, что увидишь, такъ, какъ будто онъ то видѣлъ собственными своими глазами...

— Скупердяга, жестокосердый негодяй, подлецъ! раздались голоса.

— Я пойду за вами, сказалъ раввинъ.—Что случилось съ тою женщиной, о которой вы говорите, и куда вы меня ведете?

— Скоро узнаешь.

Раввинъ Іона шелъ за толпой, молчаливо выслушивая всякаго рода брань, которою осыпали Баруха и весь Израиль.

Миро крѣпко вцѣпилась въ его руку, словно боясь, чтобы онъ не ускользнулъ отъ нея. Но онъ спокойно шелъ рядомъ съ нею и даже не пытался освободить свою руку.

Когда они пришли на гаванскую площадь и раввинъ замѣтилъ, что толпа поворачиваетъ въ освѣщенный факелами домъ для утопленниковъ, онъ вдругъ остановился и глубоко вздохнулъ. Всю дорогу онъ подготовлялъ себя мысленно къ горькому зрѣлищу; теперь онъ догадался, что произошло.

Онъ, однако, поборолъ свое душевное волненіе и послѣдовалъ за Миро, звавшей его:—Иди же, иди!

Незадолго передъ тѣмъ къ лѣстницѣ на главномъ спускѣ съ

набережной, расположенной напротивъ двухъ мраморныхъ львовъ, украшавшихъ гаванскую площадь, пристала небольшая лодка и изъ нея высадился на берегъ Кармидъ, прибывшій изъ усадьбы Хризанфа.

Кармидъ на мгновеніе остановился, но затѣмъ рѣшительно направилъ свои шаги къ покойницкой. Влекло его туда какое-то страшное любопытство; тайное предчувствіе, которое ему такъ хотѣлось бы заглушить, угрызенія совѣсти съ непреодолимой силой тянули его туда.

Онъ вошелъ, но какъ вкопанный остановился у порога; первое, что бросилось ему въ глаза, былъ трупъ Рахили и ея ребенка.

Не галлюцинируетъ ли его зрѣніе? Не разстроенное ли его воображеніе надѣляетъ чертами Рахили и ея черными волосами это лежащее передъ нимъ твореніе, крѣпко охватившее руками крохотное существо, припавшее своимъ блѣдно-синимъ лицомъ къ ея груди?

— Это Рахиль, дочь Баруха, донеслось до его слуха изъ группы стоявшихъ вблизи зрителей.

Эти слова прозвучали въ его ушахъ, какъ смертный приговоръ, а мрачное его лицо, страшное выраженіе его глазъ изобличили его виновность.

Въ эту самую минуту въ покойницкую вошли Миро съ раввиномъ Іоной и сопровождавшей ихъ толпой народа. Кармидъ далъ имъ дорогу и принужденъ былъ отойти подальше отъ двери.

Раввинъ Іона приблизился къ трупу. Онъ сохранялъ наружное спокойствіе, только невольное дрожаніе губъ выдавало его душевное состояніе.

— Да, это дочь Баруха, произнесъ онъ.—Гдѣ надзиратель? Я хотѣлъ бы переговорить съ нимъ о погребеніи покойной и ея ребенка?

Появился надзиратель покойницкой. Раввинъ обернулся къ нему и досталъ изъ-за пояса свою кису съ деньгами. Все это онъ сдѣлалъ съ такимъ хладнокровіемъ, которое возмутило до глубины души всѣхъ присутствующихъ, въ томъ числѣ и Миро; она готова была уже разразиться негодованіемъ, но въ эту самую минуту замѣтила Кармида.

— А, и ты здѣсь, Кармидъ? воскликнула она.—Ужъ не пришелъ ли ты полюбоваться своимъ дѣломъ? Что за боги привели тебя сюда? Не Евмениды ли? Любуйся же. Кармидъ—вотъ она, Рахиль, твоя нареченная, а вотъ и твой собственный сынъ!

При имени Кармида раввинъ Іона быстро обернулся. Глаза его, до сихъ поръ совершенно спокойные, сверкнули едва сдерживаемымъ огнемъ, встрѣтившись съ мрачнымъ взглядомъ Кармида, который выходилъ изъ покойницкой, сопровождаемый громкимъ проклятіемъ Миро и молчаливымъ негодованіемъ всѣхъ присутствующихъ.

Теперь настала очередь раввина Іоны. Но огорченіе и волненіе Миро разразились слезами; она бросилась къ смертному ложу Рахили и зарыдала.

Раввинъ, который съ невозмутимымъ, повидимому, спокойствіемъ окончилъ переговоры о похоронахъ и денежные разсчеты съ надзирателемъ, спряталъ свою кису и хотѣлъ уже уйти; но, взглянувъ

на плачущую Миро, положилъ ей на плечо руку и попросилъ ее послѣдовать за нимъ. Просьбу свою онъ произнесъ съ такимъ умоляющимъ взглядомъ, что Миро не рѣшилась отказать ему. Она до сихъ поръ представляла себѣ, что у него было каменное сердце, что онъ былъ исключительно незнающій жалости ростовщикъ и ничего больше, а потому она была теперь поражена выраженіемъ его глазъ.

— Ты грустишь по ней, оплакиваешь ее, шепнулъ раввинъ.— Ты, слѣдовательно, знала ее и при жизни. Я такъ хотѣлъ бы поговорить съ тобою о ея послѣднихъ дняхъ. Но выйдемъ отсюда, тамъ никто намъ не помѣшаетъ. Я былъ помолвленъ съ Рахилью. Этого, кажется, достаточно тебѣ знать?

Миро послѣдовала за нимъ. Она узнала въ раввинѣ Іонѣ того маленькаго, черноволосаго человѣка, который такъ часто бродилъ передъ домомъ, въ которомъ она жила.

Она теперь догадывалась, что раввина влекло туда такъ часто чувство сострадания или какое-либо другое доброе побужденіе. Вспомнила она также, что Рахиль говорила о какомъ-то очень ученомъ и почтенномъ человѣкѣ, котораго Барухъ предназначалъ въ мужья своей дочери, и сердце Миро настроилось болѣе благосклонно къ этому родственнику скупого маклера; она даже пожалѣла, что навлекла столько горя на его голову.

Они сѣли на пьедесталъ у подножія одной изъ статуй, украшавшихъ гаванскую площадь, и Миро разсказала раввину послѣднюю тяжелую страницу жизни Рахили.

Когда Миро кончила свой разсказъ, раввинъ Іона подавленнымъ, взволнованнымъ голосомъ попросилъ ее отдать Рахили и ея ребенку послѣдній долгъ любви и уваженія и проводить завтра утромъ, въ часъ, который ей укажетъ раввинъ, усопшихъ изъ покойницкой на кладбище для никѣмъ непризнанныхъ утопленниковъ, гдѣ и имъ предназначено было упокоиться. Самъ онъ не могъ выполнить этого долга по отношенію къ покойной, такъ какъ обычаи и священные законы его народа этого ему не позволяли.

На слѣдующій день Миро встала рано поутру, чтобы проводить до могилы свою подругу и маленькаго своего любимца. Двое рабовъ отнесли одинъ общій для матери и сына гробъ на особое, не пользовавшееся почетомъ кладбище. Гробъ провожала лишь одна гетера въ бѣдномъ сильно поношенномъ платьѣ. Слезы одной только этой гетеры были жертвой тѣнямъ обоихъ усопшихъ.

Весь день прогоревала Миро. Тѣмъ не менѣе она не забыла своего обѣщанія встрѣтиться съ Ѳеодоромъ, христіанскимъ священникомъ. Вечеромъ она направилась къ тому дому, гдѣ они условились встрѣтиться.

Въ этомъ домѣ Миро застала небольшое общество мужчинъ и женщинъ, исключительно христіанъ, но самаго разнообразнаго общественнаго положенія и состоянія. Она была принята всѣми очень привѣтливо. Ѳеодоръ, повидимому, подготовилъ ихъ всѣхъ къ ея приходу. Миро, совершенно растерявшаяся и смущенная тѣмъ, что очутилась въ столь почтенномъ и серьезномъ обществѣ, сѣла особнякомъ отъ прочихъ у самыхъ дверей; вслѣдъ затѣмъ поднялся

Өеодоръ и началъ проповѣдь. Онъ говорилъ о грѣхѣ и о его искупленіи. Понятіе о грѣхѣ было до сихъ поръ совершенно чуждымъ для Миро; но, когда Өеодоръ его разъяснилъ, ея сознаніе какъ бы само собой прояснилось и завѣса, столь долго висѣвшая и скрывавшая истину отъ ея душевнаго взора, сразу упала.

Послѣ грѣха Өеодоръ заговорилъ объ избавленіи. Онъ не дѣлалъ ссылокъ и не основывался на ученыхъ догматахъ, а толковалъ и пояснялъ трогательный разсказъ о грѣшницѣ, которая пробралась въ домъ фарисея Симона, когда Іисусъ возсѣдалъ тамъ у стола, бросилась къ ногамъ назареянина, омочила ихъ своими слезами и утерла своими волосами. Эта женщина, сказалъ Өеодоръ, испытывала, навѣрное, по крайней мѣрѣ, по временамъ, сожалѣніе о самой себѣ. Быть можетъ, ея легкомысленный нравъ часто заставлялъ ее затѣмъ терзаться самоупреками, и тогда радость и веселье смѣнялись мученіями, тягчайшими изъ всѣхъ, испытываемыхъ человѣкомъ, а именно отчаяніемъ, прячущимся подъ маской наслажденья и веселья.

Миро при этихъ словахъ подумала о себѣ.

Өеодоръ говорилъ далѣе о томъ, какъ фарисей въ негодованіи хотѣлъ прогнать эту грѣшницу вонъ, но Іисусъ, Сынъ Божій, оцѣнивъ ея искреннее раскаяніе и поставивъ его выше гордой праведности, отпустилъ ей ея прегрѣшенія, сказавъ, что вѣра и любовь спасли ее. Миро залилась горючими слезами. Уже этотъ одинъ случай изъ жизни галилеянина оказался въ состояніи покорить ему ея сердце. Она узнала въ грѣшницѣ самоё себя и готова была, какъ та, броситься къ ногамъ божественнаго учителя, если бы Онъ въ эту минуту предсталъ предъ ней во-очію.

Нерѣдко послѣ того случалось Миро слушать въ томъ же самомъ кругу привѣтливыхъ и милыхъ людей толкованія Өеодоромъ евангельскаго ученія. Нѣкоторое время спустя, бывшая гетера, жрица Афродиты Пандемосъ *), сдѣлалась горячо вѣрующимъ членомъ Христовой церкви и вѣрной служительницей того дома, гдѣ она впервые и неизгладимо познакомилась съ радостнымъ благовѣствованіемъ. Приблизительно въ то же самое время скончался и богатый маклеръ Барухъ, съ тоски и горя, какъ носились слухи, по своей дочери.

Какъ удивились всѣ въ Аөинахъ, узнавъ, что Барухъ завѣщалъ значительную сумму денегъ гетерѣ! Главную часть своего состоянія онъ пожертвовалъ на построеніе Іерусалимскаго храма, а остальную—своимъ бѣднымъ единовѣрцамъ въ Аөинахъ. Раввинъ Іона первый сообщилъ Миро о завѣщанномъ ей Барухомъ состояніи. Она приняла эту сумму денегъ, но предоставила ее цѣликомъ въ распоряженіе Өеодора на благотворительныя дѣла съ тѣмъ только, чтобы на могилѣ Рахили и ея сына воздвигнутъ былъ совершенно простенькій памятникъ. Памятникъ былъ сооруженъ въ видѣ урны, однако, безъ всякой надписи, потому что все равно никто, кромѣ Миро, и знать не хотѣлъ о тѣхъ, кто покоился подъ нимъ.

---

*) Богиня низшей, чувственной любви.

ГЛАВА XII.

Свадьба.

Приготовленія къ свадьбѣ Кармида и Герміоны уже начались. Еще два дня и произойдетъ то, что навсегда и нерасторжимо должно будетъ соединить обоихъ влюбленныхъ. Въ послѣднее время Герміона также не чувствовала себя счастливой. Въ Кармидѣ внезапно произошла рѣзкая перемѣна. Онъ сдѣлался сумрачнымъ и разстроеннымъ. Даже въ ея обществѣ онъ казался разсѣяннымъ и равнодушнымъ. Чѣмъ это объяснить? Она просила и убѣждала его довѣриться ей. Но онъ увѣрялъ, что разсѣянъ отъ испытываемаго имъ блаженства.

Герміона замѣчала, что и отецъ ея чѣмъ-то глубоко озабоченъ. Это обстоятельство угнетало ее не меньше. Послѣдніе дни она сама имѣла случай неоднократно убѣдиться, что среди аоинскаго народа, какъ среди язычниковъ, такъ и христіанъ, начало проявляться озлобленіе противъ Хризанфа. Даже и тѣ немногіе, которые до сихъ поръ, повидимому, поддерживали его, всѣ теперь, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, покинули и отступились отъ него подъ вліяніемъ общаго мнѣнія. Гимназіи стояли пустыми, и юношество, несмотря на строжайшую цензуру, собиралось, какъ прежде, вокругъ возрождающихся учениковъ Эпикура. Благотворительныя учрежденія оказались установленными лишь для пользы служащихъ въ нихъ. Народъ роптaлъ, что на подобныя предпріятія тратятся огромныя суммы; немощные и бѣдные боялись этихъ заведеній, вслѣдствіе злыхъ и до нѣкоторой степени, пожалуй, основательныхъ слуховъ о дурномъ въ нихъ обращеніи. Даже среди наиболѣе знатныхъ и извѣстныхъ родовъ въ городѣ едва ли нашлись бы такіе, которые не имѣли бы причины жаловаться на Хризанфа, потому что если не тому, такъ другому изъ ихъ членовъ приходилось на себѣ испытать неумолимую строгость, съ которой онъ выполнялъ свою цензорскую обязанность. Онъ удалилъ многихъ безнравственныхъ главныхъ жрецовъ и обвинялъ и осуждалъ въ цѣлой массѣ нечестныхъ должностныхъ лицъ.

На освобождавшіяся мѣста находилось очень мало и даже вовсе не находилось кандидатовъ, потому что недовольные грозили каждому своимъ преслѣдованіемъ. Уволенные жрецы бросались въ объятія христіанской церкви, и такой переходъ сдѣлался явленіемъ обыденнымъ. Въ свою очередь, это обстоятельство создавало, неизбѣжно прозелитовъ не только между низшими классами населенія, но даже и среди наиболѣе образованныхъ. Дѣятельность Хризанфа приводила такимъ образомъ къ результатамъ, совершенно обратнымъ тѣмъ, которыхъ онъ ожидалъ и добивался. Онъ не былъ настолько слѣпъ, чтобы не замѣтить этого. Онъ начиналъ уже въ самомъ дѣлѣ отчаяваться выйти побѣдителемъ въ предпринятой имъ борьбѣ.

Къ этимъ заботамъ присоединилось еще горе, причиняемое ему Клеменсомъ. Надъ Петромъ уже производилось оффиціальное слѣдствіе, и каждый разъ, когда его вели въ судъ, его сопровождала

толпа народа, выражавшая ему свое сочувствіе. Былъ вызванъ и Клеменсъ для дачи показаній о своемъ пріемномъ отцѣ. Но вмѣсто того, чтобы поддерживать обвиненіе противъ него, онъ, къ торжеству присутствовавшихъ христіанъ, бросился въ объятія къ епископу и громогласно благодарилъ его за то вліяніе, которое онъ оказалъ на всю его дальнѣйшую судьбу, взявъ его къ себѣ. Когда же Клеменсъ услышалъ, что судъ, по всей вѣроятности, завершится смертнымъ приговоромъ надъ Петромъ, онъ вознегодовалъ на своего отца и самымъ несдержаннымъ образомъ выразилъ это во всеуслышаніе.

Онъ попрежнему продолжалъ жить въ гротѣ на полѣ у колонны, и слухъ о его святости возрасталъ съ каждымъ днемъ. Номоіусіанскимъ женщинамъ очень нравилось называть его «святымъ Клеменсомъ». Выраженіе это особенно ласкало слухъ молодого аскета. Онъ вышелъ побѣдителемъ въ борьбѣ со своей чувственной природой и плодомъ этой побѣды было такое душевное состояніе, въ которомъ онъ чаще общался съ ангелами и святыми, нежели съ дѣйствительнымъ міромъ. Хризанфъ предпринялъ поѣздку въ Елевсинъ, чтобы осмотрѣть строившійся тамъ новый храмъ. Уже наступила ночь, когда онъ на обратномъ пути приблизился къ Аѳинамъ. Надъ головой путника разразилась одна изъ тѣхъ внезапныхъ, сильныхъ и быстро проходящихъ грозъ, которыя присущи южнымъ странамъ. Дождь лилъ безпрерывнымъ потокомъ и бѣлое сіянье молніи озаряло окрестность.

Но когда Хризанфъ былъ уже невдалекѣ отъ Двойныхъ воротъ, дождь прекратился, и возница, шедшій передъ тѣмъ рядомъ съ перепуганными молніей лошадьми, опять усѣлся на козлы впереди своего господина. Они проѣзжали около поля съ колонной. Въ то время, какъ Хризанфъ размышлялъ о своемъ сынѣ, который проводилъ эту бурную ночь въ открытомъ гротѣ, возница указалъ на слабый лучъ свѣта, виднѣвшійся въ глубинѣ поля, недоумѣвая, откуда бы онъ могъ идти. Хризанфъ слѣзъ съ экипажа и приказалъ возницѣ ѣхать дальше. Ему захотѣлось навѣстить Клеменса. Свѣтъ лампады исходилъ именно изъ его грота.

Юный аскетъ, вѣроятно, бодрствовалъ во время грозы, отъ которой его жалкое жилище врядъ ли могло представить достаточную защиту.

Хризанфу захотѣлось увидѣть, какъ живетъ Клеменсъ, узнать, какъ онъ себя чувствуетъ. Быть можетъ, онъ теперь, среди ночи и въ полномъ уединеніи, когда только что стихло бѣшенство стихіи, отнесется терпѣливѣе къ своему отцу и выслушаетъ его благожелательныя слова.

Лампа, поставленная за стѣной, защищавшей ее отъ вѣтра, освѣщала внутренность пещеры. Клеменсъ сидѣлъ на своей постели изо мха. Онъ былъ не одинъ. Какъ разъ противъ него, оборотясь спиной къ входному отверстію въ пещеру, сидѣло, скорчившись на землѣ, какое-то чудовищное существо, въ которомъ Хризанфъ къ немалому своему изумленію узналъ Симона.

Симонъ въ то время, когда гроза начала разражаться сильнѣе, слѣзъ съ колонны и укрылся у своего сосѣда. Они уже бесѣдовали до-

вольно давно и разговоръ между ними еще продолжался, когда Хризанфъ остановился передъ гротомъ. Симонъ говорилъ громкимъ и сердитымъ голосомъ.

— Еще разъ говорю: убирайся отсюда. Я знаю тебя, юноша. Ты сынъ старой змѣи и самъ ты змѣя, которую я согрѣлъ у себя за пазухой. Ты явился сюда, чтобы обокрасть меня, но берегись, Филиппъ, у меня проницательный взглядъ и тонкій слухъ. Воръ будетъ изловленъ.

— Отецъ, сказалъ Клеменсъ съ замѣтнымъ ужасомъ: — Я не понимаю твоихъ словъ. Чего ты сердишься на меня? За то ли, что у меня злое сердце? Я всечасно молю о дарованіи мнѣ иного, и небо, повидимому, услышало мои моленья, потому что ангелъ и святая Дѣва радуютъ меня своимъ явленіемъ и своимъ чистымъ со мной общеніемъ. Развѣ ты, Симонъ, не боролся также съ грѣхомъ, ранѣе чѣмъ достигъ святости, которой нынѣ сіяешь? Будь снисходителенъ ко мнѣ ради моей юности и позволь мнѣ остаться здѣсь вблизи тебя, чтобы твоимъ примѣромъ подкрѣпляться и подвизаться.

— Само небо говоритъ тебѣ, возразилъ аскетъ. — По моей молитвѣ отверзло оно уста. Громъ тебѣ въ уши прогремѣлъ, чтобы ты убирался прочь отсюда, и молнія грозно предвѣщала тебѣ, что разобьетъ тебя, если ты еще будешь осквернять это мѣсто. Чего тебѣ тутъ надобно?

— Я уже объяснялъ тебѣ, досточтимый отецъ. Не сердись же болѣе.

— А, я отлично понимаю, что ты замышляешь. Ты подосланъ сюда своимъ проклятымъ отцомъ, чтобы заставить меня умереть отъ голода и жажды. О, я уже теперь ужасно голоденъ, почти со стономъ въ голосѣ произнесъ Симонъ; — благочестивые и щедрые милостивцы забыли старика, чтобы зѣвать на молодого. Никто уже не утоляетъ болѣе ни моего голода, ни моей жажды. Всѣ идутъ къ тебѣ. А, горе тебѣ, Филиппъ!..

— Твои жалобы несправедливы, отецъ Симонъ. Я вполнѣ довольствуюсь кускомъ хлѣба, а воду, которую я пью, я самъ приношу себѣ изъ источника.

— Тебя называютъ святымъ, продолжалъ Симонъ шипящимъ голосомъ.—Слышалъ ты, что тебя зовутъ святымъ?

— Да, отвѣтилъ Клеменсъ, — и я съ Божьей помощью хочу стать достойнымъ этого высокаго названія.

— Но я говорю тебѣ: прочь отсюда! Слышишь! Сейчасъ же убирайся отсюда вонъ и не показывайся никогда больше. Ночь эта грозна и опасна, Филиппъ. Небо еще не уняло свои молніи. Берегись моего проклятья и моихъ когтей. Вотъ этими самыми руками я задушилъ Павла. О, онѣ отлично умѣютъ сдавливать горло. Остерегись же за свое!

— Боже мой, что ты говоришь? Ты безумствуешь, Симонъ. Кого, говоришь, ты задушилъ?

— Lama ragschu gojim... это были послѣднія слова Павла. Я не забуду ихъ никогда. Онъ сидѣлъ въ башенной комнатѣ и читалъ свои любимые псалмы Давида, когда я прокрался къ нему и

задушилъ его. Это было угодное Богу дѣло, и оно въ книгѣ живота связано навѣкъ съ моимъ именемъ. Дома рогину гонимъ. Зналъ ли ты Павла? Нѣтъ, нѣтъ, ты не могъ его знать. Ты былъ тогда еще ребенкомъ. Еретическій патріархъ голодалъ уже шестыя сутки, когда пришло повелѣніе умертвить его. Того хотѣлъ Македоній и того же желалъ императоръ. Македоній обѣщалъ мнѣ небесное блаженство, а сына моего Петра обѣщалъ вывести въ большіе люди, если я это сдѣлаю. Теперь я—святой, а сынъ мой—епископъ. Я не питалъ никакой ненависти къ Павлу, но тебя, Филиппъ, я ненавижу, потому что ты неблагодарный, завистливый и нѣронравный сынъ. Въ послѣдній разъ говорю тебѣ: убирайся отсюда или берегись моихъ когтей! На, вотъ попробуй, какъ они умѣютъ душить!

Симонъ бросился на Клеменса, вытянулъ свои длинныя, худыя руки и его костлявые, почти черные пальцы охватили горло Клеменса. Юноша напрягъ свои силы, чтобы освободиться изъ когтей старика. Но тщетно. Руки и пальцы Симона были какъ изъ желѣза. Онъ не выпускалъ своей жертвы. Глаза его, загорѣвшіеся безуміемъ, казалось, метали искры.

— Клянись же мнѣ, мальчишка, шипѣлъ онъ,—уйти отсюда... навсегда... или я задушу тебя.

Опасаясь за свою жизнь, Клеменсъ готовъ былъ произнести требуемую клятву, но не могъ этого сдѣлать. Онъ чувствовалъ, что задыхается. Ужасъ придалъ ему на мгновеніе силы, такъ что ему удалось подняться со своей постели изо мха, на которой онъ сидѣлъ во время этого происшествія. Онъ захватилъ одной рукой разъяреннаго старика за его длинную, всклоченную бороду, а другой инстинктивно потянулся къ глазамъ своего врага, чтобы ослѣпить его.

Симонъ издалъ крикъ, похожій на ревъ раненаго звѣря. Руки его высвободили добычу. Клеменсъ выцарапалъ ему одинъ глазъ. Вслѣдъ затѣмъ они въ жестокой борьбѣ оба упали на землю.

Силы оставили Клеменса. Симонъ навалился на него и, вновь схвативъ своими длинными когтистыми пальцами его шею, началъ его душить. Клеменсъ потерялъ сознаніе.

Все это происшествіе заняло едва нѣсколько секундъ. Въ послѣднюю минуту Хризанфъ бросился на помощь сыну. Ему съ большимъ трудомъ удалось освободить Клеменса изъ рукъ аскета. Симонъ издалъ неистовый крикъ, когда онъ узналъ своего новаго противника. Онъ выпрямился на своихъ изуродованныхъ постоянными колѣнопреклоненіями ногахъ. Кровь струилась изъ его выцарапаннаго глаза.

Теперь завязалась упорная и долгая борьба между Хризанфомъ и аскетомъ, причемъ этотъ послѣдній проявлялъ страшную силу изступленнаго отъ бѣшенства безумца.

Лампада опрокинулась и оба борющіеся очутились въ совершенныхъ потемкахъ въ этомъ тѣсномъ и неудобномъ для борьбы мѣстѣ. Хризанфу посчастливилось перенести борьбу изъ грота на поле передъ нимъ и здѣсь, благодаря развитой гимнастическими упражненіями въ юности силѣ, одержать побѣду. Но побѣда не была окончательной, пока Симонъ могъ еще двигать своими чле-

нами. Все его вниманіе во-время борьбы было направлено къ тому, чтобы схватить своего противника за горло, и ему это удалось-таки сдѣлать, но Хризанфъ въ это время окончательно притиснулъ его къ городской стѣнѣ и изо всей силы ударилъ головой о камень.

Симонъ окровавленнымъ трупомъ упалъ къ его ногамъ.

Между тѣмъ Клеменсъ впродолженіе этой борьбы успѣлъ придти въ чувство. Когда Хризанфъ съ крупными каплями пота на лбу отвернулся отъ убитаго, то онъ замѣтилъ бѣлый хитонъ юноши, развѣваемый вѣтромъ у входа въ пещеру. Дрожа отъ ужаса, совершенно ошеломленный, Клеменсъ безмолвно смотрѣлъ на происходившую около него отчаянную борьбу двухъ неясно впотьмахъ отличаемыхъ существъ, принявшихъ въ его испуганномъ воображеніи исполинскій и чудовищный видъ.

Дикій хохотъ и крикъ *лома рогиу гоимъ*, который издалъ разъяренный столпникъ, когда ему удалось схватить своего противника за горло, убѣдилъ Клеменса, что одинъ изъ борющихся былъ Симонъ, и тутъ ему сразу пришло на память все происшедшее въ гротѣ, а боль, которую онъ продолжалъ еще чувствовать въ горлѣ, ясно напомнила ему о той опасности, которой онъ только что избѣжалъ. Отъ страха у него застыла въ жилахъ кровь. Мракъ не позволялъ ему узнать своего спасителя и, когда борьба окончилась и одинъ изъ боровшихся приблизился къ нему, онъ не зналъ, былъ ли то Симонъ или его спаситель. Сознаніе его прояснилось, но лишь на одно мгновенье, чтобы затѣмъ померкнуть опять. Когда Хризанфъ взялъ его за руку, онъ испуганно крикнулъ и попятился назадъ.

— Филиппъ, сказалъ Хризанфъ;—это я, твой отецъ. Не пугайся. Негодяй, покушавшійся убить тебя, наказанъ. Ступай же за мной отсюда!

Клеменсъ слышалъ повелѣніе, узналъ голосъ отца и повиновался. Онъ безпрекословно послѣдовалъ за Хризанфомъ, когда тотъ повелъ его за руку черезъ поле мимо колонны и черезъ Керамикъ къ дому на Триподской улицѣ. Но отвѣты, которые онъ дорогою давалъ на разспросы отца, ясно доказывали, что онъ находился въ разстроенномъ душевномъ состояніи.

И, увы, это уже не было временнымъ, преходящимъ состояніемъ. Происшествіе въ гротѣ послужило послѣднимъ ударомъ безъ того уже пошатнувшемуся сознанію юноши. Клеменсъ сошелъ съума.

На слѣдующій день, когда взошло солнце, Симонъ уже не привѣтствовалъ его со своей колонны, какъ дѣлалъ это раньше впродолженіе многихъ лѣтъ. Старикъ Батиллъ, проходя утромъ черезъ поле, увидѣлъ его лежащаго съ разбитой головой и съ окровавленнымъ лицомъ возлѣ городской стѣны. Онъ былъ мертвъ. Шуба, служившая при жизни одеждой столпнику, оказалась въ пещерѣ, излюбленной юнымъ анахоретомъ. На голомъ тѣлѣ Симона замѣтенъ былъ длинный и глубокій шрамъ, шедшій вдоль спины, происхожденіе котораго никто не пытался разъяснить. Это былъ слѣдъ отъ раскаленнаго желѣза, съ помощью котораго homoiusian'скій епископъ Петръ воскресилъ когда-то своего отца изъ мертвыхъ.

Вѣсть о несчастіи, происшедшемъ съ аскетомъ, съ невѣроятной быстротой разнеслась по городу. Всѣ терялись въ догадкахъ объ обстоятельствахъ его смерти. Въ особенности удивило всѣхъ то, что онъ не былъ найденъ лежащимъ у подножія колонны; тогда можно было бы предположить, что онъ упалъ съ колонны и разбилъ себѣ при паденіи голову. Теперь же все какъ бы указывало, что онъ ночью спустился съ колонны, подвергся нападенію со стороны неизвѣстнаго врага и былъ имъ убитъ послѣ упорной борьбы, слѣды которой были ясно замѣтны возлѣ грота на мокрой послѣ дождя землѣ. Однако, таинственность всего происшедшаго вскорѣ совершенно выяснилась. Хризанфъ не замедлилъ сообщить подлежащимъ властямъ о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла. Такимъ образомъ христіане узнали, что убійцей чтимаго ими святого былъ архиязычникъ. Обстоятельства, которыя онъ приводилъ въ оправданіе своего поступка, сочли вымышленными. Всѣхъ охватила ярость, не остановившаяся даже передъ страхомъ правительственнаго меча. Когда homoiusian'ское духовенство торжественно внесло въ городъ и понесло съ пышной церемоніей окровавленный трупъ по улицамъ къ собору, вокругъ носилокъ тѣснилась безчисленная толпа народа, оглашавшая воздухъ криками негодованія, гнѣва и угрозами архонту. Аѳины приняли тотъ же видъ, какъ во дни смерти Констанція. Послѣ полудня толпа штурмовала тюрьму, въ которой заключенъ былъ Петръ; двери были выломаны и узникъ, противъ его собственнаго желанія, былъ уведенъ изъ темницы народной толпой въ его домъ, который онъ тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ добровольно покинулъ, чтобы вновь отдаться въ руки правосудія.

Безпорядки приняли бы еще болѣе угрожающій характеръ, если бы Хризанфъ не поспѣшилъ потушить возстаніе силой. Опираясь на власть, предоставленную ему императоромъ, онъ отдалъ расположеннымъ въ Аѳинахъ войскамъ приказъ употребить съ безпощадной строгостью въ дѣло оружіе противъ бунтовщиковъ. Легіоны ворвались съ опущенными пиками въ волновавшуюся толпу и разсѣяли ее. Во многихъ мѣстахъ города пролита была кровь. До наступленія ночи спокойствіе въ городѣ уже было возстановлено, и множество христіанъ, задержанныхъ во время безпорядковъ, были отведены по тюрьмамъ, чтобы на слѣдующій же день быть судимыми, какъ бунтовщики противъ императорской власти.

При такихъ-то печальныхъ обстоятельствахъ наступилъ день, когда Хризанфъ долженъ былъ отпраздновать свадьбу своей дочери.

Кармидъ и Герміона добросовѣстно выполнили всѣ старинные обряды и священные обычаи, по которымъ заключали въ старину законный союзъ двухъ возлюбленныхъ. Они совмѣстно принесли жертву божеству, покровительствующему браку, Зевсу зиждителю, Герѣ и дѣвственницѣ Артемидѣ. Герміона обрѣзала себѣ волосы и возложила ихъ на алтарь богини мудрости. Эти церемоніи происходили, какъ то было принято, наканунѣ свадьбы.

Вечеромъ въ самый день свадьбы огромная толпа народа тѣснилась на Триподской улицѣ и площади передъ Акрополемъ, чтобы посмотрѣть свадебный поѣздъ, когда онъ долженъ былъ прослѣдовать изъ дома Хризанфа къ дому жениха, помѣщавшемуся у самаго

входа въ Пирейскую улицу. Оба эти дома были уже съ утра украшены друзьями жениха и невѣсты живой зеленью и цвѣтами.

Наконецъ, показался свадебный поѣздъ. Онъ открывался возкомъ, запряженнымъ бѣлыми лошадьми, въ которомъ помѣщалась невѣста, рядомъ съ нимфагогомъ или дружкой, молодымъ холостымъ пріятелемъ Карнида. Возокъ сопровождала цѣлая толпа людей, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ вѣнками на головахъ и съ факелами въ рукахъ. Между красивыми дѣвушками, подругами Герміоны, слѣдовавшими за возкомъ, особенно выдѣлялись Исмена и Вереника. Юноши, попарно шедшіе съ этими дѣвушками, большею частью были знатные иностранцы и ученики академіи или принадлежали къ такимъ родственнымъ и близкимъ Хризанфу или Карниду семействамъ, которыя, несмотря на общее нерасположеніе къ архонту, обязаны были по обычаю принять участіе въ торжествѣ.

Герміона была въ одѣяніи изъ виссона и пурпурной матеріи и по старинному обычаю подъ покрываломъ. Фата скрывала ея блѣдное лицо, благодаря чему на немъ нельзя было видѣть той тревоги, страданія и мрачнаго предчувствія, которыя оно выражало.

Далѣе за возкомъ шли музыканты, игравшіе на лидійскихъ флейтахъ самыя веселыя и живыя мелодіи.

Въ общемъ все это шествіе имѣло чрезвычайно торжественный видъ, но отнюдь не тотъ радостный, какой обыкновенно должны имѣть подобнаго рода событія.

Не слышно было столь обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ веселыхъ шутокъ юношей и дѣвушекъ. Въ толпѣ зрителей не раздавалось одобрительныхъ возгласовъ. Они хранили глубокое молчаніе. Передъ новобрачными не тѣснились друзья и подруги съ пожеланіями имъ счастья. Не бѣжали впереди празднично одѣтые мальчишки, бросавшіе по собственному побужденію передъ возкомъ цвѣты и осыпавшіе букетами жениха и невѣсту.

Какъ разъ въ то время, когда свадебный поѣздъ отъѣзжалъ отъ дома Хризанфа, произошло нѣчто такое, чего нельзя было не считать за дурное предзнаменованіе.

Въ одномъ изъ оконъ неожиданно показался полоумный Клеменсъ. Онъ украшенъ былъ по языческому обычаю по случаю торжественности минуты вѣнкомъ.

Громкимъ голосомъ произнесъ онъ слова, которыя близстоявшіе язычники должны были счесть за таинственное предвѣщаніе, а христіане узнали въ этихъ словахъ пророческое изреченіе св. Іоанна: «И свѣтъ свѣтильника уже не появится въ тебѣ; и голоса жениха и невѣсты не будетъ уже слышно въ тебѣ!.. Горе, горе тебѣ!»

Послѣ этихъ словъ блѣдное лицо исчезло. Многіе изъ приглашенныхъ на свадьбу слышали эти слова.

Когда поѣздъ подошелъ къ дому жениха, онъ былъ встрѣченъ женихомъ и его друзьями. Карнидъ, увѣнчанный и одѣтый въ пурпурную одежду, поднялъ и высадилъ изъ возка свою невѣсту, взялъ ее за руку и ввелъ черезъ порогъ своего дома.

Съ этого момента началось собственно празднество.

Оно продолжалось, по обыкновенію, далеко за полночь. Несчаст-

ное предсказаніе, подъ впечатлѣніемъ котораго поѣздъ тронулся съ дома невѣсты, тягостно отзывалось на общемъ настроеніи и среди гостей то и дѣло происходили шепотомъ разговоры о значеніи словъ полоумнаго юноши. Только одинъ Кармидъ казался радостнымъ и счастливымъ. Однако, старое вино, выпитое за ужиномъ, обратило вскорѣ рѣзвую шутку, она весело вспорхнула и стала кружить легкой бабочкой надъ увѣнчанными пирующими. Авлъ Домицій, замѣнявшій отца жениха, успѣшно поддерживалъ царившее теперь веселое настроеніе. Когда же раздались свадебныя пѣсни и музыка пригласила молодежь къ танцамъ и играмъ, мрачное предсказаніе было уже совершенно забыто; удовольствие сіяло на всѣхъ лицахъ, которыя не были, какъ у невѣсты, обречены на скрываніе подъ фатой.

Кармидъ сидѣлъ возлѣ Герміоны и нашептывалъ ей что-то, счастливый и влюбленный, когда подъ окнами неожиданно раздалась шумная и громкая музыка. Она сопровождалась пѣніемъ двухъ хоровъ звучныхъ, юныхъ голосовъ, мужского и женскаго, пѣвшихъ свадебную пѣснь въ честь новобрачныхъ.

То былъ Олимпіодоръ, Палладій и множество другихъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые любили собираться въ садахъ Эпикура и которые теперь такимъ образомъ пожелали проститься съ своимъ другомъ, промѣнявшимъ служеніе свободному Эроту на покорность его строгому брату Гименею. Пѣснь все сильнѣе росла и разливалась изъ устъ юношей и дѣвъ, оба хора слились вмѣстѣ, повторяя звучныя строфы, кончавшіяся каждая стихомъ:

«Гименъ, даруй счастье и радость! О, Гименей. Гименей!«.

Дѣвушки жаловались на вечернюю звѣзду, на этотъ ужасный никогда не меркнущій огонекъ, который вспыхнулъ послѣ Хаоса на небесномъ сводѣ. Потому что эта вечерняя звѣзда вырываетъ стыдливо дрожащую невѣсту изъ объятій матери и отдаетъ ее дерзкому и горячему юношѣ. Городъ, захваченный не знающимъ пощады непріятелемъ, заслуживаетъ ли онъ болѣе сожалѣнія, чѣмъ она? Такъ пѣли дѣвушки, но онѣ совсѣмъ не такъ были настроены, когда послѣ жалобы весело припѣвали:

«Гименъ, даруй счастье и радость! О, Гименей, Гименей!«

Хоръ юношей отвѣчалъ имъ, что нѣтъ болѣе чуднаго свѣточа, нежели вечерняя звѣзда, одинаково разливающая свой свѣтъ какъ для простыхъ земныхъ смертныхъ, такъ и для олимпійскихъ боговъ. Она освящаетъ то, что рѣшено родителями. Она щедро даритъ то, чего такъ жаждутъ влюбленные....

«Гименъ, даруй счастье и радость! О. Гименей, Гименей!»

— Сестры, вновь запѣли дѣвушки—вечерняя звѣзда отторгла изъ нашего круга одну изъ подругъ. Когда мы теперь весной станемъ рѣзвиться въ лѣсу и на поляхъ, срывая цвѣты, не будетъ между нами уже той, которую мы любили больше всѣхъ. Злой похититель увезъ ее. Тщетна была вся наша бдительность. Вечерняя звѣзда навела ночь, а ночь позволила подкрасться вору. Развѣ женихъ не тотъ же воръ, хотя его такъ не называютъ?

— Братья, звучалъ въ отвѣтъ хоръ юношей—пусть дѣвушки забавляются тѣмъ, что поддразниваютъ насъ притворными жалобами!

Въ дѣйствительности онѣ страстно желаютъ того, чего, какъ онѣ утверждаютъ, страшатся....

„Гименъ, даруй счастье и радость! О, Гименей, Гименей!“

Дѣвушки продолжали:—Всякій любитъ цвѣтокъ, растущій въ саду за высокой изгородью, гдѣ ему не угрожаетъ ни пасущійся вблизи ягненокъ, ни острый плугъ. Вѣтеръ ласкаетъ его, солнце согрѣваетъ, дождь его вскармливаетъ. Юноши и дѣвы стремятся къ нему, домогаются его. Но сорванный онъ увядаетъ и уже не привлекаетъ къ себѣ болѣе никого. Съ дѣвушкой случается то же, что и съ цвѣткомъ.

Юноши отвѣчали имъ:—Виноградная лоза, дико растущая на родной почвѣ, никогда не вытягивается къ небу и никогда не производитъ сочныя и сладкія грозди. Она стелется, словно прикованная къ землѣ. Но, когда она обовьется вокругъ могучаго вяза, тогда она становится люба и винограрарю и довольна собою сама. Не такъ ли и дѣва, какъ и эта лоза... Пойте же поэтому вмѣстѣ съ нами:

„Гименъ, даруй радость и счастье! О, Гименей, Гименей!“

И оба хора соединились въ одинъ и запѣли заключительную строфу: да здравствуютъ и насладятся счастьемъ женихъ и невѣста! Да благословитъ васъ прелестными дѣтьми покровительница юности. Киприда да укрѣпитъ вашу любовь и Зевсъ одаритъ васъ долгоденствіемъ и благополучіемъ. Такъ доброй же ночи, усните, но не забудьте по утру проснуться: съ утренней звѣздой и мы придемъ вновь....

Гименъ, даруй радость и счастье! О, Гименей, Гименей!...

Когда умолкло пѣніе, опять зазвучали лидійскія флейты и имъ аккомпанировали лиры и цитры.

Между многочисленными слушателями описанной выше серенады были также пресвитеръ Евфимій и раввинъ Іона.

Оба они пришли сюда съ особенными намѣреніями. Евфимій явился по порученію Петра и принесъ въ поясѣ письмо, которое онъ долженъ былъ съ наступленіемъ утра вручить Хризанфу.

Въ этомъ письмѣ было только нѣсколько строкъ. Петръ выражалъ благопожеланія новобрачнымъ и посылалъ свое благословеніе ихъ брачному союзу во имя христіанской церкви, къ которой уже неотторжимо и навѣки принадлежалъ Кармидъ, воспріявшій благодать путемъ крещенія; это поражающее извѣстіе ожидало Хризанфа на слѣдующій послѣ свадьбы день.

Раввинъ Іона пришелъ съ другой цѣлью, которую онъ намѣревался осуществить въ текущую ночь. Раввинъ заготовилъ и спряталъ подъ поясомъ хорошо отточенный кинжалъ, конецъ котораго къ тому же для вѣрности былъ отравленъ.

Съ самаго прихода свадебнаго поѣзда къ дому Кармида раввинъ впродолженіе всего вечера неотлучно находился здѣсь.

Теперь, когда смолкла серенада, онъ подошелъ къ самой входной двери въ домъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ человѣкъ съ еврейскими чертами лица; то былъ родственникъ раввина Іоны.

Человѣкъ этотъ былъ ювелиръ и его часто въ послѣдніе дни призывали къ Кармиду, который выбиралъ у него драгоцѣнныя

украшенія, чтобы подарить ихъ, по существовавшему въ богатомъ кругу обычаю, утромъ послѣ брачной ночи своей молодой женѣ.

Такимъ образомъ этотъ ювелиръ прекрасно зналъ внутреннее расположеніе дома и между прочимъ выпыталъ у юнаго слуги Кармида Александра мельчайшія подробности о всѣхъ ходахъ и выходахъ, которые могли бы понадобиться раввину Іонѣ для выполненія задуманнаго имъ плана.

Раввинъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, прислушивался къ веселому шуму свадебныхъ гостей и считалъ всѣхъ, кто изъ нихъ уходилъ.

Когда постепенно стихъ этотъ шумъ и съ новобрачными остались только наиболѣе близкіе родственники, раввинъ Іона неслышными шагами прокрался къ лѣстницѣ въ портикѣ.

Онъ совершенно точно разчиталъ время. Въ эту самую минуту торжественно вели Герміону въ брачную комнату, освѣщая ей путь двумя факелами; тамъ должны были произойти послѣднія церемоніи, передъ тѣмъ какъ ея подруги уложатъ ее въ брачную постель.

По установившемуся обычаю Кармидъ въ это самое время удалился въ особую комнату по другую сторону, гдѣ долженъ былъ совершать жертвенное воскуреніе въ честь Киприды, выжидая той минуты, когда уйдутъ отъ невѣсты ея дружки.

Со времени посѣщенія покойницкой Кармида непрестанно преслѣдовали блѣдные призраки Рахили и ея сына. Ночью они появлялись у его постели; днемъ стояли они неотразимо передъ его глазами еще болѣе рельефно, въ особенности когда онъ не бывалъ рядомъ съ Герміоной.

Въ настоящій вечеръ онъ, повидимому, не подвергался терзаніямъ. Боги, покровительствующіе любви и браку, изгнали, повидимому. со свадебнаго пира злыхъ фурій. Призракъ Рахили не могъ вынести свадебнаго веселья и потому держался поодаль.

У Кармида теперь было единственное желаніе: чтобы скорѣе ушли послѣдніе гости. Онъ жаждалъ остаться наединѣ со своей новобрачной. До него доносились изъ смежной съ опочивальной невѣсты комнаты шутки молодыхъ женщинъ съ Герміоной, которой онѣ, по обычаю, омывали ноги водой изъ священнаго источника Каллироя. Онъ невольно вспомнилъ, что долженъ исполнить благочестивый обычай и бросилъ нѣсколько благовонныхъ кореньевъ на жертвенный треножникъ, обратившись приэтомъ съ молитвой къ Кипридѣ, богинѣ любви.

Комната, въ которой онъ помѣщался, имѣла двѣ двери. Одна, бывшая теперь незапертой, вела въ опочивальню невѣсты, другая— на упомянутый выше балконъ.

Вниманіе Кармида привлекъ на мгновеніе непонятный шумъ, раздавшійся за стѣной снаружи. Онъ предположилъ, что кто-нибудь изъ гостей или домашней прислуги произвелъ этотъ шумъ, проходя по балкону. Но причина его была совершенно другая. То былъ раввинъ Іона, стукнувшій нечаянно въ дверь, когда хотѣлъ заглянуть въ комнату черезъ верхнюю ея рѣшетку.

Сейчасъ-же вслѣдъ затѣмъ неожиданно открылась дверь съ балкона въ опочивальню невѣсты, но такъ тихо, что Кармидъ не услышалъ бы, если бъ его взглядъ не былъ обращенъ какъ разъ по этому

направленію. Спальня невѣсты была слабо освѣщена прикрѣпленной къ потолку лампой. При ея свѣтѣ Кармидъ различилъ темный силуэтъ, беззвучно скользившій по полу прямо по направленію къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ.

Пораженный донельзя, онъ узналъ въ приближавшемся бывшаго нареченнаго Рахили, котораго онъ такъ часто видѣлъ въ домѣ Баруха. Раввинъ, однако, сильно измѣнился съ тѣхъ поръ и болѣе походилъ на таинственное видѣнье или духъ, чѣмъ на живого человѣка, въ особенности теперь, когда онъ приближался беззвучными шагами и свѣтъ отъ лампы падалъ на его блѣдное лицо, на которомъ изъ глубокихъ впадинъ пламенемъ горѣли глаза, устремленные въ упоръ на Кармида.

Раньше чѣмъ Кармидъ могъ бы произнести хоть одно слово, раввинъ успѣлъ уже совсѣмъ подойти къ нему и запереть за собой дверь въ комнату невѣсты.

— Кто это?.. Чего тебѣ здѣсь надо?

Этими словами быстро прервалъ тишину поблѣднѣвшій Кармидъ.

— Спроси, кто мы и что намъ здѣсь надобно, подавленнымъ голосомъ произнесъ раввинъ;—развѣ ты не замѣчаешь, что насъ здѣсь нѣсколько.

— Я узналъ тебя. Ты Іона, раввинъ. Что тебѣ угодно? Что заставило тебя прійти сюда и въ такое время?

— Не обращайся ко мнѣ одному, сказалъ Іона.—Ты хорошо долженъ видѣть, что я здѣсь не одинъ, а со мной пришли еще кое-кто.

Кармидъ, понявшій умыселъ раввина, раньше чѣмъ послѣдній даже успѣлъ его высказать, сдѣлалъ движеніе, чтобы броситься на него и сбить его съ ногъ на полъ.

Раввинъ отскочилъ и обнажилъ кинжалъ.

— Клинокъ отравленъ, сказалъ онъ.—Отъ малѣйшей даже царапины ты умрешь въ страшныхъ страданіяхъ, болѣе ужасныхъ, чѣмъ отъ бѣшенства. О, подлый обольститель, похитившій избранницу моей души, презрѣнный сынъ проклятаго и нечистаго племени, осмѣлившійся осквернить дочь избраннаго Богомъ народа, не ищи чаши смерти, я тебѣ подамъ ее. О, если бъ я только могъ бы дать тебѣ ее испить по каплѣ, чтобы стоять и любоваться твоими мученіями!

Кармидъ понялъ всю опасность своего положенія. Пока его врагъ произносилъ эти слова, онъ успѣлъ приблизиться къ двери, ведущей на балконъ. Онъ попробовалъ быстро ее открыть и спастись бѣгствомъ. Но ручка двери не поддавалась. Бѣгство ему, слѣдовательно, съ этой стороны было отрѣзано. Другую-же дверь прикрывалъ раввинъ, приближавшійся теперь къ Кармиду съ занесеннымъ надъ нимъ кинжаломъ. Превосходящему своего противника силой и ловкостью Кармиду не оставалось ничего болѣе, какъ попытаться вырвать изъ его рукъ кинжалъ; но грозное предостереженіе, что клинокъ отравленъ, лишило его рѣшимости и находчивости и заставляло держаться на приличномъ разстояніи.

Въ эту минуту со стороны комнаты невѣсты донеслись веселые голоса подружекъ, которыя, по совершеніи всѣхъ церемоній, тор-

жественно вели невѣсту въ украшенную цвѣтами и волнами виссона брачную постель. Губы раввина искривились злой улыбкой, которая какъ бы приглашала Кармида прислушаться къ тому, что происходило тамъ за дверью.

Но Кармидъ занятъ былъ мыслью о спасеніи. Звать на помощь было бы совершенно безполезно, потому что тогда тотчасъ-же наступила бы послѣдняя его минута. Онъ быстро схватился за массивный изъ бронзы и серебра треножникъ, чтобы имъ воспользоваться какъ щитомъ и орудіемъ защиты при первомъ нападеніи, пока не найдется какого-либо другого оборонительнаго средства.

Но непомѣрная тяжесть треножника, непосильная одному человѣку, не допускала, несмотря на невѣроятное напряженіе силы Кармида, воспользоваться имъ съ тою быстротой, которая была необходима въ данномъ случаѣ. Въ это самое мгновенье Іона по самую рукоятку всадилъ кинжалъ сквозь толстый хитонъ въ грудь Кармиду.

Отравленный клинокъ пронзилъ его въ самое сердце.

Онъ, не издавъ ни единаго звука, упалъ безъ признаковъ жизни на полъ, обагривъ его своей кровью.

Въ брачную спальню донесся глухой шумъ отъ паденія его тѣла. Черезъ мгновенье дверь открылась и женщины, остолбенѣвъ отъ ужаса, увидѣли, какъ мимо нихъ промелькнулъ кто-то, одѣтый въ длинный кафтанъ, съ черной бородой и съ ужаснымъ, обрызганнымъ кровью лицомъ, и быстро скрылся за противоположной дверью, ведущей на балконъ.

Герміона опомнилась первая. Она опрометью бросилась въ комнату, изъ которой выскочилъ неизвѣстный и гдѣ долженъ былъ находиться ея женихъ.

Но зрѣлище, представившееся тамъ ея глазамъ, заставило ее отшатнуться и упасть безъ чувствъ на руки подхватившихъ ее подругъ.

На крики женщинъ къ мѣсту происшествія прибѣжали Хризанфъ и еще остававшіеся гости.

Въ то время, когда они въ глубокомъ молчаніи собрались всѣ вокругъ окровавленнаго трупа, передъ домомъ Кармида остановилась опять группа его друзей и запѣла серенаду въ честь новобрачныхъ.

Раздались звуки музыки и пѣнія и опять донесся веселый старинный припѣвъ:

«Гименъ, даруй радость и счастье! О, Гименей, Гименей!»...

ГЛАВА XIII.

День спустя.

На слѣдующее, послѣ этой несчастной свадьбы, утро распространился чрезвычайный слухъ, быстро облетѣвшій изъ устъ въ уста весь городъ.

Всѣ шопотомъ передавали другъ другу, что скончался импера-

торъ. Онъ, какъ говорили, былъ убитъ въ битвѣ съ персами. Никто еще не рѣшался громко говорить объ этомъ событіи. Это было бы ужаснымъ преступленіемъ. Но тѣмъ не менѣе не было почти человѣка, до слуха котораго не долетѣла бы эта вѣсть.

Христіане охотно повѣрили извѣстію, потому что они съ давнихъ поръ только и ждали подобнаго конца жизни Юліана. Язычники не хотѣли ему вѣрить, потому что у нихъ, во всякомъ случаѣ, было не мало основаній опасаться въ случаѣ, если бъ слухъ этотъ оправдался.

Вѣсть эта къ тому-же сопровождалась самыми невѣроятными и удивительными прикрасами. Христіане увѣряли, что среди обратившихся въ бѣгство персидскихъ полчищъ вдругъ появился чудесный воинъ въ лучезарныхъ доспѣхахъ и что императоръ-язычникъ, преслѣдовавшій бѣгущаго непріятеля, былъ пораженъ огненнымъ копьемъ, брошеннымъ рукой этого невѣдомаго воина.

Слухъ добавлялъ, что римскіе легіоны провозгласили послѣ смерти Юліана міровымъ императоромъ простого легіонера, который былъ ревностнымъ христіаниномъ и принадлежалъ къ правовѣрному homoiusian'скому исповѣданію.

Ужасное, въ мракѣ таинственности совершившееся событіе, которымъ такъ печально закончилась свадьба Кармида и Герміоны, едва успѣло стать злободневной темой разговоровъ въ городѣ и обсуждаться на площадяхъ и улицахъ, какъ на смѣну ему явилось новое, болѣе важное извѣстіе, передъ которымъ смолкли всѣ разговоры о первомъ. Изъ Коринѳа прискакалъ къ ахейскому проконсулу курьеръ съ письмомъ съ театра военныхъ дѣйствій. Одновременно съ этимъ курьеромъ прибылъ посланецъ-священникъ съ письмомъ отъ патріарха Македонія къ содержащемуся подъ стражей аѳинскому homoiusian'скому епископу.

Часъ спустя передъ фронтомъ выстроившагося на площади аѳинскаго гарнизона показался верхомъ на конѣ Анней Домицій и здѣсь торжественно при большомъ стеченіи народа принесена была присяга новому императору Іовіану.

Восторженные крики христіанъ заглушали слова присяги солдатъ. Новый императоръ былъ христіанинъ и homoiusian'инъ. Это не подлежало уже болѣе никакому сомнѣнію.

Толпы христіанъ двинулись съ площади къ тюрьмѣ, въ которой заключенъ былъ Петръ, чтобы освободить его. Но, когда они подошли къ тюрьмѣ,—эта послѣдняя уже оказалась пустой. Городскія власти поторопились предупредить чернь и даровать свободу человѣку, ставшему теперь вдругъ опять могущественнымъ и вліятельнымъ.

Эти самыя власти не замедлили открыть двери темницы тѣмъ христіанамъ, которые были въ ней заключены за возмущеніе по случаю смерти Симона.

Вслѣдъ затѣмъ между христіанами, хотя далеко уже не съ такимъ живымъ интересомъ, передавалась вѣсть, стоявшая въ связи со смертью Юліана и провозглашеніемъ новаго императора, а именно, о томъ, что, несмотря на всѣ побѣды Юліана, Іовіанъ заключилъ совсѣмъ невыгодный миръ съ персами, уступивъ имъ обратно не

только всѣ завоеванныя побѣдоносными римскими войсками зем. но также и тѣ пять провинцій, которыя съ давнихъ поръ был покорены силою римскаго оружія и заселены римлянами, а равнымъ образомъ уступлены были варварамъ восточные укрѣпленные пункты, весьма важный городъ Нисобисъ, жители котораго тщетно на колѣняхъ молили императора разрѣшить имъ защищать свои стѣны отъ врага.

Такъ какъ новый императоръ былъ христіаниномъ, то даже и этотъ миръ прославленъ былъ не только какъ необходимый, но и какъ очень мудрый

Въ то самое утро, когда эти слухи достигли древняго града Аѳины Паллады, созвано было народное собраніе, на которое въ большомъ числѣ сошлись не только христіане, но и приверженцы стараго вѣроученія. Эти послѣдніе затаили свою печаль о кончинѣ Юліана; впрочемъ, для многихъ изъ нихъ эта скорбь умѣрялась сознаніемъ, что съ этой минуты уже навсегда рухнули вліяніе и могущество Хризанфа, и что нынѣ представляется удобный случай отомстить ему за всѣ тѣ обиды, которыя онъ причинилъ своей непоколебимой строгостью многимъ изъ наиболѣе почтенныхъ горожанъ. Послѣ того, какъ на собраніи окончательно выработана была программа торжественнаго празднованія въ Аѳинахъ восшествія на престолъ Іовіана, поднялся одинъ изъ противниковъ Хризанфа и возбудилъ вопросъ о неправильностяхъ, допущенныхъ при избраніи сего послѣдняго на должность перваго архонта. Народное собраніе объявило эти выборы незаконными и отрѣшило Хризанфа отъ занимаемой имъ должности.

Вѣсть объ этомъ постановленіи собранія получена была Хризанфомъ, когда онъ въ обществѣ убитой горемъ дочери, только что перенесшей жестокій ударъ судьбы, и въ обществѣ своего безумнаго сына распоряжался приготовленіями къ похоронамъ зятя. Онъ совсѣмъ безучастно отнесся къ этой новости, но, когда послы отъ собранія вышли, по щекѣ его скользнула слеза, вызванная не столько неблагодарностью аѳинянъ, какъ письмомъ, которое онъ держалъ въ своихъ рукахъ; письмо это было отъ Амміана Марцеллина и заключало описаніе смерти Юліана и отчетъ о его послѣднихъ предсмертныхъ часахъ.

Смерть юнаго героя была достойна его жизни. Во время кровопролитнаго сраженія, въ которомъ необъятныя полчища персидскихъ всадниковъ и цѣлыя линіи боевыхъ слоновъ долго и упорно противостояли римлянамъ. Юліанъ, сражавшійся въ самомъ жаркомъ мѣстѣ битвы, былъ раненъ метательнымъ копьемъ, проникшимъ между ребрами и вонзившимся въ легкія. Послѣ тщетнаго невѣроятнаго усилія вырвать смертоносное оружіе изъ раны онъ въ полномъ изнеможеніи упалъ съ лошади и выбылъ навсегда изъ строя борцовъ жизни.

Въ письмѣ своемъ Хризанфу очевидецъ послѣднихъ часовъ Юліана—Амміанъ Марцеллинъ описалъ его смерть въ тѣхъ-же трогательныхъ и торжественныхъ словахъ, въ которыхъ онъ впослѣдствіи изобразилъ кончину Юліана въ своей исторіи.

Когда отнесенный въ шатеръ Юліанъ очнулся отъ безсозна-

тельнаго состоянія, въ которомъ онъ находился вслѣдствіе сильной потери крови, онъ потребовалъ, чтобы ему привели его боевого коня и подали вооруженіе. Печальной обязанностью врача было увѣрить его, что рана смертельна и что ему осталось жить только немного часовъ. Онъ принялъ эту роковую вѣсть совершенно спокойно. Что произошло затѣмъ, очень напоминало послѣдній часъ Сократа. «Друзья и сотоварищи по оружію, сказалъ онъ философамъ и полководцамъ,. окружившимъ его постель, — природа взыскиваетъ съ меня мой долгъ и я охотно съ полнымъ сознаніемъ должника возвращаю его ей. Философія научила меня, что душа до тѣхъ поръ не вполнѣ еще счастлива, пока она, эта благороднѣйшая часть нашего существа. не освободится совершенно отъ тѣхъ узъ, которыя стѣсняютъ ея свободный полетъ. Божественная вѣра научила меня, что ранняя смерть часто бываетъ удѣломъ благочестивыхъ; какъ особенную милость боговъ принимаю я это рѣшеніе судьбы, такъ какъ оно ставитъ меня внѣ опасности посрамить жизнь, которую я до сихъ поръ старался сохранять безупречно вѣрной добродѣтели и мужеству. Приношу свою глубокую благодарность тому высшему существу, которое не допустило. чтобы я погибъ отъ жестокости тирана или кинжала заговорщиковъ или зачахъ бы на отвратительномъ одрѣ болѣзни, которое не отказало мнѣ въ возможности оставить землю на честномъ пути къ славѣ самымъ свѣтлымъ и почетнымъ образомъ».

Произнеся совершенно спокойнымъ голосомъ эти слова, онъ остатокъ своей жизни посвятилъ друзьямъ. Между ними у его постели не доставало лишь одного: полководца Анатолія. Когда онъ спросилъ, почему не пришелъ этотъ полководецъ принять его последнее прощаніе, ему объяснили, что Анатолій убитъ въ сраженіи. При этомъ извѣстіи на глазахъ умирающаго показались слезы, но онъ быстро овладѣлъ собою и мягко упрекнулъ присутствующихъ за то, что они поддаются несдержанной скорби при кончинѣ князя, которому вскорѣ суждено возсоединиться съ небесами.

Затѣмъ Юліанъ обернулся къ стоявшимъ вблизи философамъ Приску и Максиму [1]) и бесѣдовалъ съ ними о безсмертіи души до самой полночи, когда и отошелъ въ вѣчность.

Таково было описаніе смерти Юліана, сдѣланное его очевидцемъ.

Епископъ Петръ, взошедшій нѣсколько часовъ спустя послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы на проповѣдническую каѳедру въ соборѣ, чтобы вмѣстѣ съ собравшимися прихожанами вознести благодарствіе Богу за избавленіе и отозваніе съ земли врага христіанства,—этотъ самый Петръ приготовилъ уже совершенно другой разсказъ объ этомъ-же событіи. Началъ онъ съ того, что возвѣстилъ вѣрующимъ о полученномъ имъ ночью откровеніи о смерти Юліана; получено это откровеніе было въ тотъ самый часъ и черезъ того-же самаго ангела, чей огненный дротикъ повергъ на землю отступника. Поверженный Юліанъ схватился рукой за рану

[1]) Изъ нихъ второй, говорятъ, имѣлъ вліяніе на отреченіе Юліана отъ христіанства, за что и былъ приговоренъ къ смертной казни римскимъ проконсуломъ Фестомъ.

и, воздымая къ небу кровь свою, сказалъ съ мрачнымъ негодованіемъ: Галилеянинъ, ты побѣдилъ меня! Далѣе Петръ увѣрялъ, что отступникъ умеръ въ страшныхъ терзаніяхъ совѣсти, проклиналъ тотъ часъ, когда онъ отрекся отъ чистаго homoiusian'скаго вѣроученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишился возможности воспріять своей невѣрующей душой искупленіе, обрѣтенное заслугами Христа. Въ заключеніе епископъ сообщилъ въ назиданіе всѣмъ собравшимся въ соборѣ, что стража, стоявшая ночью вокругъ шатра императора, собственными глазами видѣла, какъ дьяволъ вылетѣлъ оттуда, держа его душу въ своихъ страшныхъ когтяхъ.

Еще болѣе чудеснымъ представлялось то, что Петръ сообщилъ тогда-же свѣдѣнія, которыя по преданію принесены были изъ Азіи императорскими агентами. Землетрясеніе, сопровождавшееся ужаснымъ вихремъ и пламенемъ, разрушило до основанія вновь воздвигаемый Іерусалимскій храмъ, и огненные шары, отъ времени до времени вырывавшіеся изъ-подъ земли, разсѣяли окончательно евреевъ, когда они упорно принялись вновь за постройку храма.

Въ правдивости этихъ событій увѣрялъ Петръ, а послѣ него то-же самое подтверждали Хрисостомъ, Амвросій и другіе христіанскіе писатели. Никто изъ прихожанъ, разумѣется, нисколько не усомнился въ словахъ Петра. Только аѳинскіе евреи осмѣливались дѣлать слабую попытку возражать противъ истинности подобныхъ сообщеній, основываясь на свидѣтельствѣ очевидцевъ, которымъ ничего не было извѣстно о какомъ-либо землетрясеніи, и которые утверждали только то, что при первомъ-же извѣстіи о кончинѣ Юліана христіанское населеніе поднялось и воспрепятствовало евреямъ продолжать начатую ими работу.

Приготовленія къ похоронамъ Кармида были въ тотъ-же вечеръ разстроены Петромъ, который приказалъ оповѣстить Хризанфа, что его зять, какъ членъ христіанской церкви, долженъ быть преданъ землѣ по христіанскому обычаю. Петръ передъ тѣмъ представилъ проконсулу Ахеи свидѣтельство отъ двухъ священниковъ, а также выписку изъ книги о крестившихся, подтвердившія правильность его заявленія. Въ сопровожденіи подчиненнаго ему духовенства торжественно направился епископъ къ дому покойнаго, заставили выдать имъ его тѣло и отнесли его, сопровождаемые огромной массой народа, при свѣтѣ факеловъ къ церковной оградѣ, гдѣ и предали его землѣ согласно христіанскому чину погребенія

Неожиданное открытіе, что Кармидъ былъ втайнѣ обращенъ въ христіанство, возбудило чрезвычайное волненіе въ Аѳинахъ и злые языки не преминули поставить это обстоятельство въ связь съ его таинственной смертью въ самый день свадьбы. Несмотря на очевидную неправдоподобность, тѣмъ не менѣе между христіанами шепотомъ передавалась вѣсть, которой многіе охотно вѣрили, что виновникомъ смерти Кармида былъ никто иной, какъ Хризанфъ, который, узнавъ въ самый день свадьбы, что его будущій зять былъ христіаниномъ, и желая порвать узы и покарать за коварство, нанялъ убійцу, впустилъ его въ свой домъ и указалъ ему часъ, когда должно и могло быть совершено убійство.

Уже вечеромъ въ тотъ-же день, когда въ Аѳинахъ получено

былю извѣстіе о смерти Юліана, народная толпа пришла въ движеніе и, устремившись къ дворцу проконсула, стала шумно требовать, чтобы Хризанфъ былъ арестованъ, какъ убійца Кармида и Симона.

Сумасшедшій Клеменсъ вмѣстѣ съ другими священниками находился во главѣ этой толпы, требовавшей смерти его отца.

Въ то время, когда христіанское населеніе высказывало такимъ образомъ свое желаніе, епископъ Петръ уже успѣлъ явиться къ ахейскому проконсулу и домогался, чтобы Хризанфъ былъ взятъ подъ стражу, потому что онъ, какъ самъ въ томъ признавался, убилъ благочестиваго аскета. Анней Домицій нашелъ это требованіе не лишеннымъ основанія и не могъ отказать въ своемъ на то согласіи.

Тѣмъ не менѣе проконсулъ рѣшилъ отложить арестованіе до слѣдующаго дня, чтобы успѣть предостеречь Хризанфа и дать ему возможность бѣжать. Къ этому предостереженію присоединились и нѣкоторые изъ оставшихся вѣрными друзей архонта, которые не могли не видѣть, въ какой онъ находится опасности. Но еще ранѣе ихъ въ траурно-убранномъ домѣ на Триподской улицѣ побывалъ Ѳеодоръ, которому самому угрожала не меньшая опасность отъ homoiusian'скаго духовенства, и уговаривалъ Хризанфа подумать о своей безопасности. Ѳеодоръ предполагалъ въ ту-же ночь уѣхать къ своимъ друзьямъ, къ христіанамъ донатистамъ и новотіанцамъ, которые благодаря особой заботливости Хризанфа получили возможность поселиться по гористому Суніонскому тракту. Вотъ туда-то уговаривалъ Ѳеодоръ Хризанфа и Герміону отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Тамъ они были бы невдалекѣ отъ Аѳинъ и могли бы возвратиться, когда угодно, если бы представился къ тому удобный случай, или бѣжать моремъ въ другія страны, если горы Суніона не въ состояніи были бы долѣе служить имъ убѣжищемъ.

Бѣгство было рѣшено и въ ту-же самую ночь Хризанфъ съ Герміоной въ сопровожденіи Ѳеодора и вѣрныхъ слугъ покинули Аѳины.

ГЛАВА XIV.

Въ Суніонѣ.

Хризанфъ и Герміона осень и зиму провели въ горныхъ ущельяхъ, заселенныхъ новотіанцами и донатистами. Эти христіане, признавшіе въ Хризанфѣ своего благодѣтеля, заботамъ котораго они обязаны были своимъ новымъ земнымъ процвѣтаніемъ, съ признательностью и радостью приняли его съ дочерью и предложили имъ убѣжище въ своихъ горахъ.

Вскорѣ послѣ извѣстія о провозглашеніи Іовіана императоромъ, до слуха донатистовъ дошло успокоительное распоряженіе новаго христіанскаго императора, объявлявшее оффиціально неограниченную свободу совѣсти и исповѣданія. Это повелѣніе, однако, не давало никакой гарантіи Хризанфу противъ тѣхъ обвиненій, которыя возбуждены были противъ него въ Аѳинахъ. Единственной защитой для него могли быть полная неизвѣстность о его мѣстѣ пребыванія

и вѣрная преданность ему его окружавшихъ. Епископу-же Петру тѣмъ болѣе никакъ не могло прійти на умъ, чтобы Хризанфъ скрывался такъ близко отъ Аѳинъ.

Единственными посторонними лицами, появлявшимися до сихъ поръ въ горныхъ ущельяхъ Суніона, были императорскіе посланцы, но и тѣ торопились удалиться отсюда, едва лишь успѣвъ исполнить свою служебную обязанность, иначе говоря, выжавъ съ нопоселенцевъ всю звонкую монету въ обмѣнъ на ихъ-же скотъ и жито, по заблужденію принимая ихъ поселеніе за отдѣльный округъ.

Если бы Ѳеодоръ, дѣлившій время между своей общиной въ Аѳинахъ и друзьями въ Суніонѣ, не поддерживалъ постоянныхъ сношеній съ Аѳинами, а черезъ посредство Аѳинъ и со всѣмъ остальнымъ міромъ, то Хризанфъ и Герміона ничего не знали бы въ своемъ безвѣстномъ убѣжищѣ о тѣхъ событіяхъ, которыя волновали вокругъ нихъ весь міръ.

Такимъ образомъ черезъ Ѳеодора только услышалъ Хризанфъ, что Іовіанъ скончался, не успѣвъ еще на обратномъ пути изъ Персіи достигнуть столицы своей державы, а также что восточными войсками былъ провозглашенъ и признанъ сенатомъ императоромъ Валентиніанъ.

Валентиніанъ, вскорѣ послѣ своего воцаренія, призвалъ своего брата Валента въ соправители и раздѣлилъ съ нимъ власть и римскую имперію такимъ образомъ, что этотъ послѣдній сталъ государемъ восточной части имперіи и Греціи.

Вскорѣ послѣ того, какъ Ѳеодоръ принесъ въ Суніонъ это извѣстіе, онъ бѣжалъ окончательно къ своимъ новатіанскимъ единовѣрцамъ и поселился среди нихъ, потому что пребываніе въ Аѳинахъ опять стало для него опаснымъ. Епископъ Петръ и homoiusian'ское духовенство вновь пріобрѣли прежнюю власть и проявляли ту-же крайнюю нетерпимость; даже носился слухъ, что уже начались во многихъ восточныхъ мѣстностяхъ преслѣдованія противъ несогласныхъ съ homoiusian'ами христіанскихъ общинъ и что этимъ преслѣдованіямъ благопріятствовалъ самъ жестокій Валентъ, бывшій ревностнымъ homoiusian'яномъ.

Благодаря стараніямъ и присущему Герміонѣ чувству красоты, небольшая усадебка, въ которой поселился съ нею Хризанфъ, обратилась вскорѣ въ уютный домъ, гдѣ ничто не говорило о богатствѣ и роскоши, но все обнаруживало большой вкусъ и изящество. Въ полдень домикъ этотъ прятался въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ; отъ залива онъ отдѣлялся садомъ, въ которомъ наряду съ полезными для домашняго хозяйства растеніями красовались самые прелестные изъ растущихъ въ этой странѣ цвѣты. Стѣны въ домѣ Хризанфа были обиты обоями, сотканными Герміоной, и къ убогому домашнему скарбу, изготовленному новопоселенцами, присоединились книги и цитра, доставленныя Ѳеодоромъ изъ Аѳинъ и напоминавшія хоть немного о домѣ на Триподской улицѣ.

Ѳеодоръ выбралъ себѣ жилище вблизи дома Хризанфа, въ ущельѣ двухъ смежныхъ горъ, откуда открывался прекрасный видъ на зеленѣющую долину, пестрѣвшую тамъ и сямъ утопавшими въ зелени деревъ домиками новопоселенцевъ; въ противоположномъ концѣ долины видны были ихъ пасущіяся многочисленныя стада.

Былъ прекрасный весенній вечеръ. Часть поселенцевъ собралась у Хризанфа, чтобы обсудить съ нимъ различные вопросы, касавшіеся дѣлъ ихъ общины; Герміона-же вышла прогуляться и встрѣтилась случайно съ Өеодоромъ.

Ихъ разговоръ, какъ почти всегда, когда они оставались вдвоемъ, коснулся религіи. Өеодоръ тотчасъ-же принялся за дѣло обращенія ее въ христіанство, съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, что его убѣжденія имѣли, повидимому, замѣтный успѣхъ у дочери философа. Мысли Герміоны еще болѣе обратились ко всему отвлеченному съ тѣхъ поръ, какъ она схоронила всѣ свои земныя надежды.

Въ минуты такого душевнаго настроенія евангеліе становилось для нея книгой, отъ которой Платонъ и Порфирій отличались, какъ ночь отъ свѣтлаго дня; и чтеніе этой книги производило тѣмъ большее на нее впечатлѣніе, что никакое предвзятое, внушенное предварительнымъ изученіемъ мнѣніе о существѣ Христа не мѣшало и не ослабляло этого впечатлѣнія. Ей нуженъ былъ примѣръ въ страданіи и она нашла его здѣсь, но не нашла бы, если бы Христосъ для нея уже былъ самимъ Господомъ, сознающимъ свое высокое призваніе непогрѣшимо свершить дѣло искупленія, принявъ временное страданіе.

Размышляя о жизни Христа, Герміона научилась тому, что можно любить, не находя ни въ одномъ сердцѣ отвѣта на эту любовь, не находя даже сердца, которое бы поняло проявленіе этой любви; она научилась тому, какъ можно страдать, чтобы въ самыхъ этихъ страданіяхъ черпать себѣ силы и ими-же совершенствоваться.

Она признавалась самой себѣ и Өеодору, что только размышленія на темы, почерпнутыя изъ евангелія, поддерживали ее въ тѣхъ тяжкихъ испытаніяхъ, которыя постигли ее втеченіе ближайшаго минувшаго времени.

— Такъ будь-же въ такомъ случаѣ послѣдовательницей Христа, совѣтовалъ Өеодоръ.

Это требованіе Өеодора выжало изъ глазъ Герміоны слезы. Она подумала объ огорченіи, которое причинило бы Хризанфу исполненіе подобнаго требованія.

Разговоръ ихъ внезапно былъ прерванъ третьимъ лицомъ, неожиданно появившимся возлѣ нихъ. Герміона и Өеодоръ сидѣли на скамейкѣ, расположенной у подножья холма и совершенно укрытой густой весенней листвой, помѣшавшей имъ во-время замѣтить этого человѣка, бывшаго такимъ образомъ случайнымъ свидѣтелемъ ихъ разговора и признавшаго теперь для себя болѣе удобнымъ выступить впередъ.

Онъ былъ одѣтъ въ грубое священническое одѣяніе, въ деревянныя на гвоздяхъ сандаліи, съ огромнымъ посохомъ въ рукѣ.

Человѣкъ этотъ былъ Евфимій. Его появленіе непріятно поразило Өеодора, тогда какъ Евфимію, напротивъ того, эта неожиданная встрѣча, повидимому, доставила большое удовольствіе.

— Что привело тебя сюда, братъ? спросилъ Өеодоръ, торопливо поднявшись и направившись навстрѣчу къ пресвитеру, чтобы отвлечь его вниманіе отъ Герміоны.

Евфимій, казалось, не обратилъ на нее вниманіе и даже не узналъ ее. Онъ отвѣтилъ:

— Будь здоровъ, Θеодоръ! Ты, конечно, не мало пораженъ, видя меня здѣсь, а я не менѣе удивленъ тѣмъ, что нашелъ-ты въ этомъ лабиринтѣ горныхъ ущелій правильную дорогу, приведшую меня прямо къ тебѣ, братъ Θеодоръ. Развѣ не чудо содѣяло все это; благожелательные пастухи, которыхъ я встрѣтилъ въ горахъ, и народъ, обитающій по дорогѣ въ хижинахъ, своими добрыми указаніями и совѣтами направляли мой путь; отъ нихъ-то я узналъ, что здѣсь близко находится твое жилище, а вдругъ ты самъ тутъ какъ тутъ.

— Хорошо, слѣдуй теперь за мной въ мою хижину, позволь мнѣ тамъ омыть тебѣ ноги и предложить пообѣдать, сказалъ Θеодоръ.—Должно быть какое-нибудь важное порученіе заставляетъ тебя вооружиться этимъ странническимъ посохомъ. Мы, впрочемъ, объ этомъ успѣемъ потолковать послѣ того, какъ ты освѣжишься и отдохнешь подъ моей кровлей.

Евфимій принялъ предложеніе Θеодора и пошелъ за нимъ въ его жилище.

Пообѣдавъ съ хорошимъ аппетитомъ, возбужденнымъ путешествіемъ въ горахъ, черноволосый пресвитеръ засыпалъ Θеодора безконечными, утомительными, но сдѣланными въ самомъ дружелюбномъ тонѣ разспросами о положеніи и состояніи его общины, а затѣмъ заговорилъ, наконецъ, о дѣлѣ, по которому прибылъ.

Онъ опоясалъ чресла свои и взялъ въ руки посохъ для того, чтобы доставить брату Θеодору посланіе отца Петра. Посланіе это, въ формѣ письма, было при этихъ словахъ извлечено изъ дорожнаго узла и передано по адресу.

Петръ отечески уговаривалъ Θеодора вернуться въ Аθины, потому что его пребываніе среди отъявленныхъ и завѣдомыхъ еретиковъ можетъ набросить тѣнь на чистоту его правовѣрія, уже и безъ того заподозрѣнную. Если то правда, что слышалъ Петръ, а именно, что Θеодоръ не только пользуется гостепріимствомъ отступниковъ донатистовъ и новатіанцевъ для того, чтобы какъ-нибудь просуществовать, но что онъ исполняетъ даже въ ихъ общинѣ священническую должность, то это обстоятельство послужитъ еще вящшимъ противъ Θеодора доказательствомъ и ему трудно будетъ избѣжать навлеченія на себя временнаго и вѣчнаго проклятія. Но даже и въ этомъ случаѣ епископъ все-таки хотѣлъ оставить для него еще открытымъ путь къ спасенію, и съ этою цѣлью посылаетъ сына своего Евфимія, дабы онъ вывелъ Θеодора изъ горъ Суніона въ Аθины. Епископъ удостовѣрялъ, что онъ будетъ принятъ съ отеческой снисходительностью и что все прошлое предано будетъ забвенію, коль скоро Θеодоръ покается въ своемъ отпаденіи и проявитъ готовность отречься отъ своихъ заблужденій.

Далѣе письмо епископа содержало тяжкія обвиненія противъ новопоселка въ Суніонѣ. Близость его къ Аθинамъ постоянно угрожала безопасности города и его окрестностей, потому что новопоселенцы были не только еретиками, но также ворами, разбойниками и бунтовщиками, вѣдомыми еще съ тѣхъ поръ, когда они обитали

у Парнасса. Всѣ тѣ преступленія противъ личности и свободы, которыя такъ участились нынѣ въ Аттикѣ, приписываются ея жителями, разумѣется, безъ всякой предвзятой цѣли, этимъ чужеземцамъ; къ тому-же они подлежатъ обвиненію и въ томъ, что даютъ у себя пристанище всякаго рода укрывающимся преступникамъ и рабамъ, бѣжавшимъ отъ своихъ господъ.

Это не можетъ быть долгое время терпимо, и Петръ предвидитъ, что свѣтскія власти соединятся съ духовными, для того чтобы покарать преступныхъ и обратить на путь истины заблудшихъ.

Епископъ оканчивалъ свое письмо вторичнымъ убѣдительнѣйшимъ приглашеніемъ Ѳеодора возвратиться тотчасъ-же въ сопровожденіи брата Евфимія въ Аѳины.

— Итакъ, сказалъ Евфимій, когда Ѳеодоръ отложилъ въ сторону письмо,—какъ ты рѣшилъ?

— Братъ мой, завтра-же ты можешь возвратиться одинъ въ Аѳины. Мнѣ-же тамъ нечего дѣлать.

— О, братъ мой, подумай хорошенько, раньше чѣмъ ты предпримешь это рѣшеніе! со вздохомъ воскликнулъ Евфимій.—Увѣряю тебя, что епископъ желаетъ тебѣ счастья. Насколько глубоко скорбитъ онъ, что потерялъ тебя, настолько-же велика будетъ его радость увидѣть въ своихъ объятіяхъ возвратившагося блуднаго сына. Будь убѣжденъ, что не обойдется въ такомъ случаѣ и безъ откормленнаго тельца. Петръ всегда говоритъ, что ты былъ призванъ свершить нѣчто великое, Ѳеодоръ, что тѣ рѣдкія душевныя способности, тотъ даръ, которымъ одѣлилъ тебя Господь, будь они только хорошо направлены, создали бы изъ тебя перлъ въ его приходѣ. Если ты, Ѳеодоръ, послѣдуешь за мной, то тебя ожидаетъ блестящая будущность. Что я по сравненію съ тобою? Евфимій съ давнихъ поръ уже старшій пресвитеръ въ Аѳинской епархіи, и на большее не можетъ питать никакой надежды, а тѣмъ паче претендовать или требовать себѣ чего-либо иного? Но кто обладаетъ такими силами, какъ ты, тотъ обязанъ отмежевать себѣ достойный кругъ дѣятельности, въ которомъ онъ могъ бы въ полной мѣрѣ проявить себя. Братъ, ты предназначенъ быть епископомъ и будешь въ самомъ короткомъ времени, если пожелаешь того, облеченъ въ это достоинство. Я говорю все это не для того, чтобы раздуть въ тебѣ тщеславіе; нѣтъ, я скорѣе говорю это, дабы смягчить тебя, потому что до сихъ поръ ты лишь дѣлалъ все, чтобы воспользоваться во зло своими дарованіями и пренебречь своимъ счастьемъ.

— Оставь эти безполезныя уговариванья, сказалъ Ѳеодоръ. — У меня и здѣсь въ Суніонѣ имѣется благодатное поле дѣятельности, болѣе чѣмъ достаточное по моимъ силамъ. Но, однако, хотя лично я не пойду съ тобою въ Аѳины, тѣмъ не менѣе все-таки не откажи передать и отъ меня письмо Петру. Я долженъ буду привести доказательство тому, что новопоселенцы, напротивъ того, сдѣлали окрестности вполнѣ безопасными. Болѣе мирныхъ и послушныхъ закону людей, чѣмъ они, тебѣ не встрѣтить нигдѣ и раньше, чѣмъ покинуть насъ, ты долженъ будешь собственными глазами убѣдиться, что ихъ жилища вовсе не походятъ на разбойничьи вертепы, но на домашніе очаги трудящихся, скромныхъ и нравственныхъ посе-

лянъ. Да, это правда, что мы даемъ у себя пріютъ бѣглымъ рабамъ, а не выдаемъ ихъ господамъ, какъ то сдѣлалъ Павелъ съ Онисимомъ. Рабъ, какъ военноплѣнный, можетъ уйти, куда только онъ можетъ; безправный по отношенію къ своему господину, онъ также не имѣетъ по отношенію къ нему никакихъ обязанностей; но онъ зато имѣетъ обязанности въ отношеніи самого себя и себѣ подобныхъ и первѣйшая изъ этихъ обязанностей заключается въ томъ, чтобы свергнуть съ себя иго рабства. «Можешь ты быть свободнымъ, то лучше пользуйся этимъ», говоритъ самъ-же Павелъ.

— О, Боже мой, что за ученіе проводишь ты, братъ Өеодоръ! вздохнулъ Евфимій.—Но прими-же въ соображеніе, что наша церковь всегда и съ благодарностью принимаетъ рабовъ, завѣщанныхъ ей въ наслѣдство умирающими благочестивыми людьми, и что она охотно пріумножаетъ ихъ трудомъ свою земную сокровищницу!

— Ну, для меня это, сказалъ Өеодоръ, — совсѣмъ не доказательство справедливости и законности рабства. Ты забываешь, братъ мой, что я отрицаю самую церковь.

— Увы, это такъ, воскликнулъ Евфимій, съ печалью воздымая очи къ небесамъ.

— Ты повидимому, продолжалъ Өеодоръ,—совершенно незнакомъ со свѣтлыми воззрѣніями этихъ донатистовъ. Они вслѣдствіе перенесенныхъ страданій и преслѣдованій пришли на основаніи христіанскаго ученія къ такому рѣшенію, къ которому иначе никогда быть можетъ, не пришли бы. Они объявили произволъ, самовластіе и рабство безбожными установленіями.

— И ты, прервалъ Евфимій, — ты, Өеодоръ, одобряешь эти ужасныя заблужденія, ты раздѣляешь ихъ, мало того, ты являешься учителемъ этихъ людей?

— Они много спорили со мной и убѣдили меня, отвѣтилъ Өеодоръ.—Я бы желалъ, чтобы и Петръ пришелъ сюда для того, чтобы также оказаться убѣжденнымъ ими.

— Мнѣ вѣдомо, сказалъ Евфимій,—что донатисты въ Африкѣ начертали на своемъ знамени слова *равенство* и *братство*. Если такіе взгляды распространятся по свѣту, въ немъ все пойдетъ навыворотъ, вверхъ дномъ. И церковь тогда потеряетъ своихъ рабовъ... Нѣтъ, нѣтъ, это внушеніе дьявольское, идущее прямо въ разрѣзъ со священными писаніями, ибо Павелъ, какъ ты-же сказалъ, отослалъ-же Онисима къ его господину Филимону. Но, позволь-же теперь спросить тебя, какъ согласуешь ты подобныя воззрѣнія съ послушаніемъ закону, которое ты приписываешь твоимъ ягнятамъ?

— Моимъ ягнятамъ? Но эти овцы не мои. Я знаю одного лишь пастыря и этотъ пастырь Христосъ, я же не претендую и не смѣю претендовать на это званіе. Послушаніе порядку, установленному человѣкомъ, далеко еще не совершенно, братъ Евфимій, если оно не идетъ объ руку со стремленіемъ усовершенствовать этотъ порядокъ такимъ образомъ, чтобы онъ былъ, если это возможно, свободенъ отъ недостатковъ и носилъ на себѣ образъ божественнаго порядка. Наши взгляды на равенство и братство мы стремимся распространить тѣми-же кроткими средствами, какими пользовались

апостолы для распространенія прочихъ великихъ евангельскихъ истинъ: силою убѣжденія, которая должна дѣйствовать на другія убѣжденія-же. Мои братья въ Суніонѣ сложили оружіе насилія, какъ только это насиліе перестало вынуждать ихъ къ самозащитѣ... Но однако, Евфимій, уже давно наступилъ вечеръ и ты нуждаешься въ отдыхѣ. Завтра мы продолжимъ нашу бесѣду во время прогулки по горамъ, куда мы отправимся съ тобой для того, чтобы ты могъ видѣть наше благосостояніе. Да охранитъ насъ Всемогущій и да не допуститъ онъ, чтобы кто-либо пришелъ и разорилъ это наше благосостояніе.

— Ты правъ, я дѣйствительно очень усталъ отъ тяжелаго путешествія по горамъ. Скажи, пожалуйста, кто была та женщина, съ которой я встрѣтилъ тебя, братъ мой, разговаривающимъ?

— Дочь одного изъ моихъ сосѣдей.

— Я не видѣлъ ея лица, но слышалъ нѣсколько произнесенныхъ ею словъ и мнѣ показалось, что она прекрасно говоритъ по эллински. Такъ, значитъ, между этими выходцами изъ Африки и Азіи можно встрѣтить также и образованныхъ эллиновъ?

— Здѣсь можно встрѣтить людей самыхъ различныхъ классовъ и нарѣчій, отвѣтилъ Ѳеодоръ, проводя гостя въ одинъ изъ покоевъ своей хижины, который онъ и предоставилъ въ его распоряженіе для ночлега.

Часть наступившей ночи Ѳеодоръ провелъ за письмомъ къ Петру.

Рано утромъ, когда Евфимій еще спалъ, пошелъ онъ къ Хризанфу предупредить его и Герміону, чтобы они поостереглись попадаться безцѣльно на глаза Евфимію.

ГЛАВА XV.

Война въ Суніонѣ.

— Юліанъ, разумѣется, былъ великій полководецъ, говорилъ Анней Домицій своему другу Олимпіодору, въ то время, когда они возлежали у стола въ пышномъ шатрѣ, разбитомъ на одномъ изъ Суніонскихъ холмовъ среди обширнаго лагеря;—безспорно, онъ былъ полководцемъ, не уступающимъ Александру или Цезарю, но тѣмъ не менѣе онъ не понималъ одного основного положенія военнаго искусства.

— А именно—терпѣть отъ непріятеля пораженія, не теряя при этомъ добраго расположенія духа и хорошаго аппетита, замѣтилъ Олимпіодоръ.

— Ты не даешь мнѣ договорить, сказалъ Анней Домицій,—такъ что я вынужденъ буду зажать тебѣ ротъ кубкомъ добраго фалернскаго... Будь-же здоровъ, мой вѣрный другъ, мой бравый воитель Тиртей и мой собственный Гомеръ! Но между прочимъ, я вовсе не то хотѣлъ сказать, хотя и это также имѣетъ свое значеніе и не должно быть упущено изъ вниманія истиннымъ полководцемъ. Но я разумѣлъ ту часть военнаго искусства, которая

учить скрашивать тягости боевой жизни хорошимъ столомъ. Другъ мой, что скажешь ты объ этой вкусной рыбѣ? Не правда ли, она восхитительна?

— Божественна, клянусь Зевсомъ, а соусъ къ ней, какъ произведеніе искусства, стократъ великолѣпнѣе древняго храма Артемиды Эфесской.

— Что ты, Олимпіодоръ! Развѣ ты не знаешь, что только у древнихъ египтянъ существовалъ предразсудокъ называть рыбу божественной. Тебѣ бы слѣдовало оставить подобные предразсудки, въ особенности, когда сами египтяне уже давно ихъ оставили и обратились въ благочестивѣйшихъ христіанъ въ цѣломъ мірѣ. Мнѣ также очень не нравится, что ты еще клянешься именемъ стараго Зевса. Оставь старика въ покоѣ, онъ-то ужъ во всякомъ случаѣ давно отрекся отъ насъ и убѣжалъ къ гипербореямъ. Твои языческія клятвы оскорбляютъ мой слухъ, Олимпіодоръ. Ты забываешь, что я въ настоящее время не оглашенный только, а уже крещенъ и посвященъ во всѣ тайны моего вѣроисповѣданія. Моя благочестивая, благородная Евсебея, разсѣявъ мои послѣднія сомнѣнія, ввергла меня цѣликомъ съ руками и ногами въ объятья истины. Я не нахожу словъ, чтобы достаточно восхвалить Мойру и Гимена... т. е. я хочу сказать: чтобы достаточно проклинать Мойру и Гимена, а восхвалить Провидѣнье и всѣхъ святыхъ праведниковъ, даровавшихъ мнѣ такую жену. Теперь, другъ мой, продолжалъ проконсулъ, когда вошелъ слуга съ жареной птицей на серебряномъ блюдѣ,—теперь еще только кусочекъ жаркого и еще одинъ кубокъ фалернскаго, послѣ этого самый скромный дессертъ... мой лучшій пирожникъ, къ сожалѣнію, заболѣлъ отъ этихъ неудобствъ походной жизни... и затѣмъ ты не откажешься сопровождать меня при обозрѣніи аванпостовъ. Мой историкъ долженъ, вѣдь, всюду слѣдовать за мною. Олимпіодоръ, я надѣюсь, что ты захватилъ съ собой достаточно папируса, чтобы изобразить мои великія дѣянія?

— Хвали-же боговъ, сказалъ Олимпіодоръ,—или, если тебѣ угодно, своихъ святыхъ, что тебѣ посчастливилось получить себѣ столь несравненнаго историка, какъ аѳинянинъ Олимпіодоръ. Смотри вотъ, продолжалъ бывшій составитель эпиграммъ, а нынѣ лѣтописецъ, вытащивъ изъ дорожнаго мѣшка нѣсколько свертковъ бумаги,—покамѣстъ ты станешь уплетать свою птицу, которая, между нами сказать, нѣсколько жестковата, и будешь поджидать пирожковъ, я тебѣ прочту послѣднія, самыя свѣжія главы; въ нихъ описываются два послѣдніе дня военныхъ дѣйствій. Это, другъ мой, такая стряпня, которая можетъ только сравниться съ амброзіей боговъ. Слушай и наслаждайся!

— Нѣтъ, нѣтъ, только не сейчасъ, другъ мой. Что ты до сихъ поръ успѣлъ написать, это, разумѣется, только бѣглый набросокъ; saepe vertere stilum—говоримъ мы [1]), римляне. Я полагаю, что ты не успѣлъ еще отдѣлать свой *opus*.

— Ба, Олимпіодоръ никогда не снизойдетъ до подобнаго рода ремесленной работы. Его произведенія совершенны съ самаго момента ихъ появленія на свѣтъ и не нуждаются ни въ какихъ до-

[1]) Чаще переворачивай стилусъ, или—вырабатывай стиль.

ханкахъ для стирки. Краски Курція [1]), когда онъ описывалъ походъ Александра противъ Персіи, безъ сомнѣнія, покажутся блѣдными при сравненіи съ тѣми красками, которыми я разрисую походъ Аннея Домиція противъ Суніона. Древніе историки скорѣе ваяли, чѣмъ рисовали. Только мы и сумѣемъ придать исторіи всѣ краски неба и земли. Ты послушай-ка только, какъ я описываю походъ твоего войска, когда оно взбиралось на горы, отражая солнечное сіяніе въ своемъ вооруженіи, спускалось въ мрачные долы и разсыпалось тамъ отдѣльными лучами, протискиваясь черезъ горныя тѣснины и вновь соединяясь въ грозный боевой порядокъ. Послушай только дальше и поражайся, какъ описываю я минувшую ночь... Это была чудная ночь, другъ мой...

— Да, замѣчательно красивое зрѣлище, сказалъ Анней Домицій.

— Поразительное... Когда не имѣешь возможности, какъ Неронъ, доставить себѣ удовольствіе сжечь Римъ, чтобы видѣть, какъ пламя мірового города пылаетъ и лижетъ ночной небосводъ, тогда, право, не слѣдуетъ для этой цѣли пренебрегать даже селами и нивами замѣтилъ Олимпіодоръ.—Поистинѣ возвышающее душу зрѣлище представилось глазамъ, когда вспыхнули эти костры и запылали на вершинахъ горъ и въ глубинѣ долины. Я также очень живо описалъ эту картину въ разсказѣ о твоихъ дѣлахъ.

— Замѣть все-таки, какъ достовѣрный историкъ, что честь этихъ великолѣпныхъ пожарищъ принадлежитъ не мнѣ, а епископу Петру, сказалъ Анней Домицій.—Если бы это зависѣло отъ меня, то я бы оставилъ въ покоѣ села и нивы этой мятежной сволочи, потому что пустыня уже болѣе не будетъ приносить никакого дохода императору. Но я преклоняюсь передъ божественнымъ правосудіемъ, передъ которымъ должны смолкать всякаго рода человѣческіе расчеты. Бунтовщики, вѣдь, еретики, и Петръ знаетъ, что судъ Божій предшествуетъ суду императора.

— Обѣщаю тебѣ отмѣтить это, сказалъ Олимпіодоръ, складывая свертки бумагъ къ себѣ въ поясъ и принимаясь за дессертъ.—Но еще прекраснѣе было слѣдующее затѣмъ утро, когда при первыхъ лучахъ солнца показался боевой порядокъ мятежниковъ, расположенный на склонѣ горы, а позади темныхъ линій мужчинъ виднѣлись робкія толпы ихъ женщинъ и дѣтей. Я опредѣлилъ число вооруженныхъ мятежниковъ въ двадцать центурій или двѣ тысячи человѣкъ.

— Что ты болтаешь? прервалъ проконсулъ.—Двѣ тысячи человѣкъ? Какой-же ты послѣ того историкъ? Пиши пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, безумецъ! Тамъ было отнюдь не менѣе пятидесяти тысячъ. Вспомни, что Александръ одерживалъ побѣды не менѣе какъ надъ сотней тысячъ противниковъ въ каждомъ отдѣльномъ сраженіи. Но я скроменъ и довольствуюсь пятидесятью тысячъ.

— Я напишу десять тысячъ, сказалъ Олимпіодоръ.—Не забывай, что богиня исторіи требуетъ самой строгой правдивости. Ты, конечно, не пожелаешь, чтобы я вставилъ въ свою исторію такую нелѣпую ложь?

---

[1]) Историкъ Q. Curtius Rufus.

— Нѣтъ, нѣтъ, я желаю только самой строжайшей правды, мой другъ! Пиши десять тысячъ! Этого вполнѣ будетъ достаточно, тѣмъ болѣе, что у меня самого силъ не больше четырехъ тысячъ человѣкъ.

— Сраженіе, которое началось теперь, продолжалъ Олимпіодоръ,—описано мною такъ, какъ только можетъ описать непосредственный очевидецъ.

— Разумѣется, ты не забылъ ожесточеннаго сопротивленія противника...

— Ну, конечно.

— И тѣмъ паче его безпорядочнаго бѣгства послѣ понесеннаго на голову пораженія, усѣянное оружіемъ и тѣлами поле сраженія и т. д., сказалъ улыбаясь, Анней Домицій, наполняя кубокъ Олимпіодора.

— Другъ мой, отвѣтилъ бывшій сочинитель эпиграммъ, нынѣ лѣтописецъ.—нельзя-же въ одной главѣ сразу исчерпать всѣ бьющія по нервамъ и достойныя описанія событія военнаго похода. Я предполагаю сохранить это поголовное, дикое бѣгство непріятеля для другой главы, когда это дѣйствительно произойдетъ. На этотъ разъ я позволю непріятелю отступить въ полномъ порядкѣ. Болѣе того, мнѣ не позволяетъ мое правдолюбіе, потому что, собственно говоря, на самомъ-то дѣлѣ твои вѣдь войска... того... ну, да понимаешь меня.

— Окаянный попъ! проворчалъ Анней Домицій. — Это Петръ своимъ постояннымъ вмѣшиваньемъ къ планъ битвы и былъ причиной пораженія. Иначе я бы уничтожилъ непріятеля, несмотря на все искусство Хризанфа и на неприступность позиціи.

— Я нарисую, напротивъ того, чудно-красивую картину, продолжалъ самодовольно Олимпіодоръ. — И дѣйствительно, красивъ, увлекательно красивъ былъ въ сущности видъ, когда великолѣпная, окованная желѣзомъ конница, опрокинутая непріятелемъ, ринулась отъ него прямо въ болото, застряла тамъ и почти вся погибла подъ ударами камней, палицъ и дубинъ мятежниковъ. Болѣе восхитительной картины не видѣлъ никогда, даже въ блестящіе свои дни, римскій амфитеатръ... Съ этимъ ты долженъ согласиться, милѣйшій проконсулъ.

— Да, это правда, сказалъ Анней Домицій, глаза котораго заблестѣли удовольствіемъ при воспоминаніи объ этомъ кровавомъ происшествіи;—я едва удерживался, чтобы не захлопать въ ладоши и закричать: *bene, optime*... Я бы, можетъ быть, и сдѣлалъ это, еслибъ былъ, какъ ты, только лишь зрителемъ. Но, увы, я императорскій полководецъ, а вѣдь погибали именно императорскіе солдаты. И опять то былъ Петръ, отдавшій приказъ произвести это несчастное движеніе. Но я все-таки благодарю небеса, что это случилось, потому что, когда епископъ увидѣлъ этотъ печальный исходъ сраженія, онъ просилъ у меня прощенія и принялъ съ улыбкой стихъ, который я привелъ изъ Гомера:

Въ многовластіи нѣтъ добра; одинъ да будетъ властитель.

Надѣюсь, что съ этой минуты я буду уже распоряжаться одинъ.

— Но не поразительнымъ ли было, Анней, открытіемъ, что предводителемъ мятежниковъ былъ не кто иной, какъ нашъ старый

другъ Хризанфъ. Хризанфъ во главѣ толпы христіанъ-фанатиковъ! Это безподобно! Клянусь Зевсомъ, судьба положительно играетъ людьми.

— Не забудь, однако, отмѣтить въ твоемъ трудѣ, что Хризанфъ былъ учителемъ Юліана въ философіи и военномъ искусствѣ. Ты можешь прибавить, что Юліанъ признавалъ его своимъ учителемъ не только въ первомъ, но и во второмъ. Потомство оцѣнитъ по заслугамъ мои побѣды, одержанныя надъ подобнымъ человѣкомъ, который къ тому-же стоялъ во главѣ превосходящей силы фанатизированныхъ и привычныхъ къ войнѣ людей, защищавшихся въ горныхъ тѣснинахъ, менѣе доступныхъ, чѣмъ самая неприступная крѣпость. Но довольно, обратимся теперь къ чему-нибудь другому. Сегодня вечеромъ я жду своихъ ванныхъ прислужниковъ, сопровождающихъ въ лагерь особый шатеръ для купанья...

— Это прекрасно, дружище.

— И, когда мы возвратимся съ аванпостовъ, все, я думаю, будетъ уже готово для того, чтобы возобновить знакомство съ болѣе или менѣе сноснымъ купаньемъ. О, Коринеъ, какъ скучаю я о тебѣ и о твоихъ великолѣпныхъ термахъ. Жаль, что ихъ нельзя взять съ собою въ походъ... Ну, еще одну чашу! Въ память о Кармидѣ!

— За Кармида! Онъ за послѣднее время совсѣмъ остепенился и былъ какимъ-то скучнымъ. Но не потому, что... смерть все покрываетъ, хотя подобная смерть... Ну, да будетъ вѣчно благословенна его тѣнь!

— Выпьемъ-же также и за его прелестную вдову.

— Я взялся бы ее утѣшить, сказалъ Олимпіодоръ, — какъ только она попадетъ въ наши руки. Все зависитъ отъ твоей побѣды, мой благородный полководецъ. Такимъ образомъ, выпьемъ общую здравицу за тѣнь Кармида, за его вдову и за твою побѣду, которая да послужитъ прелюдіей къ моей собственной!

— Къ сожалѣнію, другъ мой, право, не стоитъ и стараться утѣшать вдову. Ея золотая прелесть на пути къ тому, чтобы ею овладѣлъ нѣкто другой...

— Что ты говоришь такое?

— Ея, такъ сказать, денежная прелесть, также какъ и не денежная, заключающаяся въ домѣ и садѣ при немъ, уже пріобрѣла вліятельнаго искателя, который гораздо достойнѣе тебя воспользоваться всѣмъ этимъ...

— Проконсулъ, не говори загадками! Сегодня я Давъ, а не Эдипъ. Что ты разумѣешь? Кто этотъ искатель ея руки?

— Церковь.

— Я не понимаю твой проклятый христіанскій жаргонъ. Кто эта церковь?

— Несчастный язычникъ, ты значитъ, и представленія не имѣешь о томъ, что выше и замѣчательнѣе всего на цѣлой землѣ.

— Такъ, значитъ, ты хочешь сказать объ Олимпѣ или Атлантѣ...

— Да нѣтъ же, нѣтъ, я разумѣю церковь. Но для того, чтобы выяснить тебѣ, что такое церковь, требуется, чтобы я вдался въ

теологическія разсужденія, касающіяся тайнъ нашей религіи. Но это, другъ мой, мнѣ не дозволено. Такимъ образомъ ты, слѣдовательно, такъ и не узнаешь, что такое эта церковь. Тебѣ, впрочемъ, вполнѣ достаточно знать, что не Герміона, а она, эта церковь, наслѣдуетъ все состояніе Хризанфа.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ центуріона, который, подойдя къ входу въ шатеръ, выслушалъ приказаніе своего военачальника и тотчасъ-же удалился.

Вслѣдъ затѣмъ Анней Домицій продолжалъ уже шопотомъ:

— Вижу, Олимпіодоръ, что ты тщетно стараешься разгадать мою загадку. А потому я самъ тебѣ ее нѣсколько разъясню. Видишь ли, у Хризанфа есть сынъ...

— Знаю... слабоумный, святой...

— Молчи, прошу не кощунствовать! Святой никогда не можетъ быть слабоумнымъ. Вполнѣ достаточно сказать *святой*: ты, какъ добрый риторъ, долженъ избѣгать плеоназма. И, такъ, въ виду того, что сынъ, а не дочь наслѣдуетъ отцу...

— Это зависитъ отъ завѣщанія Хризанфа, возразилъ свѣдущій въ законахъ Олимпіодоръ. — Если онъ пожелаетъ оставить часть своего состоянія дочери, то онъ воленъ это сдѣлать. Къ тому-же Герміона, если она выйдетъ замужъ, явится законной наслѣдницей послѣ своего брата, который, вѣроятнѣе всего, не женится и, что еще вѣроятнѣе, въ скоромъ времени промѣняетъ земное свое существованіе на христіанскій элизій.

— Правильно, замѣтилъ проконсулъ, — но ты, съ другой стороны, забываешь, что у Хризанфа есть и другой наслѣдникъ, имѣющій преимущественное передъ другими право...

— И этотъ наслѣдникъ?

— Государство, другъ мой; государство, имѣющее право конфисковать имущество государственнаго измѣнника, и оно уже давно поступило бы такимъ образомъ въ законномъ порядкѣ и съ Хризанфомъ, если бы только...

— Ахъ, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ! Я совершенно забылъ о государствѣ и государственной измѣнѣ...

— Если бы только, продолжалъ проконсулъ, — одинъ изъ наслѣдниковъ съ болѣе священнымъ правомъ не принудилъ государство оставаться въ бездѣйствіи...

— Кто-же этотъ наслѣдникъ? Я вижу, что здѣсь наслѣдники кишатъ, какъ муравьи въ муравейникѣ.

— Церковь, Олимпіодоръ.

— Какъ, опять церковь!

— Успокойся! Мы церковь оставимъ въ сторонѣ, а будемъ вмѣсто того говорить о ея радѣтелѣ и правопреемникѣ, уполномоченномъ въ данномъ дѣлѣ, а именно Петрѣ...

— О епископѣ?

— Да, о епископѣ и полководцѣ. Этотъ самый...

— Ну, въ такомъ случаѣ мнѣ остается только сказать прости всякой надеждѣ.

— Преемнику Македонія, патріарху Евдоксу, Петръ показалъ документъ, которымъ юный святитель Клеменсъ уступаетъ все со-

стояніе, которое наслѣдуетъ послѣ отца; въ пользу святой церкви, поручая Петру распорядиться этимъ состояніемъ къ пользѣ церкви по личному его усмотрѣнію. Евдоксъ, которому, безъ сомнѣнія, обѣщана была добрая доля добычи, далъ понять императору, нашему всемилостивѣйшему государю, что слѣдуетъ закрыть тотъ глазъ, который блюдетъ государственный интересъ, и взглянуть на дѣло, такъ сказать, односторонне, другимъ только глазомъ, который охраняетъ выгоду церкви. Достаточно этого, и вотъ церковь—или, вѣрнѣе, Петръ—и будетъ единственнымъ наслѣдникомъ Хризанфа.

— Ахъ, онъ мошенникъ! пробурчалъ Олимпіодоръ.—Но, однако же, очень грустно, что такое драгоцѣнное для аѳинянъ наслѣдственное состояніе—и какое еще къ тому же!—должно будетъ достаться въ руки совсѣмъ даже не философу, а остолопу, плебею, епископу. Наступаютъ, видно, послѣднія времена. Воды Девкаліона [1]) опять начинаютъ вздыматься. Пусть разразится потопъ, но не раньше, чѣмъ Олимпіодоръ обратится во прахъ!

Оба пріятеля встали изъ-за стола. Часъ, назначенный Аннеемъ Домиціемъ для отдыха и подкрѣпленія силъ, уже протекъ. Онъ надѣлъ на себя шлемъ и доспѣхи, опоясался мечомъ и вышелъ изъ шатра.

Вскорѣ окруженный трибунами и центуріонами, въ сопровожденіи своего вѣрнаго историка, онъ направлялся осмотрѣть аванпосты и непріятельское расположеніе.

Епископъ Петръ его сопровождалъ.

Въ тотъ-же самый вечеръ въ лагерь проконсула пришло довольно значительное подкрѣпленіе изъ свѣжихъ войскъ. Несмотря на то, что численность войскъ проконсула значительно превосходила боевыя силы еретиковъ, это подкрѣпленіе было встрѣчено съ восторгомъ; оно даже было необходимо, потому что духъ въ войскѣ замѣтно упалъ послѣ недавняго сраженія.

Только къ полночи возвратился проконсулъ въ свою главную квартиру. Онъ тотчасъ-же торопливо направился къ своему шатру-купальнѣ, прибывшему уже въ лагерь со всѣми рабами и принадлежностями, отдохнулъ послѣ того съ часъ времени, насладившись короткимъ сномъ, и на разсвѣтѣ былъ опять уже на конѣ и отдавалъ приказанія своимъ подчиненнымъ.

Рядомъ съ проконсуломъ находился верхомъ на мулѣ и также опоясанный мечомъ епископъ Петръ.

За епископомъ на подобнаго-же рода иноходцѣ ѣхалъ верхомъ въ качествѣ адъютанта черномазый Евфимій, хорошо укутавшись въ свой капюшонъ, потому что утро было холодное и сырой туманъ стелился по горѣ.

Войска стояли подъ оружіемъ. Они, часть за частью, начали расходиться по разнымъ дорогамъ и потянулись въ горы.

Анней Домицій рѣшилъ въ тотъ-же день сдѣлать новое наступленіе на новопоселенцевъ.

---

[1]) Когда Зевсъ истребилъ потопомъ преступный человѣческій родъ мѣднаго вѣка, одинъ только Девкаліонъ съ женою спасся на кораблѣ, построенномъ по указанію Прометея, и высадился черезъ 9 дней на горѣ Парнассѣ.

Когда вѣтеръ съ моря разсѣялъ утренній туманъ, оба войска уже расположились въ виду другъ друга.

Фронтъ новопоселянъ тянулся вдоль крутого горнаго ската, представлявшагося мѣстами въ видѣ отдѣльныхъ группъ недоступныхъ скалъ.

Ихъ лѣвое крыло упиралось въ море; на правомъ-же мѣстность образовывала плоскую покатость какъ разъ противъ узкой тѣснины, за которой расположены были императорскія войска.

На правомъ крылѣ, бывшемъ такимъ образомъ слабѣйшимъ мѣстомъ позиціи новатіанско-донатистскаго войска, было собрано главное зерно ихъ боевыхъ силъ. Ихъ строй, представлявшійся въ видѣ небольшихъ колоннъ съ большими между ними интервалами, на этомъ пунктѣ былъ усиленъ конницей въ числѣ не болѣе пятидесяти человѣкъ.

Чтобы усилить позицію на правомъ флангѣ, новопоселенцы навалили тамъ въ большомъ количествѣ срубленныя деревья и въ этой засѣкѣ, простиравшейся до недоступныхъ скалъ въ тылу позиціи, оставлены были лишь два узкихъ прохода, черезъ которые могла бы дѣйствовать кавалерія.

Отрядъ новопоселянъ представлялъ большую пестроту по вооруженію. Нѣкоторые имѣли только палицы, другіе пики или луки, иные короткія римскія шпаги, прочіе-же или длинные мечи, или кинжалы, употреблявшіеся аллеманами и готами. Конница была вооружена соотвѣтственно. На всадникахъ были шлемы и латы.

На горѣ позади расположенія новопоселянъ виднѣлись многочисленныя толпы ихъ женъ и дѣтей.

Императорское войско было расположено сомкнутой линіей на болѣе или менѣе ровной мѣстности по ту сторону ущелья.

Теперь, какъ только императорскій полководецъ разсмотрѣлъ расположеніе непріятеля, раздались трубные звуки по всему строю, конница двинулась, часть за частью скрылась въ долинѣ и показалась вскорѣ вновь по ту ея сторону, подъ ея прикрытіемъ заняты были всѣ тѣсные проходы, ведшіе къ правому флангу новопоселянъ.

Пока императорскія войска совершали это передвиженіе, новопоселяне запѣли свой любимый старый боевой псалом, звуками котораго старѣйшіе изъ нихъ и въ особенности воинственные донатисты столько разъ въ своей бурной жизни уже воодушевляли себя на бой и смерть за свою вѣру.

Сперва запѣли мужчины, а за ними подхватили и женщины:

«Да будетъ прославлено Имя Господне въ Іудеѣ и да возвеличится во Израилѣ; Сіонъ—оплотъ Его, Іерусалимъ—Его святая обитель. Онъ сокрушаетъ лукъ, копье и мечъ. Гордые припадаютъ къ Его стопамъ. И весь міръ трепещетъ и замолкаетъ при Его грозномъ гнѣвѣ.

«Взгляни на Голгоѳу! Разбойники раскаялись тамъ при одномъ Его взглядѣ, и воины, онѣмѣвъ, по его знаку слагали оружіе. Видишь, по одному только мановенію Господа Іакова останавливаютъ свой бѣгъ боевыя колесницы, замираетъ звукъ боевой трубы, и конь и человѣкъ приходятъ въ оцѣпенѣніе»...

Когда смолкли последніе звуки псалма, въ долинѣ со стороны императорскаго войска показался всадникъ въ священническомъ облаченіи, но опоясанный мечомъ и сопровождаемый центуріономъ. Этотъ центуріонъ кричалъ, что они желаютъ переговорить съ предводителемъ новопоселянъ. Вмѣсто послѣдняго вышелъ къ нимъ человѣкъ, хорошо вооруженный, имѣвшій воинственный видъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ новатіанецъ, стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Переговорить, отвѣтилъ священникъ, бывшій не кто иной, какъ епископъ Петръ.

— Хорошо, сказалъ новатіанецъ, приблизившись,—мы, значитъ, правильно поняли ваше намѣреніе. Я посланъ нашимъ предводителемъ выслушать васъ.

— Мы желаемъ вести переговоры съ самымъ высшимъ вашимъ начальникомъ, а не съ его подчиненнымъ, объяснилъ Петръ.

— Онъ выйдетъ, когда ваша конница получитъ приказаніе остановиться и когда вашъ полководецъ явится встрѣтить его.

— Это слишкомъ дерзкое требованіе со стороны бунтовщика, который до захода солнца будетъ въ моей власти. Въ такомъ случаѣ я лично желаю говорить съ самимъ народомъ и онъ долженъ будетъ внять моему голосу, сказалъ Петръ и погналъ свою лошадь.

Новатіанецъ схватилъ его лошадь подъ уздцы и остановилъ ее.

— Чего тебѣ надобно отъ насъ? воскликнулъ онъ.—Не подъѣзжай ближе, потому что ты можешь поплатиться жизнью.

— Такъ вы осмѣлитесь убить парламентера? Это было бы достойно васъ, презрѣнный бунтовщикъ. Но я не боюсь твоей угрозы. Я иду къ вамъ отъ имени его святѣйшаго величества нашего государя императора, чтобы объявить прощеніе и забвеніе каждому изъ васъ, кто пожелаетъ въ эту послѣднюю минуту положить оружіе и возвратиться къ своему очагу, чтобы жить въ покоѣ и послушаніи закону и тѣмъ правительственнымъ и духовнымъ властямъ, которыхъ императору благоугодно будетъ поставить надъ вами. Но этой милости и прощенія лишены будутъ только подобные тебѣ, то есть, я разумѣю, возмутители и подстрекатели толпы и ея главари. Пусти поводья, или заплатишь ты жизнью за насильственное нарушеніе правъ и обязанностей парламентера. Здѣсь насъ двое противъ тебя одного.

Новатіанецъ отпустилъ поводья и сказалъ:

— Переговоры кончены. Мы отвергаемъ ваше предложеніе. Возвратитесь и передайте это вашему военноначальнику.

— Не съ тобой веду я переговоры и не ты рѣшаешь отвѣтъ. Сами заблудшіеся должны выбрать между смертью и помилованіемъ, которое только и открыто для нихъ, а не для тебя и тебѣ подобныхъ.

Во время этого разговора старый донатистскій священникъ спустился нѣсколько съ горы и приблизился къ разговаривающимъ. Такъ какъ Петръ говорилъ громкимъ голосомъ, далеко отдававшимся вокругъ, то Давидъ совершенно ясно понялъ, въ чемъ заключался вопросъ, и, когда новатіанецъ возвращался отъ парламентера, старикъ возвысилъ голосъ и крикнулъ:

— Эй, ты, лже-пророкъ! Если ты желаешь говорить съ народомъ,

а не съ этимъ вождемъ, такъ ты, значитъ, не парламентеръ, а подговорщикъ, котораго слѣдуетъ зарубить мечомъ. Но если ты полагаешь, что имѣешь дѣло съ людьми малодушными, то иди сюда, и пусть самъ народъ повѣдаетъ тебѣ, что настоящій день будетъ страшнымъ днемъ, будетъ днемъ грозы и бури, днемъ мрака и непогоды, днемъ трубнаго гласа, когда Господь ничтожной горсти преданнаго ему народа явитъ великое чудо въ борьбѣ ихъ съ филистимлянами. Взойди на гору и, если ты найдешь хоть одного, который бы сказалъ: уступимъ на этотъ разъ и обратимся вспять— или если найдешь хоть одного, который принялъ бы изъ твоихъ рукъ чашу блудницы, называемую тобой прощеніемъ и помилованіемъ, то пусть накажетъ меня Господь Богъ. Долой блудницу и ея служителей, которые зовутъ мерзкаго, гнуснаго, кровожаднаго Валента святѣйшимъ величествомъ. Плевать намъ на это величество, которое есть не что иное, какъ грязное животное, и судьи котораго сущіе ночные волки, всюду рыщущіе и не оставляющіе ничего въ цѣлости, пока не настанетъ утро. Смотри, вонъ тѣ домашніе очаги, къ которымъ вы предлагаете нашему народу вернуться, продолжалъ сѣдовласый старикъ, указывая своей грозной палицей на клубящіяся облака дыма отъ объятыхъ пожаромъ селеній.—Вы заставили мирный Израиль покинуть жилища, въ которыхъ онъ пользовался счастьемъ. Поднимись-же и взгляни, насколько миролюбцы готовы сразиться предъ лицомъ Божьимъ. Я провожу тебя по рядамъ безстрашныхъ воиновъ, и если, повторяю, ты найдешь хоть одного человѣка, который падетъ ницъ и поклонится новому Навуходаноссору или мерзостной Іезавели, которую вы зовете церковью, то пусть поруганіе падетъ на мою голову.

Предложеніе стараго донатистскаго священника убѣдило Петра, что переговоры при подобныхъ условіяхъ не приведутъ ни къ чему. Онъ возвратился съ центуріономъ къ выстроившемуся въ боевомъ порядкѣ императорскому войску, пришедшему теперь въ движеніе по всей линіи.

— Слава богамъ, сказалъ Олимпіодоръ, бывшій въ свитѣ проконсула,—проклятому попу не посчастливилось лишить меня удовольствія полюбоваться великолѣпнымъ представленіемъ, а тебя, Анней, славы побѣдителя. Переговоры закончились обмѣномъ христіанской ругани и въ этомъ сраженіи Петръ, повидимому, потерпѣлъ пораженіе отъ зубастаго старика, вооруженнаго палицей Геркулеса.

Анней Домицій, въ свѣтломъ и легкомъ одѣяніи, отдавалъ съ коня приказанія трибунамъ и центуріонамъ, которые поспѣшно передовали ихъ различнымъ частямъ войска.

Мѣсто, избранное имъ, позволяло ему видѣть весь фронтъ противника и въ особенности его правое крыло, на которое онъ имѣлъ намѣреніе бросить свою закованную въ желѣзо кавалерію.

Петръ, возвратившись, расположился рядомъ съ Аннеемъ Домиціемъ. Глаза епископа горѣли воинственнымъ пыломъ и все его существо выражало нетерпѣніе и жажду повелѣвать войскомъ. Сегодня проконсулъ рѣшилъ распоряжаться боемъ лично. Петру это было извѣстно и ему оставалось только молчать и быть простымъ солдатомъ, когда онъ не могъ быть полководцемъ.

Когда первая линія императорской пѣхоты двинулась впередъ, чтобы спуститься въ долину и аттаковать новопоселянъ съ недоступнаго для конницы фронта, среди новопоселянъ показался всадникъ въ бѣломъ плащѣ, прискакавшій съ праваго крыла. Проконсулъ и епископъ узнали тотчасъ-же въ этомъ всадникѣ Хризанфа. Онъ обозрѣвалъ расположеніе непріятельской конницы съ возвышенности въ сторонѣ засѣки. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ выдвинулись впередъ маленькія колонны новопоселянъ съ боевымъ крикомъ: *мечь Господень и Гедеона*—къ крутому скату горы, чтобы встрѣтить нападеніе императорской пѣхоты.

Легіонеры, карабкаясь па гору со щитами за спиной и съ мечами въ рукахъ ободряли другъ друга громкими криками. Но раньше, чѣмъ они успѣли добраться до верхней грани этого крутого ската, они подверглись ожесточенной аттакѣ новопоселянъ, оглашавшихъ воздухъ своимъ боевымъ кличемъ: *мечъ Господень и Гедеона*, и, не успѣвъ привести въ порядокъ свои ряды, они съ большимъ урономъ и потерею въ людяхъ были отброшены обратно въ долину.

Но вслѣдъ затѣмъ они снова двинулись впередъ и возобновили аттаку. Нападеніе это, не столь уже рѣшительное, было также отбито и непріятель преслѣдовалъ ихъ даже нѣсколько далѣе ската горы, причемъ они оставили значительное число убитыхъ и раненыхъ, вооруженіе которыхъ тотчасъ-же стало добычей новопоселянъ.

Тѣмъ временемъ, долина наполнялась центуріями за центуріями, спускавшимися по горному склону, на которомъ расположены были императорскія войска, такъ что въ скоромъ времени она представляла сплошную массу воиновъ, сдавливаемыхъ и тѣснимыхъ вверхъ послѣдующими рядами, какъ бы для безпрерывной и упорной аттаки.

Хризанфъ проскакалъ верхомъ передъ этимъ грознымъ для новопоселянъ строемъ непріятеля и наблюдалъ, чтобы немногочисленныя силы обороняющагося были цѣлесообразно распредѣлены на болѣе сильныхъ и слабыхъ пунктахъ. Ему не приходилось воспламенять мужества своихъ воиновъ. Они горѣли воинственнымъ пыломъ. Толпа ихъ женъ бросилась впередъ поддержать сражающихся мужей. Ужасающая колонна наступающаго, заднія ряды которой еще не успѣли спуститься въ долину, тогда какъ переднія уже находились подъ самой горой, была, раньше чѣмъ дѣло дошло до рукопашнаго боя, осыпана цѣлымъ дождемъ стрѣлъ, метательныхъ копій и камней, причинившихъ огромную потерю въ людяхъ въ тѣсно сомкнутыхъ рядахъ противника. Окрестность оглашалась боевымъ крикомъ аттакующихъ и обороняющихся,—возгласами *Богъ и императоръ*, съ которыми бросились въ аттаку легіонеры, и кликомъ *мечъ Господень и Гедеона*, которымъ новопоселяне воодушевляли другъ друга на борьбу грудь съ грудью.

Эта послѣдняя вскорѣ происходила уже по всей линіи. Мѣстность не позволяла императорскимъ войскамъ сомкнуться въ правильный строй. Первые, достигшіе грани горнаго обрыва пали подъ ударами мечей и палицъ новопоселянъ, но сраженные мгновенно замѣнялись другими, которые волей-неволей шли впередъ, тѣснимые сзади наступавшей массой. Ударъ, наносимый этой массой, былъ устрашающимъ и долженъ былъ казаться наблюдателю, видя-

щему ничтожныя силы обороняющагося, непреодолимымъ. Но исходъ борьбы зависѣлъ только отъ того, удастся ли аттакующему занять хоть на одинъ шагъ болѣе пологую мѣстность на скатѣ за кручей, и новопоселяне, отлично это видѣвшіе, боролись за каждый дюймъ этой площади, какъ за собственную жизнь. Никто изъ нихъ не тронулся со своего мѣста и поле сраженія, которое какъ бы сосредоточивалось на этой узкой грани горы, представляло на всемъ ея протяженіи лишь одинъ такой пунктъ, гдѣ ряды новопоселянъ были прорваны неимовѣрными усиліями легіонеровъ.

Едва только удалось имъ это сдѣлать, какъ сильный отрядъ императорскихъ солдатъ уже проникъ въ эту брешь. Рѣшительная минута, казалось, наступила. Предводитель новопоселянъ отсутствовалъ, такъ какъ въ это время завязался бой также и на правомъ крылѣ вокругъ засѣкъ, и Хризанфъ находился на этомъ важномъ пунктѣ. Но онъ предусмотрѣлъ случай, подобный настоящему, и оставилъ небольшое подкрѣпленіе, едва составлявшее одинъ центурій, назначеніе котораго заключалось въ томъ, чтобы подкрѣпить фронтъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ оказался бы болѣе слабымъ или былъ бы прорванъ.

Этотъ отрядъ, состоящій исключительно изъ донатистовъ, сражавшихся въ африканскихъ пустыняхъ и въ долинахъ Парнасса, находился подъ начальствомъ стараго Давида.

Донатистскій священникъ и его люди съ горячимъ нетерпѣніемъ выжидали минуту, когда и они могли бы принять участіе въ боѣ.

— Братья, крикнулъ теперь Давидъ—вотъ они гдѣ, аморитяне и іевусифяне! Впередъ на бой Божій! Разобьемте ихъ и отгонимъ ихъ до самаго Сидона и до великой равнины Мизпа къ востоку, истребимъ ихъ всѣхъ такъ, чтобы никто изъ нихъ не возсталъ болѣе. За мной, избранники Израиля!

И маленькій отрядъ донатистовъ бросился на протѣснившагося впередъ врага съ непреоборимымъ стремленіемъ дикой жажды борьбы. Пики были выбиты изъ рукъ легіонеровъ, шлемы раздвоялись подъ ударами ихъ боевыхъ мечей и щиты сокрушены были въ куски тяжелыми, утыканными остріями палицами. Нѣсколько минутъ боя и та часть регулярнаго войска, которой посчастливилось захватить хоть одинъ лишь футъ на горѣ, легла затоптанная подъ ногами донатистовъ или въ дикомъ бѣгствѣ обратилась вспять съ горы, оставивъ въ рукахъ побѣдителей знамя, на которомъ между буквами старой и почтенной надписи: «Римскій Сенатъ и Народъ» красовался юный христіанскій крестъ.

Вслѣдъ за этой побѣдой Давидъ со своими людьми появлялся и гналъ непріятеля на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ фронтъ новопоселянъ нуждался въ поддержкѣ. Ужасную окровавленную палицу старика можно было видѣть мелькавшей въ самыхъ жаркихъ мѣстахъ урагана битвы, а голосъ его безпрестанно призывалъ своихъ и воодушевлялъ слѣдующими приблизительно словами ихъ боевой пылъ:

— Бей ихъ, рази ихъ! Сокрушай ихъ нещаднымъ мечомъ, руби ихъ на повалъ, какъ приказывалъ Моисей, слуга Божій! Бей ихъ, что духу есть! Не давай пощады!

Въ то время, когда на фронтѣ новопоселянъ происходилъ такимъ образомъ яростный бой, Анней Домицій поскакалъ къ своему лѣвому крылу и отдалъ приказаніе аттаковать мятежниковъ съ фланга.

Зазвучали трубы на всемъ пространствѣ отъ заднихъ рядовъ, стоявшихъ по сю сторону долины, до переднихъ, и вся конница, бывшая въ распоряженіи прокопсула, помчалась стройными рядами къ мѣсту, гдѣ были засѣки.

Жены и дѣти новопоселянъ, стоявшія на недоступныхъ для непріятеля высотахъ въ тылу, издали общій крикъ ужаса, когда до сихъ поръ незамѣченный врагъ вдругъ показался теперь въ видѣ грозной несущейся въ аттаку конницы, предъ натискомъ которой, казалось, безсильны всякія преграды.

Эта конница ничѣмъ, кромѣ значковъ—золоченыхъ орловъ, напоминавшихъ римскую кавалерію прежнихъ временъ, не походила на эту послѣднюю. Изъ доблестныхъ воиновъ съ оголенными ногами въ легкихъ доспѣхахъ красивыхъ шлемахъ съ обнаженными короткими мечами, какою она представлялась въ былое время, обратилась она нынѣ въ какихъ то существъ, съ головы до пятъ закованныхъ въ чудовищно-тяжелую желѣзную броню. То были тѣ самыя «желѣзныя колонны» — какъ ихъ называли — отъ которыхъ Римъ въ настоящее время, когда военное искусство приходило въ полный упадокъ, ожидалъ побѣдъ въ сраженіяхъ противъ персовъ, готовъ и аллеманъ или противъ своихъ-же подданныхъ.

Въ этихъ «желѣзныхъ колоннахъ» выразились приближающіеся средніе вѣка.

Однако, штурмующія желѣзныя волны разбились о засѣки, черезъ которыя только немногимъ удалось заставить пройти лошадей, въ то время, какъ другіе тщетно пытались протиснуться черезъ узкіе извилистые проходы въ засѣкахъ. Стройные ряды пришли въ полный безпорядокъ. Произошла свалка. Отдѣльные всадники, пробившіеся черезъ засѣки или застрявшіе между нагроможденными деревьями, увидѣли себя оставленными безъ помощи. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось возвратиться обратно къ своимъ, другіе-же не выдержали борьбы, въ которой даже ихъ желѣзныя доспѣхи не представили достаточной защиты противъ полуобнажённыхъ, но мужественныхъ враговъ, окружившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

Анней Домицій съ огорченіемъ увидѣлъ плачевный исходъ движенія, отъ котораго онъ ожидалъ огромнаго результата. Отдать приказаніе произвести этотъ маневръ его убѣдилъ одинъ изъ начальниковъ конницы, хвастливый и безразсудно отважный готъ, который увѣрилъ незнакомаго съ особенными качествами «желѣзныхъ колоннъ» проконсула, что онъ, готскій трибунъ, бралъ во главѣ такихъ воиновъ даже укрѣпленія гораздо болѣе неприступныя, чѣмъ настоящія. Сорвавъ свою досаду въ цѣломъ потокѣ языческихъ проклятій—и все это въ присутствіи правовѣрнаго епископа, Анней Домицій приказалъ дать сигналъ къ отступленію, которое и было произведено въ полномъ порядкѣ. Конница медленно отошла на прежнее свое мѣсто въ долинѣ и тотчасъ вслѣдъ затѣмъ отданъ былъ приказъ сражающейся на фронтѣ пѣхотѣ отступить и занять

прежнюю позицію. Бой въ одно мгновеніе прекратился по всей линіи. Отступающіе легіонеры услышали позади себя побѣдный крикъ новатіанъ и донатистовъ. Эти послѣдніе за получасовое кровопролитіе не уступили ни пяди земли превосходящему ихъ противнику и въ то время, когда ихъ потери были почти незамѣтны, весь склонъ горы былъ совершенно покрытъ сраженными легіонерами.

Битва, однако, въ скоромъ времени воспламенилась вновь. Ядро военныхъ силъ проконсула, два центурія палатиновъ, собранныхъ со всѣхъ гарнизоновъ, расположенныхъ въ городахъ Ахейи, было послано штурмовать засѣки и расчистить мѣстность для конницы. Часть пѣхоты была вызвана съ позиціи, чтобы съ фронта поддержать нападеніе палатиновъ.

Остальные центуріи должны были оставаться въ покоѣ,—въ которомъ они къ тому-же сильно нуждались послѣ кровопролитнаго и упорнаго боя — до тѣхъ поръ, пока новопоселяне не откроютъ себя съ фронта, перейдя для оказанія помощи къ своему угрожаемому флангу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ должны были воспользоваться легіонеры для того, чтобы быстрымъ движеніемъ впередъ возобновить аттаку съ фронта.

Хризанфъ настрого внушилъ новопоселенцамъ отнюдь не оставлять занимаемыхъ ими мѣстъ на позиціи, какъ бы ни казалась необходимой ихъ помощь въ другихъ угрожаемыхъ непріятелемъ пунктахъ.

Однако, Давиду было слишкомъ невыносимо оставаться въ бездѣйствіи, на которое онъ теперь вновь былъ обреченъ вслѣдствіе отступленія противника. О томъ, что происходило на правомъ флангѣ, ему не было извѣстно. Къ тому-же онъ хорошо видѣлъ, что фронтъ утомленныхъ боемъ легіонеровъ, расположенныхъ по ту сторону долины, былъ ослабленъ и противникъ, повидимому, вовсе не ожидалъ какого-либо нападенія, потому что его ряды совершенно разстроились и многіе солдаты разлеглись даже на землѣ отдохнуть.

Давидъ хотѣлъ этимъ воспользоваться. Во главѣ своего отряда, онъ спустился по труднопроходимымъ скаламъ, закрывавшимъ долину со стороны моря на лѣвомъ флангѣ новопоселянъ и такимъ образомъ ему удалось незамѣтно пробраться черезъ долину.

Съ нимъ было не болѣе ста человѣкъ, настолько-же увлеченныхъ воинственнымъ жаромъ, какъ и ихъ предводитель.

Крадучись и прячась за неровности мѣстности, чтобы незамѣтно приблизиться, отрядъ вскорѣ достигъ праваго фланга непріятеля и стремительно аттаковалъ застигнутаго врасплохъ противника.

Толпы легіонеровъ, обратившіяся въ паническое бѣгство, нѣсколько минутъ спустя уже оповѣстили всѣхъ о нападеніи новопоселянъ съ той стороны.

Трибуны и центуріоны бросились спѣшно выстраивать свои войска для встрѣчи непріятеля. Анней Домицій лично поспѣшилъ сюда, оставивъ лѣвое крыло, гдѣ уже началась битва у засѣкъ, и палатины прилагали неимовѣрное усиліе овладѣть послѣдними.

Анней Домицій настолько-же былъ пораженъ, насколько и успокоился, когда увидѣлъ, какъ ничтоженъ былъ отрядъ нападающихъ. Тѣмъ не менѣе, отрядъ этотъ уже обозначилъ путь своего наступле-

нія кровавымъ потокомъ. Проконсулъ приказалъ семи или восьми центуріямъ окружить этотъ отрядъ. Однако, раньше чѣмъ ему удалось это сдѣлать, мечъ и палица донатистовъ успѣли уже нагромоздить цѣлыя горы труповъ. Они наступали все дальше впередъ въ слѣпой ярости, сокрушая всѣ препятствія, которыя пыталась воздвигнуть на ихъ пути безпорядочная толпа легіонеровъ, преслѣдуемая ими. Боевой кличъ: *мечъ Господень и Гедеона* гремѣлъ съ такой силой, что, несмотря на царившій всюду шумъ, донесся до фронта новатіанъ по ту сторону долины и невольно привлекъ ихъ вниманіе на то, что совершалъ Давидъ и его маленькій отрядъ.

Только, когда императорской пѣхотѣ удалось, наконецъ, произвести движеніе, указанное проконсуломъ, и окружить со всѣхъ сторонъ глубокимъ и правильнымъ строемъ этотъ маленькій отрядъ, чтобы задавить и покончить съ нимъ, только въ эту минуту поняли они всю опасность своего положенія. Со всѣхъ сторонъ на нихъ надвигался лѣсъ пикъ, и сдавливала ихъ стѣна латъ. Оставалось или пробиться черезъ одну изъ этихъ стѣнъ и проложить себѣ обратный путь черезъ долину, или всѣмъ пасть до послѣдняго человѣка.

— Мы окружены, донеслось до слуха Давида. — Намъ надо попытаться пробиться.

Старый боецъ оперся на мгновеніе на свою палицу. Онъ окинулъ взглядомъ силы непріятеля.

— Сюда, братцы, въ эту самую дыру, вы, избранные воины, крикнулъ онъ, указывая на войска, преградившія имъ путь къ долинѣ.—Впередъ на амаликитянъ! Господь нынѣ предалъ ихъ намъ въ руки. Побьемъ-же ихъ и прогонимъ до Асеки и Маккеды. Впередъ!

Отрядъ донатистовъ, внушавшій ужасъ, несмотря даже на свою малочисленность, кинулся вслѣдъ за своимъ неустрашимымъ предводителемъ на пики непріятеля съ тѣмъ, чтобы пробить себѣ, если возможно, путь черезъ его ряды. Ихъ намѣренію содѣйствовало и нападеніе на непріятеля съ тыла ихъ единовѣрцевъ, оставившихъ свою сильную позицію по ту сторону долины, чтобы прійти имъ на выручку. Произошла ужасная рукопашная свалка. Центральное мѣсто въ ней занималъ Давидъ. Противъ этого наводящаго на всѣхъ ужасъ борца выступилъ теперь на единоборство рослый, закованный съ головы до пятъ въ желѣзо, центуріонъ. Какъ многіе изъ предводителей императорскихъ войскъ, центуріонъ этотъ былъ готомъ, служившимъ по найму, и, вызвавъ Давида на поединокъ, онъ лишь слѣдовалъ своему народному обычаю.

— Эй ты, сѣдовласый старецъ, чего ты тамъ разбуянился? сказалъ онъ. — Бросай палицу и сдайся мнѣ лучше въ плѣнъ. Куда тебѣ еще браться за оружіе, когда у тебя уже нѣтъ во рту зубовъ, чтобъ жевать солдатскій черствый хлѣбъ!

— Охъ, ты, сынъ Магога, отвѣтилъ Давидъ. — Ты похожъ, я вижу, на своихъ братьевъ не только огромнымъ, какъ Голіафъ, ростомъ, и чванствомъ, болтливостью, но и самоувѣренностью. Есть чѣмъ хвастаться! Отцы ваши, какъ саранча, налетѣли въ необъятномъ числѣ на Египетъ, чтобы опустошить наши села и нивы, и что-же вышло? — они разсѣяны и развѣяны, какъ полова, когда

римлянинъ полной горстью вѣетъ зерно. Но это не мѣшаетъ твоему языку хвастаться. Такъ я-же уйму его. Ты нынѣ погибъ навсегда.

Давидъ отразилъ своей палицей ударъ, направленный варваромъ ему въ голову. Мечъ скользнулъ, но задѣлъ лѣвую руку Давида и отсѣкъ на ней пальцы. Въ слѣдующее-же затѣмъ мгновеніе окровавленная палица старика ударила въ плечо варвара и разбила на немъ латы. Рука центуріона отнялась отъ этого удара. Но и Давидъ чувствовалъ, что полученная имъ рана недолго позволитъ ему могуче расправляться своей палицей. Поэтому они оба одновременно бросили оружіе и въ бѣшенствѣ кинулись другъ къ другу на смертный бой. Давидъ, несмотря на свои годы, обладалъ огромной физической силой. Послѣ непродолжительнаго кулачнаго боя одной рукой, оба бойца вцѣпились другъ въ друга и упали въ борьбѣ на землю, причемъ лопнула перевязь, укрѣплявшая шлемъ центуріона, и его головное закрытіе такимъ образомъ свалилось прочь. Тогда одинъ изъ сотоварищей Давида, одержавшій только что передъ тѣмъ побѣду въ единоборствѣ непосредственно рядомъ съ обоими бойцами, стремительно бросился спасать своего вождя и отсѣкъ мечомъ голову готу, но тотчасъ-же упалъ и самъ въ кровь своей жертвы, сраженный легіонеромъ. Старый донатистскій священникъ, освободившись такимъ образомъ отъ своего врага, тотчасъ же поднялся на свои могучія ноги и схватилъ опять свою палицу. Вокругъ него повсюду люди его отряда бились за жизнь изъ послѣднихъ силъ или лежали сраженные въ рядахъ непріятеля. Некому изъ нихъ было уже защитить своего вождя, когда онъ поднимался на ноги и бралъ палицу; пронзенный нѣсколькими копьями, онъ рухнулся на землю, а наступавшіе сзади ряды затоптали его трупъ.

Борьба на этомъ пунктѣ между крохотнымъ отрядомъ новопоселянъ и императорскими солдатами вскорѣ прекратилась. Едва лишь одной десятой части отряда Давида посчастливилось выйти изъ этой кровавой бани и спастись бѣгствомъ обратно на позицію по ту сторону долины.

Но эта позиція не могла уже болѣе противостоять долго превосходящему непріятелю. Люди, которымъ Хризанфъ поручилъ защиту линіи фронта, большею частью уже лежали сраженные въ бою. Самоволіе Давида и невниманіе къ приказаніямъ Хризанфа со стороны тѣхъ, которые бросились къ нему на выручку, рѣшили участь дня и всего небольшого войска новопоселянъ. Анней Домицій далъ теперь своимъ войскамъ знакъ аттаковать высоты. Онъ хорошо видѣлъ, что не могъ уже болѣе встрѣтить тамъ сколько-нибудь серьезное сопротивленіе. Легіонеры съ крикомъ: *Богъ и императоръ* двинулись впередъ.

Тѣмъ временемъ на флангѣ новопоселянъ вокругъ засѣкъ безпрерывно происходилъ ожесточенный бой. Палатины и войска, ихъ подкрѣпившія, неоднократно уже штурмовали засѣки, но были каждый разъ отбиваемы. Бой еще продолжался, хотя новопоселяне были совершенно утомлены, а императорскія войска постоянно подкрѣплялись въ изобиліи свѣжими силами. Хризанфъ, спѣшившись со своего коня, сражался на ряду съ новопоселянами тамъ, гдѣ опас-

ность была наибольшая. Засѣки и прилегающая къ нимъ мѣстность была завалена горами убитыхъ.

Но вотъ и здѣсь наступила рѣшительная минута. Палатинамъ, побуждаемымъ епископомъ Петромъ, который поспѣшилъ принять личное участіе въ сраженіи, удалось, наконецъ, овладѣть однимъ пунктомъ на засѣкахъ и расположиться впереди нихъ; товарищи же ихъ тотчасъ принялись растаскивать деревья, чтобы очистить дорогу для конницы, которая нетерпѣливо ждала удобнаго момента принять участіе въ боѣ.

Минута настала. Конницѣ данъ былъ знакъ аттаковать.

Хризанфъ, видѣвшій неизбѣжную опасность, угрожавшую флангу, но не знавшій еще о томъ, что произошло на фронтѣ, собралъ всѣ силы, бывшія въ его распоряженіи, для того, чтобы предупредить или встрѣтить натискъ «желѣзныхъ колоннъ».

Ранѣе, чѣмъ эти послѣднія успѣли выдвинуться, новопоселенцы соединенными силами отбросили стремительнымъ и отчаяннымъ натискомъ палатинъ обратно за шанцы. Но въ слѣдующую-же затѣмъ минуту черезъ продѣланные въ засѣкахъ проходы прорвались «желѣзныя колонны». Онѣ были встрѣчены ничтожной горстью конницы новопоселянъ, защищавшей доступы къ позиціи. Проходы въ засѣкѣ вскорѣ были стѣснены грудами убитыхъ людей и лошадей.

Въ такомъ положеніи находилось сраженіе, когда Ѳеодоръ, отправившійся по приказанію Хризанфа посмотрѣть, что дѣлается на линіи фронта, возвратился и сообщилъ, что фронтъ почти не защищенъ и что легіонеры уже наступаютъ въ долины, чтобы овладѣть имъ. Едва успѣлъ онъ окончить докладъ, какъ уже раздался крикъ аттакующихъ.

— Сраженіе проиграно, сказалъ Хризанфъ,—спѣши-же, отсюда Ѳеодоръ, и передай Герміонѣ мой прощальный привѣтъ и благословеніе!

Хризанфъ вновь сѣлъ на коня и ринулся въ безнадежный бой. Нѣсколько минутъ спустя участь сраженія была уже рѣшена. Ничтожные остатки войска новопоселянъ были съ двухъ сторонъ аттакованы всѣми войсками Аннея Домиція. При крикахъ ужаса женщинъ и дѣтей весь склонъ горы былъ наводненъ съ одной стороны наступавшей густою массой пѣхотой, а съ другой эскадронами «желѣзныхъ колоннъ». Новопоселяне оказывали еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упорное сопротивленіе. Въ свалкѣ еще виденъ былъ нѣкоторое время всадникъ въ бѣломъ плащѣ. Анней Домицій и Петръ одновременно узнали его и пришпорили коней, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ онъ сражался. Но ранѣе, чѣмъ они успѣли приблизиться, всадникъ въ бѣломъ плащѣ исчезъ въ желѣзныхъ волнахъ, а его окровавленная лошадь понеслась по полю одна безъ всадника.

Только по окончаніи битвы удалось отыскать тѣло Хризанфа. Онъ лежалъ, распростершись, на землѣ, съ мечомъ, зажатымъ въ рукѣ, и бѣлый его плащъ былъ весь въ крови, хлынувшей изъ его пронзенной груди. Когда Анней Домицій почтительно приблизился къ трупу своего противника, возлѣ послѣдняго уже стоялъ, разгля-

дывая его, Петръ, а Евфимій, его адъютантъ, наступилъ ногой на благородную грудь героя и произнесъ:

— Такъ топчетъ церковь гидру язычества.

ГЛАВА XVI.

Конецъ.

Однажды вечеромъ, мѣсяцъ спустя послѣ битвы на Суніонѣ, пресвитеръ Евфимій сидѣлъ у своего духовнаго отца, епископа Петра, въ той самой узкой, длинной, съ небольшимъ лишь слуховымъ оконцемъ, комнатѣ епископскаго дворца, въ которой читатель уже однажды былъ свидѣтелемъ ихъ бесѣды.

Такъ-же, какъ и тогда, Петръ быстрыми шагами мѣрилъ полъ комнаты, Евфимій-же скромно сидѣлъ на стулѣ у дверей.

Вся осанка Петра носила отпечатокъ еще большей гордости, чѣмъ когда-либо. Въ немъ сквозило сознаніе одержанной побѣды. По всей вѣроятности, исполнилось или было близко къ осуществленію одно изъ его завѣтныхъ упованій. Одной лишь военной славы, пріобрѣтенной имъ въ походѣ противъ еретиковъ-новопоселянъ, безъ сомнѣнія, было недостаточно, чтобы оказать на него такое дѣйствіе, несмотря на то, что молва о его военныхъ заслугахъ не сходила съ устъ всѣхъ аѳинскихъ homoiusian'ъ.

Когда въ Аѳины возвращались войска, составлявшія аѳинскій гарнизонъ, всѣ видѣли Петра, опоясаннаго мечомъ, ѣдущимъ верхомъ на горячемъ конѣ во главѣ шествія, имѣвшаго чрезвычайно торжественный видъ и почти напоминавшаго тріумфальное шествіе.

Впереди, какъ было сказано, слѣдовалъ Петръ, а рядомъ съ нимъ іовіанскій гвардейскій трибунъ. Затѣмъ двигался отрядъ легіонеровъ; далѣе шла толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, печальные остатки новопоселянъ въ Суніонѣ—донатистовъ и новатіанъ;—мужчинъ было только девять или десять человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ на полѣ сраженія, совершенно израненныхъ и закованныхъ въ тяжелыя цѣпи; женщинъ было много, но все-таки мало сравнительно съ числомъ убитыхъ послѣ сраженія озвѣрѣлыми «желѣзными колоннами»; дѣти составляли большую часть этой толпы; нѣкоторыхъ изъ нихъ несли ихъ матери на рукахъ, или вели рядомъ съ собою; другія, оставшіяся круглыми сиротами послѣ этой войны,—а такихъ было большинство, шли сами по себѣ. За плѣнными слѣдовалъ роскошно украшенный возъ, нагруженный священными церковными предметами и посреди нихъ огромной купелью, путемъ крещенія въ которой дозволено было дѣтямъ убитыхъ въ сраженіи еретиковъ воспріять очищеніе и помилованіе. Возлѣ этого воза можно было видѣть черномазаго Евфимія, ѣдущаго съ крестомъ въ рукѣ верхомъ на ослѣ. Шествіе замыкало нѣсколько центуріоновъ пѣхоты.

Герміоны не было видно между плѣнными. Письмо Хризанфа счастливо попало въ руки Аннею Домицію. Герміона, единственная плѣнная, которую онъ взялъ себѣ, предоставивъ всѣхъ прочихъ

Петру, была принята имъ подъ свое покровительство и отвезена въ Коринѳъ.

Въ Аѳинахъ затѣмъ говорили, что дочь Хризанфа возвратилась въ свой отчій городъ, въ обществѣ супруги проконсула, благочестивой Евсебеи и что опечаленная дѣвушка живетъ въ проконсульскомъ дворцѣ вмѣстѣ съ благородной римлянкой, оказывающей ей такое-же горячее участіе, какъ къ родной сестрѣ.

Въ особенности много было толковъ въ Аѳинахъ о Герміонѣ въ послѣдніе дни.

Среди христіанъ и даже среди послѣдователей стараго ученія шопотомъ передавалось, что дочь философа была обращена Петромъ въ христіанство. Такимъ образомъ, замѣчательный епископъ одерживалъ одну побѣду за другой во славу своего святого ученія. Сынъ и дочь архиязычника обращены были въ христіанство Петромъ! А эта послѣдняя была женщиной, не только съ дѣтства воспитанной въ ненависти и презрѣніи къ христіанству, но даже была облечена въ броню, казавшуюся еще болѣе непроницаемой для стрѣлъ истиннаго откровенія, чѣмъ ненависть и презрѣніе, а именно—въ броню философіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ широко распространился слухъ, которому придавали повсюду вѣру, что Герміона пожелала черезъ крещеніе достигнуть чистаго единенія съ христіанской церковью.

Въ тотъ день, когда это торжество должно было произойти, аѳинскій соборъ оказался бы переполненнымъ любопытными зрителями.

Ѳеодоръ спасся бѣгствомъ, предварительно передавъ Герміонѣ послѣдній привѣтъ и благословеніе Хризанфа и оставивъ письмо, которое хранилось въ шалашѣ, одному изъ вѣрныхъ слугъ, сопровождавшихъ Хризанфа изъ Аѳинъ и находившихся во время битвы неотлучно при Герміонѣ.

Отъ этого именно слуги и получилъ Анней Домицій названное письмо.

Какимъ образомъ удалось Ѳеодору бѣжать—трудно сказать. Быть можетъ, онъ ускользнулъ на одномъ изъ рыбачьихъ челновъ, лежавшихъ на берегу подъ утесами, ограждавшими съ этой стороны позицію новопоселянъ. На такомъ утломъ челнѣ при спокойномъ морѣ онъ могъ легко незамѣтно проплыть мимо непріятельскаго лагеря, затѣмъ выйти на берегъ и поспѣшить проселкомъ къ Аѳинамъ.

Достаточно сказать, что друзья его въ Аѳинахъ, а между ними и Миро, видѣлись и говорили тамъ съ нимъ. То обстоятельство, что онъ скрывался отъ глазъ всѣхъ прочихъ, было вполнѣ естественно, потому что въ его планъ отнюдь не входило позволить захватить себя homoiusian'скому духовенству или клевретамъ императорскаго правосудія. Ему еще нужно было немало пожить.

Тщетно прождавъ впродолженіе нѣсколькихъ дней удобнаго случая поговорить съ дочерью Хризанфа, онъ изъ Коринѳа предпринялъ рискованное путешествіе, конечной цѣлью котораго была Италія.

Онъ принялъ дерзкое рѣшеніе предстать предъ очи императора западной части имперіи, испросить его покровительства Герміонѣ и представить на его милосердіе просьбу, о томъ, чтобы дочь Хри-

занфа была восстановлена въ правахъ на состояніе, оставленное ей отцомъ по завѣщанію.

Всю надежду на успѣхъ предпріятія онъ возлагалъ на Бога и на тѣ похвалы, которыя усердно расточались человѣколюбію и справедливости старшаго брата суевѣрнаго и жестокаго Валента.

Но возвратимся въ комнату, гдѣ бесѣдовали Петръ съ Евфиміемъ.

— Дѣло требуетъ въ дѣйствительности строгой обдуманности, говорилъ епископъ, остановившись и окидывая взглядомъ Птоломееву карту.

— Я никакъ не могу этого понять, отецъ, кротко замѣтилъ Евфимій.—Если Клеменсъ не можетъ имѣть никакого притязанія на наслѣдство, то тѣмъ менѣе можетъ его имѣть Герміона. Государь или государство, что одно и то-же, конфисковали-же имѣнія мятежниковъ и подарили ихъ уже церкви.

— Да, дѣйствительное положеніе дѣла въ сущности таково, какъ ты говоришь, но съ формальной стороны оно представляется нѣсколько инымъ. Тебѣ, конечно, извѣстно, что уже образовалась богопротивная партія, въ особенности среди сенаторовъ, войска и чиновныхъ людей, которая поднимаетъ голосъ противъ установившагося обычая дѣлать въ пользу церкви дары и пожалованія. Этотъ протестъ нашелъ себѣ поддержку здѣсь на востокѣ въ homousian'ахъ и всѣхъ прочихъ еретикахъ, потому что не ихъ, а наше правовѣрное homoiusian'ское общество получаетъ эти пожертвованія и пожалованія. На западѣ, напротивъ того, тамъ homousian'е сильнѣе, а потому они молчатъ, но зато протестующими являются тамъ наши правовѣрные братья. Достаточно того, что Валентъ, нашъ искренній и ревностный другъ, все-таки находитъ, что въ этомъ воплѣ есть нѣкоторая доля справедливости. Его совѣсть задѣта такими неправильно понимаемыми священными изрѣченіями, какъ, напримѣръ, что царство Божіе не въ этомъ мірѣ и т. п. Поэтому, когда мой досточтимый другъ и начальникъ, патріархъ Евдоксъ, представилъ наше важное дѣло на его благоусмотрѣніе, мы даже не возбуждали вопроса о томъ, чтобы императоръ непосредственно передалъ церкви свое право, а лишь испрашивали его милости на признаніе неповиннаго сына Хризанфа собственникомъ всего оставшагося родового имущества и только для выясненія побудительной причины подобнаго ходатайства съ нашей стороны представлено было императору завѣщаніе, въ которомъ Клеменсъ отказалъ все это состояніе въ пользу церкви. Такимъ образомъ, Клеменсъ является посредствующимъ звеномъ. Но такой формальностью могутъ воспользоваться теперь родственники Кармида, что и угрожаетъ намъ. Они утверждаютъ, что права сестры одинаково достовѣрны съ правами брата, и желаютъ при случаѣ обратиться къ самому императору, дабы выхлопотать выдѣленія Герміонѣ ея части въ наслѣдствѣ.

— Разсчеты ихъ очень понятны, сказалъ Евфимій.—Они, надо полагать, надѣются, что Клеменсъ скоро умретъ и Герміона такимъ образомъ будетъ единственной наслѣдницей; ея-же права въ концѣ концовъ должны будутъ перейти къ родственникамъ Кармида, съ которымъ она, хотя только нѣсколько часовъ, но все-таки состояла въ бракѣ.

— Безъ сомнѣнія, на это именно они и разсчитываютъ.

— Но, вѣдь, это безпримѣрно безбожно. замѣтилъ Евфимій.

— Объ чемъ еще слѣдуетъ нѣсколько призадуматься. продолжалъ епископъ,—это объ томъ обстоятельствѣ, что Клеменсъ христіанинъ, а Герміона еще только готовится присоединиться къ христіанскому общенію.

— Почему-же, отецъ мой, объ этомъ надо особенно подумать? спросилъ Евфимій.

— Императоръ Валентъ врагъ еретиковъ христіанъ, но оказываетъ большую снисходительность къ приверженцамъ стараго ученія. Увы, его гордости льститъ возможность сказать, что онъ одинаково справедливъ какъ къ правовѣрнымъ христіанамъ, такъ и къ язычникамъ. Я боюсь, поэтому, что онъ, дабы избѣгнуть хоть намека на пристрастіе, охотнѣе послушаетъ родственниковъ Кармида, когда они станутъ отстаивать права Герміоны.

— Такъ вотъ почему ты посылаешь меня уговорить Герміону возможно скорѣе оффиціально перейти въ лоно христіанской церкви.

— Да. Самъ я не надѣюсь на успѣхъ у дочери Хризанфа, потому что она не выноситъ даже моего лица. Ты краснорѣчивъ, Евфимій, и обладаешь способностью вкрадываться въ душу къ женщинамъ. Я увѣренъ, что твоя попытка увѣнчается успѣхомъ. тѣмъ болѣе еще. что благородная Евсебея увѣряетъ, будто Герміона вполнѣ уже созрѣла для воспріятія благодати.

— Въ Аѳинахъ всѣ говорятъ, что она уже христіанка.

— Я это знаю.

— И что она въ самомъ скоромъ времени приметъ крещеніе.

— Это мнѣ также извѣстно. Мы не должны даже допустить, чтобы вѣра народа въ силу нашего ученія обращать къ благочестію была бы посрамлена. Слухъ *долженъ* оправдаться. Этого требуютъ интересы нашего вѣроученія, польза церкви и—говорю это открыто—мое собственное тщеславіе.

— Ты правъ, отецъ мой.

— Ты найдешь себѣ вѣрную союзницу, Евфимій, въ нашей благочестивой Евсебеѣ, которой удалось добиться полнаго довѣрія Герміоны; также и въ Клеменсѣ, моемъ несчастномъ пріемномъ сынѣ, который по цѣлымъ днямъ осаждаетъ Герміону просьбами позволить ее окрестить, раньше всего для поддержанія собственнаго-же ея сокрушеннаго горемъ душевнаго состоянія. Существуетъ еще одно обстоятельство, которое должно для нея послужить вящимъ побужденіемъ. Лѣкарь, пользующій Клеменса, будетъ отправленъ къ Герміонѣ объявить ей свое мнѣніе, что юноша можетъ оправиться отъ душевной болѣзни подъ вліяніемъ радости, которая охватитъ его. если Герміона приметъ крещеніе. Все это вмѣстѣ взятое значительно облегчитъ тебѣ побѣду.

— Отецъ, задумчиво произнесъ Евфимій,—союзники, которыхъ ты перечислилъ, безспорно могущественны. но тѣмъ не менѣе задача моя трудно осуществима. Не надѣйся на скорый успѣхъ! Я отъ Евсебеи слышалъ, что Герміона отвергаетъ церковь. Ѳеодоръ отравилъ своимъ ядомъ ея душу. О, этотъ Ѳеодоръ напортилъ намъ гораздо болѣе, чѣмъ ты полагаешь. Она не хочетъ вѣрить, что духъ

благодати Божьей въ сердцѣ нашемъ связанъ съ извѣстными внѣшними дѣйствіями. Она признаетъ причастіе лишь какъ символическое напоминаніе о торжествѣ любви, а въ крещеніи видитъ лишь символъ очищенія, которому должно подвергнуться сердце. Она уже исповѣдуетъ имя Христово, но все еще попрежнему осталась высокомѣрной, опирающейся въ непокорности своей на разумъ философкой.

— Это ея высокомѣріе должно быть покорено, сказалъ епископъ,— и на тебя, Евфимій, я возлагаю эту задачу именно въ виду того, что намъ нужно добиться успѣха въ скорѣйшемъ времени. Я жду, что твоя задача будетъ выполнена впродолженіе восьми дней...

— Отецъ мой...

— Это крайній срокъ. Дольше дѣло *не можетъ* тянуться.

— Но если мнѣ не удастся въ...

— Крещеніе все-таки должно произойти.

— Ахъ!

— Мы не должны отступать ни передъ какой трудностью, когда дѣло касается блага церкви.

— Ты правъ.

— И церковь не забудетъ тѣхъ добрыхъ услугъ, которыя окажетъ ей ея вѣрный сынъ Евфимій, продолжалъ Петръ.—Весьма вѣроятно, Евфимій, что ты будешь моимъ преемникомъ на епископскомъ столѣ въ Аѳинахъ.

— Твоимъ преемникомъ, съ грустнымъ изумленіемъ произнесъ Евфимій.—Такъ, значитъ, вѣренъ тотъ печальный слухъ, что ты хочешь оставить пасомое тобой стадо?

— Я чувствую въ себѣ сильное призваніе оставить мірскую жизнь и удалиться къ благочестивымъ монахамъ въ Нисибисъ.

— Ты не долженъ этого дѣлать, возразилъ съ живостью Евфимій.— Ты оставишь свою благословенную дѣятельность въ самомъ расцвѣтѣ лѣтъ и силъ, когда еще могъ бы потрудиться надъ своимъ виноградникомъ! Грѣшно это, отецъ!

Петръ, ничего не отвѣчая, продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Другое дѣло, продолжалъ Евфимій, понижая голосъ,—если ты, какъ также утверждаетъ слухъ, призванъ къ гораздо болѣе высокой и соотвѣтствующей твоимъ силамъ дѣятельности, а именно къ занятію высокочтимаго епископскаго престола, на которомъ возсѣдалъ самъ апостолъ Петръ, носившій одно съ тобою имя, въ многовѣковой столицѣ міра.

— Слухъ подобенъ старой сплетницѣ, сказалъ Петръ.—Какая несообразность, чтобы римляне предпочли безызвѣстнаго имъ восточнаго епископа своимъ знаменитымъ архипастырямъ! Къ тому-же homoiusion, который мы исповѣдаемъ, въ Римѣ, къ сожалѣнію, занимаетъ сравнительно низшее положеніе. Какъ-же ты могъ повѣрить въ такомъ случаѣ, чтобы homoiusian'инъ съ востока—я не говорю о собственной своей ничтожной личности, а даже о самомъ достойнѣйшемъ и лучшемъ изъ насъ—могъ быть въ наши дни удостоенъ подобной чести?.. Сынъ мой, бесѣда наша кончена. Ступай и выполни свой долгъ!

Евфимій поднялся, отвѣсилъ низкій поклонъ и удалился.

Нѣсколько часовъ спустя Евфимій бесѣдовалъ съ двумя людьми, прибывшими сюда только что изъ Рима.

Епископскій престолъ въ Римѣ уже около трехъ мѣсяцевъ оставался свободнымъ.

Притязателей на него было не мало. Люди всевозможныхъ убѣжденій и теченій спѣшили теперь сгруппироваться около своихъ главарей и каждая партія выставляла своего кандидата, какъ самаго достойнаго держать въ своихъ рукахъ ключъ власти разрѣшать и карать.

Въ числѣ кандидатовъ предложенъ былъ и одинъ изъ греческихъ епископовъ, Петръ, изъ Аѳинъ, имя котораго пользовалось извѣстностью среди всего христіанскаго міра, и въ Римѣ не менѣе. Кто не зналъ прославленнаго столпника, бывшаго украшеніемъ города Аѳинъ? Съ именемъ-же Симона тѣсно связано было и имя Петра Аѳинскаго. Имя это носилъ человѣкъ, который силой своей молитвы воскресилъ изъ мертвыхъ Симона. Такое чудо на крыльяхъ молвы облетѣло весь міръ. Оба посла изъ Рима, о которыхъ только что была рѣчь, назначили свиданіе Евфимію въ одномъ изъ садовъ передъ городской таможней и разговоръ между ними происходилъ послѣ захода солнца.

Раньше всего чужестранцы сообщили Евфимію, что его отецъ епископъ имѣетъ большіе шансы быть преемникомъ святаго апостола Петра на римскомъ епископскомъ престолѣ.

Евфимій высказалъ по этому случаю свою сердечную радость и поздравилъ не только своего отца епископа, который займетъ лишь вполнѣ подобающее ему мѣсто руководителя христіанской церкви, но также и римское христіанское населеніе, которое ни въ какомъ случаѣ не могло сдѣлать лучшаго выбора.

Евфимій прибавилъ, что нельзя не видѣть внушенія духа, по всѣмъ признакамъ божественнаго чуда, въ томъ обстоятельствѣ, что мысли всѣхъ въ Римѣ при такомъ выборѣ обратились на человѣка, которому иначе изъ-за предубѣжденій римской общины не было бы оказано должнаго уваженія.

— Ты полагаешь, сказалъ одинъ изъ чужестранцевъ,—что принадлежность его къ homoiusian'скому исповѣданію обусловила бы невозможность его выбора въ общинѣ, которая строже другихъ придерживается постановленій Никейскаго собора?

— Разумѣется, я такъ полагаю, отвѣтилъ Евфимій.

— Пути Божіи, замѣтилъ на это иноземецъ,—неисповѣдимы и затрудненія, которыя для глазъ обыкновенныхъ смертныхъ непреодолимы, въ дѣйствительности-же для Провидѣнія ничтожны.

— Что ты подъ этимъ разумѣешь? Какъ это могло произойти?

— Между римскими homoiusian'ами прошелъ слухъ, что Петръ Аѳинскій вовсе не такой уже строгій homoiusian'инъ, какъ то полагаютъ. Слуху этому въ особенности среди многочисленнаго класса бѣднѣйшаго населенія придали неопровержимую вѣру. Онъ соединяетъ въ себѣ, говорили они, хитрость змѣя и кротость голубя. Онъ носитъ на себѣ маску, которую тотчасъ сброситъ, какъ только увидитъ, что настала пора и польза церкви требуетъ того. Если бы онъ былъ въ сердцѣ своемъ правовѣрнымъ, то какимъ-же образомъ онъ могъ бы силою своей молитвы воскресить изъ мертвыхъ столпника? Такъ вопрошали другъ друга благочестивые въ міро-

вомъ городѣ. Нашъ долгъ повелѣваетъ избрать его, говорили они, дабы онъ могъ сбросить съ себя маску и тѣмъ самымъ столько-же унизить homoiusion, насколько возвысить предъ цѣлымъ міромъ правовѣрное никейское исповѣданіе.

— Но откуда-же могъ распространиться подобный ложный слухъ? спросилъ Евфимій.

— Не называй его ложнымъ, сказалъ чужестранецъ;—быть можетъ, это лишь духовное средство для достиженія великой, а потому и святой цѣли. Огромная масса народа вѣритъ этому слуху. Достаточно того, что Петръ на пути къ побѣдѣ. Оба лагеря подадутъ въ большинствѣ голосъ за него.

— Но, однако, онъ долженъ имѣть и могущественныхъ противниковъ, замѣтилъ Евфимій.

— Разумѣется...

— И къ числу этихъ противниковъ принадлежитъ также, безъ сомнѣнія, императоръ Валентиніанъ и весь его дворъ, также какъ и вся римская знать, слѣдующая примѣру двора.

— Ты ошибаешься, сказалъ чужестранецъ.—Если бы они были въ числѣ его противниковъ, то успѣхъ его никоимъ образомъ не былъ бы обезпеченъ.

— Такъ, значитъ, императоръ и дворъ также благосклонны къ нему? Но, вѣдь, это удивительно!

— Это легко объясняется, сказалъ чужестранецъ.—Провидѣнію угодно было, чтобы отецъ твой Петръ какъ разъ въ эти дни получилъ средство, которое безусловно въ состояніи расположить къ нему сердце императора.

— И это средство? блѣднѣя, спросилъ Евфимій.

— Деньги.

— А, подумалъ Евфимій,—я это подозрѣвалъ.

Онъ прибавилъ громко:

— Чужестранецъ, ты клевещешь на отца епископа. Онъ никогда не воспользовался бы такимъ низкимъ и презрѣннымъ средствомъ для того, чтобы пріобрѣсти себѣ приверженцевъ и голоса...

— Постой, прервалъ его пришелецъ изъ Рима.—Ты, я вижу, склоненъ къ очень быстрымъ и неправильнымъ заключеніямъ. Уже не въ первый разъ покупается римскій епископскій престолъ. Средство это освящено примѣромъ благочестивыхъ людей. Поэтому, оставимъ этотъ споръ.

— Можешь ли ты доказать то, что утверждаешь? спросилъ Евфимій.

— Что римскій епископскій престолъ пріобрѣтался неоднократно за деньги...

— Нѣтъ, прошедшее меня вовсе не касается... Я хотѣлъ бы лишь знать, правда ли, что Петръ совершилъ подобную покупку.

— Покупка еще не совершена окончательно, но объ этомъ идутъ переговоры, сказалъ чужестранецъ, — и въ доказательство моихъ словъ прочти это письмо. Подойдемъ ближе къ факелу.

Всѣ трое вышли изъ сада и подошли къ горѣвшему у воротъ факелу.

Евфимій прочиталъ нѣсколько писемъ Петра, почеркъ котораго

онъ сразу узналъ, и отвѣтное письмо одного вліятельнаго придворнаго Валентиніана. Письмо было коротко и загадочно. но одинъ изъ чужестранцевъ быстро разъяснилъ темныя мѣста и Евфимію стало ясно, что иностранецъ былъ правъ и что вопросъ шелъ о значительной суммѣ денегъ.

— Это составитъ лишь одинъ изъ тѣхъ многихъ голосовъ, замѣтилъ иностранецъ,—которые твой отецъ епископъ счелъ необходимымъ обезпечить за собой съ помощью денегъ. Онъ жертвуетъ для достиженія своей цѣли огромнымъ, чисто царскимъ состояніемъ, но дѣлаетъ это безъ всякаго риска, потому что отлично знаетъ, что въ случаѣ достиженія цѣли онъ возвратитъ себѣ все съ процентами.

— Другой вопросъ, сказалъ второй чужестранецъ, бѣглый грекъ, выдававшій себя за римлянина,—откуда Петръ хочетъ взять всѣ эти денежныя средства. Враги его подозрѣваютъ, что онъ употребитъ для этой цѣли необъятное состояніе Хризанфа, пожертвованное на церковь. Это, разумѣется, грубая клевета.

— Конечно, пробурчалъ Евфимій, поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ,—ну, конечно, потому что это состояніе не принадлежитъ ему, а церкви; право распоряженія этимъ имуществомъ принадлежитъ ему исключительно, какъ аѳинскому епископу, а потому должно наслѣдственно перейти къ его преемнику...

— Который и будетъ не кто иной, какъ ты, прервалъ тотъ-же самый иностранецъ.

— Откуда это тебѣ извѣстно? спросилъ Евфимій довольно осторожно, бросая въ то-же время на собесѣдника многозначительной взглядъ.

— Говори свободно, шепнулъ одинъ изъ чужеземцевъ другому;— нечего опасаться. Мы не ошиблись.

— Я это знаю отъ патріарха Евдокса изъ новаго Рима,—отвѣтилъ спрашиваемый.

— Ты?

— Я прибылъ прямо отъ него. Онъ заранѣе утверждаетъ выборъ, если хоть нѣсколько голосовъ изъ аѳинскихъ прихожанъ падутъ на тебя. Евдоксъ предусмотрителенъ. Онъ знаетъ, что стадо въ Аѳинахъ останется въ скоромъ времени безъ пастыря. Петръ переѣзжаетъ въ Римъ. Ты его преемникъ. Утвержденіе тебя въ должности въ настоящее время уже у меня въ карманѣ. Вотъ, прочти!

Иноземецъ вынулъ пергаментъ, который Евфимій схватилъ дрожащими руками и пробѣжалъ жаднымъ и недовѣрчивымъ взглядомъ. Слабая краска, появившаяся на его щекахъ, свидѣтельствовала о его волненіи.

Пока онъ читалъ указъ, другой иноземецъ незамѣтно удалился. Евфимій остался наединѣ съ посломъ отъ патріарха Евдокса.

Прочитавъ письмо. Евфимій сдѣлалъ видъ, что желаетъ возвратить его. но чужеземецъ сказалъ:

— Воля патріарха, чтобы ты оставилъ его у себя, дабы оно служило тебѣ вящимъ напоминаніемъ о тѣхъ обязанностяхъ, которыя лежатъ на тебѣ съ настоящей минуты. Вмѣстѣ съ этимъ пе-

редаю съ миромъ и благословеніе Евдокса его покорному сыну Евфимію во имя Бога и Господа нашего Іисуса Христа.

Евфимій низко поклонился, заботливо сложилъ важный для него пергаментъ и спряталъ его къ себѣ въ поясъ.

— Теперь поговоримъ безъ обиняковъ, откровенно, продолжалъ иноземецъ.—Евдоксъ ждетъ отъ тебя, что ты выполнишь свою обязанность...

— Я наученъ послушанію.

— Знаю... и онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ обмануться въ твоемъ усердіи на пользу церкви, въ твоемъ послушаніи и мудрости.

— Чего требуетъ отецъ мой Евдоксъ отъ его покорнаго сына? спросилъ Евфимій.

— Чтобы ты вникъ въ то, въ чемъ въ настоящую минуту заключается польза церкви и аѳинской паствы...

Евфимій молча устремилъ вопросительный взглядъ на говорившаго, который продолжалъ:

— И, когда вникнешь, чтобы сообразно съ тѣмъ и поступалъ.

— Это мой долгъ.

— Отвѣчай... Какъ далеко простираешь ты этотъ свой долгъ?

— Настолько, что я приношу на святой алтарь безусловнаго послушанія всѣ мои убѣжденія, чувства, родственныя узы, всѣ мои прочія личныя обязанности и собственную мою жизнь, отвѣтилъ Евфимій, повторивъ слова клятвы на вѣрность и послушаніе, данной уже имъ, какъ священникомъ.

— Хорошо, сказалъ посолъ.—Ты долженъ доказать это на дѣлѣ. Что думаешь ты о томъ слухѣ, на которомъ обосновывается дѣло Петра въ Римѣ? Отвѣчай отъ чистаго сердца.

— Что онъ самъ распространилъ этотъ слухъ.

— Сомнѣваешься ли ты въ правдоподобіи этого слуха?

— Не знаю, что долженъ я отвѣтить.

— Считаешь ли ты возможнымъ, чтобы Петръ могъ перейти на сторону никейцевъ?

— Человѣкъ, отвѣчалъ Евфимій,—способенъ на многое. Святой апостолъ, имя котораго носитъ мой отецъ епископъ, этотъ утесъ, на которомъ зиждется церковь, и тотъ отрекался не только отъ homoiusion'а, но даже отъ самого Христа.

— Нашъ пастырь, патріархъ Евдоксъ того-же мнѣнія объ епископѣ аѳинскомъ. Для Петра раньше всего власть, а homoiusion уже потомъ. Онъ готовъ пожертвовать истиной за власть. И онъ, помимо своей воли, долженъ будетъ это сдѣлать, если пожелаетъ хоть одинъ мѣсяцъ остаться на епископскомъ престолѣ въ Римѣ. Населеніе города на Тибрѣ возстанетъ и изгонитъ его, если увидитъ, что онъ его обманываетъ. Тебѣ, конечно, извѣстно, что уже Констанцій хотѣлъ имѣть въ Римѣ двухъ епископовъ, одного для никейцевъ, а другого для homousian'ъ. Народъ-же отвѣтилъ ему крикомъ: «Единъ Богъ, одинъ и епископъ».

— Это правда, сказалъ Евфимій со вздохомъ. — Сила обстоятельствъ принудитъ Петра къ отступничеству. Это ужасная, возмутительная мысль.

— И такимъ образомъ правовѣрная церковь потерпитъ неизгладимое посрамленіе, продолжалъ посолъ.

— Да, и враги наши, еретики homousian'е, возликуютъ, видя такое небесное поруганіе.

— Это несчастіе повлечетъ неисчислимыя послѣдствія.

— Увы, ты правъ.

— Поэтому намъ слѣдуетъ предупредить его возможность.

— Да, надо предупредить. Но какъ?

— Имѣется одно лишь средство. Евдоксъ ввѣряетъ это средство тебѣ въ руки въ полной увѣренности въ твоемъ послушаніи.

Евфимій вздохнулъ и опустилъ глаза къ землѣ.

— Правовѣрная церковь ждетъ своего спасенія отъ Евфимія, произнесъ посолъ.—Горе ему, если онъ нарушитъ свою клятву.

— Что мнѣ дѣлать? Я сгибаюсь подъ тяжестью бремени, которое церковь возлагаетъ на мои слабыя плечи. Я такъ люблю моего отца Петра... онъ оказалъ мнѣ такъ много благодѣяній.

— Тебѣ остается только поступить рѣшительно. Любовь не выражается въ слабости и нѣжности. Ты окажешь ему только содѣйствіе для пріобрѣтенія вѣчнаго блаженства и не допустишь, чтобы померкла слава его высокочтимой дѣятельности, предупредивъ его, иначе непоправимое, отпаденіе.

Евфимій молчалъ и вздохнулъ снова.

— Потомство, продолжалъ посолъ,—сохранитъ, если произойдетъ то, что должно свершиться, незапятнанную и лучезарную память объ одномъ изъ величайшихъ сыновъ. Онъ будетъ торжественно сопричисленъ къ лику святыхъ...

— Ты это утверждаешь? прервалъ его съ живостью Евфимій.—Да будетъ хвала Евдоксу, рѣшившему такъ! Это только дань, которую Петръ вполнѣ заслужилъ. Онъ дѣйствительно достоинъ будетъ занять подобающее мѣсто среди святыхъ.

— Отъ тебя зависитъ, запятнается ли память о немъ позорной печатью отступничества или на всѣ грядущія времена будетъ она сіять лучами святости.

— Нѣтъ, не отъ меня зависитъ это. Мнѣ остается только одно: повиноваться.

— Совершенно правильно. Ты вполнѣ созналъ свой долгъ. Но послушаніе не будетъ тебѣ настолько тягостно, если ты примешь во вниманіе, что тѣмъ самымъ обережешь церковь отъ пораженія, спасешь душу твоего отца епископа и возвеличишь имя его.

— Послушаніе будетъ мнѣ менѣе тягостнымъ, повторилъ Евфимій.

— Итакъ рѣшено и церковь можетъ на тебя положиться.

— Да будетъ воля Божія.

— Это должно свершиться возможно скорѣе.

— Я это сознаю.

— Завтра въ эту-же пору приходи сюда. Я долженъ сказать тебѣ еще кое-что о завѣщаніи Клеменса. На твоей обязанности лежитъ забота о томъ, чтобы все это огромное состояніе не было расточено первымъ-же его опекуномъ для достиженія личныхъ его цѣлей.

Евфимій молчалъ.

— Доброй ночи, брать мой! Итакъ, завтра мы увидимся?

— Да.

Оба собесѣдника разошлись. Евфимій направился къ себѣ во дворецъ епископа.

Въ ту-же самую ночь Петръ имѣлъ длинный разговоръ съ двумя другими личностями изъ Рима.

Въ этотъ день Аѳины посѣтили много пріѣзжихъ изъ мірового города и здѣсь также, какъ въ Константинополѣ и Римѣ, происходили заговоры между лицами, имѣвшими какое-либо отношеніе къ предстоящимъ знаменательнымъ выборамъ римскаго епископа.

Однажды въ сумрачный и дождливый вечеръ, недѣли три послѣ описанной сцены, можно было видѣть, какъ супруга Аннея Домиція, благочестивая Евсебея, вышла съ блѣднымъ лицомъ и разстроеннымъ видомъ изъ собора, спѣшно сѣла въ ожидавшій ее у церковныхъ воротъ возокъ и уѣхала.

Уже наступили сумерки и улицы были совершенно пустынны.

Четверть часа спустя, послѣ того какъ Евсебея уѣхала изъ собора, открылись его двери и изъ нея, крадучись, вышла толпа священниковъ, тщательно прикрываясь отъ дождя подъ свои капюшоны. Одинъ изъ этихъ священниковъ отдѣлился отъ прочихъ и направился скорыми шагами ко дворцу епископа. Подъ его капюшономъ можно было узнать лицо черномазаго Евфимія, но болѣе блѣдное, чѣмъ обыкновенно, и выражавшее сильную тревогу. Когда онъ пришелъ къ дворцу и привратникъ отперъ передъ нимъ дверь, онъ спросилъ его, стараясь придать голосу спокойный тонъ, посѣтилъ ли за время его отсутствія епископа лекарь. Привратникъ отвѣтилъ утвердительно. Евфимій поспѣшилъ въ рабочую комнату епископа. Выпивъ въ обѣденное время послѣ легкаго обѣда чашу вина, разбавленнаго виномъ, епископъ почувствовалъ себя нехорошо, и нездоровье это усиливалось такъ быстро, что онъ принужденъ былъ отказаться отъ присутствованія на втайнѣ готовившемся торжествѣ, долженствовавшемъ произойти вечеромъ въ соборѣ, а именно на торжествѣ крещенія Герміоны.

Когда Евфимій вошелъ теперь въ рабочій кабинетъ, отецъ епископъ сидѣлъ обложенный подушками на софѣ, съ обернутыми въ шерстяную ткань ногами. Петръ при входѣ Евфимія сдѣлалъ знакъ прислуживавшимъ ему братьямъ удалиться.

Евфимій въ передней снялъ съ себя промоченный дождемъ капюшонъ и вошелъ теперь въ полномъ священническомъ облаченіи, которое онъ надѣвалъ только во время торжественнаго богослуженія въ соборѣ.

Евфимій имѣлъ самый смиренный и покорный видъ; голова его наклонилась еще больше и взоръ безпокойно блуждалъ, когда онъ взглянулъ теперь на епископа. Болѣзнь сдѣлала замѣтный шагъ впередъ за короткое время отсутствія Евфимія. Цвѣтъ лица Петра былъ теменъ, какъ прахъ, и подъ его глазами образовались темносиніе круги; но печать силы воли придавала еще его ослабѣвшимъ

чертамъ лица выраженіе мощи и глаза, несмотря на то, что они замѣтно потеряли уже свой блескъ, все-таки бросали еще твердые пронизывающіе и повелительные взгляды.

— Какъ ты себя чувствуешь, уважаемый отецъ? спросилъ Евфимій съ безпокойствомъ въ голосѣ, остановившись у дверей и складывая крестомъ руки сверхъ своей бѣлой, украшенной золотымъ крестомъ холщевой туники.

— Довольно плохо, отвѣтилъ епископъ.—Лѣкарь предполагаетъ, что это сильная простуда. Я вчера босикомъ прошелъ по холодному каменному полу въ церкви. Это и есть причина. Но болѣзнь непродолжительная. Я надѣюсь завтра уже выздоровѣть. Какъ ты себя чувствуешь? продолжалъ епископъ, замѣтивъ блѣдность Евфимія.—Ты тоже нездоровъ? И, не дождавшись отвѣта на этотъ вопросъ, онъ громко произнесъ:

— Крещеніе! Какъ оно совершилось?

— Досточтимый отецъ, сказалъ Евфимій,— я принесъ вѣсть, которая... я опасаюсь тебѣ ее передать...

— Что случилось? Безъ всякихъ увертокъ! воскликнулъ Петръ.— Неужели она заподозрила и отказалась явиться?

— Нѣтъ, отецъ мой, она не подозрѣваетъ ничего. Она прибыла въ церковь въ сопровожденіи благородной Евсебеи...

— Ну, такъ, быть можетъ, явились въ церковь непрошенные зрители? Я-же говорилъ, чтобы дѣло совершилось въ полной тайнѣ и чтобы церковныя двери были заперты, на случай если бы она добровольно отказалась войти въ купель.

— Отецъ, мы сдѣлали все, какъ ты говорилъ. За исключеніемъ благородной Евсебеи и двухъ свидѣтелей никого постороннихъ, кромѣ насъ, священниковъ, не было и едва, Герміона вошла въ церковь, какъ за ней была заперта дверь...

— Ну, такъ что-же такое случилось? воскликнулъ нетерпѣливо Петръ.—Ну-же, шевели языкомъ, медленный ты человѣкъ! Говори все толкомъ по порядку!

— Тебѣ, вѣдь, извѣстно, что всѣ мои старанія убѣдить ее принять крещеніе не привели ни къ какимъ результатамъ...

— Я это знаю.

— Мы тогда рѣшили предоставить ей право думать о томъ, какъ ей хочется, и старались только уговорить ее принять крещеніе въ присутствіи прихожанъ, относясь къ этому хоть какъ къ простой церемоніи.

— Я это знаю.

— Она отвергла и это мое предложеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ я увидѣлъ, что она потеряла всякое ко мнѣ довѣріе и всякое уваженіе къ моимъ наставленіямъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ ней имѣли бесѣду объ истинномъ значеніи пришествія Христа на землю. Я старался выяснить ей, что Богъ черезъ Христа далъ возможность людямъ освободиться изъ-подъ власти дьявола и что человѣчество до пришествія Христа находилось во власти князя тьмы. Она опровергала это ученіе съ философской надменностью и ея объясненіе было недостойнымъ ученіемъ, равно кощунственной какъ въ отношеніи Бога, такъ и разума. Въ ея характерѣ въ эти дни прояви-

вилась изумительная смѣсь упрямства и самоувѣренности со смиреніемъ и грустью. Когда она говорила объ избавленіи, глаза ея свѣтились, губы улыбались какъ въ минуту вдохновенія; она благословляла имя Его и цѣловала Его крестъ, но не хотѣла принять ученій, которыя отцы церкви, по внушенію святого духа, развили на основаніяхъ, преподанныхъ евангелистами и апостолами. Ты знаешь, что я строго держался св. Павла и твоего предупрежденія остерегаться философіи. Поэтому я не могъ обмѣниваться съ нею возраженіями. Что-же оставалось мнѣ дѣлать, какъ не отступиться отъ нея и предоставить братской любви Евсебеи убѣдить эту женщину.

— Я это все знаю, нетерпѣливо сказалъ Петръ.—Такъ теперь къ дѣлу!

— Отецъ, сказалъ Евфимій, — я говорю тебѣ все это вовсе не для того, чтобы испытывать твое терпѣніе, а для того, чтобы снять со своей головы отвѣтственность за печальный, скажу болѣе ужасный и совершенно неожиданный исходъ всѣхъ нашихъ стараній...

— Что-же такое произошло? воскликнулъ Петръ и на его лицѣ землянного цвѣта замѣтно выразилась тревога.

— Твое нездоровье, которое съ Божьей помощью скоро пройдетъ, помѣшало тебѣ самому, какъ ты желалъ, принять участіе въ этомъ печальномъ богослуженіи. Мы къ условленному времени собрались въ соборъ, а вскорѣ передъ порталомъ остановился и возокъ Евсебеи. Ее сопровождала Герміона. Евсебеѣ стоило много труда уговорить Герміону принять участіе въ предположенной ею прогулкѣ, а кучеръ какъ будто случайно поѣхалъ къ собору. Въ это какъ разъ время пошелъ дождь; обстоятельство это помогло Евсебеѣ уговорить Герміону укрыться отъ дождя въ случайно открытомъ, но пустомъ храмѣ, гдѣ они къ тому-же могли бы и помолиться.

— Дальше, дальше! воскликнулъ епископъ и схватилъ стоявшій вблизи отъ него кубокъ, въ которомъ лѣкарь приготовилъ ему изъ всевозможныхъ снадобій освѣжительный напитокъ.

Но онъ тотчасъ-же опять поставилъ чашу и сказалъ:

— Мои пальцы словно парализованы. Я начинаю чувствовать въ рукахъ тотъ-же ледяной холодъ, какъ и въ ногахъ. Что бы это значило?.. Евфимій, поднеси мнѣ ко рту кубокъ!

Пресвитеръ поспѣшно подошелъ и помогъ Петру, но рука его приэтомъ замѣтно дрожала.

— Какъ чувствуешь ты себя, отецъ? спросилъ онъ.

— Плохо... но продолжай, во имя неба, я долженъ услышать конецъ твоего разсказа.

— Хорошо, тогда я вкратцѣ скажу тебѣ, отецъ, что, какъ только вошли Евсебея и Герміона, двери церкви закрыли, согласно твоему повелѣнію. Мы, священники, почтительно подошли къ Герміонѣ. Я сказалъ, что самъ Богъ послалъ ее въ церковь именно въ ту минуту, когда мы только что совершили молитву, въ которой всѣ сообща взывали къ Богу, чтобы сердце Герміоны, исповѣдывающее уже Христа, какъ Господа своего, открылось желанію болѣе тѣснаго единенія съ нимъ и съ церковью, которое пріобрѣтается крещеніемъ. Герміона была видимо сильно смущена, тѣмъ болѣе еще, что въ числѣ присутствовавшихъ былъ и Клеменсъ, нѣмымъ, но печальнымъ

ккоромъ упрекавшій ее за колебаніе. Евсебея обняла Герміону и уговорила ее внять нашимъ словамъ. И тѣмъ не менѣе, отецъ. она непоколебимо продолжала упорствовать...

— Затѣмъ?

— Мы вынуждены были прибѣгнуть къ крайнему средству, которымъ мы располагали. Мы насильно, но нѣжно повели ее къ купели и церемонія началась. Она просила и умоляла въ своемъ ослѣпленіи не крестить ее, но мы крѣпились и, когда, она стала громко кричать о помощи, принуждены были сунуть ей въ ротъ платокъ. Святой обрядъ послѣ того долженъ былъ произойти безпрепятственно, если бы тому не помѣшалъ несчастный Клеменсъ. Благодаря своему помраченному душевному состоянію онъ поддался чувству состраданія къ упорствующей. Онъ вздумалъ ее освободить, безъ сомнѣнія, вообразивъ, что ей хотятъ причинить зло. Мы были принуждены вывести его изъ церкви. Послѣ того, отецъ мой, совершенъ былъ обрядъ и Герміона приняла крещеніе во имя Отца и Сына и Св. Духа. Кто бы могъ, однако, подозрѣвать, что злой духъ, заклинаемый при крещеніи, снова такъ скоро овладѣетъ уже окрещенной душой и побудитъ ее на гнусное самоубійство.

— Самоубійство! Что ты говоришь? воскликнулъ Петръ и хотѣлъ подняться съ софы, но сейчасъ опять упалъ на нее.

— Да, отецъ мой! Еще не была произнесена священная формула, какъ Герміона съ непостижимой силой вырвалась отъ державшихъ ее за руки, выхватила изъ пояса свой стилетъ и ударила имъ себя въ грудь.

— А!..

— Она упала на полъ, кровь брызнула изъ ея раны, всѣ пораженные и растерянные стояли вокругъ нея и, когда мы, наконецъ, опомнились и поспѣшили удержать потухавшую въ ней искру жизни, ея уже болѣе не существовало. Отецъ, Герміоны уже нѣтъ болѣе въ живыхъ.

Послѣ этихъ словъ воцарилось на нѣсколько минутъ глубокое молчаніе. Епископъ былъ видимо погруженъ въ тревожное размышленіе.

— Скорбное происшествіе, сказалъ онъ,—которое возбудитъ непріятные толки и которымъ, безъ сомнѣнія, воспользуются мои враги, чтобы повредить мнѣ. Они доведутъ дѣло до свѣдѣнія обоихъ императоровъ и поставятъ этотъ случай въ связь съ вопросомъ о наслѣдствѣ. Скрыть, однако, это происшествіе не представляется возможнымъ. Евфимій, тотчасъ-же отправься къ себѣ въ комнату и составь со всей предусмотрительностью и съ разумомъ, всегда тебѣ присущими, донесеніе патріарху Евдоксу. которое черезъ него должно быть доложено императору. Для разъясненія обстоятельствъ дѣла ты долженъ исходить изъ того положенія, что оба они, Клеменсъ и Герміона, съ рожденія имѣли наслѣдственное предрасположеніе къ сумасшествію; что у брата эта болѣзнь уже давно вполнѣ проявилась, у сестры-же она обнаруживалась лишь по временамъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, изъ которыхъ самоубійство было послѣднимъ и, къ сожалѣнію, совершенно неожиданнымъ. Это мое собственное объясненіе и оно мнѣ кажется вполнѣ основательнымъ. Укажи

также, что Герміона добровольно приняла крещеніе, въ противность чему распространяются неблагожелательные слухи. Изъ ея поведенія во время обряда крещенія никоимъ образомъ нельзя вывести заключенія, что мое мнѣніе неправильно. Она уже любила и почитала Христа настолько, что не могла не жаждать полученія той благодати, о которой идетъ рѣчь и которой она была свободна придать какое ей угодно было значеніе. Завтра раннимъ утромъ этотъ докладъ долженъ быть уже готовъ для того, чтобы тотчасъ-же его послать въ Константинополь. Ступай-же теперь и примись за дѣло!

Евфимій бросилъ еще одинъ робкій, но пытливый взглядъ на лицо Петра, въ которомъ даже волненіе, вызванное происшествіемъ, не могло уже вызвать хоть слабаго румянца. Пресвитеръ низко поклонился и вышелъ.

Немного спустя послѣ этого разговора положеніе епископа стало настолько серьезнымъ, что опять принуждены были послать за врачемъ. Холодъ, который Петръ ощущалъ въ ногахъ и рукахъ, сталъ распространяться на всѣ его члены. Тщетно прибѣгалъ врачъ ко всякаго рода согрѣваніямъ и сильнымъ растираніямъ. Священники, жившіе во дворцѣ, собрались вокругъ своего начальника и оказывали ему всевозможную заботливость. Наиболѣе усерднымъ изъ нихъ былъ Евфимій. Врачъ, между тѣмъ, увѣрялъ, что никакой близкой опасности не было. Больной былъ того-же мнѣнія и вѣрилъ этому, хотя бы весь міръ увѣрялъ противное, потому что онъ *хотѣлъ* жить и ему казалось просто невѣроятнымъ умереть *теперь*, когда онъ стоялъ уже у конечной цѣли столь счастливо имъ осуществленнаго плана и готовъ уже былъ воспользоваться упадкомъ Рима для того, чтобы въ его рукахъ изъ него создалось господство надъ всѣмъ міромъ. Онъ не подозрѣвалъ, что вражескій элементъ, смѣшивавшійся постепенно въ его жилахъ съ кровью, былъ не что иное, какъ нѣсколько капель того же самаго сока, съ помощью котораго онъ привелъ своего Симона въ состояніе смертельнаго сна, изъ котораго потомъ самъ-же его пробудилъ съ помощью раскаленнаго желѣза. Евфимій доказалъ, что онъ послушный сынъ церкви. Послушаніе это, однако, было бы не полнымъ и никому не въ пользу, если бъ у него было намѣреніе воскресить изъ мертвыхъ Петра, какъ этотъ послѣдній воскресалъ Симона.

Какъ разъ во время этихъ заботъ, которыя вызывались состояніемъ здоровья Петра, было ему доложено, что изъ Рима прибыло посольство, добивавшееся у него аудіенціи. Это извѣстіе произвело удивительное дѣйствіе на Петра; лицо его ожило и онъ почувствовалъ, что кровь въ его жилахъ вновь какъ бы получила прежнюю теплоту. Онъ приказалъ перенести себя изъ рабочаго кабинета въ пріемную комнату и распорядился, кому изъ священниковъ надлежало остаться при немъ и какъ должно быть принято посольство, когда оно прибудетъ въ епископскій дворецъ.

Часъ спустя двери дворца открылись передъ посольствомъ, состоявшимъ изъ священниковъ и знатнѣйшихъ свѣтскихъ лицъ, изъ которыхъ одинъ былъ даже сенаторъ: всѣ участвовавшіе въ посольствѣ были въ свѣтлыхъ служебныхъ одеждахъ.

Послѣ продолжительной церемоніи представленія и привѣтствен-

ныхъ рѣчей, председатель посольства вручилъ Петру грамоту, которой онъ призывался принять на себя званіе, возложенное на него волею римской общины, выраженной во время выборовъ на епископскій престолъ.

Петръ отвѣтилъ на эту рѣчь нѣсколькими незначительными словами, произнесеніе которыхъ стоило ему невѣроятныхъ усилій. Его болѣзненное состояніе вынудило сократить церемонію. Посольство удалилось, получивъ приглашеніе на слѣдующій день къ епископскому столу. Когда иноземцы вышли, епископъ приказалъ вновь перенести себя въ рабочую комнату, гдѣ по его приказанію съ нимъ остался одинъ лишь Евфимій.

Въ комнатѣ тускло горѣла лампа и дождь безпрерывно стучалъ въ окно. Евфимій опустился на колѣни передъ Петромъ, поздравилъ его съ вступленіемъ на высокій постъ, который давалъ полное право лицамъ, занимающимъ его, называться преемниками Христа, и въ то-же время печалился за себя, за своихъ собратьевъ по службѣ и за весь аѳинскій приходъ, обреченные безвозвратно потерять своего любимаго отца и пастыря.

Казалось даже, что на глазахъ Евфимія навернулись слезы. Онъ схватилъ руку Петра и поцѣловалъ ее, но невольно содрогнулся и поблѣднѣлъ, когда губы его почувствовали, что рука эта была мертвенно холодна.

Петръ не отвѣчалъ ему. Каждое слово стоило ему большихъ усилій и къ тому-же душа его была теперь погружена въ размышленія о той могущественной власти, которая вложена была отнынѣ въ его руки и мірового величія которой никто такъ ясно не понималъ, какъ онъ. Онъ не только подозрѣвалъ присущее этой власти значеніе, но и зналъ ея могущественную силу. Петръ мысленно представилъ себѣ весь тотъ жизненный путь, который онъ проложилъ себѣ собственными силами, начиная съ тѣхъ дней, когда онъ назывался еще Симміемъ и былъ презрѣннымъ, невѣдомымъ никому рабомъ въ домѣ язычника, и кончая настоящей минутой, когда онъ при всемъ своемъ честолюбіи не пожелалъ бы помѣняться мѣстомъ со свѣтскимъ властелиномъ всего римскаго міра. Этотъ взглядъ на жизнь, которая вся проникнута была одной мыслью и неотступно направлена была, не взирая ни на какія препятствія, къ достиженію разъ намѣченной цѣли, безъ сомнѣнія, могъ внушить ему гордость; но что значило это чувство, предметомъ котораго служило смертное, скоро преходящее существо, при опьяняющей мысли о томъ могуществѣ и власти, которыя онъ мечталъ развить до полнаго расцвѣта, о той системѣ, которая должна пережить его самого и которая, построенная на вѣчныхъ основахъ младенчества и несовершенства человѣчества, прострѣтъ свой скипетръ на всѣ времена!

Въ этомъ размышленіи для Петра было нѣчто демонически очаровательное, такъ что онъ даже на нѣкоторое время отвлекся отъ мысли о тѣхъ грозныхъ признакахъ, которые проявлялись въ его тѣлесной оболочкѣ. Но эти послѣдніе тѣмъ не менѣе проявились, наконецъ, съ такой силой и отчетливостью, что невольно передались его сознанію и, пробудивъ его отъ увлеченія созерцаніемъ будущаго, заставили возвратиться къ дѣйствительности. Петръ чувствовалъ,

какъ смертельный холодъ все болѣе и болѣе леденилъ и распространялся по всему его тѣлу. Ноги и руки уже отнялись и потеряли чувствительность. Онъ обратился къ Евфимію и едва уже былъ въ состояніи прошептать, чтобы ему подали зеркало. Черноволосый пресвитеръ поспѣшилъ исполнить это приказаніе.

При свѣтѣ пододвинутой ближе лампы Петръ взглянулъ на себя въ зеркало и съ ужасомъ отшатнулся какъ бы при видѣ призрака. Лицо его было совершенно синимъ и черты лица настолько опустились, что онъ самъ не узналъ себя. Въ душѣ его мелькнула внезапно мысль о смерти и ударила по тѣмъ нервамъ, которые еще не успѣли оцѣпенѣть; онъ содрогнулся отъ ужаса. Онъ силился отогнать эту мысль. Умереть теперь, когда его жизнь собственно только должна была начаться,—это было бы слишкомъ невѣроятно, ужасной насмѣшкой судьбы, безразсудной шуткой божественнаго разума, это было бы, слѣдовательно, невозможностью.

Петръ приказалъ позвать врача, остававшагося все время во дворцѣ. Когда этотъ послѣдній началъ снова изслѣдовать его, согласно даннымъ Гиппократомъ и Галеномъ указаніямъ, глаза Петра съ выраженіемъ страха были устремлены на лицо врача, въ которомъ онъ желалъ прочесть его сокровенныя мысли о положеніи болѣзни и объ ея возможномъ исходѣ.

Эскулапъ молчалъ, но былъ видимо пораженъ и озадаченъ. Онъ никогда еще не читалъ въ своихъ книгахъ о случаѣ, подобномъ настоящему. Но онъ теперь уже ни на минуту не сомнѣвался, что больной быстро приближался къ смерти.

Петръ прочелъ все это на его лицѣ и его охватилъ страхъ смерти, соединенный со страстнымъ желаніемъ бороться за жизнь и съ сомнѣніями о возможности умереть въ такую минуту. Въ это мгновенье въ комнату вошелъ Клеменсъ. Онъ изумленно остановился, съ трудомъ узнавъ Петра. Но, когда онъ убѣдился, что это похожее на мертвеца существо былъ его пріемный отецъ, то онъ бросился къ его ногамъ, обнялъ его колѣни и разразился громкими рыданьями. Врачъ и Евфимій поспѣшили увести несчастнаго юношу, поведеніе котораго видимо усиливало тревожное состояніе Петра. Послѣ того больного раздѣли и уложили въ постель. Онъ попробовалъ было заявить, что не желаетъ этого, но языкъ у него уже отнялся и челюсти не раздвигались. Часъ спустя, живущіе во дворцѣ священники были предупреждены Евфиміемъ объ очень опасномъ положеніи епископа. Они собрались вокругъ его постели и, выслушавъ сообщеніе врача о томъ, что смерть епископа наступаетъ, принялись за торжественныя распоряженія, требуемыя обычаемъ по сану умирающаго. Зажжены были восковыя свѣчи, присутствующіе опустились на колѣни и Евфимій молитвеннымъ голосомъ началъ читать отходную. Петръ еще видѣлъ и слышалъ все, что происходило вокругъ него, но могъ только взглядомъ выразить свое негодованіе по поводу происходившаго. Когда ему скрестили на груди руки, онъ, хотя и тщетно, пытался отдернуть ихъ назадъ. Но, когда онъ, наконецъ, почувствовалъ, что холодъ уже проникъ къ нему въ грудь и приближается къ сердцу, онъ сосредоточилъ всѣ оставшіяся еще силы сознанія надъ мыслью о неизбѣжной близости смерти и о полномъ

безсилія воля задержать ее. Шутка судьбы, разумная ли она или нѣтъ, была уже дѣйствительностью. Она отняла у него ногу, уже поднятую для того, чтобы вступить на тронъ Петра, парализовала руку въ то время, когда въ ней уже собраны были бразды всего міра.

Еще нѣсколько только минутъ самосознанія, во время которыхъ воображеніе нарисовало передъ нимъ образъ Симона, представило пузырекъ, при помощи котораго онъ былъ приведенъ въ состояніе мертваго сна—еще одна мысль, горькая и ужасная мысль, вызванная именно этимъ представленіемъ, мысль о проискахъ его соперниковъ, объ ядѣ и объ освѣжительномъ напиткѣ—и не стало послѣдняго признака жизни. Петръ лежалъ, какъ трупъ, съ окоченѣлыми членами и потухшими глазами. Врачъ положилъ ему на сердце руку и объявилъ, что онъ мертвъ.

Евфимій нагнулся надъ покойникомъ и закрылъ ему глаза.

Два дня спустя, торжественное похоронное шествіе двигалось по направленію къ собору, въ склепахъ котораго хоронили homoiusian'скихъ епископовъ.

Евфимій пережилъ то время, когда homoiusion, вслѣдствіе императорскаго указа, признанъ былъ еретическимъ и богопротивнымъ ученіемъ. Евфимій не могъ спасти homoiusion, но зато, перейдя въ homousion, спасъ самого себя, послѣ чего—слѣдуетъ также упомянуть—онъ присоединился къ стремленіямъ своихъ новыхъ единовѣрцевъ огнемъ и мечомъ уничтожить послѣдователей его прежняго заблужденія.

Несчастный сынъ Хризанфа сдѣлался между прочимъ также жертвой усердія Евфимія.

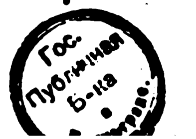
Бѣдный Клеменсъ былъ сумасшедшимъ и гвоздемъ его душевной болѣзни былъ именно homoiusion. Онъ не могъ быть обращенъ на путь истины; онъ долженъ былъ умереть.

Ѳеодоръ изъ Италіи переселился въ Африку. Ему удалось, подъ чужимъ именемъ и скинувъ съ себя священническое одѣяніе, избѣжать преслѣдованія, но онъ былъ всегда готовъ пожертвовать собой за послѣдователей «единства церкви и исповѣдыванія», потому что онъ жилъ и проповѣдывалъ до глубокой старости въ духѣ Христова благословенія и былъ однимъ изъ звеньевъ въ той цѣпи протестантовъ, которые появлялись въ разныя времена до событія, извѣстнаго подъ названіемъ реформаціи—авангардной битвы передъ наступающей великой борьбой между Христовымъ собраніемъ и угнетающей церковью.

Немного лѣтъ спустя послѣ смерти Хризанфа черезъ римскую имперію уже хлынули волны великаго переселенія народовъ и полчища варваровъ стояли передъ воротами Аѳинъ и Рима. Надъ міромъ распростерлась тысячелѣтняя ночь среднихъ вѣковъ. Наступилъ затѣмъ новый день. Античный міръ и христіанство взаимно прониклись другъ другомъ. Провозглашенныя ими истины слились въ одно гармоничное цѣлое и дѣло, за которое такъ упорно и безнадежно боролся послѣдній аѳинянинъ—политическая, религіозная свобода и свобода знанія—досихъ поръ еще имѣетъ своихъ борцовъ, но борьба ихъ уже не безнадежна, а клонится къ несомнѣнной побѣдѣ.

КОНЕЦЪ.

А. Тавастшерна.

ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

на ежедневную морскую, общественную и литературную газету

„КОТЛИНЪ“

изд. въ Кронштадтѣ (VI г. изд.).

...инственная въ Россіи морская ежедневная газета, посвятившая себя ознакомлен... ...скаго народа съ великимъ значеніемъ флота для самой Россіи и всей Европ... ...простраценію правильныхъ морскихъ свѣдѣній и развитію въ обществѣ любв... къ морскому дѣлу.

Въ газетѣ сотрудничаютъ извѣстные ученые и спеціалисты по всѣмъ отрасля... ...рского дѣла и техники.

Корреспонденціи изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи, изъ портовъ Тиха... ...сана, изъ Средиземнаго моря и Греціи и изъ нѣкоторыхъ столичныхъ и заво... ...ихъ городовъ Западной Европы и Америки.

Газета вполнѣ освѣдомлена о дѣятельности протоіерея о. Іоанна Ильича Сергіе... ...ронштадтскаго), который и самъ сотрудничаетъ помѣщеніемъ въ ней проповѣде...

...ъ перес. иногородн. на 1 годъ 7 р. 50 к. на полгода 4 р. на 3 мѣс. 2 р. 25 ...

Разсрочка: При подпискѣ 3 р. Мартъ 2 р. 50 к. Іюнь 2 р.

...одписка принимается въ Кронштадтѣ въ конторѣ газеты (Господская ул., въ С.-П... ...рбургѣ: въ конторѣ „Метцль и К°“, (Б. Морская, № 11) и во всѣхъ извѣстны... магазинахъ.

Ред.-изд. полковникъ *Е. П. Тверитиновъ*.

ПОДПИСКА на 1902 годъ на иллюстрированные журналы

„ПРИРОДА и ОХОТА“ и „ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА“

XXX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цирк. Гл. штаба Воен. Мин. рекоменд. по войскамъ. Учен. Комит. Мин. Нар. Прос... одобр. для фунд. библ.

Подписчики получаютъ 12 книгъ „Природы и Охоты“ и 50 №№ „Охотничьей Газеты“

Премія: „ЗВѢРИ РОССІИ“ —

обширный трудъ въ нѣсколько томовъ. проф. А. С. Степанова и худ. Бысотска...

съ „Альбомомъ звѣрей Россіи и охотъ на нихъ“,

Охотничій календарь Л. П. Сабанѣева.

На годъ съ перес. и дост. 15 р. на полгода 7 р. 50 к. за границу 20 р.

Разсрочка по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Москва, Пречистенка, д. Станицкой. Изд.-ред. Н. В. Туркинъ.

ПОДПИСКА на 1902 годъ на

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(XL ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Городскимъ: на годъ 7 руб. Иногороднимъ: на годъ 8 руб. Допускается разсроч... для годовыхъ подписчиковъ.

Подписка прин. въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, д. Онезорге; въ г. Вольс... у И. Ѳ. Волкова.

Ред.-изд. *П. О. Лебедевъ*. Издатель *И. П. Горизонтовъ*.

Digitized by Google

...И СЪ 1-ГО ЯНВАРЯ 1902 Г. НОВОЙ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ

...ССКІЙ ГОЛОСЪ",

...общественной, ученой, литературной и экономической, съ обширною програмною и безъ предварительной цензуры.

...съ", подъ редакціею К. В. Трубникова, будетъ выходить въ Петербургѣ ...двухъ изданіяхъ. 1) въ большомъ объемѣ (14 руб.) съ особыми вечерними ...съ рисунками въ текстѣ и съ безплатными иллюстрированными приложе... ...маломъ объемѣ (4 руб.), съ рисунками въ текстѣ и съ воскресными иллю-стрированными выпусками.

...Голосъ" появится въ одинъ изъ своеобразныхъ моментовъ нашей тысячи... ...когда Россія, крѣпкая нарождающимися цивилизаціею и самосознаніемъ ...правъ и обязанностей, обнаруживаетъ пониженіе вершинъ публичной мысли, ...енной общественной дисциплины и иныхъ своихъ національныхъ силъ. ...цѣль „Русскаго Голоса"—содѣйствовать всѣми мѣрами развитію русскаго ...ственной культуры, до проявленія своихъ духовныхъ силъ съ вліяніемъ ...тальной міръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ наша новая газета будетъ, по преиму... ...ъ практическимъ, въ которомъ финансовые и экономическіе интересы, ...благосостоянія сельскаго населенія Имперіи, безъ различія народностей и ...ны занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

...дѣ на полный успѣхъ „Русскаго Голоса" и въ твердомъ упованіи на бла... ...ихъ читателей глядимъ впередъ мы безъ боязни, такъ какъ неуклонно и ...узіазмомъ послѣдуемъ за свѣтлымъ, жизнерадостнымъ міровоззрѣніемъ тѣхъ. ...жественный Учитель говорилъ: Вы—соль земли! Вы—свѣтъ міру!

Программа газеты „РУССКІЙ ГОЛОСЪ".

...ящія статьи по разнымъ вопросамъ. II. Телеграммы отъ собственныхъ корреспон... ...и и за границею, равно изъ разныхъ телеграфныхъ агентствъ. III. Статьи и извѣ... ...внутренней и международной политики, а также статьи научнаго и практическаго ...нымъ отраслямъ. IV. Обозрѣніе движенія русскаго и иностраннаго законодательствъ ...о управленія. V. Церковный отдѣлъ, духовная литература. VI. Историческіе, быто... ...ескіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей. VII. Статьи и извѣстія по ...ъ финансовой и экономической дѣятельности въ Россіи и за границей. VIII. Обо... ...государственной и общественной жизни. Хроника и разныя извѣстія. Некрологи. ...озрѣнія и корреспонденціи изъ Россіи и другихъ государствъ. Отчеты о засѣда... ...ъ обществъ русскихъ и заграничныхъ. X. Обзоръ текущей журналистики и замѣ... ...ій литературы русской и иностранной. Критическія статьи о вновь появившихся въ ...ела книгахъ и сочиненіяхъ. XI. Статьи и извѣстія по вопросамъ искусства; ново... ...ыки. XII. Изящная словесность—повѣсти, романы, разсказы, сцены, стихотворенія, ...ествія. XIII. Судебная хроника русская и иностранная; судебныя рѣшенія и ихъ ... Статьи и извѣстія о движеніи повсемѣстно въ Россіи и заграницей промышленно... ...зяйства, торговли, горнаго дѣла и торговаго мореходства. XV. Статьи и извѣстія ...скихъ и иностранныхъ акціонерныхъ компаній и разныхъ видовъ товариществъ. ...извѣстія внутреннія и заграничныя; ярмарки; урожаи. XVII. Рисунки историческіе ...тствующіе содержанію статей. Портреты замѣчательныхъ дѣятелей. XVIII. Спортъ. ...отдѣлъ. XX. Казенныя и частныя объявленія.

...ія подписки на 1902 годъ на ежедневную газету „Русскій Голосъ".

...ная цѣна на первое (*большое*) изданіе газеты „Русскій Голосъ" съ *вечерними* ...иллюстрированными приложеніями: безъ доставки на годъ **14 р.**, съ доставк. по ...годъ **16 р.**, съ перес. иногороднимъ на годъ **17 р.** и заграницу на годъ **28 руб.** ...допускается для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для дру... ...соглашенію съ конторою.

...ная цѣна на второе (*малое*) изданіе газеты „Русскій Голосъ" съ воскре... ...ованными выпусками, — съ доставкою на домъ или пересылкой иногороднимъ: на ...полгода 2 р. и на 3 мѣсяца 1 руб. За границу на годъ 8 руб.

...КА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ газеты „Русскій ...дина 54.

Изданія при типографіи

Исидора Гольдберга.

С.-Петербургъ, Екатерин. кан., 94. ✱ Тел. № 1079.

	Руб.	Коп.
„СПРАВОЧНЫЙ СЛОВАРЬ ороографическій, этимологическій и толковый, русскаго литературнаго языка“ *А. Н. Чудинова*, 6 выпусковъ	6	—
„Краткая энциклопедія знаній“ въ примѣненіи *къ дому, семьѣ и школѣ*. *П. П. Андреева*, 2 тома	1	50
„ПАРОВЫЯ МАШИНЫ съ большою скоростью поршней“ проф. *Г. Радингера*.	5	—
„МАШИНЫ для ПЕРЕМѢЩЕНІЯ ГРУЗОВЪ, Прессы, Аккумуляторы“ Инж.-Мех. *Пехана* . .	6	—
„Устройство основаній и фундаментовъ“ *Л. Бреннеке*, Переводъ съ послѣдняго дополненнаго нѣмецкаго изданія. Съ 885 рисунками.	5	—
„Электрическая тяга“ *Эрнеста Жерара*, ок. 650 стр., *съ 567 рис* Переводъ проф. электротехн. инст. *М. А. Шателена*.	6	—
„ЖЕНЩИНА, ея права и обязанности“. Настольн. книга для каждой семьи. Воспитаніе, дѣт. и женск. болѣз., домашнее хозяйство и т. п. Подъ редакціей *Н. Р. Г.*	2	50
„Казаки въ Абиссиніи“ *П. Н. Краснова*, больш. томъ въ изящномъ переплетѣ на роскошной бумагѣ	3	—
„Ваграмъ“ *его-же*. Очерки и разсказы *изъ военной жизни* . .	1	—
„Донцы“ *его-же*. Разсказы изъ казачьей жизни. Роскошное изданіе съ иллюстраціями.	1	—
„Евгеній Онѣгинъ“ *А. С. Пушкина. Роскошн. иллюстр. изданіе.*		
Въ изящ. переплетѣ	1	25
На веленевой бумагѣ	2	—
„О безсмертіи души“, *„Опытъ изслѣдованія о жизни“* Армана Сабатье, декана Парижскаго факультета. Перев. съ французск.	1	25
„Положеніе и правила о ЗЕМСКИХЪ участковыхъ начальникахъ, городскихъ судьяхъ и волостномъ судѣ“. Сост. *Н. И. Арефа*, 4-е дополненное изданіе. 2 тома .	4	—
„Уставъ Государственнаго Банка“. Высочайше утвер-		

	Руб.	Коп.
„Общій Уставъ Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ и 683 ст. X т. ч. 1 Свода законовъ гражданскихъ съ разъясненіями *Сената*“ Составилъ *Х. Ф. Штюрцваге,* завѣдующій столомъ желѣзнодорожныхъ исковъ въ Сенатѣ	3	—
„Гербовый Уставъ въ Алфавитномъ порядкѣ *со всѣми разъясненіями.*“ Съ приложеніемъ оффиц. текста устава и всѣхъ инструкцій М-ва Финанс., мнѣніями Госуд. Сов., касс. рѣшен., циркул. и т д. Изд. 3 Сост. *Х. Абрамовичъ.* Спб. 1902 г.	2	—
„Практическое руководство для составленія дѣловыхъ бумагъ“ Образцы и формы актовъ, договоровъ, контрактовъ, обязательствъ, прошеній и жалобъ на постановленія сословныхъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій съ разъясненіемъ порядка и срока подачи жалобъ. Бумаги въ лѣсохранит. комитетъ, бумаги по залогу недвижимыхъ имуществъ въ кред. учрежд. сост. *Х. Абрамовичъ.* Спб.	1	—
„Торговля и Торговая Политика“. Соч. проф. *Брогта.* Перев. съ нѣм подъ редакц. *Е. Н. Рагозина*	3	—
„Желѣзо и Уголь на Югѣ Россіи“, *Е. Н. Рагозинъ.* Съ 23 политипаж., картой, діаграммой и вѣдомостями. . . .	3	—
„ПРОТЕКЦІОНИЗМЪ или Теорія Происхожденія Богатства отъ непроизводит. труда.“ Проф. *В. Г. Сомнера* .	1	—
„Капиталъ“ *Х. Марксъ.* Критика политической экономіи. *Процессъ производства капитала.* Полный перев. д-ра математики *В. Д. Любимова*	2	50
„Животныя“ *Л. Шелгунова. Съ 276 хромол.*	1	75
„Растенія и Минералы“. *Съ 270 хромол.*	1	75
„Бесѣды съ дѣтьми о природѣ“. *А. Беклей.* Перев. Съ англійскаго *Д. А. Коропчевскаго.* Изд. 2-е	—	60
„Сказки Топеліуса“. Перев. со шведскаго. Больш. томъ, со многими рисунками въ текстѣ, 254 стр.	1	—
„Сказки Музеуса“ 2 т. *Съ 8-ю хромолит.* Каждый по . .	1	30
„Двигательныя силы народнаго хозяйства“ проф. *Карла Рейнгольда,* въ 4-хъ част., по 10 лист. каждая	4	—
„Приключенія Якова Вѣрнаго“ *Х. Марріетъ.* Переводъ *Л. Шелгуновой, съ 6 хромолит.*	—	60
„Робинзонъ и Робинзона“ *Р. Маэля.* Съ 25 рисунк. . .	1	30
„Среди льдовъ и во мракѣ ночи“ *Фритіофа Нансена. Со мног. рис.* Переводъ маг. физ. *Г. Ковалевскаго.*	1	—
То же на велленевой бумагѣ.	1	50
„Открытіе клада короля Соломона“ *Р. Гаггарда.* Сцены изъ жизни южной Африки. Съ англ., *со мног. рисунками* .	1	—
„Опредѣленіе пола потомства“ *проф. д-ра Л. Шенка.*		

Отъ конторы редакціи

Покорнѣйше просимъ всѣ изданія, обмѣнивающіяся съ нами объявленіями, взамѣнъ уже разосланнаго объявленія напечатать нижеслѣдующее:

Ред.-изд. С. Сухонинъ.

При этомъ нумерѣ разсылаются каталоги изданій Брокгаузъ-Ефронъ и П. П. Сойкина.

Widener Library
3 2044 099 709 735